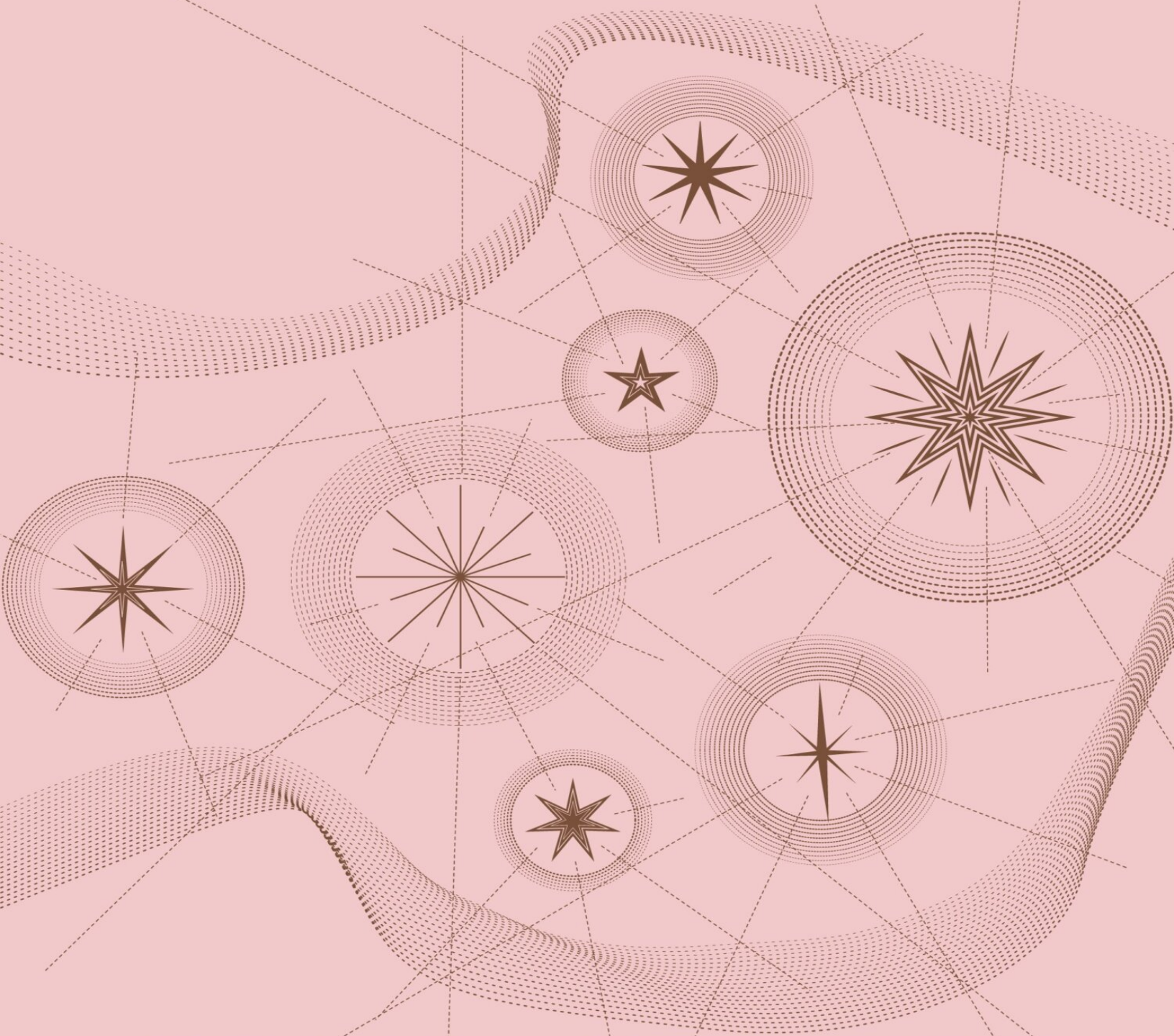

Люсинда Райли

Путешествие к центру земли и в глубины себя

СЕМЬ СЕСТЕР

★ СЕСТРА ЖЕМЧУГА ★

Annotation

Путешествие, предпринятое Сиси, одной из шести приемных сестер Делеси, в попытке найти свои истинные корни, – новое непредсказуемое приключение, очередная деталь в загадке о Семи сестрах.

Сиси – замкнутая девушка, которая, ко всему прочему, внешне заметно отличается от остальных сестер. Кто она? Что у нее за необычные черты лица? Какая кровь течет в ее жилах? И что за подсознательная тяга у нее к искусству?

Проучившись несколько месяцев в Лондонской академии искусств, Сиси бросает учебу, понимая, что ей не стать своей в мире европейской богемы. А значит, пора отправляться на поиски нового мира. Того, которому она принадлежит по праву рождения.

Сиси, как и ее сестры, последует за подсказками любимого приемного отца Па Солта. Но так далеко загадки Па Солта еще никого не заводили.

-
- [Люсинда Райли](#)
 -
 - [Часть I](#)
 -
 - [Сиси](#)
 -
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [Китти](#)
 -
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)

- [10](#)
- [Сиси](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
- [Китти](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
- [Брум, Западная Австралия](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
- [Часть II](#)
 - [Сиси](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [Китти](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [Брум](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [Никогда-никогда](#)
 - [26](#)
 - [Сиси](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [Китти](#)

- - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [Сиси](#)
 -
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
 - [36](#)
 - [Тигги](#)
 -
 - [37](#)
 - [От автора](#)
 - [Благодарность](#)
-

Люсинда Райли

Семь сестер. Сестра жемчуга

*Посвящается отцу и дочери – Ричарду
и Фелисити Теммет*

© Красневская З., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство
«ЭКСМО», 2021

Часть I

Все путешествия начинаются *одинаково* – с *первого шага*

Действующие лица романа

АТЛАНТИС

Па Солт (Папа-Соль) – *приемный отец сестер (умер)*

Марина (Ма) – *гувернантка сестер*

Клавдия – *экономка*

Георг Гофман – *нотариус Па Солта*

Кристиан – *шкипер, капитан катера*

СЕСТРЫ ДЕПЛЕСИ

Плеяды

(Получили свои имена в честь семи звезд, входящих в созвездие

Плеяды)

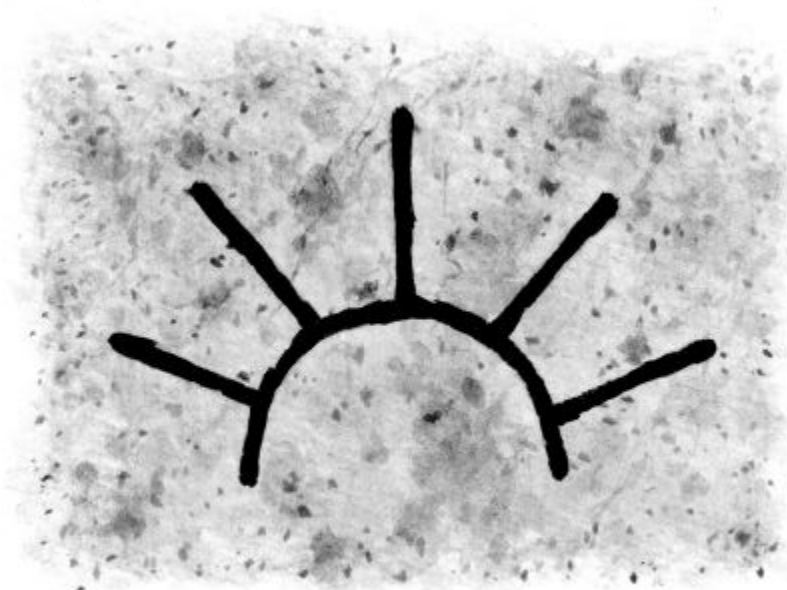
Майя

Алли (Альциона)

Стар (Астеропа)

Сиси (Келено)
Тигги (Тайгета)
Электра
Меропа (отсутствует)

Декабрь 2007 года

Древний знак аборигенов, обозначающий путь человека

1

«Я точно помню, где находилась и чем занималась в тот самый момент, когда мне сообщили о смерти отца», – неожиданно для себя подумала я, глянув в окно иллюминатора, за которым чернела крошечная ночь. Время от времени внизу проносились небольшие скопления мерцающих огней, указывающих на то, что где-то там, далеко подо мною, теплится человеческая жизнь. Каждый такой отдельный огонек – это ведь чей-то дом, семья, круг друзей...

Ничего этого у меня больше нет.

Такое впечатление, будто я смотрю на мир, перевернутый вверх тормашками. А огни, мелькающие под крылом самолета, словно факсимиле тех звезд, что светят сейчас высоко в небе. Почему-то мне

вдруг вспомнилось, как один из моих преподавателей в академии живописи сказал однажды, что я рисую так, будто не могу разглядеть, что находится передо мной. И он был прав. Я действительно не могла разглядеть. И действительно ничего не видела. Ведь я всегда рисовала то, что *видела своим внутренним зрением*, а не то, что было передо мной наяву. Иногда все эти образы, возникающие в моем сознании, были совершенно бесформенные, не напоминающие собой ни людей, ни животных, ни минералы. И тем не менее они были столь притягательными и яркими, что я всегда подчинялась своему спонтанному порыву запечатлеть их на полотне. Или сотворить какую-то композицию.

Типа инсталляции. Вон сколько всякого хлама насобираала я на лондонских свалках и притащила все это в студию, оборудованную в новой квартире. А сколько месяцев я потратила на то, чтобы мысленно прикинуть, как все эти мои находки будут сочетаться друг с другом в очередной композиции! Ведь любая инсталляция чем-то похожа на гигантский кубик Рубика, только составленный бог знает из чего. Тут тебе и старая консервная банка, пропахшая прогорклым маслом, и полуистлевшее соломенное чучело Гая Фокса, известного героя Порохового заговора. А рядом – пришедшая в полную негодность автомобильная крышка и покрытая ржавчиной железная мотыга. Однако я продолжала упорно тасовать эти предметы, примеряя и прилаживая их друг к другу, и была вполне счастлива, занимаясь этим. Но, как это часто у меня бывает, появляется последний, и самый жизненно важный компонент будущей композиции, и инсталляция летит ко всем чертям. Начинать сначала.

Я прижалась разгоряченным лбом к прохладному плексигласу, которым были застеклены иллюминаторы в салоне авиалайнера. Подумать только. Какая-то тонюсенькая пластинка из органического стекла защищает меня и всех остальных пассажиров на борту от удушья и неминуемой смерти в случае разгерметизации.

«Мы все так уязвимы, так беззащитны...»

«Нет, Сиси! – тут же строго приказала я себе, чувствуя, как внутри нарастает паника. – Ты справишься и без нее. Ты сумеешь».

Мысли мои снова переключались на Па Солта. Впрочем, если вспомнить, что я панически боюсь летать самолетами, думать сейчас о смерти, неважно о чьей, – в этом есть даже что-то успокаивающее, как

ни странно. Предположим, случится худшее: наш самолет внезапно рухнет с небес на землю и все мы погибнем. Но разве не утешает то, что есть по крайней мере хоть один человек, который ждет меня по ту сторону бытия. Ведь он уже совершил свое паломничество в страну смерти, причем совершил его в полном одиночестве. Хотя, с другой стороны, все мы умираем в одиночестве, разве не так?

Помню, я как раз натягивала на себя джинсы, когда мне позвонила моя младшая сестра Тигги и сообщила, что Па Солт умер. Кажется, в первый момент я даже не врубилась, не поняла, что она такое говорит. Все, о чем я могла думать в ту минуту, так это – как рассказать Стар. Она ведь просто обожала отца. Я уже заранее знала, что новость убьет ее.

«Но ты ведь тоже обожала Па Солта, Сиси...»

Обожала. Но у меня в жизни есть вполне конкретная роль – защищать и оберегать свою столь эмоционально ранимую сестру. Хотя она на целых три месяца старше меня. У Стар всегда были проблемы с речью, а потому я с раннего детства привыкла говорить за нас обоих. Пришлось взять себя в руки и не давать воли чувствам. Я застегнула джинсы и потащила в гостиную, чтобы сообщить сестре страшную новость.

Она, по своему обыкновению, ничего не сказала, лишь разрыдалась, упав мне на руки. А я отчаянно боролась со своими слезами, понимая, что в такой момент не имею права плакать. Все ради нее, ради Стар. Я должна быть сильной. Ведь я же нужна ей.

«По крайней мере, была нужна тогда...»

– Мадам, что вам угодно?

На меня пахнуло духами с большим содержанием мускуса, словно обдало сладковатой волной. Я подняла глаза: надо мной услужливо склонилась стюардесса.

– Нет, ничего не надо. Спасибо.

– Вы нажали на кнопку вызова, – промолвила она вызывающе громким шепотом, выразительно кивнув в сторону остальных пассажиров, которые крепко спали. Да и чему удивляться? В Лондоне сейчас только четыре часа утра.

– Простите. Должно быть, случайно, – прошептала я в ответ виноватым тоном и тут же отдернула свой локоть от кнопки вызова. Наверное, незаметно для себя нажала и зря потревожила стюардессу.

Как это похоже на меня. Девушка приняла мои объяснения молча, лишь слегка кивнув. А я вдруг вспомнила, что точно так же когда-то мне кивнула учительница в школе, увидев, что я творю утреннюю молитву с открытыми глазами. Шурша шелками, стюардесса удалилась к себе в служебный отсек. Я слегка пошевелилась в кресле, пытаюсь удобнее устроиться, и снова закрыла глаза. Хочу быть похожей на остальных пассажиров. Почти четыреста душ, сумевших побороть свой страх. Наплевать им на то, что они несутся сейчас высоко над землей в какой-то алюминиевой трубе. И не паникуют же, а мирно спят. Ну а я, как обычно, выпадаю из их сообщества. Я ведь не такая, как они, и мне никогда не стать частью толпы. Никакой.

Конечно, можно было бы купить билет и в бизнес-класс. Кое-какие деньги у меня еще остались. Впрочем, денег не так уж и много, чтобы тратить их на какие-то лишние сантиметры свободного места в салоне самолета. Почти все мои денежки уплыли на приобретение шикарной квартиры в Лондоне на берегу Темзы для нас со Стар. Я думала, что приобретаю для нее тот самый настоящий дом, о котором она всегда мечтала. Считала, что делаю ее счастливой. *«Не получилось...»*

И вот я снова, как и год назад, лечу в Таиланд, на другой конец света. Правда, тогда рядом со мной была сестра, и мы тоже летели экономклассом. Зато сейчас я лечу без Стар, одна. И можно сказать, что я не стремлюсь к чему-то и куда-то, а, напротив, бегу прочь...

– Угодно ли вам завтрак, мадам?

Я открыла глаза. Состояние как после пьянки. В первую минуту даже не поняла, где я и что я. Подняла глаза. Та же самая стюардесса, что навевывалась ко мне ночью. Боковым зрением увидела, что в салоне уже светло, горит свет. Жалюзи на большинстве иллюминаторов раздвинуты, и сквозь них видны розовые всполохи наступающего дня.

– Нет, благодарю вас. Только кофе. Пожалуйста, черный, без сахара.

Она снова молча кивнула в ответ и удалилась. А я уже в который раз принялась корить себя. Почему я чувствую себя виноватой, когда прошу о какой-то мелкой услуге эту стюардессу? В конце концов, за все ведь заплачено.

– Куда направляетесь?

Я развернулась к своему соседу, которого до сих пор лицезрела только в профиль и видела только его нос, рот и прядь белокурых волос, выбившихся из-под черного капюшона. Но сейчас он тоже повернулся ко мне, явив свое лицо. На вид не больше восемнадцати. Одно слово, юнец! Вон на лбу и на подбородке еще видны следы подростковых прыщей. Рядом с этим мальчишкой я почувствовала себя полноценной пенсионеркой.

– В Бангкок, а дальше – в Австралию.

– Здорово! – восхитился он и тут же сосредоточился на своем порционном подносе с завтраком: какой-то несъедобного вида омлет, пережаренный кусок бекона и что-то длинное и розовое, позиционирующее себя как сосиску. – Туда я тоже намереваюсь попасть когда-нибудь. Но сейчас у меня на повестке дня Таиланд. Мне рассказывали, что тамошние вечеринки Полной луны – это что-то! Полнейший отпад!

– Так оно и есть. Они действительно великолепны.

– Вы на них бывали?

– Несколько раз, – ответила я. Вопрос молодого человека сразу же вызвал в моей памяти лавину воспоминаний.

– А что вы можете порекомендовать? Слышал, что самые лучшие вечеринки на острове Ко Фанган.

– О, я там не была уже целую вечность, но тоже наслышана, что у них это действо проходит сейчас просто грандиозно: народу собирается по несколько тысяч. Но лично я предпочитаю Рейли-Бич на острове Краби. Там, правда, прохладнее, чем в других местах, но это уж кому как нравится.

– Мне тоже рассказывали про Краби, – отозвался мой сосед, энергично двигая челюстями и пережевывая сосиску. – В Бангкоке встречаюсь со своими друзьями. В любом случае у нас еще есть в запасе пара недель до наступления полнолуния, чтобы решить, куда поехать потом. Вы тоже летите в Австралию к друзьям?

– Да, – солгала я.

– И решили сделать короткую остановку в Бангкоке?

– Да, на одну ночь.

Я уловила напряжение юноши, когда наш самолет пошел на посадку в аэропорту Суварнабхуми. Как всегда, все мы, пассажиры, получили от команды авиалайнера кучу всяческих строжайших указаний на случай непредвиденных обстоятельств. «*Но это же все понарошку, не всерьез*», – подумала я и закрыла глаза, пытаюсь унять учащенное сердцебиение. Если самолет сейчас рухнет на землю, то все мы мгновенно погибнем. И тогда какая разница, в каком именно положении находится в данную минуту мой откидной столик? Прямо он стоит или наклонно... Лучше бы проинструктировали свой персонал, как успокаивать нервы боязливым пассажирам, чтобы снять излишний стресс у особо чувствительных.

Но вот самолет плавно коснулся взлетной полосы, и я тут же, еще до объявления об этом во всеуслышание по громкоговорителю, почувствовала, что да! – мы уже на земле. Открыла глаза, испытывая самый настоящий триумф. Я смогла! Совершила дальний перелет одна и выжила. Осталась в живых для того, чтобы поведать миру свою историю. Стар наверняка бы гордилась мной... Если ее еще занимает моя персона.

Быстро прошла таможенный досмотр, подхватила свой багаж с ленты транспортера и зашагала к выходу.

– Желаю хорошо провести время в стране Оз под названием Австралия, – бросил на ходу мой сосед, обгоняя меня. – Приятель рассказывал, что в тамошних местах дикая природа словно *сошла с ума*. Говорит, пауки ползают размером с блюдце. Всего доброго. Надеюсь, до встречи!

Прощальный взмах рукой, и молодой человек растворяется в толпе. Я более медленным шагом тоже пробираюсь к выходу. На улице меня уже поджидает привычная стена из удушливо-влажного зноя. Сажусь на рейсовый автобус, курсирующий между аэропортом и городом, чтобы добраться до отеля, в котором зарезервировала себе номер на одну ночь. Обычная процедура оформления на ресепшн, и вот я уже в своей крохотной, стерильно чистой комнатке. Едва переступив порог, сбрасываю с плеч рюкзак и усаживаюсь на постель, прямо на белые простыни. Пожалуй, будь у меня собственный отель, я бы использовала в качестве постельных принадлежностей для своих

постояльцев исключительно темное белье. Цветные простыни не выдают пятна, оставшиеся на них от других человеческих тел. А на белых простынях, как ты их ни застирывавай и ни кипяти, эти следы все же заметны.

Впрочем, в этом мире столько всего, что откровенно озадачивает меня. Все эти правила и регламентации, придуманные кем-то когда-то давным-давно, совсем в другом месте и по другому поводу. Снимаю с ног походные ботики и откидываюсь на подушки. А ведь я могу сейчас быть где угодно, размышляю я уныло, и сама эта мысль не придает мне хорошего настроения. Под потолком негромко жужжит вентилятор, разгоняя духоту. Я закрываю глаза, пытаюсь заснуть. Но в голову лезут всякие противные мысли. Предположим, умри я прямо сейчас, и ни одна живая душа на всем белом свете не узнает, что меня больше нет.

Наконец-то до меня доходит, что такое настоящее одиночество. Грызет тебя изнутри, а в душе словно огромная пустая воронка. Отчаянно моргаю глазами, стряхивая с ресниц подступившие слезы. Я никогда не отличалась излишней слезливостью. Но на сей раз слезы упорно наворачиваются на глаза. С усилием расплющиваю отяжелевшие веки. Кажется, сейчас плотину прорвет.

«Ну и поплачь, Сиси. Поплачь, тебе сразу же полегчает...» – слышу я ласковый голос Ма, звучащий в моей голове. Так она успокаивала меня когда-то в Атлантиде, когда я еще ребенком свалилась с дерева и растянула связки на ноге. Но тогда я не заплакала. Вот еще! Будто я рева-корова какая-то... Зато в кровь искусала губы, стараясь не разреветься от боли.

– Да, Ма – вот она расстроится, если со мной что случится, – пробормотала я несчастным голосом и протянула руку за мобильником. Сейчас отобью ей эсэмэску, сообщу, где я и что со мной. Да, но если я сейчас включу мобильник и увижу там эсэмэску от Стар? Или, что еще хуже, никакой эсэмэски от нее не будет? Сама мысль об этом была нестерпима. Я понимала, что *не выдержу этого*. С силой отшвырнула от себя телефон и снова закрыла глаза. Нужно все же постараться уснуть. Но на сей раз перед моим мысленным взором вдруг возник Па Солт. Возник и явно не спешил никуда уходить.

«Сиси, очень важно, чтобы у вас со Стар, у каждой из вас, были свои друзья... Чтобы вы не довольствовались только обществом друг

друга...»

Такое пожелание отец высказал мне незадолго до того, как мы с сестрой отправились на учебу в университет в Сассексе. Помнится, я тогда даже обиделась на Па Солта. Зачем мне какие-то друзья? Мне никто *не нужен*, кроме Стар. И ей тоже никто не нужен. Во всяком случае, так мне казалось тогда. Зато сейчас...

В последнее время Стар со всей очевидностью дала мне понять, что ей надоело постоянно быть рядом со мной. Странно, но именно в эти последние недели я поймала себя на том, что очень часто мысленно беседую с Па Солтом. Его смерть до сих пор не могу воспринять как данность. У меня все время такое чувство, будто он где-то рядом, совсем близко от меня. Такое ни на что не похожее чувство. Хотя по своему характеру я полная противоположность своей младшей сестре Тигги со всеми ее чудаковатыми верованиями и бредовыми идеями о загробной жизни, тем не менее какая-то непонятная часть моей души вдруг тоже стала откликаться на подобные вещи... Я буквально нутром почувствовала, что там, за этой чертой, что-то есть. *И сны мои* в последнее время лишь подтверждали эту странную догадку. Они стали такими яркими, такими живыми и насыщенными. Просыпаясь по утрам, я размышляла о том, что мои сны стали похожи на красочный телевизионный сериал. И при этом я чувствовала себя вполне удовлетворенной. Потому что случались и другие ночи, когда меня по-прежнему преследовали кошмары. Особенно часто в этих кошмарах снились огромные пауки...

Я невольно содрогнулась, вспомнив слова своего юного соседа по самолету, которые он обронил, прощаясь со мной... Неужели правда? И в Австралии действительно водятся пауки размером с блюдце? Ужас!

– Ужас! – воскликнула я, вскочила с кровати, чтобы переключить мысли на что-то другое, и побежала в ванную ополоснуть лицо. Взглянула на собственное отражение в зеркале: покрасневшие от слез глаза, распухшее лицо, всклокоченные после долгого перелета жирные волосы, торчащие в разные стороны. Ни дать ни взять детеныш какого-нибудь дикого вепря.

Для меня никогда не имело значения, что Ма много раз твердила, какие у меня красивые глаза. И такой необычной формы... И цвет тоже необычный... Ну и что из того? Стар тоже часто повторяла, как ей

нравится гладить меня по лицу. Дескать, у меня такая нежная и гладкая кожа, которая напоминает ей масло какао. Но я-то отлично понимала: просто хотят казаться добренькими. Я же не слепая, в конце концов. И не уродина какая... И вообще, терпеть не могу, когда начинают обсуждать мою внешность. Хватит с меня и того, что все пять моих сестер красавицы. Могу позволить себе роскошь выпасть из их комплекта. И даже Электра, наша супермодель мирового уровня, даже она постоянно твердит, что я мало уделяю времени себе, ведь могла бы сотворить из себя что-то такое... А зачем? С какой стати я буду понапрасну тратить свои силы и время? Я ведь никогда не собиралась *быть красавицей*.

Зато я *могу творить* красоту. И даже сейчас, когда я, можно сказать, нахожусь на самом дне, тем не менее хорошо помню слова, которые как-то раз сказал мне Па Солт, когда я была младше.

«Моя дорогая Сиси, что бы с тобой ни случилось в этой жизни, помни, никто и никогда не сумеет отнять у тебя твой талант».

Тогда я восприняла слова отца как очередное *банальное утешение*. Наверное, именно так описала бы мою реакцию Стар. Просто отец решил таким образом компенсировать у меня нехватку других достоинств. Я некрасива, плохо учусь, не умею общаться с людьми. Однако в одном Па Солт ошибся. Да, люди не смогут отнять у меня талант, зато им под силу разрушить мою веру в себя своими уничижительными комментариями. Они могут учинить такой хаос в твоих мозгах, что ты сама не будешь знать, кто ты есть на самом деле и как именно тебе ублажить всех своих гонителей, не говоря уже о себе самой. Собственно, именно это и случилось со мной в академии искусства. Потому-то я ее и бросила.

«Зато сейчас точно знаю, в чем мое слабое место», – попыталась я утешить себя. Впрочем, по отзывам своих наставников, ни одна из тех композиций, которые я представляла на их суд в течение последних трех месяцев, не выдерживала никакой критики.

Все мои живописные работы разносились в пух и прах. Несмотря на уничижительную критику, одно я *знала* совершенно определенно: если я потеряю сейчас веру в свой талант, то зачем мне жить? Ведь это единственное, что у меня осталось.

Я снова вернулась в комнату и улеглась на кровать, желая лишь одного. Поскорее бы закончились эти бесконечно долгие часы

одинокости. О, как я сейчас понимаю всех этих стариков, днями напролет просиживавших на скамейках в парке Баттерси, которых я встречала, что ни день, по пути в академию и из нее. Они торчали в парке, даже если на улице стоял мороз. Потому что им важно было убедиться в том, что они не одни на этом свете, что на планете Земля пока еще обитают и другие люди.

В конце концов я все же заснула. Ночью мне приснился кошмар с пауками. Я проснулась от собственного крика и тут же зажала рот рукой. Какой-нибудь случайный жилец, оказавшись в коридоре, еще подумает, что меня тут убивают. Решив, что больше не смогу оставаться в этой безжизненной комнате одна, я быстро натянула на ноги ботинки, схватила фотокамеру и заторопилась к лифту, на первый этаж.

На улице постояльцев гостиницы терпеливо поджидала вереница такси. Я уселась на заднее сиденье одной из машин и попросила водителя отвезти меня к Большому королевскому дворцу. Что меня всегда забавляло в Бангкоке, да, пожалуй, и во всем Таиланде, так это повсеместное обилие обслуживающего персонала. В любом, даже самом крохотном магазинчике, куда ты заглянул, чтобы купить себе упаковку обычного арахиса, тебя тут же бросается обслуживать толпа народа: один сопровождает по залу, второй выбивает чек, третий укладывает твою покупку в пакет. Впрочем, труд здесь баснословно дешевый. Вот и старается каждый, как может. А со стороны похоже на какую-то шутку. Почему-то при этой мысли настроение у меня снова испортилось. Я вдруг подумала, уж не поэтому ли я так люблю путешествовать? Странствия по миру помогают увидеть порядок вещей в его, так сказать, перспективе.

Водитель высадил меня возле Большого дворца, и я тут же влилась в нескончаемый поток туристов. У многих вызывающе красные, обгоревшие на солнце плечи. Наверняка приехали сюда совсем недавно и из северных широт. Перед входом в храм Изумрудного Будды я сбросила с ног свои ботинки, оставив их на ступеньках крыльца вместе со шлепанцами, кроссовками и другой обувкой остальных туристов. Потом вошла в храм. По оценкам специалистов, Изумрудному Будде уже более пятисот лет. Это самая знаменитая статуя в Таиланде. Впрочем, по своим габаритам Изумрудный Будда гораздо меньше других статуй Будд, которые мне

довелось повидать, странствуя по свету. Почему-то яркая зелень нефрита, да и сами формы тела Изумрудного Будды вдруг напомнили мне такую ярко-зеленую ящерицу. Линии тела лились плавно, хотя, если приглядеться внимательнее, были не вполне безупречными. Впрочем, это не столь уж и важно. Все равно Изумрудный Будда очень красив.

Я уселась на коврик, скрестив ноги, наслаждаясь прохладой, царившей под сводами огромного храма, наполненного покоем и тишиной. Вокруг меня было полно молящихся. Наверное, подумала я, все эти люди, погрузившись в созерцание своих пупков, тоже предаются сейчас размышлениям о собственной жизни. Вообще-то я по натуре не религиозна, но если бы мне пришлось выбирать религию, то я, скорее всего, выбрала бы буддизм. Мне представляется, что буддизм всецело сосредоточен на силе природы. А лично для меня природа – это такое вечное чудо, которое творится, можно сказать, ежеминутно на твоих глазах.

Стар, помнится, часто повторяла, слушая мои разглагольствования на эту тему, особенно после просмотра какой-нибудь очередной телевизионной программы, посвященной защите окружающей среды, что мне со своими взглядами самое место в Партии зеленых. Да какая разница, в какой партии состоять? Будто мой голос что-то значит. Уж слишком я глупа, чтобы принимать меня всерьез. Но одно я знаю точно. Мы, люди, так небрежно относимся к нашей экосистеме, ко всему тому, что помогает нам жить, – к животным, растениям, морям и океанам.

– А если я что и обожествляю, так именно все это, природу вокруг себя, – прошептала я едва слышно, обращаясь к Будде. В конце концов, он ведь тоже сделан из земли, вытесан из минерала, пролежавшего в земле не одну тысячу лет. Наверняка ему понятен ход моих рассуждений.

Однако коль скоро я в храме, то надо сказать словечко и Па Солту. Ведь все церкви и храмы, по моему представлению, похожи на такие телефонные коммутаторы или современные интернет-кафе: обеспечивают нам линию доступа к небесам...

– Привет, папа. Мне так жаль, что ты ушел от нас. Горюю по тебе гораздо сильнее, чем предполагала. А еще очень жалею, что не прислушивалась в свое время ко всем твоим мудрым советам и

наставлениям. А надо было бы, да еще как! И вот, в итоге, чем я кончила? Надеюсь, тебе там, где ты сейчас есть, хорошо, – добавила я поспешно. – Но все равно мне грустно от того, что тебя нет рядом.

Я поднялась с коврика, почувствовав комок в горле. Слезы снова на подходе. Чтобы – не дай бог! – не расплакаться, заторопилась к выходу. Вышла на улицу и оглянулась назад.

– Помоги мне, папа, пожалуйста, – прошептала я, обращаясь к отцу.

Потом купила бутылку воды у уличного лоточника и направилась к реке Чао Прайя. Долго стояла у кромки воды, наблюдая за оживленным движением всевозможных плавучих средств по реке. Буксиры, моторные лодки, широкие баржи с натянутыми сверху тентами из черного брезента – все заняты своей привычной ежедневной работой. А что, если и мне сейчас воспользоваться каким-нибудь пассажирским паромом и отправиться на речную прогулку? Дешево, а главное – все лучше, чем торчать в своем убогом гостиничном номере неподалеку от аэропорта.

Когда наше судно двинулось вниз по реке, я принялась разглядывать высоченные небоскребы сплошь из стекла, между ними уютно примостились позолоченные храмы. Смотрится красиво, я бы даже сказала, элегантно. Извлекла из сумки свою старенькую, проверенную временем фотокамеру «Никон». Папа подарил этот фотоаппарат на мое шестнадцатилетие. Вручая подарок, сказал: «Теперь ты, дорогая, сможешь запечатлеть на фотопленку все, что будет вдохновлять тебя». Щелкнула, сделав пару кадров. Стар всегда приставала ко мне, требуя, чтобы я перешла на более современные цифровые технологии в области фотографии. Но я и цифровые технологии – две вещи несовместные. Нет уж! Лучше я буду фотографировать старым дедовским способом.

Возле отеля «Ориенталь» я сошла с парома. Прогулялась по улице рядом с отелем. Вспомнила, как однажды угощала Стар в знаменитой Писательской гостиной отеля ранним ужином с чаем и закусками. Конечно, мы, в своих джинсах и майках, явно выделялись среди других посетителей ресторана, облаченных преимущественно в вечерние наряды, как и положено к ужину, но уже более позднему, девятичасовому. Стар проторчала уйму времени в библиотеке, разглядывая бесчисленные фотографии с автографами тех писателей,

которые когда-то останавливались в отеле «Ориенталь» в так называемом «писательском крыле». Интересно, подумалось мне, напишет ли Стар когда-нибудь *собственный* роман? У нее ведь настоящий талант: она умеет красиво облекать свои мысли в слова, а потом так же гладко излагать их на бумаге. Впрочем, сейчас все это меня уже не касается. У сестры появилась новая семья. Я вспомнила, каким блеском горели ее глаза, когда, вернувшись домой несколько недель тому назад, застала в нашей квартире гостя, который представился – «Мышь». Он тоже смотрел на Стар с обожанием, я бы даже сказала, с щенячьим восторгом.

Я уселась за столик на тротуаре в уличном кафе и заказала суп с лапшой и бокал пива. Такой жест отчаяния, потому что мои отношения с алкоголем всегда складывались весьма напряженно. Но с учетом того, как мерзко у меня сейчас на душе, вряд ли бокал пива способен испортить еще больше и без того дрянное настроение. Ела лапшу и предавалась своим невеселым мыслям. Нет, меня задело за живое вовсе не то, что у Стар появилась новая работа, а следом и ухажер. Вовсе не это. Обидело другое... Как медленно и как болезненно она дистанцировалась от меня все последнее время. Может, она решила, что я стану ревновать, что я хочу всецело владеть ею? Но это же неправда! Я люблю Стар больше всего на свете и больше всего на свете желаю видеть ее счастливой. Не такая уж я дурочка, право, чтобы не понимать, что при такой внешности, как у моей сестры, при ее уме в один прекрасный день рядом с ней обязательно должен будет появиться мужчина.

«Но ты повела себя с ним откровенно грубо, когда он возник в вашей квартире», – тут же напомнила мне моя совесть. Ну да, так оно и было. Мне категорически не понравилось его присутствие в моем доме, и, как всегда, я не сумела скрыть своих истинных чувств.

А все же пиво подействовало на меня благотворно, боль слегка притупилась. Я расплатилась с официантом, поднялась со своего места и бесцельно побрела вдоль улицы, потом свернула в узенький переулок, туда, где шумел уличный базар. Миновав несколько лотков, задержалась возле художника, рисующего акварели. Его небрежная поза, в которой он застыл, сидя у мольберта, вдруг напомнила мне о тех вечерах, которые я тоже проводила за мольбертом на пляже Рейли-Бич острова Краби. Я тогда повсюду таскалась с альбомом для

рисования и красками, стараясь не упустить момент и запечатлеть на бумаге красоту солнечного заката. Закрыв глаза, я внезапно почувствовала, как меня охватывает умиротворение. Такое же, как и год тому назад, когда мы посещали остров вместе со Стар. И сейчас мне до боли в сердце захотелось снова испытать подобное состояние.

Я повернула к реке. На набережной, опершись о балюстраду, предалась раздумьям. А что, если я сейчас поломаю свой первоначальный план? И вместо того чтобы лететь напрямик в Австралию, направлюсь в то самое место, где была так счастлива? Я ведь неплохо знаю народ, который тусуется на Рейли-Бич. И они меня тоже знают. Наверняка обрадуются моему появлению, встретят как свою. Ведь многие из тех, кто туда приезжает, тоже пытаются убежать от каких-то своих проблем. Вот такое это диковинное место, Рейли-Бич. Тем более что единственная причина, по которой я сейчас тащусь в эту самую Австралию, кишущую пауками, – это мой разговор с Георгом Гофманом, папиным нотариусом. Это он выдал мне такое направление, когда мы встречались с ним в последний раз в Женеве. Вот я и ухватилась за его идею. Есть куда ехать, а главное – подальше от Лондона. Так может, вместо того, чтобы снова впихнуться в эту трубу под названием «самолет» и лететь еще целых двенадцать часов туда, где я никого не знаю, лучше вольготно раскинуться на пляже в Рейли-Бич и потягивать холодное пиво уже завтра вечером? Каких-то пару недель ничего ведь не изменят в моих дальнейших планах, разве не так? К тому же скоро Рождество. А всегда приятнее встречать этот праздник в таком месте, которое тебе хорошо известно, которое ты любишь...

Впервые за долгое время я почувствовала нечто похожее на радостное предчувствие от того, что намеревалась сделать. Уже кое-что! Чтобы это ощущение не испарилось бесследно, я тут же поймала первое подвернувшееся такси и помчалась в аэропорт. В зале ожидания направилась напрямик к билетным кассам. Объяснила кассирше, что хотела бы отложить свой полет в Австралию на какое-то время. Женщина принялась выстукивать что-то на клавиатуре компьютера. Спустя пару минут сообщила, что такое переоформление билетов обойдется мне приблизительно в четыреста батов. Совсем немного в сложившейся ситуации.

– У вас билет с открытой датой вылета. На какое число вы хотите перерегистрировать его? – поинтересовалась у меня кассирша.

– Наверное, сразу после Рождества.

– На все послерождественские рейсы свободных мест нет. Ближайший рейс – восьмого января.

– Хорошо, – согласилась я, внутренне обрадовавшись тому, что у меня появился веский предлог задержаться на Краби подольше. В конце концов, я же не виновата, что нет свободных мест. После чего занялась оформлением билета на авиарейс из Бангкока на Краби и обратно. Улетаю туда завтра рано утром.

Уладив все формальности, я снова вернулась к себе в номер, приняла душ, почистила зубы и улеглась в кровать, чувствуя себя гораздо спокойнее, чем накануне. Если бы мои сестры узнали, что я сейчас творю, то наверняка бы сказали: «Сиси снова в своем репертуаре и опять чудит». Но мне все равно, что они там подумали бы и что сказали бы.

Подобно раненому зверю, я собираюсь укрыться в своей норе и начать зализывать раны.

2

Рейли-Бич выгодно отличается то, что он расположен на полуострове и добраться туда можно только по воде. Мы со Стар много путешествовали и побывали в самых экзотических уголках земли, и все же, когда, сидя на деревянных скамьях в длинной узконосой лодке, бесшумно и на большой скорости рассекавшей лазурную гладь моря, мы вдруг увидели, как на берегу взметнулись ввысь до самых небес белоснежные утесы из известняка, – это было зрелище поистине необыкновенной красоты. Пожалуй, входит в первую пятерку самых восхитительных и волнующих моментов, которые мне пришлось пережить.

Но вот лодка приблизилась к берегу, я увидела канаты, натянутые к каждой скале. Множество людей, похожих в своих ярких, пестрых шортах на разноцветных муравьев, карабкались по этим канатам вверх, штурмуя вершины скал. Едва я сбросила с плеч рюкзак и выпрыгнула из лодки, как почувствовала, что по всему телу побежали мурашки. Я уже предвкушала, как тоже брошусь на штурм вершин.

Ноги у меня короткие, зато сильные и проворные. Скалолазание – это именно то занятие, где я чувствую себя на своем месте. Впрочем, такой талант едва ли пригодится, если живешь в центре Лондона, да еще собираешься стать художником. Зато здесь, на острове Краби, мои умениягодились, да еще как. И снова я подумала о том, как по-разному проявляются наши умения и способности, в зависимости от того, где именно мы находимся в данный момент своего бытия. Воистину, от этого во многом зависит, останутся ли наши достоинства достоинствами или превратятся в недостатки. К примеру, в школе я была законченной тупицей, а Стар, напротив, в буквальном смысле этого слова, была *суперстар*. Зато на Краби она тут же ушла в тень. Целыми днями просиживала на пляже с книжкой в руке, в то время как я с упоением предавалась всем видам активного досуга, которыми можно было заниматься, находясь на полуострове. Помню, Ма однажды заметила, что моя стихия – это именно *необъятные просторы*. Неудивительно, что очень скоро я стала в нашей коммуне отдыхающих более известной личностью, чем Стар.

Вода вокруг меня поражала разнообразием цветов и красок: ярко-бирюзовая на солнце, она вдруг становилась в тени прибрежных скал насыщенного темно-зеленого цвета. На мелководье я выбралась из лодки и побрела напрямик по воде в сторону берега: впереди призывно белела полоска песчаного пляжа, окаймленная огромными колоннами из белого известняка. Кое-где скалы были разбавлены пальмами, а между ними притаились деревянные хижины, в которых располагались многочисленные здешние отели и бары. Из какого-то бара долетали успокаивающие звуки регги.

Я прошла по горячему белоснежному песку в сторону отеля «Рейли-Бич», в котором мы со Стар останавливались в прошлом году. На веранде напрямик направилась к стойке ресепшн и, навалившись на нее всем телом, приготовилась вести разговор с администратором.

– Здравствуйте, – поприветствовала я молодую таянку, которая была мне не знакома. – У вас есть свободная комната на ближайшие несколько недель?

Молодая женщина внимательно изучила меня, потом взяла свой гроссбух и стала перелистывать страницы, осторожно водя пальцем по каждой записи. Окончив просмотр, отрицательно покачала головой.

– Скоро Рождество. Все номера уже забронированы. Можно поселиться только до двадцать первого декабря.

– Хорошо. Тогда, пожалуйста, поселите меня до двадцать первого декабря включительно, – согласилась я, не став привередничать.

Внезапно кто-то хлопнул меня по спине.

– Сиси, это ты?

Я повернулась и увидела перед собой Джека. Высоченного роста австралиец, сплошные мускулы и бицепсы. Ему, кстати, принадлежит этот отель, а еще он руководит местной школой, где обучают скалолазанию. Школа располагается прямо на пляже, здесь неподалеку, за углом.

– Да, это я. Привет, – улыбнулась я в ответ. – Вот заселяюсь в твой отель, но только на ближайшие пару недель, а потом меня грозят выставить вон. Оказывается, ты уже полностью укомплектован к Рождеству.

– Не переживай, дорогуша моя! Для тебя мы всегда отыщем какую-нибудь каморку или чуланчик. Ты с сестрой приехала?

– Нет, на сей раз я приехала одна.

– Надолго?

– Думаю задержаться и после Нового года на пару деньков.

– Отлично! Если захочешь помочь мне в школе, Си, поучить, так сказать, новобранцев скалолазанию, дай только знать. Я мигом все организую. В эту пору у нас всегда запарка: от желающих отбоя нет.

– С удовольствием помогу. Спасибо за предложение, – тут же согласилась я.

– Заполните, пожалуйста, анкету, – обратилась ко мне таянка.

– Не надо никаких анкет, Нами, – перебил ее Джек. – Сиси останавливалась здесь вместе с сестрой в прошлом году. Так что у нас есть все ее данные. Пойдем, я покажу тебе твою комнату.

– Спасибо.

Джек подхватил мой рюкзак, и в этот момент я уловила крайне недоброжелательный взгляд, которым одарила меня администраторша.

– А потом куда путь держишь? – по-приятельски поинтересовался у меня Джек, когда мы вместе с ним зашагали по длинному деревянному проходу, по обе стороны которого за довольно обшарпанными дверями расположились гостиничные номера.

– В Австралию, – ответила я, когда мы с ним остановились возле комнаты номер двадцать один, в самом дальнем углу коридора. Комнатка соседствовала с генераторной. Не радовал и вид снаружи: прямо впритык к дверям примостились два огромных мусорных бака на колесиках.

– А, значит, ко мне на родину летишь. Куда именно?

– На северо-западное побережье.

– О, там в это время года стоит просто зверская жара.

– Я на жару не реагирую, – бодро ответила я, открывая дверной замок.

– Что ж, тогда устраивайся. Не буду тебе мешать. Увидимся попозже. – Джек взмахнул рукой и удалился.

Комнатка оказалась совсем крохотной. Воздух влажный, спертый, отчаянно пахло отбросами, и тем не менее я почти с радостью опустила свой рюкзак на пол, впервые за многие недели почувствовав себя в своей тарелке. Так приятно очутиться среди людей, которые тебя знают. Помнится, в прошлом году мне понравилась подработка в школе скалолазания у Джека: я проверяла крепость канатов и хорошо ли они натянуты, а также помогала новобранцам правильно застегивать крепления. Мы тогда со Стар оказались на мели, практически без денег, а Джек пошел нам навстречу и списал с нас какую-то часть долга за проживание в его отеле. Интересно, как бы он отреагировал сейчас, если бы я сказала ему, что больше не нуждаюсь ни в какой работе, потому что я миллионерша. На бумаге, во всяком случае...

Я дернула за обтрепанный шнур, чтобы включить вентилятор, прикрепленный к потолку. Со второй или с третьей попытки у меня получилось: поскрипывая и постанывая, вентилятор стал вращаться, понемногу разгоняя воздух. Но никакого дуновения ветерка я так и не почувствовала. Одна пародия на прохладу. Я разделась, нацепила на себя бикини и саронг, который купила себе здесь же в прошлом году, и поспешила покинуть комнату, направившись на пляж. Какое-то время просто сидела на песке и не без иронии размышляла над тем, что здесь, в этом «краю», как называют многие Рейли-Бич, в тысячу раз более шумно, чем в центре Лондона рядом с Темзой, где я сейчас живу. Бесчисленные лодки, плоскодонки, скоростные катера и яхты носятся по всему заливу, как заведенные. Посидев какое-то время, я поднялась

с песка и пошла окунуться в море. Отплыв подальше от берега, перевернулась на спину. Вода – сплошная благодать! Я глянула на небо и возблагодарила Господа, или Будду, или того Всевышнего, которого нужно благодарить за то, что Он дал мне возможность снова очутиться на острове Краби. Впервые за многие месяцы я почувствовала себя дома.

Ночью я не пошла в гостиницу, а устроилась на ночлег прямо на пляже. Я и раньше так часто поступала. Правда, прихватывала с собой надувную подушку для большего удобства, а также толстовку с капюшоном и платье-халат. Его на Востоке именуют кафтаном. Помнится, Стар всегда приходила в ужас от этих моих выходов, говорила, что я точно спятила. «Тебя же до смерти искушают москиты!» – кричала она мне вслед, когда я выплывала из комнаты со своими спальными принадлежностями. Но, странное дело, лежа на берегу под открытым небом, усыпанным звездами, с луной, льющей свет с высоты, я чувствовала себя в полной безопасности. Крыша мироздания всегда казалась мне более надежной защитой, чем любая рукотворная крыша.

Я проснулась от того, что что-то слегка пощекотало мое лицо. Подняла голову: мимо меня прошагали огромные мужские ноги, направляясь к воде. Наверное, песчинки, выбившись из-под его ступней, попали мне на лицо. Я отряхнула песок и глянула на море. Пляж в это время был еще совершенно пуст. На горизонте занимался рассвет, и первые, еще робкие, всполохи света уже озарили небо. Раздосадованная тем, что меня разбудили в такую несусветную рань, я принялась наблюдать за мужчиной. Бородатый, длинные черные волосы, схваченные на затылке в конский хвост, выбиваются из-под натянутой на лоб бейсболки. Вот мужчина приблизился к самому берегу, уселся на песок, прижав колени к груди и обхватив их обеими руками. Я перевернулась на другой бок, намереваясь снова заснуть: самое лучшее время для сна у меня между четырьмя и десятью часами утра. Но тело категорически отказывалось повиноваться, да и сознание уже работало четко и ясно. Я приподнялась с песка и уселась точно в

такую же позу, как и мужчина, и стала вместе с ним наблюдать за тем, как восходит солнце.

Хоть я и обшарила полмира, успев побывать в самых экзотических местах, как раз рассветы мне приходилось наблюдать нечасто. Не мое это время суток. Неповторимые в своей красоте нежнейшие оттенки зарева, окрасившего небо, мгновенно напомнили мне полотна Тернера. Только в реальной жизни все было гораздо красивее и величественнее.

Но вот из-за горизонта показалось солнце, мужчина немедленно поднялся со своего места и побрел вдоль пляжа. Вскоре послышалось негромкое пыхтение лодки вдалеке. Верный признак того, что рабочий день уже начался. Я тоже встала, намереваясь отправиться к себе в номер и поспать еще немного, пока пляж не заполнится отдыхающими, а также приезжающими и отъезжающими пассажирами. *«А все же, – подумала я, отпирая дверь своей комнаты и укладываясь на кровать, – хорошо, что меня разбудили и я увидела, как поднимается солнце. Зрелище того стоило».*

Как и всегда, когда я оказывалась на Краби, время в здешних местах летело незаметно. Я приняла предложение Джека и стала ассистировать ему на занятиях в школе скалолазания. А еще всерьез увлеклась подводным плаванием с аквалангом, плавала вдоль побережья среди тигровых рыб и рифовых акул с черными плавниками, которые, шныряя между коралловых рифов, едва достаивали меня своим взглядом.

Закаты встречала на пляже, лежа на коврикe и болтая с другими обитателями пляжа под песни Боба Марли, доносящиеся из близлежащего бара. Приятно удивило то, что многие отдыхающие на Рейли-Бич помнят меня еще по прошлому году. Расходились по своим номерам уже тогда, когда становилось окончательно темно. Некоторые, впрочем, тут же устремлялись в бар, намереваясь приложиться к спиртному по максимуму. Я же, как правило, возвращалась к себе. Но ничего вызывающе демонстративного в моем поведении не было. Да, я

покидала компанию, это правда. Но ведь могла бы, при желании, в любой момент вернуться и снова присоединиться к ним.

А еще меня очень взбудрило то, что я наконец собралась с духом и на следующий день после приезда на Краби включила свой мобильник. Первое, что бросилось в глаза, – это обилие эсэмэсок от Стар. Текст везде был приблизительно одинаковый. **«Где ты? Я волнуюсь, куда ты пропала? Пожалуйста, перезвони мне!»** Поступило и множество звонков от нее. Стар оставила еще и кучу речевых сообщений, и все о том же: как ей жаль, что все так вышло, и как она сейчас переживает о случившемся. Мне потребовалось какое-то время, чтобы ответить ей, и не только из-за моей дислексии или из-за того, что функция исправления ошибок в моем телефоне практически отсутствовала, что делало меня еще беспомощнее. Нет, не поэтому. Просто я не знала, что ей сказать.

В конце концов я нацарапала коротенькую эсэмэску: сообщила, что со мной все в порядке. Повинилась за то, что не смогла выйти на связь раньше, потому что была в дороге. Что частично было правдой. Стар откликнулась немедленно. Написала, что она счастлива, что со мной все в порядке. Поинтересовалась, где я сейчас. И снова, уже в который раз, стала просить у меня прощения. Что-то внутри меня сопротивлялось. Я не хотела сообщать сестре точные координаты своего местонахождения. Было в этом что-то детское, да. Но, с другой стороны, у меня впервые в жизни появился свой секрет, в том числе и от нее. В конце концов, Стар ведь тоже в последнее время много чего от меня утаила.

То, что промелькнули две недели, мне стало понятно лишь тогда, когда Нами, молодая таянка с ресепшн, которая, впрочем, вела себя со мной так, будто являлась владелицей отеля, напомнила, что уже сегодня к полудню я должна освободить номер.

– Вот черт! – выругалась я под нос, отходя от стойки администратора и понимая, что все утро мне придется бездарно убито на поиски нового места жительства.

Через пару часов я снова вернулась в отель. Все мои усилия оказались безрезультатными. Напрасно я прочесала вдоль и поперек все побережье Рейли-Бич, пытаюсь найти себе пристанище хотя бы на одну ночь. Наверное, в эту минуту я со стороны напоминала Деву Марию, прибывшую на своем ослике в Вифлеем и тоже искавшую вместе с Иосифом крышу над головой. Но крыши для беременной Богородицы тогда не нашлось, как и для меня сейчас. В отеле меня уже поджидала Нами, недовольно сверкая глазами.

– Горничная просит, чтобы вы немедленно освободили комнату. В два часа дня туда должен заселиться новый постоялец.

– Сейчас освобожу, – миролюбиво ответила я, хотя меня очень подмывало сказать этой неприветливой девчонке, что при желании я могла бы с легкостью зарезервировать номер люкс в пятизвездочном отеле «Рейвади». Которого, естественно, нет, поскольку я уже там побывала и все проверила самолично. Я наспех затолкала все свои пожитки в рюкзак и оставила ключ от комнаты на столе. Ничего страшного, успокоила я себя. *«Придется провести несколько ночей на пляже под звездами, а там, глядишь, и Рождество закончится».*

Вечером, отужинав рисовой лапшой пад тай, самым популярным блюдом в тайландской кухне, я уже на выходе из бара столкнулась с Джеком. Он шел в обнимку с Нами, что сразу же прояснило причину неприязненного отношения девушки ко мне.

– Ну, ты нашла себе жилье? – поинтересовался он у меня.

– Пока еще нет. Нынешнюю ночь собираюсь провести на пляже.

– Послушай, Си! Ступай спать в мою комнату. Никаких проблем, честное слово. Не сомневаюсь, на каких-то пару ночей я без труда отыщу себе другое пристанище. – Он уткнулся носом в гладкое плечико своей спутницы.

– Ладно! Спасибо, Джек, – согласилась я без промедления. Я и так выбилась из сил, полдня прошатавшись по пляжу, таская за собой рюкзак, словно Священную чашу Грааля, чтобы – не дай бог! – его не украли. И все это время мучительно прикидывала, где бы мне вечером принять душ, чтобы смыть с кожи соль и песок. В конце концов, *даже мне* не чужды какие-то элементарные удобства.

Джек порылся в кармане, извлек оттуда ключ и вручил его мне. Я перехватила крайне неодобрительный взгляд Нами, которым она одарила меня в этот момент. Следуя указаниям Джека, я поднялась по

лестнице рядом с ресепшн на один пролет выше и отперла дверь в комнату. На меня пахнуло запахом грязных носков, к нему примешивалась еще и отдушка, которую источали влажные полотенца. Но в целом комната впечатляла. Хотя бы уже потому, что из окон открывался самый лучший вид на океан. Но и это было еще не все: в комнате имелся узкий деревянный балкон, который соорудили прямо на крыше веранды, расположенной ниже.

На всякий случай я заперла дверь на ключ. А вдруг Джек напьется и забудет, что одолжил мне на время свою комнату? После чего побежала принимать душ. Душевая тоже была гораздо больше, чем в обычных номерах. Да и форсунки гораздо мощнее, чем в моей прежней комнате, где из разбрызгивателя едва капало. Приняв душ, я нацепила на себя чистую майку и шорты и вышла на балкон.

Рядом с созвездием Пояс Ориона я отыскала и наше созвездие Плеяды – Семь сестер. Когда отец впервые показал в телескоп мою звезду, то я была заметно разочарована, и он тотчас же понял это. Моя звезда была самой тусклой и невзрачной из всех семи звезд. Да и мифологическая история, повествующая о звезде Келено, тоже была какая-то куца и неинтересная. В детстве же мне всегда хотелось быть самой яркой, самой крупной звездой, с происхождением которой связана самая захватывающая история.

«Сиси, – помнится, сказал мне Па Солт, взяв меня за руки, – ты явилась в этот мир, чтобы написать свою собственную историю. И я знаю, ты сможешь сделать это».

Уставившись на созвездие Плеяды, я снова вспомнила о письме папы, которое он написал незадолго до своей смерти. Письмо вручил мне его нотариус Георг Гофман спустя несколько дней после кончины Па Солта.

Стар категорически отказалась вскрывать свое письмо немедленно. Я же, напротив, сгорала от нетерпения, так мне хотелось побыстрее прочитать все то, что написал мне отец. Я тут же отправилась в сад, вскарабкалась на старый раскидистый бук, тот самый, с которого я свалилась когда-то в детстве, и устроилась на одной из его ветвей. Среди густой листвы величественного дерева я чувствовала себя в полной безопасности: никто меня тут не видит и никто не найдет. Я часто сживала в своем тайном убежище, предаваясь собственным мыслям, а если меня вдруг обидели, то и

просто для того, чтобы немного подуться на своих обидчиков и пожалеть себя, любимую. Удобно расположившись на широком суку, я вскрыла конверт с отцовским письмом.

*Атлантис
Женевское озеро
Швейцария
Моя дорогая Сиси!*

Знаю, чтение этого письма дастся тебе нелегко. Но, пожалуйста, прошу тебя, запасись терпением и дочитай его до конца. Скорее всего, ты не станешь плакать над письмом, ведь ты же привыкла держать все свои эмоции внутри себя. И тем не менее мне известно, как глубоко и остро ты все переживаешь.

Уверен, тебе и впредь нужно оставаться сильной ради Стар. Несмотря на то что вы с ней оказались в Атлантисе почти одновременно, с разницей где-то в полгода, ты с самого раннего детства всегда выступала защитницей своей сестры. Это красиво смотрелось со стороны. Ты умеешь любить сильно и безоглядно, как и я. А потому прими небольшой совет от человека, который понимает, что это такое – любить так, как любим мы с тобой. Постарайся сделать так, чтобы твоя любовь не стала препятствием для тебя же самой. Не бойся отпустить от себя сестру, когда наступит такой момент: ваша духовная и сердечная связь незыблема, и ничто не в силах поколебать ее. Верь в крепость этих уз.

Ты уже, наверное, видела армиллярную сферу, которую я установил в саду для всех вас, моих девочек. Под каждым из ваших имен указаны соответствующие координаты, которые помогут вам узнать, где именно я нашел каждую из вас. Возле каждого имени размещено изречение. Надеюсь, ты правильно истолкуешь то изречение, которое посвящено тебе. Очень на это надеюсь!

А еще самым настоящим образом прошу тебя поскорее встретиться с моим дорогим другом и нотариусом Георгом Гофманом. Пожалуйста, не откладывай визит к

нему на потом, тем более что тебя ждут очень хорошие новости. Их тебе сообщит Георг. Одновременно это станет хорошей ниточкой, связующей тебя с твоим прошлым, если ты все же решишь заняться такими поисками и выяснить больше подробностей о своей настоящей семье. Словом, если ты рискнешь сделать такой шаг, то вот тебе еще одна подсказка: постарайся как можно больше узнать о женищине по имени Китти Мерсер, которая жила когда-то в городе Бруме в северо-западной части штата Западная Австралия. Именно с нее и начинается твоя история.

Знаю, ты часто как бы пребываешь в тени своих сестер. А потому важно, чтобы ты не растеряла веру в саму себя. Твой талант художника поистине уникален: ты рисуешь так, как подсказывает твое воображение. Все, что тебе надо, – это верить в свои силы и в свой талант, и тогда ты взлетишь высоко-высоко, в чем я ни минуты не сомневаюсь.

И наконец, последнее. Хочу, чтобы ты знала, как крепко я люблю тебя, моя сильная, целеустремленная первопроходица и искательница приключений. Вот и не прекращай никогда своих поисков, Сиси. Эти поиски не только даруют тебе вдохновение, но и принесут мир в твою душу. Молю, чтобы этот миг не заставил себя долго ждать.

Па Солт

В одном отец оказался абсолютно прав: у меня на чтение письма ушел почти час, пока я разобрала каждое слово. Зато он оказался не прав в другом: я читала, с трудом сдерживая слезы. Помню, я долго сидела на дереве, пока у меня не занемела спина, а по ногам не побежали мурашки. Тогда я кое-как сползла вниз.

«По милости Божьей, я та, кто я есть», – вспомнила я цитату, выгравированную на армиллярной сфере возле моего имени. Что ж, признаюсь честно, и тогда, в первый момент, когда я прочитала это изречение, и сейчас я *понятия не имею*, кто же я есть на самом деле.

Так что папино напутствие не столько вдохновляет меня, сколько расстраивает.

На следующий день я вместе со Стар отправилась с визитом к Георгу Гофману в его женеvский офис. Гофман настоял на том, чтобы Стар осталась в приемной, а мы с ним побеседовали наедине. Вот тогда он и сообщил мне о моем наследстве и вручил конверт, в котором лежала черно-белая фотография какого-то старика. Он был сфотографирован рядом с мальчиком-подростком возле небольшого грузовичка-пикапа.

– Я должна знать их? – спросила я у нотариуса.

– К великому сожалению, не имею понятия, дорогая Келено, – ответил мне Гофман. – Эта фотография была приложена к документам на перевод средств на ваше имя. Но без какого-либо сопроводительного письма. Указан только адрес нотариуса, который перевел деньги из Австралии на ваш счет.

Вначале я хотела показать эту фотографию Стар. Может, у нее возникнут какие дельные мысли на сей счет? Но потом решила повременить до тех пор, пока она соберется с духом и прочитает письмо отца, адресованное ей. Не стала я и пересказывать ей содержание своего разговора с Георгом Гофманом. Подожду, пока она расскажет мне о том, что же написал ей Па Солт. Но когда Стар наконец *прочитала* письмо отца, она ничего не рассказала мне. Тогда и я не стала торопиться. Получается, что Стар до сих пор понятия не имеет, откуда у меня вдруг взялись такие большие деньги, чтобы купить квартиру в Лондоне. И о фотографии она тоже ничего не знает.

«А ведь когда-то ты делилась со мной всем...»

Я уперлась подбородком в сплетение рук и слегка свесилась с балкона, чувствуя, как на меня снова нападает сильнейший приступ хандры. «Безнадега» – так мы с сестрой обычно называли наше настроение, когда чувствовали себя хуже некуда. Боковым зрением я заметила одинокую фигуру, стоящую у кромки моря рядом со скалами. Какой-то мужчина, задрав голову, созерцал луну. Насколько я могла судить на расстоянии, тот же самый мужчина, который пару недель тому назад разбудил меня рано утром на пляже. Но с тех пор он не попадался мне на глаза, а ведь народу на Рейли-Бич не так уж и много. Вот я и решила, что он, скорее всего, уже уехал. Оказывается,

нет. И вот он снова в полном одиночестве торчит на берегу посреди ночи. Может, он просто избегает людей, не хочет, чтобы его видели...

Какое-то время я пристально наблюдала за ним. Хотелось проследить, куда он потом пойдет. Но мужчина все стоял и стоял, застыв в одной позе. В конце концов мне надоело следить за ним. Я вернулась в комнату, легла на кровать и постаралась заснуть. Кто бы он ни был, мелькнула у меня последняя мысль перед тем, как я погрузилась в сон, а он – *и я это знаю точно* – так же одинок, как и я сама.

3

Рождественский сочельник совпал на сей раз с фазой полнолуния. Луна в этот праздничный вечер казалась просто огромной. Я же, по привычке, занялась в сочельник тем, чем мы со Стар и другими нашими сестрами всегда занимались в ночь накануне Рождества. Вглядывалась в ночное небо, пытаюсь разглядеть на нем самую яркую, сверкающую Вифлеемскую звезду, которую наш отец называл «волшебной звездой Вифлеема». Однажды с помощью Алли я отыскала эту звезду через *Google*. Оказалось, что так называют известную всем Полярную звезду. В Швейцарии Полярную звезду можно, при желании, разглядеть на небе в любое время года, а вот здесь, на Краби, я ее так и не смогла сегодня обнаружить. Потом вспомнила, что *Google* тогда еще сообщил мне, что чем дальше мы продвигаемся на юг, тем труднее отыскать на небосклоне Полярную звезду. Я снова задрала голову к небу и сокрушенно вздохнула. Как жаль, что мы уже не дети. Сейчас до любой истины можно докопаться, нажав на соответствующую клавишу компьютера.

Однако сегодня, твердо решила я про себя, я *буду верить* в чудо несмотря ни на что. Выхватила глазом самую яркую звезду на ночном небе и стала вспоминать Атлантис. В странах с буддистской культурой Рождество не празднуется. Однако Таиланд, с учетом огромного наплыва иностранных туристов со всего света, все же пытается хоть как-то отметить это событие. Повсюду развешиваются разноцветные гирлянды из фольги, яркие баннеры, расцвеченные блестками. Все это хоть как-то поднимает настроение гостям.

Ближе к полуночи я покинула бар, где сделалось уже очень шумно, и направилась к скалам, чтобы полюбоваться оттуда красочной картиной полнолуния. Подошла ближе и увидела, что все тот же таинственный незнакомец притаился в тени скал. Снова один, и снова глубокой ночью. В первый момент я почувствовала всплеск раздражения: мне тоже хотелось побыть одной, полюбоваться полнолунием в полном одиночестве. Но раз так, то я круто развернулась и побрела прочь. Отойдя от мужчины на значительное расстояние, я снова остановилась, подняла голову к небу и мысленно обратилась к своей сестре.

– С Рождеством тебя, Стар. Надеюсь, ты встречаешь его весело и у тебя все хорошо. Я очень скучаю по тебе, – прошептала я, глядя на небеса. Потом послала коротенькое пожелание, адресованное Па Солту. После чего заговорила с Ма. Наверняка она переживает уход Па Солта так же сильно, как и все мы, его дочери. Затем я мысленно поздравила всех своих сестер. Даже Электру поцеловала, хотя уж кто-кто, а она так точно никаких поцелуев от меня не заслуживает. Эгоистка! К тому же прижимистая... И вообще, испорченная до крайности... Но Рождество есть Рождество. В этот праздник обиды друг на друга не таят. Я повернулась, чтобы идти назад. Ноги были слегка ватные и плохо слушались меня. Все же сегодня в баре в меня влили пива намного больше, чем следовало бы.

Проходя мимо таинственного незнакомца, я слегка пошатнулась, но пара крепких рук тут же подхватила меня и не позволила упасть.

– Спасибо, – виновато промямлила я. – Вот нечаянно... споткнулась в темноте о какой-то камень.

– Все в порядке.

Мужчина опустил руки, и я взглянула на него, можно сказать, в упор. Судя по всему, он недавно плавал, потому что его длинные волосы не были стянуты в хвост, а рассыпались влажными по плечам. Волосатая грудь – таких мужчин мы со Стар обзывали между собой «медведями». Хотя сложения явно неатлетического. Густые черные волосы тянулись до самого пупка и ниже, прячась в шортах. Ноги тоже мохнатые.

Я перевела взгляд на его лицо. Острые скулы резко выступают из-под густой черной бороды. Губы полные и неожиданно, должно быть по контрасту с бородой, ярко-розовые. А когда я наконец осмелела

настолько, что заглянула в его глаза, то невольно восхитилась их бездонной голубизной. Поразительно красивые глаза!

Однако про себя я решила, что он очень напоминает мне оборотня. Такой Человек-волк. Тем более и обстановка соответствующая: полнолуние во всей его силе. Рядом с этим высоким костлявым человеком я сразу же почувствовала себя ничтожным карликом, пигмеем.

– С Рождеством вас, – обронил он.

– И вас тоже, – откликнулась я.

– Мы уже с вами встречались, не так ли? – заметил он вскользь. – По-моему, вы та самая девушка, которую я нечаянно разбудил рано утром на пляже.

– Вполне возможно. Я часто ночую на пляже, – ответила я уклончиво, слегка пожав плечами и невольно поеживаясь под пронзительным взглядом его голубых глаз, которым он уставился на меня.

– Не сумели заполучить номер в гостинице?

– Нет, у меня есть комната. Просто люблю спать на открытом воздухе.

– Ну еще бы! Все эти звезды над головой... бесконечность Вселенной... Заставляет о многом задуматься и сопоставить все вещи в их перспективе, так сказать. Я прав? – Мужчина подавил тяжелый вздох.

– Да, вы правы. А вы где остановились?

– Да здесь, неподалеку. – Он неопределенно махнул рукой в сторону скалы за своей спиной. – А вы?

– Вон там. – Я жестом показала на отель «Рейли-Бич». – Во всяком случае, мои вещи ночуют там, – добавила я. – Всего доброго.

Я повернулась и направилась в сторону отеля, изо всех сил стараясь идти ровно, не пошатываясь. Что было отнюдь не просто: ступать по песку, да еще с двумя объемными кружками пива в желудке. Но я брела кое-как, все время чувствуя на себе взгляд Человека-волка. Доковыляла до веранды и только тут, оказавшись на свету, позволила себе метнуть взгляд в его сторону. Он *все еще буравил* меня глазами. Я прихватила из холодильника пару бутылок воды и потащила наверх, в комнату Джека. С трудом вставила ключ в замочную скважину, открыла дверь и сразу же поспешила на балкон в надежде проследить

за тем, куда отправится Человек-волк. Но мужчина уже исчез, растворившись в сумраке ночи.

Что, если он подждал, пока я усну на пляже? А потом он лишит меня чувств, вопьется своими ядовитыми клыками прямо мне в шею... И я не смогу даже закричать, пока он будет сосать мою кровь...

«Сиси, ты перепутала оборотней с вампирами», – попеняла я сама себе, издав короткий смешок. После чего откупорила бутылку с водой и осушила ее до самого дна, одновременно досадуя на саму себя: мое тщедушное тело не может справиться даже с двумя кружками пива. Пошатываясь, доплелась до кровати и повалилась на постель. Закрыла глаза, чувствуя, как кружится голова. Но постепенно сон сморил меня, и я отключилась.

Само Рождество до боли напоминало то, которое мы со Стар встречали здесь же год тому назад. Столы на веранде сдвинули вместе и устроили такой общий обед для всех постояльцев с обилием жареного и других традиционных рождественских блюд, как будто можно при тридцатичетырехградусной жаре воспроизвести суть рождественского застолья.

Объевшись сытной и тяжелой европейской пищей, я после обеда пошла искупнуться, чтобы привести себя немного в норму. Было уже почти три часа пополудни, время, когда в Англии народ еще только-только просыпается. Наверняка Стар встречала Рождество вместе со своей новой семьей в Кенте. Я вышла из воды и отряхнулась по-собачьи. Вокруг было полно отдыхающих. Многие парами лежали на песке или предавались ленивой послеобеденной дреме. Первое за двадцать семь лет моей жизни Рождество, которое я провожу отдельно от Стар. Что ж, если тот таинственный незнакомец – Человек-волк, тогда я сейчас – одинокая волчица. Но ничего не поделаешь. Надо привыкать к своему новому положению.

Вечером того же дня я уселась в уголке веранды и стала слушать музыку по своему айпаду. Преимущественно тяжелый рок. Его сокрушительный ритм и громкий звук всегда поднимает мне

настроение, когда я чувствую себя плохо. Кто-то тронул меня за плечо. Я повернулась и увидела стоящего рядом Джека.

– Привет, – поздоровалась я с ним, доставая из ушей наушники.

– Привет. Купить тебе кружку пива?

– Нет, спасибо. Хватит с меня вчерашнего. – Я изобразила на лице смешную гримасу, хотя, впрочем, вчера Джек был так пьян, что едва ли обратил внимание на то, в каком состоянии пребывала я сама.

– Послушай, Си. Дело в том, что... одним словом... – Джек придвинул стул и сел рядом со мной. – Дело в том, что мы с Нами... разбежались. Понятия не имею, что я сделал не так. Но сегодня в четыре утра она согнала меня с кровати и выставила вон из своей комнаты. А утром даже не явилась на работу, чтобы помочь с рождественским обедом. Так что, скорее всего, и вечером она не встретит меня с распростертыми объятиями. Ты же знаешь, каково это – иметь дело с женщиной.

«Между прочим, я тоже женщина. Или ты забыл?» – хотелось мне сказать, но я промолчала.

– Так вот, проблема... Мне некуда податься... Если не возражаешь, предлагаю переночевать сегодняшнюю ночь в одной постели, вместе со мной.

«Еще как возражаю!» – ответила я мысленно, а вслух сказала:

– Никаких проблем, Джек. Если ты позволишь мне оставить рюкзак с вещами у тебя в комнате, то я отлично перекантуюсь и на пляже. Ты же знаешь, я вообще люблю спать на берегу моря.

– Ты это серьезно?

– Вполне.

– Прости, Си, что так получилось. Что-то я совсем расклеился. Все эти предрождественские хлопоты... Да и вообще, в последние дни у меня было навалом работы.

– Все нормально, Джек. Не переживай. Сейчас я поднимусь наверх, возьму кое-что из вещей, и комната всецело в твоём распоряжении.

– Завтра мы тебя где-нибудь пристроим. Обязательно! – крикнул он вслед, пока я поднималась по лестнице. Нет уж! Лучше спать на пляже, чем делить комнату с мужчиной, которого я едва знаю и который наверняка будет храпеть всю ночь как оглашенный. От такого соседства в любую минуту могут *возобновиться* мои ночные кошмары.

Я собрала кое-что из постельных принадлежностей, остальные вещи снова запихала в рюкзак. Завтра надо будет всерьез заняться поисками постоянного жилья. Ведь у меня впереди еще целых две недели, прежде чем я отправлюсь в Австралию.

На пляже я устроила импровизированную постель под кустом, потом, поддавшись неожиданному порыву, выудила из кармана своих шорт мобильник и позвонила в Атлантис.

– Алло? – услышала я в трубке после пары гудков.

– Привет, Ма. Это Сиси. Хочу поздравить тебя и Клавдию с Рождеством и пожелать вам всего самого доброго.

– Сиси! Это ты? Ах, как же я счастлива услышать твой голосок! Стар сказала мне, что ты уехала. Где ты сейчас?

Ма всегда разговаривала с нами, сестрами, по-французски, поэтому мне потребовалась пара секунд, чтобы переключить свои мозги на французский и уже потом ответить ей.

– Ну, ты же знаешь, Ма. Как всегда, торчу на пляже. Рисую понемногу.

– Все верно. Я была уверена, что надолго ты в Лондоне не удержишься.

– Правда?

– Да, милая. Чистая правда. Ты же у нас свободолюбивая девочка. В душе ты – бродяга и странник.

– Это правда. Люблю бродить по свету.

После этих слов я, кажется, полюбила Ма еще больше, если такое возможно. Вот человек! Никогда никого не осудит, не покрикует. Всегда была надежной опорой всем нам, ее девочкам.

На другом конце линии послышался натужный мужской кашель.

– А кто это там у тебя? – спросила я с подозрением в голосе.

– Здесь? Никого. Только Клавдия и Кристиан, – ответила Ма.

Иными словами, все постоянные обитатели Атлантиса.

– Знаешь, Ма, может, это покажется тебе чудачеством, но, когда три недели тому назад я улетала из лондонского аэропорта, мне показалось, нет, я даже уверена в том, что увидела в толпе пассажиров папу. Я ехала на эскалаторе, а он шел в противоположную сторону. Я попыталась догнать его, но не успела. Он ушел. Понимаю, звучит глупо, и все же я до сих пор уверена, что это был именно он.

– Ах, милая моя. – Я услышала протяжный вздох на другом конце линии. – Ты не первая, кто рассказывает мне подобные вещи. Твоим сестрам тоже мерещилось нечто подобное. Вот и Алли была уверена, что слышала его голос. А Стар убеждала меня, что видела его... Вполне возможно, вы и правда видели его. Только не в действительности. Во всяком случае, не в том реальном мире, к которому мы все привыкли.

– То есть ты полагаешь, что нам явился дух Па Солта? Что мы видели привидение? – Я издала короткий смешок в трубку.

– Нет, я думаю другое. Просто мы все так страстно хотим *поверить в то*, что мы действительно видим его, что на помощь спешит уже наше воображение. Оно, наверное, и воссоздает его образ будто наяву. Мне самой постоянно мерещится, что я вижу его здесь, в Атлантике. – Внезапно в голосе Ма прорвалась такая неприкрытая тоска. – Ужасно тяжелый год выдался для всех нас. Невероятно тяжелый... С тобой все в порядке, Сиси?

– Ты же знаешь меня, Ма. За всю свою жизнь я не болела ни единого дня.

– Ты счастлива?

– Вполне. Мне хорошо. А тебе?

– Я очень тоскую по вашему отцу. И по вам, девочки, очень скучаю. Клавдия шлет тебе привет и свои наилучшие пожелания.

– И ей тоже передай, что я желаю ей всего самого хорошего и что я люблю ее. Ладно, Ма! Здесь у нас время уже очень позднее. А потому я прощаюсь с тобой и отправляюсь спать.

– Будь со мной на связи, Сиси, ладно?

– Буду. Обещаю. Спокойной ночи.

– И тебе доброй ночи, милая. И с наступающим Новым годом тебя.

Я снова положила мобильник в карман шорт, потом обхватила руками свои колени и положила на них голову. Как, должно быть, тоскливо сейчас Ма, подумала я. Встречать Рождество одной в пустом доме. Ведь как ни крути, а у всех нас, ее девочек, есть какая-то надежда... Будущее, к которому следует стремиться. Во всяком случае, следует *постараться* и устремиться вперед. Ведь впереди у каждой из нас еще целая жизнь, особенно в сравнении с тем небольшим отрезком времени, который мы уже прожили. У Ма все иначе. Она свою жизнь

посвятила нам и отцу. Впервые я задумалась над тем, каковы были ее истинные чувства к Па Солту. Вполне возможно, она любила его как женщина. Потому и решила остаться в Атлантисе, сделать его семьей *своей* семьей. А мы все разлетелись из родного гнезда и оставили ее одну.

Потом мысли мои плавно переключались на собственную мать. Интересно, тосковала ли она обо мне? Думала ли когда-нибудь? И почему она отдала меня Па Солту? Впрочем, вполне возможно, она просто отдала меня в какой-нибудь сиротский приют, а Па меня забрал оттуда, потому что пожалел. Наверняка я была очень некрасивым младенцем. Такая стопроцентная уродина.

Что ж, все ответы на свои вопросы я получу в Австралии. Куда еще придется лететь целых двенадцать часов. Ну не странно ли, что, путешествуя по всему свету, именно Австралию я всегда обходила стороной? Категорически отказывалась ехать туда, хотя, помнится, даже Стар проявляла самый живой интерес к Австралии. Наверное, глупо утверждать, что между моими ночными кошмарами с пауками и Австралией существует какая-то связь. Но что-то в этом есть, это точно.

«*Что ж, – размышляла я, удобнее устраиваясь на песке, – отец в своем письме написал, что я сильная и что я люблю приключения.*» И то и другое мне вскоре очень сильно понадобится, чтобы через пару недель решиться и снова взойти на борт самолета, который понесет меня в Австралию.

И снова я проснулась от того, что что-то пощекотало мое лицо. Стряхнула песок с лица и села. Человек-волк направлялся к морю. Интересно, сколько молоденьких девушек он загрыз до смерти за последние несколько часов, подумала я, глядя, как проворно он перебирает ногами, ступая по песку.

Вот он опять устроился в знакомой мне по прошлому разу позе у самой кромки воды, можно сказать, прямо передо мной. Мы оба глянули вверх и замерли в ожидании начала утреннего шоу. Прямо как в кинотеатре перед началом сеанса. *«Вот и здесь кино, только его нам*

демонстрирует Вселенная...» Вселенная, демонстрирующая свое кино. А что? Красивая получилась фраза. Я даже загордилась собой. Сама ведь придумала. Вполне возможно, когда-нибудь Стар вставит ее в один из своих романов.

А что до киносеанса, то он не разочаровал и на сей раз. Захватывающее получилось зрелище, еще более эпическое по своему размаху, чем в прошлый раз. На сей раз общий тон задали облака, устлавшие небо. Они слегка смикшировали яркие краски восходящего солнца, и оно стало похоже на золотистый желток в окружении белоснежных облаков, сыгравших роль белка.

– Привет, – поздоровался со мной Человек-волк уже на обратном пути.

– Привет.

– Хорошее сегодня утро, правда? – обронил он.

– Да, замечательное утро.

– Вот только думаю, что следующую ночь вам не стоит спать на берегу. Предупреждаю заранее: судя по облакам, ожидается шторм.

– Пожалуй, – согласилась я с ним.

– Тогда до встречи. – Прощальный взмах рукой, и Человек-волк удаляется прочь.

Через пару минут и я покидаю свой приют и направляюсь на веранду. Джек хлопчет, накрывая столы к завтраку. Обычно этим занимается Нами, но сегодня ее по-прежнему нигде не видно. Куда-то начисто исчезла после Рождественского сочельника.

– Доброе утро, – здороваюсь я.

– Доброе. – Джек бросает в мою сторону виноватый взгляд. – Как спалось?

– Совсем даже неплохо, Джек. – Я подзываю его к себе и показываю мужчине, который уходит куда-то по пляжу. – Ты знаешь этого человека?

– Нет. Правда, видел пару раз поздно ночью на пляже. Всегда держится особняком. А почему спрашиваешь?

– Просто интересно. И давно он здесь обитает?

– Думаю, пару недель уж точно.

– Ладно. Не возражаешь, если я поднимусь к тебе и приму душ?

– Само собой. До встречи.

Приняв душ, я уселась на полу в комнате Джека и принялась сортировать содержимое своего рюкзака. Чистое белье – в одну сторону, грязные вещи – в другую. Стопка грязного белья выглядела гораздо внушительнее. Надо будет отнести все это в прачечную, пока буду искать себе комнату. Если случится худшее и я так и не найду себе жилья, а ночевать придется снова на берегу, да еще в шторм, что ж, хотя бы завтра у меня будут чистые и сухие вещи, в которые можно будет переодеться.

Хотя в здешних местах День подарков не отмечается столь широко, как, скажем, в Англии, большинство отдыхающих на Рейли-Бич ведут себя точно так же, как и дома, в Европе. Высыпают на улицу и разбредаются по близлежащим улочкам, на которых теснятся впритык многочисленные лавчонки, торгующие всем подряд. Все торопятся обзавестись подарками и вручить их своим близким и друзьям. Но вот праздник завершен, подарки благополучно вручены, и эйфория уступает место скуке, а ликование постепенно сменяется унынием. Объевшиеся, перепитые сверх всякой меры люди. Вид у всех одинаково усталый, почти угрюмый. Даже обычно улыбчивая таитянка, приемщица в прачечной, сегодня встречает меня безо всякой улыбки. Тут же принимается сосредоточенно сортировать принесенные мною вещи, отделяя цветное от белого и демонстрируя всему миру мое исподнее.

– К завтрашнему дню все будет готово. – Она вручает мне квиток, и я устало выползаю наружу. Впереди меня ждет поиск нового пристанища.

Через какое-то время я снова возвращаюсь на веранду. Мне душно, все тело покрыто потом. Увы, но поиски не увенчались успехом. Свободных номеров нигде нет. Если что и освободится, то не раньше второй половины завтрашнего дня. Присаживаюсь к столику и с жадностью выпиваю бутылку кокосовой воды, попутно размышляя, что делать и куда, как говорится, кинуть кости. Может, смотаться на остров Пхи-Пхи? Хотя нет никакой гарантии, что я сумею отыскать там пристанище на ночлег. Ну и ничего страшного, если проведу одну ночь под дождем. Не размокну, в конце концов не сахарная. А уж если станет совсем плохо, всегда сумею спрятаться под одной из ресторанных веранд.

– Ну что, нашла себе комнату? – с надеждой в голосе спросил меня Джек, проходя мимо с подносом в руках. Нес пиво посетителям за соседний столик.

– Да, нашла, – бодро солгала я, не желая ставить своего приятеля в неловкое положение. – После обеда поднимусь к тебе в комнату за вещами.

– Послушай, Сиси. Как смотришь, если я попрошу тебя помочь мне здесь, в баре? Подменить хотя бы на пару часиков. – Джек уставился на меня вопросительным взглядом. – Нами продолжает сачковать, а в отеле полно постояльцев. Работы невпроворот, не могу даже вырваться к своим скалолазам. Только что мне позвонил Аби. Сообщил, что возле школы уже выстроилась длиннющая очередь из желающих приобщиться к основам скалолазания. И все страшно недовольны задержкой, злые как черти.

– Конечно, я помогу тебе. О чем речь? Вот только на твоём месте я бы не стала доверять мне такое ответственное дело, как разносить по залу подносы с выпивкой и закусками.

– А выбирать не приходится. Сама же знаешь, в шторм сгодится любая гавань. Спасибо тебе, Сиси. Обещаю, я займу тебя всего лишь на пару часиков, не больше. Пиво и еда – все за мой счет сегодня. Пойдем со мной. Я покажу тебе, что где лежит.

– Спасибо, – поблагодарила я Джека за проявленную щедрость и поспешила вслед за ним, чтобы занять место за стойкой бара.

Минуло четыре часа, но Джек так и не возник на веранде, а я уже успела вымотаться сверх всяких сил. Народу в баре было не протолкнуться, успевай только поворачиваться. Одним подавай соки, особенно любителям витамина С, другим – коктейль «Кровавая Мери», верное средство от похмелья. А приготовить коктейль – это совсем не то же самое, что нацедить в кружку пива. Словом, кончилось все тем, что я облилась с ног до головы соком манго. Блендер взорвался и вылил все содержимое на меня, а все потому, что я не закрутила как следует верхнюю крышку. От вчерашнего хорошего настроения у посетителей бара тоже не осталось и следа. Обычное благодущие было выброшено вон вместе с той упаковкой, в которую были завернуты полученные ими накануне подарки. А потому меня все время подгоняли криками, чтобы я пошевеливалась и не засыпала на ходу. Но самое неприятное, что чем дальше, тем отчетливее до

веранды долетали раскаты грома, пока еще, правда, далекие, но... Но, судя по всему, к тому времени, как я со своими пожитками снова выметусь на пляж, небеса разверзнутся и на меня сверху обрушатся все хляби небесные.

Наконец появился Джек. Немедленно рассыпался в извинениях за то, что отсутствовал так непозволительно долго. Глянул на почти опустевшую веранду.

– Слава богу, здесь у тебя работы было не так уж много. Такой ветер поднялся в горах, буквально сбивает с ног.

Ветер, ветер... Я лишь промолчала в ответ. Быстро доела свою лапшу и побежала наверх за вещами.

– Спасибо тебе, Сиси. Увидимся, да? – попрощался со мной Джек, когда я спустилась уже с рюкзаком. Рассчиталась с Джеком за проживание и направилась в сторону пляжа.

Пока я шла к воде, прямо над моей головой пару раз сверкнули молнии. Скорее всего, минут через пять начнется самый настоящий ливень. Я ускорила шаг и свернула с улочки вправо, где располагался еще один знакомый мне бар. Глянула по сторонам. Большинство лавчонок уже закрылись ввиду приближающегося шторма. Я подошла к бару и увидела, что там тоже закрывают ставни на окнах, готовясь к встрече с непогодой.

– Великолепно! – прошептала я про себя, ответив на вежливый кивок владельца бара, которым он приветствовал меня. – Вот попалась так попалась! С ума ты спятила, Сиси! – простонала я с отчаянием в голосе. – Немедленно возвращайся к Джеку и скажи ему, что сегодня ты согласна разделить с ним ложе...

Однако ноги упрямо несли меня вперед. Обогнув полуостров, я очутилась на пляже, но уже с другой стороны. Этот пляж известен под названием Прананг. Чисто эстетически он даже красивее, чем Рейли-Бич. А потому неудивительно, что днем здесь полно туристов и отдыхающих. Наверное, именно поэтому я всегда сторонилась этих мест. А еще потому, что к пляжу вплотную примыкает роскошный отель «Рейвади». Соответственно, по всему периметру пляжа полно охранников. Но однажды мы со Стар все же выбрались туда, уже поздно вечером, когда от берега отплыла последняя лодка с туристами. Помнится, улеглись на песке и стали любоваться звездами. Но не прошло и пяти минут, как свет факела осветил наши лица и нам было

велено немедленно покинуть пляж. Я попыталась спорить, говорила охраннику, что в Таиланде все пляжи – общественные, тем более нас не имеют права выдворять отсюда секьюрити из отеля. Но Стар тут же шикнула на меня, велев успокоиться, и нас довольно бесцеремонно вытолкали на тропинку, по которой мы добрались до своего, скажем так, плебейского пляжа на другом конце полуострова.

Возмущению моему тогда не было предела. Да и сегодня, вспоминая эту историю, я чувствую, как она поднимает в моей душе волну негодования. В конце концов, земля со всеми ее богатствами была создана природой для того, чтобы все живущие на ней могли наслаждаться ее красотой свободно, не за деньги, потому что она в равной степени принадлежит и богатым, и бедным.

Однако в этот момент мои философские размышления были прерваны еще одной вспышкой молнии. Пурпурно-голубые всполохи рассекли все небо. Да, тут уж не до философских споров с собой. Я оглядела пляж. И тут меня осенило. Вон, в самом конце пляжа виднеется пещера принцессы Прананг. Я торопливо побежала по песку напрямик к ней. Где-то на полдороге на меня сверху посыпались тяжелые капли дождя, похожие на такие маленькие шероховатые камешки.

Я примчалась к пещере, заскочила внутрь и сбросила с себя рюкзак. Огляделась по сторонам. Вспомнила, что в пещере, по каким-то непонятным причинам, находятся аж целых две статуи принцессы. Такие хрупкие фигурки, похожие на куклы, установлены в небольших деревянных храмах. Они почти не видны из-за обилия навешанных на них разноцветных гирлянд. В каждом храме есть свой алтарь. Вот и сейчас они оба уставлены горящими чайными свечками, освещающими пещеру своим неярким желтоватым пламенем.

Я невольно улыбнулась, вспомнив, как мы со Стар впервые попали в эту пещеру. Мы ведь были уверены, что посещаем еще одно святое для жителей Таиланда место и что наверняка там нас встретит еще одна помпезная золотая статуя, традиционно обвешанная многочисленными гирляндами и заваленная всяческими подношениями и дарами. Но в пещере нас поджидало довольно диковинное зрелище: сотни фаллосов самых разных размеров и форм. Вот и сейчас я снова заметила их, торчащих прямо из земляного пола, сваленных в кучи, похожих на такие эротические сталагмиты,

прилепившиеся к скалистым стенам пещеры вокруг. Красные, зеленые, голубые, коричневые... большие... маленькие... Очевидно, в пантеоне таиландских языческих богов богиня, именуемая принцессой Прананг, числится ответственной за плодородие. Что ж, созерцая все эти инструменты для размножения, которые заполнили все свободное пространство пещеры, а некоторые свешивались прямо с потолка над моей головой, не приходилось удивляться: все здесь буквально вопиет о плодородии.

Впрочем, сегодня пещера принцессы Прананг (хотя другие называют это место пещерой фаллосов или даже пещерой плодородия) стала для меня не столько культовым местом, сколько пристанищем, обеспечившим ночлег. Слава богу, я успела до дождя, точнее до ливня, обрушившегося на землю сплошной стеной, буквально закрыв потоками воды вход в пещеру. Какое-то время я размышляла над тем, каким же образом лично мне выразить дань уважения и признательности принцессе Прананг за такую милость, а потом просто преклонила колени перед одним из алтарей и мысленно поблагодарила ее. После чего устроилась неподалеку от входа пещеры и принялась наблюдать за грозой, свирепствующей снаружи.

Небо то и дело освещалось яркими вспышками молний, озарявшими грозными всполохами морскую гладь и острые выступы известняковых скал. Потоки воды, обрушивающиеся сверху на пляж, при свете луны отливали серебром. Воистину, лило как из ведра, словно Господь вознамерился выплакать все Свои слезы за одну ночь.

Зрелище, разворачивающееся на моих глазах, завораживало природной мощью и той огромной энергией, которую выплескивала Вселенная. Кое-как я оторвалась от созерцания стихии, выпрямилась и вместе со своим рюкзаком продвинулась в глубь пещеры. Устроила себе некое подобие постели, примостившись за огромным ярко-алым фаллосом, улеглась и моментально заснула.

4

– Ай!

Я немедленно очнулась ото сна и пружинисто села. Что-то острое толкнуло меня прямо под ребро. Я открыла глаза. Прямо передо мной стоял тайский охранник, который изо всех сил пытался растолкать

меня. Вот он грубо подхватил меня с пола, а сам в это время продолжал что-то отрывисто верещать в свой радиотелефон.

– Здесь нельзя оставаться! Убирайся! – рявкнул он на меня.

– Хорошо, хорошо! Я уже ухожу. – Я быстро собрала с земли свои пожитки. На помощь первому секьюриту подоспел еще один охранник, такой плотный коротышка. Взяв меня с двух сторон в кольцо, они вытолкали меня вон из пещеры. Я вышла на улицу и невольно зажмурилась от яркого света. Солнце вот-вот должно было показаться из-за горизонта, озаряя своим светом безоблачное синее небо. Ухватив за руки, охранники поволокли меня дальше по пляжу, будто я какой-то опасный преступник, а не туристка, случайно забредшая в пещеру, чтобы укрыться от грозы. Песок под ногами был еще влажным, и это, пожалуй, было единственным напоминанием о том разгуле стихии, которая бушевала здесь минувшей ночью.

– Пожалуйста, отпустите мои руки! Не надо меня держать! – обратилась я к мужчинам, уже начиная терять терпение. – Я и сама в состоянии двигаться, без вашей помощи. Ухожу, вы же видите...

Один из охранников разразился злобной, судя по интонациям, тирадой на тайском языке. Естественно, я не поняла ни слова, разве что по голосу его было понятно, что он в полнейшем негодовании. Так втроем мы дошагали до тропинки на противоположном конце пляжа. Уж не собираются ли они взять меня под стражу и бросить в какую-нибудь ужасную тюрьму типа Бангкок-Хилтон, испугалась я, вспомнив известный телевизионный фильм с Николь Кидман в главной роли, который в свое время очень впечатлил меня. Я невольно поежилась. А что, если действительно случится худшее? Я ведь даже не смогу позвонить отцу. Па Солт, тот бы в мгновение ока примчался в Таиланд мне на выручку.

– О, это опять вы?

Я повернула голову и разглядела мелькнувшую среди кустов знакомую фигуру. Человек-волк!

– Я, – промямлила я и тут же покраснела от смущения.

– По, отпусти ее, – приказал незнакомец одному из охранников, решительно направляясь в нашу сторону.

Коротышка мгновенно разжал мою руку. Затем мужчина проговорил что-то быстро уже на тайском языке, и второй охранник, тот, что повыше, с явной неохотой тоже отпустил мою руку.

– Приношу вам свои извинения, – перешел мужчина на английский и выразительно вскинул бровь. – Ребята явно перестарались.

Затем он о чем-то снова переговорил с секьюрити, окидывая глазами пляж, после чего знаком приказал мне следовать за ним. Охранники тут же взяли под козырек, бросив разочарованный взгляд в мою сторону и наблюдая за тем, как я неуверенно плетусь за Человеком-волком в сторону кустов, окаймляющих пляж.

– И как вам только удалось вырвать меня из их рук? – спросила я у него. – Я уже приготовилась к тому, что они из меня сейчас отбивную сделают.

– Я сказал им, что вы моя хорошая приятельница. Однако поторопитесь.

Он взял меня за руку и почти силком потащил через зеленые заросли. Не успела я перевести дыхание, получив неожиданное избавление, как снова испугалась. Куда он меня тащит? В какие джунгли? Может, безопаснее было бы остаться с охранниками, а не бежать за человеком, которого я совсем не знаю? Но вот впереди показались высокие железные ворота, почти незаметные среди густой зелени. Человек-волк быстро набрал код на цифровом табло, висевшем на входе, ворота плавно открылись, и он затащил меня во двор. Снова вокруг полно деревьев. Еще несколько шагов, и вдруг моему взору предстал самый настоящий оазис: сад необыкновенной красоты. Справа – огромный бассейн, облицованный черным кафелем: прямо как картинка из модного дизайнерского журнала. Мы прошли сквозь деревья, усыпанные золотистыми соцветиями, под тяжестью которых ветви согнулись до самой земли, и вышли на широкую террасу, заставленную плетеной мебелью. Горничная в униформе взбивала большие пышные подушки, раскладывая их по креслам.

– Кофе? Сок? – вскользь поинтересовался у меня Человек-волк, пока мы шествовали по террасе.

– Кофе было бы изумительно, – быстро согласилась я.

Мужчина что-то быстро приказал на тайском служанке, когда мы проходили мимо нее. Впереди показалось множество белоснежных шатров, расставленных по всему периметру площадки. Каждый шатер увенчан традиционной в тайских застройках V-образной крышей в стиле, типичном для архитектуры средневекового королевства *Ланна*,

когда-то существовавшего на севере Таиланда. В центре площадки – водоем, сплошь покрытый благоухающими розовыми цветами. Посреди этого великолепия прямо из воды возвышается фигура Будды из черного оникса. Вся обстановка очень похожа на шикарный спа-курорт в каком-нибудь экзотическом месте. Во всяком случае, если судить по глянцевым фотографиям в дорогих рекламных журналах. Я поднялась вслед за своим спасителем по деревянным ступенькам к одному из шатров и оказалась на еще одной затененной террасе, с которой открывался просто потрясающий вид на пляж Прананг, раскинувшийся внизу.

– Ого! – только и выдохнула я. – Фантастика! Красотища, дух захватывает! Я столько раз бывала на этом пляже, но никогда не видела ничего подобного. Даже не подозревала о существовании здесь такого уникального места.

– Вот и хорошо, – коротко обронил Человек-волк, жестом приглашая сесть на один из необъятных по своим размерам диванов. Я присела, осторожно сняв с плеч свой рюкзак, чтобы – не дай бог! – не испачкать безукоризненно чистую шелковую обивку. Пожалуй, еще никогда я в Таиланде не сидела с таким комфортом. Необыкновенно удобный диван! Мне тут же захотелось откинуться на подушки и погрузиться в сон.

– Вы здесь живете? – вежливо поинтересовалась я у своего спасителя.

– Да, в какой-то мере да. Но это все не мое. Имение принадлежит моему другу, – ответил он. В этот момент на ступеньках появилась служанка с подносом: кофе и разнообразная свежая выпечка в небольшой плетеной корзинке. – Угощайтесь, пожалуйста.

– Спасибо. – Я налила себе кофе, положила два кусочка темно-коричневого сахара.

– Могу я поинтересоваться, почему вы сегодня появились на пляже в сопровождении охранников?

– Я укрылась вчера от грозы в пещере принцессы Прананг. И, должно быть... заснула, пережидая непогоду. – Самолюбие не позволило мне рассказать, как все было на самом деле.

– Да, вчера была гроза так гроза, – согласился со мной Человек-волк. – Лично мне нравится, когда природа демонстрирует свою мощь

во всей красе, наглядно показывая нам, простым смертным, кто в доме хозяин.

– А вы... – Я слегка откашлялась. – Вы сами чем здесь занимаетесь?

– Я? – Он неторопливо отхлебнул из чашки черный кофе. – Да всем понемножку. Но в основном, знаете ли, бездельничаю. Наслаждаюсь ничегонеделанием.

– О, это место замечательно подходит для такого времяпрепровождения.

– А что скажете про себя?

– Аналогично. – Я взяла из корзинки свежайший круассан. Аромат выпечки мгновенно напомнил мне те аппетитные запахи, которые постоянно витали на нашей кухне в Атлантиде, пока Клавдия готовила там завтрак для всей семьи. Господи, как же давно все это было. Я уже почти забыла те благословенные времена.

– А чем занимались до того, как приехали в Таиланд?

– Училась в Академии искусств в Лондоне. Но что-то у меня не заладилось, и я бросила учебу.

– Понятно. Я тоже живу в Лондоне... По крайней мере, жил. Возле Темзы, в районе Баттерси.

Я бросила на него ошеломленный взгляд. Уж не снится ли мне все это, мелькнуло у меня в голове. Такой сюрреалистический сон под сенью ярко-алого фаллоса.

– Удивительное совпадение! Я ведь тоже живу в этом районе. В новом жилом комплексе «Панорама Баттерси», который построили неподалеку от моста Альберта.

– О, прекрасно знаю, где это. Итак, привет, соседка! – Впервые Человек-волк глянул на меня с приветливой улыбкой, давая мне пятерню. Улыбка осветила его бездонные синие глаза, и он сразу же стал похож не столько на волка, сколько на сильно отощавшего Тарзана.

Я налила себе еще одну чашку кофе и села, стараясь не касаться своими башмаками края дивана. Если бы не эти дурацкие ботсы, с каким удовольствием я бы сейчас красиво скрестила ноги. Постаралась бы принять такую максимально элегантную позу под стать окружающей обстановке.

– Да, забавное совпадение. – Человек-волк покачал головой. – Кто-то мне однажды сказал, что в любом уголке земного шара всегда отыщется человек, до которого всего лишь каких-то шесть рукопожатий.

– Но я-то вас не знаю, – резонно возразила я.

– Не знаете? – Он вдруг посерьезнел, окинув меня внимательным взглядом.

– Конечно же, не знаю. А что, должна знать?

– Нет. Но я подумал, что мы наверняка сталкивались с вами, и не раз, на мосту Альберта... Или в других местах поблизости, – не совсем уверенно добавил он.

– Вполне возможно. Я каждое утро шагаю по этому мосту, отправляясь в академию.

– Ну вот! А я в это время мчусь мимо на своем велике.

– Тогда я бы точно вас не узнала. Весь в лайкре, да еще в защитном шлеме.

– Что правда, то правда.

Мы оба молча допили свой кофе. За столом повисла неловкая пауза.

– Когда планируете возвращаться домой? – спросила я наконец. – Сразу после Нового года? Или попозже?

Лицо моего собеседника помрачнело.

– Пока еще и сам не знаю. Все зависит от того, что произойдет... Знаете, я предпочитаю жить днем сегодняшним. А вы?

– Я тоже. Хотя вот намереваюсь вскоре отправиться в Австралию.

– А... бывал там. Австралия для меня – уже отработанный материал. И имейте в виду, я там был по работе. А это совсем не то же самое, что приехать туда туристом. А потому мои австралийские впечатления – это только номера в отелях, бесконечная череда офисов и ужасно дорогие рестораны. Знаете, такое сугубо корпоративное гостеприимство, если так можно выразиться.

Разумеется, я и понятия не имела, что это такое – корпоративное гостеприимство, но на всякий случай согласно кивнула головой.

– Я, кстати, раздумывал над тем, чтобы отправиться туда снова... Бывает, когда хочешь удрать от всех и вся на самый край земли. Ну, вы понимаете, о чем я...

– Понимаю! – ответила я с чувством. Еще бы! Мне не понимать...

– Судя по вашему разговору, вы явно не англичанка. Слышен французский акцент. Или я ошибаюсь?

– Вы правы. Я родилась... Впрочем, я и сама толком не знаю, где именно я появилась на свет. Меня удочерили. А выросла я в Женеве.

– Бывал я и в Женеве. Правда, видел там только аэропорт. А вообще-то летал туда на горнолыжный курорт. А вы любите кататься на лыжах? Впрочем, глупый вопрос для того, кто живет в Швейцарии.

– Да, я люблю лыжи. Зато не очень расположена к холодам. Мне больше по душе тепло.

– Понимаю.

И снова в нашем разговоре повисла пауза. С учетом того, что я уже успела выпить целых две чашки кофе, заполнить наступившее молчание мне было нечем.

– А где вы научились говорить на тайском? – нашлась я наконец.

– Языку меня научила мать. Я ведь вырос в Бангкоке.

– Вот как? И она до сих пор живет здесь?

– Нет. Мама умерла, когда мне исполнилось двенадцать лет. Она была... замечательной женщиной. Я до сих пор скучаю по ней.

– Какая жалость! Мне действительно искренне жаль, – поспешила я со словами участия и тут же задала свой следующий вопрос. – А что ваш отец?

– Я его никогда не видел, – довольно резко ответил он. – А что вы? Вы когда-нибудь встречались со своими настоящими родителями?

– Нет, – честно призналась я, невольно поражаясь тому, как в течение каких-то двадцати с небольшим минут наш разговор с Человеком-волком вырвался на такие сугубо личные темы. – Однако мне пора. Я и так доставила вам достаточно хлопот. – Я слегка подалась вперед, стараясь коснуться ногами пола.

– Так все же, где вы сейчас квартируете?

– А так... – откликнулась я самым беззаботным тоном, – в одном отеле на пляже. Но вы уже, наверное, успели заметить, что я предпочитаю спать на свежем воздухе.

– Однако я полагал, что хотя бы вещи вам есть где оставить. Зачем же тогда таскаете за собой рюкзак?

Я мгновенно почувствовала себя маленькой девочкой, застигнутой врасплох в тот момент, когда она прячет конфеты под подушку. Все-то он видит... Все подмечает... Ну и пусть. Мне-то какая разница?

– Просто случилась... небольшая путаница с моей комнатой. Мне разрешили там пожить временно, а хозяин комнаты... он поссорился со своей подружкой и решил вернуться обратно к себе. А больше свободных мест нигде не нашлось. Все гостиницы забиты до отказа. Вот я и спряталась в пещере, когда начался дождь. Решила перекантоваться там.

– Понятно. – Он окинул меня внимательным взглядом. – Но почему же вы с самого начала не сказали мне это?

– Сама не знаю, – промямлила я, разглядывая свои башмаки с виноватым видом пятилетней девочки. – А что такого? В конце концов, я же... не бедствую. Ничего страшного не случилось. К тому же я вполне могу позаботиться о себе. Просто так все сошлось... Не оказалось свободных номеров, только и всего.

– Не нужно смущаться. Я все прекрасно понимаю.

– Просто я подумала, вдруг вы решите, будто я какая бродяжка... или еще что-нибудь в этом роде... Уверю вас, ничего подобного.

– Мне такое и в голову не приходило. Честно! Кстати, что это у вас там желтое в волосах?

– Боже! – Я провела рукой по своим волосам и обнаружила, что концы волос слиплись. – Да это же сок манго. Мой приятель Джек попросил вчера после обеда подменить его в баре в отеле «Рейли-Бич». Заказывали много фруктовых коктейлей, вот, наверное, я и забрызгалась.

– Ясно. – Чувствовалось, что мой собеседник с трудом сдерживает улыбку. – Но душ-то я вам могу предложить, по крайней мере? А могу, если хотите, предоставить и ночлег на пару ночей, пока ситуация с туристами здесь, на побережье, немного не разрядится. Воды горячей у нас полно, – добавил он на всякий случай.

Предложение Человека-волка насчет проживания совсем *не соблазнило* меня. А вот горячая вода... Я-то ведь знала, какой у меня сейчас вид: грязная, потная, взлохмаченная... Элементарная потребность в гигиене взяла верх над гордостью.

– Пожалуй, я и правда приму душ.

Мы спустились по ступенькам, вышли из шатра и пересекли дворик, направляясь к другому шатру, установленному в правом углу квадратной площадки. В двери торчал ключ, Человек-волк повернул его, открыл дверь, после чего вручил ключ мне.

– Там все готово. Там всегда все в полной готовности. Не торопитесь, мойтесь, сколько вашей душе угодно.

– Спасибо, – поблагодарила я и вошла в шатер. И тут же заперла за собой дверь на ключ.

– Ух ты! – обвела я комнату восхищенным взглядом. Хозяин не обманывал. Здесь действительно все было готово. Я обозрела кровать необъятных размеров, поистине, самое настоящее королевское ложе с ворохом взбитых подушек и мягким одеялом. Само собой, все белоснежно чистое. Причем именно первозданная белизна. Никаких пятен, оставленных другими, кто, возможно, ночевал на этой постели. За жалюзи на стене – огромный плазменный телевизор. Жалюзи можно в любой момент опустить, если вдруг захочется отгородиться от внешнего мира. На стенах – по-настоящему высокохудожественные произведения тайского искусства. Я машинально коснулась рукой одной из стен и поняла, что стены обиты натуральным шелком. Я сняла с плеч рюкзак и опустила его на пол из тикового дерева. Порылась и извлекла из рюкзака свой гель для душа. Тронула ручку одной из дверей, думая, что это ванная комната. Но оказалось, гардеробная. Тогда направилась к другой двери. Ванная комната с отдельной душевой кабиной и массивной, вмонтированной в пол ванной прямо рядом со стеной из сплошного стекла. По ту сторону окна раскинулся небольшой садик, засаженный деревьями бонсай и красивыми цветущими растениями, названия которых я, естественно, не знала. Вот Стар, та бы наверняка узнала здесь каждый цветок. Сад огорожен высоким забором, так что никто не сможет понаблюдать за тем, как ты принимаешь ванну.

Соблазн залезть в ванну и погрузиться в пушистую пену *был слишком велик*. Но я интуитивно почувствовала, что это уже был бы перебор с моей стороны. А потому включила душ и принялась с остервенением соскребать с себя грязь, растирая каждый кусочек тела до тех пор, пока кожу не стало пощипывать. Напрасно я рылась в своем рюкзаке в поисках геля для душа, ибо на мраморной полке рядом с душевой выстроилась в ряд целая батарея разнообразных и дорогущих натуральных средств для ухода за кожей самых известных и баснословно дорогих брендов и марок.

Выйдя из душевой, я щедро напитала свое тело всякими маслами и кремами, представленными в широком ассортименте все на той же

полке, ведь все равно никто ничего не узнает. По жизни я всегда была настроена категорически против всех этих лосьонов и увлажняющих кремов, на которые так падки представительницы слабого пола. Я размотала полотенце с головы и встряхнула волосы, попутно заметив, как же сильно они отросли. Уже почти до плеч. Волосы упали мне на лицо десятками мелких завитков.

Стар не раз повторяла, что мне идут длинные волосы, что с такой прической я смотрюсь гораздо лучше. Ма, та вообще называла мои кудряшки «венчающей меня короной». Но когда мне исполнилось шестнадцать лет, я, помнится, не поставив никого в известность, сделала себе короткую мальчиговую стрижку. За короткими волосами ведь гораздо проще ухаживать. Хотя, если признаться честно, это был такой своеобразный вызов с моей стороны, самый настоящий акт неповиновения и бунтарства. Будто я в тот момент хотела доказать всему свету, что мне наплевать на то, как я выгляжу.

Я отбросила волосы с лица на затылок, собрав их в некое подобие конского хвоста. Впервые за долгие годы у меня это получилось. Жаль, что нет резинки или какой-нибудь подходящей ленты для волос, чтобы скрепить их воедино.

Потом я вернулась в спальню и с вожделением усталилась на широченное ложе. На всякий случай подошла к наружной двери и дважды проверила, заперта ли она на ключ. После чего сбросила с себя майку и взобралась на постель. Минут десять придремну, пообещала я сама себе, касаясь головой белоснежной подушки...

Я внезапно очнулась от того, что кто-то громко барабанил в дверь. Села на кровати, не сообразив в первую минуту, где я и что со мной. В комнате царила кромешная тьма. На ощупь я попыталась найти выключатель. Что-то с громким стуком упало на пол и разбилось. Испугавшись, я тотчас же спрыгнула с кровати.

– С вами все в порядке?

Я побрела на звук голоса и ладонями нащупала дверь. Наконец сознание заработало: я вспомнила, где я нахожусь и кто сейчас стучит мне в дверь.

– Я не могу найти замочную скважину. Здесь так темно, ничего не видно... – пробормотала я в полном смятении.

– А вы нащупайте руками. Там же ключ торчит. Он прямо перед вами.

Голос успокоил меня. Я пустила в ход руки, пытаюсь обследовать ту часть двери, где обычно расположен замок. И вскоре пальцы мои действительно нащупали ключ, после нескольких попыток я повернула его в замочной скважине, а потом дернула за ручку.

– Я открыла замок, – крикнула я через дверь. – Но дверь все равно не открывается.

– Отступите в сторону. Я сейчас сам открою.

Внезапно комната снова наполнилась светом. Я облегченно вздохнула и попыталась дышать ровно.

– Простите, что возникли осложнения, – повинулся Человек-волк, входя в комнату. – Пришлю кого-нибудь, чтобы починил ручку. Давно не пользовались этим помещением, вот ее и заело. С вами все в порядке?

– Да, в порядке, – ответила я, присаживаясь на постель и судорожно хватая ртом воздух.

Какое-то время он молча обозревал меня.

– Вы ведь боитесь темноты, не так ли? Вот поэтому и любите спать на свежем воздухе.

Конечно, он абсолютно прав. Но признаваться в этом я не собираюсь.

– Ничего я не боюсь! Просто проснулась так неожиданно и сразу не сообразила, где нахожусь.

– Тогда приношу свои извинения за то, что напугал вас, но уже семь часов вечера. Вы проспали почти двенадцать часов. Наверное, вы очень устали.

– Устала, это правда. Простите, что так получилось.

– Все в порядке. Проголодались?

– Еще не могу сообразить.

– В любом случае Там уже готовит ужин. Так что милости прошу, присоединяйтесь ко мне на главной террасе.

– Там? Кто это?

– Мой шеф-повар. Ужин будет готов через полчаса. До встречи.

Человек-волк вышел из комнаты, а я громко чертыхнулась. Надо же. Целый день коту под хвост! Наверняка потеряла шанс заселиться в другой отель. Ведь нужно было успеть зарегистрироваться там еще до полудня. Не говоря уже о том, что, проспав почти полсутки, я, естественно, полностью сбила свой биоритм. А уж что может вообразить мой таинственный хозяин, и говорить не приходится. Вдруг решит, что я застряла у него с какими-то особыми целями?

И вообще, почему он так любезничает со мной? Уж не такая я дурочка, чтобы поверить, что им движут исключительно альтруистические мотивы. В конце концов, он – мужчина, а я – какая-никакая, но женщина. Во всяком случае, если смотреть на меня со стороны. Но если он хочет от меня *этого*, то, значит, сильно проголодался. Коль скоро готов клюнуть даже на меня. Или нафантазировал чего-нибудь на мой счет.

Впрочем, как говорится, на безрыбье и рак рыба.

Я обрядилась в традиционный тайский кафтан, хотя и не люблю этот наряд: уж больно он смахивает на обычное платье. Но поскольку почти все мои вещи отданы в стирку, то выбор у меня невелик. Кафтан – это все, что у меня осталось из чистого. Выйдя на улицу, я предусмотрительно закрыла дверь на замок и спрятала ключ в кашпо для цветов, стоявшее рядом с дверью. Свой рюкзак с пожитками я прихватила с собой.

При вечернем свете место показалось мне еще красивее, чем днем. С низких крыш свисали многочисленные фонарики, вода в пруду вокруг Будды из оникса была подсвечена снизу и переливалась всеми цветами радуги. В воздухе витал пьянящий аромат жасмина, кусты которого благоухали в массивных горшках, расставленных повсюду. Но главное! Я уловила вкуснейшие запахи еды.

– Сюда!

Я увидела руку, махнувшую мне с террасы, расположенной прямо напротив главного шатра.

– Приветствую вас! – поздоровался Человек-волк, жестом указав на стул.

– Добрый вечер. И простите меня еще раз за то, что я так долго проспала у вас.

– Никогда не извиняйтесь за то, что вам спится. Как бы я хотел тоже отоспаться всласть.

Человек-волк подавил тяжелый вздох. И тут до меня дошло, что негоже продолжать обзывать этого человека такой кличкой. Какой же он волк, если проявил столько человеческого участия ко мне? Я осмелела настолько, что позволила себе спросить напрямую, как его зовут.

– А разве я вам еще не говорил? – страшно удивился он.

– Нет, – твердо ответила я.

– Ах так? Что ж, зовите меня просто Эйс. Кстати, а как зовут вас?

– Сиси.

– Тоже уменьшительное имя, как и у меня, да?

– Да.

– А полное имя как звучит?

– Келено.

– Необычное имя.

– Да. Мой отец, тот человек, который меня удочерил, был заиклен на звездах из созвездия Плеяды. Это созвездие еще называют Семь сестер, – пояснила я, выдав на-гора привычную версию.

– Простите, сэр, можно подавать? – На террасе появилась служанка в сопровождении мужчины, облаченного в белоснежную униформу шеф-повара.

– Можно, – ответил Эйс, сопровождая меня к столу. – Что будете пить? Вино? Пиво?

– Спасибо, ничего. Если можно, стакан воды.

Эйс наполнил два стакана водой из бутылки, стоявшей на столе.

– Ваше здоровье!

– И ваше тоже. Спасибо за то, что спасли меня сегодня утром.

– Да бросьте! Мне даже неловко от того, что я тут шикаю в полном одиночестве, а вы в это время вынуждены спать на пляже под открытым небом.

– Но это просто вчера так получилось... Такие непредвиденные обстоятельства. В любом случае кровать, на которой я у вас отсыпалась, просто фантастика.

– Что ж, тогда повторяю: мое приглашение остается в силе. Добро пожаловать ко мне на постой! Но прежде чем вы ответите отказом, хочу сразу же предупредить: я отнюдь не такой уж добренький. Просто надоело тут торчать в полном одиночестве почти два месяца.

– Так пригласили бы кого-то из своих лондонских друзей.

– Не тот случай, – угрюмо отмахнулся он. И в этот момент в центре стола поставили блюдо с горячими, еще шипящими с огня королевскими креветками. – Ну что? Приступим к трапезе?

Давно я так вкусно не ела. Пожалуй, в последний раз это случилось, когда в минувшем ноябре Стар приготовила уже в нашей новой квартире жаркое на завтрак. Честно, сама я не умею готовить и никогда не училась этому. Да и зачем было? Ведь Стар такая мастерица по части кулинарных дел. Зато на сегодняшний день я уже почти забыла вкус хорошей еды. А здесь такое изобилие... Все само просится в рот. Ароматный суп с травой лимонника, нежнейшие цыплята, зажаренные в листьях пандана, острые рыбные пирожки с вьетнамским соусом дим.

– Боже! Какая вкуснотища! – выдохнула я наконец в полном изнеможении. – Определенно, мне ваш ресторан очень нравится. Спасибо, что пригласили на ужин. Вы только взгляните на мой живот... прямо как у беременной. – Я ткнула пальцем в свой вздувшийся живот.

Эйс лишь заулыбался в ответ на мою шутку. За ужином мы с ним говорили мало. Возможно, потому, что я всецело была поглощена едой.

– Как я понимаю, отведав кухню нашего шеф-повара, вы решили остаться? – Эйс сделал еще один глоток воды. – Тем более что вы не планируете задерживаться здесь надолго, верно? Помнится, вы говорили, что после Нового года собираетесь в Австралию?

– Да, собираюсь. Но я с удовольствием приму ваше приглашение, если вы точно уверены, что это приемлемо, – сдалась я наконец на его уговоры.

– Все будет отлично, уверяю вас. Лишь одна просьба. Знаю, у вас много друзей-приятелей на Рейли-Бич. Но я бы попросил вас никому не говорить о том, что вы остановились у меня, ладно? И тем более не упоминать, где именно находится мой дом. Я очень оберегаю свой покой и не люблю, когда посторонние вторгаются в мою частную жизнь.

Выражение его глаз в этот момент однозначно свидетельствовало, что так оно и есть.

– Обещаю. Буду держать рот на замке.

– Вот и хорошо. А сейчас расскажите мне о своей живописи. Должно быть, вы действительно талантливы, коль скоро получили место в Лондонской академии искусств.

– Ну, это как посмотреть... Я ведь несколько недель тому назад бросила учебу в академии, потому что поняла, что отнюдь не так уж талантлива, как хотелось бы. Во всяком случае, не так, как хотелось бы моим преподавателям.

– Вы хотите сказать, что они не влюбились в ваше искусство?

– Можно и так сказать. – Я слегка пожалала плечами, округлив при этом глаза. – У меня ничего не получалось так, как было нужно. Как того требуют каноны...

– Получается, вы самый настоящий авангардист. Почти же самого Моне будете. Я прав?

– Трудно сказать. Ведь Моне жил и работал совсем в другое время. Он был авангардистом своей эпохи... Впрочем, я ни в чем не виню своих наставников. Сама виновата в том, что не смогла научиться всему тому, чему они хотели научить меня. – Внезапно я замолчала. Интересно, зачем я все это говорю, промелькнуло у меня в голове. Наверное, уже до скуки уморила его своими откровениями. – А вы? Чем занимаетесь вы? – переключила я разговор на него.

– А, так... Ничего интересного... Такой типичный клерк из Сити. Тягомотина, одним словом. Вы же представляете...

Само собой, я ничего не представляла, но согласно кивнула головой в ответ, как будто и в самом деле что-то смыслила в офисной работе.

– То есть вы сейчас... – Я запнулась в поисках подходящего слова. – Устроили себе такой небольшой отдых от трудов праведных, да?

– Что-то в этом роде. – Эйс с трудом подавил зевок. – Итак, что-нибудь еще?

– Нет, спасибо. Всего достаточно.

– Тогда я, пожалуй, пойду к себе и постараюсь заснуть. Вы же знаете, я просыпаюсь на рассвете. Слуги здесь все приберут. Кстати, охранники в курсе, что вы остановились у меня. Код от замка на воротах со стороны пляжа – четыре семерки. – Эйс коротко улыбнулся. – Спокойной ночи, Сиси.

– Спокойной ночи.

Не успел Эйс исчезнуть в своих покоях, как слуги стали проворно убирать со стола. Вполне возможно, им тоже не терпелось покончить со всеми этими рутинными хлопотами и быстрее отправиться на покой. Ну, а я решила, что коль скоро нахожусь под покровительством Эйса, то у меня появилась отличная возможность прогуляться по пляжу Прананг. Я спустилась по дорожке к воротам, нажала красную кнопку на панели, установленной рядом с воротами. Створки плавно разъехались в разные стороны, и я вышла к опустевшему пляжу.

– *Sawadee krap*, – поприветствовали меня на тайском.

Я даже подпрыгнула от неожиданности. Глянула влево и увидела перед собой охранника по имени По, того плотного коротышку, который утром волок меня за руку по всему пляжу. Он мгновенно подхватился со своего табурета, который незаметно примостился среди густой зелени, окружавшей ворота с обеих сторон, и улыбнулся немного фальшивой, как мне показалось, улыбкой.

– *Sawadee ka*, – ответила я на его приветствие, сложив руки на тайский манер, как это делают в Таиланде, когда здороваются друг с другом.

Рядом с его табуретом стоял небольшой портативный радиоприемник, из которого негромко лилась народная тайская музыка. Я непроизвольно обратила внимание на неровные желтые зубы По и почему-то в эту минуту увидела охранника уже в другом свете, можно сказать, по другую сторону ограды. Интересно, скольких детей ему приходится кормить, подумала я, вот так изо дня в день волоча на себе ляжку скучной, надоевшей до чертиков работы, да еще в полном одиночестве. С другой стороны, размышляла я, пробираясь сквозь густые заросли, ему можно даже позавидовать. Ведь *вся эта красота* вокруг всецело в его распоряжении. Он может наслаждаться ею каждую ночь в тишине и покое. Я вышла на пустой пляж. Свобода! К сожалению, единственная привилегия, которую можно купить за деньги, находясь в этом уголке земного шара. Может, и я когда-нибудь в один прекрасный день напитаюсь этим пьянящим запахом свободы, которую дарует природа в ее лучших проявлениях, а потом изолью все свои восторги на полотнах, в красках, чтобы *все люди* смогли приобщиться к этой красоте.

Я подошла к самой кромке моря и окунула ступни в воду. Великолепная, теплая вода. Потом задрала голову вверх и глянула на

небо. Небосвод сегодня был густо усыпан звездами. Как жаль, что у меня просто нет слов, которыми я могла бы выразить все свои восторги. Душой-то я все чувствую, а вот облечь свои чувства в слова – это у меня получается плохо. Мне легче нарисовать свои эмоции или выразить их с помощью инсталляций, которыми я особенно увлеклась в последнее время.

Наверно, это не совсем правильно. Потому что мне в одной композиции всегда хотелось поведать о многих, очень многих вещах. Но мне нравилось работать над очередной инсталляцией в своей студии на берегу Темзы. А еще знать, что Стар в эту минуту возится на кухне и готовит нам ужин. Можно сказать, я была счастлива в такие мгновенья.

– Прекрати себя накручивать, Сиси! – твердо приказала я себе. Я не собираюсь больше оглядываться на прошлое. Стар сделала свой выбор, она выпала из моей жизни и больше мне не поводирь. Пора и мне начинать жить собственной жизнью. Хотя бы попытаться для начала.

Потом я стала размышлять: а чувствовала ли когда-нибудь Стар, что она *для меня обуза*? Нет, я вовсе не собираюсь ее порицать, если она никогда не задумывалась над этим. Ведь я же люблю ее. Но, наверное, сестричка забыла, как отчаянно нуждалась во мне, когда была маленькой и категорически отказывалась разговаривать. К тому же она такая нерешительная. Никогда не скажет, что думает на самом деле. Что и неудивительно. Ведь все остальные наши сестры сильные, волевые. Они буквально подавляют тех, кто рядом с ними, своим волевым характером. Нет, повторюсь. Я не собираюсь ни в чем обвинять Стар, просто у каждой жизненной истории есть две стороны, как две стороны одной медали. А Стар, видно, об этом забыла.

И вот, к своему великому удивлению, я неожиданно для себя обрела нового друга. Конечно, интересно было бы узнать *его историю*. Как и почему он снова оказался в этих местах?.. Почему выходит из дома только на рассвете или поздно ночью?.. Почему наотрез отказался пригласить к себе сюда кого-то из друзей, хотя сам же признался мне, что ему здесь страшно одиноко?..

Я медленно побрела по песку назад, в дом, умело замаскированный от посторонних глаз среди пышной тропической растительности. По поспешил мне навстречу, желая набрать код. Но я

оказалась у ворот первой и нажала бестрепетной рукой четыре семерки. Пусть знает, что *мне известен код*.

Потом извлекла ключ из кашпо возле своего шатра и открыла дверь в комнату. Здесь уже кто-то явно побывал. Свежее постельное белье, вещи, которые я разбросала впопыхах, аккуратно сложены на стуле. Невидимая волшебная фея все прибрала, оставив стопку мягких чистых полотенец в ванной. Я смыла с ног песок и улеглась в кровать.

Проблема в том, подумала я, что я всегда обитала как бы между двумя мирами. Я чувствую себя вполне комфортно, когда сплю на берегу моря под открытым небом. Но умею наслаждаться и роскошью. К примеру, такой, какая окружает меня в этой комнате. Правда, я всегда и всем твержу, что могу довольствоваться малым. Впрочем, сегодня вечером я бы впервые затруднилась с окончательным выбором.

5

В течение следующих нескольких дней у нас с Эйсом сам собой сложился негласный распорядок нашего с ним совместного проживания в его дворце. Он вставал рано, я позже. Во второй половине дня я изредка совершала бесцельные набеги на Рейли-Бич, чтобы лишний раз не докучать своему хозяину. Своим тамошним приятелям я сообщила, что остановилась в одном отеле, расположенном в самом конце пляжа. Впрочем, никто особенно не лез ко мне с расспросами. Короче, мы с Эйсом сталкивались только за ужином. Мне казалось, что он всякий раз поджидает меня, а я была только рада принять участие в вечерней трапезе, поскольку еда была просто обалденной. За столом Эйс говорил мало, но я, привыкшая к тому, что Стар тоже преимущественно молчит, чувствовала себя вполне в своей тарелке. Более того, такая обстановка странным образом действовала на меня умиротворяюще.

Прожив три дня на расстоянии буквально нескольких метров от Эйса, я совсем успокоилась и совершенно расслабилась. Ясно как божий день: запрыгивать на меня он никак не собирается. Что и понятно. Я ведь не из тех девушек, которые нравятся мужчинам. Да к тому же, если честно, секс в свое время оставил меня совершенно равнодушной.

Кстати, девственности я лишилась именно здесь, на Рейли-Бич, девять лет тому назад. Все случилось по пьяни. Я осушила пару кружек пива, что всегда было для меня опасным делом, и пошла прогуляться по пляжу уже после того, как Стар ушла спать к нам в номер. Мне в компанию набился один парень. По-моему, его звали Уилли, студент, взявший академический отпуск в университете на один год. Вот мы с ним бродили по пляжу в темноте. Целовались, само собой... И все было приятно. Но стоило нам занять горизонтальное положение и довести начатое до конца, как все тут же испортилось. Во-первых, было больно, немного, но все же... А во-вторых... На следующее утро я проснулась с тяжелым похмельем, искренне недоумевая, почему столько всяких небылиц наплели люди *вокруг всего этого*.

Потом секс случался у меня еще пару раз, уже на других пляжах и с другими партнерами. Хотелось убедиться, что с другими может быть лучше. Ничего подобного! Все было так же плохо и скучно. Знаю, миллионы женщин бросятся убеждать меня, что я чего-то там не догоняю. Ерунда! Я никогда не заморачивалась по поводу отсутствия секса в моей жизни. Мне и без него очень даже хорошо.

Самое любопытное, что мы со Стар хоть и были всю жизнь, как говорится, «не разлей вода», везде и всегда вместе, и секретов у нас друг от друга не было, но тему секса мы никогда не поднимали в наших разговорах. Я даже не знаю, осталась ли она девственницей. Помню, когда мы с ней учились в закрытой школе, то многие девчонки по ночам, лежа в своих кроватях, пускались во всякие интимные откровения. Рассказывали о парнях, с которыми встречались, и о том, как у них все происходило. Мы же со Стар всегда хранили молчание. Не обсуждали эту щекотливую тему ни с одноклассницами, ни друг с другом.

Возможно, мы обе воспринимали факт близости с мужчиной как такое своеобразное предательство по отношению друг к другу. Во всяком случае, *я воспринимала* это именно так.

Я вышла из своей комнаты, даже не заперев ее на ключ, зная, что сию же минуту здесь появится волшебница-горничная и примется наводить чистоту и порядок. Я спустилась на террасу, где меня уже поджидал Эйс.

– Привет, Сиси, – поздоровался он, слегка привстав со стула при моем появлении. Что ж, хорошим манерам он точно обучен, и это уже само по себе приятно. Он налил нам обоим свежей воды из кувшина и окинул меня внимательным взглядом.

– О, у вас новый топик?

– Да. Вот поторговалась в одной лавчонке и сбросила цену до двухсот пятидесяти батов.

– Странно, правда? Ведь за аналогичную вещицу, но только в каком-нибудь дизайнерском бутике в Лондоне, многие готовы выложить в сотни раз больше той суммы, что заплатили вы.

– Я бы никогда себе этого не позволила.

– У меня была приятельница, которая, не моргнув глазом, могла выложить тысячи фунтов за дамскую сумочку. Я еще понимаю, потратить такие деньжищи на что-нибудь полезное, нужное для жизни. Но вот наступает новый сезон, появляется следующая коллекция сумок, и она тут же бежит покупать очередную сумочку, а старая между тем будет пылиться в шкафу вместе с остальными своими товарками, которыми даже ни разу не воспользовались по назначению. Знаете, я однажды застал ее за тем, с каким восхищением она разглядывала свою коллекцию.

– Может, для нее сумочки были своеобразными произведениями искусства. У каждого ведь свои пристрастия и увлечения. Одним нравится то, другим это. Вот вы, мужчины, к примеру... Вы ведь буквально помешаны на своих авто, разве не так? – добавила я, между тем как служанка уже подала на стол роскошный ужин.

– Тут вы правы, – согласился со мной Эйс. Служанка исчезла так же бесшумно, как и возникла. – У меня в свое время был набор самых роскошных тачек... Просто на тот момент я мог себе это позволить.

– И это доставляло вам удовольствие?

– Временами – да. Когда ты садишься за руль и слышишь рев мотора...

И чем он сильнее и мощнее, тем приятнее.

– Ну да. У мальчиков ведь свои игрушки... Машинки всякие...

– А у девочек бусы и прочие побрякушки, – парировал Эйс с легкой улыбкой. – Приступаем к трапезе, да?

Как всегда, ужинали молча, но молчание, витавшее над столом, было вполне дружеским. Наконец я насытилась и удовлетворенно

откинулась на спинку стула.

– Нет, честное слово, мне будет не хватать этих пиршеств, когда я снова превращусь в Австралии в обычную туристку с рюкзаком на спине. У вас я словно в раю побывала. Счастливчик вы, обитаете среди таких красот.

– Знаете, начинаешь ценить то, что имел, лишь тогда, когда теряешь это. Согласны?

– Но вы же ничего пока не потеряли. А здесь все просто *изумительно*.

– Пока еще не потерял, тут вы правы. – Эйс снова глубоко вздохнул. – А как вы завтра собираетесь встречать Новый год?

– Даже и не думала об этом. Джек пригласил меня к себе в ресторан. Там, судя по всему, соберется вся наша тусовка. Хотите, пойдем вместе?

– Нет, спасибо.

– А чем собираетесь заняться вы? – спросила я, скорее из вежливости, чем из любопытства.

– Ничем. В конце концов, это же просто дата, выдуманная людьми, и только. Живи мы, скажем, в Китае, праздновали бы встречу Нового года совсем в другое время.

– Верно. Но ведь существуют же определенные традиции. От них просто так не отмахнешься. Когда погружаешься в атмосферу праздника, то и чувствуешь себя совсем по-другому. Забываешь о собственных неудачах, об одиночестве и прочем... А что толку торчать в доме одному и получать поздравительные эсэмэски от друзей, которые в эту минуту развлекаются на полную катушку на какой-нибудь потрясающей вечеринке? – улыбнулась я в ответ.

– В прошлом году я как раз был на такой вечеринке, – признался Эйс. – Она проходила в одном из клубов Сен-Тропе. Мы приплыли туда на яхте. Хозяева принялись откупоривать бутылки шампанского стоимостью сотни евро каждая и поливать ими все вокруг, словно это была обычная вода. Тогда мне казалось, что это клево, но я на тот момент был пьян, а во хмелю, знаете ли, любой абсурд кажется фантастикой, не правда ли?

– Если честно, это состояние мне плохо известно. Я по натуре трезвенница. Алкоголь – это категорически не мое, а потому я всегда, как говорится, в форме.

– Счастливая! Я... мне кажется, большинство людей напиваются только затем, чтобы забыться. Снять с себя стресс.

– Пожалуй, вы правы. Спиртное ведь может на время приглушить боль.

– Вообще-то когда я подшофе, то способен натворить много глупостей, – вдруг разоткровенничался со мной Эйс. – А потому сейчас я предпочитаю не доводить себя до такого состояния. В последние пару месяцев, что я здесь, вообще не притронулся к спиртному. Думаю, сейчас я бы захмелел и от одной кружки пива. А в свое время мог запросто осушить пару бутылок шампанского, да еще несколько рюмок водки в придачу, и лишь только тогда начинал ощущать, что боль действительно начинает уменьшаться.

– Ничего себе! Вот это размах! Я тоже люблю пригубить бокал шампанского, но лишь по какому-нибудь особо торжественному случаю. День рождения или еще что.

– Знаете что? – Эйс подался вперед и уставился на меня долгим немигающим взглядом. Его синие глаза вдруг ожили. – А как вы смотрите, если мы с вами завтра ровно в полночь откроем бутылку с шампанским? Случай, выражаясь вашим языком, более чем торжественный. Как-никак, канун Нового года. Но ограничимся лишь одним бокалом. Договорились?

Я задумалась, сосредоточенно нахмутив лоб. И это не ускользнуло от внимания Эйса.

– Не волнуйтесь. Я никогда не был алкоголиком. Уверяю вас, я моментально трезвею, как только понимаю, что творю. К тому же мне не хочется быть в эту ночь единственным человеком на всем побережье, добровольно отказывающимся от выпивки. Так, чего доброго, можно ненароком попасть в клуб анонимных алкоголиков, куда меня зачислят досужие сплетники. Мне просто захотелось немного праздника, а вовсе не выпивки. Понимаете?

– Понимаю, но...

– Честное слово! Только по одному бокалу. Ну что? Договорились?

Что тут возразишь? В конце концов, он же мой хозяин. Как я могу отказать в его просьбе? С другой стороны, вещи нужно упаковать и рюкзак держать наготове. Вдруг что-нибудь пойдет не так?

– Договорились, – согласно кивнула я в ответ.

На следующий день в обеденное время я наведальась на пляж Рейли-Бич. Там уже царила предпраздничная атмосфера, как и в канун Рождества. Во всех отелях кипела работа на верандах: шла подготовка к вечерним торжествам. Крайне недовольная этюдом, на котором я углем запечатлела береговые известковые скалы, но результат – увы! получился довольно убогим, я оторвалась от своей живописи и направилась напрямиком в отель «Рейли-Бич».

– Привет, Сиси. Как поживаешь? – поздоровался со мной Джек.

– Отлично, – ответила я приятелю, который был занят тем, что выставлял стаканы на длинный стол-эстакаду. Выглядел он сегодня гораздо увереннее, чем в прошлый раз: хлопотал за стойкой бара с неизменной кружкой пива в руке. Вскоре за его спиной появилась и та, которая поспособствовала улучшению его настроения. Подошла и уверенно положила руку ему на плечо.

– У нас не хватает вилок, – объявила Нами своим привычным требовательным тоном, попутно одарив меня недоброжелательным, как всегда, взглядом.

– По-моему, на кухне еще есть какой-то запас.

– Тогда сходи и принеси. Хочу сервировать наш стол к ужину.

– Уже иду. А ты придешь сегодня вечером? – обратился ко мне Джек.

– Думаю, загляну, но попозже, уже после полуночи, – неопределенно ответила я, прекрасно зная, что «попозже» Джек уже будет настолько пьян, что моего появления попросту не заметит. Он, пожалуй, не обратит внимания, даже если вдруг его место за стойкой бара займет сам Иисус Христос.

Джек посеменил вслед за Нами на кухню, но вдруг остановился и повернулся в мою сторону.

– Кстати, один мой приятель сказал, что знает, кто тот таинственный мужчина с пляжа. Приятель сейчас отъехал на остров Пхи-Пхи. Будет там встречать Новый год, но пообещал, что по возвращении расскажет мне кое-что про него.

– Отлично.

– Тогда до встречи, Сиси, – попрощался со мной Джек и скрылся в кухне вслед за Нами, держа поднос в руке. Этаким маленький послушный ягненок, безропотно следующий за пастушкой Бо Пип из мультика «История игрушек». Удивительно! Такой большой, мускулистый мужчина, штурмующий самые крутые отвесные скалы быстрее, чем кто-либо из тех скалолазов, которых мне довелось повидать... А тут – полная размазня. Остается лишь надеяться на то, что сама я никогда не стану обращаться со своим мужчиной подобным образом. С другой стороны, сколько я уже перевидала на своем веку подкаблучников, которым, судя по всему, даже нравится, что ими командуют женщины.

«Может, и я тоже помыкала Стар? И потому она решила расстаться со мной?»

Но я тут же постаралась выбросить эту мысль из головы. Не хочу расстраиваться, да еще в канун Нового года, вполне возможно знаменующего начало моей новой жизни. Я постаралась успокоить себя и на предмет будущих откровений приятеля Джека. Что бы он там ни поведал мне про Эйса, это все равно ничего не значит. Это здесь, на затерянном в океане полуострове, любой пустяк становится сенсацией. Даже если вместо мороженого ты съела обычный леденец... Небольшие людские сообщества питаются сплетнями. А уж если вдруг среди них попадает такой человек, как Эйс, который явно выделяется из толпы, то тут слухи возникают сами собой. Однако тот факт, что он ни с кем из отдыхающих не вступал ни в какие разговоры, тем более по пьяни, еще вовсе не означает, что он плохой человек. Напротив! Лично мне он вообще кажется очень интересной личностью. К тому же умным...

Я пошла вниз по улочке, заставленной с двух сторон лотками, направляясь домой. А по пути размышляла, что, как ни странно, я уже готова ринуться на защиту Эйса. Точно такие же чувства я испытывала и по отношению к Стар, когда посторонние приставали ко мне с расспросами, все ли с ней в порядке и почему она все время молчит.

Вернувшись в свою комнату, приняла душ, после чего обильно смазала все тело кремом – кажется, это уже стало входить у меня в привычку. А пора бы и отвыкнуть от подобной роскоши, иначе потом трудно будет обойтись безо всех этих кремов и лосьонов. Я натянула на себя свой старый кафтан и вышла на террасу. Эйс уже был там,

облаченный в белоснежную, накрахмаленную до хруста рубашку из тонкого льна.

– Привет, – поздоровался он со мной. – Удачный был день?

– Неплохой. Разве что с живописью совсем расклеилось. Не могу изобразить даже простейший квадрат, не говоря уже о чем-то другом.

– Все вернется, Сиси. И желание снова рисовать тоже. Надо просто выбросить из головы все отрицательные мысли, которые сейчас вас одолевают. Но на это нужно время.

– Пожалуй, что так. А как прошел день у вас?

– Так же, как всегда. Почитал книгу, ходил на прогулку. Гулял и размышлял над тем, что только что прочитал. Попутно пришел к выводу, что все эти книги из так называемой рубрики «Помоги себе сам» совершенно *бесполезны*. – Эйс невесело усмехнулся. – В этой жизни нет простых решений.

– Это верно. Их никогда не существовало. Нужно принимать все таким, как оно есть, и каким-то образом приспособливаться к обстоятельствам. Согласны?

За столом повисла пауза.

– Да. Итак, готовы к ужину? – заговорил наконец Эйс, прервав затянувшееся молчание.

– Можно начинать, – ответила я.

Немедленно перед нами возникло блюдо с огромным лобстером. Плюс еще какое-то бессчетное количество прочих закусок и яств.

– Вот это сюрприз! Из всех морепродуктов больше всего на свете я обожаю лобстеров! – воскликнула я, не сдерживая своего удовольствия при виде омара.

– Для бродяжки, ночующей на пляже под открытым небом, у вас весьма изысканные вкусы, должен заметить, – пошутил в ответ Эйс, когда мы с ним, можно сказать, вылизали свои тарелки и перешли к десерту: свежие фрукты и фруктовое мороженое с орехами. – Впрочем, судя по вашим рассказам, ваш отец богат, не так ли?

– Да, папа был богатым человеком. – Впервые до меня дошло, что я еще не рассказала Эйсу о том, что Па Солт умер. Что ж, самое время сделать это сейчас, решила я. Решено – сделано.

– Сочувствую вам, Сиси. Очень сочувствую. Получается, это первое Рождество и первый Новый год, который вы встречаете уже без него?

– Да.

– Поэтому вы и приехали сюда?

– Да. Но не только поэтому... Недавно я потеряла еще одного очень близкого мне человека. Можно сказать, самого дорогого моему сердцу.

– Бойфренд?

– Нет. Это моя сестра. Она жива и здорова, с ней все в полном порядке. Но просто она решила, что дальше пойдет по жизни своим путем.

– Понятно. Получается, что мы с вами во многом схожи. Такая вот сладкая парочка...

– Вот уж не подумала бы никогда! Разве вы тоже кого-то потеряли?

– Можно сказать, что за последние несколько месяцев я потерял все. Ну, или почти все... И виноват во всем исключительно я сам и никто более. – Эйс отхлебнул воды из своего стакана. – В этом принципиальное отличие меня от вас.

– То, что папа умер, да, в этом моей вины нет. Это правда. Но зато сестру я сама оттолкнула от себя. Наверное, тем, что вела себя... слишком властно. Всем командовала. – Наконец-то я нашла подходящее слово. – Контролировала каждый ее шаг. Нет, я вовсе не хотела опекать ее так сильно, но она такая у нас застенчивая... Словно маленький ребенок. И говорит мало. Вот я и привыкла говорить за нас двоих. Боюсь, от этой привычки я так и не отучилась.

– А она в конце концов обрела свой собственный голос?

– Что-то типа того... И при этом разбила мне сердце. Правда! Она была для меня... *всем*, если вы понимаете, что я имею в виду.

– Еще как понимаю! – прочувствованно воскликнул Эйс. – Ты доверяешь человеку безоговорочно, а он в какой-то момент поворачивается к тебе спиной. Это очень тяжело.

– Такое произошло и с вами? – спросила я. Он отвел глаза, но в них я успела прочесть боль.

– Да.

– Хотите поговорить об этом? – задала я свой следующий вопрос, памятуя о том, что разговоры, касающиеся *моих проблем*, он всегда поощрял. А вот стоило начать говорить о том, что мучает уже его

самого, и он тотчас же замыкался и переключал разговор на что-то другое.

– К сожалению, я пока просто не могу говорить на эту тему... В силу ряда причин, в том числе и правовых. Всю правду знает только Линда. А для вас даже к лучшему, что вы ничего не знаете.

Ну вот! Снова он напускает на себя привычную таинственность, подумала я, чувствуя, что это начинает понемногу раздражать меня. Наверняка во всех его неприятностях замешана какая-нибудь женщина. Вполне возможно, бывшая жена, подавшая на развод и зажавшая его сейчас в тиски, требуя миллионы в качестве компенсации. Но все же мне его стало жалко.

– Что ж, не хотите говорить – не надо. Но, пока я здесь, я всегда к вашим услугам, – миролюбиво предложила я, не желая портить предстоящий вечер.

– Спасибо, Сиси. Ценю ваше участие. И ваше общество сегодня вечером тоже. Я, сказать по правде, с ужасом ждал наступления Нового года. Боялся, что придется встречать его в полном одиночестве. А ведь вы правильно заметили, новогодняя ночь – это такой особый повод, торжественный и радостный. В любом случае предлагаю помянуть вашего отца. А также выпить за старых и новых друзей. – Мы чокнулись стаканами с водой. Потом он мельком глянул на свои часы. «Ролекс». И не какая-то там дешевка, купленная в затрапезной лавчонке в Бангкоке. – Так. До полуночи осталось ровно десять минут. Предлагаю прямо сейчас наполнить наши бокалы шампанским, как мы и условились, и отправиться на пляж, чтобы встретить наступление Нового года именно там. Как смотрите?

– Отлично!

Эйс вышел из-за стола, а я, воспользовавшись моментом, отослала коротенькую эсэмэску Стар, поздравив ее с Новым годом. Мне очень хотелось поделиться с сестрой, рассказать, что у меня появился друг, но тут я подумала, что, вполне возможно, она истолкует мою новость совсем в ином ключе, и ничего не стала писать. Потом отбила поздравление Ма и отправила аналогичные послания остальным своим сестрам, разбросанным по всему миру.

– Ну что? Готовы? – Эйс возник передо мной, держа в обеих руках бокалы с искрящимся на свету шампанским.

Мы направились к воротам. По мгновенно подхватился со своего места и распахнул ворота.

– Туда ходу ровно пять минут... Пора начинать задумывать желания, – сказал Эйс, а уже на берегу спросил: – Успели загадать?

– Блин! Да ничего путного в голову не лезет! А... Вот! Хочу снова вернуться к своей живописи... А еще собраться с силами, съездить в Австралию и узнать, откуда же я родом.

– То есть найти свою настоящую семью?

– Да.

– Круто! Грандиозные планы. Вы мне раньше ничего о них не рассказывали.

– А что загадали вы? – Я глянула на Эйса при свете луны.

– Принять как должное все, что меня ждет, и сделать это с достоинством, – ответил он, не глядя на меня, а устремив свой взгляд в небеса. – А еще сделать над собой титаническое усилие и ограничиться сегодня ночью только одним бокалом шампанского, – добавил он с усмешкой.

Через пару секунд до нас донеслись ликующие звуки сирен, которыми приветствовали наступление Нового года рыбаки на своих шхунах, стоявших на приколе по всей акватории залива. Всполохи фейерверков, которые запустили в небо на пляже Рейли-Бич, осветили небо. Их кружевные узоры были хорошо видны из-за скал.

– Красотища! – восхитилась я, увидев, как на другом конце пляжа сотни китайских фонариков плавно устремились ввысь.

– Будьте здоровы, Сиси! – сказал Эйс, чокаясь со мной. Я молча проследила за тем, как он залпом осушил свой бокал до дна. – Боже! Какое наслаждение! С Новым годом вас! – Внезапно он обвил меня руками и крепко обнял. В результате бо`льшая часть содержимого моего бокала пролилась на его плечо и на песок. – А вы ведь, Сиси, спасли мне жизнь за эти последние несколько дней. Честное слово!

– Не думаю, что это так. Но в любом случае спасибо.

Он слегка отстранил меня от себя, удерживая за плечи обеими руками.

– Это именно так, уверяю вас.

После чего накрыл мой рот своими губами и поцеловал.

Поцелуй был очень хорош: крепкий и одновременно нежный. Человек-волк явно изголодался. И транквилизаторы типа валиума уже

не помогают. Мое рациональное сознание сделало последнюю попытку предупредить о надвигающейся опасности. Поцелуй – это уже не шутки. Но не надо на него реагировать. Однако поцелуй все длился и длился, и мне было хорошо.

– Пошли! – Эйс наконец оторвался от меня и, схватив за руку, потащил с пляжа в сторону дома. Проходя мимо По, который наверняка видел, как мы целовались, я мило улыбнулась ему и поздравила с Новым годом.

Твердой рукой Эйс повел меня к себе в комнату, и я поняла, что это должно случиться.

Ночь... что ж, если не вдаваться в излишние подробности, все было просто чудесно. Эйс оказался опытным любовником, хорошо знающим, что надо делать. Прямо самый настоящий эксперт, да еще в сравнении со мной. Но поразительно, как же быстро всему учишься, особенно если хочешь.

– Сиси! – Спустя несколько часов он осторожно погладил меня по щеке. Должно быть, уже светало, потому что за окном послышалось слабое чириканье птиц. – Ты такая... восхитительно вкусная... Спасибо тебе!

– Все нормально! – отозвалась я полусонным голосом, хотя его сравнение мне не очень понравилось. Что значит вкусная? Будто я мороженое какое.

– Нам было хорошо, но это здесь и сейчас, да? Я хочу сказать, что о будущем наших отношений не может быть и речи.

– Конечно нет! – согласилась я с легкостью. Меня в этот момент гораздо больше волновало, как бы он не вообразил себе, будто это я к нему клеюсь.

– Вот и отлично! Не хочу огорчать тебя. Не хочу никого больше огорчать. Спокойной ночи. И сладких тебе снов.

С этими словами он откатился на свою половину кровати, которая была гораздо больше и комфортабельнее той, что стояла в моей комнате, и почти сразу же уснул.

«Конечно же, это все только здесь и сейчас», – размышляла я, лежа на своей половине. И тут до меня дошло, что я впервые, можно сказать, делю ложе с мужчиной. Все мои предыдущие, довольно неуклюжие соития всегда происходили на природе, под открытым небом. Я лежала, вперив глаза в темноту. Хорошо хоть, что сквозь

неплотно задвинутые жалюзи в комнату изредка проникали блики новогодней иллюминации. Именно то, что мне нужно. Немного света. В остальном же все было великолепно: полное раскрепощение и никаких моральных препон. Через пару-тройку дней я улечу в Австралию. Возможно, мы с Эйсом станем изредка обмениваться эсэмэсками. А почему бы и нет? Я же не героиня из какого-нибудь романа времен королевы Виктории, принеся свою девственность на алтарь брака, почитая незыблемость и святость этих уз, в которых она обречена была жить до самой смерти. Слава богу, наше поколение имеет полную свободу распоряжаться собственным телом. И делать со своим телом все, что нам нравится. А сегодня мне *понравилось*...

Мои пальцы сами собой осторожно нащупали тело Эйса. Я прошлась рукой по его коже. Просто мне захотелось удостовериться, что он рядом, что он здесь, со мной. Вот он пошевелился во сне, и я тотчас же отдернула свою руку. Но Эйс уже снова повернулся ко мне и заключил меня в свои объятия.

Мне было так тепло и уютно рядом с ним, так хорошо, как никогда раньше. И я тоже заснула.

Наш секс в новогоднюю ночь не стал одноразовым событием. Напротив! Он превратился в регулярное занятие. Мы занимались любовью утром, днем, вечером... Словом, всегда, когда выпадала минутка принять горизонтальное положение. А если горизонтальное положение на какое-то время откладывалось, то мы находили себе целую кучу других увлекательных занятий. Так, на рассвете Эйс мог стащить меня с постели, чтобы посмотреть на обезьян, о появлении которых возвещал громкий стук на крыше. Это они там орудовали, обыскивая все вокруг в поисках заваливающейся еды. Однажды мне даже удалось запечатлеть одну из проказниц на фотопленку. После чего охранник тут же разогнал обезьян, прибегнув к помощи миниатюрной катапульты. А я снова завалилась в кровать. И уже утром Эйс разбудил меня, появившись с подносом, на котором были выставлены всякие аппетитные вкусности для завтрака. Долгими полуденными часами, когда зной делался особо нестерпимым, мы утоляли жажду ананасами

и соком манго, коротая время за просмотром DVD-дисков из обширной коллекции Эйса.

Однажды на рассвете прямо перед домом появилась шикарная яхта. По помог нам взобраться на борт, потом извлек из кармана свой фотоаппарат и предложил щелкнуть нас на память, на что Эйс немедленно ответил самым категорическим запретом. Когда мы отплыли от берега, он сообщил, что собирается показать мне нечто особенное. Поскольку гонять на катере мне не в новинку – я в свое время избороздила Женевское озеро, можно сказать, вдоль и поперек на нашем семейном катере, то и здесь я вскоре отодвинула шкипера в сторону и взяла руль в свои руки, развив бешеную скорость. Судно стремительно помчалось вперед, рассекая волны, а я еще при этом время от времени выделявала всякие крутые виражи, чтобы немного поугадать шкипера. Но вот прямо по курсу перед нами возникла гряда известковых скал, и я тут же передала бразды правления капитану. Он мастерски сманеврировал, и мы очутились в скрытой от посторонних глаз лагуне, защищенной со всех сторон скалистыми стенами головокружительной высоты. Вода здесь была зеленой и абсолютно спокойной, кое-где даже виднелись мангровые деревья. Это место называется Ко-Хонг, и мне оно показалось настоящим раем. Я тут же сиганула в воду. Следом за мной бросился Эйс. Мы плавали и плескались в лагуне, словно в собственном бассейне, но только затерянном посреди океана.

Наплававшись всласть, мы сидели на борту, попивая обжигающе горячий и крепкий кофе, наслаждаясь удивительным покоем и гармонией, царившими в этом невероятно красивом месте. А потом я повела катер в обратном направлении. Дома мы сразу же улеглись в постель и занялись любовью. То был поистине прекрасный день, один из тех, который я никогда не забуду. Такие дни, пожалуй, выпадают лишь один-единственный раз в жизни. Даже если речь идет обо мне и моей жизни.

На пятую ночь, лежа рядом с Эйсом в его комнате, ибо после новогодней ночи в своей комнате я так и не появилась, я предалась размышлениям о том, что у нас с ним, судя по всему, вырисовываются «отношения». Немедленно какая-то часть меня испугалась. Ведь именно этого мне хотелось меньше всего. Да и Эйс дал мне четко понять, что ему никакие долгосрочные отношения тоже не нужны. Тем

не менее что-то во мне сопротивлялось. Мне даже хотелось сфотографировать нас двоих на пляже, такая романтическая парочка, а потом разослать фотки всем своим сестрам. Пусть полюбуются! Пусть знают, что никакой я не лузер по жизни. Ведь Эйс *определенно нравлюсь*, и не столь уж важно, по каким причинам. И он так чистосердечно смеется над моими шутками, хотя даже я понимаю, что они весьма топорные. И мое тело ему нравится. Он находит мою хрупкую маленькую плоть очень и очень *сексуальной*.

Но главное – это то, что Эйс возник в моей жизни именно тогда, когда он был мне нужен, и «заполучил меня» так, как это ранее удавалось только Стар. Оба мы бежали от мира, обоих нас волей случая прибило к этому дальнему берегу, и оба мы понятия не имеем, что с нами будет потом. А ведь так приятно почувствовать рядом родственную душу, пусть и на короткое время.

На шестой день я проснулась сама. Глянула на часы. Почти час дня. Эйс точно запаздывает с завтраком. Где фрукты? Где круассаны и горячий кофе? Я уже приготовилась сползти с постели и отправиться на его поиски, но в эту минуту дверь распахнулась и появился Эйс с подносом в руках. Пожалуй, я бы тут же и расслабилась, но выражение его лица настораживало.

– Доброе утро, Сиси. Как спалось?

– Отлично. С четырех утра, если помнишь, и до сего часа спала как убитая, – ответила я, пока он пристраивал поднос.

Обычно после этого Эйс тоже ложился в постель рядом со мной. Но сегодня он примостился на краю кровати.

– У меня тут кое-какие дела возникли. Не возражаешь, если вторую половину дня проведешь без меня? Развлекайся по собственному усмотрению.

– Конечно, какие разговоры! – жизнерадостно ответила я.

– Тогда до вечера. Встречаемся в восемь за ужином. – Эйс поднялся с кровати и поцеловал меня в макушку.

– До встречи, – пробормотала я в ответ.

Прощальный взмах рукой, легкая улыбка, и он уходит из комнаты. А я начинаю мучительно соображать. Для меня все эти «отношения» – дело новое, непривычное. Вот я лежу и гадаю, нормальное ли это поведение для Эйса. С одной стороны, конечно, дела есть дела. Лишнее свидетельство того, что жизнь после Нового года

возвращается в свое привычное русло. А с другой? Может, мне пора уже паковать рюкзак и отправляться восвояси? Что ж, пусть не воображает, что мне некуда податься. Отлично развлекусь и без него. В результате, прихватив с собой альбом для эскизов, я направилась на пляж Рейли. А по дороге заглянула на веранду отеля «Рейли-Бич». Народу после Нового года явно поубавилось. За стойкой бара посетительницей обслуживала Нами. Я заказала стакан свежевыжатого сока манго. Уселась на табурет и принялась разглядывать ее с очень самодовольным видом, хотя и понимала, что это отнюдь меня не красит.

– Комната вам нужна? – поинтересовалась у меня Нами, снимая кожуру с манго и заталкивая его в блендер.

– Нет, спасибо, я устроена.

– В каком отеле остановились?

– В «Санрайз-Ризот».

Нами молча кивнула, но я заметила, как в ее глазах промелькнула искра.

– Давно вас не видела. Вас вообще никто не видел в последние дни.

– Я была занята.

– Правда, Джей рассказывал, что видел вас на пляже Прананг. Вы катались на скоростном катере с мужчиной.

– Неужели? Хотелось бы, чтобы так оно и было. – Я округлила глаза, имитируя крайнюю степень изумления, но душа у меня ушла в пятки. Джей – один из тех парней, которого я знаю еще с прошлого года, приятель Джека. Изредка помогает ему в баре, а вообще хватается за любую работу, если есть возможность заработать на корочку хлеба. Кто-то из знакомых рассказывал мне, что в прошлом он был журналистом, но баловался наркотиками, пока наркота окончательно не сгубила его. Я часто видела его сидящим с самым вызывающим, я бы даже сказала, наглым видом, с папироской в руке, явно с наркотиками. Я же всегда относилась к наркотикам резко отрицательно. Не говоря уже о том, что здесь, в Таиланде, предусмотрены самые суровые меры наказания для любого наркомана, и неважно, застучали тебя на месте преступления с окурком в руке или с целой пригоршней героина.

Какое-то время Джей даже пытался ухлестывать за Стар. Вечно путался у нее под ногами, стоило нам появиться в баре. Но у Стар он вызывал то же чувство гадливости, что и у меня. Во всяком случае, я, со своей стороны, постаралась сделать все, чтобы никогда не оставлять их наедине.

– Он говорил, что видел именно вас, – упорствовала Нами, протягивая мне стакан с соком манго. – У вас появился новый дружок, да?

Она сказала это так, будто у меня этих дружков было пруд пруди. И тут меня осенило. Скорее всего, она вообразила, что у нас с Джеком тоже была такая маленькая любовная интрижка. Иначе с чего бы он вдруг стал мне предлагать свою комнату? Господи! До чего же эти женщины порой смешны. Неужели не видно, что Джек у нее полностью под каблуком и она вцепилась в него своими маленькими проворными ручками, как говорится, намертво?

– Никаких новых дружков у меня нет, – отрезала я и поспешно допила свой стакан с соком.

– Джей сказал, что он знает того человека, с которым вы катались на лодке. Плохой человек. К тому же известный.

– Тогда Джеку надо пропустить пару стаканчиков с виски, чтобы проветрить свои мозги, – бросила я в ответ. – Повторяю, то была не я. – Я быстро отсчитала шестьдесят батов, еще добавила десять батов на чай и тотчас же ретировалась из бара.

– Джей скоро объявится здесь. Он вам сам все расскажет! – крикнула Нами мне вдогонку.

Я отрицательно покачала головой и снова округлила глаза. Дескать, ты с ума сошла. После чего спустилась с веранды так, словно все, о чем мы только что говорили, меня не касается. Вместо того чтобы свернуть направо и пойти домой, я повернула налево, туда, где расположен отель, в котором я якобы остановилась. А вдруг Нами или тот же Джей... или кто-то еще, проследят, куда я сейчас пойду? На пляже напротив «своего» отеля я сбросила с ног башмаки, достала из рюкзака полотенце и отправилась в море искупаться. А заодно и подумать.

Интересно, что Нами имела в виду, когда сказала мне, что Джей обозвал Эйса «плохим человеком»? Судя по выражению ее лица, для нее это значило, что он большой любитель женщин. Бабник, проще

говоря. Из рассказов Эйса я и сама уже успела понять, что, когда он жил в Лондоне, у него было полно женщин. Он беспрестанно сыпал именами своих многочисленных подружек, с которыми, судя по всему, совсем неплохо проводил время. Что же до того, что он человек «известный»... Все может быть. Только я об этом никогда не узнаю. Я ведь в связи со своей дислексией практически не читаю ни газет, ни журналов.

Выйдя из воды, я улеглась прямо на песок, чтобы тело на солнце немного обсохло, и стала прикидывать, надо ли рассказать Эйсу об этом разговоре. Для меня уже было понятно, что он маниакально следит за неприкосновенностью своей частной жизни, никому не позволяя вторгаться в нее. Может, он какой-то всемирно известный селебрити? Стоило бы расспросить Электру о нем. Ведь это тот мир, в котором она сама ежедневно вращается. Но если это так, то новость о том, что у меня с этим человеком интрижка, мгновенно остудит ее пыл поделиться со мной хоть какими-то крохами информации. Подумать только! Самая уродливая из всех сестер Делпеси подцепила себе такую знаменитость. Пожалуй, все же надо написать ей коротенькую эсэмэску, хотя бы для того, чтобы проверить, как она отреагирует на мою новость.

Но я понимала и другое. Если я сообщу Эйсу о том, что кто-то пристально следит за ним, то это лишь встревожит, а может, даже и напугает его. К тому же Джей вряд ли знает, где живет Эйс. Во всяком случае, я на это очень надеюсь.

И все же, наверное, *мне следует* рассказать об этом разговоре... Да, но в запасе у нас с ним всего лишь пара деньков, а потом я улечу в Австралию. Не хочется омрачать последние дни, что мы проведем вместе, дурными новостями. Заодно я решила, что, как только проскользну сквозь ворота во дворец, оставшееся время проведу там безвылазно, вплоть до самого последнего момента, когда уже надо будет ехать в аэропорт. Остается лишь постараться и сегодня вернуться домой максимально незаметно.

Я решила, что самый подходящий момент для этого – время перед заходом солнца. В это время пляж Прананг обычно почти пуст. Но я постараюсь проскользнуть туда заранее и затеряться в толпе отдыхающих. Сказано – сделано. Я искупнулась еще раз, потом выбралась на песок и улеглась на полотенце, предусмотрительно

расстелив его как можно ближе к посту, на котором дежурил По. Он заметил меня и сразу же бросился открывать ворота, но я сделала вид, что ничего не вижу, и даже отодвинулась на пару метров в сторону. Так, на всякий случай. Проскользну в дом, решила я, когда все отдыхающие погрузятся в созерцание заката.

Минут через двадцать началось вечернее действо, а я, воспользовавшись тем, что все глаза были обращены на светило, быстрехонько прошмыгнула через ворота, словно раненый зверь.

Направляясь к себе в комнату, я смутно представляла, что меня ждет впереди. Утешало лишь одно. Если Эйс вдруг предложит мне убраться из его дома прямо сейчас – дескать, между нами все кончено, то найти себе место в каком-нибудь отеле не составит особого труда. Ведь новогодняя лихорадка с неизменным наплывом туристов уже закончилась. Открыв дверь в свою комнату, я уловила слабый цветочный запах, витавший в воздухе.

– Я здесь. Иди сюда! Присоединяйся ко мне, – услышала я голос Эйса.

Я вошла в ванную комнату и увидела Эйса лежащим в огромной овальной ванне в окружении десятков горящих свеч, источающих сладковатый аромат. Вода в ванне была покрыта сплошным слоем белых и розовых лепестков.

– Хочешь ко мне?

Я хихикнула в ответ.

– Что смешного?

– Ты сейчас смотришься как такая сюрреалистическая версия знаменитого полотна, изображающего мертвую Офелию.

– Хочешь сказать, что я со своим волосатым торсом выгляжу безобразно? Ну и пусть! – ухмыльнулся он в ответ. – Просто я попытался быть романтичным. А тут еще и служанка помогла с цветами. Но явно перестаралась. Никогда не надо просить тайскую прислугу приготовить для вас ванну. Иначе они все засыпят лепестками. Потом не отмоешься за несколько дней.

Я присоединилась к Эйсу. Устроилась, удобно положив голову ему на грудь, а он крепко обвил меня руками за талию. Невероятно приятное чувство!

– Извини, что так получилось с утра, – прошептал он мне на ухо, а потом нежно поцеловал его. – Но у меня действительно скопились

кое-какие дела, которые надо было решить по телефону.

– Тебе не за что извиняться передо мной.

– Я по тебе соскучился. Так мы будем сегодня ужинать?

– Обязательно, – улыбнулась я в ответ.

Много позже, когда мы, наконец, уже выбрались из ванны, а потом как следует приложились к свежей рыбе под тамариндовым соусом, мы решили немного прогуляться. Спустились на пляж и улеглись на песок, стали разглядывать звезды.

– Покажи мне свою звезду, – вдруг попросил меня Эйс.

Я поискала глазами туманное созвездие Семь сестер и ткнула в него пальцем.

– Моя звезда третья по счету, если считать с самой верхней.

– Но я вижу только шесть звезд.

– На самом деле их семь. Просто последняя – самая маленькая, и ее едва видно.

– А как зовут эту звезду?

– Меропа.

– Ты раньше никогда не упоминала этого имени.

– Не упоминала. Потому что такой сестры у нас нет. Папа удочерил только шесть девочек и привез их к себе домой.

– Сплошные загадки.

– Наверное, ты прав. Но знаешь, оглядываясь в прошлое, могу сказать, что все мое детство было именно таким: волшебно-загадочным.

– А ты не знаешь, почему он удочерил вас?

– Понятия не имею. Ребенком мне это было совсем не интересно. Ну, понимаешь меня? Я воспринимала все как должное. Мне нравилось, что у меня столько сестер. Я любила Стар. А у тебя есть братья или сестры?

– Увы-увы! Я – единственный ребенок, и у меня нет ни братьев, ни сестер. – Эйс издал хрипловатый смешок и повернулся ко мне лицом. – Ты не слишком много рассказываешь о своих сестрах. Какие они у тебя?

– Майя и Алли – старшие. Майя чудо как хороша. И такая умница. Она знает целую кучу языков. Алли тоже замечательная. Сильная, мужественная... Недавно у нее случилось большое горе, но она как-то

справилась со всем этим. Знаешь, я не перестаю восхищаться ею. Честно! Хотелось бы мне хоть в чем-то походить на нее.

– То есть Алли в вашей семье – это такой образец для подражания, да?

– Возможно, так оно и есть. Потом Тигги...

Я задумалась, подбирая нужные слова, чтобы описать свою следующую сестру.

– Она не такая, как Стар. Но я с ней тоже очень близка. Она такая... очень... Каким словом можно описать человека, который понимает тебя без слов?

– Наверное, у нее хорошая интуиция.

– Да, именно так. Интуиция. И вообще, она очень позитивный человек по натуре. Во всем видит только положительное. Если бы я рисовала, глядя на мир ее глазами, то это были бы невероятно красивые вещи. А еще есть Электра... – добавила я, немного помрачнев. – Но вот с ней мы не так чтобы очень уж ладим. – И тут же поспешила задать встречный вопрос: – А у тебя какое было детство?

– Наверное, так же, как и ты, я ребенком воспринимал все вокруг себя как должное. Я любил маму, мы жили в Таиланде, а вскоре после того, как она умерла, меня отправили на учебу в Англию.

– Наверное, было тяжело вдруг оказаться вдали от всех и от всего, что ты знаешь.

– Нет. В школе было... все прекрасно.

– А что твой отец?

– Я же говорил тебе, я его не знаю.

В голосе Эйса послышались напряженные нотки, и я не рискнула продолжить свои расспросы, хотя, не скрою, меня снедало откровенное любопытство.

– А ты никогда не предполагала, что Па Солт может оказаться твоим родным отцом? – услышала я в темноте его голос через какое-то время.

– Мне такие мысли даже и в голову не приходили, – ответила я. И вдруг невольно задалась вопросом: а что, если *так и есть*? – Если предположить такое, то получается, что папа бороздил на своей яхте моря и океаны, собирая шесть своих незаконнорожденных дочерей, разбросанных по всему миру. Довольно странно звучит.

– Пожалуй, ты права. Это было бы весьма странно, – согласился со мной Эйс. – Но была же у него какая-то причина поступить так, как он поступил?

– Кто знает? Да и кому это важно сейчас? Папы больше нет. Так что всей правды нам никогда не узнать.

– Согласен. Да и какой смысл копаться в прошлом, верно?

– Смысла нет. И тем не менее мы все копаемся в своем прошлом. Размышляем о тех ошибках, которые совершили. Сожалеем, что не можем исправить их.

– Тебе пока нечего исправлять. Какие у тебя ошибки? Ошибку совершили твои родители, когда в свое время отказались от тебя.

Я повернулась, чтобы взглянуть на Эйса. Меня поразило, какие у него яркие блестящие глаза, словно он с трудом сдерживает слезы. Наверное, лунный свет всему виной.

– Ты хочешь сказать, что именно так поступил твой отец? Бросил тебя?

– Нет, этого я не хочу сказать. Получается, что ты отправляешься в Австралию на поиски своих настоящих родителей, да?

Излюбленный приемчик Эйса. Перебрасывать мяч на сторону соперника. Но на сей раз я смолчала, потому что видела, что он действительно чем-то сильно расстроен.

– Получается так, – равнодушно пожала я плечами в ответ.

– А как ты узнала, где именно родилась?

– Папа умер в июне прошлого года, но незадолго до этого он оставил всем нам, сестрам, одну своеобразную вещь. Она называется армиллярной сферой. На ней выгравированы координаты тех мест, где он нашел всех нас.

– И куда же ведут тебя твои координаты?

– Город Брум. Где-то в Западной Австралии.

– Знаю. А еще подсказки были?

– Папа написал мне в письме, что нужно съездить туда и попытаться выяснить что-то о женщине по имени Китти Мерсер.

– И на этом все?

– Да. Во всяком случае, больше он мне ничего не сообщил. Но буквально через несколько дней после его кончины я узнала, что на меня свалилось наследство.

– Вот как? «Все чудесатее и чудесатее», как воскликнула бы крошка Алиса, побывавшая в Стране чудес. А ты пыталась выяснить что-то про эту Китти Мерсер через Интернет? – поинтересовался у меня Эйс.

– Я... то есть нет, – смутилась я и подумала, как хорошо, что сейчас темно и он не видит, как я покраснела. С другой стороны, что он прицепился ко мне со своими расспросами? – Знаешь, ты тоже хорош. Сам засыпаешь меня вопросами, а на мои отвечать не хочешь!

Эйс рассмеялся.

– Ты неподражаема, Сиси. Рубишь правду-матку прямо в глаза! – С этими словами он взгромоздил меня на себя и поцеловал.

Спустя два дня я проснулась с таким чувством, что полностью потеряла счет времени. Даже не знаю, какое сегодня число. Я сползла с постели и стала рыться в своем рюкзаке в поисках билетов до Бангкока и до Сиднея. Нашла. Потом проверила по мобильнику, какой сегодня день.

– Черт! Так мне же завтра уезжать! – воскликнула я в ужасе от открывшейся перспективы. И снова повалилась на постель в полном отчаянии.

В эту минуту в комнате появился Эйс с неизменным подносом, на котором был сервирован завтрак. Между свежайшими круассанами лежала какая-то книжка.

– У меня для тебя кое-что есть, – объявил он, устраивая поднос на кровати.

Я невольно взглянула на книжку. На обложке – черно-белая фотография какой-то красивой женщины. На ней – старомодное платье с высоким воротником-стойкой, застегнутым на крохотные жемчужные пуговички. Мне потребовалось несколько секунд, чтобы разобрать имя женщины.

– *Китти Мерсер, пионер в области добычи жемчуга*, – прочитала я вслух.

– Да, именно так! – воскликнул Эйс с ликованием в голосе и запрыгнул под одеяло, после чего протянул мне чашку с кофе. – Я

поискал информацию о ней в *Google*. У нее даже имеется собственная страничка в Википедии. Представляешь, Сиси?

– Правда? – ошарашенно переспросила я, несколько сбитая с толку.

– Невероятно интересная женщина. Из того, что мне удалось прочитать про нее, можно сказать, что в то далекое время, когда женщины еще только-только начинали бороться за свои права, она добилась очень и очень многого. Вот потому-то я и заказал ее биографию. И сегодня получил книгу по экспресс-доставке. Мне ее привезли на скоростном катере из книжного магазина на острове Пхукет.

– Заказал? – Я обозрела его холодным взглядом.

– Да. Я уже даже успел пролистать книгу. Очень интересная. Тебе наверняка понравится. – Он взял книгу и придвинул ее ко мне поближе. Я с трудом удержалась, чтобы не оттолкнуть его от себя вместе с книгой. Потом поставила чашку с кофе на прикроватную тумбочку и поднялась с кровати.

– К чему ты затеял весь этот переполох? – спросила я у Эйса, натягивая на себя майку. – Тебе-то что за дело до всего этого? Если мне понадобится что-то выяснить, я сделаю все самостоятельно, без посторонней помощи.

– Господи боже мой! Да я же хотел как лучше! И чего ты взъелась?

– Ничего я не взъелась! – отрезала я, хотя мы оба прекрасно понимали, что я разозлилась всерьез. – По правде говоря, я еще даже не решила для себя, буду ли я вообще заниматься поисками своей настоящей семьи!

– Так никто же тебя и не заставляет читать эту книгу прямо сейчас. Прочтешь, когда посчитаешь нужным.

Эйс снова попытался сунуть книгу мне в руки, но я лишь оттолкнула ее от себя.

– Для начала мог бы и у меня поинтересоваться, а захочу ли я вообще читать! – воскликнула я, натягивая на себя шорты, но в этот момент потеряла равновесие и чуть не упала. Получилось немного комично, а я ведь изо всех сил пыталась выглядеть достойно.

– Наверное, ты права. Мне следовало спросить тебя.

Я выскочила из комнаты и опрометью помчалась наверх, чтобы посидеть на террасе, обустроенной на крыше дома, чувствуя, что мне нужно немного остыть и прийти в себя.

Минут через десять на террасе возник Эйс и присел рядом со мной на диван, обитый шелком. В одной руке он держал книгу.

– Послушай, Сиси. Что не так? Скажи мне.

Какое-то время я молча кусала губу, слепо глядя на людей, плавающих в океане. Наконец я заговорила:

– Нет, все нормально. Ты действительно молодец. Предпринял столько усилий, чтобы заполучить эту книженцию. И так быстро. Наверное, быстрее и представить себе нельзя. Но все дело в том... Просто у меня с книгами отношения не складываются. И так было всегда. Вот потому-то я и не стала ползать по Интернету в поисках информации о Китти Мерсер. У меня... у меня дислексия. Понимаешь? Причем в очень сильной форме. Мне даже читать трудно.

Эйс обнял меня за плечи.

– Так почему просто не сказать об этом?

– Потому что я стесняюсь... потому что мне стыдно... понятно? – прошептала я, с трудом сдерживая слезы.

– Чего тебе стыдиться, глупенькая? Я знаю многих выдающихся людей, которые тоже страдают дислексией. Знаешь, а я придумал! Я прочитаю тебе эту книжку вслух. – Он притянул меня к себе, и я безвольно опустила голову ему на плечо. – Начнем прямо сейчас. – Он стал перелистывать страницы прежде, чем я успела остановить его.

– *Глава первая. Эдинбург, Шотландия, 1906 год...*

Китти

Эдинбург, Шотландия
Октябрь 1906 года

6

Китти Макбрайд лежала в своей постели и молча наблюдала за тем, как крохотный паучок проворно плел свою сеть, обматывая ею горемычную муху, застрявшую в самом уголке потолка и уже успевшую попасть в его капкан. Китти видела эту муху еще вчера вечером, слышала, как она неистово жужжала, носясь под самым потолком. А потом Китти выключила газовую лампу, и все успокоилось. И сразу же потянуло холодом. Последние теплые деньки: осень плавно переходит в зиму. Китти подумала, как, должно быть, исправно трудился всю ночь паучок, заматывая серебристыми нитями свою жертву и постепенно превращая ее в мумию.

– Ну, сегодня у тебя и твоих домашних будет просто шикарный ужин. Пожалуй, на целый месяц хватит, – сказала Китти вслух, обращаясь к пауку. После чего сделала решительный вдох и рывком сбросила с себя все одеяла. В комнате стояла зверская холодина. Китти тут же затрясло. Она опрометью перебежала к умывальнику, кое-как ополоснулась на скорую руку – маме наверняка такое омовение категорически не понравилось бы. Глянула в небольшое оконце. В этот ранний утренний час густой туман стелился по земле и по всему вокруг, укутывая толстым слоем ряд одинаковых домиков на противоположной стороне узенькой улицы. Китти быстро натянула на себя шерстяную нижнюю сорочку, а сверху платье, наглухо застегнув на все пуговицы высокий ворот вокруг своей длинной белоснежной шеи. Потом собрала копну каштановых кудрей и свернула ее в тугий узел на затылке.

– Ну и видок у меня, – сказала Китти своему отражению в зеркале. – Прямо самое настоящее привидение. – Подошла к комоду и вытащила из самого нижнего ящика румяна. Взяла немножко на палец и стала энергично втирать румяна в щеки, массируя их пальцами.

Румяна она купила пару дней тому назад в магазине «Дженнерс» на Принсис-стрит. Истратила на эту покупку все свои сэкономленные шиллинги, которые она заработала, давая дважды в неделю уроки игры на пианино.

Наверняка отец осудил бы ее самым беспощадным образом. Ведь по его словам, тщеславие – это страшный грех. Впрочем, если слушать отца, так у него почти все грех. Целыми днями отец занимается тем, что пишет проповеди, в которых излагает свои взгляды на жизнь, а потом выступает с этими проповедями перед своей паствой. Богохульство, тщеславие, употребление горячительных напитков... И его излюбленный конек – грехи плоти, потакающей своим похотям. Китти часто задавалась резонным вопросом: как она и ее три младших сестры вообще появились на свет при таком отношении отца к собственному телу? Ведь как ни верти, а ему приходилось все же поступаться своими принципами и предаваться, хотя бы время от времени, всем этим запретным удовольствиям, в результате которых и стало возможным их рождение. И вот мама снова в положении. Ждет ребеночка. А это значит, что родители и сейчас продолжают *заниматься этим делом...*

Китти вдруг представила себе обнаженные тела своих родителей, лежащих в одной постели. Ужас! Сама она точно *никогда* не снимет сорочку и рейтузы перед кем-то посторонним, тем более перед мужчиной. Трясаясь от холода, Китти поспешно затолкала свои драгоценные румяна на самую нижнюю полку комода. Иначе Марта, одна из ее младших сестер, еще, чего доброго, соблазнится и украдет их. После чего Китти открыла дверь спальни и, торопливо миновав три пролета деревянной лестницы, спустилась в столовую к завтраку.

– Доброе утро, Катерина, – приветствовал ее отец, сидя во главе стола. Три его младшие дочери уже чинно восседали по одну сторону стола. Ральф поднял глаза на старшую дочь и тепло улыбнулся ей. Все вокруг не перестают повторять, что Китти – вылитая копия своего отца: те же непокорные каштановые кудри, яркие голубые глаза, высокие скулы. Лицо у отца гладкое: ни одной морщины на бледной коже, а ведь ему уже далеко за сорок. Неудивительно, что все прихожанки без ума от своего пастора, ловят буквально каждое его слово, которое он роняет, обращаясь к ним с кафедры. *«А в глубине души в это же самое время все они мечтают предаваться с ним тем*

греховным соблазнам, которые он им строго-настрого запрещает».
Это уж как пить дать, подумала Китти.

– Доброе утро, папа, – поздоровалась она с отцом. – Как спалось?

– Хорошо. А вот твоей дорогой матушке минувшая ночь далась нелегко. Ей, как всегда на ранних сроках беременности, не давали спать приступы тошноты. Я попросил Эльзу подать ей завтрак прямо в постель.

Китти поняла, что маме действительно было очень плохо. Коль скоро привычная процедура завтраков в доме Макбрайдов, которая всегда неукоснительно соблюдается, вдруг нарушена.

– Бедная мама! – вздохнула Китти, присаживаясь на стул чуть поодаль от отца. – Я после завтрака обязательно поднимусь к ней.

– Я попрошу тебя, Катерина, еще об одном одолжении. Будь так добра, наведайся к тем прихожанам, которых опекает твоя матушка. И если у нее будут какие-то иные поручения, тоже помоги ей, ладно?

– Конечно, папа.

Ральф прочитал молитву, затем взял ложку и принялся есть густую овсяную кашу. Сигнал для Китти и остальных сестер тоже приступать к трапезе.

Утром после завтрака, как всегда по четвергам, отец примется проверять знания дочерей по арифметике: сложение, вычитание и прочее. Расписание занятий на неделю соблюдалось строго. Понедельник – правописание, вторник – столицы государств мира, среда – даты восхождения на престол английских королей и королев плюс надо было еще рассказать биографию того монарха, которого назовет отец по своему усмотрению. Самый легкий день – пятница. По пятницам они беседовали уже о шотландских королях, коих не так уж много. Ведь Англия подчинила себе Шотландию и стала править везде единолично. По субботам девочки читали отцу вслух те стихотворения, которые они заучили на память. А по воскресеньям отец был всецело поглощен подготовкой к воскресной службе в церкви и, как правило, уходил туда засветло, когда все остальные члены семейства еще спали.

Китти любила воскресные завтраки.

Сидя за столом сейчас, она молча наблюдала за тем, как младшие сестры сражаются с цифрами, складывая их в уме, попутно проглатывают ложку овсянки и уж потом оглашают результат своих

умственных усилий вслух. Нельзя отвечать с набитым ртом, это сразу же вызовет неодобрительный взгляд отца.

– Семнадцать! – радостно кричит восьмилетняя Мэри, самая младшая из сестер. Ей уже надоело ждать, пока Мириам, которая старше ее на целых три года, определится наконец с ответом.

– Все верно, дорогая моя! – отвечает девочке Ральф, не скрывая гордости.

В глубине души Китти жалеет бедняжку Мириам, свою тайную любимицу. Девочке плохо дается арифметика. Все эти цифры ее страшно пугают, она начинает нервничать, путаться, и в результате младшая сестренка, более уверенная в себе, всегда одерживает над ней верх.

– Что ж, Мэри, поскольку ты сегодня победила Мириам, правильно ответив первой, то тебе дается право самой выбрать ту притчу, которую я сейчас расскажу вам.

– О блудном сыне! – немедленно оглашает свой выбор Мэри.

Ральф начинает рассказывать притчу своим глубоким, хорошо поставленным голосом. Китти слушает и думает, что неплохо было бы, чтобы для регулярных занятий с дочерьми отец расширил набор своих любимых притч, которые он постоянно повторяет. Во-первых, их совсем немного. А во-вторых, Китти уже устала слушать одно и то же. К тому же, несмотря на все свои умственные усилия, она никак не может понять ту мораль, которая заключена в притче о блудном сыне. Негодный отпрыск покинул отцовский дом на долгие годы, в то время как его брат все эти годы оставался с родителями, всячески поддерживая их. А потом этот блудный сын возвращается...

– ...Принесите самого откормленного теленка и заколите его. Будем веселиться и праздновать! – с ликованием в голосе провозглашает Ральф, обращаясь прямо к ней.

Китти хочется спросить у отца, означает ли это, что любой человек может вести себя так, как ему вздумается, а потом вернуться домой после всех своих неpotребств, и его там встретят с превеликой радостью. Ведь, собственно, именно так повествуется в притче. Но Китти приблизительно знает, что ответил бы отец. Сказал бы, что Небесный Отец прощает всякого, кто раскается в своих грехах. Но как-то все равно несправедливо получается по отношению к старшему брату блудного сына. Тот верой и правдой служил своему отцу все эти

годы, однако для него отец не распорядился устроить пир и заколоть откормленного тельца. Наверняка Ральф возразит, скажет, что все добрые люди получают свою награду на небесах. Но это ж еще сколько ждать, пока попадешь на небо. А другие получают награду здесь, на земле.

– Катерина! – Голос отца отрывает ее от собственных мыслей. – Снова мечтаешь. Будь добра, возьми сестер в детскую и позанимайся с ними сегодня утром. Маме очень нездоровится, и она не сможет сегодня провести урок с девочками. А я поднимусь к вам ровно в одиннадцать, и тогда мы займемся изучением Библии.

С этими словами Ральф одарил своих дочерей лучезарной улыбкой и поднялся из-за стола.

– До одиннадцати я работаю у себя в кабинете.

Отец возник на пороге детской ровно в одиннадцать утра. Китти тут же побежала к себе в комнату, чтобы забрать книги, которые она хотела вернуть в библиотеку после того, как навестит всех маминих подопечных. Быстро спустилась по лестнице в холл, сдернула с крючка толстую шаль и капор, стала одеваться. Поскорее бы на улицу, на свежий воздух. Прочь из удушливой атмосферы этого дома. Завязывая ленты капора под подбородком, Китти попутно заглянула в гостиную и увидела мать, сидящую возле камина. Ее измученное лицо было серым после бессонной ночи.

– Мамочка, у тебя такой усталый вид

– Да, сегодня мне действительно неважно.

– Отдыхай, мамочка. Позже я загляну к тебе.

– Спасибо, милая. – Мать тепло улыбнулась дочери, которая наклонилась, чтобы поцеловать ее. И Китти тут же выбежала из гостиной.

Морозный утренний воздух бодрил. Китти проворно зашагала узкими улочками их портового района Лейт, то и дело здороваясь со встречными прохожими, большинство из которых были прихожанами отца. Причем многие из них знали саму Китти, выражаясь их же словами, «с пеленок», о чем они всегда с удовольствием напоминали

ей. Спешившая навстречу миссис Дабхач немедленно поинтересовалась у нее, как обстоят дела у его преподобия, после чего разразилась бурными восторгами по поводу его последней воскресной проповеди. Словоизлияния продолжались до тех пор, пока Китти не почувствовала, что еще немного, и ей сделается дурно.

Распрощавшись наконец с миссис Дабхач, Китти села в трамвай, следующий до центра Эдинбурга. На привокзальной площади железнодорожного вокзала Лейт она сделала пересадку и, выйдя рядом с мостом короля Георга IV, направилась в центральную библиотеку. Мельком глянула на группу студентов, поднимающихся по ступенькам огромного здания из серого камня. Молодые люди о чем-то весело болтали друг с другом и всю дорогу смеялись. Высокие сводчатые окна библиотеки приветливо сияли огнями, освещая унылое зимнее небо. В просторном вестибюле с высоченными потолками было ненамного теплее, чем на улице. Подойдя к стойке для возврата книг, Китти лишь плотнее запахнула шаль на груди, пока библиотекарь разбирался с ее учетной карточкой.

Китти стояла, терпеливо переминаясь с ноги на ногу, и размышляла о книге, которую она недавно брала в библиотеке. «*О происхождении видов*» Чарльза Дарвина. Эта книга была опубликована более сорока лет тому назад, но для Китти она стала самым настоящим откровением. Фактически она побудила ее засомневаться в своей вере и в тех религиозных догмах, которые внушал ей отец с самого раннего детства. Китти прекрасно понимала, в какой ужас пришел бы отец, узнай он о том, что она посмела читать столь богохульные книги и, мало того, поверить всему, что там написано.

Его преподобие вообще был крайне недоволен тем, что дочь регулярно навещает библиотеку. Но для Китти такие визиты были самой настоящей отдушиной. Ведь именно там она восполняла пробелы в своем образовании, прилежно изучала все то, о чем отец не беседовал с дочерьми на уроках по изучению Библии и о чем не рассказывала им мать на занятиях по арифметике и по языку. На книгу Дарвина Китти вышла случайно, после того как в одном из разговоров отец упомянул, что миссис Мак Кромби, самая состоятельная прихожанка его церкви, щедро жертвующая на нужды прихода, собирается навестить своих родственников в Австралии. Эта новость невольно пробудила у Китти интерес к далекому континенту. Она

порылась в библиотеке и отыскала на книжных полках книгу под названием «Путешествие вокруг света на корабле «Бигль», в которой молодой Чарльз Дарвин подробно живописует все свои приключения в ходе кругосветного путешествия, растянувшегося на целых пять лет, из коих два месяца ученый провел уже непосредственно в самой Австралии. За первой книгой Дарвина последовали другие его труды, так Китти попала под влияние его революционных теорий, которые он изложил в этих книгах.

Ей очень хотелось обсудить прочитанное с кем-нибудь из знакомых. Впрочем, можно только представить, какова была бы реакция отца, если бы она осмелилась всего лишь упомянуть слово «эволюция» в его присутствии. Пожалуй, его тут же хватил бы удар. Сама мысль о том, что все существа, населившие когда-то нашу землю, были сотворены не по Божьему разумению и промыслу, а стали результатом долгой эволюции, длившейся миллионы лет, в течение которых произошел процесс их адаптации к окружающим условиям, уже сама эта мысль была бы для отца страшнее любой анафемы. Не говоря уже о том, что смерть и рождение тоже, оказывается, никак не связаны с замыслом Господа и Его предопределением. Все диктует так называемый «естественный отбор», в результате которого выживают только сильнейшие. Теория эволюции поставила под сомнение и необходимость самой молитвы, потому что, согласно Дарвину, все решает только *сама природа*, самая мощная и непреодолимая сила на земле.

Китти глянула на часы, висевшие на стене, и заторопилась на выход. Покончив со всеми формальностями сдачи книг, она не стала сегодня рыться на книжных полках, что очень любила делать. Быстро вышла на улицу и села в трамвай, чтобы вернуться обратно в Лейт.

Уже ближе к вечеру, во второй половине дня, Китти поспешила знакомыми улочками домой. На улице царил страшная холодина. Высокие угрюмые здания, выстроившиеся в ряд по обе стороны дороги, все из унылого серого известняка, сегодня сливались с таким же унылым серым небом над ее головой. Уже зажглись газовые фонари, и в их мерцающем свете Китти увидела, что на город снова опускается пелена густого тумана. Она очень устала: ведь почти полдня она потратила, навещая больных прихожан: и тех, кто значился в ее собственном списке, и тех, кого нужно было навестить уже от

имени и по поручению мамы. К превеликому огорчению Китти, когда она наконец добралась до улицы Королевы Шарлотты, где в многоквартирном доме обитала одна из ее подопечных, милая старая дама по имени миссис Монктон, которая, как клялся и божился ее отец, была прелюбодейкой и пьяницей, вогнавшей саму себя в нищету, то выяснилось, что женщина накануне умерла. Несмотря на ту уничижительную характеристику, которую давал отец миссис Монктон, Китти, навещавшая ее раз в неделю, всегда отправлялась на такие встречи с радостью. Правда, трудно было разобраться, о чем старушка говорит: у нее почти не осталось зубов, да еще прибавлялся такой своеобразный акцент, резкий, гортанный. Словом, приходилось концентрировать все свое внимание на каждом произносимом ею слове. Чувство юмора, с которым миссис Монктон воспринимала свое нынешнее бедственное положение, никогда не жалуясь на превратности судьбы, доведшей ее до такого состояния, не могло не впечатлять. Для Китти это в какой-то степени стало отправной точкой в ее размышлениях о жизни. *«Знаешь, я ведь когда-то была камеристкой у одной знатной дамы, – разоткровенничалась как-то раз миссис Монктон. – Жила во дворце, и так продолжалось до тех пор, пока хозяйка не догадалась, что ее муж положил на меня глаз».* Что ж, размышляла Китти, хотя дальше жизнь этой бедной женщины покатила по наклонной плоскости, но у нее хоть была крыша над головой и какая-то еда. А ведь многие из тех, кто живет по соседству с ней, лишены и этих самых малых благ.

– Надеюсь, миссис Монктон, вы уже на небесах, где вам самое место, – расстроено прошептала Китти, выйдя на улицу. В полной темноте перешла на другую сторону Хендерсен-стрит и направилась к своему дому. Уже возле самой парадной двери прямо у нее под носом мелькнула чья-то тень. Китти инстинктивно отпрянула назад, чтобы не столкнуться с человеком. Она увидела перед собой совсем еще молодую женщину, буквально зачоченевшую от холода. Та безмолвно устала на Китти. Клетчатый шарф соскользнул с головы незнакомки: лицо худое, изможденное, с огромными запавшими глазами, кожа бледная, непокорные каштановые волосы рассыпались по плечам. На вид незнакомке было приблизительно столько же лет, сколько и самой Китти.

– Простите, пожалуйста, – тут же извинилась перед ней Китти, смущенно отступая в сторону, чтобы пропустить девушку вперед. Но та даже не сдвинулась с места, а лишь продолжала пялиться на нее немигающим взглядом. Тогда Китти сама отвела глаза и открыла входную дверь. Китти вошла в холл, чувствуя, как девушка продолжает буравить ее взглядом, и тут же поспешила закрыть дверь.

Китти сбросила с головы капюшон, сняла капор, но затравленный взгляд незнакомой девушки продолжал преследовать ее. Китти почему-то вдруг вспомнила романы Джейн Остин, которые успела прочитать. Как та красиво описывала дома приходских священников, расположенные в живописных садах. Поистине идиллические пейзажи английской деревни, заселенной преимущественно мелкопоместными дворянами, ведущими такую же размеренную и достойную жизнь, как и сами священники. Наверное, подумала Китти, мисс Остин никогда не бывала на севере страны и не видела, как там живут *городские* священники. Например, те, кто обитает на окраинах Эдинбурга.

Дом, в котором жила семья Китти, ничем не отличался от других домов на их улочке: такое же унылое четырехэтажное здание в викторианском стиле. Те, кто его возводил, думали в первую очередь о практичности, а не о красоте. Ведь нищета была буквально рядом. Все те несчастные обитатели бараков и доходных домов, выстроившихся рядом с доками. Отец любил повторять, что никто не посмеет упрекнуть его в том, что он живет в лучших условиях, чем его паства. Хорошо хоть, подумала Китти, входя в гостиную, чтобы согреть немного у камина озябшие руки, что у них в доме тепло и сухо. Ведь у многих, живущих с ними по соседству, нет и этого.

– Добрый вечер, мама, – поприветствовала она Адель, сидящую в кресле возле камина. Мама штопала носки, примостив их у себя на небольшом выступающем животе вместе с подушечкой для иглоков.

– Добрый вечер, Китти. Ну, как прошел день? – поинтересовалась мать ласковым голосом с легким акцентом, сразу же выдающим ее шотландские корни.

Отец Адель был помещиком в Дамфрисшире. Китти и ее сестры любили бывать у него. Каждое лето они отправлялись в гости к дедушке и бабушке, которые жили гораздо южнее Эдинбурга. В деревне царило приволье. Такое счастье скакать верхом среди бескрайних полей и лугов. Однако Китти озадачивала одна вещь: отец

никогда не сопровождал их в этих летних поездках к родителям жены. Всегда ссылался на занятость и на необходимость быть рядом со своей паствой. Но с возрастом Китти начала подозревать, что так происходит потому, что дедушка и бабушка относятся к мужу своей дочери не очень одобрительно. Семейство Макбрайдов, хотя и состоятельное, принадлежит к так называемому «торговому сословию». Такое определение Китти слышала собственными ушами. В то время как родители мамы – потомки благородного клана Дугласов. А потому совсем не удивительно, что они часто вслух выражали свое недовольство тем, в каких стесненных обстоятельствах вынуждена жить их дочь, будучи женой священника.

– Миссис Макфарлейн и ее детки шлют тебе самые наилучшие пожелания. Воспалительный процесс на ноге мистера Катбертсена, кажется, приостановлен, и дело пошло на поправку. Но есть и печальная новость, увы. Вчера умерла миссис Монктон.

– Упокой Господь душу ее. – Адель тут же перекрестилась. – Хотя, наверное, это даже к лучшему. Господь послал ей облегчение... Жить так, как она...

– Соседи сказали мне, что тело отправили в морг. Однако у миссис Монктон нет родных. Да и денег, как выяснилось, нет ни фартинга. Нет никаких средств, чтобы похоронить ее достойно. Если только...

– Я поговорю с твоим отцом. Обязательно! – тут же пообещала дочери Адель. – Хотя, насколько мне известно, на данный момент финансовые дела в церкви обстоят очень плохо.

– Пожалуйста, поговори, мамочка! Что бы там папа ни говорил о том, что она впала в грех, она все искупила сполна в конце своей жизни.

– И была такой милой собеседницей. С ней всегда было приятно общаться. Ах, как же я ненавижу приход зимы. Воистину, зима – это сезон смерти... Особенно в наших местах, где столько бедноты. – Адель невольно содрогнулась при последних словах и тут же инстинктивно прикрыла свой живот рукой. – Отец сегодня на заседании приходского комитета, а после заседания отправится на ужин к миссис Мак Кромби. Он очень надеется на то, что она сочтет возможным еще раз сделать пожертвование на нужды церкви. Одному

богу известно, как сейчас там нужны эти деньги. Ведь на одних молитвах церковь существовать не может.

«Или на обещаниях того, чего мы не можем увидеть, услышать или к чему нельзя прикоснуться...»

Но Китти не стала озвучивать подобные мысли, а лишь коротко сказала:

– Да, мама.

– Китти, милая, ты не поднимешься прямо сейчас к своим сестричкам? Приведи их ко мне, когда они уже переоденутся в ночные сорочки. У меня сегодня такая слабость, что едва ли я смогу подняться по лестнице в детскую.

Китти снова почувствовала, как ее охватывает тревога.

– Тебе все еще плохо, мамочка?

– В один прекрасный день ты поймешь, моя родная, какой изматывающей может быть беременность. Да еще в моем возрасте. Мы с тобой поужинаем вдвоем, ровно в восемь. Папы не будет, а потому и переодеваться к ужину необязательно, – добавила Адель.

Китти потащила в детскую, преодолевая бесчисленное количество ступенек и мысленно ругая свой удел. Надо же, как не повезло! Причем дважды. Родиться дочерью священника и одновременно старшей среди четверых. А на подходе ведь еще и пятый младенец. Наконец она распахнула двери детской. Трое ее младших сестричек – Марта, Мириам и Мэри – бурно выясняли отношения, занятые игрой в шары.

– Я победила! – кричала Марта. Ей уже исполнилось четырнадцать, и она полностью унаследовала характер отца. Была такой же упрямой и непреклонной, как отец, особенно если речь касалась вопросов веры.

– Нет, это я победила! – тут же надула губки Мэри.

– Вообще-то мне кажется, что победила я, – тихо обронила Мириам. И Китти сразу же поняла, что так *оно и есть*.

– Кто бы из вас ни вышел сегодня победителем в этой игре, девочки, сообщаю вам, что мама хочет, чтобы вы умылись перед сном, переоделись в ночные сорочки, а потом спустились в гостиную, чтобы поцеловать ее и пожелать спокойной ночи.

– Спуститься в гостиную в ночной сорочке? – воскликнула Мэри, пораженная до глубины души. – А что на это скажет папа?

– Папа сегодня вечером ужинает у миссис Мак Кромби. А сейчас за дело! – ответила Китти, увидев, что в комнату вошла Эльза, неся перед собой таз с водой. – Дайте-ка мне взглянуть на ваши личики и на ваши шеи.

– Мисс Китти, вы тут не проследите за их омовением? – Эльза бросила на нее умоляющий взгляд. – Мне еще надо внизу накрыть стол к ужину.

– Конечно, прослежу, Эльза. Что за вопрос? – Эльза была единственной прислугой в их доме, и Китти прекрасно понимала, как выматывалась девушка, днями напролет крутясь как белка в колесе. Да и время уже позднее.

– Спасибо вам, мисс Китти. – Служанка благодарно кивнула головой и тут же исчезла за дверью.

Но вот, наконец, все девочки облачились в ночные сорочки из белого муслина, и Китти строем повела их вниз, в гостиную. Пока мама по очереди целовала сестер, желая им доброй ночи, Китти размышляла о том, что, по крайней мере, воспитываясь в этой семье, она с ранних лет приобрела немалый опыт обращения с детьми. Наверняка этот опыт окажется востребованным, когда у нее появятся собственные детки. Но, глянув на выпирающий мамин живот, на ее бледное и измученное лицо, Китти тут же подумала, что, вполне возможно, детей у нее и вовсе не будет.

И вот младшие сестры благополучно препровождены в свои кровати, а Китти с матерью уселись в столовой за ужин: капуста, картофель и кусок жареной говядины, твердой – не прожевать. Во время трапезы мать и дочь, как всегда, обсуждали дела церковные, а также предстоящие рождественские праздники, которые всегда были самым хлопотным периодом года для семейства Макбрайдов. Адель вдруг с улыбкой глянула на дочь.

– Ты такая славная девушка, Китти. И я так признательна тебе за помощь, и по дому, и в приходе, пока я тут... сижу, обремененная собственными проблемами. Совсем скоро, думаю, наступит время, когда у тебя появятся муж и своя семья. Ведь на следующей неделе тебе уже исполнится восемнадцать лет. Боже мой! Сама не верю! Как же быстро пролетело время.

– Я, мамочка, совсем не тороплюсь обзаводиться собственной семьей, – поспешно откликнулась Китти, немедленно вспомнив, как

недавно к ним в гости наведывался священник из прихода Северный Лейт вместе с женой и сыном Ангусом, которого, судя по всему, привели к ним в дом вполне целенаправленно, исключительно для того, чтобы познакомить с Китти. Молодой человек краснел, смущался, с трудом роняя слова через толстые влажные губы, пытался рассказать ей о том, что он собирается пойти по стопам отца и тоже стать священником. Китти ни капельки не сомневалась, что Ангус – милый молодой человек. Просто она еще с трудом представляла, чего ей хочется. Но одно она знала точно. Все, что угодно, но только не быть женой священника. И тем более Ангуса.

– Я тут без тебя совсем пропаду, – вздохнула Адель. – Но, рано или поздно, такое должно случиться.

Китти решила воспользоваться подходящим моментом и поговорить с матерью на серьезную тему, коль скоро им выпал случай побыть наедине.

– Мама, я хочу спросить тебя кое о чем.

– О чем именно, милая?

– Я вот думаю, папа не будет возражать, если я захочу выучиться на учительницу? Мне так хочется иметь какую-то профессию в жизни. К тому же, ты знаешь, я люблю заниматься с нашими девочками. Мне доставляет удовольствие учить сестер.

– Боюсь, отец вряд ли одобрит твоё намерение обзавестись, как ты говоришь, «профессией», – ответила Адель и заметно нахмурилась.

– Но почему, мама? – искренне удивилась Китти. – Разве папа не расценит мое преподавательство как работу во имя Господа? Во благо тех обездоленных, кому не так повезло по жизни, и они не умеют ни читать, ни писать. К тому же, если я начну работать, я не буду висеть у вас на шее. Я сама стану зарабатывать себе на жизнь.

– Китти, дорогая моя! Для этого существуют мужья, – тихо обронила в ответ Адель. – К тому же мы не должны забывать, что, несмотря на то что твой отец всецело отдал себя служению Господу, что и привело всех нас в итоге сюда, в Лейт, ты – потомок славного клана Дугласов. В моей семье женщины никогда не работали ради пропитания. Только занимались благотворительной деятельностью, что мы с тобой и делаем.

– И все же я не вижу никого, кто бы осудил меня за мое желание работать. Уверена, ни сам Господь, ни дедушка с бабушкой не

посчитали бы зазорным такое мое намерение. Я сама видела объявление в газете «Шотландец». Приглашают девушек и молодых женщин на педагогические курсы и...

– В любом случае, милая, тебе надо спросить об этом у отца. Но, я уверена, он пожелает, чтобы ты и впредь занималась делами благотворительности в нашем приходе, пока... пока тебе не отыщется подходящая партия. Знаешь, у меня совсем спина занемела от сидения на этом жестком и неудобном стуле. Давай перейдем в гостиную и посидим немного там. В гостиной и теплее, и уютнее.

Китти расстроилась, что мать восприняла ее идею самостоятельно зарабатывать на жизнь, с которой она носилась последние несколько недель, безо всякого энтузиазма. Но, как послушная дочь, она покорно проследовала за Адель в гостиную. Уселась рядом с ней возле камина. Мать взялась за рукоделие: стала вязать одежды будущему младенцу. Китти сделала вид, что читает.

Минут через двадцать они услышали, как хлопнула входная дверь: преподобный отец Макбрайд вернулся домой.

– Пожалуй, мамочка, я пойду к себе, – тотчас же встрепенулась Китти, совсем не расположенная к разговорам с отцом. Она столкнулась с ним в холле, присела в реверансе и поздоровалась:

– Добрый вечер, папа. Надеюсь, ужин у миссис Мак Кромби прошел хорошо?

– О да! Я получил огромное удовольствие от общения с нею.

– Рада слышать это. Спокойной ночи, папа.

– Спокойной ночи, дорогая.

Через несколько минут Китти вскарабкалась к себе на кровать. Глянув на потолок, увидела, что паучок совсем замуровал в свою паутину несчастную муху, ее уже и не видно была вовсе. Остается лишь уповать на то, подумала Китти, что родной отец не приготовит подобную ловушку в виде скоропалительного брака для дочери.

– Боже! Кто угодно! – взмолилась она со стоном. – Но только не Ангус!

На следующее утро Китти сидела за конторкой в кабинете отца. Отец поручил ей подготовить финансовый отчет о поступлениях и расходах в приходской церкви, поскольку мама, по состоянию своего здоровья, не могла заниматься всеми этими трудоемкими расчетами. А возни с отчетом было много. Для начала нужно было суммировать все пожертвования, которые прихожане оставляли во время своих регулярных посещений церкви. Потом к этой сумме нужно приплюсовать те суммы, которые жертвовали богатые прихожане на благотворительные цели. И наконец, подбить баланс, то есть свести воедино приход и расход. Но и невооруженным глазом было видно, что последняя статья намного превышает поступления в церковную казну. Китти как раз перепроверяла колонки цифр с денежными поступлениями за неделю, когда услышала громкий стук в парадную дверь; она побежала в холл, чтобы быстрее открыть, пока не проснулась мама.

Китти распахнула дверь и увидела перед собой молодую женщину, ту самую незнакомку, с которой вчера вечером едва не столкнулась на крыльце.

– Доброе утро, – поздоровалась Китти с гостьей. – Что вам угодно?

– Мне нужно поговорить с Ральфом, – напряженно ответила та.

– Его преподобия сейчас нет дома. Он отправился с визитами к прихожанам, – сказала Китти. – Может, что-то передать ему?

– Вы меня, случаем, не обманываете, а? Он тут не прячется от меня? Мне нужно срочно переговорить с ним! Прямо сейчас!

– Повторяю, его нет дома. Скажите, что вам нужно, и я ему обязательно передам, – твердо отрезала Китти.

– Тогда скажите ему, что Энни нужно с ним поговорить. Скажите, что дело срочное и ждать я не могу.

Не дожидаясь ответа Китти, девушка резко развернулась и выбежала на улицу.

Китти закрыла за ней дверь, недоумевая, почему Энни назвала отца просто по имени...

Когда двумя часами позже отец вернулся домой, Китти тихонько постучала в дверь его кабинета.

– Входите! – услышала она голос отца.

– Прости, папа, что беспокою тебя, но сегодня утром к тебе приходила какая-то молодая женщина.

– Правда? – Ральф оторвал глаза от бумаг, отложил перо в сторону и снял очки. – И что ей было нужно? Наверняка пару пенсов милостыни. Они тут все любят попрошайничать.

– Нет. Она попросила передать, что «Энни нужно поговорить» с тобой. И что дело безотлагательное и не может ждать, – добавила Китти, слегка запинаясь.

Последовала долгая пауза. Потом Ральф снова водрузил на нос очки и взялся за перо. Он начал что-то писать, а Китти повернулась к дверям.

– Кажется, я знаю эту девушку, – бросил отец ей в спину. – Она каждое воскресенье околачивается на паперти, просит там милостыню. Однажды я пожалел бедняжку и бросил ей несколько монеток из тех, что были пожертвованы другими прихожанами. Хорошо! Я разберусь с ней.

– Хорошо, папа. Я сейчас уйду в город с поручениями от мамы. – Китти опрометью выскочила из кабинета отца, быстро нахлобучила на голову капор, шаль, а сверху натянула еще и капюшон, и выбежала из дома. Ей не терпелось поскорее избавиться от того странного и непонятного напряжения, которое вдруг повисло в кабинете отца и которое она никак не могла выразить словами.

Домой Китти возвращалась с тяжелой корзиной, нагруженной провизией до отказа: яйца, молоко, овощи. В другой руке Китти несла пакет из вощенной бумаги с шотландским деликатесом под названием «хаггис»: бараний рубец, начиненный потрохами со специями. Отец обожает хаггис. Остальным же домочадцам приходилось лишь терпеливо сносить его вкусовые пристрастия. Колочий ветер пронизывал насквозь. Китти плотнее укуталась в шаль и свернула в узкий переулок, чтобы немного срезать дорогу и выйти напрямик к Хендерсен-стрит. Но вдруг вдали в сгущающихся вечерних сумерках замаячила знакомая фигура, и Китти застыла на месте как вкопанная. Отец стоял на пороге какого-то дома, а рядом с ним стояла та несчастная по имени Энни, которая побывала у них сегодня утром. Китти тут же отпрянула назад и отступила в тень, интуитивно поняв, что не следует выказывать свое присутствие.

Черты лица Энни были искажены гримасой то ли боли, то ли злости. Она что-то шептала отцу хриплым голосом. Но вот Ральф взял ее руки в свои и крепко сжал их, потом наклонился к ней поближе и что-то шепотом стал объяснять на ухо. После чего нежно поцеловал ее в лоб. Легкий взмах рукой на прощание, и отец тут же развернулся к Энни спиной и зашагал прочь от этого дома. А Энни так и осталась стоять на крыльце в полном одиночестве, поглаживая обеими руками достаточно объемный живот, который был замечен даже с того места, где притаилась Китти. Но уже в следующую минуту Энни исчезла в доме, громко хлопнув за собой дверью.

Китти выждала минут пять и лишь потом побрела домой, чувствуя, что ноги не держат ее. Дома она занялась привычными домашними делами, но все делала механически, мысли ее всецело были заняты тем, чему она невольно стала свидетелем совсем недавно. Вполне возможно, размышляла она, на самом деле все обстоит совсем не так, как показалось ей со стороны. Вполне возможно, отец просто утешал бедную женщину, попавшую, судя по всему, в весьма неприятную ситуацию...

Однако в глубине души, в самых дальних ее закоулках, Китти прекрасно понимала, что это не так. Она уже обо всем догадалась.

Все последующие дни Китти старательно избегала встреч с отцом. Частично ей помогло в этом приближающееся восемнадцатилетие. Все домашние постоянно шушукались между собой, секретничали, видно сгорая от нетерпения в предвкушении грядущего праздника. Сестры попросту выставили ее из своей комнаты под предлогом, что им нужно конфиденциально обсудить что-то очень важное. Родители тоже часами просиживали в гостиной за плотно закрытыми дверями.

Вечером накануне дня рождения Ральф перехватил Китти уже тогда, когда она направлялась к себе наверх.

– Моя дорогая Катерина, – прочувствованно начал он. – Уже завтра ты станешь совсем взрослой девушкой.

– Да, папа. – Китти смиренно потупила очи, стараясь не встречаться с ним взглядом.

– Мы с матерью гордимся тобой, это правда. – Ральф наклонился и запечатлел поцелуй на ее щеке. – Спокойной ночи, дитя мое, и благослови тебя Господь.

Китти молча кивнула в знак благодарности и поспешила к себе в спальню.

Уже лежа в постели, она натянула на себя все одеяла и укрылась с головой. Однако поздняя осень с ее морозами все равно заставляла дрожать от холода.

– Прости меня, Господи, – прошептала Китти со вздохом. – Но я действительно сейчас не знаю, кем является мой отец на самом деле.

Когда на следующее утро Китти спустилась вниз, Эльза уже хлопотала в гостиной, разжигая камин. Промучившись без сна почти всю ночь, уже вторую кряду, Китти отчаянно хотелось на свежий воздух, чтоб хоть немного рассеять тот туман, который воцарился у нее в голове после всего того, что случилось накануне. Китти тихонько выскользнула из дома и направилась в сторону порта.

Остановилась, чтобы присесть на невысокую дамбу. Села и принялась смотреть за тем, как медленно светает пасмурное небо, раскрашиваясь по всей своей ширине пурпурно-алыми всполохами. Завораживающее зрелище! Внезапно Китти увидела, как со стороны улицы, по которой она только что шла, вынырнула фигурка женщины и устремилась к ней. Китти безошибочно узнала Энни. Наверняка та заметила ее и решила догнать.

Энни приблизилась к Китти почти вплотную, и их взгляды встретились.

– Он приходил ко мне, – отрывисто бросила Энни. Вид у нее был измученный. Темные круги залегли под глазами. – Ему больше не спрятаться за именем Бога. Господь... Он все видит... Он знает правду!

– Я... – растерялась Китти и невольно отпрянула от нее.

– Что он заставляет меня сделать? – продолжила Энни вызывающе грубо. – Дал пару монеток и велел избавиться от дитяти. Представляешь? Как я могу? Я не могу! Да и срок уже большой...

– Простите меня, но я не знаю... Я... Мне жаль...

– Скажите на милость! Ей, видите ли, жаль! Что мне толку от твоей жалости? Это твой злосчастный папаша должен просить у меня прощения...

– Мне пора... Извините, но мне нужно идти, – пробормотала Китти, подхватываясь со своего места, и, подобрав юбки, быстро зашагала по направлению к дому.

– Он не человек, а дьявол! – крикнула ей вдогонку Энни. – Я *правду* говорю!

Собрав все силы, Китти кое-как вытерпела остаток дня, ничем не выдав своего расстройства. С деланой радостью открыла подарки, которые смастерили своими руками сестры. Потом задула все свечи на торте – Эльза специально испекла его по такому случаю. Китти даже заставила себя не содрогнуться, когда Ральф обнял ее и поцеловал. Что может быть естественнее, чем отец, целующий свою дочь по случаю ее восемнадцатилетия? Пожалуй, именно так она и восприняла бы этот поцелуй пару дней тому назад. Но сегодня она видела в этом что-то нечистое, греховное...

– Дорогая Китти! – воскликнула Адель, поздравляя дочь и не скрывая своей гордости. – Ты стала настоящей красавицей. Молю Господа, чтобы в скором будущем ты обзавелась своей семьей и стала хозяйкой собственного дома.

– Спасибо, мамочка, – тихо обронила в ответ Китти.

– Дорогая Катерина! Моя любимая, ни на кого не похожая дочь! Поздравляю тебя с днем рожденья! Пусть Господь благословит тебя в твоей будущей жизни. Верю, у Него для тебя, дорогая, запасен особый удел.

Вечером того же дня отец пригласил ее к себе в кабинет, каморку с голыми стенами, расположенную в самом дальнем конце дома, с окном, выходящим на глухую кирпичную стену. Отец всегда повторял,

что такой неприглядный пейзаж за окном позволяет ему максимально сосредоточиться, когда он работает над своей очередной проповедью.

– Пожалуйста, проходи сюда, Катерина. Присаживайся! – Отец жестом указал на деревянный стул с высокой жесткой спинкой, стоявший в углу комнаты. – Как ты уже знаешь, я недавно ужинал в доме миссис Мак Кромби.

– Да, папа, – коротко подтвердила Китти. Всякий раз, когда ей доводилось сталкиваться в церкви с могущественной покровительницей отца, она видела перед собой расфуфыренную пышную даму средних лет в весьма экстравагантных нарядах, особенно неуместных на фоне нищенской одежды остальных прихожан. Миссис Мак Кромби никогда не бывала у них дома. Обычно отец сам отправлялся с визитом в ее роскошный особняк неподалеку от Принсис-стрит. За все время знакомства с миссис Мак Кромби Китти едва ли обменялась с ней десятком вежливых фраз, типа «доброе утро», если им случалось столкнуться друг с другом на выходе из церкви по окончании службы.

– Как тебе известно, Катерина, миссис Мак Кромби всегда была самой щедрой благодетельницей нашей церкви и всего нашего прихода, – продолжил Ральф. – Ее старший сын тоже посвятил себя священнической деятельности, но, к несчастью, он был убит на войне с бурами. У меня такое чувство, что во мне она как бы видит его замену. Наверное, потому она всегда так щедро жертвует на нужды церкви и в память о своем погибшем сыне. Она очень хорошая женщина, настоящая христианка, всегда готовая помочь тем, кому менее повезло в этой жизни. Само собой, я бесконечно признателен миссис Мак Кромби за то, что она обратила свой взор именно на ту церковь, в которой служу я.

– Да, папа, – согласно кивнула Китти, все еще не понимая, к чему клонит отец, но в душе желая только одного. Чтобы этот разговор поскорее закончился. В конце концов, ей только что исполнилось восемнадцать лет, она уже совсем взрослая. А в данную минуту ей нестерпимо тяжело даже дышать одним воздухом с этим человеком.

– Видишь ли, у миссис Мак Кромби есть родственники в Австралии. Это тебе, впрочем, тоже известно. Там живет ее младшая сестра с мужем и двумя сыновьями. Она не видела всех их много лет. Сестра живет в городе Аделаида, расположенном на южном побережье

континента. Так вот, сравнительно недавно миссис Мак Кромби приняла решение совершить путешествие в Австралию и навестить свою родню, пока у нее еще есть силы и здоровье.

– Да, папа.

– И вот... сейчас она ищет себе компаньонку, которая бы сопровождала ее в этом долгом путешествии. Разумеется, девушка должна происходить из хорошей христианской семьи, но при этом она будет помогать ей во всем, следить за ее гардеробом, причесывать ее. Ну, и все такое... И тогда я... предложил ей твою кандидатуру, Катерина. Ты будешь отсутствовать дома не более девяти месяцев. Мы уже все обсудили с твоей матерью. Думаю, у тебя появилась отличная возможность посмотреть мир. Надеюсь, путешествие поможет тебе также обуздать свой неумный темперамент.

Предложение отца повергло Китти в ужас. Она и понятия не имела, что сказать в ответ. Наконец она выдавила из себя:

– Но, папа, мне хорошо дома, и я здесь всем довольна. И потом я...

– Понимаю, какие бури бушуют внутри тебя, Китти. Я тоже в свое время прошел через все это, пока не обрел Господа...

Отец оторвал свой взгляд от ее лица, и по его глазам Китти поняла, что он унесся мыслями в далекое прошлое.

– Я знаю, ты мечешься, хочешь обрести какую-то цель в жизни. Будем молиться, чтобы в один прекрасный день ты нашла ее в призвании стать хорошей женой и матерью. Что же касается дня сегодняшнего, что думаешь о поездке?

– Даже не знаю, что сказать, если честно, – не стала кривить душой Китти.

– Я покажу тебе Австралию в географическом атласе. Наверное, ты слышана, что в этой стране на каждом шагу человека подстерегают всяческие опасности и угрозы, что она еще мало исследована, что тамошние аборигены – варвары и все такое. Но миссис Мак Кромби уверяет меня, что Аделаида – вполне цивилизованный город, что там есть приличное общество, такое же, как, скажем, у нас в Эдинбурге. Многие наши единоверцы отправились в Австралию еще в тридцатые годы прошлого века, спасаясь от преследований по религиозным мотивам. Она рассказала мне, что в городе уже построено несколько красивых лютеранских и

пресвитерианских церквей. Это то место, где чтут Господа. Вот почему я без колебаний готов отправить тебя туда, тем более под опекой, можно сказать под крылом, самой миссис Мак Кромби.

– Я... А мне будут платить за работу?

– Конечно нет, Катерина! Что за вздор! Миссис Мак Кромби оплатит твой проезд, покроет другие расходы. Ты хоть представляешь себе, сколько стоит одна дорога туда? К тому же, я думаю, это самое малое, чем наша семья может отблагодарить благодетельницу за те щедроты, которыми она осыпает нашу церковь на протяжении стольких лет.

«Итак, меня, живое существо, приносят в жертву в обмен на...»

– Ну, что скажешь, милая?

– Если ты, папа, полагаешь, что так будет лучше для меня, – начала Китти, опустив глаза в пол, чтобы отец не увидел, какой злостью полыхает ее взгляд, – то тогда, конечно... Но что будет с мамой, когда на свет появится младенец? Ведь наверняка ей понадобится моя помощь...

– Мы обсудили с твоей матерью и этот вопрос. И я заверил ее, что, когда наступит нужный момент, я обязательно изыщу средства для того, чтобы нанять ей помощницу.

За все восемнадцать лет, что Китти прожила в этом доме, здесь ни разу не изыскивались средства для того, чтобы нанять кого-то в помощь.

– Так все же ответь мне, Катерина, – снова настоятельно обратился к ней отец. – Тебя не очень обрадовало мое предложение, да?

– Я... не знаю. Все так... неожиданно...

– Понимаю. – Ральф слегка подался вперед и взял ее за руки, впившись гипнотизирующим взглядом. – Вполне естественно, все это застало тебя врасплох, и ты сейчас сбита с толку. Но послушай меня. На момент моего знакомства с твоей матерью я был капитаном 92-го Шотландского высокогорного полка, и наше с ней будущее казалось нам обоим вполне predetermined. А потом меня отправили на войну с бурами. На моих глазах погибло множество друзей... и врагов тоже... Пали под градом пуль. Я и сам был тяжело ранен в одном из сражений. Попал в госпиталь, и именно там у меня случилось прозрение. Помню, в ту ночь, когда меня привезли туда, я неистово

молился и дал обет: если выживу после ранения, то посвящу остаток своей жизни служению Господу, до своего последнего дыхания буду бороться с тем, чтобы положить конец кровопролитиям, не допускать торжества несправедливости. Врачи не думали, что я переживу эту ночь, но на следующее утро я проснулся. Жар спал, и рана в области грудной клетки затянулась буквально в считанные дни. И тогда я в полной мере осознал, в чем состоит мое призвание и по какому пути следовать дальше. Твоя мать тоже поняла все правильно. Она сама глубоко верующий человек, и Господь любит ее. Но я понимал и другое: сделав свой выбор, я тем самым вольно или невольно обрек на страдания и лишения свою жену и вас, моих дочерей, тебя и твоих сестер. Ты понимаешь меня, Катерина?

– Да, папа, – машинально ответила Китти, хотя на самом деле она ничего не поняла из этого отцовского монолога.

– Эта поездка в Австралию в обществе миссис Мак Кромби откроет перед тобой двери в то общество, к которому принадлежит семья твоей матери. Не думай, что, занимаясь спасением чужих душ, я не озабочен будущим собственных дочерей. Уверен, что, если ты проявишь себя с наилучшей стороны в ходе этой поездки, миссис Мак Кромби будет только рада ввести тебя в круг своих знакомых, познакомить с молодыми джентльменами и здесь, в Эдинбурге, и там, в Австралии. Среди них, вполне возможно, отыщется соискатель твоей руки и сердца, гораздо более достойная партия, чем могу обеспечить я со своими скудными финансовыми средствами. Миссис Мак Кромби вполне понимает, какую жертву я принес на алтарь служения Господу. Понимает она и те чаяния и надежды, которые питает семья твоей матери в Дамфрисшире относительно твоего будущего. Вот почему наша благодетельница преисполнена самым искренним желанием устроить твою судьбу, Китти. Впрочем, точно такие же желания движут и мной. Надеюсь, теперь ты понимаешь меня?

Китти глянула на отца. Потом перевела взгляд на его мягкие, ухоженные руки, которыми он сжимал ее ладони. И тут же вспомнила, как он точно так же сжимал руки той девушки. Вспомнила и инстинктивно выдернула свои ладони. Кажется, Китти поняла все! Все хитросплетения изворотливого ума отца стали ей вдруг понятны. И весь его план, чтобы избавиться от нее, тоже.

– Да, папа. Ты прав. Если ты полагаешь, что для меня будет лучше отправиться в Австралию вместе с миссис Мак Кромби, я готова.

– Вот и прекрасно! Конечно, тебе уже в ближайшее время надо будет встретиться с миссис Мак Кромби. Пусть она сама убедится, какая ты славная девушка. Ведь ты же у нас хорошая девушка, не правда ли, дорогая Катерина?

– Да, папа, – ответила Китти, чувствуя, что ей надо срочно покинуть эту комнату. Иначе она взорвется, и все эмоции, переполняющие ее, выплеснутся наружу. – Я могу идти? – холодно спросила она, поднимаясь со стула.

– Конечно, ступай.

– Спокойной ночи. – Китти сделала книксен и почти опрометью выскочила из кабинета отца. И сразу же помчалась к себе наверх.

Плотно прикрыв за собой дверь и заперев ее на ключ, Китти бросилась ничком на кровать.

– Мерзкий лицемер! Лжец! Обманщик! А моя бедная матушка, *твоя жена*, ведь она тоже ждет ребенка! – со злостью шептала Китти в подушку.

А потом залилась слезами отчаяния. Плакала долго, стараясь приглушить свои рыдания. Наконец встала с постели, переделалась в ночную сорочку, расчесала волосы, стоя перед зеркалом. В свете газовой лампы ее лицо было бледным как смерть.

«Ты понял, отец, что я тебя раскусила. Вот потому-то ты и отсылаешь меня прочь».

7

– Ваш батюшка, мисс Макбрайд, для меня истинный источник вдохновения. В общении с ним я черпаю свои духовные силы. Уверена, и вы тоже.

– Да, конечно, – солгала Китти и отпила глоток чая «Эрл Грей» из изящной чашечки тончайшего фарфора. Они сидели в огромной гостиной шикарного дома, расположенного на площади Сент-Эндрюс. Всем в Эдинбурге хорошо знаком этот богатый особняк. В комнате было чрезмерно жарко. Вся гостиная до отказа забита разнообразными элегантными вещами, которые ранее Китти доводилось видеть разве что на витринах универмага мисс Андерсен, торгующего всякими

модными товарами. У одной из стен стояла застекленная горка, уставленная фарфоровыми статуэтками херувимов, китайскими вазами и декоративными тарелками. Хрустальная люстра с многочисленными висящими подвесками заливала комнату мягким струящимся светом, который отражался на полированных поверхностях мебели из красного дерева. Все в этой комнате дышало богатством и роскошью. Судя по всему, миссис Мак Кромби не из тех, кто прячет свое благосостояние от посторонних глаз.

– Он так безмерно предан своей пастве, всецело посвятив себя священнической деятельности. Ради этой миссии он сознательно отказался от всех тех привилегий, которыми мог бы по праву воспользоваться, учитывая благородное происхождение своей жены, принадлежащей к одной из самых знатных фамилий Шотландии, – продолжала витийствовать хозяйка.

– Да, – согласно подтвердила Китти почти на автомате и глянула на подернутые пеленой глаза своей потенциальной работодательницы. Почему-то в эту минуту уже немолодая женщина показалась Китти очень похожей на юную девчонку, влюбленную в кого-то без памяти. Бросился в глаза толстый слой пудры, которым было покрыто все ее лицо. Наверное, много пудры потребовалось, чтобы заштукатурить все эти морщины, которые испещрили лицо миссис Мак Кромби, подумала про себя Китти. Ярко-пунцовые щеки и красный нос безошибочно выдавали пристрастие их обладательницы к виски. Пожалуй, и сегодня она уже успела не раз приложиться к графину.

– Мисс Макбрайд? – Китти поняла, что миссис Мак Кромби все еще что-то говорит ей.

– Прошу прощения. Вот засмотрелась на эту чудесную картину, – придумала Китти отговорку прямо на ходу, указав на полотно, выдержанное в грязноватых желто-коричневых тонах, на котором довольно неумело было изображено, как Иисус несет Свой крест на Голгофу.

– О, эту картину нарисовал мой дорогой сын Руперт. Господь да упокой душу его! Он закончил ее незадолго до того, как отправиться на войну с бурами. Там и окончил дни свои, предав себя в руки Господа. Гляжу на эту картину и думаю... Будто он все предвидел заранее. – Миссис Мак Кромби одарила Китти благожелательным

взглядом. – А вы, как я посмотрю, совсем неплохо разбираетесь в искусстве.

– Мне действительно нравится созерцать красоту, – ответила Китти, в глубине души довольная тем, что угадала с выбором полотна.

– И это делает вам честь, милая. Особенно если учесть, что ваше детство прошло в обстановке, где вокруг было не так много красивых вещей. Ими тоже ваш дражайший батюшка пожертвовал во имя высших целей служения Господу. Что ж, по крайней мере, скромный быт надлежащим образом подготовил вас к тому, что нас ждет в Аделаиде. Правда, моя сестра уверяет, что там есть все современные удобства, к которым я привыкла в Эдинбурге. Но лично я сильно сомневаюсь в том, что такая молодая страна может тягаться по степени комфорта со страной, культура которой насчитывает уже многие столетия.

– Мне уже не терпится увидеть Аделаиду своими глазами.

– А мне вот абсолютно не хочется туда ехать, – твердо отрезала миссис Мак Кромби. – Но я расцениваю поездку в Австралию как свой долг. Должна же я успеть до своей кончины навестить сестру и хотя бы раз в жизни взглянуть на племянников. Сами они, судя по всему, не горят особым желанием ехать сюда, вот и приходится мне самой тащиться в такую даль. – Миссис Мак Кромби тяжело вздохнула. Китти вежливо сделала еще один глоток из чашки. – Дорога туда на пароходе «Ориент» займет не меньше месяца. Правда, моя сестра Эдит обнадежила меня, что судно очень комфортабельное и там есть все для максимального удобства пассажиров. Однако...

– Да, миссис Мак Кромби?

– Если вы отправитесь в дорогу вместе со мной, то заранее предупреждаю: никаких заигрываний с молодыми людьми на борту парохода. Никаких вечеринок или танцулек, которые наверняка будут устраивать для пассажиров нижних палуб. Вас поселят в каюте с еще одной молодой леди. И вы должны быть у меня под рукой в любое время. С этим все ясно?

– Да, разумеется.

– Сестра предупредила меня, что если у нас сейчас зима, то у них там уже лето. Я заказала своей портнихе несколько платьев из муслина и хлопка. Предлагаю и вам позаботиться соответствующим образом о

своём гардеробе. В Австралии нас, скорее всего, встретит несусветная жара.

– Да, миссис Мак Кромби.

– Как я полагаю, вы, моя милая, вполне отдаёте себе отчет в том, что очень хороши собой. Но, я надеюсь, вы не станете падать в обморок всякий раз, когда на вас глянет мужчина.

– Я никогда не считала себя красавицей, – честно призналась Китти, мысленно представив свою физиономию, сплошь усеянную веснушками. – Но обещаю вам, со мной ничего подобного не случится. В конце концов, мой отец – священник, и к скромности меня приучили с детства.

– Ваш отец рассказал мне, что вы умеете шить и чинить белье. А также умеете укладывать волосы. Это правда?

– Да. Я делаю причёски и маме, и всем своим сестрам, – бодро солгала в ответ Китти, чувствуя себя в эту минуту таким ягненком, преданным на заклятие. Но разве это главное? Главное – это то, что она едет в Австралию.

– Часто болеете? – Миссис Мак Кромби поднесла к носу пенсне и обзрела Китти внимательным взглядом.

– Мама говорила мне, что в детстве я переболела дифтерией и корью. А простужаюсь я очень редко.

– Ну, в Австралии, думаю, простуды нам не грозят. Хотя, на всякий случай, я прихватю с собой камфорное масло из своей аптечки. Что ж, пока у меня к вам больше нет вопросов. В следующий раз встречаемся тринадцатого ноября. – Миссис Мак Кромби поднялась со стула и протянула Китти руку для прощального рукопожатия. – Всего доброго, мисс Макбрайд. Вместе мы пересечем океан и отправимся навстречу приключениям.

– Да, миссис Мак Кромби. До свидания.

Оставшиеся две недели Китти занималась упаковкой своего скромного багажа. Отец специально купил ей для поездки небольшой чемоданчик. Сама мысль о том, что совсем скоро ей предстоит повторить путь Чарльза Дарвина, и это почти сразу же после того, как

она познакомилась с его книгами, казалась Китти почти нереальной. Неужели такое в самом деле возможно? А может, ей стоит испугаться предстоящего путешествия? В конце концов, Дарвин в своих книгах довольно живо описывает нравы аборигенов Австралии. Пишет о том, что они крайне негостеприимны ко всем чужеземцам, особенно к белым. Даже сообщает о некоторых случаях каннибализма. Впрочем, едва ли миссис Мак Кромби рискнет отправиться в те места, где с ними может произойти нечто подобное. Хотя если бы какой-то абориген сварил миссис Мак Кромби в своем котле, то, пожалуй, еды бы хватило на всю его большую семью.

Вечерами, когда все укладывались спать, Китти садилась за швейную машинку и строчила до поздней ночи. Мастерила себе простые летние наряды, которые, как она надеялась, пригодятся в жарком климате. Вечная занятость имела свои плюсы, ибо гнала прочь невеселые мысли. У нее даже живот сводило от омерзения всякий раз, когда она вспоминала Энни и все то, что связывало девушку с ее отцом. Одно Китти знала точно: перед отъездом в Австралию ей еще необходимо закончить одно дело.

Утром в день своего отъезда Китти проснулась до восхода солнца и тут же незаметно выскользнула из дома, пока остальные домочадцы еще спали. Быстро зашагала по улочке, ведущей к порту, стараясь успокоить себя, вглядываясь в доки и прислушиваясь к знакомым звукам, которыми наполнился в эти ранние часы порт Лейт. Сегодня она видит порт в последний раз. Да и весь Лейт тоже. А ведь это, можно сказать, ее родной дом, единственное место, где она прожила все восемнадцать лет своей жизни. И вот впереди разлука. Бог знает, когда она снова окажется здесь.

Китти подошла к двери дома, в котором жила Энни, сделала глубокий вдох и тихонько постучала. Через какое-то время дверь распахнулась, и на пороге показалась Энни в каком-то старом линиялом платье и фартуке. Она окинула Китти коротким взглядом и молча отступила в сторону, пропуская ее в дом.

В крохотной каморке почти не было мебели и стоял зверский холод. Неряшливый матрас, весь в пятнах, набитый конским волосом, валялся прямо на полу. Не очень приятная картина. Но, по крайней мере, пол был чисто подметен, а столешница грубого деревянного стола, стоявшего посреди комнаты, выскоблена до блеска.

– Вот... пришла посмотреть, как вы тут, – начала Китти, заметно нервничая.

Энни молча кивнула головой.

– Со мной все в порядке. И ребяенок мой тоже в порядке.

Китти невольно глянула на аккуратный животик Энни. Ведь она же носит под сердцем дитя, которое совсем скоро станет сводной сестрой или братом Китти.

– Говорю вам, я не гулящая какая! – хриплым голосом воскликнула Энни. Китти увидела, что в ее глазах блеснули слезы. – Я только... я и была-то с благочинным только дважды. Правда! Верила в Господа... Верила в то, что ваш отец любит меня... Что он... Ральф... Станет моим наставником по жизни. Я...

Внезапно Энни замолчала, бросилась к комоду, стоявшему в углу, и стала лихорадочно искать что-то в одном из ящичков.

Когда она отвернулась, Китти увидела в ее руках очки. Она тотчас же узнала их. В таких очках отец обычно писал свои проповеди.

– Вот! Ральф забыл их у меня, когда приходил сюда в последний раз. Я пообещала ему, что сохраню все в тайне. Поклялась именем Господа. Отдайте ему очки. Не хочу, чтобы в этом доме что-то напоминало о нем.

Китти молча взяла протянутые ей очки. Она почувствовала непроизвольные позывы к рвоте и испугалась. Еще, чего доброго, ее сейчас стошнит прямо на пол.

– А вот это вам. – Китти протянула Энни небольшой мешочек.

Та открыла его, глянула внутрь и издала громкое восклицание.

– Но, мисс! Я не могу принять это от вас. Нет!

– Можете! – ответила Китти тоном, не терпящим возражений.

В течение двух последних недель она смогла утаить несколько монеток из тех пожертвований, которые приносили в церковь прихожане. А вчера ночью прокралась в отцовский кабинет и взяла из ящичка стола, в котором отец хранил под замком более крупные купюры, пачку банкнот. По ее разумению, этой суммы должно вполне

хватить на то, чтобы обеспечить более или менее сносное существование и самой Энни, и ее будущему младенцу. Во всяком случае, хотя бы до тех пор, пока она не сможет снова начать работать. К тому же, когда отец обнаружит пропажу, сама Китти будет уже далеко от дома, по пути на другой конец света.

– Тогда... тогда спасибо вам. – Энни извлекла из мешочка еще какую-то вещицу. Это оказался небольшой серебряный крестик на цепочке. Она нерешительно повертела крестик в руках.

– Этот крестик мне подарили мои дедушка и бабушка в тот день, когда меня крестили, – пояснила ей Китти. – А сейчас я хочу, чтобы вы берегли его для... для своего ребенка.

– Как вы добры, мисс Макбрайд! Боже, как вы добры... Спасибо вам! – Глаза Энни снова наполнились слезами.

– Я сегодня отплываю в Австралию... Пробуду там несколько месяцев. Когда я вернусь, можно мне снова навестить вас? Посмотреть, как вы тут справляетесь...

– О, конечно, мисс! Приходите!

– Пока же я хочу оставить вам адрес того места, где я буду проживать в Австралии. Так, на всякий случай... Вдруг произойдет что-нибудь непредвиденное... – добавила Китти, протягивая Энни конверт и чувствуя себя немного неловко. Ведь она и понятия не имеет, умеет ли Энни читать или писать. Не говоря уже о том, знает ли она, как отправить письмо в другую страну. Но Энни лишь согласно кивнула и взяла протянутый ей конверт.

– Мы никогда не забудем вашей доброты, – сказала она, провожая Китти к дверям. – Счастливого пути, мисс. И да храни вас Господь.

Китти вышла на улицу и побрела к докам. Долго стояла на краю мола, наблюдая за тем, как чайки вьются над мачтой судна, которое, дымя всеми своими трубами, медленно вползло в акваторию порта. Потом Китти достала из кармана очки, которые отдала ей Энни, и что есть силы швырнула их вниз, в свинцовые воды.

– Даже сатана может замаскироваться под ангела света, – пробормотала Китти про себя. – Боже, помоги моему отцу... И моей бедной, обманутой матери. Как же она заблуждается!

– Готова? – На пороге спальни Китти появилась Адель.

– Да, мамочка, – ответила Китти, застегивая замки на чемодане. Потом взяла в руки шляпку.

– Я буду очень-очень скучать по тебе, родная моя! – Адель подошла к дочери и заключила ее в свои объятия.

– И я, мамочка, тоже. Буду переживать, как ты тут без меня станешь управляться, когда появится ребеночек, а его старшей сестренки не будет рядом. Пожалуйста, береги себя. Очень тебя прошу.

– Не волнуйся за меня, Китти. Ведь рядом со мной будет твой отец. И Эльза тоже, и твои сестры... Как только он или она появятся на свет, я тотчас же извещу тебя телеграммой. Сообщу о том, что новый человек пришел в этот мир. Пожалуйста, Китти, не плачь. Не надо! – Адель осторожно смахнула слезинку со щеки дочери. – Лучше подумай о том, сколько увлекательных историй ты расскажешь нам, когда вернешься домой. Ведь наша разлука продлится всего ничего, каких-то девять месяцев. Впрочем, ровно столько времени, сколько нужно женщине, чтобы выносить свое дитя.

– Прости меня, мамочка... Эти слезы... Просто я буду очень сильно скучать по тебе. – Китти всхлипнула, уткнувшись в родное плечо матери.

А вскоре она уже стояла на пороге дома. Чемодан погрузили в карету миссис Мак Кромби, а Китти принялась по очереди обнимать всех своих младших сестер. Мириам была безутешна, она плакала навзрыд.

– Моя дорогая Катерина! Как же мне будет не хватать тебя!

Последним Китти обнял отец. Она напряженно замерла в кольце его рук.

– Не забывай каждый день читать молитвы. Господь с тобою, Катерина.

– До свидания, папа, – с трудом выдавила она из себя, стараясь не глядеть на него. И тут же вырвалась из его объятий.

Последний, прощальный взмах рукой, обращенный к любимым сестрам и матери. А уже в следующую минуту Китти скрывается внутри кареты, и кучер плотно захлопывает за ней дверцу.

Британский пассажирский лайнер «Ориент» дал сигнал отплытия и стал медленно удаляться в открытое море. Китти стояла на палубе вместе с другими пассажирами судна, выкрикивавшими последние прощальные слова своим родственникам, оставшимся на берегу. Вся гавань была битком забита доброжелательно настроенной публикой. Все размахивали государственными флагами «Юнион Джек». Изредка в толпе мелькали и австралийские флаги. Китти никто не провожал, в отличие от других пассажиров, стоявших рядом с ней. Но зато, в отличие от многих, она была уверена хотя бы в одном: рано или поздно она снова вернется к берегам Англии.

Но вот народ, толпившийся на пристани, стал уже практически неразличим. Пароход, извергая клубы пара, медленно миновал дельту Темзы. На палубе вдруг стало непривычно тихо, будто только что все собравшиеся наконец осознали, какое грандиозное предприятие они замыслили. Люди стали потихоньку расходиться. Китти услышала чей-то плач и подумала, что наверняка кто-то сейчас прикидывает, а суждено ли ему или ей снова свидеться с теми дорогими их сердцу близкими, кого они оставили на берегу.

Хотя ей не раз приходилось видеть большие океанские суда, стоявшие на приколе в порту Лейт, она все же невольно задалась вопросом: а сможет ли эта махина, несмотря на свои грандиозные размеры, доставить их благополучно на другой конец света, оставив позади себя столько морей и океанов? Правда, две огромные трубы впечатляли своими габаритами, как и высоченные мачты, удерживающие полотнища парусов.

Китти спустилась по узенькому трапу в коридор, в котором располагались каюты второго класса. В том числе и та, где предстояло поселиться ей. Все вокруг казалось каким-то странным сном. «Нет, – думала она, – это происходит не со мной, а с кем-то другим». Она открыла дверь в каюту. Интересно, сможет ли она спать под этот непрерывный гул мощных двигателей, расположенных, судя по всему, прямо под ними? Повернувшись вполборота, Китти закрыла за собой дверь и огляделась. Крохотная комнатка, скорее такой маленький кубик микроскопических размеров, очень похожий по своему внешнему виду

на коридор за тонкой стенкой. Две узенькие койки, скорее полки, смахивающие на два крохотных гробика, небольшой комод для вещей. В углу раковина для умывания. Китти обратила внимание на то, что и раковина, и все остальные причиндалы намертво привинчены болтами к полу.

– А, так вы будете моей соседкой по каюте? – С верхней полки через деревянные перила свесилась темноволосая кудрявая головка. На Китти уставилась пара живых карих глаз.

– Да.

– Здравствуйте, меня зовут Клара Дуган. А вас?

– Здравствуйте. А меня – Китти Макбрайд.

– Похоже, из Шотландии, да?

– Да.

– А я вот из Лондона, из Ист-Энда. Куда держите путь?

– В Аделаиду.

– Не слышала о таком городе. Сама я направляюсь в Сидней. У вас нарядное платье. Наверное, горничная у какой-нибудь леди?

– Нет. То есть, я хочу сказать... Я – компаньонка.

– А! Вот оно что! – сочувственно хмыкнула Клара. – Насколько я наслышана обо всех этих нетитулованных дворянах, то скажу так. Если дама, при которой вы состоите, не прихватила с собой еще и служанку, то придется вам делать всю эту работу вместо нее. Поноситесь еще туда-сюда сполна, прибирая всякую грязь. Особенно когда выйдем в открытое море и начнет штормить. Мой братец Алфи рассказывал мне, что в шторм все судно тут же провоняет блевотиной. Не продохнуть... Слава богу, он уже там, на месте. По его словам, строит себе в Сиднее нормальную, хорошую жизнь. Вот и мне посоветовал подсобрать денжат на приличный билет до Австралии, чтобы не ютиться в самом трюме, в каютах третьего или четвертого класса. Многие ведь и не выдерживают такой поездки. Пятеро душ умерло на борту во время прошлого рейса, – добавила Клара для пущего устрашения. – Потому-то я и работала день и ночь как каторжная, чтобы накопить нужную сумму и оплатить себе место во втором классе. Если мы туда доберемся живыми, то все эти затраты оправдаются сполна, я думаю.

– Боже, сохрани и помилуй! – воскликнула перепуганная Китти. – Будем надеяться, что наше путешествие пройдет более гладко.

– Будем! Но все равно я счастлива, что плыву в Австралию. Там я стану кем захочу. Но главное – там я буду свободной! А что может быть лучше свободы? – В глазах Клары заплясали ликующие огоньки.

Вдруг кто-то постучал в дверь. Китти открыла. На пороге стоял молодой стюард и с улыбкой смотрел на нее.

– Вы мисс Макбрайд?

– Да.

– Миссис Мак Кромби просит вас подняться к ней в каюту. Ей нужно помочь распаковать вещи.

– Конечно. Уже иду.

Китти послушно последовала за стюардом на выход. Клара откинулась на постель и невесело улыбнулась.

– По крайней мере, хоть *кто-то из нас* обретет там свободу, – крикнула Клара вдогонку Китти.

Первая ночь прошла ужасно. Китти металась на своей полке, переворачиваясь с одного бока на другой. На время забывалась коротким удушливым сном, похожим на полудрему, и ей снились шторма, кораблекрушения, дикие преследования аборигенов, готовых сожрать ее живьем, и все эти кошмары сопровождались громким храпом, доносившимся с верхней полки. Однако вскоре Китти привыкла к своему новому укладу жизни, и дни побежали один за другим. Китти просыпалась ровно в семь. Клара еще спала. Китти же поднималась с постели, умывалась, одевалась, причесывалась. Затем тихонько пробиралась по коридору и поднималась по трапу на верхнюю палубу, туда, где располагались каюты первого класса.

К своему вящему удивлению, почти сразу же после того, как они вышли в открытое море, Китти обнаружила, что она практически не подвержена морской болезни и твердо сохраняет равновесие во время любой качки. В то время как Клара и миссис Мак Кромби немедленно падали в свои постели даже при самом слабом волнении моря, которое команда судна именовала всего лишь «легкой болтанкой». Зато Китти все нипочем! Ведет себя словно бывалый морской волк. Естественно, члены экипажа наперебой торопились лично выразить свое

восхищение такой стойкостью юной пассажирки. Особенно старался Джордж, персональный стюард миссис Мак Кромби, который, по словам Клары, точно «положил глаз» на ее соседку.

В сравнении со скучным интерьером кают второго класса, каюты для пассажиров первого класса поражали своей избыточной роскошью. Полы застелены мягкими плюшевыми коврами, украшенными изысканными орнаментами Уильяма Морриса, медные ручки и прочие металлические украшения отполированы до блеска, стены упрятаны под красивыми резными панелями из дерева. Миссис Мак Кромби сразу же почувствовала себя в своей стихии и каждый вечер, готовясь к ужину, с удовольствием наряжалась в очередной экстравагантный туалет из того обширного гардероба, который она везла с собой.

По утрам Китти белкой крутилась вокруг миссис Мак Кромби, удовлетворяя все ее сиюминутные нужды и потребности. Попутно приходилось ремонтировать горы одежды. Всякий раз Китти тяжело вздыхала, разглядывая разошедшиеся швы на корсетах и прилегающих лифах платьев, после чего принималась заново перешивать их. В конце концов она пришла к выводу, что ее патронесса сознательно вводила в заблуждение портних, явно занижая свои размеры и преуменьшая общие габариты. Скорее всего, из-за самого элементарного тщеславия. Обедали они вместе с Klarой в столовой для пассажиров второго класса. Китти не переставала удивляться тому, какой свежей и разнообразной была их пища и как ловко орудовали официанты, обслуживая их, носясь с подносами, уставленными всякими напитками и блюдами, и стойко удерживая равновесие, несмотря на случавшуюся иногда качку. Во второй половине дня Китти выходила подышать свежим воздухом на палубу для прогулок, а потом снова заглядывала в каюту к миссис Мак Кромби, и они принимались играть в карты – либо в безик, либо в криббидж.

Между тем их пароход уже почти преодолел Средиземное море, сделал короткую остановку в Неаполе и взял курс на Порт-Саид. Вскоре они миновали и Суэцкий канал. Чем дальше к югу, тем невыносимее становилась жара. Миссис Мак Кромби категорически отказывалась сходить на берег в тех портах, где они останавливались, чтобы пополнить запасы провизии и воды, аргументируя свой отказ тем, что, дескать, «тут легко можно подцепить заразу от кого-нибудь из

местных». Но Китти, разглядывая с палубы непривычно красивые, экзотические пейзажи чужих берегов, чувствовала, как постепенно ее охватывает радость от самого путешествия, сулящего столько открытий и приключений.

Впервые в своей жизни она пренебрегла строгими правилами этикета и отправилась на шумную вечеринку с танцами при свете газовых фонарей в дымном салуне на палубе третьего класса. В первый раз Клара затащила ее туда почти силком. Китти скромно стояла у стеночки, наблюдая за тем, как подруга отплясывает без устали под зажигательные кельтские ритмы в исполнении оркестра. Но потом Китти все-таки вытащили на танцпол, и она легко закружилась в танце, непринужденно переходя по кругу от партнера к партнеру. Впрочем, все молодые люди были безукоризненно вежливы и вели себя как истинные джентльмены.

Ее чувства к миссис Мак Кромби тоже претерпели некоторую метаморфозу в сторону существенного потепления. Та после очередной порции виски или трех коктейлей кряду вдруг неожиданно начинала демонстрировать довольно рискованный юмор, отпуская порой такие соленые шутки, от которых у отца Китти наверняка случился бы самый настоящий сердечный приступ. В один из вечеров миссис Мак Кромби даже поделилась в разговоре с Китти своими страхами и опасениями в преддверии встречи с сестрой.

– Я ведь не видела Эдит с тех пор, как ей исполнилось восемнадцать, – разоткровенничалась миссис Мак Кромби. – Ей было столько же, сколько вам сейчас, моя дорогая. Она как раз собралась ехать в Австралию, чтобы выйти там замуж за нашего дорогого Стефана. Эдит младше меня на целых пятнадцать лет. В свое время ее появление на свет стало настоящим потрясением для нашего папа. – Миссис Мак Кромби ухмыльнулась с немного глуповатым видом и негромко отпрыгнула. – Впрочем, она на меня совершенно не похожа, – добавила она чистосердечно и сделала знак официанту, чтобы он снова наполнил ее стакан. – Кстати, надеюсь, вы в курсе, моя дорогая, что ваш батюшка в те годы, когда наша семья еще только-только познакомилась с ним, слыл самым настоящим дамским угодником?

– Правда? Вот никогда бы не подумала, – ответила Китти с деланным равнодушием, но на самом деле сгорая от любопытства, какие еще подробности миссис Мак Кромби добавит в свой рассказ.

Увы-увы! Ее внимание уже переключилось на оркестрантов судового оркестра, которые появились на подиуме. Заиграла музыка, и разговор прервался сам собой.

На подступах к острову Цейлон их надежный пароход «Ориент» изрядно потрепало в Индийском океане. Китти держалась молодцом, безостановочно ухаживая и за миссис Мак Кромби, и за Кларой, которые обе позеленели от непрекращающейся болтанки и днями не поднимались со своих кроватей. А все же, размышляла Китти, морская болезнь уравнивает людей почище любых социальных реформ. Воистину, перед этой напастью все равны: нет ни богатых, ни бедных. Пассажиры, обитающие в каютах самых разных классов, в равной степени оказались брошенными на милость разбушевавшейся стихии. Судовые стюарды сбивались с ног, разнося по каютам настойку имбиря, которая, по слухам, могла хоть как-то нормализовать состояние страдальцев и облегчить их проблемы с желудком. Что же до миссис Мак Кромби, то Китти с ужасом наблюдала за тем, как та то и дело сдабривала свои медицинские снадобья изрядными порциями виски, которое она вливала прямо в настойку, не переставая при этом повторять:

– Ничто не помогает снять эти кошмарные головокружения. Вот я подумала, моя дорогая. Пусть уж лучше голова кружится от виски, а не от какой морской заразы.

По мере того как их пароход все дальше и дальше углублялся в необъятные просторы Индийского океана, навстречу земле обетованной, какой представлялась Австралия пассажирам судна, жара лишь усиливалась. Китти даже не представляла себе, что может быть так жарко. Она сидела на верхней палубе для прогулок, это было единственное место на судне, где можно было почувствовать хоть какое-то дуновение ветерка. Китти разместилась рядом с миссис Мак Кромби, с неизменной книгой в руках, которую взяла в судовой библиотеке, и старалась понять, кто же она теперь есть. Уже не просто дочь преподобного мистера Макбрайда, а вполне самостоятельная молодая девушка, сильная, выносливая, крепкая. Вон даже стюард Джордж признался ей, что еще никогда не видел женщины, которая бы так лихо держалась на ногах во время шторма. Вполне возможно, она сможет устоять на них и дальше, уже обходясь без помощи матери или отца.

Китти задира́ла голову и долго-долго вглядывалась в безоблачную синь. Чем дальше уплывали они от Шотландии, тем реже Китти преследовали весь тот ужас и омерзение, которые она испытала, узнав незадолго до отъезда всю правду об отце. Когда в один из дней миссис Мак Кромби сообщила ей, что плыть до места назначения осталось всего лишь неделю, Китти невольно почувствовала, как у нее свело желудок. И качка здесь была совсем ни при чем. Китти охватило волнение при мысли о том, что совсем скоро она своими глазами увидит землю Дарвина. Вот человек был! Не прятался за имя Господа, не боялся открыто объявить о своих взглядах, в которых главенствовал не Бог, а природа с ее огромной созидательной силой и мощью. Природа предстает перед всяким во всей ее наготе, со всем тем хорошим и плохим, что в ней есть, со всей ее красотой, дикостью, жестокостью. Она словно говорит людям: «Да, я вот такая, какая есть! Идите и смотрите». Природа не терпит лицемерия, в ней нет изуверского фанатизма и напыщенной лжи, она открыта и честна во всех своих проявлениях.

Пожалуй, если бы Китти понадобилась метафора для того, чтобы описать свое нынешнее состояние, она бы воспользовалась тугим корсетом миссис Мак Кромби. Представила бы себе, как срывает с себя ненавистную вещицу из дамского гардероба и начинает дышать полной грудью.

В то утро, когда на горизонте замаячили первые очертания австралийского континента, почти все пассажиры парохода «Ориент» высыпали на палубу. Все с волнением и трепетом вглядывались в вдаль, вытягивали шеи, крутили головами, пытаясь разглядеть в туманной дымке то, что для многих из них очень скоро станет новым домом, началом новой жизни.

Но вот береговая линия стала уже вполне различима, и вдруг странная тишина повисла над палубой. Между лазурно-голубой гладью моря и такими же сияющими голубыми небесами перед всеми ними предстала узкая полоска красно-коричневой суши.

– Ровно все тут. Ни тебе гор, ни холмов, – разочарованно пожала плечами Клара. – Голая земля, и только.

– Да, – коротко согласилась с ней Китти, мечтательно вперив взор вдаль, все еще не в силах поверить в то, что вот сейчас, в эту самую минуту, она своими глазами видит тот самый континент, который раньше разглядывала лишь в атласе. И какой же недостижимой тогда казалась ей эта земля.

Лайнер вошел в бухту порта Фримантл и встал на якорь. С берега раздались радостные вопли встречающих. Китти показалось, что народу собралось даже больше, чем в Лондоне, когда они покидали родную гавань, взяв курс к берегам Австралии. Какое-то время Китти дивилась, как могут такие огромные пассажирские лайнеры и суда, перевозящие всяческие грузы, так искусно маневрировать в сравнительно небольшой бухте, а между тем на нижних палубах разноликая толпа уже суетилась и волновалась, с нетерпением ожидая того момента, когда начнется спуск на берег.

– Боже святой! – От переизбытка чувств Клара обхватила Китти руками за шею. – Вот мы и в Австралии наконец! Не могу поверить... И что нас тут ждет?

Китти молча наблюдала за тем, как пассажиры устремились по сходням на берег, прижимая к себе незамысловатые пожитки и детей. Кого-то встречали друзья или родственники, но таких было немного. Основная же масса прибывших сгрудилась на пристани. Люди выглядели сбитыми с толку и слегка заторможенными от всего происходящего, а сверху нещадно палило горячее австралийское солнце. Но вот к толпе подошел какой-то человек, судя по всему представитель местных властей, и повел людей за собой. Это же какое надо иметь мужество, невольно восхитилась Китти, глядя им вслед. Бросить все: родной дом, землю, на которой ты родился и вырос – и уехать на другой конец света, чтобы начать там все с нуля. Построить новую жизнь с надеждой, что она будет лучше той, которую они оставили позади.

– Один сброд, насколько я могу судить, – прокомментировала увиденное миссис Мак Кромби за обедом в столовой, когда им подали телячью отбивную. – Впрочем, чему удивляться? Австралия ведь изначально заселялась исключительно одними отбросами общества, всякими разными каторжниками и преступниками всех мастей. Их

сюда доставляли на кораблях из Англии. И они здесь повсюду, эти людишки. За исключением Аделаиды, разумеется. Этот город возвели специально для более... благородной публики, такой, как мы. Эдит писала мне в своих письмах, что Аделаида – это город, в котором чтут Господа. Красивый, по-настоящему христианский город. – Миссис Мак Кромби недовольно поморщилась, повернув голову к открытому окну, из которого с берега доносилась немного непривычная гортанная речь местных. И тут же принялась энергично обмахиваться веером. На лбу у миссис Мак Кромби уже выступили капельки пота. – Будем надеяться, что в Аделаиде не будет такого пекла, – обронила она и добавила: – Господи боже мой! Теперь мне понятно, почему все эти аборигены бегают тут голышом. Невыносимая жара!

После обеда миссис Мак Кромби вернулась к себе в каюту, чтобы немного вздремнуть, а Китти снова поднялась на палубу и стала наблюдать за тем, как сгружают на берег скот. Большинство животных выглядели напуганными, вид у всех был истощенный. Они, спотыкаясь и путаясь друг у друга под ногами, неуверенно двигались по сходням.

– Бедные вы мои! – вздохнула про себя Китти. – Это ж в какую даль вас завезли. Навсегда оторвали от родных лугов и пастбищ.

На следующее утро лайнер снова двинулся в путь, взяв курс на Аделаиду. Оставшиеся два дня до момента прибытия в порт назначения ушли на то, что снова упаковать весь объемный багаж миссис Мак Кромби и разложить по чемоданам и баулам ее обширный гардероб.

– Может, приедешь навестить меня в Сиднее, когда я там обустроюсь, а? – поинтересовалась Клара у Китти, когда подруги в последний раз обедали вместе на борту судна. – Думаю, там не далеко. Во всяком случае, на карте эти города совсем рядом.

Вечером Китти спросила у стюарда Джорджа, возможна ли в принципе такая поездка.

– Ну, если по прямой, то расстояние между Аделаидой и Сиднеем где-то порядка семисот миль. Возможно, чуть больше... Но для такого путешествия придется углубиться в материковую часть континента. А там бегают племена этих чернокожих с копьями наперевес. А еще полно кенгуру, всяких змей и ядовитых пауков, от одного укуса которых можно помереть тут же, прямо на месте. Взгляните сами на

карту, мисс Макбрайд. Как вы думаете, почему все австралийские города расположены вдоль береговой линии? Да потому что белым не выжить в этой дикой глуши. Все эти территории практически не заселены людьми.

Укладываясь в последний раз на свою койку, Китти, как всегда, прочитала молитву на сон грядущий.

– Господи, прошу тебя! Ладно, змеи, кенгуру и даже дикари... пусть себе будут. Но, пожалуйста, сделай так, чтобы они не сварили меня живьем в котле!

Наконец «Ориент» прибыл в порт Аделаиды. Китти сердечно распрощалась с Кларой, которая в момент прощания не скрывала своих слез.

– Ну, что ж... Прощай тогда... Приятно мне было познакомиться с тобой. Честно, Китти. Обещай, что будешь писать мне, ладно?

Девушки крепко обняли друг друга.

– Обязательно напишу. Береги себя, Клара. Надеюсь, все твои мечты исполнятся.

Помогая миссис Мак Кромби спускаться по сходням на пристань, Китти чувствовала, что и сама на грани слез. Только сейчас, сойдя на берег, она поняла, как ей будет недоставать подруги, которую она неожиданно для себя приобрела во время этого долгого плавания.

– Флоренс!

Китти увидела, как стройная, элегантно одетая женщина с копной огненно-рыжих волос на голове приветственно замахала им рукой и двинулась навстречу.

– Эдит!

Обе сестры дежурно клюнули друг друга в щечки.

Китти молча проследовала за ними. Кучер, облаченный в парадную ливрею, повел дам к карете. Китти украдкой оглядела наряд Эдит. Парчовое платье с глухой застежкой до самой шеи. Само собой, под ним корсет. Плюс еще и панталоны до колен. И как она только выносит эту жару в таком облачении, мелькнуло у Китти. Ей самой

сейчас больше всего на свете хотелось сбросить с себя все и окунуться нагой в прохладные воды залива, плескавшиеся у пристани.

Когда они наконец добрались до кареты, какой-то чернокожий мальчуган, Китти еще никогда не видела негров с такой черной кожей, стал укладывать их чемоданы на козлы позади кареты.

– Ах, боже мой! – Миссис Мак Кромби резко повернулась в сторону Китти: – Так разволновалась, увидев тебя, дорогая сестра, что совсем забыла представить свою спутницу. Прошу любить и жаловать! Мисс Китти Макбрайд, старшая дочь одного из очень близких друзей нашей семьи, преподобного отца Макбрайда. Всю дорогу она была мне неоценимой помощницей. И моей спасительницей тоже! – добавила благодетельница, бросив на Китти ласковый взгляд.

– Рада познакомиться, – коротко отреагировала Эдит, окинув Китти холодным взглядом. – Добро пожаловать в Австралию. Надеюсь, вам понравится у нас в Аделаиде.

– Спасибо, миссис Мерсер.

Наблюдая за тем, как сестры усаживаются в карету, Китти почему-то подумала, что, скорее всего, гостеприимство Эдит будет таким же холодным, как и ее взгляд. Уж слишком неискренне прозвучали сейчас ее слова.

8

Карета тронулась по пыльной дороге, ведущей из порта. Стояла страшная духота. Вначале они миновали какие-то лачуги, скорее трущобы, такие жалкие домишки, прилепившиеся к самым докам, с крышами, крытыми ржавой жостью. Потом пошли уже улицы, застроенные бунгало, и наконец, они выехали на какой-то широкий проспект, по обе стороны которого выстроились в ряд красивые и роскошные особняки.

Особняк, принадлежавший семейству Мерсер, назывался Алисия-Холл, в честь свекрови Эдит. Он расположился на Виктория-авеню. Типичный шикарный дом в колониальном стиле, с белыми стенами, с прохладными, затененными верандами и террасами с изящными резными решетками, опоясывавшими дом со всех сторон. Все было предусмотрено для того, чтобы, находясь внутри здания, можно было пересидеть любую жару. На закате раздавался дружный хор в

исполнении насекомых, названия которых были еще не известны Китти. Самая настоящая какофония звуков.

Минуло три дня после их прибытия в Аделаиду. Миссис Мак Кромби, или Флоренс, как называла ее Эдит, либо отсыпалась целыми днями в своей комнате, восстанавливая силы после изнурительного путешествия, либо сидела на веранде с сестрой, коротая время за разговорами о жизни каждой.

На текущий момент в огромном доме обитали только они втроем. Сам хозяин дома, мистер Стефан Мерсер, муж Эдит, уехал куда-то по делам. Отсутствовали и оба сына хозяев. Обменявшись короткими приветствиями с Китти за завтраком, обедом и ужином и пожелав ей хорошего дня, когда она поднималась из-за стола, дамы не снисходили до каких-либо дальнейших разговоров с ней, и она было всецело предоставлена сама себе, просиживая днями в своей просторной комнате со стенами, выкрашенными в пастельные тона. Комната располагалась на верхнем этаже дома. В ней было много света и воздуха.

Надо сказать, что Китти, привыкшую к одиночеству и даже в какой-то степени к затворничеству, такое времяпрепровождение ничуть не смущало. Она брала книжку в библиотеке, расположенной внизу, и с удовольствием погружалась в чтение, сидя на террасе, куда выходила ее спальня. Но шли дни, а распорядок дня оставался прежним. С приближением Рождества Китти все чаще возвращалась мыслями к родному дому. В один из дней она уселась за просторное письмо своим родным. Писала и почти воочию представляла, что сейчас делается в их доме на Принсис-стрит. Наверняка холодно, как обычно. Ей даже казалось, что она осязает морозный, напитанный туманами воздух родного Лейта. Наверняка в доме уже установили рождественскую елку и украсили ее крохотными огоньками, весело пляшущими тысячами искорок при каждом порыве сквозняка.

– Как же я соскучилась по всем вам! – прошептала Китти, сворачивая письмо пополам, и глаза ее тут же наполнились слезами.

После завтрака она обычно направлялась на прогулку в сад, разбитый вокруг дома. Сад был огромным и радовал глаз своей пышной и сочной зеленью. Вся территория была поделена на отдельные участки. Аккуратные тропинки, вырезанные прямо в траве, вели к каждой секции. Кое-где встречались постройки, похожие на

парники, густо обвитые глицинией. Темно-зеленые кусты фигурно подстрижены. Цветочные бордюры тоже поражали своей ухоженностью. На клумбах обилие самых разных ярких цветов, которых Китти никогда раньше не видела: огненно-розовые, оранжевые, с блестящими зелеными листьями, рядом – источающие медовый аромат растения с крупными пурпурными соцветиями, над которыми вьется множество бабочек, слетающих сюда для того, чтобы полакомиться сладким нектаром растений.

Со всех сторон по периметру сад окружен высоченными деревьями с необычной корой белого цвета, что делало их похожими на такие странные, даже немного причудливые привидения. Когда Китти вплотную подошла к дереву, тотчас же уловила разлитый в воздухе аромат свежих трав и зелени, который источала кора. Подхваченный легким порывом ветра, этот запах буквально окутывал Китти со всех сторон. Надо будет не забыть спросить у Эдит, что же это за деревья такие необычные, решила про себя Китти.

Да, все вокруг было очень красиво, но чем дальше, тем больше Алисия-Холл стал напоминать Китти роскошную, очень ухоженную и очень комфортную, но все же тюрьму. Еще никогда в своей жизни Китти не предавалась такой праздности, а бездействие поневоле угнетало. Однако вокруг обитателей дома хлопотала целая армия слуг, готовых удовлетворить любое желание своих хозяев. Между тем за садовой изгородью начиналась та самая Австралия, которая так манила Китти своей неизвестностью. А Китти вынуждена целыми днями торчать взаперти и томиться от безделья. Поневоле затоскуешь. Словом, чем дальше, тем больше австралийская жизнь начинала тяготить Китти.

Незадолго до Рождества она отправилась, по своему обыкновению, на утреннюю прогулку в сад. Уже на обратном пути Китти вдруг увидела какого-то постороннего мужчину, вошедшего во двор через заднюю калитку. Китти даже замерла на месте от неожиданности. Взлохмаченная копна волос неопределенного цвета, густо обсыпанных красной пылью, грязная одежда и такие же грязные ботсы на ногах. Первым порывом было немедленно бежать в дом и звать на помощь слуг. Сообщить им, что какой-то бродяга проник на территорию их имения и посягает на чужую собственность.

Китти спряталась за одной из колонн веранды и стала пристально наблюдать за тем, как незнакомец направляется к черному входу в дом.

– Добрый день, – поздоровался он, подходя ближе. Оставалось только удивляться, как же это он ее заметил. Ведь Китти так хорошо спряталась. – А я вижу вашу тень. Так что выходите! Почему вы прячетесь?

Китти понимала, что незнакомцу ничего не стоит схватить ее за шиворот, если она сделает попытку перебежать веранду, чтобы спрятаться в доме. Но Китти тут же постаралась взять себя в руки. Ведь ей приходилось оказываться и в худших ситуациях. Мало ли она перевидала пьяной матросни в порту у себя в Шотландии? Китти сделала глубокий вдох и выступила из-за колонны.

– Вовсе я не прячусь. Просто укрылась в тени от солнца.

– Да, солнце в эту пору года печет нещадно. Впрочем, здесь еще терпимо, по сравнению с тем, какая жара сейчас стоит на севере.

– Ничего не могу сказать. Я приехала сюда совсем недавно.

– Вот как? И откуда же вы приехали?

– Из Шотландии. У вас есть какое-то дело в доме? – строго поинтересовалась Китти у незнакомца.

Кажется, ее вопрос его изрядно позабавил.

– Можно сказать и так. Да, в этом доме у меня действительно есть кое-какие дела.

– Тогда я сообщу миссис Мерсер, когда она вернется, что к ней приходил посетитель.

– А что, в настоящий момент миссис Мерсер отсутствует?

– Это ненадолго. Она скоро вернется, – ответила Китти, досадую, что допустила такой явный ляп. – К тому ж в доме полно слуг.

– Тогда, пожалуй, я пройду в дом и поговорю с ними о своих делах, – заявил незнакомец, решительным шагом направившись к черному входу, который вел прямым ходом на кухню. – Всего вам доброго.

Китти поспешно забежала в дом и, поднявшись по лестнице к себе в комнату, тотчас же вышла на террасу. Через пару минут у задней калитки появилась лошадка с впряженной в нее повозкой. Наверное, слуги уже решили с незнакомцем все его дела и отпустили восвояси, с облегчением вздохнула Китти. После чего рухнула на кровать и принялась интенсивно обмахивать себя веером.

Вечером Китти занялась приведением себя в порядок перед ужином. Ей по-прежнему казалось чудом, что на другом конце света, на континенте, по которому еще до сих пор бродят толпы дикарей, тем не менее имеется электричество, а в доме даже *есть ванная комната*, да и в самой ванне можно плескаться хоть каждый день. Китти с удовольствием освежилась, приняв ванну, потом уложила волосы, заколов их шпильками со всех сторон, попутно поругала свои веснушки, усыпавшие все лицо. После чего отправилась вниз по изящной лестнице с красивыми резными перилами. Но где-то на середине пути Китти вдруг замерла как вкопанная, ибо внизу ее взору предстало совершенно неожиданное, но такое изумительное по красоте зрелище: прекрасная рождественская ель, украшенная гирляндами и елочными игрушками, которые сверкали и переливались всеми цветами радуги в мягком свете хрустальной люстры, свисавшей с потолка. Знакомый запах хвои мгновенно напомнил Китти сочельник в родительском доме, который они обычно встречали всей семьей. И от этих щемящих воспоминаний глаза ее снова наполнились слезами.

– Господи, благослови вас всех, мои любимые, – прошептала Китти, продолжив спуск. Утешало лишь то, что уж в следующем году она точно вернется домой и будет встречать Рождество вместе с родными. Уже на самой нижней ступеньке она увидела мужчину, одетого в смокинг, как и положено к ужину в приличном доме. Мужчина занимался тем, что как раз прилаживал к ветке последнюю побрякушку.

– Добрый вечер, – поприветствовал Китти мужчина, просунув голову меж ветвей.

– Добрый вечер, – ответила Китти и, взглянув на мужчину, вдруг подумала, что тембр его голоса ей почему-то подозрительно знаком.

– Ну, как вам елка? – поинтересовался мужчина, подходя к ней ближе. И, скрестив руки, оглядел со стороны плоды своих усилий.

– Очень красивая.

– Это подарок моей... миссис Мерсер.

– Вот как? Как это мило с вашей стороны. Вы очень добры.

– Пожалуй.

Китти снова глянула на своего собеседника, на его темные волосы, такие блестящие в свете люстры. И тут до нее дошло...

– По-моему, мы уже с вами встречались, мисс...

– Макбрайд, – сконфуженно прошептала Китти, узнав наконец собеседника.

– А меня зовут Драммонд Мерсер. Я – сын миссис Мерсер. Если быть уж совсем точным, сын номер два, – добавил он с лукавой улыбкой.

– Но...

– Что?

– Вы...

Китти увидела, как в глазах молодого человека заплясали веселые чертики, и тут же покраснела от смущения.

– Простите. А я подумала...

– Что я какой-то бродяга, позарившийся на чужое добро?

– Да, что-то в этом роде. Прошу вас, примите, пожалуйста, мои извинения.

– А вы примите мои. Мне следовало сразу представиться вам. Я явился сюда из Алиса-Спрингс. Приехал на верблюде. Неудивительно, что мой внешний вид... как сказали бы французы, *дезабиле*.

– Вы ехали на верблюде? – удивилась Китти.

– Да, а что такого? У нас в Австралии тысячи этих животных. И не верьте тому, что станут рассказывать вам люди. Верблюды здесь самый надежный вид транспорта, особенно когда углубляешься в еще не освоенные и потому довольно опасные территории аутбэка.

– Понятно, – обронила Китти, стараясь запомнить все, что он только что сказал. – Поэтому-то вы и явились домой весь в грязи и пыли. То есть, я хочу сказать, ехать верхом через всю Австралию... А я вот прибыла сюда на пароходе. Мы плыли несколько недель и...

Китти почувствовала, что уже немного «заболталась», как обычно говорил в таких случаях отец.

– Я вас великодушно прощаю, мисс Макбрайд. Невероятно, но, глядя на меня, можно сказать, что даже самого грязного странника можно отмыть почти добела, правда? Я сразу же по возвращении домой взял пони с повозкой и отправился в порт за елкой для мамы. Мы каждый год заказываем рождественскую ель из Германии, но я хотел своими глазами убедиться в качестве товара. В прошлом году

иглы с елки осыпались буквально на следующий день после того, как ее привезли домой. А не пройти ли нам в гостиную и не выпить что-нибудь прохладного? – Драммонд галантно предложил ей руку.

Китти выпрямилась во весь рост, расправила плечи и взяла протянутую руку.

– С удовольствием.

Присутствие молодого человека сразу же оживило общую атмосферу ужина. Драммонд все время подшучивал над Китти, рассказывал, как она приняла его за грабителя. Миссис Мак Кромби буквально умирала от смеха, слушая его и то и дело вытирая выступившие на глаза слезы. Лишь Эдит сидела, по своему обыкновению, молча и с весьма недовольным видом. Судя по выражению ее лица, она категорически не одобряла общее веселье, неожиданно воцарившееся за столом.

«Почему она так холодна ко мне? – недоумевала Китти. – Ведь я же не сделала ей ничего плохого...»

– Вы уже успели изучить наш славный маленький городок, мисс Макбрайд? – поинтересовался у нее Драммонд, когда им подали пудинг.

– Нет, я еще ни разу не выбиралась в город. Но очень бы хотела. К тому же мне надо купить рождественские подарочки для ваших близких, – ответила она шепотом.

– Что ж, тогда сообщаю вам, что завтра мне надо будет кое-куда съездить... по делам. Могу подбросить вас на своем пони до центра, если хотите.

– Я вам буду очень признательна, мистер Мерсер. Большое вам спасибо.

Несмотря на то что первая встреча с Драммондом прошла не вполне удачно, Китти была вынуждена признать, что его общество весьма приятно. Он отличный собеседник, и его непринужденная манера общения, без излишних церемоний и формальностей, тоже пришлась ей по душе. Не говоря уже о том, что еще никогда в своей жизни Китти не видела такого красивого молодого человека: высокий, широкоплечий, с ярко-голубыми глазами и копной каштановых кудрей на голове. Впрочем, что ей за дело до его внешности, размышляла она после ужина, уже укладываясь в постель. Такой красавец на нее и не взглянет. Кто она такая? Дочь бедного священника... Да еще вся в

веснушках. К тому же сама мысль о том, что какой-то мужчина может приблизиться к ней, моментально вызывала у нее содрогание. С некоторых пор само понятие физической близости с представителями противоположного пола ассоциировалось у Китти исключительно с лицемерным поведением отца.

На следующее утро Драммонд помог ей взобраться на повозку, и Китти уселась рядом с ним.

– Нормально устроились? – спросил он.

– Да, спасибо, все отлично, – ответила она.

Лошадка, цокая копытами, миновала ворота и тронулась в путь по широкой авеню. Китти снова вдохнула полной грудью дивный и по-прежнему не знакомый ей запах, который источали деревья вокруг.

– Чем это так вкусно пахнет? – поинтересовалась она у Драммонда.

– О, это пахнут эвкалипты. Коалы их просто обожают. Бабушка рассказывала мне, что, когда они еще только-только приступили к строительству дома в 1860 году, здесь все вокруг кишело коалами. Они обитали на эвкалиптах целыми колониями.

– Надо же! Какое чудо! А я вот про коалу читала только в книжках.

– Очень забавные животные. Похожи на таких маленьких плюшевых мишек. Если я где увижу коалу, обязательно покажу ее вам. А вы, если по ночам услышите такие странные вопли за окном, похожие одновременно и на чей-то храп, и на чьи-то стоны, не пугайтесь. Знайте, это самец коала занят в саду сбором листьев. Или просто крадется за какой-нибудь самочкой.

– Понятно. – Китти уже стала понемногу привыкать к непривычному для нее акценту Драммонда, такая смесь чисто немецких интонаций с легкой шотландской картавостью при произношении отдельных слов. И все это сдобрено изрядной порцией местного австралийского говора. Солнце пекло, прожигая насквозь. Китти натянула шляпку на самый лоб, чтобы хоть как-то защитить лицо от этих палящих лучей.

– Сражаетесь с жарой, да?

– Пытаюсь по мере сил. У вас тут действительно очень жарко. И солнце так палит. Кожа сгорит в два счета.

– Со временем кожа загрубеет немного, и вы привыкнете к нашему солнцу. Должен заметить, ваши веснушки просто обворожительны.

Китти метнула на Драммонда короткий взгляд. Уж не подшучивает ли он над ней, как вчера за ужином? Но выражение лица Драммонда было бесстрастным. Он всецело сконцентрировал свое внимание на управлении пони, умело маневрируя среди другого транспорта, которого с каждой минутой становилось все больше. Китти замолчала. Сидела и разглядывала все вокруг. Они уже въехали в центральную часть города. А улицы здесь гораздо шире, чем в Эдинбурге, подумала она. И здания все такие солидные и элегантные. По дорожкам прогуливались нарядно одетые пешеходы, женщины все с зонтиками, чтобы хоть как-то оградить себя от солнечных лучей.

– Ну, как вам наша Аделаида? – поинтересовался Драммонд.

– Пока я еще слишком мало видела, чтобы составить определенное мнение о городе.

– Что-то мне подсказывает, мисс Макбрайд, что вы вообще привыкли держать мысли при себе. Я прав?

– Пожалуй, да. Просто я сильно сомневаюсь, что кому-то может быть интересно все то, что я думаю.

– Как сказать! Вполне возможно, есть и такие, кому это будет интересно, – немедленно возразил Драммонд. – Словом, вы самая настоящая загадка, мисс Макбрайд, не так ли?

Китти промолчала, не зная, как расценить его слова. Что это? Compliment? Или же очередная насмешка?

– Я однажды был в Германии, – нарушил он очередную затянувшуюся паузу. – Это пока мое первое и единственное посещение Европы. Мне показалось, там холодно. Все время темно и довольно уныло. Конечно, у нас в Австралии полно проблем. Но здесь, по крайней мере, хоть солнце светит не жалея сил. Да и вообще, все здесь ярко, эффектно, зажигательно и волнующе. А как вы, мисс Макбрайд, относитесь к острым ощущениям? Вам под силу совладать с чем-то непривычным?

– Возможно. – Китти неопределенно пожала плечами в ответ.

– Тогда Австралия вам подойдет. Вы здесь будете чувствовать себя вполне в своей тарелке. Австралия, она ведь не для слабонервных или малодушных. Во всяком случае, если вы намереваетесь отправиться в глубинку и вырваться за пределы городов, – добавил Драммонд и, дернув за вожжи, остановил повозку. – Перед вами Кинг-Уильям-стрит. Ее так назвали в честь короля Уильяма. – Он жестом показал на улицу, застроенную по обе стороны магазинами с фасадами, раскрашенными яркими разноцветными красками, с многочисленными сверкающими вывесками, рекламирующими самые разнообразные товары. – Вполне подходящее место, верно? Если не возражаете, я высажу вас здесь, возле Бихайв-Корнер, и ровно в час дня, то есть где-то через два часа, заберу вас с этого же самого места. Ну как, идет?

– О, все отлично! Большое спасибо.

Драммонд соскочил с козел и, подав Китти руку, помог ей спуститься на землю.

– Вот теперь можете с легким сердцем предаться любимому занятию всех дам – хождению по магазинам. А если вы будете девочкой-паинькой, то обещаю, что чуть позже свожу вас еще и на Рандл-стрит, покажу вам нашего Санта-Клауса. Удачного дня! – Драммонд весело улыбнулся на прощание и снова запрыгнул в повозку.

Какое-то время Китти стояла на пыльной улице и смотрела на проезжающие мимо кареты, экипажи, повозки с впряженными в них лошадьми и пони. В повозках сидели мужчины в широкополых шляпах. Глянув вверх, Китти тотчас же увидела место, которое Драммонд назвал «Бихайв-Корнер», красивое здание из белого и красного кирпича, с крытыми галереями и украшенное поверху флеронами, их венчала искусно нарисованная пчела. Что ж, такое здание трудно не запомнить и не найти. Китти приободрилась и побрела вдоль улицы, заглядывая в витрины всех магазинов подряд. Чувствуя, что уже вся покрылась потом, она перешла на другую сторону улицы, заметив там магазинчик, торгующий галантерейными товарами, и тотчас же поспешила укрыться в нем. К своему удивлению, она обнаружила в магазине огромный ассортимент лент и всевозможных кружев. Впрочем, как оказалось, внутри было

еще жарче, чем на улице. Чувствуя, как струйки пота скатываются по шее и по спине, Китти торопливо купила один ярд кружев для миссис Мак Кромби и миссис Мерсер, а также немного белого батиста на носовые платки для мужчин. Китти решила, что украсит платки собственноручной вышивкой. Вышьет в уголках цветы чертополоха, эмблему Шотландии.

Китти поспешно расплатилась за покупки, чувствуя, что еще немного, и она потеряет сознание и рухнет прямо посреди торгового зала. Вышла на улицу, лихорадочно озираясь по сторонам в поисках затененного места, где можно было бы укрыться от солнца и выпить стакан холодной воды. Заплетающимися ногами Китти двинулась вперед и тут увидела вывеску: *Отель «Эдинбургский замок»*.

Не раздумывая, Китти распахнула дверь. Внутри было полно народу, сильно накурено, множество вентиляторов без устали гоняли спертый воздух. Кое-как Китти пробралась к стойке бара, даже не обратив внимания на то, что при ее появлении в помещении установилась гробовая тишина. Китти плюхнулась на высокий табурет и едва слышно прошептала, обращаясь к барменше:

– Пожалуйста, воды.

Девушка с недопустимо низким вырезом в корсаже (по всей вероятности, тоже один из способов защитить себя от испепеляющего зноя) молча кивнула в ответ и плеснула немного воды из кувшина в кружку. Китти схватила кружку и осушила ее залпом. Потом попросила налить еще. Выпив и вторую кружку, Китти немного пришла в себя. Подняла глаза и увидела, что на нее пялятся по крайней мере сорок пар мужских глаз.

– Спасибо! – пробормотала она барменше. И из последних сил, стараясь держаться с достоинством, сползла с табурета и направилась к дверям.

– Мисс Макбрайд! – Чья-то рука крепко схватила Китти в тот самый момент, когда она уже взялась за медную ручку входной двери. – Какая приятная неожиданность встретить вас здесь!

Она подняла глаза и увидела перед собой Драммонда Мерсера. Глаза его искрились от смеха. Китти почувствовала, как снова краснеет.

– Я очень захотела пить, – начала она оправдываться. – На улице невыносимо жарко.

– Да, вы правы. Самое настоящее пекло. Пожалуй, больше я вас не оставлю на улице одну. По крайней мере, пока не пообвыкнетесь в нашем климате.

– Сейчас со мной все в порядке. Спасибо.

– Что ж, рад за вас. Купили, что хотели?

– Да, все купила. Господи, и как только можно ходить по магазинам в такое пекло? Уму непостижимо! – воскликнула Китти, энергично обмахиваясь рукой.

– Глоток виски, мисс? – услышала она у себя за спиной мужской голос.

– Но я...

– Исключительно в медицинских целях, – поддержал мужчину Драммонд. – Я составлю ей компанию, Лэчлан, – добавил он, и они снова повернули к стойке бара. – Между прочим, эта юная леди приплыла сюда из Эдинбурга.

– Даже так? Тогда все, что пожелает барышня, за счет заведения. Представляю, мисс, какое это для вас потрясение – оказаться здесь, да еще в разгар нашего лета, – продолжил Лэчлан, перемещаясь за стойку бара и откупоривая бутылку. – Вспоминаю себя, когда я только-только ступил на эту землю. Первая неделя мне показалась сущим адом. Я только и делал, что грезил о туманных и холодных ночах у нас в Шотландии в эту пору года. Вот! Примите это, и вам сразу же полегчает. Предлагаю выпить за нашу старую добрую родину. За Шотландию!

Китти еще ни разу в жизни не пробовала алкоголь. Но во время плавания на борту «Ориент» она достаточно насмотрелась на то, как лихо опрокидывала в себя миссис Мак Кромби изрядные порции виски, и так повторялось из вечера в вечер. Наверняка одна небольшая рюмочка сейчас точно не повредит, решила Китти про себя.

– За наш отчий край! – поднял свой стакан Лэчлан.

– За отчий край, – повторила вслед за ним Китти.

Мужчины залпом осушили свои бокалы. Она же предусмотрительно сделала вначале очень небольшой глоток. Проглотила и тотчас же почувствовала, как крепкая жидкость обожгла горло и покатила вниз. Собравшиеся с интересом наблюдали за манипуляциями приезжей. Почувствовав приятное жжение в желудке, Китти снова пригубила рюмку и на сей раз осушила ее до дна. После

чего громко стукнула рюмкой о столешницу, точь-в-точь повторив действия своих компаньонов.

– Bravo! Вот что значит настоящая шотландская девушка! – Лэчлан отвесил Китти шуточный поклон, а все остальные посетители бара выразили свое одобрение бурными аплодисментами. – Еще по стаканчику для всех!

– А вы умеете удивлять, мисс Макбрайд! Честное слово! – воскликнул Драммонд, вручая Китти новый стакан. – Из вас может получиться настоящая Оззи... то есть, я хочу сказать, австралийка, но со временем...

– Во всяком случае, я точно не из слабонервных, мистер Мерсер. Сами могли только что убедиться в этом, – парировала она, лихо опрокидывая в себя вторую порцию виски. После чего с непринужденным видом уселась на высокий табурет, почувствовав себя и в самом деле гораздо лучше, чем пару минут тому назад.

– Да, я это вижу, – проницательно заметил Драммонд, кивнув в ответ.

– Предлагаю исполнить хором в честь этой милой барышни, тоскующей по нашей всеми любимой родине, застольную «Через море к небесам», – предложил Лэчлан.

Все присутствующие в баре дружно подхватили песню. Китти, всю свою жизнь неизменно солировавшая на всех выступлениях женского церковного хора, сразу же отметила про себя профессиональным ухом, что некоторые мужские голоса звучали совсем даже недурно. Сделав глоток виски, она с готовностью присоединилась к поющим, и все вместе они исполнили песню про озеро Лох-Ломонд. После чего ее подвели к одному из столиков и усадили между Драммондом и Лэчланом.

– Так где же вы жили в Шотландии, мисс?

– Порт Лейт в Эдинбурге.

– Есть такой! – Лэчлан что есть силы стукнул кулаком по столу и плеснул из бутылки немного виски в свой стакан. – А я вот родился на юге. Там у нас, правда, живет народец попроще. Однако хватит о том, что осталось в прошлом. Предлагаю выпить за нашу знаменитую шотландскую смелость! – Лэчлан подлил немного виски в стакан Китти и выразительно вскинул бровь, глянув на нее.

Не говоря ни слова, Китти поднесла стакан ко рту и осушила его до дна, не сводя глаз с Драммонда.

Где-то спустя час с небольшим, вдоволь наплясавшись народных шотландских танцев в паре с Лэчланом под ободряющие крики и аплодисменты завсегдатаев бара, она уже приготовилась сделать еще один глоток из стакана, но Драммонд предусмотрительно прикрыл стакан рукой:

– На сегодня хватит, мисс Макбрайд. Думаю, нам уже пора домой.

– Но как же... мои новые друзья... и потом...

– Обещаю обязательно привезти вас сюда снова. Пока же нам надо возвращаться домой. Иначе моя мать решит, что я вас похитил.

– Да будь я моложе, я бы и сам с радостью умыкнул такую красавицу! – подал голос Лэчлан. – А ведь Китти у нас настоящая красотка, правда? Не переживайте, милая. Все у вас получится в Австралии. Вот увидите!

Китти попыталась подняться из-за стола, но ноги не держали. Драммонд тут же подхватил ее и помог выпрямиться во весь рост. Лэчлан горячо расцеловал ее в обе щеки:

– С наступающим Рождеством вас! И помните: если у вас возникнут какие-то неприятности, Лэчлан всегда к вашим услугам.

Китти плохо помнила, как Драммонд дотащил ее до повозки и что было потом. Единственное, что она запомнила, так это то, что всю дорогу домой Драммонд крепко держал ее рукой за талию. Наверное, Китти все же уснула. Потому что следующее, что она вспомнила, – это как он внес ее на руках в дом, потом поднял по лестнице на второй этаж и осторожно уложил на кровать.

– Я вам очень признательна, – пробормотала Китти пьяным голосом и громко икнула. – Вы так добры... так добры...

9

Китти проснулась в темноте, все еще в состоянии сильного опьянения. Чувствовала она себя так, будто в голове топчется целое стадо слонов. Она села на постели и непроизвольно поморщилась от боли. Слоны измолотили своими огромными ножищами ее мозги до такой степени, что содержимое желудка уже подступило к самому горлу...

Китти свесила голову вниз, и ее тут же вырвало прямо на пол. Издав протяжный стон, Китти схватила бутылку с водой, стоявшую рядом с кроватью, и жадно выпила всю воду. После чего безвольно откинулась на подушки, стараясь привести хоть в какой-то порядок тот хаос, который царил в ее голове. Когда же, наконец, Китти вспомнила все, то тотчас же пожалела о том, что память не отнялась навсегда.

– Боже! Что я натворила! – прошептала Китти в ужасе, представив разгневанное лицо миссис Мак Кромби. Ясное дело, себе самой почтенная дама позволяла подобные поблажки в виде нескольких стопок виски. Но она ни за что не потерпит, чтобы ее «компаньонка» хлестала виски в барах, как заправский пьяница, а потом еще хором горланила вместе с остальными посетителями старинные шотландские баллады...

Ужасно! Все, что она натворила, можно было охарактеризовать именно этим словом. Ужасно! Китти закрыла глаза, решив, что самое лучшее сейчас – это снова забыться. И тут же отключилась.

Вторично она проснулась от чьих-то голосов. В комнате сильно воняло рвотными массами.

Неужели она все еще на пароходе? Похоже, начался шторм.

Она снова села на постели. Одно облегчение. Слоны больше не топчутся в ее голове. Видно, подались на новые пастбища. В комнате царила кромешная тьма. Китти включила газовую лампу у себя над головой и тут же увидела на полу возле кровати огромную лужу.

– О боже! – в отчаянии прошептала Китти. Кое-как она сползла с кровати на ватных ногах. В глазах тут же все поплыло, как только Китти попыталась принять вертикальное положение. Но кое-как она доковыляла до раковины, взяла несколько муслиновых салфеток и эмалированный таз и, вернувшись к кровати, попыталась собрать всю рвоту в таз. Туда же она бросила и испачканные салфетки, не зная, что со всем этим делать дальше. Но вот скрипнула дверь, и Китти увидела на пороге Драммонда.

– Добрый вечер, мисс Макбрайд. Или мне лучше величать вас просто Китти? Китти, гордость всей Шотландии и в первую очередь звезда бара «Эдинбургский замок»?

– Пожалуйста, не надо...

– Всего лишь шутка, мисс Макбрайд. Такая вполне безобидная, невинная шутка. Как вы наверняка уже изволили заметить, мы здесь,

в Австралии, привыкли принимать на грудь, не щадя себя. Как самочувствие?

– Неужто сами не видите? – Она посмотрела на собственную рвоту в тазу, который все еще стоял у нее на коленях.

– Тогда я остаюсь на пороге, и ни шагу вперед. Во-первых, запашок здесь у вас еще тот. Перед тем как спуститься вниз, предлагаю вам открыть дверь на террасу, чтобы выветрить этот запах. Не престоало, чтобы в спальне леди витали такие ароматы. Я уже предупредил свою мать и тетю, что исключительно по моей беспечности с вами случился солнечный удар. Оставил вас без присмотра, пока вы ходили по магазинам, и вот результат. Кстати, я сказал им, что вам все еще очень плохо и вы едва ли присоединитесь к нам за ужином.

Китти смущенно потупила очи.

– Спасибо вам. Большое спасибо.

– Вам не за что меня благодарить, Китти. На самом деле это я должен попросить у вас прощения. Я бы никогда не посмел предложить вам первую рюмку виски, не говоря уже о второй и тем более третьей, да еще в такую жару, если бы знал, что вы совершенно не переносите ни того ни другого.

– Я за всю свою жизнь не пригубила и капли спиртного, – едва слышно пробормотала Китти. – Мне страшно стыдно за свое поведение. Если бы родители увидели меня в таком состоянии...

– Но, к счастью, они не увидели. И никто и никогда не узнает о том, что с вами случилось. Обещаю, я буду нем как рыба. Но поверьте мне, Китти, на слово. Вдали от родных так приятно иногда почувствовать себя тем, кто ты есть на самом деле. Раскрепоститься и побыть самой собой. Вскоре к вам подойдет Агнес. Принесет бульон и уберет этот таз, который вы сейчас держите в руках, словно несчастная сиротка из какого-нибудь диккенсовского романа.

– Больше я в жизни не прикаснусь к спиртному! Ни за что на свете!

– Признаюсь, хотя я давно так не веселился, как сегодня, я несу полную ответственность за то ужасное состояние, в котором вы сейчас пребываете. Постарайтесь проглотить хотя бы пару ложек бульона. Вам сразу же полегчает. Завтра ведь сочельник. Будет жаль, если вы не сумеете оправиться к завтрашнему вечеру. Доброй вам ночи.

Драммонд закрыл за собой дверь. Китти поставила таз, от которого страшно воняло, на пол. Она была полностью раздавлена, убита тем позором, который случился с ней сегодня.

Кажется, отец толковал им, как следует вести себя, если человек оказывается в подобной ситуации? Ну, скажем, не в такой *позорной*, как ее, скривилась Китти, но все же... Кажется, он всегда говорил, что если ты совершаешь ошибку или допускаешь какую-то оплошность, то нужно иметь мужество преодолеть все произошедшее с гордо поднятой головой. Извлекь, так сказать, урок из своей ошибки. Что ж, так тому и быть! Не станет она валяться в кровати. Пусть Драммонд не воображает, что она какое-то квелое домашнее растение. Нет! Она спустится вниз и поужинает вместе со всеми остальными.

«*Пусть знает*», – подумала Китти с некоторой мстительностью. Затем сделала глубокий вдох и поплелась к шифоньеру. К тому времени, когда Агнес постучала в дверь, Китти уже переоделась и даже кое-как причесала влажные от пота волосы, собрав их в аккуратный узел на затылке.

– Как вы себя чувствуете, мисс Макбрайд? – поинтересовалась у нее служанка, разговаривая с сильным ирландским акцентом. Совсем еще молоденькая девушка, пожалуй даже младше Китти.

– Немного лучше. Спасибо, Агнес. Когда спустишься вниз, пожалуйста, предупреди миссис Мерсер, что я тоже приду на ужин.

– Вы уверены в этом, мисс? Извините, что спрашиваю, но лицо у вас совсем зеленое. Нехорошо будет, если вас начнет тузить прямо за столом, – добавила Агнес и слегка поморщила носик, учуяв запах рвотных масс в тазу. После чего немедленно накрыла таз чистой муслиновой салфеткой.

– Нет, мне уже хорошо. Спасибо. И еще, прошу меня простить великодушно вот за это, – Китти показала на таз.

– О господи! Какие разговоры? Мне приходилось делать и более грязную работу, пока они не оборудовали уборную, – отмахнулась Агнес, слегка округлив глаза от удивления, что перед ней извиняются.

Минут через десять Китти неуверенной походкой вступила на лестницу, надеясь в глубине души, что она не совершила еще одну ужасную ошибку, отправившись на ужин. Ведь даже от одного запаха хвои ее тут же снова стало подташнивать. Драммонд стоял внизу и, скрестив руки на груди, восхищенно разглядывал нарядную елку.

– Добрый вечер, – поздоровалась Китти, преодолев наконец последнюю ступеньку. – Вот решила, что уже достаточно оправилась, чтобы поужинать вместе с вами.

– В самом деле? А кто же вы такая?

– Я... пожалуйста, перестаньте надо мной подшучивать! – взмолилась Китти. – Вы же прекрасно знаете, кто я.

– Уверяю вас, мы с вами еще официально не знакомы. Хотя я догадываюсь, кто вы. Вы – мисс Китти Макбрайд, компаньонка моей тети.

– Ах, прошу вас! Перестаньте же подшучивать надо мной! Или это наказание за мое неподобающее...

Китти оборвала себя на полуслове.

– Мисс Макбрайд! Какая приятная неожиданность! Вы уже вполне оправились от своего солнечного удара и даже решили поужинать вместе с нами?

Нет, она все же очень больна, мелькнуло у Китти в голове, когда она увидела еще одного Драммонда, выходящего из гостиной. Его глаза, по обыкновению, искрились от смеха.

– Позвольте мне представить вам своего брата Эндрю, – продолжил он. – Как вы уже, наверное, догадались, мы с ним близнецы. Впрочем, Эндрю появился на свет на целых два часа раньше меня.

– О! – только и нашлась Китти, мысленно поблагодарив Всевышнего за то, что Драммонд появился так вовремя. Иначе она бы обо всем проболталась его брату. – Простите меня, сэр, – обратилась она к Эндрю. – Я просто не поняла...

– О, не беспокойтесь, мисс Макбрайд. Уверяю, не вы первая путаете нас с братом. – Эндрю подошел к Китти и протянул ей руку: – Я очень рад познакомиться с вами. И вдвойне рад тому, что вы уже вполне оправились и готовы присоединиться к нам за ужином. Позвольте сопроводить вас в столовую. Мы должны познакомить вас с нашим отцом.

Китти с благодарностью ухватила за локоть Эндрю, по-прежнему не чувствуя под собой ног. В эту минуту она увидела, как Драммонд весело подмигнул ей, но сделала вид, что не заметила его взгляд, и поспешно отвернула голову в другую сторону.

Обеденный стол уже был украшен и сервирован по-праздничному: элегантные позолоченные держатели для салфеток, гирлянды хвои с нанизанными на них алыми елочными игрушками, которые сверкали и переливались в свете горящих на столе свечей. Китти с некоторым благоговением выслушала, как семейство Мерсер помолилось на немецком языке, после чего Эндрю зажег четвертую свечу, стоящую посреди стола в красивом венке из цветов и хвои.

Когда все заняли свои места за столом, Эндрю перехватил любопытствующий взгляд Китти.

– Это рождественская свеча, или Адвент-свеча, как ее еще называют, – пояснил ей Эндрю. – Мои родители проявили завидное терпение и дождались-таки моего возвращения домой, чтобы я мог самолично зажечь эту свечу. Я с детства очень люблю это делать. Зажигать последнюю свечу еще до наступления сочельника. Такова старинная традиция у немцев-лютеран, мисс Макбрайд, – добавил он.

На ужин подали отбивные. Китти тоже смогла проглотить несколько маленьких кусочков, тщательно пережевывая каждый. И одновременно она старалась незаметно разглядеть двух братьев-близнецов. Они действительно были очень похожи, оба темноволосые, голубоглазые, но вот характеры, судя по всему, у них были разные. Эндрю производил впечатление более серьезного и рассудительного человека, чем Драммонд. Сидя рядом с ней, Эндрю вежливо расспрашивал ее о жизни в Эдинбурге.

– Должен принести вам свои извинения, в том числе и от имени своего брата. Уж кому-кому, а ему бы следовало знать, что полуденное солнце в наших местах – слишком сильное испытание для любой юной леди, тем более для той, которая лишь недавно вступила на австралийскую землю. – Эндрю бросил укоризненный взгляд на Драммонда, сидевшего напротив них. Но тот лишь беззаботно пожал плечами в ответ.

– Прости меня, дорогой братец. Но я тут ни при чем. Слава богу, мисс Макбрайд! Я искренне рад тому, что у вас появился наконец надежный защитник в лице моего брата Эндрю, – добавил Драммонд, обращаясь уже к Китти.

Во главе стола восседал Стефан Мерсер, отец близнецов и хозяин дома. Такой же голубоглазый, как и его сыновья, но более плотный и представительный по своему телосложению, с лысиной на макушке,

покрытой веснушками. Он охотно принялся рассказывать Китти, при каких именно обстоятельствах его семья оказалась в Австралии семьдесят лет тому назад.

– Наверное, вы уже слышаны о том, что многие наши предки приехали сюда, в Аделаиду, потому что здесь им было позволено исповедовать ту религию, которую они выбрали. Моя бабушка была немкой. Она поселилась в небольшом поселке под названием Хахндорф в горах Аделаиды. Мой дед прибыл из Англии, принадлежал к пресвитерианам. Здесь они встретились и полюбили друг друга. Австралия – страна, где поощряется свобода мысли, мисс Макбрайд. Лично я, к примеру, не придерживаюсь никакой конкретной религиозной доктрины из тех, что были придуманы людьми. Так, наша семья регулярно посещает церковные службы в англиканском кафедральном соборе. Вот и завтра мы собираемся туда на вечернюю рождественскую мессу. Очень надеюсь, что вы сможете составить нам компанию, если не возражаете.

– С огромным удовольствием, – совершенно искренне ответила Китти. Ее тронула деликатность Стефана. Наверняка он немного опасался, что у Китти могут возникнуть какие-то возражения, коль скоро речь идет о посещении не пресвитерианского храма.

Кое-как Китти проглотила пару ложек пудинга – вкуснейшего десерта, обильно политого сверху кремом. Попутно она вслушивалась в разговоры, которые вели за столом трое мужчин о своем семейном бизнесе. Насколько она могла судить, основная сфера деловых интересов семейства Мерсер связана с добычей из морских глубин чего-то, что они называли раковинами. Они обсуждали, сколько тонн этих раковин доставляют на берег команды небольших парусных судов. Их они называли люггерами. Драммонд еще рассказывал отцу о том, как прошла «проверка поголовья». Китти решила, что речь идет о поголовье скота. Драммонд сокрушенно сообщил, что бесследно пропал его лучший гуртовщик. И добавил на полном серьезе, что лично он предполагает худшее: туземцы поймали его, разрезали на куски и сварили на ужин.

Как странно, размышляла Китти. Вот она сидит за таким прекрасным столом в таком красивом и элегантном доме со всеми удобствами, а где-то совсем рядом, за пределами города, который, как

и ее родной Лейт, выглядит очень цивилизованно, творятся такие бесчинства.

– Наверное, вас удивляют наши разговоры, – словно прочитал ее мысли Драммонд.

– Нет, я читала об этом в книге Дар... – Она запнулась на полуслове. А вдруг Драммонд не одобряет взгляды Дарвина? – В книге одного автора, который провел в Австралии достаточно времени, а потом поделился своими впечатлениями о том, что он здесь увидел. Неужели аборигены и сегодня охотятся за белыми?

– Увы, это так. – Драммонд немного понизил голос. – Думаю, частично такая агрессия со стороны местных объясняется тем, что их непрошенные завоеватели часто провоцируют аборигенов своим жестоким обращением с ними. Ведь здешние племена обитали на этих землях тысячи и тысячи лет. Вполне возможно, австралийские туземцы – это самый древний народ на земле. И вот их силой лишили и их земель, и привычного уклада жизни. Можно сказать, увели все прямо у них из-под носа. Однако, – вдруг спохватился Драммонд, – пожалуй, нам лучше отложить эту тему до другого раза.

– Хорошо, – тут же согласилась Китти, внутренне немного подобрев к своему собеседнику. После чего переключила внимание на Эндрю: – А где вы живете?

– На северо-западном побережье, в небольшом городке под названием Брум. Я недавно возглавил промысел отца по добыче жемчуга. Брум... О, там очень интересные места, со своей долгой-долгой историей. Там даже можно увидеть следы динозавра. Они сохранились на одной из скал, и во время сильного отлива их можно хорошо разглядеть.

– Боже! Как бы я хотела взглянуть на них своими глазами. А Брум отсюда далеко? Быть может, я смогу добраться туда поездом?

– К сожалению, не сможете, мисс Макбрайд. – Эндрю с трудом подавил улыбку. – Если плыть туда морем, то это займет несколько дней. Ну а если отправиться в Брум на верблюдах, то это будет еще дольше.

– Конечно-конечно! – поспешила согласиться с ним Китти, испытывая неловкость от того, что она только что продемонстрировала полнейшее незнание географии. – Теоретически-то я представляю, как велика ваша страна, а вот когда касается практической стороны дела...

Трудно даже представить, каким долгим может оказаться путешествие по ее просторам. Но все же я надеюсь, что мне представится случай выбраться за пределы Аделаиды. Хочу хотя бы прикоснуться рукой к тем скалам, которые стоят здесь со времен сотворения мира. Я читала, что на них очень много наскальной живописи.

– Это правда. Хотя, если честно, эти места лучше знакомы моему брату. Особенно те, что вокруг Айерс-Рок. Там совсем рядом, по австралийским меркам разумеется, находится наше скотоводческое хозяйство, которым он управляет.

– С огромным удовольствием отправилась бы туда. Я много читала про эту скалу. Ведь Айерс-Рок – самая древняя в мире скала-монолит. Надеюсь, в один прекрасный день у меня получится попасть в эти места, – тут же загорелась Китти.

– Вижу, мисс Макбрайд, вы всерьез интересуетесь историей древнего мира и геологией. Я прав?

– Просто мне интересно узнать, как все мы... – Уже во второй раз Китти замолчала на полуслове, благоразумно решив не развивать тему Дарвина. – Прежде всего мне интересно, мистер Мерсер, как Господь заселил нашу землю людьми.

– Пожалуйста, зовите меня просто Эндрю. Да, согласен с вами. Это действительно захватывающе интересно. Знаете что? – Эндрю заговорил громче. – У меня идея. – Он повернулся к миссис Мак Кромби: – Что, если вы, тетя Флоренс, совершите небольшое путешествие на северо-западное побережье? Само собой, в сопровождении мисс Макбрайд. Предлагаю отправиться туда где-нибудь в марте, когда уже окончится сезон дождей.

– Флоренс, дорогая, даже не думай! – тут же предупредительно подала голос Эдит. – Последний раз, когда я отправилась в Брум, разыгрался такой сильнейший циклон, что наше судно швыряло из стороны в сторону, словно щепку. А потом возле Олбани мы и вовсе сели на мель. Мой старший сын живет в совершенно неподобающих условиях. Место самое что ни на есть дикое. В Бруме полно черных, желтых и бог знает кого еще. Словом, всякий сброд, съехавшийся туда со всего света. Преимущественно жулики всех мастей, бродяги и воры. Помнится, я тогда дала себе слово, что больше в Брум ни ногой.

– Ты немного преувеличиваешь, дорогая. – Стефан Мерсер осторожно погладил руку жены. – К тому же мы не имеем права

забывать о том, что мы – христиане, особенно сейчас, накануне Рождества. Да, согласен, Брум не вполне обычный городок, мисс Макбрайд. Лично мне он представляется таким плавильным котлом, в котором смешались люди самых разных вероисповеданий и представители всех рас. Но мне этот город всегда был интересен. Ведь я прожил там более десяти лет, пока налаживал свой бизнес по добыче жемчуга.

– Забытый богом уголок земли, вот что такое твой Брум! – снова возразила Эдит мужу. – Я уж не говорю о том, какие нравы царят в этом городе. Никакой морали! Все эти люди движимы лишь жаждой наживы и денег!

– Но разве в других регионах Австралии творится не то же самое, мама? – резонно поинтересовался у матери Драммонд. – И разве мы, – он обвел столовую и сервированный стол широким взмахом руки, – не такие же? Или нам не нужны деньги?

– Но мы хоть ведем себя как культурные, цивилизованные люди, приверженные христианским ценностям, – бросила ему в ответ Эдит и снова повернулась к сестре: – Как знаешь, Флоренс, дорогая! Можешь отправляться в эту поездку, если уж так захочется. Но лично я сопровождать тебя туда категорически отказываюсь. А сейчас, дамы, предлагаю пройти в гостиную. Пусть тут мужчины покурят в своей компании и порассуждают о неприглядной стороне жизни в Австралии. Не возражаете?

Уже в холле, куда проследовали три женщины, Китти обратилась к Эдит и Флоренс:

– Пожалуйста, простите меня, но я все еще ощущаю страшную слабость. Если не возражаете, пойду к себе. Хочу привести себя в порядок к завтрашнему сочельнику.

– Конечно, мисс Макбрайд. Какие разговоры? Ступайте отдыхать. Спокойной вам ночи, – подчеркнуто вежливо ответила Эдит, но по ее лицу Китти поняла, что она даже обрадовалась такому повороту.

– Сладких тебе снов, моя дорогая Китти, – напутствовала ее миссис Мак Кромби, направляясь вслед за сестрой в гостиную.

У себя в комнате Китти вышла на террасу и принялась разглядывать звездное небо, пытаясь отыскать на нем Вифлеемскую звезду, предвестницу рождения Иисуса. Помнится, дома они всегда с сестрами искали эту звезду накануне сочельника. Но, при всем

старании, Китти так и не удалось обнаружить Вифлеемскую звезду в ночном небе Аделаиды. Что ж, ведь Китти сейчас в другом полушарии. Вон сколько часовых поясов отделяют ее от Эдинбурга.

Она вернулась в спальню, оставив дверь на террасу полуоткрытой, ибо в комнате все еще витали запахи спиртного и рвоты. Ночь была душной, и Китти решила обойтись без ночной сорочки, осторожно скользнув под простыню в одной только рубашечке.

На следующее утро Китти проснулась от яркого солнечного света. Села на кровати и сразу же вспомнила: сегодня сочельник. Она уже приготовилась спрыгнуть с постели, как вдруг что-то большое и коричневое рухнуло на нее прямо с потолка и тут же проворно поползло по простыням. Китти издала громкий крик, увидев перед собой огромного мохнатого паука. Она замерла на месте, а паук между тем уже уверенно направился к ее груди. Она снова закричала во весь голос, что есть сил, ничуть не заботясь о том, что может переполошить своими криками весь дом.

– Какого черта? Что здесь происходит? – В комнату вбежал Драммонд, глянул на Китти и тотчас же понял, в чем дело. Натренированным движением руки он схватил непрошеного гостя за одну из его многочисленных лапок, поднял извивающуюся тельце в воздух и направился на террасу, крепко придерживая паука двумя пальцами. Китти было видно, как Драммонд швырнул паука прямо через балюстраду куда-то в глубь сада. После чего снова вернулся в комнату и плотно прикрыл за собой дверь.

– Вот что бывает, когда оставляешь двери на террасу открытыми, – попенял ей Драммонд, помахав пальцем для пущей убедительности. Тем самым, которым он недавно держал паука.

– Но вы же сами велели мне открыть двери на террасу, чтобы хорошенько проветрить комнату! – обиженно воскликнула в ответ Китти, чувствуя, как ее голос срывается на визг.

– Говорил! Однако же я имел в виду открыть дверь на какое-то короткое время, а не на всю ночь. Это уж явный перебор! – Драммонд

недовольно сверкнул на нее глазами. – И вот, по вашей милости, я просыпаюсь на рассвете от истошных воплей. И это в сочельник! Бегу сюда, помогаю юной леди в ее несчастье. И что в ответ? Вместо благодарностей слышу в свой адрес одни упреки.

– А он... он ядовитый?

– Кто? Этот паук-охотник? Бог мой, конечно же нет! Правда, может слегка ущипнуть ненароком. Но в целом они весьма дружелюбные твари, эти пауки. И делают для нас, людей, много полезного. Помогают бороться с всякими вредными насекомыми, не дают им бесконтрольно размножаться. Так что ваш безобидный паучок – это ничто по сравнению со всякой нечистью, которой полно на северных землях, где я живу. Вот там поход в туалет, который, естественно, находится на улице, всегда сопряжен с опасностями. Там их, этих пауков, кишмя кишит, и некоторые из них действительно *очень опасны*. Мне приходилось, по крайней мере дважды, отсасывать яд из ран у своих гуртовщиков после того, как их покусали пауки. Особенно мерзкие твари – это пауки-кругопряды.

Китти, чувствуя, как бешено колотится сердце в груди, все же обрела прежнее умение мыслить рационально, а потому тут же решила, что Драммонд просто запугивает ее. Видно, это доставляет ему удовольствие.

– За пределами Аделаиды жизнь совсем другая. Очень отличается от той, которой живут люди здесь, в городе, – добавил Драммонд, словно прочитав ее мысли. – В глубинке речь идет об элементарном выживании. И за право остаться в живых приходится бороться, да еще как!

– Догадываюсь, как все это сложно.

– Что ж, оставляю вас для продолжения сна. В конце концов, еще только половина шестого утра. – Он кивнул на прощание и направился к дверям. – Между прочим, мисс Макбрайд, могу я поинтересоваться, вы всегда спите в одной рубашке? Или как? Моя матушка пришла бы в несказанный ужас, узнай она о подобных вольностях.

Драммонд весело ухмыльнулся и с этими словами покинул спальню Китти.

Через три часа, уже за завтраком – вкуснейший свежеиспеченный хлеб с ароматным клубничным вареньем, – миссис Мак Кромби вручила Китти увесистый пакет.

– Это тебе, моя милая, – ласково улыбнулась благодетельница. – Твоя мать попросила меня придержать подарки от домашних вплоть до самого Рождества. Я знаю, как ты скупаешь по своей семье. Надеюсь, подарки от близких не только доставят тебе радость, но и смягчат хоть немного боль разлуки с Шотландией.

– Ой! – Китти взяла в руки тяжелый пакет. Слезы тут же брызнули из ее глаз, но она быстро смахнула их.

– Вскрой же пакет, дитя мое! Мне и самой не терпится узнать, что там внутри. Ведь этот пакет был вместе со мной в течение всего нашего долгого плавания.

– А может, нужно подождать до завтра? – нерешительно спросила Китти.

– У немцев существует несколько иная традиция, – подала голос Эдит. – Они вскрывают полученные подарки именно в сочельник. Правда, мы у себя дома делаем это уже ближе к вечеру, непосредственно перед застольем. Так что вперед, дорогая! Смело вскрывайте свой пакет.

Китти разорвала упаковочную бумагу, и оттуда посыпались всякие трогательные вещицы, тотчас же наполнившие ее душу радостью и умилением. Коробочка с маминым вкуснейшим песочным печеньем, разноцветные ленты от сестер, их рисунки и самодельные открытки. Отец передал в подарок молитвенник в красивом кожаном переплете. Подарок отца Китти тут же вернула в коробку, даже не удосужившись прочитать дарственную надпись.

Оставшуюся часть утра Китти посвятила домашним хлопотам. Сама предложила свои услуги. Стала учить чернокожую служанку на кухне, как надо правильно раскатывать тесто, затем принялась помогать кухарке начинять небольшие сдобные ракушки сахарной смесью из мелко нарубленного миндаля и изюма. Эту популярную в Шотландии начинку для пирогов миссис Мак Кромби специально привезла с собой из дома. А еще в сегодняшнем праздничном меню значился гусь плюс в прохладной кладовке своей очереди дожидалась индейка, которую нужно было приготовить уже на завтра. Во второй

половине дня, когда снова установилась нестерпимая жара, Китти поднялась к себе, мысленно поздравила с наступающим сочельником своих близких, которые еще только-только проснулись. Ведь у них в Шотландии сейчас раннее утро. Она представила себе, с каким нетерпением ее сестрички будут ждать наступления вечера и сколько еще радостей сулят им эти два праздничных дня. Вчерашнее алкогольное опьянение все еще давало о себе знать: чувствовалась слабость во всем теле. А потому Китти решила немного вздремнуть после обеда и очнулась от сна, только когда в дверь постучали.

– Входите! – отозвалась Китти сонным голосом. В комнату вошла Агнес, бережно неся на своих руках что-то струящееся и льющееся, из шелка нежного бирюзового цвета.

– Это вам от миссис Мак Кромби, мисс, – пояснила Агнес, обращаясь к Китти. – Ее рождественский подарок вам. Она сказала, чтобы вы обязательно надели платье к ужину.

Китти молча проследила за тем, как Агнес повесила платье на дверцу шифоньера. Еще никогда в своей жизни Китти не видела такого изысканно красивого платья. Пугало лишь одно. А вдруг она начнет потеть и тогда не сможет поднять руки? Иначе все за столом увидят пятна от пота.

Ровно в пять семейство Мерсер в полном составе собралось в гостиной. Китти представили знаменитой родоначальнице всей семьи, самой бабушке Алисе. Округлое полное лицо старушки тут же расплылось в доброжелательной улыбке, мгновенно обозначив многочисленные морщинки. Ее синие глаза тоже искрились радостью. Ничего похожего на вечное осуждение, которое постоянно читалось во взгляде Эдит. Китти искренне пожалела о том, что не может поговорить с Алисой как следует, ибо старушка общалась преимущественно на немецком. Несмотря на долгие годы жизни в Аделаиде, разговаривать на английском она так и не научилась. Эндрю перевел Китти слова своей бабушки: она, дескать, извиняется перед ней за свое слабое знание английского языка. При этом Алиса тепло пожала Китти руку, и Китти тотчас же поняла, что Алиса Мерсер с радостью приветствует ее в доме, который изначально принадлежал ей.

Китти по-хорошему позавидовала обоим братьям Мерсер, которые с легкостью переключались с одного языка на другой,

разговаривая с близкими то на немецком, то на английском. А еще ее очень тронуло, что семейство Мерсер не обошло рождественскими подарками и ее. Так, Эдит и Стефан подарили Китти гребень из слоновой кости, Эндрю – красивые сережки с крохотными жемчужинками, а Драммонд преподнес пакет с прикрепленной к нему запиской, написанной от руки.

Дорогая мисс Макбрайд!

Этой запиской я уведомляю Вас, что Ваш основной рождественский подарок дожидается Вас на дне шифоньера в Вашей комнате. Не волнуйтесь, это – не паук.

Драммонд

Прочитав записку, Китти взглянула на довольное лицо Драммонда, затем развернула пакет, достала оттуда небесно-голубую ленту и благодарно улыбнулась:

– Спасибо, Драммонд. Какой красивый цвет. Я обязательно украшу этой лентой волосы, когда буду собираться на ужин.

– Этот цвет точно в тон вашим глазам, – прошептал в ответ Драммонд, пока внимание всех остальных присутствующих обратилось на Стефана, вручившего подарок своей жене.

– Дорогая моя, поздравляю тебя с Рождеством! – Стефан нежно расцеловал супругу в обе щеки. – Надеюсь, тебе понравится мой подарок.

В бархатной коробочке лежала огромная жемчужина-кулон на изящной серебряной цепочке. Гладкая молочно-белая поверхность жемчужины переливалась всеми цветами радуги в последних лучах заходящего солнца.

– Господи! – воскликнула Эдит, пока сестра застегивала цепочку у нее на шее. – Снова жемчуг!

– Эта жемчужина совершенно необычная, дорогая. Наш самый лучший экземпляр из всего улова за минувший год. Не правда ли, Эндрю?

– Да, папа, ты абсолютно прав. О том, что она лучшая наша находка, официально объявил сам Т. Б. Эллис, мама. В этом году в водах вокруг Брума ничего лучшего нам поймать не удалось.

Китти заворуженно наблюдала за тем, как мерцают и переливаются огоньки в жемчужном кулоне, который уютно расположился на пышной груди Эдит. Поражали не только размеры жемчужины. Удивило еще и то равнодушие, с которым Эдит приняла подарок мужа.

– А вам нравится жемчуг? – поинтересовался у Китти Эндрю, присаживаясь рядом с ней на обитую бархатом кушетку.

– О да! Очень! – чистосердечно призналась Китти. – Помню, в детстве я без устали открывала все ракушки с моллюсками, которые попадались мне на берегу моря в Лейте, в надежде найти в одной из них жемчужину, но, конечно, жемчужина мне так и не попала. Ни разу!

– Да вряд ли в ваших широтах поиски жемчуга обернулись бы удачей. Ведь для выращивания жемчуга нужен особый климат и особый сорт устриц. Не говоря уже о том, что весь процесс выращивания жемчужины может затянуться на долгие и долгие годы.

После того как состоялся обмен подарками, все обитатели дома разошлись по своим комнатам, чтобы переодеться к ужину. А Китти воспользовалась моментом, чтобы посмотреть, какой же подарок к Рождеству ей приготовил Драммонд. Зная его страсть к розыгрышам, можно легко предположить, что это бутылка виски. Или мертвый паук в рамочке... Коробочка оказалась такой крохотной, что Китти пришлось изрядно пошарить по днищу шифоньера, прежде чем она нашла подарок. Простая коробочка, перевязанная такой же простенькой лентой. Сгорая от любопытства, Китти открыла коробочку и обнаружила внутри небольшой серый камешек, совершенно невзрачный на вид.

Китти взяла камешек в руку, мгновенно почувствовав горячей ладонью его прохладу. Интересно, что бы все это значило, подумала Китти в полнейшем недоумении. Да таких камешков полно на побережье в их Лейте. Просто обычная галька синевато-серого цвета безо всяких вкраплений и жилок. Китти поднесла камень к свету. Ничего! Даже никаких полосок не видно.

Она перевернула камень на другую сторону и увидела там полуистершую от времени гравировку. Китти принялась с любопытством разглядывать ее, водя пальцем по канавкам, бороздкам и выступающим краям, которые уже стерлись за столько лет, пройдя,

судя по всему, через множество рук. Однако, несмотря на все свои усилия, она так и не смогла прочесть надпись или разобрать рисунок гравировки.

Китти положила камешек в горку, стоявшую рядом с ее кроватью, чувствуя некоторые угрызения совести по поводу своих предположений о коварных замыслах Драммонда подшутить над ней в очередной раз. После чего позвала Агнес, чтобы та помогла ей облачиться в новое платье и застегнуть на спине крохотные перламутровые пуговички, которые простирались до самой шеи. Китти тут же стало невыразимо душно, и она показалась сама себе похожей на того рождественского индюка, которого туго спеленали, связали ему ножки и крылышки, прежде чем сунуть в духовку. Собственное отражение в зеркале подтвердило эти ассоциации. Однако бирюзовый цвет платья как нельзя лучше гармонировал с цветом глаз, которые тут же засверкали бирюзовыми красками. Агнес закрепила на ее кудрях ленту, подаренную Драммондом, Китти нанесла немного румян на щеки, после чего поднялась из-за туалетного столика и направилась вниз, к остальным гостям.

– Ну, мисс Макбрайд, сегодня вы чудо как хороши! – прокомментировала ее появление в холле миссис Мак Кромби голосом довольной мамы-наседки. – Я с самого начала знала, что этот цвет великолепно подойдет тебе, дитя мое.

– Большое вам спасибо, миссис Мак Кромби. Я еще никогда не получала такого красивого рождественского подарка. Это самый лучший подарок! – торопливо поблагодарила ее Китти.

В эту минуту в парадную дверь снова позвонили: прибыла очередная порция гостей к праздничному ужину. Женщины прошли в гостиную, где уже собрались те, кто приехал пораньше.

– Так говорите, самый лучший подарок? – насмешливо поинтересовался у Китти Драммонд, возникнув за ее спиной. – Полностью обворожил вас, да? – В своем парадном вечернем костюме он выглядел просто потрясающе.

– Я просто пыталась быть вежливой, только и всего. И еще раз спасибо за ленту... и за камешек тоже. Хотя, если честно, я и понятия не имею, что он обозначает.

– О, моя дорогая мисс Макбрайд! Это от камешек – очень редкая, можно сказать уникальная, вещь. Его еще называют священным

камнем. Когда-то эта сакральная реликвия принадлежала какому-то аборигену, представителю племени аррернте. Он получил ее в дар в день своего совершеннолетия как символ его новых обязанностей.

– Вот это да! – восхищенно воскликнула Китти, но тут же сверкнула глазами в сторону Драммонда. – Но вы, надеюсь, не украли этот камень?

– За кого вы меня принимаете, Китти? Или я, по-вашему, бродяга с большой дороги? Если уж хотите знать, то я нашел этот камешек несколько недель тому назад, когда возвращался домой со своего скотоводческого ранчо.

– Хочу верить, что человек, которому изначально принадлежал столь драгоценный амулет, не потерял его случайно?

– Думаю, этого человека уже давным-давно нет в живых. Так что вряд ли он предъявит нам свои претензии. А сейчас, мисс Макбрайд, – Драммонд снял с подноса, который проносили мимо них, два бокала, – могу я предложить вам бокал шерри?

Веселые чертики снова запрыгали в его глазах, но Китти решительно отказалась:

– Нет, спасибо. Я не хочу.

– Должен отметить, что вы сегодня начистили свои перышки по полной. Хорошо выглядите! – Драммонд залпом осушил небольшое количество шерри в своем бокале, а затем проделал то же самое и с бокалом, который изначально предназначался для Китти. – Поздравляю вас с Рождеством, Китти, – задушевно добавил Драммонд. – Могу сказать, что знакомство с вами стало для меня поистине... самым настоящим приключением.

– Мисс Макбрайд...

Китти повернулась на голос и увидела перед собой Эндрю. А все-таки, подумала она, наличие в одном доме двух абсолютно похожих друг на друга близнецов порой изрядно нервирует. Такое чувство, будто у тебя все время двоится перед глазами.

– Добрый вечер, Эндрю. Еще раз большое вам спасибо за такие красивые сережки. Как видите, я их сегодня надела.

– Рад отметить, что они прекрасно дополняют ваше нарядное платье. Предлагаю поднять небольшой бокал шерри в честь наступающего Рождества.

– О, мисс Макбрайд у нас исключительная трезвенница. Ни капли в рот, не так ли, мисс Макбрайд? – промурлыкал Драммонд у нее над ухом.

Глядя, как он вальяжной походкой удаляется от них, Китти задалась вопросом, когда же она, наконец, соберется с духом и вlepит хорошую пощечину по его самодовольной физиономии, чтобы раз и навсегда стереть с нее эту издевательскую ухмылку. Гости между тем уже собрались в столовой, где их поджидал обильный праздничный ужин: запеченный гусь, традиционный картофель, тоже запеченный в духовке, и даже хаггис, национальное шотландское блюдо из бараньих потрохов, порубленных с луком. Миссис Мак Кромби специально привезла его с собой из Эдинбурга, тщательно сохраняя деликатес в морозильной камере на судне в течение всего их долго плавания. Глядя на наряды гостей и обилие драгоценностей на дамах, Китти поняла, что встречает сочельник вместе со *сливками общества* Аделаиды. Справа от нее сидел приятный немец, беседовавший с ней на безукоризненном английском языке. Он пространно рассказывал о своем пивоваренном бизнесе и о своих виноградниках, которым, судя по его рассказам, местный климат в горах Аделаиды пришелся по душе.

– Здесь климат точь-в-точь как на юге Франции, виноград созревает превосходно. Помяните мое слово, через несколько лет весь мир будет охотиться за австралийскими винами. Вот это, – немец поднял одну из бутылок, стоявших на столе, – как раз уже наше вино. Могу я предложить вам отведать глоток?

– Нет, благодарю вас, мой господин, – поспешила отказаться Китти. Еще одного издевательского взгляда Драммонда, сидевшего как раз напротив нее, она просто не вынесет.

После ужина гости сгрудились вокруг рояля и хором пропели на немецком *Stille Nacht*, популярный рождественский гимн «Тихая ночь, святая ночь». Потом с таким же воодушевлением исполнили и несколько английских рождественских хоралов. Аккомпанировала Эдит, которая оказалась весьма талантливой пианисткой. Вот она повернулась к своему старшему сыну и сказала:

– Эндрю, а ты не споешь нам?

Гости дружными аплодисментами проводили его к роялю.

– Прошу простить меня, леди и джентльмены. Но я сегодня явно не в голосе. Как вы догадываетесь, в Бруме у меня было мало возможностей попрактиковаться в занятиях вокалом, – обратился Эндрю к собравшимся. – Если не возражаете, я сейчас спою для вас отрывок из оратории Генделя «Мессия» под названием *«Каждая долина будет возвышена...»*

– А я постараюсь наилучшим образом подыграть ему, – добавила Эдит.

– Боже мой! Какой прекрасный голос! – растроганно прошептал винодел, сосед Китти по застолью, когда Эндрю закончил петь и комната взорвалась бурными аплодисментами. – Наверняка он мог бы стать выдающимся оперным певцом. Но жизнь распорядилась иначе... И у отца его другие планы на сына. Вот такова наша Австралия на самом деле, – добавил винодел со вздохом. – Отары овец, стада коров, богатство, часто полученное сомнительным путем... А вот по части культуры мы еще сильно отстаем. Но ничего! В один прекрасный день все изменится и наша страна станет совсем другой, помяните мое слово!

Около одиннадцати вечера гости в сопровождении своих грумов разошлись по каретам и направились в центр Аделаиды на полуночную мессу.

Собор Святого Петра впечатлял своей архитектурой: резные готические шпили, казалось, пронизывали небеса, ровное пламя свечей, горящих внутри, выплескивалось наружу, отражаясь в разноцветных витражах. Эдит и миссис Мак Кромби в сопровождении Драммонда направились к собору. Эндрю помог Китти вылезти из кареты.

– У вас такой красивый голос, – сказала ему Китти.

– Спасибо. Мне все так говорят. Впрочем, я отношусь к этому спокойно. Знаете, человек никогда не ценит то, что ему достается легко. К тому же мне мой голос здесь совсем без надобности. Разве только затем, чтобы развлекать родителей и их гостей по большим праздникам, – добавил Эндрю, когда они присоединились к толпе других прихожан, поднимавшихся по ступенькам к центральному входу в собор.

Внутри церковь тоже поражала своими размерами и пышным убранством. Высокие сводчатые арки обрамляли с двух сторон скамьи

для прихожан. Служба уже началась. Пожалуй, отец назвал бы разворачивающееся действие официозом. Воздух был насыщен ароматами ладана, духовенство облачилось в пышные, расшитые золотом ризы. Ральфу это все точно не понравилось бы. Китти подошла за Святым причастием, преклонив колени перед алтарем, заняв место между Драммондом и Эндрю. Здесь хотя бы ноги не мерзнут, подумала она, вспомнив, какой зверский холод обычно царит в церкви ее отца в Лейте во время рождественской службы.

– Ну, как вам понравилась служба? – поинтересовался у нее уже позднее Эндрю, когда они направлялись к выходу. – Знаю, вы привыкли к несколько иным богослужениям.

– Думаю, Господь не имеет ничего против того, как именно ты молишься Ему и как долго восславляешь Его имя, – тактично ответила Китти.

– Если этот Бог вообще существует. В чем я лично сильно сомневаюсь, – услышала она из темноты голос Драммонда.

Позднее, уже у себя в спальне, еще раз проверив на сон грядущий, плотно ли она закрыла дверь, ведущую на террасу, а потом внимательно обзрев потолок в поисках непрошенных гостей в виде мохнатых пауков, которые потом снова вознамерятся запрыгнуть к ней на постель, Китти, размышляя о событиях минувшего дня, пришла к выводу, что день получился необыкновенно насыщенным и чрезвычайно интересным.

10

Промежуток времени между Рождеством и наступлением Нового года (в Австралии предновогоднюю ночь называют кануном Нового года) обитатели Алисия-Холл предавались различным увеселениям и развлечениям. Они выбрались на пикник в Элдер-Парк, где с удовольствием послушали духовой оркестр, выступавший со сцены. А на следующий день отправились на экскурсию в зоопарк Аделаиды. Китти с удовольствием разглядывала различных пушистых обитателей зоопарка – большеглазых опоссумов и прелестно-милых коал. Между тем Драммонд изо всех сил тянул Китти в серпентарий. Ему не терпелось продемонстрировать ей различных змей, рассказать, какие

из них вполне безвредные существа, а какие могут своим укусом убить на месте.

– Вот взять, к примеру, питонов. В своей массе они тоже абсолютно незлобивы, но могут вам устроить сущий ад, если вы случайно, не заметив под ногами, наступите на него. А у австралийских питонов к тому же очень неброская коричневатая окраска. Их очень трудно различить на земле, и они особенно зловредны. А вот этот, – он ткнул пальцем в стекло, указав на обитателя клетки, обвинившего в углу какой-то прут, – полосатый, его еще называют тигровой змеей. Укусы этих тварей смертельны. Но запомните раз и навсегда: змеи нападают только тогда, когда ты их сам потревожишь, – уточнил Драммонд на всякий случай.

Он даже предложил Китти покататься на слоне, являющемся гордостью всего зоопарка Аделаиды. Кое-как Китти вскарабкалась на морщинистую серую спину своего извозчика. Уселась сверху и сразу же почувствовала себя настоящим индийским магараджей, картинку с изображением которого она разглядывала когда-то в книгах.

– Подождите, вы еще не пробовали покататься на верблюде! – прокричал ей снизу Драммонд. – Вот это, доложу вам, будет приключение. Потрясет так потрясет.

Вечером, вернувшись домой, Китти тотчас же уселась писать письмо домой. Живописала родным во всех красках, как она покаталась на слоне, да еще где! В Австралии, самом необычном из всех мест на земле.

Наступил канун Нового года. Китти сообщили, что обычно в этот день Эдит устраивает у себя большой праздничный вечер с обилием гостей.

– Каждый год одно и то же! – недовольно пробурчал Драммонд за завтраком. – Мало того что прием, так она же еще заставляет нас облачаться в тартаны.

– И что такого? – искренне удивилась Китти. – У нас в Эдинбурге люди носят свои тартаны круглый год.

– Между прочим, мисс Макбрайд, довожу до вашего сведения, что я родился и вырос в Австралии и никогда моя нога не ступала на землю Шотландии. Очень сомневаюсь, что такое случится когда-нибудь. Если бы мои парни на ранчо в Килгарра прознали про то, что я тут прыгаю вокруг елки в юбке, как какая-нибудь девчонка,

представляю, какие бы шуточки посыпались в мой адрес. Не дай бог услышать!

– Но разве так уж трудно доставить удовольствие маме хотя бы на один вечер? – подал голос Эндрю. – В конце концов, не забывай, Шотландия – это ее родина, и мама до сих пор скучает по ней. Да и мисс Макбрайд, уверен, мамина затея придется очень по душе.

– А я как-то даже не подумала о том, чтобы взять с собой тартан нашего клана, – сокрушенно ответила Китти и даже прикусила губу от обиды на собственное недомыслие.

– О, мама с удовольствием поделится с вами одним из своих. Не сомневаюсь в этом. У нее шкаф трещит по швам от обилия этих шотландских нарядов. Всякие там накидки, пледы, пояса и прочее. А сейчас прошу простить меня. – Драммонд поднялся из-за стола. – Но мне еще нужно решить кое-какие дела в городе, прежде чем отправиться в Европу.

– Ваш брат отплывает в Европу? – поинтересовалась Китти у Эндрю, когда Драммонд вышел из комнаты.

– Да. Завтра. Вместе с отцом. Драммонд хочет купить в Европе несколько голов скота. поголовье его стада в этом году существенно сократилось. Тому и засуха поспособствовала. Да и аборигены со своими копьями наперевес охотятся постоянно, – пояснил Эндрю. – А папа хочет самолично продать несколько прекраснейших жемчужин, которые мы добыли в минувшем сезоне. Не доверяет эти сделки никому из посторонних. Желает все сделать сам. К тому же сейчас на севере сезон дождей. Бушуют циклоны. Не самое приятное времечко. Все наши суда стоят на приколе в бухте. Но я вскоре снова отправлюсь туда, чтобы взять бразды правления, так сказать, в свои руки. Последние три года я постигал науку управлять нашим бизнесом рядом с отцом, но вскоре, думаю, заменю его полностью и буду заниматься всем единолично. А папе надо возвращаться в семью. Иначе мама подаст на развод с ним из-за его постоянных и долгих отлучек из дома. – Эндрю невесело усмехнулся, глянув на Китти.

– Я помню, ваша мама сказала как-то, что ей совсем не понравилось пребывание в Бруме.

– Мама была там десять лет тому назад. Тогда действительно времена были тяжелые. Бизнес по промышленной добыче жемчуга еще только зарождался. Но с тех пор многое изменилось. И наш бизнес

стал другим, да и сам город сильно преобразился. Народ там по-прежнему пестрый, но этим он и интересен. Скучно там точно не бывает. Лично мне в Бруме всегда интересно. Думаю, и вам жизнь в Бруме пришлась бы по душе. Вы ведь по натуре любительница приключений, верно?

– Вы так думаете?

– Да, я так думаю. А еще я думаю, что вы принимаете людей такими, какие они есть.

– Мой отец, да и Библия тоже, – поспешила уточнить Китти, – всегда учили, что нельзя судить о человеке по тому, во что он верит или какого цвета его кожа. Главное в человеке – это его душа.

– Вы правы, мисс Макбрайд. Абсолютно правы. Но вот что любопытно. Ведь многие из тех, что считают себя настоящими христианами, ведут себя совсем даже не по-христиански. Разве не так? И потом... Впрочем, что тут скажешь? – Эндрю внезапно оборвал себя на полуслове, и в комнате повисло неловкое молчание.

– Пойду-ка я поищу вашу маму. – Китти поднялась со стула. – Предложу ей свою помощь в подготовке к сегодняшнему вечеру.

– Вы очень любезны, но едва ли ей понадобится помощь. Лично я в этом сильно сомневаюсь. Хозяйство моей мамы функционирует безупречно, как хорошо смазанный механизм. И так бывает с любым делом, за которое она берется.

Вечером Китти как раз надевала на себя свое бирюзовое платье, которое Агнес искусно привела в порядок, удалив с помощью пара следы пота под мышками, когда в дверь негромко постучали. Вошла миссис Мак Кромби, уже облаченная в накидку-тартан.

– Добрый вечер, моя милая мисс Макбрайд. Вот принесла тебе, голубушка, шарф для нынешних торжеств. Тартан, принадлежащий мне и моему покойному мужу. Я буду рада увидеть сегодня вечером на тебе тартан моего дорогого мистера Мак Кромби. Ведь за последние несколько недель ты мне стала все равно что дочь.

– Я... Спасибо вам, миссис Мак Кромби, – растроганно ответила Китти. – Вы так добры ко мне.

– Могу я закрепить этот шарф на тебе, дорогая?

– Конечно. Большое спасибо.

– Знаешь, – миссис Мак Кромби стала драпировать шарф вокруг правого плеча Китти, – мне так приятно наблюдать за тобой. Видеть,

как ты буквально расцветаешь на глазах. За тот короткий отрезок времени, как мы покинули Эдинбург. Когда я увидела тебя впервые, ты показалась мне такой серой, неприметной мышкой. А сейчас – вы только взгляните на нее! – Миссис Мак Кромби приколотла изящную брошку в форме чертополоха к плечу Китти. – Да ты же у нас настоящая красавица! Гордость своей семьи. Да любой, кто женится на тебе, будет гордиться такой женой.

– Неужели? – удивилась Китти, пока пожилая матрона разворачивала ее лицом к зеркалу.

– Взгляните на себя сами, мисс Катерина Макбрайд! С таким благородным происхождением, как у тебя, с твоими мозгами... Наконец, с твоей красотой... Чему ж тут удивляться? Скажу тебе по секрету, так забавно наблюдать со стороны за тем, как оба моих племянника пытаются наперебой ухаживать за тобой. Правда, у каждого из них свой подход. – Миссис Мак Кромби весело, по-девичьи хихикнула, и Китти тотчас же поняла, что дама уже наверняка пропустила рюмочку виски.

– Вот я и задаюсь порой вопросом, – продолжила она, – кому же из двоих ты отдашь в конце концов предпочтение? Ведь братья-близнецы такие разные. Так ты уже определилась со своим выбором, дорогая моя?

До сей поры Китти и в голову не приходило, что богатые наследники, братья-близнецы Мерсер, могли увидеть в ней нечто большее, чем просто объект для всяких незлобивых розыгрышей (Драммонд) или обыкновенную младшую сестренку (Эндрю), а потому она ответила со всей откровенностью:

– Думаю, миссис Мак Кромби, вы сильно заблуждаетесь. Ведь семейство Мерсер принадлежит к богатейшим фамилиям Аделаиды...

– Если не всей Австралии, – тут же поспешила уточнить миссис Мак Кромби.

– Да! Тем более! А кто я? Бедная дочь священника из Лейта. Я никогда даже и в мыслях не держала, что являюсь подходящей партией для любого из братьев. И не считала себя достойной войти в их семью...

Прозвучал звонок в дверь, и тема разговора была исчерпана.

– Что ж, моя дорогая, – миссис Мак Кромби прочувствованно прижала Китти к своей могучей груди. – Поживем – увидим. А сейчас,

пользуясь возможностью, я поздравляю тебя с Новым годом и от всей души желаю, чтобы наступающий 1907 год стал для тебя самым счастливым. И я точно *знаю*, что так оно и будет.

Китти проводила миссис Мак Кромби взглядом. Почтенная матрона плавно выплыла из комнаты, словно огромное судно под всеми парусами. Но вот дверь закрылась, и Китти тотчас же опустилась на кровать, испытывая одновременно и облегчение, и полное смятение от того, что только что услышала.

В чем Китти была абсолютно уверена, так это в том, что у нее хорошо получается танцевать шотландский хороводный танец под названием «рил». Этому мастерству Китти и ее младших сестер обучила мама. Частично потому, что сама Адель обожала танцы, а частично из-за того, что рил был отличным способом согреться долгими зимними вечерами в Лейте. Да и чем еще можно было заняться в их холодном доме?

Но как же пригодились все эти навыки, приобретенные в родительском доме, сегодня вечером, думала Китти, самозабвенно отплясывая под мелодию песенки «Герцог из Перта». Правда, Китти немного завидовала мужчинам, облаченным в килты. У тех хоть ноги были голые. А тут шелковое платье, тугий корсет, да еще тяжелый шарф-тартан, скорее целая накидка. Китти чувствовала, что уже вся покрылась потом, как тот грязный поросенок. Ну и пусть, думала она. Сегодня это ее ни капельки не волнует, и она продолжала танцевать один рил за другим, все время меняя партнеров. Наконец, уже где-то ближе к полуночи, она совсем выдохлась и присела отдохнуть. Эндрю тотчас же принес ей большой бокал фруктового пунша, чтобы хоть немного утолить жажду.

– Вот так дела, мисс Макбрайд! Сегодня вечером вы открылись всем нам с еще одной стороны. Оказывается, вы замечательно танцуете.

– Спасибо, – поблагодарила Китти за комплимент, тяжело дыша. Только бы Эндрю не приближался к ней вплотную. Она была уверена, что уже вся провоняла потом.

Через несколько минут Эндрю сопровождал Китти в холл, где уже собрались и все остальные гости. Все с нетерпением затаились в ожидании. Кто же первым переступит порог под бой курантов? Кого им придется сегодня приветствовать первым? Такова старинная шотландская традиция, и в доме Мерсер она соблюдалась неукоснительно. Все собрались вокруг рождественской елки. Она уже успела изрядно поредеть. Густой слой иголок лежал на полу. Китти остановилась рядом с Эндрю.

– Осталось десять секунд! – зычным голосом выкрикнул Стефан. И все гости стали хором отсчитывать оставшееся время, пока часы не пробили полночь. Все тут же бросились обнимать друг друга и поздравлять с Новым годом.

Неожиданно Китти обнаружила, что Эндрю тоже обнял ее.

– С Новым годом, мисс Макбрайд! С новым счастьем! Хотел бы попросить вас...

Китти взволнованно глянула в его лицо:

– Что именно?

– Можно мне впредь называть вас просто Китти?

– О да! Конечно!

– Что ж, лично я очень надеюсь, что в наступившем 1907 году наша дружба... окрепнет. Я... то есть, я хочу сказать, Китти...

– С Новым годом, мой мальчик! – прервал их разговор Стефан и ласково потрепал сына по спине. – Не сомневаюсь ни минуты, ты еще заставишь меня гордиться твоими успехами в Бруме.

– Постараюсь оправдать твое доверие, отец.

– С Новым годом, мисс Макбрайд! И с новым счастьем тоже! Вы стали истинным украшением нашего новогоднего семейного вечера и всех рождественских праздников. – Стефан слегка подался вперед и тепло расцеловал Китти. Его закрученные усы приятно пощекотали ее щеку. – Хочу за нас двоих выразить надежду, что вы изыщете возможность задержаться в Австралии и погостить у нас подольше. Не правда ли, мой мальчик? – Стефан выразительно глянул на сына и двинулся дальше по кругу поздравлять с Новым годом остальных гостей.

Эндрю тоже поспешно ретировался, извинившись. Дескать, надо поздравить маму. Китти же направилась на веранду, чтобы подышать немного свежим воздухом.

Внезапно пара сильных рук подхватила ее с земли и закружила в воздухе, а через какое-то время снова поставила на землю.

– С Новым годом, мисс Макбрайд! С новым счастьем, Китти... *Кэт*... Да, имя Кэт подходит вам больше. Вы похожи на такую грациозную кошечку. И такая же легкая на подъем, сообразительная... гораздо умнее, чем показались мне с самого начала. Думаю, большинство людей даже не подозревают о том, насколько вы умны. Словом, вы – самый настоящий воитель, и вам не страшны любые опасности.

– Вы так считаете? – Голова у Китти все еще кружилась, и она из всех сил пыталась обрести равновесие. Но вот она глянула на Драммонда. – А вы не пьяны случаем?

– Тише! Прошу вас! Ни слова больше, мисс Китти-Кэт. Возможно, я и в самом деле немного навеселе. Но люди утверждают, что я само очарование, когда нахожусь под мухой. Кстати, хочу вам кое-что сказать.

– Что же именно вы хотите сказать мне?

– Наверняка вы знаете, что в доме полным ходом идут разговоры и разрабатываются всяческие планы касательно того, чтобы вы вошли в нашу семью уже на постоянной основе.

– Но я...

– Не притворяйтесь! И не делайте вид, что вы этого не знаете. Ведь это же очевидно всем! И все видят, что Эндрю без памяти влюблен в вас. Я собственными ушами слышал, как эту тему обсуждали мои родители. Отец – целиком «за». Мама, по каким-то непонятным, думаю, сугубо женским причинам, настроена менее решительно. Но поскольку в этом доме решающее слово всегда за отцом, то не сомневаюсь, официальное предложение руки и сердца не заставит себя долго ждать.

– Уверяю вас, я ни о чем таком и не помышляла.

– Тогда здесь одно из двух. Либо вы само воплощение скромности и чистоты, либо гораздо глупее, чем я думал о вас. Естественно, Эндрю, как старший брат, имеет все права первородства. Но прежде чем вы примете окончательное решение, я бы тоже хотел поучаствовать в этом соревновании. Швырнуть, так сказать, свою шляпу в кольцо. А для начала скажу вот что. Как женщина, как

представительница слабого пола, вы обладаете целым набором качеств, которые меня восхищают. И потому...

Впервые за все время знакомства с Драммондом Китти увидела в его глазах смятение.

– Дело в том...

Внезапно он заключил ее в объятия и крепко поцеловал в губы. Наверное, потому, что это стало для нее полнейшей неожиданностью, Китти не отшатнулась от него. А может, почувствовала удовольствие от самого поцелуя. Потому что все тело ее вдруг стало таять, словно кусок сливочного масла, которое оставили нечаянно на жарком австралийском солнце.

– Ну вот! – выдохнул наконец Драммонд, отпуская ее от себя. Потом наклонился и прошептал ей на ухо: – Запомни: мой брат может обеспечить тебе спокойную и безопасную жизнь. Зато со мной твоя жизнь будет полна приключений и впечатлений. А потому поклянись мне, что не станешь торопиться с принятием окончательного решения, пока я не вернусь из Европы. Ну, а прямо сейчас я отправляюсь в наш с тобой кабачок «Эдинбургский замок». Буду праздновать там с друзьями встречу Нового года до самого утра. Доброй вам ночи, мисс Макбрайд.

Прощальный взмах рукой, и Драммонд возвращается в дом, оставляя ее одну на веранде. А через какое-то время Китти услышала цокот копыт и звук отъезжающей повозки. Китти машинально провела пальцами по губам. И замерла в сладостной истоме, вспоминая каждую секунду того удовольствия, которое доставил ей Драммонд своим поцелуем.

Утром следующего дня Китти не увидела Драммонда. Он отправился ни свет ни заря в порт, чтобы лично проследить за тем, как идет погрузка их с отцом багажа на борт парохода. Китти вручила письма домой Стефану Мерсеру, который любезно пообещал ей отправить письма почтой, как только они с сыном достигнут берегов Европы.

– Впрочем, – добавил Стефан, весело подмигнув, – может статься, что я лично доставлю ваши письма адресатам. До свидания, моя милая. – Он нежно расцеловал Китти в обе щеки. Все домочадцы проводили мистера Мерсера до крыльца, наблюдая за тем, как он садится в карету.

За завтраком в столовой были только Китти и Эндрю. Миссис Мак Кромби попросила подать ей завтрак в комнату, а Эдит отправилась в порт, чтобы проводить мужа и сына в плавание и пожелать им доброго пути. Наслушавшись вчерашних разговоров, Китти чувствовала себя не совсем уютно наедине с Эндрю. Кажется, и его терзали сходные чувства: он явно был не в своей тарелке.

– Мисс Макбрайд, – начал он нерешительно.

– Пожалуйста, Эндрю. Мы же договорились, что вы будете звать меня просто Китти.

– Ах да! Конечно! Китти, вы катаетесь верхом?

– Катаюсь. Вернее, *каталась*. Я обучалась верховой езде еще в детстве, когда навещала летом дедушку и бабушку в Дамфрисшире. Некоторые пони были совсем необузданными... Привыкли носиться по болотным пустошам. Так что часто сбрасывали меня со спины на землю. А почему вы спрашиваете?

– Я вот тут подумал. Быстрый галоп – лучшее средство для того, чтобы прочистить мозги. У нас есть бунгало неподалеку, в горах. Эти горы у нас тут называют холмами Аделаиды. В имении есть небольшая конюшня. Как смотрите, если мы с вами наведаемся туда прямо сегодня? Там и воздух чище и прохладнее. Думаю, вам там понравится. Кстати, мама разрешила мне выступить в качестве вашего провожатого в этой поездке. Что скажете?

Двумя часами позже они уже прибыли на место. Китти предполагала увидеть небольшой семейный домик, а потому была сражена наповал, когда в долине пред ней предстало бунгало семейства Мерсер. Самый настоящий дворец, только одноэтажный, раскинувшийся посреди пышной зелени садов и опоясанный со всех сторон верандами. Она сделала разворот на триста шестьдесят градусов: бесконечные зеленые холмы стелились и убегали вдаль до самого горизонта. Пейзаж в чем-то напомнил ей знаменитые шотландские пустоши.

– Как красиво! – восхитилась она совершенно искренне.

– Рад, что вам здесь нравится. А сейчас, если позволите, я покажу вам наши конюшни.

Спустя полчаса они отправились на верховую прогулку. Они спустились вниз, в долину, и неспешно потрусили вперед по равнине. Но вот Китти пустила лошадь легким галопом. Эндрю тоже прибавил скорость. Китти огляделась по сторонам и весело рассмеялась, громко, во весь голос: какое же это наслаждение – почувствовать прохладную струю воздуха на своей щеке и снова окунуться в мир буйной зелени, объявшей их со всех сторон.

Когда они вернулись после прогулки в бунгало, на веранде уже был накрыт легкий обед для двоих.

– Как вкусно пахнет и выглядит так аппетитно! – воскликнула Китти, все еще тяжело дыша после интенсивных физических упражнений. Она плюхнулась на стул и без промедления схватила кусок свежего хлеба, еще теплого, только-только из печки.

– А вот и лимонный ликер, если желаете, – тут же предложил Эндрю.

– И кто же нам все это приготовил?

– Экономка. Она постоянно живет в доме. Круглый год.

– И это несмотря на то, что, по вашим словам, вы бываете в бунгало крайне редко?

– Да. Мой отец – очень богатый человек. Я тоже в один прекрасный день намереваюсь стать богатым.

– Уверена, так оно и будет, – обронила Китти после короткой паузы.

– Само собой, – заторопился Эндрю исправить собственный промах, – богатство для меня – не самоцель. Однако здесь, в Австралии, деньги решают очень многое.

– Деньги везде решают многое, но я, со своей стороны, убеждена в том, что счастье, обычное человеческое счастье, не купишь ни за какие деньги.

– Абсолютно согласен с вами, Китти. Как говорится, целиком и полностью. Семья и... любовь – это действительно самое главное в жизни.

Остаток трапезы прошел в полном молчании. Китти просто наслаждалась окружающей природой, стараясь не думать о том,

каковы были на самом деле побудительные мотивы Эндрю, пригласившего ее в эту поездку.

– Китти, – первым нарушил затянувшееся молчание Эндрю. – Наверное, вы догадываетесь, почему я привез вас сюда?

– Чтобы познакомить меня со здешними красотами? – спросила Китти, чувствуя фальшь собственных слов.

– И это тоже... отчасти... Но, наверное, для вас совсем не стало сюрпризом, что я... по-настоящему увлекся вами за последние десять дней.

– О, думаю, знай вы меня чуть подольше, вы бы уже начали уставать от меня. Честное слово, Эндрю!

– Сильно сомневаюсь в этом. Просто вы, как обычно, скромничаете. Я имел пространную беседу со своей тетушкой. Она знает вас с детства, и у нее не нашлось ни единого плохого слова в ваш адрес. По ее словам, да я и сам это вижу, вы – само совершенство. Я уже поставил в известность и отца, и мать о своих дальнейших намерениях... Мои родители выразили согласие...

Эндрю поднялся со стула и неожиданно опустился на одно колено перед Китти:

– Катерина Макбрайд, имею честь просить вас стать моей женой.

– Господи! – воскликнула Китти после некоторой паузы, которую, она надеялась, Эндрю не истолкует как ее нежелание продолжать разговор. – Для меня ваше предложение стало полнейшей неожиданностью. Я и подумать не могла...

– Все потому, что вы, Китти, такая, как вы есть... Скромная до крайности. Девушка... фактически молодая женщина, которая совершенно не отдает себе отчета в своей красоте... И в своем богатом внутреннем мире... Да, вы прекрасны, Китти. И я влюбился в вас с первого же взгляда. И с самой первой минуты, как увидел вас, захотел, чтобы вы стали моей женой.

– Неужели правда?

– Правда. Должен признаться, я вовсе не романтик по натуре. Но... – Эндрю вдруг покраснел. – Но мои чувства к вам можно описать именно так: любовь с первого взгляда. И потом. – Он издал короткий смешок. – Знаете, меня так поразила ваша непосредственная реакция на то, что в Бруме имеются следы динозавров. Помнится, вы пришли в такой восторг. А ведь большинство девушек и понятия не имеют, кто

они такие, эти динозавры. А уже интересоваться их следами... Вот тогда я и понял, что вы подходите мне по всем статьям. Так что скажете?

Китти взглянула на Эндрю, все еще стоявшего перед ней на коленях. Какое у него красивое лицо, подумала она и, подняв голову, перевела взгляд на прекрасный ландшафт вокруг. Красивое, богатое имение, которое Эндрю наверняка унаследует в один прекрасный день. Потом мысли непроизвольно переключались в Лейт. Она вспомнила отца, который на словах обожал свою старшую дочь. Но, как только понял, что она в курсе его мерзких делишек, тотчас же услал ее на другой конец света.

– Я...

И вдруг услужливая память явила ей образ Драммонда. Целый вихрь воспоминаний, связанных с ним. Как он постоянно подсмеивался над ней. Обращался порой как с фарфоровой куклой, разговаривал свысока, все так... Но ведь смеялась же она над его шуточками, смеялась, даже помимо своей воли. А уж если вспомнить его поцелуй... всего лишь каких-то несколько часов тому назад...

Вопрос лишь в том, что Драммонд пробуждает в ее душе. Худшее или лучшее? Как бы то ни было, а в его обществе она действительно становилась совсем другим человеком.

– Пожалуйста, Китти... Я все понимаю. Для вас мое предложение стало неожиданностью. Ведь мы познакомились с вами совсем недавно, – заговорил Эндрю, нарушив повисшее молчание. – Однако где-то в конце февраля – начале марта мне нужно возвращаться в Брум. По словам мамы, времени на подготовку к свадьбе остается очень мало. Я, конечно, не тороплю вас с ответом, но все же хотел бы...

Эндрю сконфуженно умолк. Какой он славный, растроганно подумала Китти. Светлой души человек.

– Можно мне немного времени, чтобы подумать? Я ведь планировала вернуться домой, в Шотландию, к своей семье. А ваше предложение означает... что мне нужно будет остаться здесь. До конца своих дней. Рядом с вами.

– Дорогая моя Китти, я понимаю вас, как никто! Пожалуйста, берите столько времени, сколько посчитаете нужным. Тетя Флоренс рассказывала мне, какая у вас дружная семья. Я вполне отдам себе отчет, сколь многим вы пожертвуете, если согласитесь выйти за меня

замуж. Не говоря уже о том, что ближайшие несколько лет вам придется прожить в Бруме.

– В том самом городе, который так не по душе вашей матери.

– Почему-то я уверен, что вам он понравится. А со временем вы даже полюбите Брум. К тому же город сильно изменился с тех пор, как мама была там в последний раз. Брум сегодня процветает. Что ни день, в его порт прибывают суда со всего мира, доставляют самые разнообразные товары, в том числе предметы роскоши и дорогие вещи, включая всякие раритеты, вызывающие самое настоящее изумление. Конечно, тамошнее общество еще не устоялось, это правда, – был вынужден признать Эндрю. – Многие нормы общежития там не соблюдаются до сих пор. Но мне кажется, вы примете Брум всем сердцем и душой, полюбите его с той же силой, с какой моя мать его возненавидела. Потому что у вас благородная душа и потому что вы выступаете за равенство. А сейчас я, пожалуй, поднимусь с колена, пока мой коленный сустав не развалился на части. – Эндрю поднялся с пола, потом взял Китти за обе руки. – Так сколько времени вам потребуется?

– Несколько дней.

– Согласен. Что ж, оставляю вас наедине с вашими мыслями. Право выбора за вами. – Он нежно расцеловал обе ее руки.

Последующие три дня Китти провела в неустанных размышлениях, советуясь сама с собой, с красавцем длиннохвостым попугаем, важно разгуливающим по саду, и конечно, с Богом. Внятного ответа на свои сомнения она так и не получила ни от кого. О, как же ей недоставало сейчас мамы! Мама, ее мудрая, все понимающая мама... Уж она бы посоветовала что-то дельное, руководствуясь исключительно своей любовью к дочери и ее благом... Желая своей Китти наилучшего будущего.

Вопрос лишь в том, что именно означает это *наилучшее будущее*, уныло размышляла Китти, меряя шагами свою спальню. Конечно, она прекрасно понимала, что Адель изо всех сил постаралась бы убедить свою старшую дочь воспользоваться таким шансом: выйти замуж за

красивого молодого человека из респектабельной и богатой семьи. Никакого сравнения с той убогой жизнью, которую они влачили в Лейте.

Но вот само замужество... Хотя Китти и знала, что, как только ей исполнится восемнадцать лет, вопрос о замужестве тут же встанет ребром, ведь это так естественно для любой девушки в ее возрасте, но почему-то ей самой замужество всегда казалось делом далекого будущего. И вот внезапно это будущее заявило о себе уже сегодня. Снова и снова она спрашивала себя: а нужно ли было *полюбить* своего будущего мужа с той самой минуты, как увидела его впервые? Или все же брак предполагает более прагматичный подход? Особенно учитывая ее ситуацию... Сорвут ее с веточки, как поспевший плод, и она перестанет быть незамужней молодой женщиной, к тому же очень бедной молодой женщиной, и пополнит собой ряды замужних матрон, обеспечив таким образом свое будущее до конца дней. Скорее всего, супружеская любовь будет развиваться постепенно, по мере того как они с Эндрю станут жить вместе, обзаведутся собственным домом и детьми. То есть станут настоящей семьей.

Китти была абсолютно уверена в том, что семейству Мерсер хорошо известны все обстоятельства и те условия, в которых живет ее семья. Китти понимала, что не такая уж она и «находка» для их старшего сына. Вполне возможно, они мечтали о более достойной и завидной партии для него. Однако здесь не Эдинбург. Здесь Австралия. И любой, кто вступил на эту пыльную красную землю, включая и ее саму, волен писать свою жизнь с чистого листа и быть тем, кем ему или ей хочется быть.

А какое будущее *ждет* Китти в Шотландии? Если сильно повезет, то выйдет замуж за Ангуса, станет женой приходского священника и будет влачить такое же унылое нищенское существование, каким были первые восемнадцать лет ее жизни. А может быть, еще хуже.

Несмотря на то что Драммонд соблазнял ее разговорами о жизни, полной приключений, Китти тем не менее вполне отдавала себе отчет, что, выйдя замуж за *его брата* и отправившись вместе с ним на север Австралии через весь этот обширный континент, она встретит не меньше приключений и испытаний.

Но все же, все же... Она снова вспомнила, какая сладостная истома охватила все ее тело, когда Драммонд поцеловал ее. Вот

и Эндрю... Он ведь тоже взял ее руку, поцеловал, и это было даже приятно, но...

Наконец, полностью обессилив от бесконечных внутренних препирательств, Китти решила пойти и поговорить с миссис Мак Кромби. При всех издержках ее характера миссис Мак Кромби, как ни крути, была здесь, в Австралии, самым близким человеком для Китти.

Она подобрала удобный момент, когда Эдит отлучилась в город с ответными визитами к своим знакомым. За чаем Китти излила душу своей благодетельнице, и та внимательнейшим образом выслушала ее.

– Что ж, – проронила миссис Мак Кромби, слегка нахмурившись и окинув Китти взглядом, в котором не было ни тени осуждения или одобрения. – Как ты знаешь, я ожидала такого развития событий. Естественно, моя милая, я переживаю за тебя и вполне понимаю твое состояние. Обе мы отдаем себе отчет, что от того, какое ты сейчас примешь решение, зависит вся твоя будущая жизнь.

– Да, это так.

– Ты сильно скучаешь по Эдинбургу?

– Я очень скучаю по своим близким.

– То есть сам город для тебя не так уж и важен?

– Когда здесь устанавливается этот солнцепек, то я, конечно, скучаю по нашему прохладному климату. Но то, что я уже успела увидеть в Австралии, мне понравилось. Это страна величайших возможностей, и здесь с тобой может произойти все что угодно.

– Вот именно, что угодно! То есть в равной степени и хорошее, и плохое, – тут же возразила миссис Мак Кромби. – Что ж, моя юная леди, повторю еще раз все то, что я сказала тебе накануне Нового года. В Австралии ты расцвела буквально на глазах. Иными словами, не приходится сомневаться в том, что Австралия тебе подходит, а ты подходишь ей.

– Я действительно чувствую себя здесь более свободной, – с некоторой робостью призналась Китти.

– Однако если ты согласишься стать женой Эндрю, то это означает, что в ближайшей перспективе ты не увидишь своих близких, что ты обрекаешь себя на разлуку с ними на долгие и долгие годы. Хотя, конечно, замужество одновременно означает и то, что у тебя появится собственная семья. Таков естественный ход событий, независимо от того, происходят они в Австралии или в Эдинбурге. В

любом случае со вступлением в брак жизнь всякой женщины кардинально меняется. Ну а что же сам Эндрю? Он тебе нравится?

– Очень нравится. Он такой умный, добрый, внимательный. А из того, что он рассказывал мне о себе, – еще и очень трудолюбивый.

– О да! Все так! – подтвердила миссис Мак Кромби. – Но знаешь, глядя со стороны, скажу вот что. В том, что он сын и наследник очень богатого отца, есть и свои минусы. Всю свою жизнь Эндрю должен будет доказывать и самому себе, и Стефану, что он тоже может стать таким же преуспевающим бизнесменом, как и его отец. Вот, скажем, над Драммондом, по воле судьбы появившимся на свет вторым, такой груз ответственности уже не довлеет. Можно сказать, он – запасной игрок. А тут – наследник трона, не больше и не меньше. – Миссис Мак Кромби издала короткий смешок. – Кстати, Китти, хочу спросить у тебя. Драммонд... имел с тобой разговор перед отплытием в Европу?

– Да, – честно призналась Китти, решив не кривить душой перед миссис Мак Кромби и сказать все как есть.

– Я так и думала! Он же с тебя глаз не сводил с того самого момента, как увидел тебя впервые. И все эти глупые его выходки... подшучивание... Все это выглядело так по-детски... любой ценой старался завоевать твое внимание. И что же ты ему ответила?

– Я... ничего... Он ушел, и больше мы с ним не виделись.

– Как трогательно! Не стану поучать тебя или, тем более, выступать в защиту того или иного моего племянника, но скажу так. Китти, дорогая моя, когда молодая леди решает для себя вопрос, за кого ей выйти замуж, то прежде всего она ждет от претендента на свою руку и сердце совсем иного, чем все то, о чем ей мечталось в девичьих грезах. То есть я хочу сказать, что самое важное для нее – это надежный и безопасный тыл. Особенно если речь идет о такой стране, как Австралия. Да, твой спутник по жизни должен быть надежным человеком, на которого можно будет всецело положиться в любой ситуации. Человек, которого ты искренне уважаешь. И, опережая твой вопрос, скажу: да, любовь к такому человеку неизбежно появится, и она будет лишь возрастать. Хотя у меня нет и тени сомнения, что Эндрю уже *любит тебя*, и любит по-настоящему.

– Спасибо, миссис Мак Кромби. Спасибо за ваши мудрые слова и наставления. Я подумаю над всем, что вы мне только что сказали. Но

принимать решение придется быстро, потому что у нас так мало времени в запасе.

– Рада была тебе помочь, Китти. Ты – славная девушка. Не открою большой тайны, если скажу, что буду только рада породниться с тобой уже официально. Но решение тебе действительно придется принимать самостоятельно. И помни, Эндрю предлагает тебе не только свою любовь, но и совершенно новую жизнь. И ты уж вольна распорядиться этой новой жизнью по своему усмотрению.

Ближе к вечеру Китти увидела в окно Эндрю, возвращающегося домой на рессорной повозке, впряженной в пони. Китти поспешно спустилась в холл. Хотела встретить Эндрю прямо у дверей и тут же сообщить ему о своем решении, пока не передумала.

– Эндрю, можно мне поговорить с вами?

Он впился в нее долгим изучающим взглядом, словно хотел прочитать ответ по выражению ее лица и глаз.

– Конечно. Но давайте пройдем в гостиную.

От Китти не ускользнуло, как напряженно держится Эндрю. Но вот они вошли в комнату и сели.

– Эндрю, простите меня за то, что я попросила у вас немного времени на обдумывание вашего предложения. Вы же понимаете, какое судьбоносное решение я должна принять. Но, к счастью, я уже все *решила*. Для меня большая честь стать вашей женой. Разумеется, если на наш брак даст согласие мой отец. – Китти замолчала, чувствуя, что для продолжения ей не хватает воздуха. Потом взглянула на Эндрю и подумала, что выглядит он совсем не таким счастливым, как мог бы быть.

– Эндрю, вы что, передумали?

– Я? Нет, конечно... Но вы... вы абсолютно уверены?

– Да, я абсолютно уверена.

– И на вас никто не оказывал никакого давления при принятии этого решения?

– Нет, никто! – выпалила Китти, а он впился в нее долгим изучающим взглядом, словно хотел понять те причины, которые

побудили ее ответить согласием.

– Я... Видите ли, я был почти уверен в том, что вы ответите мне отказом. Возможно, у вас есть кто-то еще. И я...

– Клянусь вам, у меня никого нет.

– Ну, тогда... что ж...

Китти увидела, как мгновенно прояснилось лицо Эндрю.

– Боже Всемилостивый! Ваше согласие стать моей женой сделало меня счастливейшим из смертных! Я немедленно напишу вашему батюшке, попрошу у него согласия на наш брак... Но вы не возражаете, если я отправлю ему не письмо, а телеграмму? Вы же знаете, как долго идут письма отсюда, а для нас время очень важно. Такую же телеграмму я отправлю и своему отцу. Попрошу его, чтобы он лично наведлся к вашим родителям, когда прибудет в Европу. – Эндрю лихорадочно ронял слова, возбужденно расхаживая по гостиной. – Очень надеюсь, что ваш отец ответит согласием и вверит свою дочь моим дальнейшим заботам. Ведь он же наверняка наслышан от тети о нашем семействе. – Эндрю остановился и взял Китти за руки. – Клянусь вам, Катерина Макбрайд, что буду любить вас вечно и до конца своих дней буду стараться делать для вас все только лучшее, все, что только возможно.

Китти молча кивнула в ответ и закрыла глаза, когда Эндрю запечатлел легкий поцелуй на ее губах.

Спустя два дня Эндрю показал Китти телеграмму, полученную от ее отца.

ЭНДРЮ ТОЧКА СЧАСТЛИВ ДАТЬ СВОЕ
БЛАГОСЛОВЕНИЕ НА ВАШ БРАК С МОЕЙ ДОЧЕРЬЮ
ТОЧКА БОЛЬШОЙ ЛЮБВИ ВАМ И КАТЕРИНЕ МАМА
И ЕЕ СЕСТРЫ ШЛЮТ ВАМ ОБОИМ СВОИ
ПОЗДРАВЛЕНИЯ ТОЧКА РАЛЬФ ТОЧКА

– Последний барьер взят! – ликующе воскликнул Эндрю. – Теперь о предстоящей свадьбе можно уже объявить публично и начать

подготовку к самому торжеству. Как вы понимаете, само мероприятие может получиться не таким грандиозным, как могло бы быть, с учетом ограничений по времени. Но мама знает в Аделаиде всех, и она сумеет подергать за нужные ниточки, чтобы организовать все должным образом. Во всяком случае, позаботиться о том, чтобы у вас было красивое подвенечное платье.

– Если честно, Эндрю, то все эти мелочи не так уж и важны для меня.

– Для вас, возможно, и не важны. Но предстоящая свадьба очень важна для моей матери. Что ж, уже сегодня вечером мы объявим ей и тете Флоренс о том, что согласие на наш брак получено.

Китти молча кивнула в ответ, потом повернулась и побрела к себе наверх, чувствуя, что еще немного, и слезы сами собой брызнут из ее глаз. В спальне она упала ничком на кровать и разрыдалась. Она всегда подозревала, что отец мечтал избавиться от нее навсегда, и только что получила вещественное доказательство того, что не ошиблась в своих подозрениях.

Утром в день свадьбы Китти стояла перед высоким зеркалом и разглядывала себя в подвенечном наряде. Эдит и правда пустила в ход все свои связи и подергала за нужные ниточки. Вот и подвенечное платье Китти как у самой настоящей принцессы. Туго затянутая талия, высокий ворот-стойка, буквально упирающийся в копну каштановых кудрей, которые Агнес предусмотрительно собрала и уложила на самой макушке. Дорогие алансонские кружева ручной работы расшиты сотнями мелких жемчужинок, которые переливаются и играют всеми красками при малейшем движении.

– Вы такая красивая, мисс Китти. Глядя на вас, мне хочется плакать... – промолвила Агнес, сосредоточенно расправляя тюлевую фату на плечах.

– Доброе утро, Китти.

Китти увидела в зеркале Эдит, вошедшую в комнату. Эдит сделала несколько шагов и встала у Китти за спиной.

– Доброе утро.

– Ну разве она не картинка, мэм? – шмыгая носом, воскликнула Агнес.

– Действительно хороша, – промолвила в ответ Эдит несколько напряженно, как будто каждое слово давалось ей с большим трудом. – Пожалуйста, оставь нас на несколько минут. Мне надо перекинуться с Китти парой слов наедине.

– Сию минуту, мэм.

Агнес поспешно выскочила из комнаты.

– Вот зашла, чтобы пожелать тебе, Китти, счастья в будущей семейной жизни. – Эдит обозрела свою будущую невестку со всех сторон, проверяя, все ли безупречно в ее наряде.

– Спасибо.

– Когда-то в молодости я была знакома с твоим отцом. Мы познакомились с ним на одном балу в Высокогорье. Мне показалось, что он искренне увлекся мной. Почти так же, как я им... Ну, ты же не хуже меня знаешь, как твой отец умеет очаровывать людей, если захочет.

Китти почувствовала, как встрепенулось в груди сердце и забилося сильнее. Она молчала, понимая, что Эдит еще не закончила свой монолог.

– Но, конечно, я ошибалась. Как выяснилось, он умеет быть не только обворожительным дамским угодником, но и самым настоящим аферистом, таким грязным искателем приключений. Мерзавцем, которому доставляло удовольствие совращать женщин, а потом, добившись от них того, чего хотел, с легкостью бросать их и переключаться на новую жертву. Короче, и меня он тоже использовал. Как говорят в таких случаях, поматросил и бросил. Не стану вдаваться в детали. Скажу лишь одно. Он не только разбил мне сердце, но и почти разрушил мою репутацию. Я... одним словом, если бы в тот момент в моей жизни не появился Стефан, приехавший из Австралии, с которым я случайно познакомилась в Лондоне, а он, разумеется, и понятия не имел о той «дурной славе», какую я приобрела у себя дома, то можно было бы с уверенностью утверждать, что все мое будущее лежит в руинах.

«Дыши глубже», – мысленно приказала себе Китти, чувствуя, что ее бросает то в жар, то в холод от всего услышанного. Она снова испытала потрясение, и одновременно ей было невыразимо стыдно.

– Уверяю тебя, все это чистая правда. Теперь, надеюсь, тебе понятно, почему я совсем даже не обрадовалась, когда сестра известила меня в своем письме, что ты будешь сопровождать ее в Австралию. И мне придется принять тебя у себя дома. Конечно, все это дела уже давно минувших дней, тайна за семью печатями. Да и моя дорогая сестра понятия не имеет, что сотворил со мной обожаемый ею Ральф. А сейчас вот... – Эдит подошла ближе и встала лицом к лицу. – Ты, его дочь, выходишь замуж за моего старшего сына. И отныне мы будем связаны с тобой уже родственными узами. Какая ирония судьбы! Думаю, твоему отцу это тоже покажется злой шуткой рока.

Китти молча уставилась в пол, машинально разглядывая волны белого кружева, струящегося вокруг ее ножек, обутых в элегантные туфельки.

– Зачем вы рассказали мне все это? – наконец выдавила она из себя.

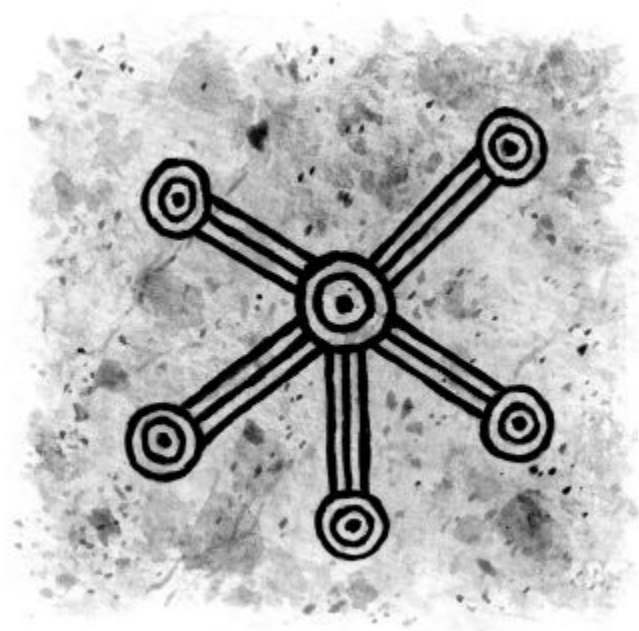
– Затем, что сегодня ты станешь полноправным членом нашей семьи, и я не хочу, чтобы между нами оставались какие-то секреты. И вот еще что! Хочу предупредить тебя заранее. Если ты когда-нибудь посмеешь обидеть моего сына так, как в свое время меня обидел твой отец, я отыщу тебя даже на дне морском. Отыщу и уничтожу. Тебе понятно?

– Да.

– Что ж, вот все, что я хотела сказать тебе. Всем сердцем надеюсь, что ты пошла в мать. По словам сестры, она очень славная, милая женщина. И стойчески сносит все невзгоды, выпавшие на ее долю. Ведь, оглядываясь в прошлое, сегодня я понимаю, что Бог меня миловал и я счастливо избежала ее нелегкой участи. Уверена, на долю твоей матери выпало в браке с этим человеком не меньше страданий, чем когда-то испытала я. Подумать только! *Он священник!* Уму непостижимо! – Эдит издала хриплый смешок. Но, увидев, какое отчаяние отразилось на лице Китти, тотчас же взяла себя в руки. – Впрямь, Китти, мы никогда более не будем затрагивать эту тему в наших с тобой разговорах. – Эдит слегка подалась вперед и запечатлела мимолетные поцелуи на обеих щеках невесты. – Выглядишь потрясающе красиво, милая. Добро пожаловать в семью Мерсер.

Сиси

Пляж Прананг, остров Краби, Таиланд
Январь 2008 года

Древний символ аборигенов, обозначающий мед и место стоянки

11

Эйс устало развел руки, потянулся и протяжно зевнул, уронив книгу на диван. Я тоже села, мысленно прокручивая в голове только что услышанную историю.

– Вот это да! – пробормотала я вполголоса. – Эта Китти Мерсер, судя по всему, потрясающая женщина. Надо же решиться на такое... Отправиться на другой конец света, выйти там замуж за малознамого человека... Да еще получить в придачу свекровь, которая похожа на самое настоящее исчадье ада.

– Думаю, в те времена многие женщины решались на подобное. Особенно те, кто хотел кардинально изменить свою жизнь. – Эйс отрешенно уставился куда-то вдаль. – Вот и Китти... – промолвил он

после короткой паузы. – Она ведь категорически не хотела возвращаться к той жизни, которая ждала ее в родительском доме.

– Да, похоже на то. Ее папаша... законченный подонок... Как ты думаешь, она сделала правильный выбор, выйдя замуж за Эндрю, а не за Драммонда?

Какое-то время Эйс молча разглядывал портрет Китти на обложке книги, потом меланхолично бросил:

– Кто знает, кто знает... Всем нам приходится делать выбор, иногда каждый божий день...

Лицо его мгновенно помрачнело, и я не рискнула развивать эту тему дальше. Хотя меня и подмывало спросить у него напрямую, какой же такой выбор сделал *лично он*, спрятавшись здесь, в своем дворце, от всего мира.

– Вопрос лишь в том, – перевела я разговор снова на себя, – какое отношение имеет эта женщина ко мне? Не думаю, что нас с ней связывают какие-то родственные узы. Мы ведь с ней совершенно не похожи. – В доказательство своих слов я взяла книжку и приложила к голове, постаравшись придать своему лицу такое же суровое выражение, как на фотографии.

Эйс издал короткий смешок и ласково погладил пальцем мою щеку.

– Внешность еще ни о чем не говорит. Вот возьми, к примеру, меня. Мой отец – европеец. Да и в тебе, судя по всему, намешано всякой крови. Разве тебе самой не приходили в голову подобные мысли?

– Почему же? Приходили. Хотя, если честно, я всегда воспринимала свою внешность как должное. А вот другие все время пытались угадать, откуда же я родом. Особенно когда узнавали, что я приемная дочь. Варианты предлагались всякие: Юго-Восточная Азия, Африка... Такое впечатление, будто я экспонат какой-то, на который нужно обязательно повесить соответствующую бирку. А мне всегда хотелось быть просто самой собой.

Эйс понимающе кивнул головой.

– Да, мне это знакомо. Здесь, в Таиланде, местные называют таких, как мы с тобой, *лук креунг*, что можно буквально перевести как «полукровка». Вот я сам... Я же знаю, кто мои родители, каких я кровей, так сказать, но все равно не могу с полной уверенностью

заявить, что понимаю, кто я есть на самом деле и к какой культуре принадлежу. По правде говоря, я везде ощущаю себя чужаком. Интересно, как ты воспримешь Австралию... Почувствуешь ли ты, очутившись там, что являешься частью этого континента...

– Я... пока понятия не имею. – Я почувствовала, что меня бросает в жар от столь сложных разговоров. От вопросов Эйса даже голова пошла кругом. Я подхватилась с дивана. – Все! Иду купаться. Надо искупнуться в последний раз на закате солнца. – Я пересекла террасу и направилась к лестнице. – Хочу сделать несколько фотографий на память.

– Что значит «в последний раз»?

– Завтра я уезжаю. Пойду натяну на себя бикини.

Через пару минут я с фотоаппаратом в руке подошла к воротам. Там уже торчал Эйс, облаченный в плавки, в темных очках, с бейсболкой на голове.

– Я тоже пойду окунусь вместе с тобой, – сказал он мне.

– Отлично, – ответила я, стараясь ничем не выдать своего удивления. Он нажал на красную кнопку, и створки ворот разъехались в разные стороны, выпуская нас. Я вручила свою фотокамеру По, а сама бросилась догонять Эйса, который проворно побежал в сторону моря. Мы плавали долго и заплыли далеко, гораздо дальше, чем обычно это делают отдыхающие. Эйс обнимал меня в воде и целовал.

– Почему ты ни словом не обмолвилась, что уезжаешь?

– Знаешь, скажу тебе как есть. Я просто потеряла счет дням. И только когда сегодня утром случайно извлекла из своего рюкзака билет на самолет и взглянула на дату, тогда поняла, что завтра мне надо уезжать.

– Без тебя, Сиси, здесь будет все не так.

– Думаю, ты как-то справишься с этим, Саймон, – шутливо ответила я, когда мы наконец вылезли с ним из воды. – Схожу за фотоаппаратом. Хочу успеть запечатлеть закат, сделать пару снимков, пока солнце не село.

Я забрала камеру у По и вернулась назад, на пляж. Эйс укрылся в зелени, наблюдая издали, как я щелкаю затвором, пытаюсь найти наилучший ракурс.

– Хотите, я вас сфотографирую? – вдруг предложил мне По.

– Хочешь вместе со мной? – спросила я у Эйса. – Такой снимок на память на фоне солнечного заката и моря...

– Я...

В глазах Эйса мелькнул страх. Но через пару секунд он согласился, хотя и без особой охоты.

Я показала По, на какую кнопку следует нажать, и мы с Эйсом, обнявшись, снова побрели в сторону пляжа. Выбрали место и замерли на фоне заходящего солнца, последние всполохи которого озаряли побережье Прананг. По принялся щелкать без устали, пока Эйс не сделал предупреждающий взмах рукой. Дескать, пора заканчивать фотосессию. После чего набрал нужный код замка и поспешно скрылся за воротами. Я побежала за ним, остановившись лишь на мгновение, чтобы забрать у По свой фотоаппарат.

– Если хотите, мадам, я распечатаю для вас фотографии. У моего кузена своя фотомастерская на Краби. Я отвезу ему пленку, и к завтрашнему утру фотографии будут готовы, – неожиданно предложил мне свои услуги По.

– Ладно! – мгновенно согласилась я. – Буду вам очень признательна. – Я извлекла из фотоаппарата кассету с пленкой. – Пожалуйста, пусть сделает два комплекта, ладно? – Я подтвердила свои слова энергичной жестикующей на пальцах, а сама подумала: будет что оставить на память Эйсу.

– Как скажете, мадам. – По широко улыбнулся. – Сделаем. Два комплекта будут стоить триста батов. Идет?

– Идет, – ответила я. Интересно, с чего это он стал таким добреньким и услужливым, непроизвольно мелькнуло у меня в голове. Но я тут же нашла объяснение. Наверняка бедолагу все еще мучит совесть за то, как он обошелся со мной в самом начале нашего знакомства. В конце концов, любой человек может захотеть искупить свои прежние провинности.

Вечером за ужином я все время ловила себя на мысли, что я какая-то не такая, как обычно. И разговор за столом у нас с Эйсом никак не клеился. Реплики казались мне ненатуральными и даже немного фальшивыми. Эйс был непривычно молчалив и спокоен. Он даже не смеялся моим шуткам, как это делал всегда, даже если они были не совсем удачными или смешными. Как только я отложила в сторону вилку и нож, Эйс тут же зевнул и заявил, что сегодня, пожалуй, нам

следует улежся спать пораньше. Я не стала перечить. В постели он молча нашел меня в темноте и тут же овладел мною.

– Спокойной ночи, Сиси, – обронил он через какое-то время, видно уже приготовившись отойти ко сну. Сама-то я знала почти наверняка, что вряд ли засну этой ночью.

– Спокойной ночи, – ответила я и стала прислушиваться к его дыханию.

Как только оно станет ровным, это будет верным признаком того, что Эйс заснул. Однако шло время, а никакого ровного дыхания у себя под боком я не слышала. Зато услышала, как он вдруг издал протяжный вздох и осторожно нащупал меня в темноте.

– Спишь? – поинтересовался он у меня.

– Ты же знаешь, какие у меня проблемы со сном.

– Иди сюда. Хочу обнять тебя.

Эйс привлек меня к себе и крепко сжал в своих объятиях, так, что мой нос буквально впечатался в его грудь и мне стало трудно дышать.

– Хочу сказать еще раз... Я буду скучать по тебе... сильно скучать, – прошептал Эйс, вперив взгляд в темноту. – Возможно, я приеду к тебе в Австралию. Я дам тебе номер своего мобильного. Пожалуйста, сбрось мне свой адрес, где ты там остановишься.

– Хорошо.

– Мы ведь с тобой пара, правда?

– Разве?

– Да. Оба оказались на распутье, и оба не знаем, куда двинуться дальше.

– Наверное, в чем-то ты прав...

– В том, что касается тебя, прав на все сто. К сожалению, в отличие от тебя я знаю, куда двинусь дальше. Со временем...

– Куда?

– Это не столь важно. Важно другое... Знаешь, если бы в жизни сложилось все иначе... – Я почувствовала, как Эйс ласкает губами макушку моей головы. – Ты – самая настоящая из всех, кого я когда-либо встречал, Келено Делпеси. Обещай мне, что не будешь меняться, ладно?

– А разве такое возможно? Остаться все время неизменной?

– Наверное, нет. Ты права. – Эйс издал короткий смешок. – Тогда пообещай мне другое.

– Что именно?

– Если ты... когда-нибудь *услышишь про меня* всякое-разное, постарайся не судить меня, ладно? Знаешь, все ведь не так просто, как кажется на первый взгляд. И потом... – Эйс замолчал. Я поняла, что он ищет нужные слова, чтобы закончить свою мысль. – Иногда ведь приходится делать всяческие непотребства исключительно для того, чтобы защитить тех, кого ты любишь.

– Понимаю. Я так поступала ради Стар.

– Да, моя родная. Вот и я делал что-то подобное.

С этими словами он снова поцеловал меня и откатился на другой край кровати.

Конечно же, я не сомкнула глаз до самого утра. Меня переполняли самые разнообразные чувства, и все они были внове для меня. Как было бы здорово поделиться с кем-то из близких своими сомнениями, спросить у них совета, выслушать, что они думают по поводу всего того, что наговорил мне Эйс. Но разве сам Эйс уже не стал для меня тем самым «близким»? Можно сказать, моим другом. Другом? Я мысленно повторила последнее слово. У меня никогда не было друзей. У меня была сестра, и она заменяла мне всех. Я даже смутно представляю себе, что это такое – дружба. А Эйс меня тоже считает *своим другом*? Или просто воспользовался мной, чтобы скрасить одиночество? А разве я сама повела себя иначе? Но, может быть, мы с Эйсом уже не просто друзья, а нечто большее?

Решив не мучить себя без сна, я потихоньку встала и направилась на пляж. Было еще слишком рано, даже для восхода солнца. Сердце непроизвольно сжалось при мысли о том, что скоро мне придется покинуть эти благословенные места, такую маленькую вселенную, в которой царят абсолютный покой и безопасность и которую мы сотворили вместе с Эйсом. Я буду скучать по нему. И по этому райскому уголку тоже. Сильно скучать...

Когда я возвращалась с пляжа и в последний раз миновала ворота, чтобы попасть во дворец, По уже заступил на утреннюю смену.

– Получите свои фото, мадам. – Он сунул руку в свой нейлоновый рюкзачок и извлек оттуда несколько ярких разноцветных конвертов с фотографиями. Быстро перебрал пальцами штуки четыре из них, проверяя содержимое. Наверное, аналогичные услуги он оказывает и другим отдыхающим на побережье Прананг, зарабатывая таким образом еще какое-то небольшое количество батов, подумала я.

– Вот ваши! – Остальные конверты он снова сунул в рюкзак.

– Спасибо, – поблагодарила я, решив дать ему щедрые чаевые, когда стану рассчитывать, покидая дворец. Забрала конверты и пошла к себе в комнату укладывать вещи.

Где-то через час с небольшим я водрузила рюкзак со своими пожитками на спину и закрыла за собой дверь комнаты. А потом с несчастным видом поплелась на террасу, по которой нервно прохаживался Эйс. Вид у него был не менее подавленный и удрученный, чем у меня. Но почему-то это доставило мне удовольствие.

– Уезжаешь?

– Да. – Я достала из заднего кармана джинсов пакет с фотографиями и положила на стол. – Вот! Это тебе!

– А это тебе. Номер моего мобильного. – Эйс вручил мне листок бумаги с номером его телефона.

Мы неловко замерли на какое-то мгновение, разглядывая друг друга. Мне захотелось, чтобы момент прощания быстрее закончился.

– Большое тебе спасибо... за все.

– Не надо благодарить меня, Сиси. Мне все это было в удовольствие.

– Тогда я пошла. – Я уже приготовилась снова вскинуть рюкзак на плечо, но в эту минуту Эйс распахнул руки.

– Иди сюда. – Он притянул меня к своей груди и крепко обнял, упершись подбородком в макушку моей головы. – Обещай, что останешься со мной на связи.

– Да, конечно.

– И потом, все может случиться в обозримом будущем. Вот возьму и прилечу к тебе в Австралию, – сказал он, подхватывая мой рюкзак, и мы оба направились к воротам.

– Это было бы здорово! – ответила я. – Ну, что? Пока...

– Пока, Сиси.

По нажал на красную кнопку, выпуская меня за ворота. Я расплатилась с ним за фотографии, присовокупив к тремстам батам еще и чаевые. К моему удивлению, чаевые он не взял, помотал головой и при этом бросил на меня откровенно виноватый взгляд.

– Всего хорошего, мадам.

Я направилась вдоль пляжа Плебс по направлению к Рейли. Чувствовала себя очень расстроенной, а потому решила не заходить к Джеку, чтобы попрощаться с ним и другими обитателями его отеля. Впрочем, скорее всего, они уже и забыли о моем существовании. Проходя мимо бара, я увидела Джея, который пристроился на ступеньках веранды с банкой пива «Сингха» в руке. Неизменный его аксессуар. Я прошла не останавливаясь. Не то сейчас у меня настроение, чтобы разговоры с ним разговаривать.

– Привет, Сиси, – окликнул меня Джей. – Уезжаешь?

– Да.

– А почему одна? Без своего нового дружка? – Я увидела, каким нездоровым блеском вспыхнули его всегда налитые спиртным глаза. Он ухмыльнулся, нет, скорее даже оскалился.

– Ошибаешься, Джей. Нет у меня тут никаких дружков.

– Ну, конечно нет.

– Прости, я спешу. Иначе могу опоздать на свой самолет. Пока.

– А как поживает твоя сестрица? – бросил он вдогонку.

– Отлично поживает, – ответила я, не поворачивая головы.

– Передай ей привет от меня с наилучшими пожеланиями, ладно?

Я сделала вид, что не расслышала, и пошла напрямик по песку в сторону длиннохвостых лодок, которые перевозят пассажиров на остров Краби.

Самолет оторвался от взлетной полосы аэропорта Суварнабхуми и взял курс на Сидней. Я подумала, что все последние дни моя голова была забита исключительно мыслями об Эйсе. Мне даже некогда было подумать о том, что впереди меня ждет еще один перелет протяженностью целых двенадцать часов. Естественно, не думала я и о том, что *ждет* меня там, в Австралии. В аптечном киоске в зале

ожидания я купила какие-то таблетки, которые, по словам провизора, «помогают уснуть», решив хоть таким образом облегчить себе предстоящую дорогу. Как только объявили посадку, я для пущей верности проглотила сразу две штуки. И никакого эффекта! Напротив. Я чувствовала себя как никогда бодрой. Спать совсем не хотелось. Уж не перепутали ли они состав, подумала я. Насыпали в таблетки вместо снотворного снадобья какой-нибудь кофеин.

К счастью, в салоне самолета было относительно свободно. Во всяком случае, два кресла рядом со мной были пустыми. Как только объявили, что можно отстегнуть ремни, я тут же выпросталась на них и строго приказала своему сознанию не мешать мне спать. Я устала, я наглоталась таблеток, самое время отключиться от всего и вся.

Но сознание категорически не захотело подчиняться моим установкам. Какое-то время я ерзала, переворачиваясь с боку на бок, потом поднялась и села. И как раз вовремя, потому что стюардесса принесла обед. Я даже взяла банку пива, чтобы хоть как-то успокоить расходившиеся нервы. Пиво тоже не очень помогло. Но вот в салоне приглушили свет, я снова улеглась на свое импровизированное ложе и заставила себя думать о том, что ждет меня впереди.

Рано утром мы приземлимся в Сиднее. Оттуда путь мой лежит далее на север Австралии, в город под названием Дарвин. В Дарвине я должна буду сделать пересадку, чтобы полететь, наконец, в город Брум. Изрядно раздражало то, что, когда я изучала карту полетов, выяснилось, что для того, чтобы попасть в Брум, мне придется сначала пересечь почти весь континент до самой южной окраины и лишь потом снова повернуть назад и лететь уже на север. Что означает дополнительные часы, проведенные в воздухе. Много часов... Не говоря уже о пересадке и томительном ожидании в порту Сиднея.

В аэропорту я пошарила в Интернете и отыскала симпатичные виды города Брум. Если судить по фотографиям, на побережье довольно прохладно. Сегодня в Брум стекаются туристы со всего света. Пожалуй, это один из самых популярных туристических центров Австралии, но в прошлом, судя по той информации, которую я почерпнула, знакомясь с биографией Китти Мерсер, Брум был прежде всего центром добычи жемчуга. Интересно, невольно задалась я вопросом, наследство, которое мне досталось, тоже сформировалось благодаря этому промыслу?

Впрочем, если я чему и научилась за минувшие несколько недель, так это познала на собственном опыте правоту расхожего трюизма о том, что не в деньгах счастье. Вот это абсолютная правда! Счастье действительно не купишь ни за какие деньги. Я опять вспомнила Эйса. Наверняка он фантастически богат, но при этом страшно одинок и, судя по всему, ужасно несчастлив. Думает ли он обо мне? Скучает? Я сегодня вечером очень скучаю по нему. Ну, не так уж чтобы позарез... Дескать, жить без него не могу. Или страстно хочу его ласк. Конечно, у нас с ним был прекрасный секс. Пожалуй, лучший в моей жизни. Но меня больше притягивало в нем другое. Та близость, которая вдруг возникла между нами. Раньше у меня так было только со Стар.

Эйс стремительно и бесповоротно заполнил тот зияющий пробел, который возник в моей жизни, когда от меня ушла Стар. Эйс стал мне не только другом, но и в какой-то степени человеком, которому я могла довериться. *«Вот потому я и скучаю по нему с такой силой, – подумала я. – Потому что мне сейчас не хватает надежного человека рядом»*. При этом я вполне отдаю себе отчет в том, что за пределами его дворца наши с ним пути никогда бы не пересеклись. Эйс – богач из Сити, привык к обществу эффектных блондинок. Все эти стильные штучки, щеголяющие на высоченных шпильках и покупающие себе исключительно дизайнерские сумочки и прочую ерунду.

Но так уж совпало по времени, и вот на берегу моря в дальнем краю встретились два одиночества. Встретились и даже в чем-то помогли друг другу. А дальше Эйс продолжит жить своей жизнью, а я – своей. Остается лишь надеяться на то, что мы хотя бы останемся друзьями.

Но в этот момент снотворные таблетки наконец начали оказывать свое усыпляющее действие. А может, и выпитое пиво повлияло. Потому что я как-то сразу отключилась и пришла в себя, только когда меня растолкала стюардесса, чтобы сообщить, что через сорок пять минут мы приземляемся в Сиднее.

А уже через два часа, пересев в более скромный по размерам самолет, я снова летела, но теперь в обратном направлении через всю Австралию. Сидней остался где-то в стороне, а я, глянув вниз, увидела пустоту. Нет, честное слово, пустоту в полном смысле этого слова. То есть *ничего*, за исключением чего-то красного. И даже не совсем красного. Пожалуй, точнее можно было определить цвет земли под

нами как цвет паприки, той самой специи, которую Стар постоянно использует при готовке.

Я тут же стала прикидывать, как бы я воспроизвела этот цвет на полотне. И тут до меня дошло, что я уже целую вечность не думала о живописи, а земля цвета паприки под крылом нашего самолета все длилась и длилась. Совершенно плоский ландшафт, чем-то напоминающий перекишенный томатный суп, уже ставший бурым по краям тарелки, с вкраплениями чего-то белого, похожего на сметану. Либо это река, либо дорога.

Однако, несмотря на всю заунывность пейзажа, простирающегося внизу, по мере приближения к Дарвину, откуда я должна буду совершить последний марш-бросок в конечный пункт назначения – в город Брум, я вдруг почувствовала странное волнение в груди. Сердце забилось учащенно, и мне даже захотелось расплакаться, как это бывает, когда я смотрю какую-нибудь душевную мелодраму с трогательным сюжетом и счастливым концом. Мне вдруг захотелось что есть сил стукнуть кулаком по плексигласу иллюминатора, разбить стекло и выпрыгнуть из самолета, чтобы приземлиться на этой суровой каменистой земле цвета паприки, инстинктивно чувствуя, что она, эта неприступная твердь, является, как ни странно, частью меня самой. Вернее, это я – часть *австралийской земли*.

Но вот мы наконец совершили посадку, и на смену эйфории, охватившей меня в воздухе, пришел почти животный страх, стоило мне ступить на борт очередного самолета, очень похожего на такую детскую пластмассовую игрушку. Впрочем, остальные пассажиры, летевшие вместе со мной, не проявляли никакой нервозности и были совершенно спокойны, пока нас болтало и трясло в очередной зоне турбулентности. Но в конце концов закончился и этот перелет, и мы сели в каком-то месте под названием Кунунурра. Я о существовании такого города в Западной Австралии даже и не подозревала. И на Брум город вроде не похож. Так оно и оказалось. Когда я приготовилась к выходу, мне сказали, что это еще не Брум. Вот следующая остановка будет Брум. Следующая остановка... Как будто мы не в самолете находимся, а путешествуем автобусом или поездом. И вот мы снова в воздухе, и снова прежняя ужасная болтанка. Я принимаю еще одну снотворную таблетку, чтобы хоть как-то успокоить расхолодившиеся нервы. Наконец самолет касается взлетной полосы, которая сверху

показалась мне едва ли не короче какой-нибудь подъездной дороги в Женеве. Но мы, слава богу, на земле! Я даже перекрестилась от переизбытка чувств.

В зале крохотного аэропорта озираюсь по сторонам в поисках информационного центра. Вижу стойку, за которой сидит девушка, такая же смуглолицая, как и я сама. Даже кудряшки ее иссиня-черных волос похожи на мои собственные.

– Добрый день, – приветливо улыбается она. – Я могу помочь вам?

– Да, пожалуйста, помогите. Мне нужно остановиться в городе на пару дней.

– Тогда вы обратились точно по адресу. – Девушка с готовностью вручает мне пухлую стопку рекламных проспектов.

– А что вы сами порекомендуете?

– Лично я бы выбрала «Перл-Хаус» на Карнарвон-стрит. Но вообще-то мы не имеем права озвучивать клиентам наши личные предпочтения, – добавляет она и снова улыбается. – Хотите, я узнаю, есть ли у них свободные номера?

– Это было бы великолепно, – отвечаю я, чувствуя, как непрерывно дергаются мои ноги. Кажется, они уже больше не могут таскать меня на себе по всему земному шару. – И пожалуйста, если можно, только не первый этаж. Второй... Или хотя бы третий.

– Не беспокойтесь.

Девушка начинает звонить, а я в это время мысленно корю себя. Что за идиотизм, право! В конце концов, пауки могут взобраться и на третий этаж. Почему нет? Они могут даже по водосточным трубам проникнуть в душ...

– Да, у миссис Казинс есть свободный номер, – сообщает мне девушка, кладя телефонную трубку на рычаг. Потом записывает на отдельном листке адрес и прочую информацию и вручает листок мне. – Стоянка такси – прямо на выходе из аэропорта.

– Спасибо.

– Вы француженка? – интересуется девушка на прощание.

– Вообще-то я из Швейцарии.

– Приехали повидаться с родственниками?

– Что-то вроде того, – уклончиво отвечаю я, удивляясь ее проницательности.

– Меня зовут Крисси. Вот моя визитка. Позвоните, если вам вдруг понадобится какая-то помощь. Если хотите, я познакомлю вас с городом.

– Спасибо, – поблагодарила я, взяла визитную карточку и направилась к выходу, снова поразившись и проникательности девушки, и ее совсем не напускному дружелюбию.

К тому моменту как я уселась в такси, я уже успела вся покрыться потом. Водитель заверил меня, что здесь совсем близко и скоро мы будем на месте. Мы остановились возле приземистого здания, выходящего фасадом на огромный зеленый газон. Широкая улица с двух сторон плотно застроена всякими небольшими магазинчиками, скорее лавками, и жилыми домами.

Сам отель показался мне вполне стандартным заведением, не претендующим на какие-то изыски. Но, увидев свой номер, я искренне обрадовалась. Он был безукоризненно чист, а *главное* – при тщательном осмотре я не обнаружила ни одного паука.

Я достала мобильник, чтобы проверить, который час. Но, судя по всему, батарейка окончательно села. За окном уже стало смеркаться. Скорее всего, часов шесть вечера по местному времени, прикинула я. Мое тело настойчиво требовало, чтобы я тотчас же улеглась в кровать. «Пора тебе спать, – словно говорило оно мне. – А твой мобильник пусть немного подождет».

Я торопливо стянула с себя шмотки, в которых пробыла более суток, перелетая с одного места в другое, вскарабкалась на кровать, улеглась между чистыми простынями и почти сразу же уснула.

Меня разбудило непривычно яркое солнце, льющее свет сквозь незашторенное окно. Я приняла душ, оделась и заторопилась вниз на поиски места, где можно было бы что-то перекусить.

– Могу я заказать завтрак в номер? – поинтересовалась я у дежурной на ресепшн.

– О, завтрак уже давно закончился. Сейчас ведь почти два часа дня, дорогая моя.

– Хорошо. А где здесь поблизости можно перекусить?

– Тут в двух шагах бар «Придорожный». Там подают пиццу и другие закуски по выбору. Это самое лучшее из того, что открыто в такое время дня. Остальные заведения начнут открываться ближе к вечеру.

– Спасибо.

Я вышла из гостиницы и остановилась на крыльце. Даже для меня, привыкшей к жаре, пекло нестерпимо. Такое впечатление, будто за ночь Солнце приблизилось к Земле на несколько сотен тысяч миль и сейчас жарит по полной. Разумеется, все, у кого есть хоть капля мозгов, сидят в такую пору дома и, как говорится, носа не кажут на улицу. Кстати, на самой улице действительно не было ни души. Я прошла немного вдоль тротуара, сделала пару десятков шагов и увидела четыре бронзовые статуи рядом с автомобильной парковкой. Решила подойти поближе и рассмотреть их как следует. Три скульптуры – уже немолодые мужчины, облаченные в костюмы, с лицами, испещренными морщинами. Четвертый – в комбинезоне, в круглом шлеме, закрывающем все лицо. Похож на астронавта. Рядом с каждой скульптурой были привинчены небольшие таблички, на которых мелкими буквами шел какой-то текст. Наверняка сообщалось, что такого важного сделали все эти мужчины и какой вклад внесли в историю города Брума, коль скоро их увековечили в бронзе. Меня уже стало подташнивать и от жары, и от голода. Нужно немедленно закинуть в себя хоть что-то съестное. Когда я наконец добрела до бара под названием «Придорожный», пот с меня лился уже ручьями.

Я подошла к стойке бара и сразу же заказала воды. И тут же осушила залпом всю бутылку до дна, как только мне подали ее. После чего заказала бургер, взяла свободный экземпляр карты города с местными достопримечательностями и, усевшись за пластиковый столик в тени, принялась изучать карту.

– Вы, наверное, туристка, да? – спросил молоденький парнишка, подавая мне бургер.

– Да.

– Храбрый вы человек, дорогая моя. В такое время года к нам мало кто рискует приехать. Сезон дождей, сами понимаете... Мой вам совет. Далеко без зонтика никуда не отходите. Или хотя бы без веера, –

добавил парнишка. – Хотя, по правде говоря, если начнется дождь, то обе эти вещи окажутся совершенно бесполезными.

Я в два счета разделалась со своим бургером и снова принялась с набитым ртом изучать карту города. Как обычно, буквы тут же стали плясать у меня перед глазами. Но я, собрав все силы в кулак, все же смогла отыскать на карте то, что мне было надо. Подошла к стойке бара, чтобы рассчитаться и купить еще одну бутылку воды, и ткнула пальцем в означенное место перед глазами бармена.

– Далеко это отсюда?

– Музей? Минут двадцать пешком.

– Спасибо. – Я уже повернулась, чтобы уйти, но бармен остановил меня.

– В это время музей закрыт. Попытайтесь попасть туда завтра.

– Хорошо, попытаюсь. Спасибо. До свидания.

Такое впечатление, что в это время в Бруме закрыто все. Я вернулась к себе в номер и, вспомнив про мобильник, поставила его на подзарядку, положив на тумбочку рядом с кроватью. А сама пошла мыться. Вскоре я, к своему удивлению, услышала, как мой мобильник непрерывно пипикает. Вернулась к тумбочке, взяла мобильник и стала просматривать поступившие эсэмэски.

– Вот это да! – воскликнула я, увидев, как на дисплее высветились послания от Стар и остальных моих сестер. Я стала просматривать сообщения. Попутно заметила несколько пропущенных звонков. Однако начать все же решила с эсэмэсок.

Стар: Сиси! Боже мой! Позвони мне.

Майя: Сиси, где ты? Что происходит? Позвони мне!

Алли: Ведь это же ТЫ, да? Позвони мне.

Тигги: С тобой все в порядке? Думаю о тебе. Позвони мне.

Электра...

Мне прислала эсэмэску сама *Электра!*

Внезапно я испугалась. С чего это вдруг все мои сестры так переполошились? Я попыталась сконцентрировать свое внимание на сообщении от Электры.

Ну, ты и темная лошадка, однако!

Само собой, никаких поцелуев или «позвони мне». Впрочем, я и не жду от нее подобных любезностей.

– Да, что-то явно стряслось, – озадаченно пробормотала я и стала прокручивать текст дальше. Высветился какой-то незнакомый номер. Я прочитала сообщение.

Я доверял тебе. Надеюсь, ты счастлива.

Я схватила свой рюкзак и, покопавшись в нем, извлекла оттуда листок бумаги, на котором Эйс записал номер своего мобильного. Цифры совпали с тем номером, который высветился на экране.

– О боже! Си! – Я нервно прижала ладони к лицу и стала гладить ими свои щеки. – Что такого ты успела натворить? Господи, во что вляпалась?

Я попыталась восстановить в памяти, чем занималась после того, как покинула Таиланд, надеясь получить ответ на свой вопрос.

«Но ты же большую часть этого времени провела в воздухе...»

Ничего я такого не сделала. Ничего! Никому и ничем не обмолвилась об Эйсе. Слова дурного о нем не сказала. И даже ничего плохого не подумала. Как раз наоборот. Думала только хорошее. Я вскочила с кровати и стала прохаживаться по своей крохотной комнатенке, меряя шагами плитку на полу. Потом снова вернулась к постели, взяла в руки мобильник, набрала номер голосовой почты. Мне ответил какой-то чужой голос с сильным австралийским акцентом, уведомив, что номер неправильный. Правда, забыв при этом уточнить, какой же номер *правильный*. Я раздраженно швырнула мобильник на кровать.

Что ж, даже если звонки отсюда стоят состояние, мне нужно немедленно выяснить, что там случилось. И начинать надо с Эйса. Звонить ему напрямую. Узнать все, так сказать, из первых уст.

Впервые в жизни я пожалела о том, что не пью. Пожалуй, несколько хороших глотков виски, сдобренных изрядной порцией текилы, смогли бы унять дрожь моих пальцев, пока я нервно набирала номер Эйса. Я сгруппировалась всем телом в ожидании ответа, словно приготовилась к физической схватке с противником на ринге.

Еще один незнакомый голос все с тем же австралийским акцентом сообщил мне, что «данный номер временно недоступен». Решив, что я

напутала что-то с цифрами, я набрала номер повторно, потом еще и еще раз. Наверное, раз пятнадцать. Но ответ оставался неизменным: абонент недоступен.

– Черт! – выругалась я про себя. – И что мне теперь делать?

«Позвони Стар... Она наверняка все знает...»

Я возобновила свои хождения по комнате. Звонок Стар автоматически означает, что я прерываю молчание первой. К тому же услышать после стольких недель молчания ее голос – это для меня не меньшее *потрясение*. Но я понимала: иного выбора у меня нет. Пока я не узнаю, что там у них стряслось, я не смогу заснуть. Должна же я узнать, что такого я натворила.

Я набрала номер Стар. Телефон звонил долго, непривычно долго для Стар. Наконец в трубке раздался голос сестры. Я судорожно сглотнула слюну, услышав ее «алло».

– Это я, Сия, – ответила я на автомате, даже не заметив, что назвала сестру ее детским ласкательным прозвищем.

– Си! С тобой все в порядке? Где ты сейчас?

– В Австралии... Можно сказать, затерялась посреди пустыни. – У меня даже получилось издать короткий смешок.

– В Австралии?! Но ты же всегда категорически отказывалась ехать туда.

– Знаю. И тем не менее я здесь. Слушай, что там у вас стряслось? Почему все сестры засыпали меня своими эсэмэсками? Ты знаешь?

На другом конце линии повисла пауза. Помолчав немного, Стар ответила:

– Да, знаю. А ты сама не догадываешься?

– Понятия не имею.

Снова долгая пауза. Но я, привыкшая к неразговорчивости сестры, терпеливо ждала, пока она подберет нужные слова, чтобы все мне объяснить. Увы-увы! Результат ее усилий оказался обескураживающе лаконичным.

– Понятно.

– Что тебе понятно? Нет, я серьезно, Стар. Я действительно ничего не понимаю. Объясни мне толком.

– Я... Хорошо. Речь о той фотографии, на которой ты запечатлена с мужчиной.

– О фотографии? О какой фотографии? С каким мужчиной?

– Ананд Чангрок, трейдер, занимающийся всякими мошенническими операциями. Он подчистую разорил Бернерс-Банк, а потом куда-то бесследно исчез.

– Кто? *Что?* Я понятия не имею, кто такой этот Ананд Чангрок!

– Такой высокий темноволосый мужчина с ярко выраженной восточной внешностью.

– О боже! *Черт-черт-черт!* Так это же... Эйс!

– Так все же ты его знаешь? – уточнила Стар.

– Да, знаю. Но ничего не знаю о том, что он там натворил. Так все же что он *такого* сделал?

– Разве он тебе не рассказывал?

– Конечно же нет! Иначе с чего бы я стала названивать тебе, чтобы выяснить, что такого натворила я сама? И что значит «он разорил банк»?

– Подробности его аферы мне не известны. Что-то, связанное с незаконной торговлей. Но, как только его афера вскрылась, он тут же покинул Великобританию. Вчера я прочитала в «Таймс», что английские секретные службы рыскают по всему миру, разыскивая его.

– Боже мой, Сия! Он ведь и словом не обмолвился обо всех этих своих делишках.

– Но как?! Каким образом ты с ним познакомилась?

– Да для меня он был просто одним из тех парней, которые околачиваются на побережье Прананг. Помнишь это место? – Я невольно запнулась, потому что с моих уст едва не сорвалось его имя – Эйс. – Этот красивый остров с белоснежными каменными скалами?

– О да, хорошо помню.

Мне показалось, что голос Стар слегка дрогнул при этих словах.

– Но как так случилось, что, кажется, весь мир в курсе *моего* знакомства?

– Потому что во всех английских газетах, во всех, без исключения, на первой полосе размещена фотография, где вы с ним запечатлены в обнимку на пляже. Я сегодня утром видела эту фотографию собственными глазами в газетном киоске рядом с книжным магазином. Ты у нас теперь знаменитость, Си.

Я подавленно молчала, пытаюсь восстановить в памяти все, что было. Мгновенно вспомнила категорическое нежелание Эйса появляться на людях. Вспомнила, как он настоятельно просил меня

никому не рассказывать о том, где я живу... Но главное! Я вспомнила, как его охранник По взял пленку с фотографиями и...

– Си! Ты где? Отключилась?

– Я здесь, – ответила я после продолжительной паузы. А сама в это время вспоминала, как услужлив был По, как он буквально жаждал сфотографировать нас с Эйсом. Как я сама, своими же руками вручила По фотоаппарат в тот вечер накануне моего отъезда. То есть получается, я сама предоставила ему превосходный шанс осуществить задуманное. Вот почему он так рвался лично отвезти фотопленку какому-то своему кузену на остров Краби... Наверняка вместе с этим «кузенком» они сделали нужное число копий. Я же своими глазами видела, сколько в его рюкзаке было этих конвертов с фотографиями. А потом я вспомнила Джея, бывшего журналиста, и подумала, уж не они ли на пару с По и затеяли всю эту операцию.

– С тобой все в порядке? – встревоженно спросила у меня Стар.

– Не совсем... Какая ужасная ошибка! – пробормотала я, с трудом выговаривая слова. И снова вспомнила, как я, прощаясь с Эйсом, положила на стол второй комплект с фотографиями ему на память. Вот ведь как все вышло. Хотелось как лучше... Движима была самыми благородными побуждениями, а получилось хуже некуда... Ведь со стороны мой поступок иначе чем подлостью и не назовешь.

– Си, скажи мне точно, где ты сейчас? Я серьезно! Сегодня же вечером я сяду на самолет и завтра буду у тебя. Ну или в крайнем случае послезавтра...

– Нет, спасибо... Не надо... Со мной все в порядке... А как ты? – Усилием воли я заставила себя поинтересоваться делами Стар.

– Все хорошо... Только по тебе сильно скучаю. Пожалуйста... Прощу тебя... Скажи, чем я могу помочь тебе?

– Спасибо. Но пока ничем. Мне пора уходить, – поспешно добавила я, боясь, что еще немного, и расплачусь. – Пока, Сия.

Я нажала на кнопку отбоя, а потом и вовсе выключила свой мобильник. Улеглась на кровать и тупо уставилась в потолок. Как ни странно, слез не было. Наверное, мое потрясение было столь велико, что я уже миновала этап слез. Вот и снова, думала я с отчаянием, я сама, своими руками, разрушила такую красивую дружбу. Превратила все в хаос... Как всегда...

На следующее утро я проснулась в таком состоянии, как и в тот злополучный день, когда я получила известие о смерти Па Солта. Первые несколько секунд были нормальными, а потом на мое сознание обрушилась вся страшная правда о реальности. Я перевернулась на живот и зарылась головой в мягкую пуховую подушку. Не хочу просыпаться! Не хочу смотреть в лицо правде. Но это же смешно, в конце концов. То есть не так уж и смешно... Предположим, *знай я*, что Эйс – преступник, которого разыскивает полиция. Ну и что? Я ведь такая debilка, что едва ли воспользовалась бы этим знанием. Вот другие оказались умнее, не упустили отличный шанс заработать денежку на полезной информации. И я же в итоге оказалась виноватой во всем.

Должно быть, Эйс ненавидит меня. Что ж, имеет на это полное право.

Я представила на мгновение, что он сейчас думает обо мне, и от этих мыслей у меня тут же свело живот. Свело по-настоящему. Я ринулась в туалет, где меня сразу же вырвало. Кое-как доплелась обратно, прополоскала рот, выпила немного воды. Наконец решила, что единственное, что мне остается, – это принять все как есть. «Побори свои страхи, – приказала я сама себе, пока одевалась. – Ступай на поиски доказательств!» После чего пошла вниз на ресепшн.

– Где здесь есть интернет-кафе? – поинтересовалась я у администраторши.

– Есть одно, совсем рядом. Свернете направо и пройдете метров двести по переулку. Там и увидите.

– Спасибо, – поблагодарила я.

Я вышла на улицу, и почти сразу же мои ноги утонули в густой пыли цвета паприки, покрывшей толстым слоем выщербленный тротуар. Наверное, вся эта пылица насыпалась с неба за ночь, догадалась я. Я пошла вперед, слегка пошатываясь, словно пьяная. Что ж, коктейль из страха и отчаяния действует на организм почище любого алкоголя. А что еще высветит мне экран компьютера? Какие такие подробности, которые убьют меня окончательно?

На входе в кафе я заплатила несколько долларов сидевшей там женщине, и она тут же проводила меня в кабинку. Я уселась за

компьютер, чувствуя, что мне снова становится плохо. Кое-как набрала код, который она мне оставила, и стала ждать, когда загрузится браузер. Интересно, мелькнуло у меня в голове, а с чего мне начинать свои поиски? Правда, Стар назвала мне настоящее имя Эйса. Но, ей-богу, я его уже начисто забыла. Да если бы и помнила, то никогда не смогла бы набрать в поисковике. Просто не нашла бы нужные буквы. Начну-ка я вот с чего.

«Крушение банка».

Нажала клавишу «Ввод», и на экране тотчас же высветилась старая-престарая информация, относящаяся к финансовому краху на Уолл-стрит в 1929 году.

Тогда наберу вот что.

«Разыскивается преступник, причастный к разорению банка».

На экране появился кадр из какого-то ковбойского фильма с Джоном Уэйном в главной роли.

Наконец, я набрала следующий текст *«банкир, скрывавшийся в Таиланде»* и снова нажала на клавишу «Ввод». На экране тут же замелькали заголовки из ведущих газет мира, начиная с все той же «Таймс» и заканчивая иероглифами каких-то китайских газет. Тогда я нажала на клавишу: «Картинки». Должна же я наконец увидеть все то, что уже видели другие.

И вот оно! Мы вдвоем на фоне заката на берегу пляжа Прананг. *Я на картинке!* В цвете, в самом высоком разрешении... Любуйтесь все! Весь белый свет! Включая и этот заштатный городок, про который герой Джона Уэйна сказал бы так: «Город одной лошади».

– Боже мой! – вздохнула я под нос и принялась внимательнее разглядывать картинку. Улыбаюсь во весь рот. А ведь такое со мной случается нечасто, тем более на фотографиях. В объятиях Эйса выгляжу вполне счастливой. Счастливой настолько, что в первый момент я себя даже не узнала. *«И если честно, то выгляжу я на этой фотке совсем даже недурственно»*, – подумала я и машинально пригладила волосы, рассыпавшиеся тугими кольцами по плечам. Наконец-то я поняла, почему Стар всегда настаивала на том, что длинные волосы мне идут. Во всяком случае, на фотографии я похожа на девушку, а не на какого-то уродливого юнца.

«Прекрати!» – одернула я сама себя. – Нашла подходящее время для тщеславия!» Однако я продолжала щелкать кадры,

воспроизводящие все ту же фотографию в самых разных изданиях, включая и австралийские газеты. Что заставило меня уныло усмехнуться. Вот она, ирония судьбы! Из всех шести сестер Делпеси именно мне выпала честь красоваться на первых полосах всех ведущих газет мира. Кто бы мог подумать такое! Пожалуй, даже у нашей Электры никогда не было такого паблисити.

Но тут я снова вернулась к действительности и стала шарить уже по статьям, пытаюсь разобраться, о чем они пишут. Первая хорошая новость, что я везде фигурирую как «неизвестная женщина». Слава богу, значит, пока я еще не навлекла позор на всю нашу семью. Зато Эйс...

Спустя два часа я покинула интернет-кафе. Ноги у меня были по-прежнему ватными, но все же я заставляла себя кое-как переставлять их одну за другой. Вернувшись в отель, я спросила у дежурной, как мне добраться до пляжа. Мне вдруг захотелось много воздуха и свободного пространства. И времени, чтобы все обдумать.

– Я закажу вам такси, – предложила девушка.

– А разве нельзя туда добраться пешком?

– Нет, моя дорогая. Это совсем не близко, тем более по такой жаре.

– Хорошо, – согласилась я и опустилась на твердый, неудобный диван, стоявший в холле, в ожидании такси. Усевшись на заднее сиденье машины, я молча уставилась в окно. Такое впечатление, что весь город вымер. Нигде ни одной живой души. Лишь все та же красная земля по обочинам широкой дороги, какие-то непонятные скопления пустующих зданий, над которыми вьются стаи незнакомых мне белых птиц. Некоторые из них восседают на высоких раскидистых деревьях и с любопытством поворачивают головы при виде проезжающего мимо такси.

– Вот мы и приехали, милая. С вас семь долларов, – сказал водитель, обращаясь ко мне. – Если потребуется машина на обратную дорогу, загляните вон туда, в «Сансет-Бар». Они тотчас же свистнут мне.

– Хорошо. Спасибо вам. – Я протянула ему десятидолларовую купюру, не ожидая сдачи.

Потом вышла из машины. Ноги мгновенно утонули в мягком песке, и я побежала навстречу огромной водной глади, голубеющей

впереди. Вот где можно утопить все свои печали. А это именно то, что мне сейчас и нужно. Я подошла к самой кромке берега и слегка потрогала носком воду. Приятная прохлада. Я тут же сиганула в воду, даже не удосужившись сбросить с себя майку и шорты. С удовольствием плавала и плавала. Вода чудесная, такая чистая и прозрачная, что на самом дне можно было разглядеть легкие тени морских птиц, летающих высоко в небе. Наконец я снова выбралась на берег и упала на песок в полном изнеможении. Лежала на спине и пялилась в небеса. Такой вот пустынный уголок рая, затерянный на краю земли. Побережье тянулось по обе стороны от меня на многие и многие мили, теряясь где-то уже за кромкой горизонта. Жара, столь невыносимая в самом городе, здесь, под воздействием легкого океанского бриза, отступила куда-то прочь. Вокруг ни души. Интересно, удивилась я мысленно, почему это местные не выстраиваются на берегу в очередь, чтобы окунуться в такие живительные воды, которые к тому же у них под самым боком.

– Эйс... – прошептала я едва слышно, понимая, что мне нужно сказать что-то осмысленное, чтобы и небеса осознали всю степень моего отчаяния.

Но, как всегда, нужных слов у меня не нашлось. Все чувства продолжали бушевать внутри меня, не зная, как им вырваться наружу.

То, что мне удалось понять из тех заголовков, которые я с горем пополам осилила в Интернете, так это то, что Эйс – личность скандально известная. Я специально залезла в словарь, чтобы проверить значения тех слов, которые мне были не понятны. Так меня всегда учила Стар. Так вот, Эйс – это человек *«широко известный, но с дурной репутацией...»*

И это все про Эйса, про мужчину, которому я доверяла, которого считала своим другом. Неужели с ним и в самом деле все так плохо? Ведь в целом мире не нашлось человека, кто сказал бы доброе слово в его адрес. Что ж, тут одно из двух. Либо он действительно выдающийся актер, лицедей, которому нет равных на нашей планете. Либо тот парень, про которого они пишут все эти гадости, – это совсем не тот человек, с которым я шутила, смеялась, беззаботно проводила время всего лишь каких-то пару дней тому назад.

Да, наверняка он занимался какими-то мошенническими торговыми операциями. Суммы, проигранные им в казино, были

такими астрономическими, что в первый момент я даже подумала, что они там что-то перепутали с нулями. У меня в голове не укладывалось, что человек может просто так взять и спустить такую уйму денег. Да и где можно было раздобыть такие деньжищи? Явно не под подушкой.

Причина, по которой на него ополчился весь белый свет, тоже в общем-то мне понятна. Как только его афера вскрылась, он тут же убежал, скрылся, пропал бесследно. Никто его в глаза не видел начиная с ноября прошлого года. Ну и до сего дня, разумеется.

И вот благодаря мне место, где он скрывается, стало известно. Впрочем, если вспомнить фотографии Эйса годичной давности, на которых он щеголяет в дорожных костюмах от компании «Сэвил Роу», гладко выбритый, аккуратно подстриженный, с волосами короче, чем обычно носила я, то едва ли кто на Краби мог заподозрить в этом обросшем мужчине, похожем скорее на человека-оборотня, преступника, разыскиваемого по всему миру. Афериста номер один в банковской сфере... Чем дальше я размышляла над всем этим, тем отчетливее понимала. Да, то временное убежище, которое нашел Эйс в тайском раю, – идеальное место для того, чтобы взять и исчезнуть, раствориться в толпе людей. Ведь вокруг толкуются тысячи таких же молодых людей с рюкзаками на плечах, туристов, съехавшихся на побережье Прананг со всего мира. Нет, что ни говори, идеальная маскировка.

В сегодняшней газете «Бангкок Пост» я прочитала, что британские власти уже ведут переговоры с властями Таиланда об экстрадиции Эйса. Снова полезла в словарь, чтобы узнать, что означает это слово – «экстрадиция». Оказалось, они хотят заполучить его с потрохами и доставить в Англию, чтобы там он предстал перед британским судом. Дескать, пусть самолично пожнет все последствия того, что натворил.

Я почувствовала, как на лицо упали холодные капли. Задрала голову вверх и увидела, что над головой сгустились мрачные свинцовые тучи, предвещающие сильную грозу. Я быстро подхватила с песка и едва успела добежать до бара, расположенного прямо на пляже. Уселась за столик с ананасным коктейлем в руке и принялась воочию наблюдать природное световое шоу, которое устроила разбушевавшаяся стихия. И сразу же вспомнила ту грозу, которую пережидала, сидя в пещере принцессы Прананг. Тогда ведь

меня едва не арестовали. Зато сейчас похоже на то, что Эйса действительно арестуют, уже без всяких там «едва».

«Ах, если бы все сложилось иначе...»

Я ведь вполне искренне полагала, что все проблемы Эйса связаны с какой-нибудь женщиной. О, как же я ошибалась. Наверное, встретиться мы с ним снова, он бы с радостью вонзил в меня нож.

Я почувствовала комок в горле. Глупейшая ситуация! И самое страшное, ведь он *доверял мне*. Даже дал номер своего драгоценного мобильного. А ведь я во многих фильмах видела, как по номеру мобильного легко обнаруживают местонахождение его владельца. Значит, Эйс на самом деле хотел и впредь оставаться со мной на связи... раз сознательно пошел на такой риск.

Я знала, *нутром чувствовала*, что ко всему, что случилось, причастен этот подонок Джей. Наверняка наметанным глазом старого журналиста он узнал Эйса, проследил, где он живет, а потом подкупил По, чтобы тот сделал для него фотографии. И не кто иной, как Джей, продал эти фотографии, сорвав за них самый большой куш. И сейчас торжествует свой успех. Еще бы! Полученных денег ему с лихвой хватит на пиво и прочую выпивку как минимум на ближайшие полвека.

Впрочем, сейчас все это уже не имеет никакого значения. Потому что Эйс никогда не поверит в то, что это сделала не я. Я бы точно на его месте не поверила. И ведь я же намеренно ни словом не обмолвилась, что Джей узнал его. Решила, лучше промолчать, чтобы лишний раз не напрягать его. Вроде предлог вполне благовидный, а обернулось все вот чем. А самое ужасное, что сейчас я даже не могу позвонить ему. Наверняка его сим-карта лежит где-нибудь на дне морском или плавает вместе с рыбами в водах океана, омывающего побережье Прананг.

– Ах, Си! Снова ты вляпалась, как всегда, – обрушилась я на саму себя, чувствуя, как на меня накатывает очередная волна отчаяния. – Все испортила... Все испоганила... Как всегда.

«Я хочу вернуться домой...»

– Добрый день, – услышала я женский голос у себя за спиной. – Как поживаете?

Я обернулась и увидела перед собой ту самую девушку из справочно-информационного центра, с которой я познакомилась в

аэропорту.

– Все нормально.

– Кого-то ждете? – поинтересовалась она у меня.

– Нет. Я еще ни с кем не успела познакомиться здесь.

– Тогда можно я присяду за ваш столик?

– Конечно, присаживайтесь, – ответила я, понимая, что не могу ответить отказом, чтобы не показаться грубиянкой. Хотя никакого настроения для пустой болтовни у меня не было.

– Вы что, купались в море? – Девушка нахмурилась, разглядывая мои все еще влажные волосы.

– Да, поплавала немного, – ответила я и стала нервно поправлять волосы. Вдруг к ним что-то прицепилось в воде?

– Ну и дела! Неужели вас никто не предупредил, что здешние воды кишмя кишат медузами? В это время года они особенно агрессивны. Мы не купаемся в море вплоть до начала марта, пока побережье снова не станет чистым. Можно сказать, что вам дико повезло. Не дай бог, ужалила бы вас какая медуза типа ируканджи, и все! Вам была бы крышка. В том смысле, что ее укус смертельный, – пояснила она.

– Спасибо, что предупредили, – поблагодарила я девушку. – А чего еще мне здесь стоит остерегаться?

– Крокодилов, которые водятся в тихих заводях, всяких ядовитых змей... Они шныряют повсюду в эту пору года. А так больше ничего. Вы уже успели связаться со своими?

– Вы имеете в виду с родственниками? – переспросила я, стараясь вникнуть в каждое слово, произнесенное на австралийский манер. – Нет, пока еще нет. Честно говоря, я сильно сомневаюсь, что в Бруме у меня есть кто-то из родни. Просто я пытаюсь восстановить историю своей семьи. А начать мне посоветовали именно с Брума.

– Как здорово! – Девушка, чье имя я отчаянно пыталась вспомнить, дружелюбно глянула на меня своими янтарными глазами. – Глядя на вас, могу сказать с полной уверенностью, что вы родом из этих мест.

– Неужели?

– Да. Ваши волосы, цвет вашей кожи, разрез глаз... Готова поспорить, что точно знаю, откуда вы родом.

– Даже так? И откуда же?

– В ваших жилах, без сомнения, течет кровь аборигенов. Конечно, с течением времени она перемешалась и с кровью белых. А вот разрез глаз наводит на мысль уже о японских корнях. У меня точно такой же. И неудивительно. – Девушка обвела вокруг рукой. – Несколько поколений тому назад Брум буквально кишел японцами. Вот почему в этом городе полно таких полукровок, как мы с вами.

– Так в вашей крови тоже прослеживается принадлежность к аборигенам? – спросила я, мысленно укоряя себя за то, что не удосужилась, отправляясь в Австралию, навести хоть какие-то справки об этом континенте. И вот теперь сижу пень пнем. Ничего не знаю! Зато я вдруг вспомнила, как зовут девушку. Крисси!

– У меня дедушка и бабушка были туземцами. Из племени явуру. Это племя обитало когда-то в лесах на здешнем перешейке. Сиси – это коротко. А как ваше полное имя?

– Келено. Звучит немного непривычно.

– Почему? Очень красивое имя! – Крисси бросила на меня немного удивленный взгляд.

– Правда?

– Очень красивое! – повторила она снова. – Вас ведь так называли в честь одной из семи сестер из созвездия Плеяды. На нашем туземном языке название этого созвездия звучит как *гумануба*. В нашей древней культуре этих сестер почитают богинями.

Я даже дар речи потеряла после таких слов Крисси. Еще никогда, *ни разу в жизни*, я не встречала человека, который бы с ходу рассказал мне историю моего имени.

– То есть о предках вам известно немного, да? – спросила она у меня.

– Вообще ничего не известно. Ничегошеньки! – воскликнула я, стараясь не говорить слишком резко. Мало того что дура, так еще и грубиянка. – Но я бы очень хотела узнать о своих корнях больше, если представится такая возможность.

– О, моя бабушка – настоящий эксперт в этих вопросах. Уж она-то охотно расскажет вам кучу всяких баек еще о допотопных временах. Вы мне позвоните как-нибудь, и я сведу вас с ней. Почему бы и нет?

– Согласна! Это было бы здорово! – Я глянула в сторону пляжа. От дождя не осталось и следа. Снова вынырнуло золотисто-красное солнце и быстро устремилось к горизонту на закат. Мое внимание

привлек какой-то мужчина, который как раз напротив нашего бара вел на привязи верблюда.

Крисси тоже взглянула в его сторону.

– О, да это же мой приятель Олли! – воскликнула она, радостно замахав ему рукой. – Он работает тут в одной фирме, которая организует прогулки на верблюдах для туристов.

Олли, оставив верблюда на берегу, подошел к нам поближе, чтобы поздороваться. Послушное животное уставилось куда-то вдаль с полусонным видом. У Олли кожа была темнее, чем у нас с Крисси. Его продолговатое лицо показалось мне красивым. Он слегка наклонился и обнял Крисси. Я сидела за столиком, чувствуя себя явно лишней, пока они весело болтали о чем-то, но не на английском, а на каком-то совершенно незнакомом мне языке.

– Олли, познакомься! Это – Сиси. Она впервые в Бруме.

– Добрый день, – поздоровался Олли и крепко пожал мою руку своей загрубелой ладонью. – Катались когда-нибудь на верблюде?

– Нет, никогда, – ответила я.

– А хотите покататься прямо сейчас? Я тут вывел своего Гобби на прогулку. Хочу поучить его хорошим манерам. Он у нас еще молодой, так сказать, необъезженный. Мы его пока содержим отдельно от других верблюдов. Но вы, девчонки, думаю, на пару справитесь с ним. Сможете обуздать в случае чего. – Он весело подмигнул нам обеим.

– Вы так думаете? – поинтересовалась я, заметно нервничая.

– Не сомневайтесь. Верблюд всецело в вашем распоряжении, для Крисси и любой из ее подруг, – тепло добавил он.

Мы направились вслед за Олли к верблюду. Гобби моментально отвернул от нас голову, словно капризный ребенок, но Олли строго приказал ему опуститься на колени. Свою команду ему пришлось повторить раз десять, если не больше, пока верблюд не соизволил наконец выполнить ее.

– Вы когда-нибудь катались на верблюде? – поинтересовалась я шепотом у Крисси, когда мы обе вскарабкались на спину животного. Запах он источал просто чудовищный. Сразу же завоняло все вокруг.

– Приходилось, – ответила Крисси тоже шепотом, слегка пощекотав своим дыханием ухо. – Предупреждаю, сейчас немного потрясет.

Резким движением Гобби вдруг вскочил с земли. Я почувствовала, как Крисси крепко обхватила меня одной рукой за талию, помогая сохранить равновесие. И мы поскакали, как мне показалось, не вперед, а ввысь, к небесам. Солнце уже почти скрылось за водной гладью океана, отбрасывая продолговатые, удлинённые тени от верблюда на золотистый песок. Его длинные и тонкие ноги немного веретенообразной формы вдруг напомнили мне полотна Дали.

– Вы в порядке?

– Да, все хорошо, – ответила я.

Да уж, катание на верблюде оказалось еще тем испытанием. Такое впечатление, что Гобби решил продемонстрировать всем нам, как прытко он умеет бегать, явно вознамерившись удрать прочь от своего погонщика. Мы понеслись вскачь, дружно вскрикивая время от времени, а верблюд между тем перешел уже на легкий галоп. Наконец-то я на собственном опыте прочувствовала, как быстро умеют бегать эти животные.

– Назад! Вернись! – кричал ему Олли, бросившись за нами вдогонку. Но Гобби не обращал ни малейшего внимания на его крики. Наконец парню все же удалось как-то совладать со строптивым верблюдом и остановить его. Крисси уперлась подбородком в мое плечо и издала вздох облегчения.

– Вот это да! – воскликнула она. – Покатались так покатались! – добавила она, когда Гобби перешел на шаг и поплелся вдоль пляжа.

Заходящее солнце окрасило небосвод в розовые, пурпурные и темно-красные тона. И все это великолепие отражалось в водах океана. Мне вдруг показалось, что я плавно скольжу по какому-то огромному живописному полотну, а облака на небе похожи на капли краски на палитре.

В конце концов Гобби все же доставил нас обратно к «Сансет-Бар», возле которого довольно бесцеремонно сгрузил обеих на песок. Мы распрощались с Олли и направились по ступенькам веранды снова в бар.

– Пожалуй, самое время выпить чего-нибудь прохладительного после такого бурного приключения, – сказала Крисси и плюхнулась в изнеможении на стул. – Что будете пить?

Мы заказали по стакану апельсинового сока. Потом какое-то время просто сидели за столиком и приходили в себя.

– Так как вы все же собираетесь искать здесь свою родню? – спросила у меня Крисси после некоторого молчания. – Есть какие-то наводки?

– Пара штук имеется, – ответила я, вертя в руке соломинку от сока. – Хотя, если честно, я пока еще и сама не знаю, что с ними делать. У меня есть имя женщины, следы которой ведут сюда, в Брум. А еще – старая черно-белая фотография, на которой запечатлены двое мужчин, один постарше, другой помоложе. Но я и понятия не имею, как, каким образом все эти люди связаны со мной.

– А вы кому-нибудь из здешних уже показывали эти фотографии? Вполне возможно, кто-то опознает этих людей, – высказала свое предположение Крисси.

– Нет, пока еще никому не показывала. Вот завтра собираюсь в музей. Надеюсь, там мне помогут хоть чем-то.

– А можно мне взглянуть на эти фотографии? Ведь если эти люди из наших мест, то, вполне возможно, я тоже смогу опознать их.

– Почему бы и нет? Но, правда, фотографии я оставила у себя в номере.

– Пустяки! Я сейчас вас подброшу туда на своей технике, и мы обе изучим ваши наводки.

Мы снова вышли на улицу. В сгущающихся сумерках на все голоса запели тысячи насекомых, заполнивших собой все воздушное пространство. Отличная добыча для летучих мышей, хватющих свой ужин буквально на лету. По пустынной дороге стремительно проскочила какая-то тень. Вначале я решила, что это машина. Но вот тень замерла и уставилась на меня широко распахнутыми глазами. Я увидела на мордочке розовый пятячок.

– Не бойтесь, Сиси. Это опоссум, – пояснила Крисси. – Их здесь полным-полно. Между прочим, моя бабушка любит их тушить себе на ужин.

– Ничего себе, – удивилась я, пока мы пробирались по стоянке к ее раздолбанному, покрытому ржавчиной мопеду.

– Нормально переносите езду на мопеде? – поинтересовалась она у меня.

– Думаю, что после катания на верблюде поездка на мопеде покажется мне райским наслаждением, – пошутила я в ответ.

– Тогда запрыгивай на заднее сиденье, – перешла Крисси на «ты» и протянула мне старенький шлем. Я надела его на голову и уселась, обхватив Крисси обеими руками за талию.

Мопед немного повилял из стороны в сторону, а потом рванул вперед. Лицо обдало прохладным ветерком – приятная передышка, потому что наступивший вечер был таким же душным и влажным, как и накануне. Казалось, даже воздух застыл в неподвижности.

Мы затормозили прямо у входа в отель. Пока Крисси парковала свой мопед, я сбегала к себе в номер за фотографией. Когда я снова вернулась в холл, то увидела, что Крисси о чем-то мило болтает с дежурной на ресепшн.

– Вот она! – махнула я фотографией.

Мы устроились на узеньком диванчике, стоявшем прямо за стойкой, кое-как уместившись на липком покрытии из кожзаменителя. Крисси немедленно принялась изучать фотографию.

– Снимок неважный, – принялась давать я свои пояснения. – Во-первых, снимали неправильно. Видишь, солнце прямо у них за спиной? А во-вторых, фотография – черно-белая, фиг что поймешь.

– Ты хочешь сказать, что трудно понять, какого цвета у них кожа, да? – спросила у меня Крисси. – Но, насколько я могу судить, у того, кто постарше, кожа темная, а у того, кто помоложе, светлее. – Она поднесла фотографию к настольной лампе. – Скорее всего, снимок сделан в сороковые годы прошлого века. Или в самом начале пятидесятых. Взгляни сюда. На грузовичке, что за ними, какая-то надпись. Можешь разобрать, что там написано? – Она протянула мне фотографию.

– Похоже, там написано: ‘JIRA’

– Фу-ты ну-ты! – Крисси ткнула пальцем в фигуру высокого мужчины, стоявшего перед машиной. – А я ведь, кажется, знаю этого человека.

Она даже захлебнулась от удивления и замолчала на какое-то время. Я тоже ошарашенно уставилась на нее.

– И кто же это?

– Альберт Наматжира, художник. Пожалуй, это самый известный абориген в Австралии. Он родился и работал в миссионерском представительстве в Хермансберге, в двух часах езды от города Алиса-Спрингс. Полагаешь, он приходится тебе родней?

Я почувствовала некую внутреннюю дрожь.

– Откуда я знаю? А он еще жив?

– Нет. Давно умер. Где-то в конце пятидесятых. Наматжира стал первым аборигеном в Австралии, получившим равные права с белыми. То есть он мог владеть землей, голосовать, употреблять спиртное. Он даже встречался с самой королевой Великобритании. Замечательный был художник... Просто потрясающий. У меня на стене в спальне висит репродукция его картины «Гора Хермансберг».

Судя по всему, Крисси была большой поклонницей художественного таланта этого человека.

– Получается, что до того времени у аборигенов не было никаких прав? – осторожно поинтересовалась я у нее.

– Да, так продолжалось почти до конца шестидесятых, – пояснила Крисси. – Наматжира получил права исключительно благодаря своему таланту. Какая удача! Даже если он тебе не родственник, все равно мы попали на след, который поможет нам прояснить, откуда ты родом. Сколько тебе лет?

– Двадцать семь.

– Выходит, – Крисси сосредоточенно нахмурила лоб, осуществляя какие-то мысленные подсчеты, – ты родилась в 1980 году. То есть он вполне может быть твоим дедушкой. А это уже совсем другой расклад, как ты понимаешь. – Она одарила меня лучезарной улыбкой. – Тебе следует немедленно отправляться в Алиса-Спрингс. Ну и дела, Сиси! Глазам своим не верю! Наматжира на твоей фотографии! Подумать только...

Крисси экзальтированно обхватила меня обеими руками и крепко обняла.

– Ладно! – выдохнула я. – Вообще-то я планировала съездить для начала в Аделаиду. Встретиться там с нотариусом, который перевел на мое имя наследство, и поговорить с ним. А где находится этот город Алиса-Спрингс?

– В самом центре континента. Мы эти места вокруг Алисы называем «Никогда-никогда». Всегда мечтала туда попасть. Ведь город расположен рядом с Улуру. – Увидев озадаченное выражение моего лица, она даже глаза округлила от удивления. – Как? Ты не знаешь? Это же знаменитый Айерс-Рок.

– А что этот Наматжира рисовал?

– О, он, можно сказать, осуществил самую настоящую революцию в живописи аборигенов. Рисовал невероятно красочные пейзажи-акварели. В сущности, он является создателем собственной школы в живописи. Ведь чтобы нарисовать хорошую акварель, требуется незаурядное мастерство. Это тебе не просто краской брызгать на полотно. У него необыкновенно прозрачные пейзажи. Все его акварели словно светятся изнутри. Он точно знал, как именно следует накладывать акварельные краски, чтобы добиться нужной игры света.

– Ого! И откуда ты это все знаешь?

– Я всегда увлекалась живописью. И вообще люблю искусство, – ответила мне Крисси. – Между прочим, культура туземцев Австралии стала темой моей диссертации на получение степени в универе, где я изучала туристический бизнес. Я целый семестр посвятила изучению художников-аборигенов.

Я не стала говорить ей о том, что еще совсем недавно тоже числилась студенткой в Лондонской академии живописи, которую сама же и бросила. Решила, что пока еще не время откровенничать на эту тему.

– А что-нибудь другое он рисовал? – поинтересовалась я у Крисси. – Например, портреты? – Мне действительно захотелось узнать об этом художнике побольше.

– Вот с портретами в нашей исконной культуре дела обстоят сложнее. У аборигенов издревле было строжайшее табу на изображение человека. Ведь, рисуя портрет, ты одновременно передаешь на полотне внутреннюю суть своей модели. И тем самым как бы тревожишь его духов, которые хотят, чтобы их оставили в покое. Когда кто-то из нас умирает, мы никогда более не должны произносить вслух имя этого человека, чтобы не нарушать его покой в загробном мире.

– Даже так? – искренне удивилась я, подумав, как же часто мы со Стар произносили вслух имя Па Солта после того, как он умер. – Но разве это плохо, что ты продолжаешь помнить и скорбеть о человеке, которого любил?

– Конечно, совсем даже не плохо. Но когда называешь человека по имени, ты как бы вызываешь его из потустороннего мира. И он тотчас же устремляется к тебе на помощь, пытается помочь тебе уже оттуда.

Я молча кивнула головой, пытаюсь осмыслить все, что только что услышала. Но сегодня день был таким невыносимо долгим и насыщенным, что меня уже клонило ко сну. Я даже не удержалась и сладко зевнула.

– Я тебя совсем умотала своими разговорами, да? – пошутила Крисси.

– Извини. Просто все еще сказывается усталость от всех этих перелетов. Я смертельно устала, добираясь сюда.

– Очень даже понимаю тебя. Тогда ступай, отсыпайся себе на здоровье. – Крисси поднялась с дивана. – Завтра перезвони мне, ладно? И мы договоримся, когда сходим к моей бабушке.

– Обязательно перезвоню. Спасибо тебе, Крисси.

Она махнула мне рукой на прощание и заторопилась на выход. Я же поднялась по лестнице, чувствуя себя слишком измочаленной, чтобы начинать обдумывать прямо сейчас всю ту информацию, которую влила в меня Крисси. Однако в глубине души я, тем не менее, чувствовала радостное возбуждение. Надо же! Этот человек с фотографии был художником... Как я сама...

13

На следующее утро я проснулась непривычно рано. Возможно, потому, что мне приснился сон, такой яркий и полнокровный, что я с трудом вернулась в реальность.

Будто я маленькая девочка и сижу на коленях у какой-то пожилой женщины. По каким-то непонятным причинам на женщине нет никакой одежды. Во всяком случае, она сидит с обнаженной грудью. Вот она берет меня за руку и ведет куда-то по красной земле, вроде как в пустыне. Потом мы приближаемся к какому-то растению, под которым расположилось гнездо с насекомыми. Она показывает пальцем на это гнездо и говорит мне, что отныне моя обязанность – заботиться об этом гнезде. Я почти уверена, что речь идет о насекомых, добывающих мед. *Странно другое:* несмотря на всю свою боязнь любых тварей, у которых ног больше, чем у меня самой, я бестрепетной рукой беру одно из этих насекомых и начинаю его ласкать, словно это домашний любимец, хомячок. Я осторожно глажу его пальцами, а оно в это время медленно ползет по моей ладони. Я

даже явственно ощущаю, как щекочут его крохотные ножки мою кожу. Неважно, какая это тварь и как ее зовут, одно я знаю наверняка: это мой друг и он не причинит мне зла.

Взбудораженная всем тем, что я узнала за вчерашний день, хватаю трубку телефона и набираю номер нотариальной конторы в Аделаиде. Вдруг мне удастся получить ответы на свои вопросы, не посещая сам город? После нескольких звонков слышу бодрый женский голос на другом конце линии.

– Нотариальная контора «Ангус энд Тайн». Чем могу быть полезна?

– Здравствуйте. Будьте любезны, могу я переговорить лично с мистером Ангусом-старшим?

– К сожалению, нет. Несколько месяцев тому назад он вышел на пенсию, – отвечает мне женщина. – Все его дела ведет сейчас Талита Майерс. Вам назначить встречу с ней?

– Вообще-то на данный момент я нахожусь в Бруме. Просто мне нужно задать несколько наводящих вопросов. Могу ли я перезвонить вам, когда она освободится, или...

– Подождите минуточку, пожалуйста.

– Талита Майерс на проводе, – услышала я уже другой женский голос. – Что вам угодно?

– Добрый день. Дело в том, что в прошлом году я получила наследство. Его на мое имя переслал мистер Ангус нотариусу моего отца в Швейцарии. Меня зовут Келено Деплеси.

– Так. Вы помните точную дату, когда именно вам были перечислены деньги в нотариальную контору, обслуживающую вашего отца?

– Деньги я получила в июне прошлого года, вскоре после смерти отца. Но когда именно они поступили в контору его нотариуса, я не могу сказать точно.

– Как зовут вашего нотариуса?

– Нотариальная контора «Гофман и Компаньоны», город Женева.

– Ага... Вот эта контора. – Последовала короткая пауза. – Чем я могу помочь вам?

– Я пытаюсь найти родных здесь, в Австралии, отыскать, так сказать, свои корни. Надеюсь, у вас сохранились какие-то данные, от кого именно я получила это наследство?

– Подождите минуточку. Я сейчас просмотрю соответствующие записи в компьютере. Но, боюсь, их будет немного. Дело в том, что мистер Ангус привык работать по старинке. Все записывал от руки в соответствующие учетные книги. Собственно, как все старые люди... Да, так и есть! В компьютере никакой информации. Подождите, не вешайте трубочку. Я сейчас попытаюсь порыться в наших учетных книгах.

В трубке что-то стукнуло, потом послышался шорох переворачиваемых страниц.

– Ага, вот оно... Насколько я могу судить, соответствующая запись сделана в январе 1964 года. И она гласит следующее: «Имущество, вверенное попечению по распоряжению покойной Катерины Мерсер».

Катерина, Китти... Удивление мое было настолько сильным, что я чуть трубку из рук не выронила.

– Китти Мерсер?

– Вам знакомо это имя?

– Немного, – пробормотала я в ответ. – А вы, случайно, не знаете, для кого конкретно она учредила этот свой попечительский фонд?

– Не могу сказать ничего конкретного на основе текущих записей, которые у нас имеются. Но можно поднять архивы и проследить, как именно развивались события тогда, в 1964 году, когда и был учрежден этот фонд. Хотите, я перезвоню вам, как только выясню что-то конкретное?

– Это было бы замечательно. Благодарю вас. – Я тут же продиктовала ей номер своего мобильного, после чего распрощалась. Эмоции переполняли меня через край. Неужели я действительно связана какими-то родственными узами с Китти Мерсер?

Я вышла из гостиницы и снова направилась в интернет-кафе. Решила поискать там кое-какую информацию о художнике Альберте Наматжире. Но невольно замедлила шаг, увидев знакомое лицо на первой полосе газеты «Австралиец».

«ЧАНГРОК СДАЛСЯ ВЛАСТЯМ
И ДОСТАВЛЕН НА РОДИНУ»

– Черт! – выругалась я про себя и принялась внимательнее разглядывать фотографию. Эйс в наручниках. В сопровождении охраны спускается по трапу самолета. Вокруг него полно людей в форме.

Я тут же купила газету, хотя и понимала, что у меня уйдет уйма времени, чтобы разобрать все то, что написано. А у статьи, как было указано внизу, есть еще и продолжение на странице четыре. Я развернулась и побрела в обратном направлении, снова в гостиницу. Да и какой смысл тащиться в интернет-кафе? Я и в лучшие времена никогда не могла заниматься сразу несколькими делами. Словом, не тот сейчас момент, чтобы погружаться в изучение творчества Альберта Наматжиры.

У себя в комнате я снова подумала, какой неоценимой помощницей была для меня все эти годы Стар. Ведь это же она разбирала для меня всю эту абракадабру из букв и слов, зачитывала статьи из газет, вела мою электронную почту и даже читала вслух книги. Вчера вечером я получила от нее пару эсэмэсок. Она волнуется, все ли со мной в порядке. Наверняка она бы и сейчас с радостью ринулась мне на помощь. Однако я понимала, как важно доказать и себе, и все остальным, что я могу справиться со всеми своими проблемами самостоятельно. Я уселась на кровати, скрестив ноги, и погрузилась в изучение того, что написала газета про моего Эйса.

«Ананд Чангрок, трейдер, занимавшийся мошенническими операциями, разоривший в ноябре прошлого года «Бернерс Инвестмент Бэнк», сегодня доставлен на родину из Таиланда, где он скрывался какое-то время. В аэропорту Хитроу он официально сдался полиции. Когда его сопровождали к машине, он отказался комментировать произошедшее. «Бернерс-Бэнкс», один из старейших банков Великобритании, был недавно куплен за один фунт стерлингов китайским инвестиционным банком «Джинкуиан».

После того как появились сообщения об аресте Чангрока, толпы рассерженных вкладчиков собрались у центрального входа в банк на улице Стрэнд в Лондоне, протестуя в связи с потерей своих денег. Многие хранили в

банке свои пенсионные сбережения и теперь, в прямом смысле этого слова, лишились средств к существованию. Дэвид Раттер, исполнительный директор банка, отказался отвечать на вопрос, как именно и в каких объемах руководство банка предполагает компенсировать своим вкладчикам понесенные потери. Однако совет директоров, со своей стороны, заявил, что в настоящее время ведется расследование, каким образом удалось незаметно провернуть столь масштабную аферу, повлекшую за собой крушение всего банка.

Сам Чангрок в настоящее время препровожден в тюрьму Уормвуд-Скрабс и в следующий вторник предстанет перед судом по обвинению в мошенничестве и подделке документов. Согласно некоторым источникам, маловероятно, что его отпустят под залог».

Итак, Эйс в настоящее время уже сидит в тюремной камере в Лондоне. Я больно прикусила губу, досадуя на саму себя. Ведь если бы я тогда не обратилась к По, не согласилась, чтобы он помог мне проявить эти злополучные фотографии, вполне возможно, Эйс сумел бы присоединиться ко мне в Австралии и мы с ним тогда на пару превратились бы в изгоев, затерявшихся на необъятных просторах. Наверное, следовало бы навестить его в тюрьме, попытаться объясниться с ним лично... Там, где он сейчас, он бы не сумел уйти от такого разговора. Только вот когда еще я окажусь в Лондоне? Ой, не скоро... Да и потом, где гарантия, что Эйс захотел бы встретиться со мной? Скорее всего, отказался бы наотрез от такого свидания.

Я глянула на часы. Двенадцатый час. Наверняка Исторический музей уже открыт.

Я снова вышла на улицу, прихватив с собой туристическую карту Брума. Держа ее в руках, побрела по широкой улице, заглядывая подряд во все витрины магазинов. Во многих витринах был выставлен жемчуг, но не белый, привычный всем нам, а черный и даже розовый. Жемчужины нанизаны в красивые кольца или оформлены в виде изящных сережек.

По левую сторону дороги, прямо за густой полосой из мангровых деревьев, синел океан, сливающийся на самом горизонте с такой же

синью неба. Наконец я подошла к Историческому музею. Его здание было похоже на все остальные постройки в Бруме: одноэтажное, с рифленой крышей, с верандой по всей длине фасада.

Я вошла в музей и сразу же поняла, что являюсь пока единственным посетителем. Дежурная на входе оторвала от компьютера свое веснушчатое лицо и улыбнулась слегка натянутой улыбкой.

Я медленно побрела по залу, знакомясь с экспозицией. Львиная ее часть была посвящена истории промысла жемчуга. Модели судов, черно-белые фотографии людей, плававших когда-то на этих судах. Под каждой фотографией висела табличка, на которой крохотными буквами давалось описание того, что изображено на том или ином снимке. В углу зала было выставлено для всеобщего обозрения старое, еще допотопное оборудование. Здесь же демонстрировался костюм, идентичный тому, в котором была отлита бронзовая скульптура, напомнившая мне астронавта. Круглые отверстия в металлическом скафандре тарацились на меня, словно пустые глазницы. Я с трудом разобрала текст на табличке. Оказывается, это костюм водолаза. В таком снаряжении водолазы отправлялись на добычу жемчуга. Правда, было это давно, еще до того, как в тридцатые годы прошлого века изобрели нетканый материал из каучука под названием «неопрен».

Следующая витрина была всецело посвящена самому жемчугу. Жемчужины красовались на подушечках из красного бархата в небольших деревянных коробочках. Почему-то мне показалось, что выглядят они немного печально, словно такие крохотные слезинки, упавшие только что на землю. Вообще-то я никогда не увлекалась ювелирными украшениями, но что-то в этих молочно-кремовых шариках невольно притягивало взгляд. Даже возникало желание протянуть руку и потрогать их.

– Вам помочь чем-нибудь?

Я виновато отпрянула от витрины, хотя вроде бы и не сделала ничего предосудительного.

– Вот пришла узнать, известно ли здесь что-нибудь о женщине по имени Китти Мерсер.

– Китти Мерсер? Конечно, милая! Пожалуй, в Бруме не сыщешь человека, который бы не слышал и не знал это имя. Она, вне всякого сомнения, одна из самых известных жителей нашего города.

– Отлично! Тогда у вас, наверное, есть информация об этой женщине?

– Конечно, милая. Пишете школьный реферат или готовите какой доклад? – поинтересовалась у меня смотрительница.

– Что-то в этом роде, – на ходу вывернулась я. Хотя в душе немного оскорбилась, что она приняла меня за школьницу.

– О, к нам в музей часто навещают студентки. Тоже занимаются изучением биографии Китти Мерсер. Она ведь, по сути, стояла у истоков австралийского движения женщин за равноправие. А в самом начале двадцатого века, можно сказать, содержала весь город. Вон на том стеллаже стоит ее биография. Ее совсем недавно написал один наш местный историк. Я уже прочитала эту книгу. Там он приводит очень много любопытных фактов, о которых я ранее и не знала. Рекомендую почитать.

– Спасибо, но у меня уже есть эта книга, – поспешила я с ответом, глянув на обложку. Та самая книга, которую купил для меня Эйс. Неужели это единственный источник информации о жизни Китти Мерсер? Может, есть какие-нибудь кинодокументы, с надеждой подумала я. Или что-то показывали по телевизору... Потому что самостоятельно я не осилю эту книгу до окончания веков. Но тут взгляд мой упал на столик рядом со стеллажами, на котором были выставлены аудиодиски с записями различных книг. Среди них я увидела и уже знакомую мне обложку.

– А биография Мерсер есть на диске?

– Да.

– Здорово! Спасибо. Тогда я куплю этот диск, – обрадовалась я такой неожиданной удаче.

– С вас двадцать девять долларов. Вы ведь приезжая, не так ли? – поинтересовалась у меня женщина, пока я выкладывала перед ней три десятидолларовые купюры.

– Да, вы правы.

– Решили навестить к нам в Брум, чтобы изучить на месте историю своей семьи? – задала она следующий наводящий вопрос.

– И это тоже. Но одновременно и подсобить немного материала для студенческого реферата.

– Что ж, если вам понадобится какая-то еще помощь, дайте мне знать. И я, как говорится, к вашим услугам.

– Обязательно. Большое спасибо. До свидания.

Я перевела дыхание, покинув стены музея. Что-то во взгляде этой женщины настораживало. Вроде бы смотрит доброжелательно, но сразу же возникает какое-то внутреннее чувство дискомфорта. Однако усилием воли я постаралась отогнать от себя все эти неприятные мысли. На обратном пути зашла в магазинчик, торгующий по сниженным ценам, который заприметила, еще когда шла в музей, и купила себе портативный CD-проигрыватель и дешевенькие наушники, чтобы не докучать никому из соседей. Вряд ли остальные обитатели гостиницы придут в восторг, если им придется часами выслушивать сквозь тонкие стены гостиничных номеров все подробности биографии Китти Мерсер.

В кафе я купила еще один бургер на обед и направилась к себе. Уже на самом подходе к гостинице увидела двух темнокожих мальчишек, совсем еще детей, расположившихся на лужайке, прямо перед входом. Один мальчик распростерся на земле и, скорее всего, спал. Второй слегка кивнул мне головой в знак приветствия и энергично отхлебнул пиво из бутылки.

Я увидела женщину, которая прохаживалась вокруг них, но на значительном удалении, словно боялась, что мальчишки могут напасть на нее. Странно! В такое время... Можно сказать, среди бела дня. И потом, это же дети. Обычные дети, которых можно встретить на улицах любого города, большого или маленького. И даже в деревне...

Не успела я переступить порог своего номера, как зазвонил мобильник. Глянула на высветившийся номер. Ма! Сразу же почувствовала угрызения совести, ведь я не удосужилась ответить ни на одну из ее эсмэсок. Включила телефон.

– Алло?

Последовала продолжительная пауза. Видно, помехи на линии связи.

– Сиси?

– Да, это я. Привет, Ма.

– *Шерри!* Как у тебя дела?

– Все в порядке, Ма.

– Стар сказала мне, что ты сейчас в Австралии, да?

– Все верно.

– То есть из Таиланда ты уехала?

– Да.

Последовала еще одна пауза, на сей раз наверняка замолчала Ма. Мне даже показалось, что я явственно слышу, как ворочаются в ее голове мозги, решая, спрашивать меня или нет об Эйсе.

– Хорошо себя чувствуешь? – наконец поинтересовалась она у меня.

– Хорошо, как всегда, Ма. Ты же знаешь, я не болею, – ответила я, гадая, когда же Ма наконец перейдет к главному.

– *Шерри*, я всегда на связи, если вдруг понадобится моя помощь.

– Я знаю, Ма. Спасибо тебе.

– Как долго ты намереваешься пробыть в Австралии?

– Пока еще сама не знаю, если честно.

– Что ж, рада была услышать твой голосок.

– Я тоже.

– Тогда всего тебе доброго. До свидания.

– Ма...

Я замаялась в нерешительности. Судя по всему, Ма не собирается затрагивать эту щекотливую тему. Что ж, тогда придется мне самой.

– Да, *шерри*?

– Как ты думаешь, папа бы сильно рассердился на меня из-за этой фотографии?

– Конечно же нет. Уверена, ты не сделала ничего дурного.

– Это правда. Я ведь и на самом деле не знала, кто такой Эйс и что он там натворил. С тобой уже кто-нибудь связывался? Я имею в виду всех этих газетчиков...

– Нет. Но даже если такое и случится, я все равно им ничего не скажу.

– Я знаю. Спасибо тебе, Ма. И доброй ночи.

– И тебе спокойной ночи, *шерри*.

Я отключила мобильник. И снова подумала, как же я люблю Ма. Даже если моя поездка в Австралию увенчается успехом и мне удастся выяснить, кем же была моя биологическая мать, не могу себе представить более доброй, более понимающей и более надежной матери, чем наша Ма. Она ведь любит всех нас, своих девочек, всем сердцем и душой. А что моя родная мать? Родила и тут же сбаврила чужим людям. Хорошо еще, что именно Па Солт подхватил меня из ее рук. Еще неизвестно, как бы сложилась моя жизнь, случись все иначе.

Впрочем, вполне возможно, у этой женщины были какие-то веские причины. Скажем, она была очень больна... Или бедна... Вот и решила, что Па Солт обеспечит мне более достойную жизнь.

Но... Но разве могут быть в этом мире узы крепче тех, что связывают мать и ее дитя?

Я уселась на кровать и стала размышлять над тем, а так ли уж мне и хочется на самом деле продолжить свои эксцентричные *поиски* людей, которые когда-то отдали меня. Вполне возможно, и они не горят особым желанием *увидеть меня* снова. Но вот же Майя, и Алли, и Стар... Все они пошли по следам своих предполагаемых родственников, а в результате их жизнь наполнилась новым смыслом, стала счастливее. А все потому, что они довели начатое до конца...

Снова зазвонил мобильник. На сей раз это была Крисси. Я нажала на кнопку разговора. Удивительно, мелькнуло у меня, но Крисси всегда оказывается рядом именно тогда, когда мне плохо или когда на душе кошки скребут.

– Привет, Сиси. Ну что, была сегодня в музее?

– Была.

– Что-нибудь интересное накопила?

– Совсем немного. И если честно, пока сильно сомневаюсь в том, что это имеет какое-то отношение ко мне.

– Не хочешь встретиться попозже? Я тут поговорила с бабушкой. Она будет рада познакомиться с тобой.

– С удовольствием.

– Тогда договорились. Ровно в три я за тобой заеду, и мы отправимся к моей бабушке.

– Отлично! Но, Крисси, я тебя не сильно напрягаю?

– Успокойся! Никаких напрягов. Пока, Сиси.

Я уже приготовилась сунуть свой мобильник в карман шорт, но тут раздался очередной звонок. На сей раз позвонила Стар.

– Привет! – прокричала она в трубку. Такое впечатление, что она откуда-то бежала и сильно запыхалась. – С тобой все в порядке?

– Все отлично. А как у тебя?

– Тоже все хорошо. Послушай, Си. Сегодня мне звонили. Вот решила тебя предупредить. Из газеты...

– Что?!

– Ума не приложу, как они узнали номер моего мобильного. Спрашивали, где ты сейчас. Само собой, я сказала, что не знаю.

– Боже! – выдохнула я, почувствовав себя в этот момент такой же уязвимой, как и Эйс. Значит, охота открылась и на меня. – Но я ведь, в сущности, ничего не знаю. Правда, Сия.

– Я верю тебе, Си. Конечно же не знаешь. Однако предупреждаю, им уже известно твое полное имя. Опять же не понимаю, как, каким образом они все это разузнали.

– А... готова поспорить на что угодно... Это подонок Джей расстарался. Помнишь, в Рейли? Он еще тогда за тобой пытался ухаживать, мерзавец. Он в прошлом журналист. Думаю, именно он и поспособствовал тому, чтобы наша с Эйсом фотография попала в газеты. Он ведь приятельствует с Джеком, владельцем отеля «Рейли-Бич». А они же, когда регистрируют своих постояльцев, записывают все их данные: номера телефонов, адреса и прочее. Подружка Джека, которая у него на ресепшн работает, в разговоре со мной обронила, что Джей узнал Эйса. Наверняка он и эту девчонку подкупил, чтобы она дала ему всю информацию о нас.

Внезапно на другом конце линии послышался тихий смех.

– Что смешного?

– Да так, ничего. Просто я тут подумала... Знаешь, все это довольно комично, с другой стороны. Потому что только *ты* можешь умудриться и попасть на первые полосы всех ведущих газет мира в обнимку с самым разыскиваемым банковским преступником, ни сном ни духом не ведая, кто он такой. Невероятно, но факт!

Я снова услышала ее залиvistый смех. Смеется прямо как прежняя Стар.

– Пожалуй, ты права, – хихикнула я в ответ. – Представляю, как там сейчас наша Электра бесится от зависти.

– О да! Можешь в этом не сомневаться. Поди, прямо сейчас торчит на проводе. Дает нагоняй своему пиар-директору. Ведь попасть на первую полосу даже одной газеты всегда непросто. А тут сразу во все... Такое паблисити... Ах, Си...

Стар снова рассмеялась, и я невольно присоединилась к ней. Потому что ситуация и в самом деле была не только безумной, но и ужасно нелепой. Пришлось мне через какое-то время приводить себя в

чувство, ибо смех у меня уже стал истерично неудержимым. Словом, полнейший «отпад», как мы со Стар называли это в детстве.

Наконец, насмеявшись вдоволь, мы обе успокоились. Я сделала несколько глубоких вдохов, прежде чем смогла заговорить снова.

– Знаешь, мне он действительно очень понравился. Потому что хороший, судя по всему, человек.

– То, что он тебе нравится, на фотографии видно невооруженным взглядом. Глаза блестят. И у тебя такой счастливый вид. Кстати, мне очень понравились твои волосы. Такие милые кудряшки... И топик, который на тебе, тоже очень к лицу.

– Спасибо. Но теперь все это не имеет никакого значения, потому что Эйс ненавидит меня. Ведь он уверен, что это я разболтала газетчикам, где он скрывался. А все из-за этой треклятой фотографии... Его охранник проявил для меня фотопленку и распечатал снимки... Несколько комплектов. Один комплект я даже оставила Эйсу в качестве такого прощального подарка. А он наверняка решил, что я еще и поиздевалась над ним. Дескать, утерла ему нос.

– Да, ты права, Си. Все это действительно ужасно. Представляю, в каком ты сейчас состоянии.

– В ужасном. Но что я могу поделать?

– Надо сказать ему, что это не ты заварила всю кашу.

– Да он не поверит мне ни за что на свете. Знаешь, Сия, он ведь совсем не такой, как о нем пишут во всех этих газетах.

– Как ты думаешь, он мог совершить это преступление?

– Возможно... Но что-то, как мне кажется, тут не стыкуется.

– Если тебе от этого полегчает, то скажу, что Мышь тоже считает, что парня подставили. Кто-то еще в банке наверняка знал, какие там творятся безобразия.

– Ну вот видишь, – проямлила я в ответ, не зная, радоваться мне или, наоборот, злиться из-за того, что бойфренд моей сестры по кличке Мышь тоже на моей стороне. Особенно если вспомнить, сколько неприятностей он мне доставил. Ведь, по сути, все проблемы в моих отношениях со Стар начались именно с его появления в ее жизни.

– Послушай, Си. Если мы здесь сможем хоть как-то помочь тебе, ты только скажи. Пожалуйста, звони в любое время.

Слово «мы» в ее устах еще более взвинтило меня.

– Спасибо. Если что, обязательно позвоню.

– Береги себя, моя дорогая Си. Я люблю тебя.

– И я тебя люблю. Пока.

Я закончила разговор и почувствовала себя намного лучше. Насмеялись мы со Стар, как в старые добрые времена. Разве что это слово «мы» в ее устах немного подпортило мне настроение, лишний раз напомнив о том, как много изменилось в нашей с ней жизни. У Стар теперь есть Мышь. Поди, каждую ночь нежится в его объятиях. Да, ей хорошо. Она уже завершила свое путешествие в прошлое и сейчас устремлена в будущее. А я пока еще нигде: ни в прошлом, ни в будущем.

Ровно в три часа дня, минута в минуту, Крисси уже ждала меня на ресепшн. Несмотря на жару, она обрядилась в какие-то линялые джинсы и туго облегающую маечку. На голове – красная бандана, убравшая с лица все кудри.

– Привет, Сиси. Ну что, готова к тому, чтобы снова затаить дыхание? Я имею в виду протрястись немного на мопеде.

Я опять уселась на заднее сиденье мопеда, и мы понеслись вперед. Какое-то время дорога шла параллельно железнодорожным путям. Вот мимо промелькнул аэропорт. Но потом мы свернули куда-то в сторону, сделали пару-тройку резких поворотов и наконец выехали на пыльную проселочную дорогу. По обе стороны дороги теснились довольно жалкие лачуги, крытые жостью. Не то чтобы совсем трущобы, но совершенно очевидно, что у людей, которые обитают за стенами этих домишек, нет лишних денег на то, чтобы наводить красоту на свои жилища.

– Ну вот, приехали. – Крисси остановила мопед и придержала его рукой, чтобы я смогла слезть на землю. – Хочу сразу же предупредить тебя. Бабушка может показаться тебе слегка чудаковатой, но уверяю, с мозгами у нее все в полном порядке. Готова?

– Да.

Крисси повела меня по тропинке через палисадник, смахивающий на обычную жилую комнату типа гостиной. Там стояла старая софа с истершейся обивкой бурого цвета, по сторонам были разбросаны

несколько деревянных стульев, рядом примостился шезлонг, на котором лежали подушка и простыня, будто кто-то там спит.

– Привет, Мими, – поздоровалась Крисси, обращаясь к кому-то, кого не было видно из-за софы.

Я тоже обошла вокруг софы и увидела хрупкую женщину, сидевшую прямо на земле. Ее кожа напоминала темный шоколад, сухонькое личико испещрено сотнями мелких морщин. Пожалуй, такой древней старухи мне еще не доводилось встречать в своей жизни. Тем не менее на голове у бабушки красовалась такая же ультрамодная бандана, как и у ее внучки.

– Мими, *нганджи минган*? Это Келено, та девушка, про которую я тебе рассказывала, – добавила Крисси уже на английском.

Старуха уставилась на меня пристальным взглядом, и я поразились, какие у нее яркие и чистые глаза. Такой ясный взгляд совсем еще молоденькой девушки, чьи глаза по ошибке достались ветхой старушечки. А сами зрачки были похожи на два лесных ореха, плавающие в блюдцах, заполненных белоснежным молоком.

– *Миджисала джую*, – обратилась она ко мне, пока я неловко переминалась с ноги на ногу, не понимая, о чем она толкует. Старуха похлопала по земле рядом с собой, и я послушно уселась, недоумевая, зачем здесь тогда стоят диван и пустые стулья.

– Почему она сидит на земле? – тихонько поинтересовалась я у Крисси.

– Хочет почувствовать землю под собой.

– Понятно.

Между тем старушка продолжала изучать меня пристальным взглядом, словно хотела проникнуть мне прямо в душу. Вот она протянула руку, всю в шишковатых наростах, и осторожно погладила меня по щеке. На удивление, кожа на руке оказалась мягкой. Потом старуха потянула один мой завиток, распрямила его и чему-то улыбнулась. Я увидела, что между двумя передними зубами у нее зияет большая щель.

– Ты знаешь историю о том, как появились *губануба*? – спросила у меня старуха на плохом английском.

– Нет. – Я бросила на нее непонимающий взгляд.

– Бабушка спрашивает тебя, знаешь ли ты историю возникновения созвездия Семь сестер, – пояснила Крисси. – Так название этого

созвездия звучит на нашем языке.

– А, это... Да. Отец часто рассказывал мне все, что связано с этими звездами.

– Они наши *кантримен*, Келено.

– Они наши родственники, – снова пришла мне на помощь Крисси.

– Мы все – одна семья, члены одной и той же *кантри*.

– Понятно, – снова безропотно согласилась я.

– Я поясню тебе потом, что именно бабушка имела в виду, – тихонько прошептала мне на ухо Крисси.

– Вся эта история начинается со времен сотворения мира, – начала старуха.

– Какая именно история? – уточнила я на всякий случай.

– История возникновения созвездия Плеяды, или Семь сестер, – подала голос Крисси. – Сейчас бабушка расскажет тебе эту историю.

Вот так, с помощью Крисси, переводившей мне попутно все незнакомые слова, я выслушала историю, рассказанную ее бабушкой.

Изначально семь сестер прилетели на землю с неба и приземлились на высокой горе, полой сверху, а внизу была большая пещера, в которую вел тайный ход. Что позволяло сестрам незаметно проникать туда и оставаться невидимыми, когда они курсировали между небом и землей. Прилетая на землю, они обитали среди нас и жили в пещере. Однажды сестры отправились на охоту, чтобы раздобыть себе немного еды. Какой-то старик заметил их, но они, всецело поглощенные охотой, даже не обратили на него внимания. Старик увязался за девушками, решил проследить, где они живут, потому что хотел обзавестись молодой женой. Когда они расположились на берегу заводи, чтобы немного передохнуть, он вдруг выпрыгнул из кустов и схватил самую младшую сестру. Все остальные бросились в панике обратно в пещеру. По тайному ходу они вскарабкались на самую вершину горы и улетели на небо, оставив на произвол судьбы несчастную младшую сестру, которая всеми силами пыталась вырваться из рук старика.

Какие же они, однако, подлые, мелькнуло у меня: бросили младшую сестру, даже не подумав прийти к ней на помощь.

Но бедняжке все же удалось как-то вырваться и скрыться в пещере. Там уже никого не было. Она поняла, что сестры вернулись на

небо. Между тем старик упорно продолжал гнаться за нею. Тогда она тоже по тайному ходу взобралась на вершину и улетела вслед за сестрами на небо. Наверное, подумала я, старуха имеет в виду самую младшую сестру, которую звали Меропой. Правда, старуха называла какое-то другое имя. Получилось так, что младшенькая заблудилась на обратном пути и не смогла вернуться к своей семье, «кантри», если на языке аборигенов. Вот почему эту звезду можно лишь очень редко увидеть на небе.

Старуха наконец закончила свой рассказ и погрузилась в затяжное молчание, по-прежнему не сводя с меня глаз.

– Что для меня до сих пор остается загадкой, – обратилась я к Крисси, – так это почему папа удочерил только шестерых девочек, а седьмую так и не привез в дом.

– В нашей культуре принято считать, – ответила мне Крисси, – что на небесах зеркально повторяется все то, что происходит на земле.

– Старик, который преследовал сестер, – это, скорее всего, Орион. Папа рассказывал нам в детстве этот древнегреческий миф.

– Возможно, – согласилась со мной Крисси. – Вокруг Плеяд сотворено множество всяческих легенд и мифов. У каждого народа они свои. Бабушка изложила тебе легенду, которая до сих пор сохранилась у нашего народа.

«Как поразительно похожи все эти истории, созданные в самых разных уголках земли», – невольно подумала я. Ведь они же были придуманы сотни тысяч лет тому назад. Едва ли в те далекие времена древние греки могли общаться с аборигенами Австралии по электронной почте. Или представители народа майя в Мексике – созваниваться по телефону с японцами. Неужели действительно между небом и землей существует незримая связь? И она гораздо прочнее, чем мне казалось раньше. Во всем этом есть что-то загадочное, *мистическое*, как сказала бы наша Тигги. Вот и нас, шесть сестер, назвали в честь звезд созвездия Плеяды, или Семи сестер. А седьмой сестры у нас нет...

– Откуда ты родом? – спросила меня старуха, возвращая в день сегодняшний.

– Не знаю. Меня удочерили.

– Ты отсюда, из наших мест, – сказала она, как отрезала. Взяла в руки какой-то длинный шест с нарезками и воткнула его в твердую

пыльную землю. – Ты – наша *кантримен*.

– Ты из нашей семьи, – тут же напомнила мне Крисси, потом повернулась к бабушке: – Я сразу догадалась, что она из наших. Как только увидела ее. Какая-то часть ее точно отсюда.

– Самая важная часть – ее сердце. Душа. – Старуха энергично ударила себя в грудь. Ее глаза цвета спелого ореха светились нескрываемой теплотой. Она снова протянула ко мне руку и пожала мою. Рукопожатие получилось неожиданно очень крепким. – Ты вернулась домой. Потому что твой дом – здесь.

Внезапно глаза у меня затуманились, и я почувствовала, что вот-вот расплачусь. Наверное, Крисси увидела, в каком я состоянии. Потому что немедленно поднялась с земли и помогла встать мне.

– Нам нужно идти, Мими, – обратилась она к бабушке. – Потому что у Сиси назначена еще одна встреча на сегодня.

Я бросила на Крисси признательный взгляд, цепко ухватившись за ее руку, чувствуя, что мне сейчас действительно нужна чья-то поддержка.

– Да, к сожалению, нам пора. Огромное вам спасибо за ваш интересный рассказ.

– О, у меня еще много таких историй. Приходи снова, и я обязательно расскажу их тебе, – пообещала мне старуха.

– Обязательно приду, – заверила я, подумав, какой у нее все же странный акцент. Никогда не слышала подобного произношения. Те немногие английские слова, которые проскальзывали в ее речи, она произносила широко, слегка нараспев, на такой австралийский манер, округляя каждое слово дополнительным согласным звуком в конце, словно стараясь смягчить его таким образом. – До свидания.

– *Галия*, Келено, – попрощалась она со мной и слегка взмахнула рукой. Крисси снова повела меня через палисадник, больше похожий на гостиную, чем на улицу, к тому месту, где она припарковала свой мопед.

– Хочешь чего-нибудь выпить? – предложила мне Крисси. – Тут за углом есть одно местечко.

– Пожалуй, не откажусь, – тотчас же согласилась я, понятия не имея, о каком таком «местечке» толкует Крисси. Но как бы то ни было, а садиться снова на мопед мне пока категорически не хотелось.

Оказалось, она имела в виду автозаправку, при которой имелся небольшой магазинчик, торгующий всем подряд. Мы купили по бутылке колы и, выйдя на улицу, уселись на лавочке.

– Извини, если бабушка чересчур... утомила тебя.

– Не за что тебе извиняться. Все было в высшей степени интересно. Просто я вдруг почувствовала себя странно, какой-то неприкаянной, что ли... Слушать все эти рассказы о... – я запнулась в поисках подходящего слова, – *о культуре*, к которой, весьма возможно, принадлежу я сама. А ведь я так мало о ней знала, пока не попала в Австралию.

– Ну что здесь такого страшного? С какой стати тебе было интересоваться всем этим раньше? Тебя удочерили еще грудным младенцем, увезли в Европу... Просто наши старики свято берегут старинные легенды, постоянно пересказывают их, чтобы все мы не забывали свою культуру. Ведь наша история не имеет никаких письменных памятников, она передается из уст в уста, от одного поколения к другому.

– То есть у вас нет ничего, похожего на... Библию или Коран, в которых изложены все древние истории и прописаны правила на все случаи жизни?

– Нет, ничего такого у нас нет. Более того, мы бы наверняка сразу же уничтожили такую книгу, если бы она у нас появилась. Наша история запечатлена исключительно в устных рассказах. А еще – *в живописи*. Очень много живописных полотен. – Криси бросила на меня озадаченный взгляд. – Что с тобой, Си? У тебя такой расстроенный вид...

– Ничего... Просто... просто я тут подумала, – выдохнула я, снова ощутив некую мистику во всем происходящем. – Знаешь, пусть это не покажется тебе странным, но я страдаю дислексией... То есть я не могу читать как следует, и это несмотря на то, что отец дал мне самое лучшее образование, какое только можно. Но буквы все равно прыгают у меня перед глазами, как ненормальные. А еще... А еще я – художник.

– Ты – художница? – ошеломленно переспросила у меня Криси. Наступил ее черед удивляться.

– Да.

– А чего ж ты молчала до сих пор? Это же супер! Особенно если вспомнить, что ты можешь иметь какое-то отношение к Наматжире!

– Ну, я уж точно не представляю собой ничего особенного, Крисси.

– Неправда! Все художники особенные, каждый по-своему. А насчет своей дислексии сильно не переживай. Я, к примеру, тоже лучше воспринимаю на слух или визуально. Видно, это у нас с тобой в генах.

– Наверное. Крисси, я хочу тебя кое о чем спросить.

– Спрашивай... О чем угодно.

– Знаю, мой вопрос может показаться тебе идиотским. Но я хочу знать, существуют ли... какие-то предрассудки здесь, в Австралии, по отношению к аборигенам?

Крисси развернулась ко мне своим хорошеньким личиком и медленно кивнула.

– Еще как существуют, подруга. Однако этот разговор слишком серьезный, чтобы начинать его за бутылкой колы, сидя на лавочке. Правда, если ты поговоришь с каким-нибудь белым, то он с ходу заявит тебе, что никакого предвзятого отношения к туземцам здесь нет и в помине. Еще бы! Они ведь не истребляют нас тысячами, как в былые времена. Не отнимают наши земли. Они успели отобрать их у нас двести лет тому назад и до сих пор не вернули большую часть этих земель своим законным хозяевам. Ежегодно в январе белые отмечают так называемый День Австралии. Это когда британские корабли пристали к нашим берегам и англичане объявили эту территорию своей. Для нас же их праздник – это День порабощения, ибо именно с того самого дня и начался геноцид нашего народа. Наши племена обитали на этих землях более пятидесяти тысяч лет, но чужеземцы постарались на славу, чтобы уничтожить нас и разрушить наш уклад жизни. Впрочем, – Крисси слегка пожала плечами, – все это дела уже давно минувших дней. Остальное я расскажу тебе как-нибудь в другой раз.

– Ладно! – согласилась я. Честно, мне очень хотелось спросить у Крисси, что означает слово «геноцид». Явно что-то плохое. Но спрашивать я не стала.

– Тебя все услышанное сильно расстроило? – спросила она у меня после короткой паузы. – То, что ты как бы из наших... Во всяком случае, хотя бы частично.

– Нет. Я всегда понимала, что я не такая, как другие. Знаешь, такое вечное чувство, что ты везде чужой.

– Я очень даже понимаю тебя. – Крисси положила свою теплую ладонь на мою руку. – Ну что? Поехали. Я отвезу тебя в гостиницу.

Крисси высадила меня у входа и велела звонить, если мне что понадобится. А я поднялась к себе в номер и рухнула без сил на кровать. Впервые в жизни, во всяком случае впервые на моей памяти, я заснула мгновенно.

Проснувшись и слегка приоткрыв один глаз, я глянула на свой мобильник, чтобы узнать, который час. Девятый. Получается, я проспала добрых три часа. Наверное, обилие информации, которая неудержимым потоком вливалась в меня за минувшие два дня, действовало лучше всякой снотворной таблетки. Мой мозг, видно, сам посчитал, что не справляется с такими нагрузками, и поспособствовал тому, чтобы я отключилась. А может быть... почему бы и нет? В душе у меня появилось какое-то облегчение, там, в самых дальних уголках ее, от сознания того, что я рискнула, приехала сюда и не прогадала, ибо начинаю наконец обретать свои истинные корни.

«Ты вернулась домой...»

Пусть так. Пусть я даже готова поверить в это. Но как же быть с той средой, в которой я выросла? Хочу ли я сама принадлежать к тем людям, с которыми у меня существует генетическая связь? Я поднялась с постели, сходила в уборную, а потом принялась разглядывать себя в зеркале. Плоский нос, точно такой же, как у моей подруги Крисси и у ее бабушки. Вот они обе знают наверняка, кто они и откуда. И не просто знают, но и гордятся своим происхождением, своей культурой. Возможно, именно этого мне и не хватает: чувства гордости за себя и за свой народ. Да, я могу более не принадлежать Стар. Последние месяцы дались мне тяжело, но я на собственном опыте прочувствовала, что невозможно *владеть кем-то* целиком и полностью. Зато я могу научиться владеть собой. Принадлежать себе *и той культуре*, которая меня сформировала.

Конечно, я лузер, если посмотреть со стороны того мира, в котором я жила до сих пор. Но сегодня, сидя рядом с Крисси и ее бабушкой, разглядевшими во мне родственную душу, я поняла, что они считают мое происхождение источником силы, а не слабости. Иными

словами, в моей жизни появились люди, которые меня понимают. Моя... *кантримен*. Семья.

Я снова вернулась в спальню, настроение заметно улучшилось. Я даже почувствовала некий прилив энергии. Решила позвонить Крисси и договориться, когда она сможет рассказать мне более подробно о культуре австралийских аборигенов. Но, взяв в руки мобильник, увидела, что на телефон поступила дюжина новых эсэмэсок, а также несколько голосовых сообщений.

Первые две эсэмэски были от Стар.

Мы с тобой так замечательно вчера поговорили. И насмеялись от души. Ты знаешь, где я, если вдруг понадобится.

Люблю тебя. С.

Это опять я. Мне снова звонили газетчики! НЕ ОТВЕЧАЙ НА ЗВОНКИ!

Потом...

Сообщение для Сиси Деплеси. Добрый день. Меня зовут Кэти Кумбе. Я журналист из «Дейли Мейл». Хотела бы взять у вас интервью о ваших взаимоотношениях с Анандом Чангроком. Перезвоните мне, пожалуйста, на мой мобильник в любое удобное для вас время и изложите свою версию того, что случилось.

Еще одно сообщение...

Текстовое сообщение для Сиси Деплеси от Новостной программы, канал Би-Би-Си 1, Лондон. Хотели бы поговорить с вами касательно Ананда Чангрока. Пожалуйста, позвоните Мэтту по указанному ниже номеру. Спасибо.

Следующее голосовое сообщение...

Добрый день. Это номер мобильного Сиси? Меня зовут Энджи. Я из «Ньюз оф зе Уолд». Хотела бы обсудить все условия для развернутого интервью с вами.

И так далее и тому подобное...

– Проклятье! – выругалась я в сердцах.

Сейчас, когда Эйс сидит в тюрьме и находится под судебной защитой, к нему они подобраться никак не могут, чтобы вытянуть хоть какие-то крохи информации. И вот все набросились на меня. В первый момент у меня даже возник порыв позвонить в тюрьму и попросить свидание с Эйсом. Спросить у него, быть может, он захочет, чтобы я сделала для прессы какие-то заявления от его имени.

«Не будь идиоткой, Си, – тут же остудила я свой пыл. – Да он тебе больше не доверит даже стакан мангового сока из кафе на пляже...»

«Линда знает правду», – обронил он как-то раз в разговоре со мной.

Да, но кто такая эта Линда? Подружка? Или, может быть, жена? Впрочем, в газетах нет ни слова о его партнершах. За исключением меня, разумеется. Но, как охарактеризовали меня в одном таблоиде, я кто? *«Подружка на час»*. То есть для них я лишь одна из многих женщин, которые толклись в его жизни и до меня.

Но что-то подсказывало мне, какое-то шестое чувство, что я должна хоть что-то для него сделать. В конце концов, когда я сама оказалась в трудном положении, он ведь пришел мне на помощь. Вопрос лишь в том, что именно я должна сделать. И как?

А пока мне остается лишь одно...

Я извлекла из мобильного сим-карту, переписала в свою записную книжку все нужные мне адреса и телефоны, хранившиеся в памяти, потом снова пошла в туалет и, завернув карту в кусок туалетной бумаги, спустила ее в унитаз, несколько раз смыв для пущей надежности. Вот теперь они меня уж точно не отыщут, подумала я с удовлетворением. После чего побежала в ближайший магазин на углу и купила новую сим-карту, уже местной мобильной сети. Затем отбила эсэмэски Стар и Ма, сообщила им свой новый номер. И уже буквально через тридцать секунд раздался звонок.

– Привет, Сия, – поздоровалась я с сестрой.

– Проверка связи, – рассмеялась в трубку Стар.

– Хорошо, но только учти. Продавщица в магазине предупредила меня, что мобильная связь здесь работает по принципу «плати сразу», то есть за все входящие и исходящие звонки. В том числе и когда кто-то звонит мне из-за рубежа. Так что в моем распоряжении, наверное, не больше полминуты, чтобы уложиться в те двадцать долларов, которые я положила на счет.

– Молодец, что выкинула свою старую сим-карту. Мне сегодня опять была куча звонков. Мышь сказал, что если они пошевелят немного мозгами, то могут выйти на твой след через регистрационные службы аэрофлота. Они же все фиксируют, а потому...

Стар внезапно замолчала, и я увидела, как в верхнем углу дисплея на моем мобильнике замигала предупреждающая надпись, извещающая меня о том, что кредит уже исчерпан.

– История становится все более нелепой, – возмущалась я про себя, направляясь снова к себе в гостиницу. В конце концов, я же не Джеймс Бонд какой. И даже не его девушка по имени Пусси Галор, или как там ее...

– Приветствую вас, мисс Делеси, – поздоровалась со мной администраторша. – Вы уже решили, как долго пробудете у нас?

– Нет, пока еще нет.

– Пожалуйста, сообщите мне, когда определитесь. – Я вдруг поймала изучающий взгляд, которым дежурная окинула мое лицо. – Вы ведь раньше у нас никогда не останавливались, верно? Но ваше лицо мне почему-то знакомо.

– Нет, раньше я в вашем городе не бывала, – ответила я, стараясь говорить спокойно. – Спасибо. И всего доброго, – попрощалась я с женщиной и заторопилась наверх.

Вечером лягушки, как всегда, устроили свой традиционный ночной концерт под моим открытым окном. Я включила верхний свет в комнате, и взгляд мой упал на CD-плеер, стоявший на прикроватной тумбочке. Что тут же напомнило мне, что я должна еще прослушать продолжение истории Китти. Вот и сделаю это прямо сейчас, решила я, чтобы хоть немного отвлечься от всего остального. Я улеглась на кровать, вставила в плеер новые батарейки и включила второй диск с записью. Потом надела наушники, откинулась на подушку и нажала

клавишу воспроизведения. Закрывает глаза и готовится слушать, что же произошло с Китти Мерсер дальше.

Китти

Брум, Западная Австралия
Октябрь 1907 года

14

Китти слегка пошевелилась, когда Эндрю поцеловал ее.

– Я пошел на причал, – сказал он. – Где-то через час должен подойти наш люггер. Хочу своими глазами взглянуть на улов и убедиться в том, что никто из этих паршивцев из Каупангера не припрятал часть улова себе. От них можно ожидать любой подлости и низости. Отдыхай, дорогая. Береги себя.

– Хорошо, – пообещала мужу Китти, взглянув на его элегантную униформу белого цвета, как и положено хозяину промысла. Ослепительно-белоснежный костюм с воротником-стойкой, застежка из перламутровых пуговиц, такой же белый тропический шлем. Китти знала, что к обеду муж вернется домой в костюме, сплошь покрытом слоем красной пыли. И ему нужно будет переодеваться, чтобы снова отправиться на работу. Здесь, в Бруме, каждый день превращался в одну нескончаемую стирку. Только теперь ей не приходилось самой пыhtеть над чанами с кипящим бельем. Все грязные костюмы служанка складывала и отправляла в Сингапур. Там их отстирывали добела и отправляли пароходом, который курсировал два раза в неделю, обратно в Брум.

И это была лишь одна из тех, поначалу непривычных и даже в чем-то эксцентричных мелочей, которыми наполнилась нынешняя жизнь Китти в Бруме. Правда, довольно скоро она была вынуждена признать свой новый статус: больше не дочь бедного священника, а жена богатого хозяина жемчужного промысла.

Вскоре после свадьбы они вместе с Эндрю сели в порту Фримантл на пароход «*Пароо*», курсировавший в прибрежных водах Австралии, и после нескольких дней бурной морской качки снова, наконец, увидели вдали береговую линию. Китти разглядела ровную желтую полоску суши и какое-то нагромождение тесно прилепившихся друг к

другу домиков под железными крышами. Пароход вошел в гавань и бросил якорь. Сама пристань растянулась вдоль берега на целую милю. Темно-бурая вода шумно ударялась о деревянные сваи опор. Весь берег опоясывал густой лес из мангровых деревьев, за которыми просматривались навесы и эллинги из гофрированного железа. Чуть поодаль стояли на приколе те самые пресловутые люггеры, на которых велась добыча жемчуга в открытом море. Их мачты, сдвинутые вместе, были устремлены ввысь, в огромное ярко-синее небо.

Сойдя на берег, Китти и Эндрю уселись в рессорную двуколку, и пони повез их по узкому пространству городских улиц. Все увиденное мало впечатлило Китти. С прибытием в порт очередного парохода и люггеров, возвращающихся с промысла, в городе начинала бурлить жизнь. Разномастная публика тут же заполняла все бары и отели, расположенные на главной улице города Дампьер-Террас. Из питейных заведений доносились грубые хриплые голоса, громкие звуки пианино, клубами валил табачный дым. Все это напоминало Китти городки Дикого Запада в Америке, про которые она читала когда-то в книгах. Жара стояла невыносимая, неподвижный воздух был влажен, вокруг отчаянно воняло давно немытыми человеческими телами. Бунгало под железной крышей, которое когда-то ее свекор построил исключительно как временное жилье для себя и своей жены Эдит на тот короткий период, пока он наладит и запустит на полную мощь свой бизнес по добыче жемчуга, тоже показалось Китти очень малопривлекательным. Правда, Эндрю клятвенно заверил молодую жену, что скоро они переберутся в более комфортабельный дом, строительство которого завершилось всего лишь пару месяцев тому назад.

Но вот прошло семь месяцев, и постепенно Китти привыкла к этому странному, изолированному от остальной части материка городу, окаймленному с одной стороны бескрайней морской гладью, а с другой – такой же бескрайней пустыней, засыпанной красной землей. Состоятельные белые горожане обитали в нескольких домах, расположенных на Робинзон-стрит, такой же пыльной, как и все остальное в Бруме, к тому же еще и очень часто подтапливаемой. Дома находились всего лишь в нескольких минутах ходьбы от многолюдных кварталов трущоб. В этом городе, напоминавшем плавильный котел, в котором варились люди самых разных национальностей и рас, не было ничего привлекательного, ничего, что радовало бы глаз элегантными и

красивыми формами или напоминало об изяществе. Однако в начале XX века Брум превратился в центр мировой индустрии по добыче жемчуга. Иногда Китти вывозил в город их кучер Фред, абориген, и тогда она собственными глазами лицезрела смешение народов с самым различным цветом кожи. Вся эта разноликая, бурлящая толпа, получавшая на один день увольнение на берег, тут же устремлялась на поиски развлечений. Деньги текли рекой, а вокруг было полно всякого рода увеселительных заведений, которые с удовольствием загребали эти денежки. Торговая компания «Ямассаки энд Майс» предлагала широкий выбор дорогих японских товаров и всяких разных диковинных вещей. Разумеется, тончайшие шелка, из которых шились красивые бальные наряды. В них с началом балльного сезона блистали жены местных воротил, занимавшихся жемчужным промыслом.

Китти слегка потянулась на постели, стараясь выпрямиться. Страшно болела спина, на которую давил живот, увеличивающийся в объеме каждый день. Слава богу, подумала Китти, осталось менее трех месяцев до появления младенца на свет. Доктор Блик, который мог с легкостью осушить до дна бутылку виски, в чем Китти неоднократно убеждалась, встречаясь с ним на всяких светских мероприятиях, заверил ее, что, когда наступит пора рожать, ей будет обеспечен наилучший уход. И неудивительно... В конце концов, Эндрю, ну, если точнее, то его отец, являются владельцами самого крупного в Бруме бизнеса по добыче жемчуга. Их промысловый флот насчитывает аж тридцать шесть люггеров, которые ежегодно доставляют в порт сотни тонн выловленного жемчуга.

В первые месяцы их с Эндрю совместной жизни такие слова и выражения в речи мужа, как «люггеры», «поставить судно на ремонт в док» или «качество раковины», казались Китти чужеродными и непонятными. Но поскольку вечерами за ужином он только и говорил, что о своей работе, то она стала постепенно привыкать к этим выражениям и даже вникать в суть самого производственного процесса.

Начало сезона выдалось для компании «Мерсер Перлинг» особенно тяжелым. Во время одного из сильнейших циклонов, обрушившихся на побережье, затонул один из люггеров вместе со всей командой. Китти быстро осознала, сколь хрупка человеческая жизнь в здешних местах и как быстро находят замену тем, кто ушел навсегда.

Осознать осознала, но нужно было еще привыкнуть жить по тем правилам, по которым живут в Бруме все остальные. Китти старалась, но понимала, что никогда не смирится с царящей здесь жестокостью и даже некоторой дикостью нравов, особенно в том, что касается обращения с аборигенами.

Когда Китти впервые увидела туземцев, которые трудились, разбирая завалы дома, рухнувшего во время недавнего циклона, когда она увидела, как эти несчастные, скованные одной цепью, да еще с кандалами на шее, работают под неусыпным оком охранника с ружьем, она пришла в ужас. Эндрю тут же оттащил Китти в сторону, ибо она начала громко рыдать, настолько ее потрясло увиденное.

– Дорогая, ты еще не осознала в полной мере, что это такое – жить в Бруме, – попытался успокоить ее муж. – Все это делается исключительно ради их же блага, поверь мне. Вот в таком виде они могут приносить хоть какую-то пользу обществу.

– В кандалах?! – Китти буквально затрясло от негодования. Она даже не попыталась скрыть обуревавшие ее чувства. – Лишенные всякой свободы, они, по-твоему, приносят пользу?

– И все же это достаточно гуманно, поверь мне. Они даже могут передвигаться самостоятельно на какое-то небольшое расстояние. Прошу тебя, дорогая, успокойся, пожалуйста.

Китти растерянно слушала, как Эндрю пытался втолковать ей, будто власти считают, что при любом другом обращении эти «черномазые» попросту сбегут из города в пустыню, в свои родные места, как только им представится хоть малейшая возможность удрать. Именно поэтому их и сковывают одной цепью, а на ночь еще и приковывают к какому-нибудь дереву.

– Но ведь это же жестоко, Эндрю! Неужели ты этого сам не видишь?

– По крайней мере когда они работают, то получают за это табак и мешки с мукой, которые потом забирают домой, чтобы кормить свои семьи.

– То есть никакого жалованья они не получают? – уставилась Китти на мужа.

– А зачем им деньги, дорогая? Они им не нужны. Да знаешь ли ты, что эти аборигены могут не моргнув глазом продать свою жену или детей? Они ведь самые настоящие дикие животные, а потому, к

великому сожалению, и обращаться с ними должно как с дикими животными.

Эти споры между супругами продолжались много недель, пока они наконец не пришли к разумному компромиссу: каждый остается при своем мнении. Китти была глубоко убеждена в том, что если проявить немного доброты, понимания и уважения к коренному населению Австралии, ко всем людям, которые обитали на этих землях многие тысячелетия до того момента, как сюда добрались белые переселенцы, то в итоге можно наверняка добиться некоей пусть и небольшой, но гармонии во взаимоотношениях с аборигенами. На что Эндрю отвечал жене, что подобные попытки уже предпринимались в прошлом, но все они заканчивались полнейшим провалом.

Однако Китти никак не могла смириться с подобным положением вещей. Столь вопиющее неравенство людей – ведь это же в корне неправильно, думала она. Подобные мысли постоянно бередили ей душу, не давали покоя ее совести. Она даже вынуждена была обратиться к местному констеблю, чтобы выхлопотать у него специальное разрешение, позволяющее оставлять Фреда на ночь на территории их усадьбы. В противном случае его бы тоже заграбастали вместе с остальными туземцами и отправили на ночь за пределы города в специальный концентрационный лагерь. Так сказать, подальше от своих белых хозяев.

Все эти жестокости приводили к тому, что обитатели трущоб с завидной регулярностью либо умирали дома, либо погибали в море. Ежедневные людские потери – такова была цена, которую жители Брума платили за свои доходы. А заработки здесь были намного выше, чем в целом по стране. Для небольшого же числа избранных существовал еще и особый приз, который все эти люди жадно мечтали заполучить во что бы то ни стало: найти совершенную по форме и качеству жемчужину.

По своей наивности Китти вначале полагала, что в каждой раковине обязательно должна находиться жемчужина. Разумеется, она ошибалась. На самом деле их бизнес выживал главным образом за счет добычи и обработки перламутра. Перламутр соскабливали с внутренней поверхности раковин. Спрятанный внутри невзрачных на вид пятнистых, темно-коричневых раковин, этот переливающийся всеми красками материал тоннами продавался по всему миру.

Перламутр шел на изготовление декоративных гребней и расчесок, шкатулок, пуговиц и прочих галантерейных изделий.

Лишь крайне редко капитан того или иного люггера возвращался в порт с видом триумфатора и предъявлял своему хозяину коробочку с жемчужиной, постукивая ею перед его носом, словно погремушкой. Естественно, коробочку мог вскрыть только сам хозяин. Вдруг при неосторожном обращении жемчужинка случайно выпадет из коробочки и повредится? А ведь вполне возможно, что внутри спрятано настоящее сокровище, стоящее баснословных денег. Китти знала: заветная мечта ее мужа, о которой он грезил день и ночь, – это найти именно такую уникальную по своей красоте и размерам жемчужину, которая одномоментно сделает его не только очень богатым, но еще и знаменитым. Словом, найти такую жемчужину, которая помогла бы ему *самоутвердиться*, то есть не просто заменить отца, но сделаться самым главным человеком в Бруме среди тех, кто занимается добычей жемчуга. Да и не только в Бруме, стать главным добытчиком жемчуга во всем мире – вот была мечта всей его жизни.

Пару раз случалось, что Эндрю возвращался домой и приносил с собой жемчужину размером с большой шарик. Глаза его горели радостным возбуждением, когда он демонстрировал жене жемчужину, которая чаще всего была неправильной и даже несколько причудливой формы. После чего находка немедленно отправлялась на Карнарвон-стрит, в ювелирную мастерскую Т. Б. Эллиса, чтобы там определили ее качество. Владелец мастерской имел репутацию одного из самых квалифицированных специалистов в мире по обработке жемчуга.

Жемчуг ведь, подобно алмазам, тоже подвергается специальной обработке в процессе изготовления ювелирных украшений. Его полируют особым образом, чтобы придать минералу красивый блеск и выявить истинную красоту жемчужины. Китти была крайне удивлена, когда ей рассказали, что каждая жемчужина увеличивается в своих размерах постепенно, наращивая слой за слоем. Что делает ее в чем-то похожей на обычную луковичку. Мастерство Т. Б. Эллиса заключалось в том, что он мог осторожно снять с жемчужины некачественный слой, не повредив при этом все остальные слои. Китти с интересом наблюдала за тем, как мастер крутит жемчужину в руках, подносит ее к свету и внимательно разглядывает своими карими глазами, словно пытается проникнуть в самую ее сердцевину. Его тонкие

чувствительные пальцы мгновенно выявляли малейшую неровность или шероховатость на поверхности жемчужины, которые тут же зачищались с помощью специальных ножей и напильников. Мастер работал с использованием особой ювелирной лупы с многократным увеличением.

– Ведь что такое жемчуг? – ронял он как бы между прочим, пока Китти неотрывно следила за его работой. – Всего лишь слюна устрицы. Возможно, в какой-то момент что-то вызвало ее раздражение. Или она почувствовала неприятное жжение от какой-нибудь случайно попавшей песчинки, тогда она немедленно выплевывает порцию слюны, формируя вокруг себя такой защитный кокон. И вот таким образом в итоге образуется самый красивый минерал из всех, что есть в природе. Но иногда... – Эллис на какое-то время умолкает, сосредоточенно разглядывая очередной дефект, который ему предстоит устранить. – Иногда внутри этой многослойной конструкции скрывается пустота. То есть там ничего нет. Лишь комок грязи. Вот как в этом случае. – Он протягивает жемчужину, чтобы Китти и Эндрю могли разглядеть ее как следует. Действительно, что-то темное и грязное виднеется сквозь крохотное отверстие. Эндрю с трудом подавляет вздох разочарования, а ювелир продолжает колдовать над находкой. – К сожалению, обычный пузырь. Пойдет разве что на изготовление какой-нибудь изящной заколки для шляпки. – Уголки его губ под усами изгибаются в снисходительной усмешке, и он снова возобновляет свою работу.

Порой Китти мысленно задавалась вопросом, догадывается ли этот тихий, невзрачный на вид сингалец, что он, пожалуй, самая влиятельная персона в Бруме. Ведь, в сущности, он своими руками творит мечту многих и многих искателей жемчуга. В своей непритязательной мастерской, обшитой снаружи деревом, он колдует над жемчужиной, удаляя с нее слой за слоем, пока она не заиграет всеми красками, превратившись в драгоценное украшение. Или, наоборот, в кучку перламутровой пыли, осевшей на его рабочий стол.

Вот такой он, этот город Брум. Самая настоящая микровселенная, созданная по собственному образцу и подобию. Совершенно уникальный город, который затягивает в свои сети, а потом перемальвает каждого, кто сюда попадает. Китти очень скоро почувствовала на собственном опыте, что тоже стала еще одним

винтиком в этой бесперебойно работающей машине, винтиком, которому выпала роль послушной жены воротилы жемчужного бизнеса.

– В один прекрасный день, – Эндрю обнял жену, не в силах скрыть еще одного разочарования, которое только что испытал в мастерской Эллиса, – я все же порадую тебя своей находкой. Будь уверена! И подарю тебе самую великолепную жемчужину из всех. А ты станешь носить ее, чтобы все видели эту красоту и любовались ею.

Китти осторожно прошлась пальцами по ожерелью из крохотных жемчужин. Эндрю сам отбирал их и сам нанизывал на нитку. Помимо его всепоглощающего желания найти уникальную жемчужину, он был обуреваем не менее всепоглощающей любовью к своей жене. Воистину, он не останавливался ни перед чем, чтобы доставить ей удовольствие. Китти уже благоразумно научилась скрывать свои желания. Иначе Эндрю готов был отправиться хоть на край света, чтобы выполнить ее очередную прихоть. Он обставил дом прекрасной антикварной мебелью, которую привозили в Брум со всей Азии. Как-то раз Китти обронила ненароком, что любит розы, а уже через неделю муж взял ее за руку и вывел на веранду, чтобы показать бесчисленные кусты роз, высаженные по всему периметру дома. И сделано это было еще до того, как Китти проснулась.

В их первую брачную ночь Эндрю был сама деликатность и нежность. Хотя акт соития, который Китти снесла стоически, не доставил ей никакого удовольствия, по крайней мере, все прошло более или менее терпимо. Когда спустя пять месяцев она сообщила мужу о том, что беременна, Эндрю был на седьмом небе от счастья. Он явно радовался гораздо сильнее, чем сама Китти, хотя на тот момент ребеночек внутри нее был едва ли больше какой-нибудь жемчужины. Эндрю тут же начал строить планы на будущее. С воодушевлением рассказывал Китти о том, что их сын (почему-то он не сомневался в том, что у них будет сын) пойдет по стопам своего отца, что они отправят его на учебу в колледж Эммануэль в Аделаиде, а потом он поступит в тамошний университет. Неделей позже Китти доставили на

дом красивую резную колыбельку из красного дерева и целую кучу самых разнообразных игрушек.

– В Бруме все поделено на две неравные части, – тяжело вздохнула Китти, с усилием поднимаясь с кровати, чтобы набросить на себя шелковый халат. Девяносто девять процентов обитателей города влечат просто жалкое существование в ужасающих условиях. А вот для богатых жителей Брума, кажется, нет ничего невозможного. Они могут пожелать все, что их душе угодно. Как говорится, любой каприз за ваши деньги. И товар будет доставлен буквально в считанные недели в этот крохотный, изолированный от всех остальных мест городок, затерянный, можно сказать, на краю земли.

Потом Китти взяла свои тапочки и энергично потрясла их, зная, как любят пауки и тараканы забираться вовнутрь и нежиться там в тепле. Вытряхнула насекомых на пол, после чего с трудом втиснула в тапки свои опухшие ноги. Китти привыкла к активному образу жизни. Несмотря на свой стремительно увеличивающийся в объеме живот, она по-прежнему категорически не желала замыкаться в четырех стенах. Да в этом доме можно с ума сойти от скуки, думала она.

После завтрака она занялась составлением списка того, что нужно купить в городе. Раньше, еще до того как забеременеть, она всегда ходила пешком на Дампьер-Террас. Туда и ходу-то минут десять, не более. На этой улице сосредоточены все главные магазины Брума, в которых продается практически все: от икры, поставляемой из России, до сочных говяжьих туш, разделанных на скотобойнях Хайландс-Стар в Шотландии. Питались они хорошо и обильно. И выбор продуктов, и их качество не шли ни в какое сравнение с тем, чем кормилась семья Китти в Лейте. Их повариха, малайзийка по имени Тарик, приобщила Китти к тушеному мясу, приправленному соусом карри. К своему удивлению, Китти нашла этот соус очень вкусным.

Заколов на голове широкополую шляпку от солнца, Китти взяла корзинку для провизии и зонтик и, обойдя дом, направилась на конюшню, где обычно обитал Фред. Вот и сейчас он крепко спал на подстилке из соломы. Китти громко хлопнула в ладоши, и кучер тотчас же очнулся от сна и вскочил с земли. Он широко улыбнулся, увидев хозяйку. У него не хватало одного переднего зуба. Но Китти уже успела заметить, что у туземцев-мужчин очень часто нет переднего

зуба. Наверное, это часть какого-то ритуала, который соблюдают аборигены.

– В город. – Китти махнула рукой, показывая на город, ибо Фред понимал на английском лишь отдельные слова и то не всегда. Он разговаривал на языке племени явуру, которое исторически обитало на территориях вокруг Брума.

– Поедем в город, – охотно согласился с ней Фред и стал проворно запрягать пони в двуколку. Ну, слава богу, хоть дома, на месте, не удрал никуда, мелькнуло у Китти, явно обрадовавшейся тому, что она застала кучера в конюшне. Вообще-то у него была склонность время от времени исчезать куда-то, чтобы, по его словам, «побродить по окрестностям, миссис Босс», как он величал свою хозяйку. Впрочем, и эта его привычка, как и отсутствующий передний зуб, тоже оказалась весьма распространенной среди аборигенов. Они могли неделями блуждать где-то в пустынях, окружавших Брум. Поначалу Китти пришла в ужас, когда узнала, что Фред спит в сарае, на подстилке из соломы.

– Дорогая, эти черные категорически отказываются спать в помещении. Даже если бы мы построили ему какую-нибудь хижину, – убеждал ее муж, – он все равно бы ночевал где-нибудь под открытым небом. Луна и звезды над головой – вот самая надежная крыша для любого аборигена.

Тем не менее Китти такое положение вещей никак не устраивало, и, пока строители занимались отделкой их нового дома, она уговорила Эндрю, чтобы те соорудили пристанище и для Фреда, снабдив его жилище хоть какими-то удобствами: умывальник, место для кровати, небольшая кухонька, где бы он мог готовить себе что-то по собственному вкусу. Впрочем, пока Фред так и не воспользовался ни одним из перечисленных удобств. И хотя Китти строго следила за тем, чтобы его униформа регулярно стиралась, от него по-прежнему сильно пахло, и запах этот был ощутим уже в нескольких шагах.

Фред помог Китти взобраться в двуколку и сесть рядом с ним. Пони неторопливо зацокал копытами по направлению к городу. Легкий ветерок обдувал лицо, и это было очень приятно. Конечно, было бы хорошо, подумала она, если бы можно было поговорить с Фредом как следует, *понять* его соплеменников, понять их образ жизни, но пока, несмотря на все ее старания приобщить кучера к английскому, он

демонстрировал полное равнодушие к языку, явно не желая приобретать новые знания.

Но вот впереди показалась Дампьер-Террас. Китти сделала предупреждающий знак рукой и сказала:

– Стоп!

Фред помог ей сойти на землю.

– Мне оставаться здесь? – поинтересовался он на ломаном английском.

– Да, – улыбнулась в ответ Китти, направляясь в сторону мясной лавки.

Закупив все продукты, необходимые для сегодняшнего ужина, она остановилась на минуту, чтобы перекинуться парой слов с миссис Норман, женой еще одного бизнесмена, занимавшегося жемчужным промыслом. Солнце пекло нещадно. Чувствуя, что вот-вот лишится чувств в этой изнуряющей духоте, Китти, не переставая обмахиваться веером, свернула на узенькую улочку, где можно было найти хоть какую-то тень. Китти уже собиралась вернуться назад, к двуколке и к поджидающему ее Фреду, когда вдруг услышала негромкое причитание, доносившееся с противоположной стороны улочки, похожее скорее на жалобное завывание.

Решительным шагом Китти направилась к куче хлама, в первый момент решив, что это скулит какое-то раненое животное, отодвинула в сторону вонючую корзину и увидела, что за корзиной лежит свернувшееся калачиком человеческое существо. Судя по цвету кожи, абориген, а по очертанию фигуры похоже на женщину.

– Что случилось?

Ответа не последовало. Тогда Китти наклонилась и коснулась рукой смуглой кожи. Калачик дернулся и моментально развернулся. Перед Китти предстала совсем еще молоденькая девушка. В ее глазах застыл несказанный ужас.

– Я не... сделала ничего плохого... госпожа...

Девушка попыталась забиться глубже в хлам. Пока она отчаянно барахталась в этой куче, Китти успела разглядеть, что у нее большой живот.

– Знаю, – ответила Китти, стараясь говорить ласково. – Я не собираюсь обижать тебя. Ты говоришь по-английски?

– Да, госпожа... Немного говорю...

– Что с тобой случилось? Вижу, мы с тобой обе в... положении. – Китти кивком показала на свой живот.

– Да, мы обе ждем деток. Но лучше мне умереть. Уйти отсюда куда глаза глядят... Тут, госпожа, для таких, как мы, нет жизни.

С большим трудом Китти опустилась на корточки.

– Не бойся. Я хочу тебе помочь. – Она снова протянула руку, чтобы погладить девушку, на этот раз та не дернулась в сторону. – Откуда ты?

– Из большого дома... Большой господин... Босс... Он увидел это... – Девушка похлопала себя по животу. – Больше у меня нет дома...

– Хорошо. Посиди пока здесь. Тут неподалеку моя повозка. Я заберу тебя к себе домой и помогу. Ты меня понимаешь?

– Бросьте меня здесь, госпожа... У меня все... плохо...

– Нет! Я возьму тебя к себе. У меня есть дома местечко, где тебя можно будет приютить. Поверь, там тебе будет хорошо. Никаких угроз.

– Лучше мне умереть, – снова жалобно запричитала девушка. Из-за плотно сомкнутых век брызнули слезы.

Китти снова поднялась во весь рост, растерянно соображая, как убедить эту девчушку, что она говорит правду. Решение пришло мгновенно. Китти расстегнула застежку жемчужного колье, обвивавшего ее шею, снова наклонилась к земле и вложила жемчужные бусы в руку девушки. Тут одно из двух, подумала Китти. Либо девчонка сбежит прочь, пока Китти будет ходить за повозкой, и тогда она точно совершила оплошность, вручив ей бусы, либо...

– Подержи это, пока я вернусь с повозкой. Видишь, я тебе доверяю. Вот и ты должна доверять мне.

Китти торопливо зашагала прочь. Подойдя к Фреду, велела ему отвести пони к той улочке, где только что была. Знаком показала ему, чтобы он слез и пошел с ней рядом. Девушка, к великому облегчению Китти, оказалась на месте. Она сидела, выпрямившись, крепко сжимая в руке бусы.

– А сейчас, Фред, – приказала Китти кучеру, – помоги этой девушке сесть в двуколку. – Для пущей наглядности Китти пустила в ход не только слова, но и жестами показала ему, чего именно она хочет.

Фред уставился на свою хозяйку в немом изумлении. Она увидела, как они с девушкой обменялись долгими изучающими

взглядами.

– Пожалуйста, Фред, делай, как тебе велено!

После чего эти двое заговорили на своем родном языке явуру. Судя по всему, Фред учинил девчонке, сидящей в куче хлама с бусами его хозяйки, самый настоящий допрос с пристрастием. Временами их разговор принимал очень уж жаркий характер, но в конце концов Фред согласно кивнул и глянул на Китти.

– Она – ладно, госпожа.

– Тогда поторопись. Помоги ей сесть в повозку.

Фред неохотно протянул руку девушке, чтобы помочь ей подняться с земли. Но та даже не притронулась к его руке. Предпочла гордо обойтись без посторонней помощи. Пошатываясь из стороны в сторону, кое-как поднялась сама.

– Я пойду пешком, – объявила она с высоко вскинутой головой, проходя мимо Китти.

– А куда мне ее устроить? – спросил Фред у Китти.

– Пусть уляжется в хвосте повозки, а мы сверху прикроем ее парусиной.

После того как Китти проследила за тем, как и что нужно сделать, Фред помог ей сесть рядом с собой.

– Вот сейчас едем домой, Фред, – приказала она ему.

Когда они вернулись домой, Китти взяла несколько чистых простыней и пошла в хижину Фреда, которой он так еще ни разу и не воспользовался. Помогла девушке, которая уже едва стояла на ногах, лечь на матрас. Потом принесла настойку гамамелиса и стала протирать ею синяк под глазом у девушки. Обнаружились и другие синяки: на щеке и на подбородке. Их Китти тоже осторожно смазала настойкой.

Поставила рядом с кроватью кувшин с водой и улыбнулась девушке.

– А теперь постарайся заснуть. Здесь тебя никто не потревожит, – заверила Китти.

– Никто не придет и не будет бить меня?

– Никто! – твердо пообещала Китти девушке, потом показала глазами на большой железный ключ, торчащий в замочной скважине. – Я сейчас уйду, – объяснила Китти жестами, – а ты запри за мной дверь. Здесь ты в полной безопасности. Понятно?

- Да, понимаю...
- Позднее я принесу тебе суп, – добавила она, уже открывая дверь на улицу.
- Но... почему вы так добры, госпожа?
- Потому что ты – человек. Такое же человеческое существо, как и все мы. А пока спи. – Китти осторожно прикрыла за собой дверь.

Вечером, напоив Камиру (так назвалась девушка) бульоном, Китти открыла бутылку хорошего красного вина для Эндрю. Подождала, пока он осушит пару бокалов, а потом перешла к теме, которая ее волновала, и завела речь о девушке. Сказала, что подобрала ее на улице и поселила у них во дворе, в хижине.

– Она рассказала мне, что работала служанкой в одном доме на Герберт-стрит. Но когда ее беременность стала очевидной всем, ее просто вышвырнули вон. И к тому же сильно избили.

– Ты знаешь, кто был ее хозяином? – спросил у жены Эндрю.

– Нет. Она мне не сказала.

– Ничего удивительного, – обронил Эндрю, отхлебнув еще вина из своего бокала. – Эта чертовка прекрасно понимает, что мы можем наведаться к нему и навести справки о его бывшей служанке. Узнать, так сказать, истинную историю всего случившегося.

– Эндрю, я ни минуты не сомневаюсь в том, что девушка *рассказала мне* свою истинную историю, как ты это назвал. Сам подумай. Кому нужна беременная служанка? К тому же велика вероятность того, что ее попросту изнасиловали, – выпалила Китти, даже не попытавшись подыскать другое, более благозвучное слово. Собственно, изнасилования в Бруме были обычной практикой. Пьяные матросы, изголодавшиеся по женским ласкам, сходя на берег, пускались во все тяжкие в поисках «черного бархата», как часто здесь называют женщин-туземок.

– Ты не можешь знать это.

– Нет, не могу. Ты прав. Но девушка рассказала мне, что она воспитывалась при христианской миссии в Бигл-Бей. Она неплохо говорит по-английски и уж точно не похожа на портовую шлюху.

Эндрю откинулся на спинку стула и бросил удивленный взгляд на свою жену.

– Ты хочешь сказать, что мы должны приютить эту беременную аборигенку, дать ей кров и стол, так? Боже мой! Ты хоть представляешь себе, что это такое? Как только мы куда-нибудь отлучимся, она тут же проникнет в дом и обворует нас. Утащит все, что только сможет унести!

– Пусть даже и так! Но у нас ведь есть деньги, чтобы возместить потери. И потом... не верю я, что она может поступить подобным образом. Эндрю! Ради всех святых! Эта несчастная беременна. Она вынашивает в себе новую жизнь. И что, по-твоему, я, будучи христианкой, должна была бросить ее умирать в канаве?

– Нет! Разумеется, нет... Но... но ты должна понимать, что...

– Уже прошло семь месяцев с тех пор, как я приехала в Брум. Пожалуй, сегодня для меня нет секретов, связанных с этим городом. Мне здесь все понятно. Пожалуйста, прошу тебя, Эндрю. Поверь мне! Я уверена, девушка не собирается обворовать нас. Но если такое, паче чаяния, случится, что ж, тогда всю вину за произошедшее я приму на себя. Наверняка у нее больший срок, чем у меня. Неужели мы допустим, чтобы на нашей совести был грех за смерть двух невинных душ?

– Хорошо! Но предупреждаю тебя! Как только она родит, пусть незамедлительно убирается из нашего дома восвояси.

– Эндрю, пожалуйста! – Китти приложила пальцы ко лбу. – Я вполне понимаю твое более чем сдержанное отношение к этой девушке. Но я знаю и другое. В таком городе, как Брум, так легко можно стать жертвой обстоятельств и попасть в полную зависимость от других. Представь на минутку меня на ее месте...

– Хорошо-хорошо! – уступил Эндрю. – Понимаю, ты сейчас в таком положении, когда особенно остро воспринимаешь любую несправедливость, тем более если встречаешь женщину, которая тоже ждет ребенка, но которой не повезло по жизни. Пусть остается... Только на одну ночь, – добавил он на всякий случай.

– Спасибо! Спасибо тебе, мой родной! – Китти подхватила свое место, подошла к мужу и обняла его за плечи.

– Но только не говори потом, что я тебя ни о чем не предупреждал. Эта девчонка завтра же сбежит и унесет с собой все,

что сможет унести, – промолвил Эндрю, вполне искренне полагая, что последнее слово все же должно оставаться за ним.

Утром следующего дня Китти постучала в дверь домика и обнаружила Камиру, метавшуюся по комнате, словно загнанный зверь.

– Доброе утро, – поздоровалась Китти с девушкой. – Вот принесла тебе завтрак.

– Вы будете держать меня здесь? – Камира показала пальцем на дверь.

– Нет, я не собираюсь держать тебя взаперти. Я же сказала: вон ключ, торчит в замочной скважине. Ты вольна уйти отсюда в любой момент, как только пожелаешь.

Камира уставилась на Китти во все глаза, явно пытаясь понять, что у этой белой женщины на уме.

– Что, я могу уйти прямо сейчас?

– Конечно. Уходи, если хочешь. – С этими словами Китти широко распахнула дверь и показала рукой на дорожку, ведущую от дома.

Камира молча направилась к дверям. Немного замешкалась на пороге, озираясь по сторонам. Потом взглянула на Фреда, который сосредоточенно жевал табак, делая вид, что обихаживает пони. Но вот она вышла на улицу и сделала несколько нерешительных шажков по красной земле. Китти видела, что Камира напряжена до крайности, ожидая внезапной атаки на себя со всех сторон. Но никто не бросился останавливать ее, а потому она пошла дальше по подъездной дорожке, которая вела за ворота дома. Китти тоже вышла из хижины и направилась в дом.

В гостиной глянула в окно и увидела, как крохотная фигурка Камиры удаляется все дальше и дальше от их дома и вот-вот затеряется вдали. И невольно вздохнула, подумав о том, что Эндрю, скорее всего, прав. В этот момент младенец в утробе внезапно толкнул Китти в живот, и она поспешила сесть. Жара уже с самого утра была невыносимой.

Прошел час с небольшим. Китти уже потеряла всякую надежду снова увидеть Камиру. А она между тем снова показалась на подходе к

дому и, немного поколебавшись, пошла по подъездной дорожке обратно во двор. Китти выждала минут десять, а потом направилась в хижину, прихватив с собой стакан холодного лимонада. Тарик только что приготовила лимонад. В стакане еще плавали льдинки, которые она наколола от недавно привезенного большого куска льда.

Дверь в хижину была полуоткрыта, но Китти все равно постучала.

Камира распахнула дверь, и Китти зашла в каморку. И сразу же увидела, что завтрак, который она оставила на подносе, съеден полностью.

– Вот, принесла тебе попить. Это очень полезно для младенца.

– Спасибо, госпожа. – Камира взяла протянутый ей стакан с лимонадом и сделала небольшой глоток, пробуя на вкус. Словно опасаясь, что напиток может быть отравлен. И почти сразу же с жадностью осушила стакан до дна. – Вы тут не будете держать меня как в тюрьме?

– Конечно, не будем, – живо отреагировала Китти. – Я просто хочу тебе помочь.

– Но почему вы хотите помочь мне, госпожа? Белые никогда не помогают таким, как я.

– Потому что... – Китти замаялась в поисках наиболее простого и доступного объяснения. – Потому что мы с тобой обе оказались в одинаковом положении. – Она показала рукой на свой живот. – Как долго ты пробыла в миссии?

– Я там воспитывалась десять лет. Учитель говорил, что я хорошая ученица. – В темных глазах Камиры промелькнула нескрываемая гордость. – Я и немецкий знаю.

– Даже так? Мой муж разговаривает на немецком. А я вот не знаю этот язык.

– А что вы хотите взамен, госпожа?

Китти уже приготовилась сказать ей: «Ничего». Но вовремя спохватилась. Вряд ли Камира в ее нынешнем состоянии способна понять, что белые могут помогать и совсем бескорыстно.

– Знаешь, если ты решишь остаться у нас, то для начала я попрошу тебя научить Фреда разговаривать на английском.

Камира тут же сморщила носик.

– Фу! От него воняет. Не моется.

– Может, и этому ты его научишь?

– Мне... учить его, хозяйка?

– Да, и потом... – Китти придумывала новые задания буквально на ходу. – Я ищу себе в помощь няньку, которая помогала бы мне ухаживать за ребеночком, когда он родится.

– О, я знаю, как ухаживать за младенцами. Я ухаживала за ними, когда жила в миссии.

– Вот и чудесно. Тогда решено. Ты станешь жить здесь. – Китти широким взмахом руки обвела хижину. – А мы тебя будем кормить за то, что ты нам помогаешь.

Камира с серьезным выражением снова принялась изучать лицо Китти.

– И не будете запираеть дверь?

– Никто тебя не собирается запираеть тут. Вот тебе ключи. – Китти протянула ей ключ. – Ну как? Идет?

Наконец-то лицо Камиры озарила слабая улыбка.

– Идет.

– Итак, твоя чумазая девчонка заграбастала все, что смогла унести, и была такова, стоило тебе только отвернуться на одну минуту в другую сторону? – поинтересовался Эндрю у жены за обедом.

– Ошибаешься. Она сходила прогулялась и вернулась обратно. Представляешь, эта девушка может говорить не только на английском, но и на немецком. Ее воспитывали как христианку.

– Ну, не думаю, что она пропиталась идеями христианства очень глубоко, так, слегка приобщилась к основам, и только. И все же, что ты собираешься делать с ней дальше?

– Она рассказала, что ухаживала за маленькими детьми, когда жила в миссии. Я ей предложила пожить у нас в том домике, который был построен для Фреда. А взамен она станет помогать мне, когда у нас родится ребеночек. А еще научит Фреда разговаривать на английском.

– Но моя дорогая Китти! Эта девчонка беременна! Велика вероятность того, что она забеременела от белого мужчины. А ты ведь

знаешь, как суровы наши законы по отношению ко всем этим полукровкам.

– Эндрю! – Китти со стуком уронила на свою тарелку вилку и нож. – Камира – почти моя ровесница! И чего ты ждешь от меня? Чтобы я вышвырнула ее назад, на ту свалку, где я ее подобрала? А что же до всех этих законов... Варварские эти законы, нечеловеческие... Подумать только! Разлучать мать и дитя...

– Все это делается только для блага этих детишек. Поверь мне, дорогая. Власти стараются обезопасить их будущее, не допустить, чтобы такие дети умирали где-нибудь в канаве под забором. Они хотят хоть как-то образовать их, сделать из них христиан.

– И все равно я даже на одну секунду не могу представить себе, что *наше с тобой* дитя могут вырвать из моих рук. – Китти даже затрясло от негодования. – И почему тогда, спрашивается, если мы с тобой можем реально помочь хотя бы одному из этих несчастных, мы должны отказываться сделать это? Ведь это же наш прямой долг. Христианский долг. Прости... Что-то мне нехорошо...

Китти поднялась со стула и медленно направилась в спальню. И сразу же легла, чувствуя, как трепещет сердце в груди.

Она прекрасно знала все те правила, которыми регулировалось обращение с детьми-метисами. Сама видела, как все эти ревностные служаки из местной попечительской службы совершают регулярные поездки по городу в поисках детишек с более светлой кожей, чем у их матерей. Таких ребятишек немедленно изымали. Китти слышала эти душераздирающие вопли, когда ребенка силком выхватывают из рук матери и грузят в повозку. Которая потом отвозит собранную ребятню в сиротский приют при христианской миссии. А там уже стараются начисто выветрить из детских голов всякую память об их настоящем происхождении. Вместо почитания предков – Бог, который, по их мнению, тоже полагает, что лучше жить с Ним, чем с любящей матерью.

Через пару минут в дверь постучали, и на пороге появился Эндрю. Он подошел к кровати и присел на постель рядом с женой. Взял Китти за руку.

– Ну как ты?

– Чувствую какую-то слабость во всем теле. А так все нормально. Уж очень душно сегодня.

Эндрю вытащил из стопки муслиновых салфеток, сложенных на прикроватной тумбочке, одну и смочил ее водой из кувшина. Потом аккуратно положил салфетку на лоб Китти.

– У тебя тоже приближается время родов, дорогая. Что ж, если тебе доставляет удовольствие помогать женщине, оказавшейся в сходном с тобой положении, как я могу помешать тебе в этом? Пусть остается. Во всяком случае, пока не родит. А там... Там посмотрим.

Китти сразу же поняла, что осталось недосказанным. Посмотрим, какого цвета будет ребенок, вот что имел в виду Эндрю. Но сейчас не время привередничать, а тем более отвечать грубостью.

– Спасибо, дорогой. Ты так добр ко мне.

– На самом деле это ты добра. Ты – сама доброта, Китти. Наверное, я уже слишком долго пробыл в Бруме и *привык* не замечать страдания людей, которые живут вокруг нас. Нужен свежий взгляд на все окружающее, еще не замыленный, такой, как у тебя. Однако не забывай, я занимаю в этом городе известное положение и обязан беречь свою репутацию. Ни я, ни ты не имеем права попирать существующие законы и нормы. Ты понимаешь меня, Китти?

– Понимаю.

– Так когда же я увижу, наконец, твою черномазенькую?

При последних словах мужа Китти захотелось заскрежетать зубами, но она снова сдержалась.

– Эту девушку зовут Камира. Хочу сшить для нее пару платьев. На ней сейчас только те лохмотья, в которых я нашла ее. А они грязные.

– На твоём месте я бы их сжег. Одному Богу известно, где она в них валялась. Впрочем, вскоре мы все узнаем. Если она, по твоим словам, работала служанкой, то не составит особого труда выяснить, в каком именно доме она подвизалась. Что ж, а теперь, – Эндрю нежно поцеловал жену в лоб и поднялся с постели, – мне нужно в город. У меня встреча с Эллисом. Наш люггер «Эдит» привез на сей раз замечательный улов. Есть пара жемчужин, которые я хочу отдать ему на шлифовку. На одну из них я возлагаю большие надежды. Она очень специфическая. – Глаза Эндрю вспыхнули в радостном предвкушении очередной долгожданной удачи.

«*Разве у нас еще мало этих жемчужин?*» – подумала Китти, когда за мужем закрылась дверь.

Впрочем, она уже успела понять, кто является истинным богом в *этом городе*. Имя этому богу – Деньги.

15

В январе барометр, висевший на стене в гостиной, стал стремительно падать, знаменуя тем самым начало сезона дождей. Китти просыпалась по утрам, обливаясь потом. Роды могли начаться в любой день, и она молила Бога лишь об одном. Чтобы все это поскорее закончилось. Тяжелый влажный воздух укутывал ее, словно одеялом, мешая дышать полной грудью. Каждый вдох давался с огромным трудом. Слишком измученная, чтобы подниматься с постели, Китти лежала на кровати, мечтая о том, чтобы наконец пошел дождь или случилась гроза. И чтобы у нее самой быстрее отошли воды. Китти позвонила в колокольчик, давая знак, чтобы ей подали завтрак в постель. Последние несколько дней она пролежала, почти не вставая. Сама мысль о том, что нужно будет одеваться, натягивать на себя тугой корсет, хотя и специально сшитый на заказ с учетом ее нынешнего положения, потом сверху напяливать несколько нижних юбок, а в довершение всего – еще и платье, эта мысль приводила Китти в ужас. Нет уж! Лучше проваляться в кровати целый день в одной ночной сорочке. Ничто не сковывает движений, не мешает объемному пузу. Да и телу так прохладнее.

Потом она вспомнила про Камиру и тотчас же больно прикусила губу от досады. Вроде поначалу все складывалось как нельзя лучше. Даже Эндрю, после того как задал девушке несколько вопросов на немецком, был вынужден признать, что эта маленькая чертовка очень сообразительна. Как только негласный договор между двумя женщинами вступил в силу и Камира окончательно удостоверилась в том, что никто не собирается держать ее под замком или тем более отправлять на ночлег в местную тюрьму, где содержат всяких неизвестных субъектов, совершивших разные неблагоприятные проступки, она тотчас же превратилась в работающую и надежную помощницу, готовую на любую домашнюю работу. Кто бы ни был ее прежним работодателем, но обучили ее домашним делам хорошо. И вскоре Камира уже всю хлопотала по дому, попутно не скрывая своего возмущения нерадивостью служанки. Что правда, то правда.

Молоденькая сингалка по имени Медха, с темными глазами, похожими на две маленькие вишенки, действительно предпочитала больше времени проводить перед зеркалом, разглядывая в нем свое личико, чем озаботиться тем, чтобы почистить это зеркало.

Китти с трудом сдерживала улыбку, наблюдая за тем, как Камира постепенно прибирает руководство домашними делами к своим рукам. И вот уже вскоре она начала раздавать приказы направо и налево, требуя, чтобы служанка по крайней мере три раза в день подметала полы в комнатах, удаляя всю собравшуюся там пыль, а в промежутках между подметанием полы должны были мыться с использованием щетки и мыла. Через какое-то время вся мебель красного дерева, стоявшая в доме, сверкала, как новенькая, отполированная до блеска с помощью пчелиного воска. Вся паутина, скопившаяся в дальних углах комнат с высокими потолками, была безжалостно выметена вон вместе со всеми своими обитателями. Китти, сидя за бюро в гостиной, с некоторой завистью наблюдала за тем, как Камира легко порхает вокруг, словно бабочка, в то время как у нее самой не было сил даже держать авторучку. А ведь у Камиры гораздо более поздний срок, чем у Китти. Но такое впечатление, что Камира даже не ощущает своей беременности.

Дней десять тому назад Китти обсуждала с Эндрю свою идею отправить Медху восвояси, а Камиру сделать полноценной служанкой в доме.

– Давай не будем торопиться, – ответил ей тогда муж. – Посмотрим, что будет, когда она родит ребеночка. Как говорится, будем поспешать медленно. Кто его знает, что этой девчонке взбредет в голову. Возьмет и в один прекрасный день отправится к своим. И что мы тогда будем делать без служанки в доме? Тем более сейчас, когда ты так нуждаешься в помощи.

Воистину, Камира будто подслушала эти слова Эндрю. На следующее утро Китти зашла к ней и обнаружила, что ее каморка пуста.

– Фред, а где Камира? – спросила Китти у кучера, выходя из хижины.

– Она ушла.

– Сказала куда?

– Нет, госпожа хозяйка. Ушла, и все, – коротко ответил Фред.

– Я же тебя предупреждал, дорогая. Эти черные, они ведь живут совсем по иным правилам, – ласково попенял жене Эндрю. – Хорошо еще хоть, что мы не прогнали прочь Медху.

Эндрю откровенно торжествовал, и это сильно раздражало Китти. Муж явно был удовлетворен тем, что оправдались его самые худшие предположения. Тем не менее Китти продолжала каждый день упорно наведываться в хижину Камиры, но там по-прежнему было пусто. А поскольку Китти в свое время пообещала мужу не афишировать присутствие Камиры в их доме, то и навести справки в городе о ее нынешнем местонахождении, поспрашивать у кого-то из знакомых тоже не могла.

– Пошла бродяжничать, – это все, чего смогла добиться Китти от Фреда, когда она спрашивала его, куда могла податься Камира.

Разумеется, Китти была зла на нее. Еще бы! Называется, сполна отплатила за всю ее доброту. Собралась и ушла, даже не попрощавшись, будто и не знала их вовсе. Но при всем том Китти сильно скучала по Камире. Китти уже успела понять, что Камира не только сносно владеет английским, но и обладает весьма своеобразным чувством юмора. Китти и саму после переезда в Брум поначалу откровенно забавляли многие мелочи здешней жизни. И вот оказалось, что, несмотря на всю ту пропасть, которая разделяла этих двух женщин в плане происхождения и культуры, они во многом смотрят на окружающую жизнь одинаково. Словом, Китти нашла в своей помощнице самую настоящую родственную душу. К тому же, по мере приближения родов, Китти чувствовала себя гораздо увереннее рядом с этой спокойной, рассудительной и всегда готовой прийти на помощь молодой женщиной.

– Не волнуйтесь, госпожа, – помнится, повторяла Камира. – Когда наступит срок, я приму вашего младенца. Никаких проблем.

И Китти почему-то *верила* ей, внутренне расслаблялась и даже улыбалась, слыша эти заверения. Эндрю тоже заметил разительную перемену, произошедшую в настроении жены, и был только рад, что рядом с ней в этот момент оказалась Камира.

Слезинка выкатилась из одного глаза и покатила по щеке Китти. Нет, больше она никогда не совершит подобной ошибки.

В дверь негромко постучали. Китти села на постели, глянув на открывающуюся дверь.

– Доброе утро, госпожа хозяйка. Я принесла вам завтрак. Медха же, как обычно, спит на ходу вместо того, чтобы работать.

Китти в немом изумлении уставилась на Камиру. Что-то новое появилось во всем ее облике. Неожиданно постройневшая, облаченная в безупречно белоснежную униформу служанки, блестящие смоляные кудри аккуратно перехвачены лентой. Танцующей походкой Камира приблизилась к кровати, неся перед собой поднос с завтраком.

– Тарик тут говорила мне, что вы немного капризничаете в последнее время, плохо едите... Я отварила вам яйцо всмятку и принесла немного молока для младенца, – прощепетала она, устроявая поднос на коленях у Китти.

– Где... – Китти растерянно замолчала, пытаясь найти нужные слова. – Где *ты была*?

– Да вот, ушла на время... родила ребеночка, – добавила Камира как бы между прочим, словно речь шла о походе в булочную, куда ее послали купить булку хлеба. – Все хорошо, и обошлось легко. Женщины сказали, что она красивая и здоровенькая. Ест, правда, много. Сосет и сосет. – Камира слегка округлила глаза и показала на грудь. – Прямо никакого сладу с ней нет. Даже поспать не дает.

– Но почему же ты, Камира, ничего не сказала мне, когда собралась уйти? Даже не сказала, куда пойдешь. – Китти почувствовала, что на смену обиде и раздражению пришло облегчение от того, что Камира вернулась. – Я тут, можно сказать, с ума сходила от беспокойства!

– И напрасно, госпожа хозяйка. Говорю же вам, все прошло легко. Она выскользнула из меня, словно улитка из своей раковины. Раз, и все!

– Я не только это имела в виду, Камира. Хотя, конечно, я очень рада, что все обошлось хорошо, что ты здорова и ребеночка родила здоровенького.

– После завтрака загляните ко мне в хижину, и я покажу вам младенца. Мне помочь вам с едой? – Камира схватилась за ложку после того, как ловко срезала ножом верхушку яйца.

– Нет, спасибо. Я пока в состоянии поесть сама.

Пока Китти управлялась с яйцом, Камира суетилась по комнате: складывала разбросанные вещи, что-то поправляла и все время ворчала, сколько красной пыли собралось в доме, пока она

отсутствовала. Китти поняла, что ей никогда не узнать, где Камира была все это время. Радовало лишь то, что роды у нее прошли благополучно. Китти невольно позавидовала тому, как стремительно ее служанка оправилась после родов.

После завтрака Китти в сопровождении Камиры направилась к ней в хижину. Камира отомкнула дверь, которую предусмотрительно заперла на ключ. Они вошли в каморку, и Китти увидела на полу небольшой ящик. Судя по всему, Камира вытащила его из комода. В ящике лежал крохотный младенец и вопил во всю мощь своих легких.

– Говорю же вам, вечно она голодная, – промолвила Камира, беря ребенка на руки. Потом присела на кровать, быстро расстегнула пуговицы на блузке. Китти увидела пышную грудь, буквально набухшую от обилия молока. Струйки молока уже стекли с сосцов, пока Камира прилаживала младенца к одной груди. Крики немедленно прекратились, и младенец с жадностью припал к соску. Китти неотрывно следила за процессом кормления. Она еще никогда не видела обнаженной женской груди. Что касается ее будущего ребеночка, то уже было изначально решено, что его будут вскармливать из бутылочки, так как грудью своих детей кормят только дикари. И вот сейчас Китти наблюдала трогательную картину единения матери и ребенка, и это казалось не только естественным, но и по-своему красивым зрелищем.

Наконец младенец отпустил своими губками сосок матери, а его головка блаженно прижалась к ее груди. Камира проворно перевернула дитя и стала энергично потирать ему спинку. Малышка тут же срыгнула, и Камира удовлетворенно кивнула.

– Хотите подержать ее? – спросила она у Китти, протягивая ей дочь.

– Так это девочка, да?

– Да. Ее зовут Алкина. По-нашему, луна.

Китти взяла обнаженное тельце девочки на руки и ласково погладила ее нежную мягкую кожу. Даже невооруженным глазом было видно, что кожа Алкины гораздо светлее, чем у матери. Внезапно девочка открыла глазки и уставилась прямо на Китти.

– Боже мой! – воскликнула Китти. – Так они же у нее...

– Женщины говорят, что они у нее желтые, – ответила Камира, застегивая блузку. – Это у нее от отца, желтый человек из японского

квартала. Плохой человек...

Китти уставилась на эти необычные глаза ребенка, красноречивее всяких слов выдававшие ее наследственные корни. Малышка получила в подарок от своего папаши совершенно уникальную пару глаз. Таких глаз Китти еще не видела в своей жизни. Насыщенного янтарного цвета, почти золотистые, красивой миндалевидной формы, эти глаза казались особенно большими на крохотном личике девочки.

– Добро пожаловать в этот мир, крошка. Благослови тебя Господь, Алкина, – прошептала Китти, прижавшись губами к ее миниатюрному ушку.

Возможно, ей померещилось, но, кажется, при этих словах девочка улыбнулась. А потом закрыла глазки и тотчас же уснула прямо на руках у Китти.

– Какая она у тебя красавица, Камира, – с чувством выдохнула Китти. – А глазки словно у кошечки.

– Вот и женщины мне так сказали. Что ж, коль так, буду звать ее кошечкой. Ну, или Кэт, – весело хихикнула в ответ Камира, осторожно забрала дочь у Китти, аккуратно подоткнула ей подгузник и крепко завязала его узлом.

«Один человек тоже называл меня так когда-то», – вспомнила Китти. Камира уложила дочурку в импровизированную колыбельку, нежно погладила лобик малышки и прошептала несколько неразборчивых слов, прижавшись к ней лицом. Но вот глаза Камиры вспыхнули нехорошим блеском, и она поднесла палец к губам.

– Кэт – это мой секрет, да? Иначе сюда придет плохой человек и заберет ее у меня. Понимаете?

– Обещаю тебе, Камира. Твоя кошечка Кэт будет здесь в полной безопасности. Я прикажу Фреду охранять ее, пока ты будешь работать в доме.

– От него все еще сильно воняет. Но Фред хороший.

– Согласна, – кивнула в ответ Китти. – Фред – очень хороший человек.

Прошло две недели. Но за эти дни не случилось ни столь долгожданной грозы, ни тем более шторма. И ребеночек Китти тоже не торопился появляться на свет, чтобы хоть как-то облегчить ее состояние. От Эндрю в последнее время тоже было мало проку. Он в очередной раз переживал глубочайшее разочарование, ибо те две жемчужины, которые он вверил в искусные руки Эллиса, на его же глазах превратились в две аккуратные кучки пыли.

– Это же просто несправедливо, в конце концов! – жаловался Эндрю жене. – Отец постоянно спрашивает меня, почему наши люггеры больше не привозят таких сокровищ, которые регулярно доставлялись на берег ранее, когда он тут всем заправлял. Боже мой, Китти! Он не понимает, что когда он впервые очутился в Бруме, то можно было голыми руками насобирать кучу раковин с жемчужинами, просто прогуливаясь по берегу океана вдоль Кейбл-Бич. Но с тех пор многое поменялось. Люди со всего света бросились сюда на поиски жемчуга. С каждым днем наши люггеры уходят все дальше и дальше в открытое море, ведут свой промысел на больших глубинах и в очень опасных акваториях. Вот и на прошлой неделе мы потеряли еще одного ныряльщика. Он погиб из-за шпангоутов.

Китти не понаслышке знала, в каких тяжелейших условиях трудятся ныряльщики, знала, какие их подстерегают опасности на дне океана, как там холодно и страшно. Когда она впервые увидела ныряльщика своими глазами, то была очень озадачена увиденным. Молодой японец как раз примерял новый водолазный костюм, который Эндрю специально для него заказал в Англии. Хрупкий молодой человек облачился в какую-то огромную робу из бежевого брезента. На голову ему водрузили сферический бронзовый шлем, который наглухо привинтили к вороту костюма. На ноги надели тяжеленные свинцовые ботсы. Двигаться самостоятельно он практически не мог. Ему помогали идти товарищи по команде, которые одновременно проверяли, как поступает в скафандр воздух по тоненькой трубочке, закрепленной снаружи.

Помнится, Китти невольно содрогнулась, представив, сколько тонн воды обрушится на ныряльщика, когда он начнет опускаться на дно. Ведь иногда глубина погружения исчислялась несколькими десятками морских саженей. А вся его защита – вот эта брезентовая роба и воздуховод, по которому к нему будет поступать столь

драгоценный для жизни воздух. Огромная водная толща давит на барабанные перепонки, на суставы, человек может лишиться слуха и стать калекой. А если ныряльщик слишком долго пробудет под водой, то может случиться паралич и неминуемая смерть. Вот эти нечеловеческие условия и называются на языке профессионалов шпангоутами.

– Упокой Господи душу его. – Китти истово перекрестилась. – Эти ныряльщики – храбрые парни.

– Да, и за свою *храбрость* они получают кучу денег, – резонно заметил Эндрю. – Я недавно получил еще одно прошение с просьбой повысить им зарплату. И одновременно постоянно ведутся всякие вздорные разговоры о том, что в Бруме на практике реализуется эта глупейшая политика «никаких черных на промыслах». Хотя лично я с трудом верю, что если мы откажемся от черных, то отыщется достаточное количество белых, готовых подписать с нами контракт на выполнение этих опасных работ. А ты можешь представить себе такое?

– Нет, не могу, – согласилась с мужем Китти. – Но не столь уж важно, какого цвета кожа у человека. Я не могу представить себе другое. Как можно ежедневно рисковать своей жизнью, и все только ради денег?

– Дорогая, к счастью, тебе не довелось на собственном опыте прочувствовать, что значит умирать от голода. Тебе, наверное, трудно понять и тех мужчин, которые движимы исключительно чувством долга перед своими семьями и потому стараются заработать как можно больше.

– Ты прав, – покорно согласилась с ним Китти, испытывая очередной прилив раздражения. Поразительно, как легко удается Эндрю облечь в несколько коротеньких фраз свое видение проблемы, объединив при этом высокие моральные принципы с обычной человеческой алчностью. Китти поднялась из-за стола. – Пойду прилягу.

– Конечно-конечно, дорогая. Может, мне послать за доктором Бlichem? Пусть заглянет к тебе вечером.

– Не стоит. Едва ли он сообщит мне нечто такое, чего я не знаю. Ребенок еще не готов появиться на свет, и я это прекрасно понимаю.

– Мама сказала мне, что первенцы всегда появляются на свет с некоторым опозданием.

«Да, вот только мамыши этих первенцев не живут в Бруме, где вот-вот должен начаться сезон дождей», – подумала про себя Китти. Но она лишь молча кивнула мужу и вышла из комнаты.

Ближе к вечеру ее разбудила Камира. Она принесла и поставила на ночной столик чашку с какой-то жидкостью с острым пряным запахом.

– Госпожа хозяйка, младенец не торопится. Это не есть хорошо. Надо малышу немного помочь. Согласны? – Камира протянула чашку Китти. – Наши женщины обычно пьют вот это, госпожа хозяйка. Пейте. Пришло время.

– А что это?

– Травы. Все с земли. Ничего вредного. Пейте.

Измучившись томительным ожиданием, Китти безропотно выпила раствор.

Схватки начались через несколько часов. Китти с трудом поднялась с постели, чтобы сходить в уборную. Что-то громко плеснулось, и она поняла, что отошли воды. Она позвала Эндрю, который спал в своей гардеробной по соседству, а сама вернулась к себе в спальню и легла на постель.

– Началось, – сказала Китти мужу, когда тот отворил дверь спальни.

– Я немедленно посылаю за доктором Бликом.

– И пожалуйста, пришли сюда Камиру, – попросила его Китти, морщась от боли при новом приступе схваток. – Хочу, чтобы Камира была рядом со мной.

– Хорошо. Я тотчас же распорядюсь прислать ее к тебе, – пообещал Эндрю, торопливо оделся и быстро выбежал из комнаты.

Ночь показалась Китти мучительно долгой, хотя она мало что запомнила из того, что происходило вокруг нее. Над Брумом сгущались грозовые тучи, предвещающая сильнейшую непогоду. Но в памяти Китти остались лишь острая боль и нежный голосок Камиры, успокаивающей ее.

Вскоре прибыл доктор Блик. Судя по его покрасневшим вытаращенным глазам, прямо из какого-то питейного заведения на Шеба-Лейн.

– Что здесь делает эта черная? – грозно спросил он, уставившись на Эндрю.

– Не трогайте ее! – крикнула Китти, Камира как раз осторожно растирала ей спину, не переставая что-то бубнить себе под нос.

Эндрю лишь молча пожал плечами в ответ и кивнул головой в знак согласия. Доктор торопливо осмотрел Китти и тотчас же заверил, что до родов у них есть еще время. Словом, пусть его позовут, когда наступит решающий момент. С этими словами он покинул комнату роженицы. С Китти осталась одна Камира. Она уговорила Китти подняться с кровати и немного походить по комнате. Дескать, это поможет ребеночку скорее выбраться наружу.

– А я уж приму его, – пообещала Камира.

В четыре утра небеса наконец разверзлись и хлынул самый настоящий ливень. Капли дождя тяжело забарабанили по железной крыше.

– Он уже в пути... Он уже идет... совсем скоро... потерпите еще немного, госпожа хозяйка... И не волнуйтесь.

Яркая молния рассекла небо. Вспышка осветила весь сад за окном. В этом свете Китти увидела и лицо Камиры. Она словно впала в транс. Но тут загредел гром. И с его первыми раскатами ребенок Китти появился на свет.

Китти беспомощно лежала на постели, не в силах даже пошевелиться. Единственное, что она чувствовала, тяжело дыша, так это то, что боль наконец отступила. Какое облегчение! Китти подняла голову, чтобы взглянуть на новорожденного. Но вместо младенца увидела Камиру, которая копошилась между ее ног, чем-то сосредоточенно занимаясь.

– Что ты там делаешь? – хриплым шепотом спросила у нее Китти.

– Освобождаю малыша, госпожа хозяйка, – ответила Камира. – Вот! – Она подхватила младенца на руки, перевернула его спинкой вверх и положила себе на ладонь, а потом крепко стукнула по попке. Малыш немедленно возмутился столь недостойному обращению с ним и громко пискнул, а уже в следующее мгновение зашелся плачем.

– Вот, госпожа хозяйка! Возьмите вашего ребеночка. А я схожу позову доктора. – Камира погладила Китти по лбу. – У вас родился хороший, крепенький мальчик. А вы – умная женщина.

С этими словами Камира вышла из комнаты.

Доктор Блик, который после вчерашней попойки спал мертвецким сном в гостиной, спотыкаясь, появился в спальне.

– Вот так номер! Такие быстрые роды! – вполне искренне удивился он, попытавшись забрать ребеночка из рук Китти.

– С ним все в порядке, доктор. Я хочу, чтобы он остался со мной.

– Но я хотя бы должен осмотреть младенца. Это мальчик?

– Да, мальчик. И он – само совершенство.

– Тогда я осмотрю вас и приведу в порядок, если надо.

Китти молча наблюдала за тем, как доктор Блик приподнял чистую простыню, которой Камира укрыла ее сверху.

– Тут все хорошо. Ничего дополнительного не требуется.

У доктора хватило совести немного покраснеть при этих словах Китти. Ведь как-никак, а он благополучно проспал все роды.

– Пожалуйста, пригласите сюда моего мужа. Пусть придет взглянуть на своего сына.

– Конечно, моя дорогая леди! Сию же минуту. Я счастлив, что все произошло так быстро и так гладко.

«Да, именно так: быстро и гладко. Потому что рядом со мной был не ты, а Камира», – язвительно подумала Китти.

Когда Эндрю переступил порог спальни, Китти мысленно поблагодарила небеса и все звезды на них за то, что Камира снова вернулась к ней.

Брум, Западная Австралия

Декабрь 1911 года

16

– Дорогая, мне нужно кое-что обсудить с тобой, – обронил Эндрю за завтраком, откладывая в сторону газету «Нортен Таймс», потом аккуратно свернул ее и положил рядом со своей тарелкой.

– Что именно? – поинтересовалась у него Китти.

– В новом году отец хочет, чтобы я отправился в Сингапур и уже оттуда мы бы вместе с ним отплыли в Европу. Решил познакомить меня со своими партнерами по бизнесу в Германии, Франции и Англии. Говорит, что уже достаточно наплавался за свою жизнь и сейчас вознамерился постепенно передать в мои руки не только сам жемчужный промысел, но и сбыт жемчуга. В общей сложности мы будем отсутствовать месяца три. Поначалу я хотел просить тебя сопровождать меня в этом плавании. Но в это время года море постоянно штормит, а потому само путешествие, как правило, сопряжено с большим риском. Особенно если с тобой еще и ребенок, которому нет даже четырех. Думаю, ты ни за что не согласишься оставить Чарли на Камиру?

– Боже мой! Конечно же нет! – воскликнула Китти с горячностью в голосе. Маленький Чарли был ее светом в окошке, можно сказать, он светил ей в любое время дня и ночи. Для нее разлука с сыном даже на час была невыносима, а тут целых три месяца. – Но ты абсолютно уверен в том, что мы не сможем взять его с собой?

– Ты же не хуже меня знаешь, как непроста и как, в целом, неприятна жизнь на судне. К тому же при заходе в любой порт мы не собираемся задерживаться более чем на день. В крайнем случае на два дня. К концу марта мне, кровь из носу, нужно вернуться домой. Хочу лично проследить за началом нового сезона.

– А мы с Чарли могли бы отправиться из Лондона в Эдинбург и навестить там моих. Я так соскучилась по маме. И по сестрам тоже... Хочется, чтобы мои близкие познакомились наконец с Чарли. Да и мой

младший брат Мэтью... Ему уже скоро пять, а он до сих пор еще ни разу не видел свою старшую сестру.

– Дорогая, обещаю тебе, в следующем году, когда я уже буду полновластно распоряжаться всем, в том числе и своим временем, мы обязательно все вместе отправимся в Шотландию. Возможно, даже на Рождество.

– О да! Это было бы великолепно! – Глаза Китти вспыхнули в радостном предвкушении долгожданной встречи с родными.

– Я оставлю вас с Чарли на несколько недель в Эдинбурге, а сам займусь решением вопросов, связанных с нашим бизнесом. Но в этом году последнее слово пока остается за отцом. Он так решил, следовательно, все другие варианты исключаются.

Китти отлично поняла все, что Эндрю оставил за скобками. Его отец просто не захотел, чтобы маленький ребенок путался у них под ногами во время этого долгого и утомительного путешествия. Знала она, уже по собственному опыту, и другое: Эндрю никогда не станет перечить отцу, тем более настаивать на своем.

– Что ж, тогда мы остаемся с Чарли здесь. Его одного я не оставлю, – обронила она.

– Может быть, стоит подумать над тем, чтобы перебраться в Аделаиду на время моего отсутствия? Во всяком случае, там тебе будет хоть какая-то компания. Мама, да и сам Алисия-Холл... Как смотришь? – предложил жене Эндрю.

– Нет, я лучше останусь в Бруме. Рядом со мной есть Камира и Фред. В случае чего они всегда помогут и защитят. Да и потом, три месяца – это ведь не так уж много.

– Не хочется мне бросать тебя здесь одну, Китти. Тем более в сезон дождей.

– Не переживай, Эндрю. Все у нас будет хорошо. И наши друзья тоже будут присматривать за мной. Сейчас в город приехал доктор Сузуки. Намеревается открыть здесь новую больницу. Так что будет кому позаботиться о моем здоровье и о здоровье Чарли.

– Наверное, стоило бы отложить эту поездку до следующего года. Тогда бы мы действительно смогли отправиться в плавание всей семьей. Но мне так не терпится стать полностью независимым. Полновластным хозяином своего бизнеса. Не скрою, мне уже порядком надоело, что вечно за моей спиной маячит фигура отца.

– Дорогой, мы будем очень скучать по тебе, это правда. Но верь мне, здесь мы в полной безопасности. Правда, сынок? – Китти повернулась к Чарли, который сидел между отцом и матерью и всюду уплетал яйцо с тостом.

– Да, мама! – радостно подтвердил Чарли, вылитый ангелок, златовласый, с розовощекой мордашкой, перепачканной яичным желтком и налипшими крошками хлеба. И в подтверждение своих слов громко стукнул ложкой по тарелке.

– Так нельзя, Чарли, – попенял сыну Эндрю, отнимая у него ложку. – Хорошо! Значит, обо всем договорились. Я сейчас еду к себе в контору. Увидимся за обедом.

Как только Эндрю покинул столовую, в комнату вошла Камира. Вытерла личико Чарли и забрала его с собой в сад поиграть там вместе с Кэт. Фред оказался неплохим плотником и соорудил деревянные детские качели. Закрепил их на двух толстых веревках, привязав к большому баобабу. Вообще, наблюдая за Фредом, Китти не переставала удивляться тому, как разительно он изменился за последние годы. Теперь его и не узнать, думала она, глядя на Фреда с удовлетворенной улыбкой. Он больше уже не вонял. К тому же благодаря неустанным усилиям Камиры-педагога научился хоть и медленно, но вполне сносно разговаривать на английском.

Этот невиданный прорыв в отношениях между Фредом и Камирой случился почти четыре года тому назад, вскоре после рождения Чарли. В один из дней к ним без всякого объявления, невиданный случай сам по себе, потому что, как правило, все подобные визиты согласовывались заранее, как минимум за неделю, нагрянула в дом миссис Джеффорд, жена одного из самых влиятельных бизнесменов в городе. Дескать, вот ехала мимо и решила заглянуть по пути и к вам.

– Вспомнила, моя дорогая Китти, что я еще не поздравила вас с рождением сына. Я ведь была в Англии, навещала своих близких.

– Вы очень добры и внимательны к нам, – ответила Китти, препровождая гостью в гостиную. – Не хотите ли выпить чего-нибудь холодненького? – спросила Китти, заметив, как миссис Джеффорд стреляет своими маленькими глазками по комнате.

– О да, не откажусь. Спасибо. Как у вас тут мило, однако, – откликнулась миссис Джеффорд. Китти велела Медхе принести в гостиную кувшин с лимонадом. – Так... по-домашнему уютно.

Китти тоже села, но в самый последний момент глянула в окно и увидела Камиру. Ее глаза были полны ужаса, она приставила руку к горлу, сигнализируя об опасности. Миссис Джеффорд между тем продолжала щебетать о тех сокровищах, которыми пополнился ее дом за последние месяцы.

– Думаю, эта ваза точно относится к эпохе правления династии Мин.

Китти уже привыкла к тому, что конкуренция между женами хозяев жемчужных промыслов была еще острее, чем между их мужьями. Каждой из них хотелось примерить на себя корону жены самого успешного бизнесмена в Бруме.

– В прошлом году мистеру Джеффорду очень подфартило. Его ныряльщики нашли аж восемь уникальных жемчужин. Одну из них муж продал в Париже за баснословные деньги. Уверена, в один прекрасный день ваш муж добьется не меньших успехов, но пока он еще слишком молод... И ему явно недостает опыта. Мой муж прошел суровую школу. На собственной шкуре научился, как сделать так, чтобы бесценные находки попадали именно в его руки. И сейчас он полностью владеет этим искусством.

Китти мысленно прикинула, сколько еще ее гостья будет заниматься самовосхвалениями и прославлением собственного мужа. Когда миссис Джеффорд наконец огласила весь список своих последних приобретений, Китти вежливо поинтересовалась у дамы, не хочет ли та взглянуть на Чарли.

– Правда, он сейчас спит, но я могу разбудить его на минутку. Нарушить, так сказать, режим ради такого случая, – добавила Китти.

– Ах, моя дорогая! У меня же трое детей, и я хорошо знаю, какое это счастье, когда младенец спит. Поэтому, прошу вас, ради меня не стоит тревожить его сон. Кстати, как мне недавно сказала миссис Доналдсон, за ним присматривает чернокожая служанка. Это правда?

– Да, правда.

– Тогда я должна предупредить вас: никогда не оставляйте ее наедине с вашим ребенком. У этих черномазых свои расценки на головки белых деток. Вот так!

– В самом деле? Они что, варят эти головы на обед? – напрямик спросила у нее Китти.

– Кто знает, кто знает, моя дорогая! – Миссис Джеффорд зябко повела плечами. – Но повторяю еще раз. Этим людям верить никак нельзя. Всего лишь несколько месяцев тому назад я прогнала свою служанку, тоже туземку. Потому что мне стало известно, что она подрабатывает шлюхой в борделях японского квартала. То есть я обратила внимание на то, что девчонка явно в положении. Конечно, она всячески маскировала свой живот и от меня, и от мистера Джеффорда, но в конце концов все это вылезло наружу. Шила, как известно, в мешке не утаишь. Когда я объявила, что увольняю ее и более не нуждаюсь в ее услугах, она буквально набросилась на меня. Умоляла простить ее и позволить остаться. Я, можно сказать, выгнала ее с боем. И она куда-то исчезла, растворилась среди трущоб. Больше ее никто не видел.

– Даже так? Какой ужас!

– О да! Ужас! Согласна с вами. – Миссис Джеффорд внимательноглянула на выражение лица Китти. – Наверняка родила какого-нибудь метиса. Ведь по всем срокам он уже обязательно должен родиться. Ребенка нужно немедленно отыскать, чтобы попечительские службы переправили его в сиротский приют при христианской миссии.

– Боже мой, какая трагическая история, – делано вздохнула Китти. Теперь ей стала абсолютно понятна цель этого неожиданного визита миссис Джеффорд.

– Должна признаться, что работница она была хорошая. И мне даже жаль, что я ее потеряла. Но, как истинная христианка, я не могу допустить, чтобы под моей крышей обитал незаконнорожденный ребенок. – Миссис Джеффорд метнула на Китти пронзительный взгляд.

– Разумеется, не можете, – с готовностью согласилась с ней Китти. – Ой, прошу прощения. Кажется, мой Чарли расплакался. Извините, но я отлучусь на пару минут. – Китти подхватила со стула и направилась к дверям, изо всех сил стараясь не сорваться на бег. Закрyla за собой дверь и тут же опрометью бросилась на кухню. Приказала Медхе разбудить Чарли и принести его к ней, потом схватила баночку с гуталином, стоявшую рядом с плитой и, выбежав на улицу, ринулась в хижину к Камире. Ворвалась туда, даже не постучав. Камира пряталась за кроватью, прижимая к груди свою девочку.

– Немедленно начерни ей личико! – Китти сунула Камире в руки банку с гуталином. – Фред – *твой муж*. Понятно?

В полумраке комнаты Китти увидела, каким страхом полнятся глаза Камиры.

– Понятно, – прошептала та едва слышно.

Так же бегом Китти вернулась на кухню, где Медха успокаивала, как могла, плачущего Чарли.

– Принеси мне бутылочку с молоком прямо в гостиную, – приказала Китти служанке и, схватив плачущего сына на руки, поспешила в гостиную к миссис Джеффорд.

– Извините, что немного задержалась. Пришлось поменять пеленку, – пояснила Китти гостье. В эту минуту в гостиной появилась Медха с бутылочкой в руке.

– Но разве няня не заметила, что пора менять пеленку? – задала пробный вопрос миссис Джеффорд.

– Конечно, это ее обязанность. Но Камира как раз отлучилась в галантерейную лавку, чтобы купить там еще немного муслина на пеленки. А ее муж поехал в город на повозке, чтобы привезти льда. Они оба только что вернулись.

– Какой славный малыш! – восхитилась миссис Джеффорд, наблюдая за тем, как Чарли с аппетитом сосет из бутылочки. – Вы говорите, вашу служанку зовут Камира?

– Да, именно так. Мне очень повезло, что Камира работает у нас в доме. В свое время она обучалась в христианской миссии Бигл-Бей. Ее там научили, как надо правильно обращаться с грудными младенцами.

– Знаете, я почти уверена, – сказала миссис Джеффорд, немного помолчав, – что именно так звали ту самую беременную служанку, которую я выставила вон из своего дома. Впрочем, мы ее звали по-другому – Алисой.

– Да, понимаю, – ответила Китти. – Я еще только учусь, как следует правильно обращаться со слугами из местных.

– Так вы говорите, ваша служанка замужем?

– Да. За Фредом. Он уже давно обитает у нас, еще при свекре попал к нам в дом. А сейчас вот работает на моего мужа. Управляет двуколкой, присматривает за нашими пони, содержит в порядке участок вокруг дома. О, он страшно горд, что у него родилась дочка. Алкина появилась на свет всего лишь на две недели раньше моего

Чарли. Они – такая дружная семья. И Библию регулярно читают, – добавила Китти на всякий случай.

– Ну и ну! Кто бы мог подумать, что у Алисы есть муж!

– Если желаете, можете убедиться в этом сами. Своими глазами увидеть эту счастливую семью.

– Что ж, пожалуй, я... буду рада увидеть Алису и ее новорожденную дочь.

– Идемте, я провожу вас. – Китти повела миссис Джеффорд на задний двор.

– Фред? Камира? Вы где? – громко крикнула Китти, подходя к хижине. Сердце у Китти ушло в пятки, когда она постучала в дверь. Кто знает, что они там сейчас увидят? Правильно ли поняла Камира ее указания? К величайшему удовольствию Китти, «счастливое семейство» в полном составе – Фред и Камира с дочкой на руках – мгновенно возникло на пороге хижины.

– Моя дорогая подруга миссис Джеффорд хочет познакомиться с твоим мужем и взглянуть на твою новорожденную дочь, Камира, – обратилась Китти к своей служанке, стараясь говорить размеренно, спокойно, чтобы хоть как-то погасить тот страх, который читался во взгляде Камиры. – Правда, красивая девочка? По-моему, вся в отца.

Камира толкнула Фреда в бок и что-то тихо прошептала ему на ухо. К чести Фреда, тот не подкачал. Скрестив руки на груди, он согласно кивал головой. Словом, вылитый папаша, преисполненный гордости за свою дочь.

– А сейчас, – продолжила Китти, увидев, что кое-где гуталин на личике девочки уже стал растекаться от жары, – прошу тебя, Фред, побудь пока с Алкиной. Потому что я забираю Камиру с собой. Пора уже кормить Чарли. По правде говоря, у меня просто нет сил от этой жары.

– Да, госпожа, – едва слышно пискнула Камира. После чего быстро вручила дочь Фреду, и тот тотчас же исчез в хижине, а Камира забрала Чарли из рук Китти.

– Господи, благослови мою душу! – воскликнула миссис Джеффорд, энергично обмахиваясь веером, тоже совсем разомлев от жары, но не переставая сверлить колючим взглядом Камиру, шагавшую впереди них. – Кто бы мог подумать! Алиса замужем! Ведь эти же туземцы, они обычно не женятся. И потом, видите ли...

– Я вас отлично понимаю, миссис Джеффорд, – успокоила ее Китти и ласково погладила гостью по руке. Хотя в глубине души откровенно наслаждалась, видя, в какое неловкое положение та загнала сама себя. – Вы так добры. Вот не пожалели своего времени, чтобы навестить нас с Чарли.

– О, это же такие пустяки, моя милая. К сожалению, мне уже пора. У нас сегодня намечена партия в бридж с миссис Доналдсон. Надеюсь вскоре увидеть вас с Эндрю у нас в доме за ужином. Всего доброго.

Китти молча проследила за тем, как миссис Джеффорд торопливо направилась к своей карете, поджидавшей ее у ворот. После чего вернулась на кухню. Камира сидела на стуле и кормила Чарли из бутылочки. Бедняжку все еще продолжало трясти.

– Она поверила, представляешь? Я... – Китти не удержалась и издала короткий смешок. В этот момент на пороге появился перепуганный Фред с крошкой Кэт на руках, он протянул ее им с таким видом, словно приносил младенца в жертву. Китти забрала из его рук перепачканного гуталином ребенка.

– Госпожа Джеффорд подумала, что Фред мой муж? – На лице Камиры отразилось явное отвращение. Что вызвало у Китти новый взрыв смеха. – Никогда не выйду замуж за человека, от которого так воняет.

Фред же самодовольно ударил себя в грудь:

– Я... я – муж!

И все трое зашлись смехом до колик в животе.

С этого дня, тем не менее, Фред стал относиться к своим фиктивным обязанностям отца на полном серьезе. Когда Камира отлучалась в хозяйский дом, чтобы по нянчиться с Чарли, он ревностно охранял малышку. Стойко держал оборону, как и в тот день, когда к ним неожиданно нагрянула с визитом миссис Джеффорд, чтобы лично убедиться, что Китти ее не обманывает и они трое – самая настоящая семья. Фред даже начал умываться и хоть как-то следить за собой. И вот спустя четыре года они с Камирой действительно стали похожи на взаимовыгодную супружескую пару, прожившую вместе не один десяток лет. По всему было видно, что Фред обожает Камиру, хотя та и не думает отвечать ему взаимностью.

– Не подходим мы друг другу, миссис Китти. Разная у нас кожа, – пояснила Камира свою сдержанность. Надо сказать, что Китти

потребовалось несколько месяцев, чтобы убедить служанку называть ее по имени, а не «госпожа хозяйка».

Китти и понятия не имела, что это означает – разная кожа. Вполне возможно, Камира имела в виду какие-то глубинные религиозные верования, которые продолжала хранить в своей душе. Китти часто видела, как та обращает свой взор к небесам и о чем-то шепотом разговаривает со своими предками. А иногда поет необычные песни своим высоким мелодичным голосом. Особенно если кто-то из малышей начинает хворать. Но уже в следующий момент ее можно застать сидящей рядом с Фредом и читающей ему Библию.

С тех пор как их посетила миссис Джеффорд, никаких угроз от местных попечительских служб не поступало. Камира свободно разгуливала по Бруму, иногда даже вместе с двумя малышами. Кэт и Чарли дремали, уютно устроившись друг подле друга в детской коляске. В глазах белых обитателей Брума Камира отныне была замужней женщиной, находящейся под защитой своего мужа.

Китти уселась за письмо к матери. Она собиралась отправить вместе с письмом и фотографию, на которой фотограф из местного фотоателье запечатлел ее вместе с Эндрю и Чарли. Всякий раз, по мере приближения Рождества, она особенно сильно переживала разлуку с близкими. Да и вообще, Рождество в Бруме было, пожалуй, самым трудным временем года, особенно из-за «большой воды», как Камира называла сезон дождей. Китти снова представила, что уже в январе Эндрю отправится в Европу. Ах, как бы она хотела поехать вместе с ним. Взять с собой Чарли, чтобы показать его маме и сестрам. Но Китти хорошо понимала: вторично затевать разговор с мужем на эту тему бесполезно. По собственному опыту она знала: Эндрю своих решений не меняет.

За минувшие четыре года ее муж, чем дальше, тем все глубже, с головой ушел в свой бизнес. Воистину, жемчужный промысел заменил ему все, даже молодую жену. Китти видела, каким напряженным бывает лицо мужа, когда в порт возвращается с очередным уловом один из его люггеров. И какое разочарование охватывает Эндрю, когда

ныряльщики снова не привозят ему долгожданных сокровищ. Впрочем, в целом их бизнес развивался вполне успешно. По словам Эндрю, отец тоже был доволен тем, как у них идут дела. Вот и в прошлом месяце их флот увеличился еще на одну единицу. Они купили новый люггер и уже даже сформировали команду для судна. В этой ситуации Китти оставалось только радоваться тому, что у нее есть Чарли, ибо мысли мужа постоянно витали далеко от дома и от нее самой. Единственное, чего Эндрю жаждал всеми фибрами души, так это найти, наконец, совершенную по всем своим качествам жемчужину.

– Он словно помешался на этом своем жемчуге, – обронила Китти, запечатывая конверт и кладя его в стопку вместе с другими письмами, которые Камира позже отправит по почте. – О, как бы я была счастлива, если бы он мог довольствоваться тем, что имеет.

– Я написал Драммонду, – объявил Эндрю за ужином в тот же вечер. – Объяснил ему, что ты решила остаться в Бруме, пока я буду в Европе. Он обычно в январе бывает в Дарвине. Лично контролирует отгрузку своего драгоценного скота на европейские рынки. Вот я и предложил ему заглянуть на обратном пути к нам, если уложится по срокам и все у него пройдет успешно.

Китти почувствовала невольный спазм в животе при одном только упоминании имени Драммонда.

– Уверяю тебя, дорогой, все у нас будет прекрасно. Не стоит зря беспокоить твоего брата.

– Ничего страшного, если я побеспокою его. Ему это только пойдет на пользу. Он ведь еще в глаза не видел своего племянника. Просто помешался на этой своей драгоценной скотине. Боюсь, он скоро заделается настоящим аборигеном. Ведь он же месяцами лишен нормального человеческого общества.

– Он что, еще не женат?

– Я бы сильно удивился, если бы такое вообще случилось, – весело фыркнул в ответ Эндрю. – Слишком уж он занят пересчетом поголовья своих стад. На поиски жены у него просто нет времени.

– Думаю, ты ошибаешься. Всему свое время – возразила мужу Китти, мысленно удивляясь тому, что она бросилась защищать своего деверя. Ведь она не видела Драммонда уже больше пяти лет. Не получила от него ни единого слова по почте. Он даже не удосужился отправить им с мужем поздравительную телеграмму, когда у них родился Чарли.

Что, впрочем, не мешало Китти хранить в памяти, как он поцеловал ее в ту новогоднюю ночь. И эти воспоминания становились тем ярче, чем все скуднее складывались супружеские отношения с мужем. Чаще всего Эндрю отключался сразу же, как только ложился в кровать. Когда Китти заходила в спальню, муж, вымотавшись за день на работе, уже спал беспробудным сном. С момента рождения Чарли минуло почти четыре года, а Китти могла пересчитать по пальцам одной руки, сколько раз они с мужем занимались любовью.

Среди жен местных воротил жемчужного бизнеса тема отсутствия в их семье второго ребенка стала наиболее популярной среди сплетен. Китти держалась стойко и на все эти пересуды отвечала, что она слишком поглощена воспитанием маленького сына и потому пока еще не задумывается над тем, чтобы забеременеть вторично. К тому же она ведь так молода. На самом же деле она страстно желала родить еще раз. Ей не хватало той большой семьи, в которой выросла она сама. А если уж быть честной до конца, то не хватало и обыкновенных мужских ласк...

– Итак, ты категорически отказываешься ехать в родительский дом Алиса-Холл, да? – снова поинтересовался у нее Эндрю, пока Камира собирала со стола посуду.

– Говорю тебе в последний раз, дорогой: да, я остаюсь в Бруме.

– Тогда я телеграфирую отцу, чтобы подтвердить свое согласие на поездку. Обещаю тебе, Китти, в следующем году я обязательно свожу тебя и Чарли в Европу, чтобы ты смогла наконец повидаться со своими. – Эндрю поднялся из-за стола и ласково погладил жену по плечу.

Месяцем позже Эндрю с виноватым видом обнял свою жену и сына, прощаясь с ними уже на палубе парохода «Кумбана». В его глазах светилось не только раскаяние, но и сожаление от того, что он отправляется в это плавание один, без семьи.

– *Auf wiedersehen, mein Kleiner. Pass auf deine Mutter auf, ja?* – Раздался корабельный гонг, извещающий всех посторонних о том, что пришло время покинуть судно. Эндрю поспешно опустил Чарли на палубу.

– До свидания, Китти. Я пришлю тебе телеграмму по прибытии во Фримантл. И обещаю, дорогая, я вернусь с самым необычным подарком для тебя. – Муж многообещающе подмигнул ей, а затем потер переносицу. Китти подхватила сына на руки.

– Береги себя, Эндрю. Чарли, скажи папе до свидания.

– *Auf wiedersehen*, папа, – прошебетал мальчик. По настоянию Эндрю, ребенок с детства учился говорить на двух языках – английском и немецком – и легко переключался с одного языка на другой.

Спустившись по сходням на пристань, Китти с сыном еще долго стояла на пирсе в толпе других провожающих, которые громко выкрикивали пожелания доброго пути своим близким. Появление в порту Брума парохода «Кумбана» всегда настраивало горожан на праздничный лад. Пароход был настоящей гордостью судовладельцев компании «Аделаида Стимшип» и не только являл собой образчик роскоши, но и был воплощением всех новейших инженерных достижений в области кораблестроения. Плоское днище корпуса позволяло судну заходить в бухту и бросать якорь в заливе Робак-Бей даже во время отлива. Прозвучал прощальный гудок, и пароход стал удаляться от берега. Провожающие энергично замахали руками ему вслед.

Домой Китти с сыном возвращались в открытом трамвайчике, который медленно катил к центру города вдоль длинного пирса протяженностью не менее мили. Китти глядела на сверкающую водную гладь, раскинувшуюся внизу. Воздух был настолько насыщен влагой, что ей вдруг непреодолимо захотелось сбросить с себя всю одежду и нырнуть прямо голышом в прохладные воды океана.

И снова она, уже в который раз, задумалась над тем, как нелепы многие правила поведения в современном обществе. Сама мысль о

том, что белая женщина может захотеть искупаться в море, была чем-то вопиющим, чем-то из ряда вон недопустимым в принципе. А вот Камира, к примеру, часто брала Кэт на пляж в Кейбл-Бич. Там такой мягкий песок и море совсем мелкое. Они там часто купались, когда в воде не было медуз. Как-то раз она предложила хозяйке взять с собой и Чарли. Но, когда Китти озвучила ее предложение мужу, тот наотрез отказался:

– Право же, дорогая, но иногда тебе в голову приходят такие нелепые идеи! Подумать только! Наш сын купается вместе с черными! Уму непостижимо...

– Пожалуйста, не называй их черными! Тебе прекрасно известны их имена. Обоих, и матери, и дочери. И потом, коль скоро наш сын растет у моря, то должен же он учиться плавать. Как учили нас в свое время... Наверняка ведь тебя обучали плаванию в школе.

– Это все... другое, – коротко обронил Эндрю. Хотя Китти так и не поняла, что именно было тогда другим. – Прости, Китти, но я категорически против твоего предложения.

Чарли беспомощно уткнулся ей в плечо, тоже совсем разомлев от жары и избытка влаги в воздухе. Да и впечатлений слишком много, было от чего устать. Китти улыбнулась сыну.

«Что ж, пока муж в отлучке, прежняя Кэт может поступить по-своему...»

На следующий день Китти спросила у Камиры, знает ли она такое тихое место, какую-нибудь маленькую бухточку, сокрытую от посторонних глаз, где Чарли мог бы поплескаться в воде. Камира бросила на хозяйку удивленный взгляд, выслушав ее вопрос, но лишь молча кивнула в ответ. А потом добавила уже вслух:

– Знаю я одно местечко. И насекомых там вредных никаких нет.

После обеда Фред повез их на своей повозке на другой конец полуострова. Впервые за все те годы, что минули после того, как она вступила на берег Австралии, Китти погрузила свои ноги в сверкающие прохладные воды Индийского океана, испытав миг самого настоящего блаженства. Риддел-Бич был гораздо меньше по

сравнению со знаменитыми пляжами Кейбл-Бич, но зато гораздо живописнее, окруженный со стороны суши огромными красными скалами и тихими заводями, в которых кишмя кишела рыба. Камира с непринужденностью ребенка тут же сбросила с себя юбку и блузку и занялась детьми. И вот уже поощряемый одобрительными возгласами Камиры, Чарли самозабвенно плещется в воде вместе с малышкой Кэт. А сама Китти ходит в это время по мелководью, приподняв повыше свои юбки. Хотя ей тоже отчаянно хочется присоединиться к детям.

Но вот Камира неожиданно поглядела на небо и потянула носом воздух.

– Приближается гроза. Пора возвращаться домой.

Небо было по-прежнему безоблачно чистым, но Китти уже привыкла полагаться на чутье Камиры. Интуиция не подвела служанку и на сей раз. Едва только Фред притормозил повозку, въехав во двор, как послышались раскаты грома и первые капли дождя забарабанили по крыше дома, оповещая всех о наступлении сезона дождей. Китти подавила тяжелый вздох и, подхватив Чарли на руки, заторопилась в дом. Как ни жаждала она вожденной прохлады, которую должна была принести с собой гроза, знала Китти и оборотную сторону непогоды. Буквально за несколько минут их сад превратится в полноводную реку, несущую потоки красной грязи.

Дождь шел всю ночь. Не прекратился он и с наступлением нового дня. Китти, как могла, старалась хоть чем-то занять Чарли в доме: книжки, раскраски, цветные карандаши.

– Хочу поиграть с Кэт, мама. Можно? – уныло попросил сын.

– Кэт сейчас тоже сидит дома со своей мамой, Чарли. Позднее ты сходишь навестить ее.

Чарли надул губки, глаза его тут же наполнились слезами.

– Нет, я хочу сейчас.

– Я сказала, позже! – сказала она как отрезала.

Китти в последнее время все чаще замечала, что, несмотря на все свои усилия развеселить сына или чем-то занять его, ребенок всегда хотел лишь одного: быть рядом с Кэт. Конечно, дочка Камиры была удивительно прелестным маленьким созданием, нежным и добрым. Ее спокойный характер как нельзя лучше утихомиривал гиперактивность Чарли. Даже в свои четыре годика девочка уже была настоящей красавицей: мягкая нежная кожа цвета красного дерева,

гипнотический взгляд янтарных глаз. За последние несколько месяцев Китти обнаружила и еще одно обстоятельство. Оказывается, ее сын умеет говорить не только на двух, а на всех трех языках. Часто, когда дети вместе играли в саду, она слышала, как они переговаривались между собой на родном языке Кэт – явуру.

Разумеется, Китти не стала делиться своим открытием с Эндрю. Но тот факт, что ее маленький сынишка такой сообразительный, что умеет уже разговаривать на трех языках, в то время как она сама с трудом подбирает слова, чтобы ясно выразить свою мысль хотя бы на одном, наполнял ее материнское сердце чувством несказанной гордости. И все же, наблюдая сейчас за сынишкой, за тем, как Чарли пристально вглядывается в кухонное окно, отчаянно пытаясь отыскать за стеклом Кэт, Китти невольно спрашивала себя, а правильно ли она поступает, позволяя сыну так много времени проводить в обществе этой девочки.

Наконец дождь прекратился. Увы, но драгоценные розы Китти оказались буквально погребенными под слоем красной грязи. Все следующее утро Китти и Фред провели в саду, пытаясь, по мере сил, привести в порядок цветочные клумбы. Во второй половине дня, незадолго до отлива, Китти решила свозить Чарли на мыс Гантум Пойнт, чтобы показать ему следы динозавров. Впредь надо постараться проводить больше времени с сыном, пообещала она сама себе.

– Чудовища! – воскликнул Чарли, когда Китти попыталась объяснить ему, что эти гигантские выбоины в скалах под ними – не что иное, как огромные следы динозавров. – Это их Бог такими сотворил? – поинтересовался он, проглатывая половину звуков в каждом слове.

– Да, это Господь сотворил *их такими*, – утвердительно ответила Китти, четко выговаривая каждый звук. – Чарли, надо говорить правильно, – попеняла она сыну. Явно так называемый пиджин-инглиш, исковерканный английский язык, на котором разговаривают Кэт и Камира, оказал свое влияние и на речь мальчика.

– Это было тогда, когда Он сотворил младенца Иисуса? – задал Чарли следующий вопрос. И снова половина букв в слове «сотворил» были проглочены.

– Много раньше. Еще до того, как Он *сотворил* младенца Иисуса, – терпеливо поправила сына Китти, проговаривая все звуки до единого. А сама подумала, что Чарли еще слишком мал, чтобы обсуждать с ним такие сложные философские вопросы. На обратном пути она размышляла над тем, что жизнь постоянно усложняется, если посмотреть на нее глазами невинного ребенка.

Вечером Китти уложила Чарли в кровать и прочитала ему сказку на ночь. А потом водрузила свой ужин на поднос – все равно ведь Эндрю нет дома, а что ей одной делать в столовой? – и отправилась в гостиную. Сняла с полки книгу, прислушиваясь к дальним раскатам грома, предвещавшим начало следующего дождя. Да, кажется, сезон дождей решил не церемониться и обрушить на землю хляби небесные с самого первого дня. Устроившись в кресле удобнее, Китти приготовилась погрузиться в чтение романа Диккенса «Холодный дом». Уже от одного названия на нее повеяло приятной прохладой. Между тем дождь забарабанил по железной крыше в полную мощь. Правда, Эндрю пообещал, что в следующем году он обязательно перекроет крышу черепицей. Во всяком случае, тогда хоть не будет так грохотать над головой во время дождя.

– Добрый вечер, миссис Мерсер.

От неожиданности Китти даже подпрыгнула на месте. Повернулась на звук голоса и увидела на пороге гостиной Эндрю. Во всяком случае, промокшего насквозь и заляпанного красной грязью человека, очень на него похожего.

– Дорогой! – рванулась Китти к нему навстречу. – Как ты здесь оказался? Почему?

– Потому что сгорал от желания снова увидеть тебя. – Он обнял ее, и она почувствовала, как его промокший насквозь костюм тотчас же напитал влагой и ее платье.

– Но как же твоя поездка в Сингапур? И путешествие в Европу? Почему ты вдруг решил вернуться?

– Китти, как чудесно снова держать тебя в своих объятиях. Как же я истосковался по тебе, любовь моя.

Что-то в этом человеке... запах... чувственный запах мускуса... Все это заставило ее опомниться.

– Боже правый! Так это *ты!*

– Вы правы, миссис Мерсер. Это действительно я. Брат попросил меня навестить тебя, убедиться в том, что с тобой все в порядке, пока он в отлучке. И вот я здесь. Так сказать, проезжая мимо...

– Ради всех святых, замолчи! – Китти с негодованием отпрянула от Драммонда. – Тебе по-прежнему нравятся твои несносные шуточки, да? Все еще продолжаешь получать от них удовольствие? Ведь я же приняла тебя за Эндрю.

– И надо сказать, у тебя получилось очень мило...

– Ты должен был представиться. Разве я виновата в том, что вы с братом похожи друг на друга как две капли воды?! – Раздосадованная сверх всякой меры своей оплошностью, Китти вlepила ему звонкую пощечину. – Я... – начала Китти и тут же безвольно опустила на стоявший рядом стул, ужаснувшись своему порыву. – Прости меня, Драммонд. Сама не знаю, как так вышло. Набросилась на тебя ни с того ни с сего, – прошептала она, глядя, как Драммонд потирает покрасневшую щеку.

– Ничего. Я бывал и в худших переплетах. Так и быть, я *тебя прощу*. Хотя и с трудом поверю в то, что Эндрю, переступая порог собственного дома и устремляясь навстречу ужину и обществу жены, величает тебя миссис Мерсер. Но ты, конечно, абсолютно права. Мне следовало представиться как положено, – завершил Драммонд свой монолог. – Причем сделать это сразу же, войдя в комнату. Однако, знаешь, подвело тщеславие. Я ведь был уверен, что ты все еще помнишь меня.

– Но я тебя совсем не ждала...

– Разве Эндрю не говорил, что он пригласил меня в Брум, сам попросил, чтобы я навестил тебя?

– Говорил. Но я никак не предполагала, что это случится так скоро. Можно сказать, сразу же после его отъезда.

– Видишь ли, когда в декабре прошлого года он отправил мне телеграмму, я был уже в Дарвине. Вот я и решил, какой смысл возвращаться к себе на ранчо, а потом снова тащиться сюда, чтобы потрафить своему братцу? Уж лучше останусь и поеду напрямиком к тебе. Кстати, у тебя есть бренди? Понимаю, дикий вопрос в такую жару. Но что-то меня бьет озноб.

Китти глянула на деверя. Струйки жидкой красной грязи стекали по нему, образовав уже целую лужу на полу.

– Боже мой! – в смятении воскликнула Китти. – Прости! Заставляю тебя тут стоять. А ведь ты промок насквозь. И наверняка валишься с ног от усталости. Сейчас я позову служанку. Она приготовит тебе ванну. А я в это время поищу бренди. У Эндрю всегда где-то припрятана бутылочка для гостей.

– А ты, следовательно, по-прежнему ведешь трезвый образ жизни?

Он хитровато ухмыльнулся, и Китти, помимо собственной воли, тоже улыбнулась.

– Само собой, – коротко обронила она. Потом повернулась к буфету, достала оттуда бутылку бренди и стакан. Налила, как попросил Драммонд. – А сейчас пойду распорядюсь насчет ванны.

– Послушай, не зови служанку. Просто покажи мне, где у вас ванная комната, и я со всем разберусь сам. – Драммонд залпом осушил стакан и снова протянул его Китти, чтобы она наполнила вторично.

– Ты голоден? – спросила она.

– Изрядно проголодался. И с радостью наброшусь на жирный кусок мяса, если таковой у тебя имеется. Но сначала хочу сбросить с себя все это. – Драммонд показал на свою мокрую одежду.

Китти отвела его в гардеробную мужа, потом показала те приспособления, с помощью которых наполняют ванну, а сама поспешила на кухню. Выставила на поднос хлеб, сыр и суп, оставшийся от обеда.

Спустя минут двадцать в кухне появился Драммонд с обмотанным вокруг торса баннным полотенцем.

– Вся моя одежда перепачкана грязью. Можно мне позаимствовать пару вещей у брата?

– Конечно. Выбирай все, что тебе подойдет. – Китти украдкой бросила взгляд на его обнаженную грудь. Упругие мышцы играли под загорелой кожей, верный признак того, что человек много работает физически. Тяжело работает.

Спустя еще какое-то время Драммонд появился в гостиной в шелковом халате Эндрю и в его шлепанцах. С жадностью набросился на суп. Ел молча. Потом снова плеснул в стакан виски.

– Из Дарвина в Брум ты добирался морем? – поинтересовалась Китти тоном вежливой хозяйки.

– Нет, по суше. Часть пути пришлось ехать верхом. А потом натолкнулся на погонщиков верблюдов из Ганы. Они как раз разбили свой лагерь на берегу реки Орд. Река совсем обмелела, вот они и решили переждать какое-то время, пока вода совсем не уйдет, чтобы можно было безопасно переправить караван на другой берег. Бедолаги! Они же совсем не умеют плавать. Дальше я продолжил свой путь уже в их компании. Все веселее, чем путешествовать в одиночестве. Уж и наслушался я от них всяких-разных историй... У этих погонщиков тьма историй, можно сказать на все случаи жизни. Да и времени предостаточно, чтобы рассказывать их. Короче, добирались мы сюда долго.

– Я слышала, что пустыня, раскинувшаяся вокруг Брума, – очень опасное место.

– Опасное, это правда. Но не такое ужасное, как это рисуют своими досужими и по большей части ядовитыми языками твои кумушки-соседки. Все эти копыта наперевес, с которыми местные аборигены якобы носятся за белыми, или змеи под ногами на каждом шагу. Конечно, и то и другое имеет место, но не в таких размерах и количествах. Во всяком случае, я готов сносить все эти угрозы хоть каждый день вместо того, чтобы слушать смехотворные бредни, которыми запугивают друг друга здешние колонисты, представители, так сказать, среднего класса.

– По-твоему, мы все здесь ведем крайне скучную жизнь заурядных обывателей, да? – с некоторым раздражением в голосе поинтересовалась Китти. – И почему ты всегда разговариваешь со мной вот так, свысока?

– Прости, Китти. Понимаю, все в этой жизни относительно. И тот факт, что ты сейчас сидишь передо мной, молодая женщина, одна, без всякой защиты, в городе, удаленном на тысячи миль от цивилизации, где убийства, грабежи, насилие творятся что ни день и воспринимаются как нечто само собой разумеющееся, все это делает честь твоей храбрости и силе духа. К тому же ты не одна, а с маленьким ребенком.

– У меня есть защита. Рядом со мной остались Камира и Фред.

– А кто это такие? Камира и Фред...

– Фред ухаживает за нашими лошадьми и садом. Камира помогает мне по дому и нянчится с Чарли. У нее растет своя дочурка, почти

такого же возраста, как и мой сын.

– Они черные, как я понимаю?

– Предпочитаю не называть их так. Они из племени явуру.

– Отлично! Не часто услышишь, что семейная пара аборигенов обитает в таком доме, как ваш.

– Я бы не стала называть их «семейной парой». Здесь все намного сложнее.

– Да, в жизни всегда все намного сложнее, – согласился Драммонд. – Но все равно я рад за тебя. Если эти люди согласились добровольно работать на тебя, то, как правило, из них получаются самые верные и преданные слуги. И защитники тоже. Но, если честно, я крайне удивлен, что мой брат позволил тебе нанять эту пару.

– Говорю же тебе, они – не пара.

– Пара они или не пара, это не столь важно. Важно *другое*: Эндрю сумел подняться над своими предрассудками и позволил им войти в ваш дом. Во всяком случае, сейчас я уже не столь обеспокоен тем, что ты осталась в Бруме одна и безо всякой защиты. Скажу честно, когда я получил телеграмму от брата, то пришел в ужас. Не понимаю, почему он не взял тебя с собой?

– Он сказал, что это сугубо деловая поездка. Да и Чарли было бы трудно перенести такое долгое и непростое путешествие. Эндрю предложил мне перебраться на время в Аделаиду, погостить у вашей матери. Но я отказалась.

– Да уж, из двух зол лучше смерть, – пошутил в ответ Драммонд, картинно вскинув бровь. И снова подлил себе виски. – Уверен, за минувшие годы ты уже успела понять, что главное для Эндрю – это утвердиться в глазах отца. И само собой, переплюнуть его по части богатства.

– Наверное, ты прав. Все это действительно важно для него. Впрочем, как и для любого другого мужчины и...

– Но только не для меня.

– Хорошо! Тогда для всех остальных мужчин. – Китти с трудом сдерживала раздражение, глядя, как рука Драммонда снова и снова тянется к бутылке с виски.

– Наверное, мне просто не понять все бремя ответственности, которое сваливается на плечи старшего сына богатого человека. Я часто размышлял над тем, каким благом и поистине подарком судьбы

стало для меня появление на свет вторым. Всего лишь два часа разницы, а как они повлияли на всю мою дальнейшую жизнь. Я счастлив, что наследственная корона семейства Мерсер досталась именно ему. Что же до меня, то, надеюсь, ты уже успела понять, что я для семьи отрезанный ломоть, так сказать. Совершенно не приспособлен для жизни в цивилизованном обществе. В отличие от Эндрю... Который всегда был и остается стойкой опорой, поистине столпом этого общества.

– Да. Он действительно хороший муж, любящий отец. Мне грех жаловаться. Я всем довольна.

– А вот мне лично есть на что жаловаться. – Драммонд неожиданно громко стукнул стаканом по столу. – Я ведь в свое время просил тебя повременить с ответом Эндрю. Подождать, пока я вернусь из Европы. И уже потом решать, говорить ли ему «да». А ты меня не послушала.

Китти в немом изумлении уставилась на деверя, пораженная до глубины души его самолюбованием.

– Неужели я должна была поверить, что ты тогда говорил серьезно? Ведь ты же уехал, больше не обронив ни слова.

– А как? Я был уже в море, когда мой брат сделал тебе предложение. И что прикажешь делать мне? Отправлять ему телеграмму с выражением своего негодования по поводу того, что его невеста не послушалась меня? Так?

– Драммонд, в ту ночь ты был так же пьян, как и сейчас.

– Пьяный или трезвый, какая разница? Ты же прекрасно *знала*, что я хотел тебя!

– Ничего я не знала! Все! Хватит с меня этих пустых разговоров! – Китти поднялась со стула. Ее трясло от негодования. – Не желаю больше слушать все эти бредни. Я – жена Эндрю. У нас ребенок, у нас своя жизнь. И на этом точка.

В комнате повисла тишина, нарушаемая лишь дождем, продолжавшим барабанить по крыше дома.

– Прошу простить меня, Китти. Я действительно устал с дороги. Долгий был путь... Да и отвык я от цивилизованного общества. Пожалуй, пойду-ка я лучше почитать.

– Да, пожалуй, так будет лучше.

Драммонд тоже поднялся из-за стола, слегка пошатываясь.

– Спокойной ночи, – попрощался он, направляясь к дверям, но уже на пороге вдруг остановился и снова развернулся к Китти лицом: – А знаешь, тот новогодний поцелуй... Я его запомнил на всю жизнь. А ты?

С этими словами он закрыл за собой дверь.

17

Китти почти не спала. Слова Драммонда снова и снова всплывали в ее воспаленном сознании, кружили, словно мухи над мертвой тушей.

– Пожалуйста, забудь все, что я вчера наболтал тебе с дороги, да еще изрядно охмелев, – повинился он за завтраком. Потом подхватил на руки Чарли, подбросил его высоко в воздух, поймал на лету смеющегося ребенка и усадил на свои могучие плечи, спустив его крепенькие ножки себе на грудь.

– Итак, мой дорогой племянничек, мы, мужчины, должны впредь держаться вместе. Покажи-ка мне для начала, что в этом городе можно посмотреть.

Вскоре они оба исчезли за воротами дома и отсутствовали так долго, что Китти уже стала волноваться, куда они запропастились. Но наконец дядя и племянник вернулись домой.

– Чарли показал мне ваш город, – объявил Драммонд с порога, усаживая малыша к себе на колени. Китти глянула на мордашку сына, перепачканную шоколадом, мороженым и еще бог знает чем.

– Да, мамочка! Я показал ему все-все-все! А все наши знакомые принимали его за моего папу. Он ведь так похож на него! – В слове «похож» опять пропала половина гласных звуков.

Китти терпеливо поправила сына:

– Да, он действительно *похож* на твоего папу, Чарли.

– Кое-кого из прохожих мы с тобой надурили, да, Чарли? – весело рассмеялся Драммонд и принялся протирать салфеткой личико ребенка.

– Да, дядя Драм, – с готовностью согласился с ним Чарли.

– Вполне возможно, на нас уже в ближайшие дни обрушится поток посетителей в лице ваших ближайших соседей, которых мы с Чарли вольно или невольно ввели в заблуждение. Наверняка ведь они подумали, что твой муж уже вернулся домой после путешествия.

Лично я с нетерпением буду ждать этих встреч. – Драммонд весело подмигнул Китти.

Что правда, то правда. Буквально на следующий день к порогу их дома устремилась вереница визитеров. И всякий раз Драммонд был безупречен. Вел себя как самый настоящий радушный хозяин, но при этом держался свободнее и раскованнее, чем его брат, весело подшучивал над гостями, по ошибке принявшими его за Эндрю. Словом, он в два счета очаровал всех посетителей. Результат не заставил себя ждать. На их почтовый ящик обрушилась лавина приглашений от друзей и знакомых отужинать в их доме.

– Вот и еще одно приглашение, – огласила Китти, вскрывая очередной конверт. – На сей раз нас приглашают сами Джеффорды. Право же, Драммонд, нам стоит отказать им всем.

– С какой такой стати? Разве я не прихожусь тебе родней? В конце концов, я – дядя Чарли и сын своего отца. И разве мой брат-близнец не пригласил меня сюда? Ведь он очень просил, чтобы я непременно приехал в Брум.

– Ты же сам недавно заметил, что укусы змеи ничто по сравнению с ядовитыми языками местных кумушек. Для тебя такие походы по гостям – это всего лишь способ развлечь себя, нечто вроде спортивного состязания. Я же смотрю на все это иначе. Что бы ты ни говорил о тех, кого ты называешь представителями колониального среднего класса, какими бы ограниченными и узколобыми ни казались тебе эти люди, я не желаю, чтобы ты насмеялся над ними, – резко возразила Китти.

– Да забудь ты все, о чем я болтал в тот вечер. Говорю же тебе, я был пьян. Лично я ничего не помню! – крикнул он ей вдогонку, когда она пошла по коридору, направляясь в гостиную.

– Что с вами, миссис Китти? Вы сегодня такая грустная. – Камира, которая занималась тем, что сметала пыль перьевой метелкой, оторвалась от своей работы и внимательно осмотрела хозяйку.

– Ничего. Видно, просто устала.

– Наверное, мистер Драм чем-то вас расстроил, да?

– Нет. – Китти подавила тяжелый вздох. – Трудно все это объяснить словами.

– Он похож на свет в небесах. Мистер Эндрю, тот совсем другой. Более мрачный, как сама земля. Оба хороши, но каждый по-своему.

Китти невольно восхитилась, как точно Камира охарактеризовала обоих братьев.

– Чарли он очень нравится. И Фреду тоже. Хорошо, что он сейчас рядом с нами, – добавила служанка. – Хорошо для всех нас.

«Но только не для меня...»

– Да, хорошо, что он сейчас здесь, – машинально повторила Китти слова Камиры. – Ты права, Камира. Кажется, и Чарли просто обожает его.

– Мистер Драм делает вашу жизнь лучше, миссис Китти. Он очень славный человек.

Китти поднялась со стула.

– Пойду-ка прилягу на часок, Камира. Присмотришь за Чарли, пока я подремлю?

Камира бросила на нее подозрительный взгляд.

– Конечно, присмотрю, – пообещала она.

Китти зашла к себе в спальню и улеглась на кровать. «Уж не заболела ли я», – пронеслось в голове. Что-то ее лихорадит. Хотя, наверное, причина совсем в другом. Сама мысль о том, что Драммонд сейчас находится всего лишь в паре шагов от нее и их разделяет только тонюсенькая стена, уже одно это приводило ее в неистовство. Правда, с того первого вечера он более не обронил ни единого слова о своих чувствах. Впрочем, он же сам признался, что был тогда пьян.

Китти ворочалась с боку на бок, стараясь устроиться удобнее и успокоить расходившиеся нервы. Возможно, Драммонд действительно приехал в Брум, руководствуясь самыми лучшими побуждениями: позаботиться о своей невестке, как о том и попросил его брат.

Я В СИНГАПУРЕ ТОЧКА СЛЫШАЛ ДРАММОНД УЖЕ У ТЕБЯ
ТОЧКА РАД ЧТО ТЫ НЕ ОДНА ТОЧКА ДЕЛА ПРОДВИГАЮТСЯ
УСПЕШНО ТОЧКА ЛЮБЛЮ ТЕБЯ И ЧАРЛИ ТОЧКА ЭНДРЮ
ТОЧКА

Китти прочитала телеграмму за завтраком и снова тяжело вздохнула. Кажется, даже ее муж придерживается того же мнения, что

и все остальные: хорошо, что Драммонд сейчас вместе с ними. Между тем сам Драммонд не выказал пока ни малейшего намерения уехать. Собственно, именно поэтому Китти вынуждена была принять некоторые приглашения, другого выбора у нее все равно не было. В результате только на прошлой неделе они выезжали трижды, ужиная у знакомых. Во всех трех случаях Драммонд снова был выше всяких похвал, мгновенно обворожив хозяек, а их мужей впечатлив всякими хвастливыми историями о том, как ему живется в самой глубине материка. Но главное – в течение всего вечера он оставался трезвым.

– *Прошу вас, приходите* к нам еще! – прошептала на прощание миссис Джеффорд, когда он приложился к ее ручке. – Что скажете, если это будет воскресный обед на следующей неделе?

– Благодарю за приглашение, миссис Джеффорд, – вежливо поблагодарила ее Китти. – Я сообщу вам о своем решении после того, как сверюсь с расписанием на следующую неделю.

– Уж окажите такую любезность, моя дорогая. Представляю, как вам сейчас не по себе от присутствия в доме Драммонда. Он ведь так похож на вашего мужа, так похож... Но при этом гораздо *более*... – Миссис Джеффорд внезапно замолчала и залилась краской, словно молоденькая девчонка. – Спокойной ночи, дорогая.

Все следующие дни дождь лил не переставая. Но даже в такую погоду Драммонд придумал, как ему развлечь детей – Чарли и Кэт. Втроем они играли в прятки, наполняя дом радостными воплями. В холле оборудовали миниатюрную площадку для игры в крикет. Драммонд пришел в ужас, когда узнал, что его брат еще не удосужился обучить сынишку основным правилам этой игры. Фреду было велено выстругать ножом столбики для крикетной калитки и биты. По словам Драммонда, Фред справился с заданием «на все сто».

Дождь барабанил по крыше, а Чарли барабанил по входной двери. Вскоре она вся была испещрена следами от ударов мячом, который Драммонд купил в подарок Чарли в одном из магазинов. Кэт была назначена принимающим игроком, охраняющим воротца, а за Китти было ведение общего счета, а также подсчет заработанных очков каждым игроком. Впрочем, несмотря на все старания Китти аккуратно фиксировать каждое попадание по воротам, Драммонд в конце игры всегда объявлял ничейный результат.

– С его появлением в дом пришло счастье, – обронила как-то раз Камира, сопровождая разгоряченных от игры детей на кухню, чтобы напоить их чаем. – Когда он уезжает, миссис Китти?

– Понятия не имею, – честно призналась Китти, сама не зная, хочет ли она, чтобы Драммонд уехал или же, напротив, чтобы остался и погостил у них подольше.

Но, когда на следующий день за ужином Китти задала этот вопрос уже непосредственно Драммонду, тот ответил ей предельно коротко:

– Думаю, когда прекратятся дожди.

– Сезон дождей может затянуться здесь еще на многие недели, – заметила в ответ Китти, вяло ковыряя вилкой пережаренного цыпленка. Тарик пока так и не научилась правильно определять время, нужное для приготовления птицы.

– А в чем, собственно, проблема? Если я тебе уже успел надоест, то скажи. Я уеду немедленно.

– Нет, но...

– Что «но»? – Драммонд прищурился и окинул Китти внимательным взглядом.

– Ничего. Просто я сегодня немного устала.

– Вполне возможно, мое присутствие раздражает тебя. Право же, я еще никогда не видел тебя в таком напряженном состоянии. И это притом, что я изо всех сил стараюсь вести себя в присутствии твоих друзей и знакомых самым наилучшим образом. Из кожи вон лезу, чтобы хоть как-то развлечь Чарли и Кэт – очаровательная девчушка, кстати. А когда вырастет, то и вовсе будет настоящей красавицей. Плюс ко всему я еще помогаю Фреду расчищать дорогу от грязи и...

– *Замолчи!* Пожалуйста, замолчи. – Китти обхватила голову обеими руками.

– Бог мой, Кэт! Что такого я натворил? – Судя по всему, Драммонд вполне искренне недоумевал, чем он мог так сильно огорчить ее. – Скажи же мне, что не так, и я тут же постараюсь выправить ситуацию. Ты же видишь, я даже перестал прикладываться к спиртному, потому что понял, что тебе это не нравится. Я...

– Неужели ты сам не понимаешь?!

– Чего не понимаю?

– Я не знаю, почему ты здесь... зачем... И эта неопределенность... она сводит меня с ума. Я устала!

– Понятно. – Драммонд вздохнул. – Прости, но я и понятия не имел, что мое присутствие в Бруме так негативно влияет на тебя. Я уеду завтра же утром.

– Драммонд. – Китти прижала руку ко лбу. – Я вовсе не прошу тебя уезжать завтра. Я просто поинтересовалась, когда ты *планируешь* свой отъезд. Почему любой вопрос, заданный тебе, сразу же превращается в выяснение отношений? Или, укладываясь каждую ночь в постель, ты мысленно забавляешься тем, как ловко здесь всех одурачил? Никак не могу понять, где ты настоящий, а где – фальшивый. Но, вполне возможно, все твои выкрутасы не имеют никакого отношения ко всем нам, что бы ты там ни говорил. Просто все так сложилось в твоей жизни. И тебе никогда не изменить главного: ты родился на два часа позже своего брата и тот по праву первородства получил все, чего хотел ты сам!

– Хватит! – Драммонд со всего размаха стукнул кулаком по столу. И сразу же раздалась какофония звуков: задребезжали фарфоровые тарелки, зазвенели стаканы, послышалось позвякивание столовых приборов.

– Тогда в чем дело? Какова истинная причина твоего приезда в Брум? – снова спросила Китти.

Какое-то время Драммонд молчал. Потом бросил на нее короткий взгляд.

– А ты сама разве не догадываешься?

– Нет.

Драммонд поднялся из-за стола и вышел из комнаты, громко хлопнув дверью. Китти даже решила, что он пошел к себе укладываться и покинет дом прямо сейчас. Это ведь вполне в духе его взрывного характера.

Но через пару минут Драммонд снова появился в столовой, и не с вещами на выход, а с графином.

– Я прихватил стакан и для тебя, – объявил Драммонд прямо с порога. – На тот случай, если ты вдруг захочешь составить мне компанию. Но, полагаю, ты вряд ли захочешь.

– Ты прав. Спасибо, но не захочу. Один хороший урок ты, во всяком случае, мне преподал. И я запомнила его на всю жизнь.

– Значит, других уроков не было?

– Что-то не припоминаю. Ах да! Еще ты научил меня подсчитывать очки во время игры в крикет. Правда, что толку? Ты ведь всегда сам назначаешь итоговый результат.

Драммонд улыбнулся и отхлебнул виски.

– Ну вот, хоть что-то. Каких-то успехов я все же добился, общаясь с тобой. Хотя, конечно, ты права.

– В чем права? Пожалуйста, Драммонд, перестань говорить со мной загадками.

– Что ж, поговорим тогда начистоту. Пару минут тому назад ты заявила, что, возможно, я в глубине души всегда хотел того, что получил мой брат. Да, в этом ты абсолютно права. Ибо было кое-что, и *оно есть* до сих пор, что я страстно хочу заполучить. Когда я впервые увидел тебя тогда, накануне Рождества, я пришел в восхищение от твоей силы духа. И конечно, я нашел, что ты очень красива. Впрочем, какой мужчина не заметил бы этого? Ты прекрасна, это правда. Потом я наблюдал со стороны, как мой брат пытался тебя заарканить. Я видел, как он страстно мечтал заполучить тебя в жены, но в моих глазах это лишь придавало тебе дополнительное очарование, делало еще более соблазнительной, что ли. Китти, братья есть братья, особенно если речь идет о близнецах. И мы с Эндрю навсегда останемся таковыми. – Драммонд сделал еще один глоток. – Да, поначалу все это было для меня только игрой. Но потом я стал наблюдать за тобой внимательнее. Дивился твоему терпению в общении с моей матерью и теткой. Ты никогда не жаловалась на то, как тяжело переносишь разлуку с родными. Ты всем сердцем и душой отдавалась тому, что предлагала тебе жизнь на данный момент. И ничего не боялась. Помню, какое это было поистине комичное зрелище, когда ты взгромоздилась верхом на верблюда. Но ты же не побоялась! И даже не подумала о том, как ты смотришься со стороны, пристало ли девушке твоего круга совершать подобные экстравагантные поступки. Впрочем, именно в тот момент все и изменилось для меня. Я вдруг увидел твою душу, понял, что ты по натуре такая же свободолюбивая, как и я сам. Что твой дух не скован

никакими условностями. Я увидел перед собой женщину, которую мог бы полюбить.

Китти слушала его молча, не отрывая глаз от своего стакана с водой.

– Когда я попросил тебя дождаться моего возвращения, я ведь говорил абсолютно серьезно. Но, наверное, мало сказал, да и было уже слишком поздно. Я это и сам понимал, и если уж быть совсем честным, то скажу так: на твоём месте я бы поступил точно так же, как это сделала ты. Два брата, похожи друг на друга как две капли воды, но только один – выпивоха и гуляка, а второй... Что ж. – Драммонд слегка пожал плечами. – Сейчас ты знаешь, что представляет из себя Эндрю. Когда случилось неизбежное и я узнал, что ты собираешься замуж за моего брата, я понял, что пропал. Что все потерял... Но шло время, я как-то жил. Каждый из нас продолжал жить своей жизнью, верно? И вдруг я получаю телеграмму от Эндрю. Он слезно просит меня проведать тебя в Бруме. Наверное, я тебя сильно удивлю, если скажу, что провел долгие часы в раздумьях, ехать ли мне сюда. Но наконец я решил, что надо ехать. Пора окончательно похоронить прошлое и идти вперед. И вот я появился на пороге твоего дома, вымокший до нитки, уставший после долгой дороги... Однако стоило мне лишь взглянуть на тебя, и я тут же понял, что ничего не изменилось. Напротив! Я снова стал свидетелем твоей силы духа, твоего мужества и решительности. Остаться одной здесь, в таком непрестом, порой откровенно враждебном окружении, да еще с маленьким ребенком на руках, на такой шаг решится далеко не каждый мужчина, не говоря уже о женщинах. Мое восхищение тобой, мое уважение к тебе, Китти, лишь возросли. Скажу просто, моя дорогая Китти, ты – самая храбрая, самая упрямая, самая умная, постоянно провоцирующая... Словом, ты самая грандиозная из всех женщин, которая, к моему несчастью, встретила на моем пути. Скажу больше: по каким-то непонятным причинам я продолжаю любить тебя. Я обожаю каждую косточку в твоём прекрасном – будь оно неладно! – теле. Итак. – Драммонд поднял свой стакан и чокнулся с ней. – Вот тебе вся моя правда, как она есть.

Китти не верила своим ушам. Отказывалась поверить во все, что услышала. А может, просто боялась поверить. Ведь каждое произнесенное Драммондом слово мгновенно отзывалось в ее душе.

Разве она сама не испытывает к нему точно такие же чувства? Но Китти понимала и другое. В ее ситуации она должна быть рассудительна и благоразумна.

– Не забывай, – начала она, немного помолчав. – Я жена твоего брата. А ты только что сам признался, что желаешь того, что принадлежит ему. Вполне возможно, и *твои чувства ко мне* тоже из разряда таких запретных желаний. Ты не находишь?

– Бог мой, Китти! Я изливаю перед ней душу, выкладываю, можно сказать, на тарелочке свое сердце и прошу лишь об одном: не начинать резать его на мелкие кусочки своим острым ножиком. То есть, я хотел сказать, своим острым язычком. Однако для меня не имеет значения, веришь ты мне или нет. Главное – верю ли я сам себе. Ты спросила меня, почему я до сих пор все еще торчу в Бруме, и я сказал тебе правду, все как есть. Я всецело в твоей власти, Китти. Хочешь, чтобы я уехал? Что ж, я уеду, и немедленно.

– Конечно же, ты можешь остаться и гостить столько, сколько захочешь сам. В конце концов, мой муж сам пригласил тебя к нам в гости. И пожалуйста, не обращай внимания на мое скверное настроение сегодня. Может, съела что-то не то.

Он впился в ее лицо внимательным взглядом, надеясь получить ответ и узнать правду. Но Китти тут же напустила на себя непроницаемый вид.

«Я ни за что на свете не поведу себя так, как мой отец...»

– Я устала, Драммонд. Прости меня, но я, пожалуй, пойду укладываться в постель. Спокойной ночи.

Направляясь к дверям, Китти спиной почувствовала на себе взгляд Драммонда.

– Спокойной ночи, миссис Мерсер, – бросил он ей вдогонку.

По мере того как сезон дождей набирал обороты, дороги в городе стали практически непроходимы. Многие и вовсе исчезли, ибо были размыты. Большинство магазинов на Дампьер-Террас были завалены со стороны фасадов мешками с песком, служившими своеобразной опорой зданиям и одновременно защитой от воды. Фред без усталости

рыскал по грязи в поисках провизии. Китти глядела в окно и видела, что ее драгоценный сад уже буквально погребен под потоками воды и слоем красной земли. На глазах невольно выступили слезы: сколько тщетных усилий, сколько любви было затрачено ею в попытке воссоздать здесь кусочек своего родного дома.

То, что они с Драммондом оказались под одной крышей практически взаперти, еще более усугубляло и без того непростую ситуацию. Ведь при всем своем желании уехать прямо сейчас, он едва ли смог бы это сделать при полном отсутствии дорог. Оставалось лишь смириться и ждать. После нескольких долгих дней, показавшихся Китти вечностью, так она измучилась и душой, и телом от снедавших ее переживаний и охвативших желаний, дождь внезапно прекратился и все они вынырнули из своих уголков и закружились, словно моль в потоках солнечного света. В считанные минуты Чарли и Кэт уже ковырялись в земле, по самые колени зарывшись в жидкую красную грязь, весело выкрикивали что-то, размахивали руками, перемазавшись этой грязью с головы до ног.

Воздух стал свежее, повеяло прохладой. Правда, атмосферу несколько портил явственный запах нечистот, витавший в воздухе, неприятное следствие затяжных дождей, продолжавшихся несколько недель.

– Сейчас нужно быть особенно внимательными, – наставляла Китти Камиру, выуживая сына из лужи грязи. – Ведь это же сезон холеры. Скреби ребятишек что есть силы, ладно?

– Конечно, миссис Китти. А как же иначе? После таких дождей только и жди всяких нехороших болезней. Плохое время...

Очень скоро по городу поползли слухи о том, что в больнице доктора Сузуки уже зарегистрировано пять случаев холеры. И буквально за несколько дней эта цифра существенно возросла.

– К счастью, пока очаг распространения холеры ограничен только районом трущоб, – успокоил Драммонд Китти, предприняв вылазку в город. Решил прогуляться пешком, чтобы хоть немного размять ноги. – Среди белого населения случаев заболевания холерой пока не зафиксировано.

Однако вскоре такие случаи, увы, появились. Снова обитатели белых кварталов разъехались кто куда, наглухо закрыв двери своих

домов от посторонних. Только на сей раз забаррикадировались уже не от потенциальных наводнений, а от смертельно опасной болезни.

Первой жертвой эпидемии в доме стал Фред. Он лежал в беспомощности на своей соломенной подстилке в конюшне. Китти была поражена, когда Камира настояла, что будет сама ухаживать за ним, и не позволила положить его в больницу.

– Он всегда был добр ко мне, – пояснила Камира свои мотивы. – А всем этим докторам я не очень доверяю, – сказала она как отрезала.

– Хорошо, – согласилась с ней Китти. Она и сама прекрасно знала, что на туземцев внимание в больнице обращают в самую последнюю очередь. Потом благодарно сжала руки Камиры: – Ты должна сразу же сказать, если тебе понадобится моя помощь.

Домой Китти вернулась с тяжелым сердцем. Из головы не выходили мрачные мысли о том, сколько времени ее Чарли проводил в обществе Фреда изо дня в день.

– Не переживай, – успокаивал ее Драммонд. – У аборигенов сопротивляемость холере гораздо ниже, чем у нас, белых. Мы принесли с собой в Австралию десятки болезней, неизвестных туземцам, эти болезни выкашивали и продолжают выкашивать их тысячами, если не десятками тысяч.

– Как это ни дико звучит, но твои доводы меня немного успокаивают. Хотя бы ради блага Чарли. – Китти выдавила из себя слабую улыбку. – Я рада, что ты сейчас рядом.

– Что ж, впервые за все это время ты сказала мне хоть что-то приятное. Я безгранично счастлив, мэм! – Драммонд отвесил шуточный полупоклон.

Две последующие ночи Фред метался в жару, не приходя в сознание. Камира, неотлучно дежурившая при нем, созналась, что она не уверена, сможет ли он вообще выкарабкаться. С этими словами она снова поспешила в хижину, прихватив с собой из кухни какие-то отвратительно пахнущие снадобья.

– Как смотришь, если мы свозим детей на пляж? – предложил Драммонд Китти.

– Ты с ума сошел! – возмутилась она в ответ.

– Риддел-Бич далеко от города, это во-первых. А во-вторых, нам всем не помешает подышать немного свежим воздухом, – возразил Драммонд.

Китти и самой отчаянно хотелось вырваться из домашнего заточения. А потому она тут же собрала небольшую корзинку для пикника, и они двинулись в путь. Драммонд повез их к океану по объездной дороге, минуя Брум. Маршрут удлинился, зато не нужно было проезжать по городским улицам.

Когда они прибыли наконец на место, Китти уселась на мягкий песок, а Драммонд тут же сбросил с себя верхнее платье и сиганул в воду прямо в кальсонах.

– Прошу прощения за свой непрезентабельный вид, – насмешливо обронил он. – Но не могу устоять! Дети, присоединяйтесь ко мне!

Чарли и Кэт с радостными воплями понеслись к воде. Китти наблюдала, как они втроем весело плещутся на мелководье. Она тоже была счастлива вырваться хоть на короткое время из той угнетающей атмосферы, которая сейчас царила у них дома. Смущало другое: ведь эту внешне очень похожую на типично семейную вылазку на природу она совершила в обществе мужчины, очень похожего на ее мужа. Но ведь на самом деле это не Эндрю. Причем этот мужчина совершенно не скован всеми теми условностями и нормами поведения, которые существуют в современном обществе. А главное – этот мужчина умеет смеяться и жить сегодняшней жизнью, не откладывая ее на потом.

Ах, думала порой Китти, признаваясь сама себе в потаенных желаниях, как бы ей хотелось, чтобы все в ее жизни было с точностью до наоборот.

Когда они вернулись домой, Камира уже поджидала их на кухне. На лице у Камиры читалось явное облегчение.

– С Фредом все будет в порядке, – объявила она им прямо с порога.

– Слава богу! – воскликнула Китти и в порыве чувств обняла Камиру. – Хорошо! Тогда веди эту ребятню в ванную комнату, а мы пока подумаем, что приготовить на ужин.

Однако ночью, уже ближе к рассвету, Китти сама почувствовала недомогание. У нее начался жар. Потом разболелся живот. Она поднялась с постели, чтобы сходить в уборную, но поутру Камира застала ее лежащей без чувств на полу спальни.

– Мистер Драм! Сюда! Быстрее! – истошно крикнула Камира.

Наверное, ей все это приснилось, думала потом Китти, но Камира стала истерично кричать на Драммонда:

– Никаких больниц, мистер Драм! Там полно заразных! Ступайте за лекарствами. Будем лечить миссис Китти дома.

Китти с трудом открыла глаза и увидела над собой лицо Эндрю. Но наверняка, это все же был Драммонд. Он дал ей выпить какой-то соленой жидкости, от которой ее тут же начало тошнить, а потом и вырвало. В комнате сразу же запахло чем-то кислым и вонючим.

Потом чьи-то ласковые руки омыли ее прохладной водой, между тем желудочные спазмы продолжались и Китти тошнило снова и снова. Наконец она забылась. Ей казалось, что она плывет, уплывая куда-то ввысь, чтобы присоединиться к предкам Камиры, обитающим на небесах. А может быть, и к самому Богу... Однажды Китти открыла глаза и увидела перед собой ангела. Он махал перед ней своими белыми крыльями, а потом вдруг предложил ей руку и запел. Красивый высокий голос что-то пел прямо ей на ухо.

«Как было бы хорошо, – подумала она, улыбнувшись, – если бы вдруг исчезла вся эта боль».

Но вот рядом с ангелом возникла еще чья-то фигура. Этот человек склонился над ней и сказал:

– Борись, моя дорогая Китти... Борись... Не оставляй меня одного. Я люблю тебя... Я люблю тебя...

Должно быть, Китти снова заснула, потому что когда опять открыла глаза, то увидела тоненькие горизонтальные полосы света, пробивающиеся в комнату сквозь закрытые ставни.

– Почему никто не задвинул шторы? – с трудом пробормотала она. – Я всегда так делаю. Помогает от жары...

– Ваше величество, покорно прошу простить меня. Недоглядел, виноват. В последнее время в моей голове крутились всякие другие проблемы.

Драммонд, подбоченившись, стоял рядом с кроватью. Вид у него был ужасный, бледный, отощавший, лицо осунулось, под глазами темные круги.

– Добро пожаловать в эту жизнь, Китти, – сказал он.

– Мне снилось, что ко мне прилетал ангел и забирал меня на небеса...

– Верю, такое тебе вполне могло привидеться. Потому что, Китти, мы едва не потеряли тебя. Лично я был почти уверен, что ты уже

сдалась. Однако, судя по всему, Господь пока отложил на какое-то время встречу с тобой и отправил тебя назад, на землю.

– Получается, что Бог все же есть, – прошептала Китти и попыталась сесть. Но тут же все поплыло у нее перед глазами, и она безвольно откинулась на подушки.

– Ну, *на столь щекотливую тему* мы поговорим с тобой как-нибудь в другой раз. Хотя бы после того, как я сам вздремну чуток. По моему, ты в здравом уме, все понимаешь правильно и уже целых двенадцать часов не вытворяла никаких безобразий на постели, – откликнулся Драммонд.

– Безобразия?! Прямо на кровати? – Китти тут же закрыла глаза и попыталась отвернуться от него. Ей было ужасно стыдно и неловко.

– Холера – это такая болезнь... Много грязи... Но не переживай. Всякий раз, когда тебя обмывали, переодевали и меняли постельное белье, я честно покидал комнату. Всю эту грязную работу исправно выполняла Камира. Хотя признаюсь, что у меня даже была мысль сдать ее в полицию, если бы ты умерла, и обвинить ее в том, что это она убила свою хозяйку. Ведь когда я попытался отправить тебя в больницу, она вцепилась в меня, как разъяренная тигрица. Кричала, что в этих больницах «для белых» полно заразных. Что, скорее всего, так и есть. То есть велик шанс умереть не столько от собственных бактерий, сколько от бактерий соседа по койке. Словом, в конце концов Камира меня уговорила и я сдался, положившись во всем на волю Господа.

– Здесь был ангел, клянусь тебе...

– Ты снова начинаешь бредить, Китти? Надеюсь, нет. – Драммонд бросил на нее выразительный взгляд. – Что ж, как бы то ни было, а пока оставляю тебя в обществе твоих ангелов. Поговори с ними. А я пойду и сообщу сестре Камире, что ты, слава богу, жива и скоро совсем поправишься.

Драммонд направился к дверям.

– Спасибо тебе, – с трудом произнесла Китти.

– Не стоит благодарности, мэм. Всегда к вашим услугам.

– И все же я *видела* ангела, – прошептала она едва слышно, слишком устав от разговора. После чего снова закрыла глаза и погрузилась в сон.

– Мистер Драм был при вас безотлучно день и ночь. Никуда не отходил. Только когда я вас переодевала или меняла простыни. – Камира слегка поморщила носик. – Он – хороший человек. Послушал меня, когда я сказала ему, что не надо никаких больниц.

Китти, сидя на постели, старалась изо всех сил проглотить хотя бы пару ложек какого-то жидкого соленого варева, стоявшего перед ней на подносе. Потом глянула на мечтательное выражение лица служанки. Скорее всего, Камира, ее спасительница и верная помощница, уже полностью попала под обаяние мистера Драма. Кажется, ее он тоже очаровал.

– Он вас любит, миссис Китти, – твердо заявила она.

– Еще чего! – тут же возмутилась Китти и сразу же постаралась смягчить свою грубую реакцию на слова Камиры. – Если и любит, то только так, как может любить деверь, то есть брат моего мужа.

Камира повертела глазами, явно не согласившись с такой оценкой.

– Вы – счастливая женщина, миссис Китти. Далекое не все мужчины такие же хорошие, как он. Но вы ешьте, ешьте... Набирайтесь сил ради вашего мальчика.

Спустя два дня Китти окрепла уже настолько, что к ней допустили Чарли. Раньше она просто боялась, что он испугается одного ее вида.

– Мапочка! Тебе уже лучше? – воскликнул мальчик, падая в ее объятия. Китти почувствовала под своими руками пульсирующую жизненную энергию, исходившую от сына.

– Гораздо лучше, милый. И я так рада видеть тебя.

– Папа написал, что вернется домой, дядя Драм телеграфировал ему о том, что ты больна.

Китти сразу же почувствовала спазм в животе, точь-в-точь как и тогда, когда во время болезни ее тянуло на рвоту.

– Правда? – промолвила Китти вслух. – Он очень добр, наш папа.

– Да. Но потом, когда тебе стало лучше, дядя Драм снова сходил на почту и отправил папе еще одну телеграмму. Поэтому он не приедет.

– Представляю, как ты разочарован, Чарли.

– Да. Но дядя Драм остался же. Он о нас заботится. И похож на папу. Только с ним интереснее, чем с папой. Мы с ним играем в крикет. Он плавает вместе с нами. А почему папа никогда не плавал с нами?

– Возможно, он тоже согласится, если мы попросим его хорошенько.

– Не согласится. Папа всегда занят на работе. – Чарли запечатлел слюнявый поцелуй на ее щеке и обхватил за шею своими пухлыми ручонками. – Я очень рад, что ты не умерла, мамочка. Мы с Кэт помогаем Фреду строить в саду хижину.

– Что за хижина?

– Это будет наш с Кэт домик. Мы сможем там жить. Иногда будем там даже ужинать. – В глазах Чарли появилась мольба. – Ведь можно же, мамочка?

– Наверное, иногда можно, – сдалась Китти. Она была еще слишком слаба, чтобы спорить с сыном.

– Вот! А потом мы с Кэт поженимся, как вы с папой. До свидания, мамочка. Кушай свой супчик и поправляйся скорее.

Китти молча проследила за тем, как ее сынишка решительным шагом направился к дверям. За те несколько дней, что она его не видела, мальчуган еще больше повзрослел и физически, и в манере поведения.

Конечно, детские игры есть детские игры и в них нет ничего дурного. И однако же она снова задалась вопросом, а не поступила ли она в свое время слишком опрометчиво, вверив Чарли исключительно заботам Камиры. Впрочем, над всем этим она подумает в другой раз. Китти снова сконцентрировала свое внимание на супе. Надо же как-то доесть его.

На следующее утро Китти заявила, что окрепла настолько, что может принять ванну и переодеться. Правда, еда по-прежнему оставалась проблемой. Одного взгляда на тарелку с едой было достаточно, чтобы спровоцировать новые приступы тошноты. И все же, преодолевая себя, Китти пыталась проглотить хоть пару ложек. Чарли и Кэт днями торчали в саду: помогали Фреду, который пилил, строгал, заколачивал гвозди. Словом, все вместе они строили игрушечный домик.

– Хороший парень этот Фред, – обронил как-то раз за завтраком Драммонд. – Ты отнеслась к ним с Камирой по-людски. И они оба

отблагодарили тебя в десятикратном размере.

– Ты тоже хороший. Спасибо тебе за ту заботу, которой ты меня окружил, когда я болела. Не знаю, что бы я тут делала, если бы тебя не было рядом.

– Пустяки! Это же было совсем не трудно. И потом, это – мой долг. Как я мог позволить тебе умереть, когда ты оказалась на моем попечении? Брат никогда бы не простил мне этого. Кстати, есть хорошие новости. Судя по всему, эпидемия в городе уже пошла на спад. Хотя доктор Сузуки сказал в разговоре со мной, что в его больнице скончалось не менее дюжины пациентов. Пожалуй, эту цифру можно утроить, если вспомнить, сколько смертей было среди обитателей трущоб. А вот и печальная новость. К сожалению, миссис Джеффорд тоже стала одной из жертв этой эпидемии.

– Какая беда. Я немедленно напишу ее мужу. Выскажу ему свои соболезнования.

– Да, вот так смерть делает из всех почти что святых, правда? – Драммонд натянуто усмехнулся. – В любом случае ты уже совсем оправилась. Да и погода заметно улучшилась. Пожалуй, мне пора собираться в дорогу. Планирую уехать завтра или в ближайшие два дня.

– Но ведь сезон дождей еще не кончился. Наверняка дожди возобновятся с новой силой.

– Наверное. Но я больше не хочу путаться у тебя под ногами.

– И все же задержись еще на какое-то время... пожалуйста... Пока погода не наладится окончательно, – умоляюще проговорила Китти. Сама мысль о том, что Драммонд уедет, показалась ей нестерпимой. Сейчас Китти была уверена в том, что это *именно его* голос просил ее не умирать, можно сказать, вернул ее с того света. – И Чарли тебя просто обожает.

– Спасибо за добрые слова. Но это Чарли... А что же ты сама?

– Мамочка! Дядя Драм! – Чарли вихрем ворвался в комнату. – Наш домик уже готов! Идемте же скорее. Я покажу его вам.

– Конечно-конечно! – Китти с готовностью подхватила со стула, в глубине души благодарная сыну за то, что ей не пришлось отвечать на вопрос Драммонда.

Они все вместе кое-как втиснулись в крохотный домик и даже выпили там чаю с замороженными кексами, которые приготовила им

Тарик. Они были твердыми как камень, но никто не возражал против такого угощения.

– Мамочка, можно мы сегодня будем спать здесь? – Тут же пристал Чарли к матери.

– Нет, милый, это исключено. Кэт отправится спать к себе домой вместе с мамой, а ты будешь спать в своей комнате.

Чарли обиженно надул губки, но взрослые уже поднялись из-за стола и на полусогнутых ногах выбрались из тесного помещения, в котором катастрофически не хватало воздуха.

Вечером того же дня Китти занялась своим туалетом основательнее, чем обычно. Принадлежал ли тот ангельский голос, который она слышала в бреду и который вернул ее к жизни, Драммонду или нет, это одно. Но достаточно вспомнить, как он нянчился с ней все те дни, что она болела. А как он играет с детьми, с Чарли и с Кэт. Это же залюбуешься, глядя на них со стороны. Нет, больше Китти не в силах отрицать очевидное. Она нанесла несколько капель духов на шею, хотя и знала, что все эти запахи тут же привлекут к ней moskitov, а потом уставилась на собственное отражение в зеркале.

– Я люблю его, – тихо промолвила Китти. – Господи, спаси меня. Я ничего не могу с собой поделать.

Ужин затянулся дольше обычного. Трясущимися руками Китти стоически пыталась расправиться с тремя блюдами. Чувствовал ли Драммонд то напряжение, которое буквально витало в воздухе, она не могла понять. Ел он с аппетитом, то и дело сдобривая еду вином из тех запасов, которые пополнил Эндрю, прислав целый ящик вина из Аделаиды. Кажется, Драммонда совсем не интересовали перемены, которые произошли в настроении Китти.

– Налей мне немного вина, – попросила она его.

– Ты уверена, что это разумно? – Драммонд слегка нахмурился. – Не думаю, что вино пойдет тебе на пользу. Ведь ты еще такая слабая после болезни.

– Может, и так. Но я хочу поднять тост хотя бы за то, что у меня еще остались силы и какое-то здоровье, о котором надо заботиться. По крайней мере, я не лежу сейчас в морге, как бедняжка миссис Джеффорд.

– Хорошо, будь по-твоему. – Он плеснул ей в бокал на самое доньшко.

– Пожалуйста, больше.

– Китти...

– Ради всех святых! Я уже взрослая женщина! И если мне хочется выпить бокал вина, то почему нет?

– Вот сейчас я вижу, что тебе действительно стало лучше. – Драммонд иронично вскинул бровь. – Вернулась к своим командирским манерам.

– По-твоему, я – командирша, да?

– Да пошутил я, Китти. Ты же знаешь, я всегда шучу. Что за муха тебя сегодня укусила? Брыкаешься весь вечер, словно необъезженная молоденькая кобылка.

Китти молча отхлебнула из своего бокала.

– Да, наверное, я сильно изменилась, оказавшись на грани смерти.

– Вот как? В чем именно?

– Думаю, до меня наконец дошло, как все мимолетно в нашей жизни.

– Это действительно так. Особенно здесь, в этом нашем новом и огромном мире под названием Австралия. Здесь хрупкость человеческой жизни ощущается очень остро.

– А еще я должна признаться тебе, что раньше сомневалась в существовании Бога. Зато теперь я точно знаю, что Он есть. Я почувствовала Его любовь к себе.

– Звучит как присяга на верность! – Драммонд залпом осушил свой бокал. – У вас явно наступило прозрение, миссис Мерсер. Не удивлюсь, если вскоре ты обратишься к местному священноначалию с просьбой разрешить тебе принять сан и стать первой женщиной-священником.

– Когда ты перестанешь издеваться надо мной? Прошу тебя, прекрати немедленно! – Китти допила свое вино, чувствуя, как начинает кружиться голова. – Просто я... Дело в том...

– Ради бога, Китти, не томи! Говори все как есть.

– Я хочу сказать... Вот так же сильно, как я чувствую любовь Господа к себе, я люблю тебя, Драммонд. Думаю, я полюбила тебя с самой первой минуты, как только увидела.

Китти потянулась за бутылкой вина, но Драммонд тут же выхватил бутылку из ее рук.

– На сегодня хватит, мэм. Слишком много плохих воспоминаний возвращается к нам под воздействием спиртного. И потом. – Он крепко схватил Китти за запястье. – Я хочу тебе верить. Верить каждому твоему слову.

– Вот и поверь! Да, я сказала то, что думала. – Внезапно Китти рассмеялась. – Нет, я не пьяна. Неужели ты думаешь, что эти две капли вина ударили мне в голову? Просто меня пьянит то огромное облегчение, которое принесло мне собственное признание. Если бы ты только знал, как было ужасно и мучительно бороться со своими чувствами последние несколько недель. Прошу тебя, Драммонд... Пожалуйста... Давай просто отпразднуем нашу радость от того, что мы оба живы. Разве нельзя? Разве нельзя порадоваться тому, что мы живем сейчас, в эту самую минуту, и не столь уж важно, что там будет завтра. Давай не будем думать о том, что хорошо, а что – плохо...

В комнате повисло молчание. Молчали долго. Наконец Драммонд заговорил:

– Ты и представить себе не можешь, каким счастливым сделало меня твое признание. Да, наверное, ты опьянела не столько от этого крохотного бокала вина, сколько от осознания того, что ты жива. Это сама жизнь пьянит тебя, та самая жизнь, с которой ты едва не рассталась какое-то время тому назад. Признаюсь, я отчаянно хочу любить тебя всеми возможными способами, однако ради твоего же блага предлагаю сделать паузу. Тебе надо время, чтобы полностью восстановить свои силы и еще раз подумать над всем тем, что ты мне сказала сегодня вечером. А также о тех последствиях, которыми обернется твое признание для нас обоих и для наших семей.

Китти уставилась на него в немом изумлении.

– Подумать только! Я сама, добровольно, предлагаю ему свою душу и свое тело, а он, вместо того чтобы воспользоваться этими дарами, вместо того чтобы ловить момент, начинает какие-то заумные разглагольствования! Время – вот что является единственной роскошью для всех, кто жив. Бог мой! Я больше не хочу терять ни секунды отпущенного мне времени.

– И все же, если ты потратишь несколько драгоценных секунд на обдумывание всего того, что ты мне только что сказала, поверь, это

время не будет потрачено зря. Вот если и через пару дней ты останешься при своем же мнении, что ж, тогда...

– Нет, вы только послушайте его! *Я говорю с тобой* от чистого сердца, а ты в это время приводишь доводы разума... Какая жалость! – Китти нервно сплела кисти рук. – Неужели ты всегда находишь возможность для того, чтобы противоречить мне? Или после того, как ты увидел меня в таком состоянии, больной, не контролирующей ни свое тело... ни все остальное, ты изменил свое мнение?

– Да, я действительно имел возможность разглядеть каждый дюйм твоего тела. Могу заверить тебя, оно по-прежнему прекрасно. – Драммонд протянул к ней руку, но Китти тотчас же поднялась со стула на все еще ватных ногах.

– Все! С меня хватит! Я иду спать! – Она направилась к дверям, изо всех сил стараясь держаться прямо, но в эту минуту его рука схватила ее и притянула к себе.

– Кэт! Я...

Драммонд впился в нее устами, и от его поцелуя голова у нее закружилась еще сильнее. Когда он наконец оторвался от ее губ и слегка ослабил свою хватку, Китти едва не осела на пол.

– Да ты словно тряпичная кукла. Ничего не вешишь! – ласково проговорил Драммонд, подхватывая ее на руки. – Пожалуй, я проведу тебя до самых дверей твоей спальни.

Возле спальни он остановился.

– У тебя хоть есть силы раздеться? Или тебе помочь? – Он коротко усмехнулся при последних словах.

– Сама управлюсь, – прошептала в ответ Китти.

– Хорошо! Но еще раз повторяю, Китти. Я должен знать, что ты говоришь серьезно. Потому что я уже не смогу остановиться и пойти на попятную. Повернуть назад на полпути? Никогда!

– Я понимаю, Драммонд. Спокойной ночи.

Время тянулось невообразимо медленно. Те несколько дней, которые Драммонд дал Китти на обдумывание, показались ей огромной глыбой из глины, но она потихоньку стала рассыпаться,

превращаясь в кучу песка. Однако как же все это долго... К счастью, у детей появилась новая забава – их игрушечный домик. Они проводили в саду целые дни. Китти и понятия не имела, чем они там забавляются, но, судя по веселым взрывам смеха, которые оттуда доносились всякий раз, когда она выходила в сад проверить, все ли у них в порядке, им действительно было весело.

Драммонд вдруг объявил, что ему нужно решить в Бруме кое-какие дела по поручению отца, а потому он большую часть дня пропадал в городе. А Китти в это время металась по дому, не в силах найти покой. На сердце у нее было тяжело. К тому же ее буквально снедало страстное желание. Как ни старалась она убедить саму себя, что нужно хорошенько все обдумать, как об этом и попросил Драммонд, ее обычно рассудительный ум отказывался повиноваться. Даже когда принесли теплую телеграмму от Эндрю, Китти не нашла в себе силы почувствовать хоть какие-то угрызения совести. Все ее мысли, вероломные, предательские мысли, продолжали вертеться исключительно вокруг Драммонда.

ИСКРЕННЕ СЧАСТЛИВ ЧТО ТЫ ОПРАВИЛАСЬ И СНОВА
ЗДОРОВА ТОЧКА РАД ЧТО ДРАММОНД БЫЛ РЯДОМ ТОЧКА
НАДЕЮСЬ ВЕРНУТЬСЯ С ПОДАРКОМ ДЛЯ МОЕЙ КОРОЛЕВЫ
ТОЧКА ЭНДРЮ ТОЧКА

Минуло еще два дня, и терпение Китти иссякло. Лежа на кровати, она услышала, как закрылась за Драммондом дверь в его комнату. После отъезда мужа Китти привыкла спать нагишом, под одной только простыней. Выждав, пока старинные часы в холле пробьют полночь, Китти поднялась с кровати и набросила на себя пеньюар. Потом осторожно прикрыла дверь своей спальни, чтобы не разбудить Чарли, и на цыпочках пошла по коридору. Вошла в комнату Драммонда, даже не постучав. Он не закрыл ставни. Лунный свет потоками вливался через окна в комнату. В этом свете Китти увидела, что Драммонд тоже растянулся на постели абсолютно голым.

Китти развязала пояс, и пеньюар упал на пол. Она подошла к постели и протянула руку:

– Драммонд.

Драммонд открыл глаза и молча уставился на нее.

– Я подумала. Хорошо подумала. И вот я здесь.

18

– Вы уже совсем оправились, миссис Китти, – обронила Камира спустя неделю. – Сейчас вам уже совсем хорошо, да?

– Да, я действительно чувствую себя хорошо, – машинально повторила Китти слова Камиры. Она как раз пила чай на веранде и одновременно разглядывала уничтоженные дождями клумбы с розами, прикидывая мысленно, стоит ли их восстанавливать и высаживать новые кусты роз. Китти бросила отрешенный взгляд на Камиру, которая, плеснув воды на засохшую красную грязь на полу, принялась изо всех сил оттирать это место шваброй.

– А вы стали совсем другой, – проникательно заметила служанка. Она оперлась о швабру и бросила внимательный взгляд на хозяйку. – Вся светитесь изнутри, словно звездочка какая! – добавила Камира и снова принялась выскабливать грязь.

– Я действительно очень рада тому, что оправилась после болезни. Надеюсь, больше таких затяжных дождей в этом году мы уже не увидим.

– Да, без дождей хорошо. Но, думаю, миссис Китти, это мистер Драм сделал вас такой счастливой. – Камира слегка похлопала себя по переносице, хитровато улыбнулась и отправилась менять воду в ведре.

Последние слова Камиры заставили Китти вздрогнуть. Откуда она узнала? Вряд ли она могла что-нибудь увидеть. Они с Драммондом старались вести себя очень осмотрительно. Никаких любовных объятий до тех пор, пока Камира и Кэт не отправятся к себе домой, а Чарли не заснет в детской. Но, наверное, Китти действительно стала другой. У нее даже смех стал иным. А она в последнее время много смеется. Потому что Драммонд подшучивает над ней постоянно. Или примется щекотать Чарли до тех пор, пока тот не взмолится о пощаде. Дом вдруг наполнился совершенно новой энергетикой, как и сама

Китти. Собственно, впервые в жизни, вдруг поняла Китти, она зажила настоящей, полнокровной жизнью.

День и ночь ее тело трепетало, снедаемое желанием близости с Драммондом, и неважно, был ли он в этот момент рядом с ней в комнате или присутствовал лишь в ее воображении. Китти доставляли удовольствие даже самые простые вещи, главное – чтобы он был рядом. Вот он слегка прикасается к ней рукой, и волна радостного возбуждения тут же электризует все ее естество. Просыпается по утрам, и первая мысль ее уже о том, чтобы поскорее наступил вечер и она смогла бы побежать к нему и вместе погрузиться в ту пучину наслаждений и экстаза, которые сулит им очередная ночь.

После самой первой ночи они заключили между собой такое негласное соглашение: пока просто жить и наслаждаться моментом, не думать о будущем, не позволять никаким неприятным мыслям разрушать тот мир, который они сами себе создали. В глубине души Китти поражалась самой себе: оказывается, она не только с легкостью пошла на все, но ей при этом не было еще и ни капельки стыдно за свое в общем-то недостойное поведение. Где-то в дальних уголках сознания она, конечно, помнила, что уже менее чем через месяц Эндрю вернется домой, но пока присутствие рядом его более эмоционального и сильного брата-близнеца полностью затмевало все остальное. Свое безрассудство Китти оправдывала тем, что если бы не Драммонд, то она бы никогда не выжила в столь изнурительно долгий сезон дождей. Ведь, по сути, он спас ее от смерти. А уж какое счастье для Чарли, что в этот момент рядом с ним был дядя Драм. Изобретательный ум Драммонда мог в мгновение ока превратить обычный стул в корабль с пиратами, который несется на всех парусах в открытом море вместе с награбленными ими сокровищами. По воле его фантазии стол в гостиной вдруг превращался в хижину, затерянную в джунглях, вокруг которой рыскают кровожадные тигры и львы. Как же все эти забавы приятно контрастировали с бесконечно унылыми играми в карты, извечным развлечением Эндрю в сезон дождей.

«Драммонд еще сам в душе ребенок», – размышляла Китти, наблюдая за тем, как он ползает на четвереньках по холлу и свирепо рычит, имитируя повадки тигра. Впрочем, ночью он весьма

убедительно демонстрировал, что перед ней очень даже взрослый мужчина...

Как только установилась хорошая погода, возобновились их поездки на Риддел-Бич и на более дальние пляжи. В тихих бухтах, окруженных со всех сторон скалами, Китти с наслаждением плескалась в великолепных бирюзовых водах вместе с Кэт, Драммондом и Чарли, который заделался самым настоящим профессиональным пловцом.

– Мамочка, снимай свои панталоны, – кричал он ей из воды. – Дядя Драм говорит, что, когда одежда намокает, она тянет на дно.

Разумеется, Китти не пошла на то, чтобы разоблачаться догола перед Чарли. Не поделилась она с сыном и своим секретом о том, как они с Драммондом несколько раз выбирались на пляж без детей. Чарли она оставляла под присмотром Камиры, ссылаясь на то, что, дескать, есть кое-какие дела в городе. А сама садилась с Драммондом в коляску, и они отправлялись к океану и плавали там вдвоем нагишом до изнеможения. И когда он держал ее в своих объятиях, целовал ее лицо, шею, а потом, на берегу, слизывал солоноватую воду с ее груди, Китти понимала, что вот оно, счастье, и едва ли в будущем ей еще удастся пережить такие же мгновения абсолютного и полного счастья.

– Дорогая, – обронил как-то раз Драммонд в конце февраля, когда они лежали в постели и Китти все еще приходила в себя после очередной любовной баталии, – я получил телеграмму от отца. Он просит, чтобы я приехал в Аделаиду, где они с Эндрю будут поджидать меня. В конце следующей недели они уже должны будут вернуться из Европы. Речь идет о нашем семейном бизнесе. Отец хочет разделить семейную империю между мной и Эндрю, чтобы не возникло никаких спорных вопросов после его смерти. Словом, я должен появиться в родительском доме Алиса-Холл для того, чтобы подписать кое-какие юридические документы в присутствии нотариуса, а потом мы с Эндрю составим наши собственные завещания.

– Понятно, – прошептала Китти, и сердце, переполненное любовью и только что пережитым удовлетворением, невольно сжалось

в дурном предчувствии. – Когда ты уезжаешь?

– Думаю, что отправлюсь пароходом через два дня. А почему ты не спрашиваешь меня о том, что именно отец предполагает отдать мне? Чтобы узнать, так сказать, мои перспективы на будущее?

– Ты же знаешь, меня ни капельки не волнуют твои перспективы. Я буду счастлива жить с тобой и в дупле какого-нибудь эвкалипта, без крыши над головой.

– Но я, тем не менее, все же поставлю тебя в известность касательно моих имущественных перспектив. Как ты, наверное, догадываешься, Эндрю унаследует семейный бизнес, связанный с добычей жемчуга, это на настоящий момент где-то семьдесят процентов всего нашего фамильного капитала. Мне же перейдет в наследство тысяча квадратных миль земли в засушливой пустыне и полуживой от истощения скот. Короче, мне достанется животноводческое ранчо Килгарра. Да, и еще несколько акров земли в нескольких часах езды от Аделаиды. Ходят упорные слухи, что в этом регионе есть залежи каких-то полезных ископаемых. Даже уже началась разработка месторождения. Мой отец весьма своевременно вписался в этот проект. Все это может обернуться ничем, но, зная интуицию отца в том, что касается денег, а его нос может учуять их запах, как динго чует запах околевшей телки за целую милю от себя, остается предполагать, что и это его предприятие обернется какой-то прибылью. Я также унаследую бунгало в горах Аделаиды, а брату достанется наш фамильный дом Алиса-Холл.

– О, мне кажется, что бунгало гораздо красивее дома в Аделаиде. Я там бывала. Такие красивые места! – воскликнула Китти, живо представив себе тамошние пейзажи. – Именно там Эндрю сделал мне...

Она сконфуженно умолкла, почувствовав всю неловкость собственных слов.

– Вот как? То есть он там сделал тебе предложение? Довольно... странно, я бы сказал.

– Прости. С моей стороны было бестактно упоминать об этом.

– Полностью с тобой согласен. – Драммонд откинул прядь волос с ее лица. – К превеликому сожалению, миссис Мерсер, должен сообщить вам, что на наше благословенное любовное гнездышко неумолимо надвигается суровая действительность. Как мы ни гнали ее

прочь в эти последние несколько недель, божественных недель, я бы сказал, но пришло время, когда тебе следует принять какое-то решение.

Китти и сама понимала, что время пришло.

– А разве тебе не надо принимать решение? В конце концов, Эндрю ведь твой брат.

– Да, мой брат. Брат, который в детстве без всякого зазрения совести отбирал у меня любимые игрушки.

– Надеюсь, ты не рассматриваешь меня как своего рода контрибуцию за прошлые обиды, – возмутилась Китти.

– А почему бы и нет? – хохотнул он в ответ. – Такое возмещение убытков только к лучшему. – Но, заметив ошарашенное выражение ее лица, тотчас же пошел на попятную. – Китти... моя Кэт! Я же в своем обычном репертуаре. Снова дразню тебя. Хотя, если уж говорить по совести, я еще не выиграл у Эндрю ни единой схватки из числа тех, что он считает для себя важными.

– О нет! Как раз выиграл! – Китти приподнялась на постели и нежно поцеловала Драммонда в щеку. – Ты знаешь, как быть счастливым. А благодаря тебе теперь и я знаю этот секрет.

– И тем не менее, любовь моя, я рискую стать самым несчастным человеком на свете, если мы сейчас не обсудим с тобой наше будущее. – Драммонд обхватил лицо Китти обеими руками. – Ты хочешь, чтобы, уезжая в Аделаиду, я исчез из твоей жизни навсегда?

– Ах, Драммонд! – Китти горестно покачала головой. – Я не знаю, что мне делать.

– Конечно, не знаешь. Одному Богу известно, в какую пропасть мы загнали сами себя. Быть может, мне стоит сейчас озвучить тебе то, что я думаю на сей счет?

– Да, пожалуйста.

– На самом деле все очень просто. Я не мыслю своей дальнейшей жизни без тебя. Готов встать перед тобой на колени и плакать, как девчонка, если ты будешь настаивать на том, чтобы и впредь оставаться с моим братом. – Слабая улыбка тронула губы Драммонда.

– И что ты предлагаешь?

– Взять Чарли и бежать отсюда втроем.

– Куда?

– Наверное, лучше всего было бы на Луну, но, с учетом наших реальных возможностей, предлагаю пока укрыться у меня на ранчо. Впрочем, чтобы попасть туда, нам нужно будет вырастить крылья.

– То есть ты хочешь, чтобы я поехала вместе с тобой?

– Да. Хотя заранее предупреждаю тебя, Кэт, жизнь на ранчо – тяжелая и в чем-то даже жестокая. По сравнению с тамошней пустыней, Брум – это центр мировой цивилизации. Караваны верблюдов появляются на ранчо лишь два раза в год, привозят все необходимые запасы, провиант. А для того, чтобы добраться до ближайшего населенного пункта, городка под названием Алиса-Спрингс, понадобится как минимум два дня. Там нет врача, нет больницы. Все удобства во дворе. Но есть, правда, одно преимущество.

– Какое?

– Ближайший сосед живет в одном дне езды до него. Так что никаких увеселительных ужинов и прочих застолий.

Китти изобразила слабую улыбку на своем лице, понимая, что Драммонд пытается как-то разрядить обстановку.

– Но что же Эндрю? Разве *мы с тобой* можем обойтись с ним так вероломно? Ведь это же убьет его. Потерять жену, лишиться любимого сына... – Китти сокрушенно покачала головой. – Нет, он не заслуживает подобной жестокости.

– Ты права, не заслуживает. И права, это будет для него глубочайшим потрясением. Особенно если вспомнить, что до сего момента Эндрю еще никогда и ничего в своей жизни не терял. Он и в школе всегда бежал наперегонки со временем... Только бы успеть первым. Только бы сделать решающий бросок по воротам.

– Но я не мяч, который гоняют по полю, играя в регби. А Чарли – тем более. – Китти обзрела Драммонда внимательным взглядом. – Ты абсолютно уверен в том, что все это никак не связано с твоим желанием выйти на сей раз победителем?

– Учитывая все обстоятельства, отвечу коротко: нет. Клянусь тебе, Китти, что, несмотря на все мои шутки-прибаутки, я искренне люблю своего брата. Ведь мы же с ним близнецы. И я готов прошагать хоть тысячу миль, только бы ничем не огорчить и не обидеть его. Но тут... Тут вопрос жизни и смерти. И ничего с этим не поделаешь.

– Что ты имеешь в виду?

– То и имею, что я физически не могу жить без тебя. Понимаю, это большое несчастье, но это так. Вот так обстоят мои дела на данный момент. А сейчас, моя дорогая Китти-Кэт, проведу аналогию с регби и скажу коротко: мяч не просто в игре, он в твоих руках. Тебе и решать.

И снова Китти погрузилась в агонию мучительных поисков ответа на вопрос, что делать. Тем более что речь шла не только о *ее будущем*. Если она бросит Эндрю и уедет вместе с Драммондом, то тем самым она лишит Чарли законного права жить и взрослеть рядом с отцом. Но может случиться и более страшное: Эндрю постарается отвоевать сына и забрать его себе. В одном сомневаться не приходилось: Чарли обожает дядю Драма, а тот, в свою очередь, любит своего маленького племянника и со временем станет ему настоящим отцом, который сумеет наставить и направить в нужное русло, по мере того как мальчик будет взрослеть. Вопрос лишь в том, что она сама скажет Чарли, когда тот повзрослеет. Китти на собственном опыте пережила подобное потрясение, узнав, так сказать, голую правду без прикрас об отце, из которого в семье лепили идола.

Китти металась по дому, раздираемая самыми противоречивыми чувствами и сомнениями. Даже сходила в местную церковь и, преклонив колени перед алтарем, попросила совета и помощи у Всевышнего.

– Господи, меня всегда учили, что Бог – это любовь. А я люблю Драммонда всеми фибрами своей души. Но и Чарли я тоже люблю...

Стоя на коленях, Китти вдруг вспомнила ту давнюю картину: отец сжимает руки Энни на пороге ее дома. А в это время ее бедная, несчастная мать, тоже беременная, ничего не подозревает о двуличии собственного мужа и о его вероломстве.

– Но я не лицемерка. Я не могу лгать, – прошептала Китти, обращаясь к полотну, на котором были изображены ангелы, уносящие души новопреставленных на небеса. «*Хотя сейчас, – подумала она с тоской, – я ничем не лучше своего отца. Из ночи в ночь изменяю мужу, делю супружеское ложе с его родным братом...*»

– Господи, наверное, когда-то у меня было откровение, – промолвила Китти с тихим вздохом. – Но, судя по всему, с тех самых пор я нарушила большинство Твоих заповедей.

Выйдя снова на солнце, она пошла взглянуть на могилы усопших.

– Любила ли ты кого-нибудь в своей жизни так, как люблю я? – прошептала она, обращаясь к надгробью некой Изабель Доуд. Несчастливая почилла в возрасте двадцати трех лет, ровно столько сейчас самой Китти.

Китти закрыла глаза. Тяжелый вздох вырвался из ее груди.

– Все зашло слишком далеко. Я не могу продолжать обманывать мужа и делать это до конца своих дней. А потому... – она сглотнула комок, подступивший к горлу, – я должна нести ответственность за свои поступки. И помоги мне Господь!

– Я решила, что мы поедем с тобой на ранчо Килгарра после того, как ты вернешься из Аделаиды, – спокойно озвучила Китти свое решение вечером того же дня.

Драммонд воззрился на нее в полном изумлении.

– Ну и ну! – только и нашелся он, немного помолчав. – Не женщина, а кремень! Только что мы обсуждали, как нам свозить Чарли на пляж, чтобы он искупнулся в последний раз. И вдруг ни с того ни с сего ты затеваешь *этот разговор!*

– Просто хочу, чтобы ты знал, – ответила она, в душе испытывая некоторое удовольствие от того, что ей все же удалось поразить Драммонда, если судить по озадаченному выражению его лица.

– Ты права, я должен знать. – Драммонд слегка откашлялся. – Тогда что? Приступим к разработке плана?

– Я решила, что сама поговорю с Эндрю, когда он вернется домой. Я не стану вести себя подло по отношению к нему, Драммонд. Камира заранее заберет Чарли, а я, тоже заранее, подготовлю свои вещи. Сразу же после разговора с Эндрю я немедленно покину дом, заберу сына у Камиры, и мы направимся на встречу с тобой, туда, где ты нас будешь ждать.

– Получается, ты все уже продумала?

– Да. Как видишь, я по натуре человек практического ума. К тому же ситуация трудная. Нужно все организовать должным образом.

Китти старалась говорить спокойно, чтобы ничем не выдать ту бурю эмоций, которая бушевала у нее внутри.

– Мне остается только выразить свое полное согласие и безусловную радость по поводу твоего решения? – поинтересовался у нее Драммонд.

– Можешь, если хочешь. Но я, со своей стороны, желаю знать, где именно должна будет произойти наша встреча уже после того... после того, как я исполню свой долг.

– Что ж. – Драммонд протянул руку через стол, чтобы коснуться руки Китти. – Но ты уверена, Китти, что не хочешь, чтобы я присутствовал при вашем разговоре с Эндрю?

– Абсолютно уверена. Он еще, чего доброго, возьмет и пристрелит тебя прямо на месте.

– Тебя он тоже может застрелить.

– И поделом! Имеет полное право. – Китти снова сглотнула комок, подступивший к горлу. – Впрочем, я сильно сомневаюсь, что Эндрю решится на столь крайние меры. Ведь если он застрелит собственную жену, то навсегда запятнает свою безупречную репутацию в здешнем обществе.

Они оба не удержались от мимолетных улыбок.

– Ты полностью уверена в себе, моя Кэт?

– У меня просто нет иного выбора. В конце концов, Эндрю заслуживает гораздо лучшей участи, чем иметь у себя под боком неверную жену, которая никогда не сможет полюбить его.

– Если это тебя немного успокоит, то скажу так: не пройдет и года, как мамыши, принадлежащие к сливкам общества Брума, поволокут своих послушных дочерей к парадным дверям его дома в надежде заполучить Эндрю себе в зятя. Однако хватит об этом. Итак, в Дарвин я поплыву на пароходе, как уже сообщил о том отцу и Эндрю. А ты вместе с Чарли отправишься в Дарвин следующим рейсом. Там мы и встретимся.

– Эндрю может устремиться за нами в погоню.

– Может. Если он пойдет на такой шаг, будем разбираться на месте. – Драммонд слегка пожал руку Китти. – На тот момент я уже буду рядом с тобой.

– Но так ли тебе нужно сейчас отправляться в Аделаиду? В конце концов, все эти юридические формальности можно будет урегулировать и потом. Подобрать соответствующую дату... Почему нет?

Китти чувствовала, как тает ее решимость оставаться спокойной и невозмутимой.

– Да мне и самому меньше всего на свете хочется уезжать от тебя сейчас, бросать вас с Чарли здесь, в Бруме. К тому же я откровенно страшусь, что ты в любой момент можешь передумать и все переиграть, пока меня не будет рядом. – Он грустно улыбнулся. – Но я должен ехать. Хотя бы для того, чтобы каким-то образом застраховать наше будущее... Всех нас троих. Нужно скрепить все документы своей подписью. Прежде всего те, которые удостоверяют мое право на владение ранчо и другим имуществом. Не думаю, что отец захочет перевести на меня эти активы, когда узнает всю правду.

– А что же Чарли? – Китти почувствовала, как зашипало в глазах от подступивших слез. – Как я ему объясню все случившееся?

– Вначале скажи ему, что вы просто собираетесь в гости к дяде Дрэмму на его ранчо посмотреть на коровок. Я же ему много рассказывал про это место – Килгарра. Уверен, ему страшно хочется увидеть все своими глазами. Ну а потом... – Драммонд слегка пожал плечами. – Пройдет какое-то время, ты останешься там и не вернешься домой. Вот и все. – Он немного помолчал. – Но ты до конца уверена, Кэт, в том, что собираешься сделать?

– Нет, не уверена. – Китти покачала головой. Драммонд взял ее руку и поднес к своим губам. Нежно поцеловал.

– Конечно, не уверена, – согласился он, немного помолчав. – Как и в чем тут можно быть уверенной?

В их последнюю ночь Китти тихо проплакала, уткнувшись Драммонду в плечо, а потом, когда он заснул, принялась разглядывать его тело, дюйм за дюймом, словно собираясь навек запечатлеть увиденное в своей памяти. Думать о том, что будет потом, ей было

страшно. Невозможно даже представить, что их ждет, когда они встретятся вновь.

На людях они простились на следующее утро, как положено близким родственникам, и только. Стоя на пирсе, Китти торопливо расцеловала Драммонда в обе щеки, пожелав доброго пути. Зато Чарли был безутешен. Все эмоции, которые ей удалось скрыть, выплеснулись у него наружу.

– Приезжай ко мне погостить! И поскорее! – крикнул ему Драммонд, поднимаясь по сходням на палубу парохода.

– Обязательно, дядя Драм. Я приеду! Обещаю! – Чарли рыдал, не стесняясь своих слез.

– Я тебя люблю, – снова крикнул ему Драммонд, устремив свой взгляд на Китти. – Скоро увидимся! Быстрее, чем ты думаешь...

Прощальный взмах рукой, и Драммонд исчезает из виду.

Дома Китти попыталась занять себя тем, что устроила генеральную уборку к весне. Она даже попросила Фреда помочь ей провести обрезку кустов роз и высадить новые саженцы. Она и понятия не имела, примутся ли они. Но если даже и приживутся, то ей уже не суждено увидеть их цветение.

Тем не менее ее решимость идти до конца оставалась незыблемой. Жить и дальше по лжи – нет, ни за что! Получается, размышляла она уныло, их семейная жизнь с Эндрю оказалась похожа на пузырь в раковине. Вроде и жемчужина, и большая, и яркая, а отковырнешь слой с поверхности, внутри – пустота. Грязь и пыль. Зато вместе с Драммондом они действительно сотворили настоящую жемчужину, совершенную по форме и красоте, окропленную радостью и пронизанную любовью до самого основания.

Спустя несколько дней она получила две телеграммы. Первую – от мужа. Эндрю сообщил ей, что они благополучно прибыли в Аделаиду на пароходе «Кумбана» и что Стефан, его отец, тоже плывет в Брум вместе с ним и Драммондом. Хочет увидеть наконец своего внука.

Вторая телеграмма была от Драммонда. Он сообщил ей то же самое, добавив попутно, что с «юридическими формальностями» по переоформлению наследства все гладко. Все мужчины семейства Мерсер должны прибыть в Брум 22 марта. *«Всего лишь через десять дней»*, – подумала Китти, почувствовав, как ее охватывает паника.

Вечером того же дня она начала паковать свой дорожный сундук. Пора превращать в реальность то, что пока еще представлялось ей чем-то нереальным и далеким.

– Что вы делаете, миссис Китти? – услышала она голос Камиры у себя за спиной.

От неожиданности Китти даже подпрыгнула на месте. Ох уж эта Камира! Крадется по дому тихо, словно кошка.

– Вот складываю кое-какие детские вещи Чарли, из которых он уже вырос, – соврала Китти прямо на ходу и тут же захлопнула крышку сундука.

– Но вот эта рубашечка... Она же ему еще впору.

Китти поднялась со скамейки, чувствуя, что Камира продолжает внимательно разглядывать ее.

– Разве детям уже не пора спать? – переключила Китти ее внимание на другое.

– Да, вы правы. – Камира направилась к дверям, но на пороге остановилась и глянула на Китти еще раз. – Я все вижу... Каждую мелочь... Я знаю, почему вы пакуете вещи. Только про нас не забудьте, ладно? Мы поедем вместе с вами. Фред защитит вас от плохих черных. – С этими словами Камира вышла из комнаты.

Китти слегка покачала головой. Интуиция Камиры удивляла и одновременно немного раздражала. Какие невидимые силы, какой «осмос» или, как это еще называют, внутренний обмен веществ настраивал ее душевный лад на то, чтобы улавливать малейшие эмоциональные переживания другого человека, подумала про себя Китти.

Ночью она снова и снова лихорадочно прокручивала в голове все возможные сценарии дальнейшего развития событий, пытаясь заранее предугадать, что может пойти не так и как это можно будет исправить. Одно она знала наверняка. Драммонд никогда не предаст ее. И, как только встретятся в Дарвине и она окажется в его объятиях, все у них будет хорошо.

Она написала прочувствованные письма своей матери и миссис Мак Кромби. Просила у них прощения, умоляла понять ее... Письма она предусмотрительно спрятала за обшивкой своего дорожного чемодана. Потом принялась писать письмо Эдит, но вскоре оставила эту затею. Да и что она могла сказать свекрови, какие могла найти

слова, чтобы хоть как-то разрядить всю ситуацию? Пожалуй, Эдит утешит немного лишь то, что она с самого начала не сильно обольщалась насчет своей невестки. И оказалась права: Китти действительно истинная дочь своего отца со всеми вытекающими отсюда последствиями.

– Кажется, я подготовилась и сделала все, что могла, – прошептала сама себе Китти.

На следующее утро она получила еще одну телеграмму от Эндрю.

ОЧЕНЬ УДИВЛЮ ТЕБЯ ПО ПРИЕЗДЕ ТОЧКА ПАПА ВСЕ
ОБЪЯСНИТ ТОЧКА ПОЛУЧИЛ ЗАДАНИЕ В САМУЮ
ПОСЛЕДНЮЮ МИНУТУ, НО НАДЕЮСЬ ДОБРАТЬСЯ ДОМОЙ
В ЦЕЛОСТИ И СОХРАННОСТИ ТОЧКА ЛЮБЛЮ ВАС С ЧАРЛИ
ТОЧКА

Китти нахмурилась, пытаясь догадаться, какое такое задание дал ее мужу отец. Но тут к ней подбежал Чарли, стал ласкаться, обхватил ручонками, попросил рассказать ему сказку, и невеселые мысли отошли куда-то в сторону.

В ночь накануне предполагаемого побега погода была под стать расхोдившимся чувствам Китти. Свинцовые тучи закрыли все небо тяжелой пеленой, раскаты грома сотрясали землю, вспышки молний пронзали тьму, разрывая ее на части. Китти обошла весь дом снизу доверху. Ставни на окнах сотрясались и громко хлопали, пытаясь изо всех сил сдерживать натиск стихии.

К утру гроза прекратилась. Китти робко высунула нос на улицу и, как и остальные горожане, вздохнула с явным облегчением. Непогода нанесла гораздо меньший урон, чем она того опасалась. Во всяком случае, все кусты роз уцелели и стояли как ни в чем не бывало. А Фред сказал, что ураган истощил свои силы еще где-то на подступах к Бруму, в южных песках пустыни Пиндан. Ночью Китти, конечно же, не сомкнула глаз. Ведь вечером должна прибыть в порт «Кумбана». К тому же, каким бы сложным ни оказался предстоящий разговор с

мужем, впереди Китти ждало не менее сложное и опасное путешествие в Дарвин. А состояние ее здоровья пока оставляло желать лучшего. У нее все еще случались приступы тошноты, время от времени возникали проблемы с желудком. Правда, доктор Сузуки заверил, что все это не более чем последствия перенесенной тяжелой болезни.

«Начинать ли мне разговор с Эндрю прямо вечером? Или отложить все до утра?» – наверное, уже в сотый раз спрашивала себя Китти. Ситуацию наверняка усложнит и присутствие свекра. Придется выждать, пока он не уедет. Трясущимися руками Китти кое-как оделась и умылась. Спустилась вниз и застала Камиру на кухне. Она варила для Чарли яйца всмятку на завтрак.

– Что-то вы совсем бледненькая сегодня, миссис Китти. Похожи на привидение, – промолвила Камира, бросив взгляд на хозяйку, и осторожно тронула ее за плечо. – Не переживайте. Мы с Фредом позаботимся о Чарли, повезем его на пляж, когда вы захотите переговорить с господином хозяином.

– Спасибо тебе, Камира. – Китти погладила руку Камиры. – Обещаю, что, как только мы устроимся там, на ранчо Килгарра, я тут же дам вам с Фредом знать.

– Мы поедем вместе с вами, – кивнула в ответ Камира. – Мы же здесь только ради вас, миссис Китти.

– Спасибо тебе еще раз, Камира. Честное слово, сама не знаю, что бы я тут без тебя делала.

Пароход «Кумбана» должен был войти в гавань вместе с вечерним приливом. Но к вечеру, когда нервы Китти были уже напряжены до предела и ей даже пришлось выпить немного бренди, чтобы хоть немного успокоиться и отправиться на пристань, пароход на горизонте так и не появился.

– Сильный шторм бушевал ночью, – пояснил собравшимся начальник порта. – Наверняка они решили переждать непогоду, встав на якорь в Дерби. А потому, леди и джентльмены, нет вам никакого

смысла торчать тут и далее. Расходитесь по домам, а утром приходите снова.

Китти в глубине души ругала погоду на чем свет стоит. Надо же! Взяла и все подпортила. А Китти ведь так тщательно готовилась к этому судьбоносному для нее дню. Она возвращалась домой на трамвае с другими горожанами, с которыми вместе стояла на пирсе в ожидании судна. Говорили о том о сем, главным образом – о разыгравшемся накануне шторме и о том, сколько судов и где смогли укрыться от непогоды. Рядом с Китти уселся мистер Пижо, один из коллег Эндрю по жемчужному промыслу.

– Скорее бы уж пароход причалил к нашим берегам, – обронил мистер Пижо, обращаясь к ней. – Ведь там, на борту, половина моей семьи. Да и вашей тоже, насколько я наслышан.

– Да. Как вы думаете, с «Кумбаной» все будет в порядке? Говорят, это самый современный пароход у нас во флоте.

– Все так, – ответил мистер Пижо. – Но прошлой ночью, миссис Мерсер, разыгрался сильнейший шторм. Можно сказать, истинный ад на море. На моей памяти и более крупные суда, чем наша «Кумбана», в таких условиях легко уходили на дно. Но будем уповать на лучшее. И молиться. – Он ласково похлопал ее по руке и поднялся со своего места, когда трамвай подошел к очередной остановке. Китти невольно почувствовала противный холодок, пробежавший по спине. Впервые в ее душу закрался страх.

Вернувшись домой, Китти принялась возбужденно вышагивать по гостиной. Напрасно Камира уговаривала ее съесть хоть что-нибудь: Китти наотрез отказалась от еды. Фред, которого она специально отослала на пристань, чтобы тот караулил прибытие парохода и при первых же знаках его появления на горизонте немедленно предупредил об этом, вернулся домой далеко за полночь.

– Никакой лодки, миссис Китти.

Китти улеглась в постель. Но сон не шел. Чувство неизвестности угнетало.

На следующее утро Фред снова повез Китти на пристань. Толпы народа высыпали на улицы. Горожане приглушенным шепотом обсуждали судьбу «Кумбаны» и строили всевозможные предположения. Китти решила присоединиться к людскому потоку и пошла вслед за толпой к скале в самом конце улицы Дампьер-Террас,

где уже собралась куча зевак. Все до рези в глазах неотрывно вглядывались в даль, пристально изучая водную гладь бухты Робак-Бей.

– Пока мы понятия не имеем, где застряла «Кумбана», миссис Мерсер, – оповестил ее мистер Рубин, еще один промышленник, занимающийся добычей жемчуга. – Начальник нашей почты полагает, что телеграфная связь с Дерби нарушена. Видно, повреждена линия связи. Поэтому мы пока не имеем от них никаких известий. Но уверен, новости появятся уже в ближайшее время.

Внизу под ними расстился океан. Сегодня в нем не было ничего угрожающего. Спокойная ровная гладь, будто в деревенском пруду. Десятки людей припали к биноклям, вглядываясь в необъятные океанские просторы, и все в один голос твердили одно и то же: на горизонте нет никаких признаков хотя бы какого-то судна. На этот момент уже было доподлинно известно, что во время шторма затерялось и множество люггеров, которые вели промысел в открытом море. Между тем с наступлением дня жара лишь усиливалась, а люди все прибывали и прибывали. Друзья и родственники облепили уже все склоны горы, а на ее вершине и вовсе образовалась самая настоящая толчея. Потом толпа понесла Китти снова вниз, и люди устремились к почтовому отделению, чтобы узнать у начальника почты последние новости. Он сообщил, что продолжает телеграфировать в Дерби, посылая туда запрос за запросом, но пока безрезультатно. Ответа нет. Линия по-прежнему молчит.

Уже где-то ближе к вечеру, на заходе солнца, в толпе пронесся слух, что телеграф наконец ожил и включилась линия связи. Однако пока в сгущающихся сумерках слышалось лишь стрекотание цикад да ритмичное пощелкивание телеграфного аппарата.

Но вот из здания почтового отделения вышел начальник службы. Лицо у него было мрачное. Он молча повесил на доске объявлений, установленной снаружи, какую-то бумагу и тотчас же снова скрылся за закрытыми дверями.

«Кумбаны» в Дерби нет», – было написано на листке бумаги, окаймленной черной рамочкой.

Между тем начальник порта капитан Дальзейл уже обратился ко всему мужскому населению города с призывом немедленно присоединиться к спасателям и выйти в море на поиски пропавшего

судна. Краем уха Китти услышала, что Ноэль Donovan, главный управляющий их компании «Мерсер Перлинг», тоже попросил о помощи в розыске пропавших без вести люггеров. Домой Китти вернулась в полном изнеможении, объятая страхом и самыми дурными предчувствиями. Камира уложила ее в кровать, разгладила волосы, откинув пряди с покрытого испариной лба.

– Я побуду с вами. А вы пока постарайтесь заснуть, – стала Камира уговаривать хозяйку, но та лишь продолжала судорожно сжимать ее руку, не в силах произнести вслух все то, что уже теснилось в ее воспаленном сознании.

Прошло еще несколько мучительных дней, ничего не прояснивших и не добавивших никаких новостей о судьбе пропавшей без вести «Кумбаны». Китти лишь молча выслушивала всех тех, кто устремился к ней в дом, сообщая самые последние слухи, циркулирующие по городу. Номера местной газеты «Нортен Таймс» лежали в стопке непрочитанными. Китти не могла пробежать глазами даже газетные заголовки.

Так прошло почти две недели с того самого дня, когда «Кумбана» должна была появиться у пристани Брума. В один из дней Китти зашла на кухню, и все внутри у нее оборвалось. Она увидела Камиру, которая громко рыдала на плече Фреда.

– Что случилось?

– «Кумбана», миссис Китти. Она затонула. Все погибли. Никто не спасся.

Оглядываясь в прошлое, Китти понимала: пережитое потрясение было настолько сильно, что начисто стерло из ее памяти все дальнейшие события тех страшных дней. Она смутно припоминала, как Фред отвозит ее на коляске к управлению порта, где уже собралась

толпа плачущих людей. Капитан Дальзейл просит тишины, а потом зачитывает телеграмму, полученную из Аделаиды от владельцев пароходной компании.

«С глубоким прискорбием компания вынуждена объявить, что обломки судна, обнаруженные в ходе поисковой операции, которую проводили пароходы «Горгон» и «Миндеру», идентифицированы как принадлежащие пароходу «Кумбана». Что дает основание предположить, что пароход затонул вместе со всеми, кто находился на его борту, вблизи острова Бидоут во время шторма, который разыгрался двадцатого и двадцать первого марта...»

Потом он стал зачитывать потрясенным слушателям список пассажиров.

*«...Максвейн Дональд,
Мерсер Эндрю,
Мерсер Драммонд,
Мерсер Стефан...»*

В спешном порядке были принесены какие-то скамейки, чтобы на них можно было усадить рыдающих женщин. Многие не выдерживали, лишались чувств, падая прямо на землю. Там, где стояли.

Среди первых, кто потерял сознание, был мистер Пижо. Он истошно рыдал. Китти, пребывая в полной прострации и не в силах еще осмыслить все, что случилось, тем не менее возблагодарила Бога хотя бы за то, что Он не отнял у нее сына. Несчастный мистер Пижо потерял не только жену, но и двух своих дочерей.

Постепенно толпа стала расходиться. Люди медленно, все время спотыкаясь и останавливаясь, разбрелись по своим домам, чтобы сообщить родственникам ужасную весть: уцелевших нет. Капитан Дальзейл сообщил также, что всем близким жертв кораблекрушения, проживающим в других местах, уже отправлены соответствующие телеграммы со словами соболезнования и участия. Фред помог Китти сесть в коляску, а она уныло размышляла о том, что единственный человек, кому ей предстоит сообщить эту страшную новость, – это ее сын. Тем не менее, вернувшись домой, она первым делом взяла ручку и написала короткое письмо со словами соболезнования своей свекрови. Хотя какие слова соболезнования могут сейчас утешить Эдит, в одночасье лишившуюся, по воле злого рока, и мужа, и двух

сыновей-близнецов? Китти попросила Фреда немедленно отнести письмо на почту, а сама поднялась к себе в спальню, закрыла дверь и, усевшись на кровать, тупо уставилась в пространство, ничего не видя перед собой.

«Эндрю больше нет...»

«Драммонда больше нет...»

Слова ничего не значили. Они были пусты и бессмысленны. Китти, как была в одежде, так и повалилась на постель, которую в недавнем прошлом делила с обоими братьями, закрыла глаза и тут же отключилась.

– Чарли, милый, я должна сказать тебе кое-что.

– Что, мамочка? А когда папа вернется домой?

– Видишь ли, Чарли, папа не вернется домой. Я хочу сказать, здесь он больше не появится.

– А куда он ушел?

– Твой папа, дядя Драм и дедушка Стефан Мерсер... их всех позвали на небо. Они теперь там, рядом с ангелами. – Китти почувствовала, как подступили слезы к глазам. С момента получения известия о гибели мужа и всех остальных она не проронила ни слезинки. И сейчас Китти знала лишь одно: она не имеет права распускаться и плакать перед маленьким сыном. Надо держать себя в руках, чего бы это ни стоило. – Они ведь все трое такие замечательные люди, вот Боженька и призвал их к Себе, захотел, чтобы они были рядом с Ним.

– Ты хочешь сказать, что они сейчас со своими предками, да? С их душами? Да, мама? – Чарли помахал перед ней пальчиком. – Кэт говорит, что когда кто-то уходит на небо, мы не должны вслух произносить его имя. – Мальчик приложил палец к губам. – А потому тсс...

– Чарли, нет ничего плохого в том, чтобы называть их по именам. Мы должны всегда их помнить.

– А Кэт говорит, что нельзя...

– Меня совершенно не интересует, что говорит Кэт! – вспыхнула в ответ Китти, с трудом сдерживая приступ раздражения. – В конце концов, я твоя мама, Чарли, и ты обязан слушать меня!

– Прости, мамочка. – Китти увидела, как задрожала у сынишки нижняя губа. – Так они все ушли на небо? И мы их больше не увидим?

– Боюсь, что нет, милый. Но мы всегда будем их помнить, – ответила Китти уже мягче. Ей стало стыдно, что она сорвалась и накричала на сына в такой трагичный момент. – А они будут смотреть на нас с небес.

– Но можно их навещать хоть иногда?

– Нет, милый. Пока нет. Хотя в один прекрасный день ты обязательно встретишься с ними.

– Может, они сами к нам спустятся когда-нибудь? Кэт говорит, что ее предки иногда приходят к ней во снах.

– Возможно. Но вы с Кэт, вы ведь с ней разные, Чарли. И потом... – Китти сокрушенно покачала головой. – Впрочем, все это пока не имеет значения. Мне очень-очень жаль, дорогой, что все так вышло. – Она крепко обняла сына и прижала его к себе.

– Я буду скучать по ним. Особенно по дяде Драму. Он так весело играл со мной. – Чарли вдруг оторвался от материнской груди и положил свою руку на ладонь. – Но ты тоже не забывай о том, что они смотрят на нас сверху. Кэт говорит... – Мальчик оборвал себя на полуслове и сконфуженно умолк.

– Что, если нам с тобой отправиться в Аделаиду? В гости к бабушке Эдит? – спросила у сына Китти, отчаянно пытаюсь сохранить самообладание. Ведь получается, что это не она утешает ребенка, а ее четырехлетний сынишка утешает *ее*.

– Нет. – Чарли слегка наморщил носик. – Я лучше останусь здесь с Кэт и с Камирой. Они ведь наша семья.

– Да, мой мужественный мальчик. Ты прав. – Китти слабо улыбнулась. – Они действительно наша семья.

«Драммонда больше нет!»

Китти рывком села на постели, очнувшись от очередного ночного кошмара. Пришла в себя и поняла, что страшный кошмар, приснившийся ей, вовсе не кошмар. Это – явь... То есть что-то ужасное ей действительно снилось, но вот она проснулась, а ужас все равно остался. Это она проснулась... А вот Драммонд уже никогда не проснется.

«И Эндрю тоже. Подумай хоть раз и о своем муже. Ведь он тоже погиб... Он мертв...»

А может, это она *мертва*? И все в ней омертвело навсегда. Наверное, поэтому ее душат все эти кошмарные сновидения. Душа ее горит, словно в аду, страдая за все то, что она натворила.

– Пожалуйста, Господи, не отправляй меня в ад. *Я не хочу...*

Китти закрыла лицо руками и, уткнувшись в подушку, дала волю слезам. Впрочем, слез не было. Она рыдала без слез, выла, словно раненый зверь, изливая в этих приглушенных воплях всю свою нестерпимую боль.

Эндрю... Разве он заслужил такое вероломство с ее стороны? Ведь он же любил ее. Любил так, как мог, как умел любить... Да, его ласки не доставляли ей никакого удовольствия. Не возбуждали ее. Ну и что из того? Разве это сейчас имеет хоть какое-то значение? Разве вообще *имеет значение* хоть что-то?

– Все пустое, все пустое... Я... – Китти судорожно затолкала в рот кусок простыни, чтобы не закричать во весь голос. – Я – шлюха, мерзкая потаскуха... Подзаборная тварь, вот кто я на самом деле! Ничем не лучше своего отца! Я не смогу жить с этим грузом! Я ненавижу саму себя! О боже! Что же мне делать?

Она поднялась с кровати и стала расхаживать по комнате, не переставая трясти головой из стороны в сторону.

– Я не могу жить! Я не могу жить!

– Миссис Китти, пойдете на улицу. Давайте прогуляемся по двору.

У нее все плыло перед глазами, мелькали какие-то разноцветные пятна, похожие на всполохи пурпурно-алого света. Рука крепко обняла ее за плечи и повела вниз, к дверям. А там они медленно побрели по садовым дорожкам. Свежая красная земля под ногами, которую Фред разбросал недавно, очищая дорожки от грязи, была еще влажной. Китти даже показалось, что она ступает по лужам крови.

– Я хочу кричать. Я *должна* кричать!

– Миссис Китти, вот мы сейчас идем с вами по дорожке... под нами земля. А мы поднимем головы и посмотрим вверх, на небо, и увидим их. Они сейчас тоже смотрят на нас.

– Я убила их обоих. По-разному, да. Но убила. Спала с мужчиной, который не был моим мужем. С братом-близнецом своего мужа. И я любила его! Господи, помоги мне... Да, я его любила всем сердцем! Я *и сейчас* продолжаю любить его...

Китти опустилась на колени.

Камира осторожно приподняла ее подбородок.

– Не нам решать свою судьбу. Понятно? Ее решают там, на небе, – рассудительно сказала она. – Я знаю, вы любили его. Я его тоже любила. Но мы с вами его не убивали, миссис Китти. Нет! Такие плохие вещи... Они ведь случаются в нашей жизни. Я видела много плохого. А они, эти несчастные, у них хоть здесь была хорошая жизнь. Всякая жизнь имеет свое начало и свой конец. И никто не властен изменить это.

– Да, никто не властен, ты права. – Китти уткнулась головой в колени и заплакала. – Никто не властен изменить это...

Она плакала долго и безутешно. Но вот, когда наконец все слезы оказались выплаканными, все, до последней слезинки, Камира помогла подняться ей с земли.

– А сейчас я отведу вас в спальню, миссис Китти. Вам надо поспать. Завтра вы будете нужны своему ребенку. И послезавтра тоже...

– Да, ты права, Камира... Ты полностью права. Прости, что я так распустилась. Я просто...

Китти страдальчески покачала головой. У нее не нашлось слов, чтобы закончить фразу.

– Когда идешь по пустыне, то тоже начинаешь порой выть во весь голос, вот как вы только что выли, глядя на луну и звезды. Но для вас хорошо, что вы излили свое горе слезами. Сейчас вам полегчает.

Камира помогла Китти лечь в постель и села рядом, держа ее за руку.

– Не переживайте. Я спою им, позову их домой.

Китти закрыла опухшие от слез глаза и услышала, как Камира затянула своим высоким красивым голосом какой-то нежный мотив,

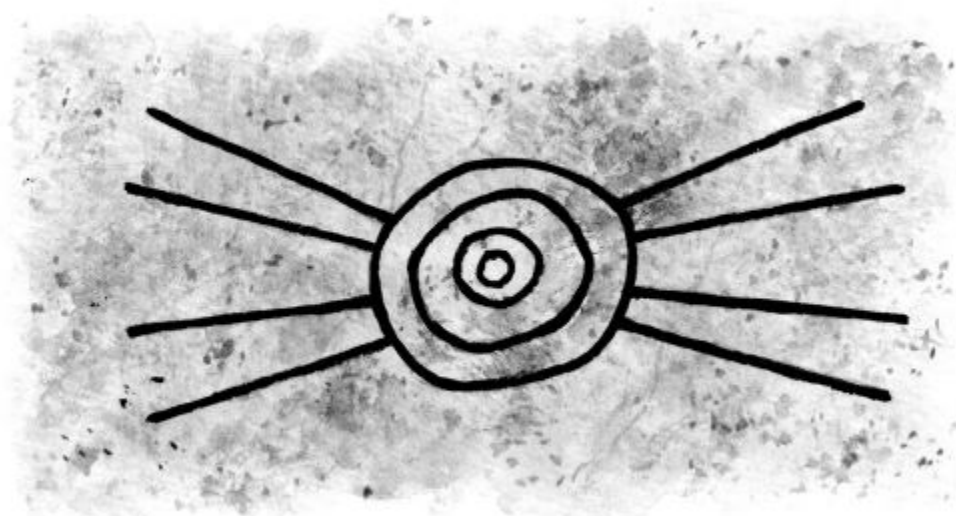
монотонный, но очень мелодичный.

– Боже, прости мне все мои прегрешения, – пробормотала Китти заплетающимся языком, прежде чем окончательно погрузилась в сон.

Часть II

Сиси

Брум, Западная Австралия
Январь 2008 год

Древний символ аборигенов, обозначающий место встречи

19

Я утерла слезы и села на постели, пытаюсь унять расхолодившееся сердце.

Вспомнила, как я горевала, узнав о смерти папы, и постаралась представить, каким огромным было горе Китти, потерявшей на том пароходе столько своих близких. Да и вообще всех тех людей, которых потерял весь Брум...

Я извлекла наушники и слегка потерла немного онемевшие ушные раковины, потом подошла к окну и распахнула его. Захотелось свежего воздуха. Снова стала рисовать в своем воображении картину того, как толпы горожан устремились к скале, в которую упирается улица Дампьер-стрит, та самая, по которой я уже не раз ходила сама. Люди

облепили все склоны, все замерли в ожидании страшных новостей, самых страшных в их жизни.

Я закрыла окно, чтобы хоть как-то приглушить нестройный хор ночных насекомых, самозабвенно стрекочущих на все голоса. Несмотря на то что кондиционер работал на полную мощь, в комнате было душно. Я моментально покрылась слоем пота. Трудно себе даже представить, как выживала здесь Китти сто лет тому назад... В такой жаре, да еще в корсете, панталонах и бог знает скольких еще нижних юбках. И она здесь не просто жила, но и родила ребенка. Представляю, как ей, бедняжке, пришлось попотеть во время родов.

Хотя до того, как я попала в Брум, я даже не задумывалась над тем, кем может приходиться мне Китти, сейчас какая-то часть меня очень даже желала, чтобы мы с ней оказались связанными родственными узами. Меня не столько восхитила ее отвага и решимость отправиться в Австралию, сколько та стойкость духа, с которой она встретила обрушившиеся на нее несчастья уже здесь, вдали от родного дома. Надо признать, что в сопоставлении с тем, что выпало на ее долю, мои собственные проблемы представляются сущей ерундой. Так, детские забавы, и только... Вот сделать то, что сделала эта женщина, живя в Бруме сто лет тому назад, да, это достойно восхищения. Как и то, что она последовала зову своего сердца, не задумываясь о последствиях.

Я еще раз глянула на фотографию Китти, которая красовалась на крышке CD-диска. Трудно представить, что мы с ней – *родня*. Хотя нотариус и подтвердил в разговоре со мной, что наследство, которое я получила, изначально принадлежало ей. Судя по моей внешности, я скорее связана с ее служанкой Камирой. Или, что еще вероятнее, с ее дочерью Алкиной. Особенно этот характерный разрез глаз, который она унаследовала от своего отца-японца. Очень уж он похож на разрез моих глаз.

Камира и ее дочь – уроженки этих мест. Они ходили по тем же самым улицам, по которым сегодня хожу я. Завтра же постараюсь больше узнать об их дальнейшей судьбе. Я улеглась в постель и снова подумала, как этот тихий маленький городок, затерянный на краю земли, вдруг наполнился особой жизнью после того, как я прослушала историю Китти. Впрочем, в то время, когда Китти обитала в Бруме, тут кипела совсем другая жизнь и было полно людей. Хотелось бы хоть

одним глазком взглянуть на ту прошлую жизнь, на тот мир, который ее окружал, на те вещи, которые в свое время видела она. Только сохранилось ли хоть что-нибудь до сего дня? На этот вопрос у меня пока не было ответа.

Рано утром меня разбудил телефонный звонок. Звонила дежурная с ресепшн.

– Мисс Деплеси, в холле на первом этаже отеля вас дожидается какой-то мужчина. Представился как сотрудник газеты «Австралиец».

– Да? Хорошо... Спасибо. Скажите ему, минут через пять я спущусь.

Трясущейся рукой я водрузила трубку на рычаг. И так, журналюги все же выследили меня. Понимая, что нельзя терять ни минуты, я вскочила с постели, торопливо оделась, быстро затолкала свои скромные пожитки в рюкзак и водрузила его на спину. Отсчитав нужное количество долларов, которые причитались за проживание в гостинице, я оставила деньги вместе с ключами от номера на ночном столике возле кровати. Во всяком случае, так меня хоть не будут преследовать с целью ареста за неуплату. Потом вышла в коридор и бегом направилась к запасному выходу, на который обратила внимание еще вчера вечером, потому что там торчал какой-то постоялец и курил. Толкнула задвижку, и, к моей великой радости, она легко сдвинулась с места, безо всякого шума. Глянула вниз: железные ступеньки вели прямо во двор гостиницы. Я стала проворно спускаться, стараясь не шуметь, насколько это было возможно в таких тяжелых ботсах на ногах. Ограда вокруг дворика была низкой. Я перешвырнула через нее рюкзак, а следом сиганула сама. Миновала еще несколько задних дворов и оказалась на улице с противоположной стороны от отеля.

«Так, и что дальше?»

Я позвонила Крисси. Та ответила на звонок сразу же.

– Я на работе. В аэропорту. Что случилось?

– Можно зарезервировать билет на вылет отсюда?

– Можно, если ты работаешь в информационном бюро, обслуживающем туристов, которое, кстати, расположено прямо

напротив билетных касс. А куда тебе надо?

– В Алиса-Спрингс. Как туда проще всего добраться?

– Тебе придется лететь вначале в Дарвин, а уже потом оттуда в Алиса-Спрингс.

– Можешь заказать билеты на оба эти рейса на сегодня?

– Насколько я помню, есть один рейс до Дарвина, где-то через пару часов. Пойду узнаю у ребят, остались ли там свободные места.

– Если остались, то зарезервируй одно место для меня. Я вскоре буду. Как только поймаю такси.

– Я пошлю за тобой такси прямо сейчас. Подходи к бронзовой статуе, что установлена в конце улицы. Через десять минут таксист будет на месте.

– Спасибо, Крисси.

– Пустяки. Не стоит благодарностей.

Крисси уже поджидала меня, стоя у входа в здание аэропорта.

– Сейчас еще раз подтвердим твою готовность лететь, а потом расскажи мне, что стряслось. – Она взяла меня под руку и повела к стойке контроля. – Это мой приятель Заб. – Крисси показала на парня, стоявшего за стойкой. – Билеты ждут тебя. Нужно только заплатить за них.

– Огромное спасибо, Крисси.

– Я провожу тебя. Пройду вместе с тобой через досмотр. Дальше, в зоне ожидания, есть небольшое кафе. Можем устроиться там. И ты расскажешь мне о своих похождениях в Таиланде.

«*Черт-черт-черт!*» Оказывается, Крисси тоже все знает. Хотя чему тут удивляться? Ведь ее стойка расположена прямо напротив газетного киоска. Поди, изо дня в день любит моя физиономией на первых полосах всех газет. И тем не менее ни словом не обмолвилась о том, что знает.

Мы вместе миновали линию досмотра и направились в крохотное кафе. Крисси поспешила к стойке бара и вскоре вернулась с двумя бутылками воды и бутербродами для каждой из нас. Я же предусмотрительно уселась в самом углу, возле стены. Так, на всякий случай...

– Ну, и почему такая спешка?

– Утром в гостинице появился какой-то журналист из газеты «Австралиец». Ты ведь наверняка уже в курсе того, почему он

добивается интервью со мной. – Я окинула подругу внимательным взглядом.

– В общем-то да. Я тебя сразу же опознала, как только ты подошла к моей стойке в самый первый раз по прилете в Брум. И что?

– Я познакомилась с этим парнем на взморье в Таиланде. Какое-то время мы вместе тусовались. А потом выяснилось, что его разыскивает полиция за какое-то банковское мошенничество.

– Это Ананд Чангрок?

– Да. Но я его знала как Эйса.

Я коротко рассказала Крисси историю своего знакомства с Эйсом.

– А что он за человек, по-твоему? – спросила она у меня, когда я окончила свой рассказ.

– Отличный человек! Помог, когда мне понадобилась помощь.

– Вы были парой?

– Да. Мне он действительно понравился. Но даже если бы это было и не так, я бы никогда не повела себя столь подло по отношению к нему. Даже если бы знала, кто он на самом деле...

– Конечно, не повела бы. Я тебе верю, Си. – Я прочитала во взгляде Крисси откровенное сочувствие. И ни тени подозрения. – Так он думает, что это ты навела на него всех этих газетчиков?

– Он мне прислал коротенькую эсэмэску. Написал, что полагал, будто мне можно доверять, а получилось все с точностью до наоборот. Мне тогда показалось, что жизнь кончена. Да и сегодня мне все еще трудно думать и говорить об этом. По-моему, он мне никогда и ни за что не поверит, как бы я ни старалась объяснить ему все произошедшее. Думаю, что тот проходимец Джей попросту подкупил охранника и выманил у него эту злополучную фотографию. Впрочем, я сама своими руками все для этого подготовила.

– Но ты же можешь написать ему в тюрьму.

– Мне такой вариант не совсем подходит. – Я попыталась слабо улыбнуться. – Разве ты забыла, что я страдаю дислексией?

– Хочешь, я напишу вместо тебя?

– Может, это и вариант. Спасибо за предложение.

– Ты считаешь, он виновен?

– Откуда мне знать? Впрочем, кажется, весь мир думает, что виновен. Если честно, Крисси, то не знаю. Но что-то во всем этом деле явно не стыкуется. Какие-то мелочи, о которых он упоминал вскользь в

разговоре со мной... Конечно, это всего лишь моя догадка, не более того. Но интуиция подсказывает мне, что во всей этой истории есть второе дно. Чего-то он точно недоговаривает.

– Так попытайся выяснить это. Почему нет?

– Интересно, как? Я же не детектив. И обо всех этих банках, о том, как они работают, я тоже мало что знаю.

– Ты сообразительная. Найдешь способ, как все разузнать, – с улыбкой ответила Крисси.

Я невольно покраснела. Еще никто и никогда не называл меня сообразительной.

– Знаешь, на данном этапе я предпочитаю всецело сконцентрироваться на поисках новой информации о своей семье.

– Послушай, если тебе нужен помощник-детектив там, на месте, в Алиса-Спрингс, то я к твоим услугам, – внезапно предложила Крисси. – В любом случае у меня небольшой отпуск намечается, на работе пока тоже затишье. Как смотришь, если я составлю тебе компанию?

– Неужели правда? Я хочу сказать, что мне совестно занимать твое время. Но если ты и правда хочешь помочь мне, то я буду счастлива. Твоя помощь воистину неоценима. – Я действительно очень обрадовалась предложению Крисси. – Ты же сама видишь, как плохо я пока ориентируюсь тут, в Австралии. Да и особых зацепок у меня тоже нет. У меня вообще на данный момент нет никаких зацепок.

– Ничего страшного, подруга. Просто рядом с тобой должен быть кто-то из тех, кто разбирается в наших местных делах. Такой наставник, что ли... И потом, я же тебе сама говорила, что все время хотела попасть в Алису. – Крисси глянула на табло. – Тебе пора.

– Ненавижу самолеты! Ненавижу все эти перелеты! – пожаловалась я, когда мы вместе направились на выход.

– Правда? А я вот всю свою жизнь мечтала посмотреть мир, полетать из одной страны в другую. Как только я все тут устрою, тут же отобью тебе эсэмэску и сообщу все подробности. – Она обвила меня руками за шею. – В добрый путь.

– Спасибо тебе за все.

Уже сидя на борту самолета, я вдруг снова почувствовала себя одиноко. Подруга Крисси осталась там, внизу. Оставалось лишь

надеяться, что дружбу с ней я не загублю и не испорчу так, как бесповоротно испортила свои отношения с Эйсом.

Самолет пошел на снижение, приближаясь к Алиса-Спрингс, и я тут же увидела, как заметно поменялся ландшафт под крылом. С высоты полета город выглядел как зеленый оазис, затерянный в пустыне. Правда, все краски были еще насыщеннее и ярче. Я увидела горную гряду, переливающуюся пурпурными тонами в подернутом дымкой свете. Неровные вершины вздымались ввысь, напоминая причудливые зубы, торчащие прямо из земли. Самолет стремительно коснулся земли и резко затормозил, проехав несколько десятков метров по короткой взлетной полосе. После чего всех нас, пассажиров, спустили по трапу на бетонированную площадку.

– Ух ты! – невольно воскликнула я, когда меня обдала волна испепеляющего зноя. Пожалуй, чиркни в воздухе спичкой, и он тотчас же воспламенится. Я сделала небольшой вдох, в ноздрях сразу же запекло. Какое счастье, что в паре шагов терминал, в котором работают кондиционеры. Я с радостью поспешила туда.

Аэропорт был таким же небольшим, как и в Бруме. Но в отличие от последнего он был до отказа забит туристами. Купив бутылку воды и взяв со стойки несколько рекламных проспектов с указанием отелей и городских достопримечательностей, я уселась на пластиковый стул, чтобы попытаться прочесть, что там написано, а уже потом решать, куда податься. Я понимала, что обилие туристов здесь объясняется тем, что Алиса-Спрингс – это ворота, ведущие к Айерс-Рок. Правда, на языке аборигенов, как рассказывала мне Крисси, эта гора называется Улуру. В одном из рекламных проспектов сообщалось, что эта гора – одно из наиболее священных мест паломничества для всех обитателей континента и она находится «всего лишь» в шести часах езды от города.

Потом я прочитала про сам город. Алиса-Спрингс, или просто Алиса, как называют его с любовью местные жители, является своеобразным центром народного искусства. В самом городе и за его пределами сосредоточено сразу несколько галерей, начиная с Центра

многих рук, где представлены картины художников-аборигенов, заканчивая Центром искусств Аралуен. Современное здание Центра искусств очень похоже на самый настоящий космический корабль, который вдруг приземлился прямо посреди пустыни.

Читая про все это, я невольно почувствовала холодок, пробежавший по спине. Интуиция безошибочно подсказывала мне, что если я и смогу где-то получить ответы на свои вопросы, то наверняка именно в этих художественных галереях и центрах искусства.

– *Моя родня, кантри*, – прошептала я, вспомнив слово, которое услышала из уст бабушки Крисси. Потом я открыла рекламный проспект, рассказывающий о миссии Хермансберг. Сейчас там размещается музей. Дорога туда из города займет не более двух часов. В проспекте также сообщалось, что именно в этой миссии родился Альберт Наматжира. До вчерашнего дня я ни разу не слышала его имени, но, судя по рекламному проспекту, здесь, в Австралии, его именем названы многие галереи, улицы и прочие достопримечательности. Я напряглась, чтобы прочитывать больше, но слова стали прыгать у меня перед глазами, что и неудивительно, если учесть, что в основном это были имена аборигенов.

Но тут я вспомнила про свой мобильник. Пора снова включить его. Включила и увидела, что пришли две эсмэски, и обе от Крисси.

Привет! Подыскала тебе отель – в справочно-информационном киоске, что расположен прямо в здании аэропорта, спроси Кейта. Он сообщит тебе все подробности. Крисси.

Только что переговорила с нашей службой авиасообщения. Они обещали устроить бесплатный перелет. Такая своеобразная премия за все те рейсы, которые я организовывала для своих туристов через их службу. Здорово, да? Завтра в путь! До скорой встречи!!

Поразительно! Я едва знаю эту девушку. А она, не задумываясь, готова лететь за сотни миль только для того, чтобы встретиться со мной. Что ж, если мне даже и не повезет и я не смогу отыскать в Австралии свои корни, все равно поездка сюда того стоила. Потому

что именно в Австралии я познакомилась с такой замечательной девушкой, как Крисси.

Я направилась через зал ожидания к справочно-информационному киоску. За стойкой восседал высокий веснушчатый парень со светлыми волосами до плеч. Он пялился в компьютер.

– Здравствуйте. Вы Кейт? – спросила я у него.

– Да. А вы кто?

– Моя подруга Крисси из Брума сообщила, что разговаривала с вами. Сказала, что вы пообещали зарезервировать мне номер в гостинице.

– А, так вы подруга Крисси! Сиси! Я для вас приготовил кое-что особенное. Вот! – Он протянул мне квиток на бронь номера в отеле. – Сейчас возьмете такси, доедете до Лейчхардт-Террас, это совсем рядом с рекой Тодд.

– Большое вам спасибо за помощь!

– Всегда к услугам друзей Крисси, – дружелюбно улыбнулся в ответ Кейт. – Хорошего вам отдыха у нас!

Сидя в такси, я размышляла над тем, какой легкий характер у Крисси, как быстро и просто она сходится с людьми. Судя по всему, она полностью довольна своей жизнью. Крисси не смущает ни цвет ее кожи, ни то, что она – из аборигенов.

«По милости Божьей, я та, кто я есть...»

Впервые цитата, которую Па Солт приказал выгравировать для меня на армиллярной сфере, стала обретать смысл. Потому что я тоже хотела быть довольной собой.

Спустя полчаса я уже заселилась в «роскошный номер», как пообещал мне Кейт. Слава богу, в номере имелся приличный душ, *а еще чайник*. Я подошла к окну, надеясь увидеть внизу реку, как опять же живописал мне Кейт. К своему удивлению, я обнаружила лишь обмелевшее и пересохшее песчаное русло с парой каких-то чахлах сучковатых деревьев по берегам. Внезапно до меня дошло, что я нахожусь, можно сказать, в центре пустыни.

Стало смеркаться. Я вышла на улицу и почувствовала, что воздух в Алиса-Спрингс совсем иной, чем в Бруме с его изматывающей влажностью. А здесь воздух сухой и пряный. Я миновала мост через реку Тодд и направилась в близлежащий ресторан. Заказала себе пиццу и принялась есть ее в полном одиночестве, хотя ресторан был полон,

преимущественно посетителями были семьи. Все весело смеялись, о чем-то болтали между собой. Как жаль, что сейчас рядом нет Крисси, подумала я. И как здорово, что завтра она уже будет здесь.

Не спеша я направилась снова в отель. На журнальном столике возле стойки администратора увидела газету. Взяла ее, вчерашняя английская «Таймс». Интересно, подумала я, продолжают ли они по-прежнему освещать ситуацию вокруг Эйса. Оказывается, продолжают. Правда, его история уже перекечевала с первой полосы, на которой остался лишь заголовок, набранный тоже гораздо меньшим шрифтом.

«ЧАНГРОК ОБВИНЯЕТСЯ В МОШЕННИЧЕСТВЕ»

Чуть ниже расположилась фотография, запечатлевшая Эйса со спины в тот момент, когда он входит в здание суда. Вокруг – толпы рассерженных людей. «Полный отчет» о деле приведен на странице семь. Я взяла газету с собой в номер и постаралась разобраться в том, что там написано.

Ананд Чангрок предстал сегодня перед Королевским судом в Вулидже. Против него выдвинуто обвинение в мошенничестве. Мистер Чангрок выглядел неважно: сильно похудел и осунулся. Ему предъявлены обвинения по всем статьям иска. Судья не отпустил его на поруки, и в ожидании судебного процесса, который, как предполагается, начнется в мае, мистер Чангрок будет находиться в тюремном заключении. Сотни разгневанных вкладчиков банка «Бернерс» собрались на улице возле здания суда. В Чангрока швыряли яйца, многие пришли с транспарантами и плакатами, требующими возместить им потерянные вклады.

Главный исполнительный директор банка, мистер Дэвид Раттер, попытался как-то успокоить собравшихся.

«Мы в курсе того, в какой сложной и драматической ситуации оказались наши вкладчики. Мы продолжаем работать и делаем все возможное для того, чтобы максимально полно компенсировать их потери».

На вопрос о том, сможет ли мистер Чангрок компенсировать этот урон за свой счет и каковы конкретные обвинения, выдвинутые против него сегодня в исковом заявлении, мистер Раттер отвечать отказался.

Я улеглась наконец в кровать и вскоре забылась тревожным сном. Мне снился Эйс, свернувшийся в клубок на тощем тюремном матрасе.

Я проснулась от телефонного звонка и сонным голосом крикнула в трубку:

– Алло!

– Си!

– Крисси, это ты?

– Да, это я! Я уже здесь! Просыпайся, соня. Уже половина четвертого! Через секунду буду у тебя.

В телефоне что-то щелкнуло. Видно, Крисси положила трубку на рычаг. Я быстро скатилась с постели и стала торопливо одеваться. А через пару минут услышала, как Крисси вставила ключ в замочную скважину и открыла дверь.

– Привет, душа моя! Как же я рада тебя видеть! – Крисси одарила меня лучезарной улыбкой, сбросила с плеч свой рюкзачок и швырнула его на соседнюю кровать.

– Ты тут на меня не дуешься, часом, за то, что придется делить номер со мной? Кейт сказал, что других свободных номеров на данный момент нет.

– Нет проблем. Я всю жизнь спала в одной комнате со своей сестрой.

– Счастливая ты! А вот мне приходилось делить комнату с двумя братьями. – Крисси весело рассмеялась и слегка наморщила носик. – Словом, в комнате всегда пахло мальчишками. Ну, ты понимаешь, о чем я...

– Не забывай, у меня целых пять сестер. И наш коридор насквозь провонял духами.

– Что тоже очень плохо, – согласилась со мной Крисси, улыбаясь. – Я тут прихватила с собой кое-какой перекус.

Она вручила мне пластиковый контейнер. Я открыла его и увидела внутри небольшие пирожные квадратной формы, покрытые шоколадной глазурью и обильно обсыпанные кокосовой стружкой. Пахло обалденно!

– Налегай! – скомандовала мне Крисси. – Это наше популярное австралийское лакомство. Называется «ламингтоны». Я сама приготовила. Попробуй одну штуку вместо завтрака. А потом пойдем и поищем, где можно поесть по-настоящему.

Я откусила большой кусок. Вкусотища! Напоминает знаменитый бисквитный торт «Королева Виктория», коржи в котором изрядно пропитаны виски «Бэллс». Так, с набитым ртом, я и последовала за Крисси на улицу. Несмотря на то что день уже близился к вечеру, солнце пекло нещадно. Жара сразу же ударила меня по макушке. Судя по карте, ориентироваться в городе несложно. Потому что Алиса-Спрингс все же очень небольшой городок. Мы прошли вдоль Тодд-стрит, застроенной с двух сторон одноэтажными зданиями, в которых разместились всевозможные арт-галереи, маникюрные салоны и многочисленные кафе с открытыми террасами прямо под пальмами. В одном из них мы задержались, чтобы попить воды и перекусить. Яглянула на противоположную сторону улицы и увидела в витрине галереи, расположенной напротив, огромное живописное полотно, выполненное в технике пуантилизма.

– Ого! – удивленно воскликнула я. – Взгляни, Крисси! Ведь это же Семь сестер!

– О, Плеяды здесь везде, – ответила Крисси, широко улыбаясь. – Лучше никому не признавайся, что тебя назвали в честь одной из них. Иначе вокруг тебя тут же начнут собираться толпы почитателей и ты рискуешь моментально превратиться в реликвию местного значения.

После уговоров Крисси я все же рискнула и попробовала мясо кенгуру. Впервые в жизни! Меня мучила совесть. Вряд ли Тигги простила бы мне такое преступление, узнай она о моих гастрономических опытах. В свое время она была просто помешана на Крошке Ру из истории про Винни-Пуха, которую отец читал нам в детстве. Именно тогда Тигги и решила отказаться от мяса и стала вегетарианкой.

– Ну и как тебе Крошка Ру? – подначила меня Крисси.

– Вкусно, напоминает мясо оленя. Разве им здесь не угрожает полное истребление?

– Ты что! Тысячи и тысячи кенгуру продолжают прыгать по всей Австралии как ни в чем не бывало.

– А я вот еще не видела ни одного кенгуру.

– Обязательно увидишь. Их тут полно. На наших пустынных территориях обитают полчища кенгуру. Скажи, была ли у тебя возможность разузнать подробнее об Альберте Наматжира? – Крисси уставилась на меня выжидательным взглядом.

– Пока еще нет. Не забывай, я прилетела сюда только вчера. Да и если честно, пока еще не знаю, с чего начать.

– Думаю, мы начнем с посещения миссии Хермансберг. Не станем откладывать и запланируем эту поездку прямо на завтра. Миссия находится за пределами города. Придется добираться туда на машине.

– Я не умею водить, – сразу же призналась я.

– Зато я умею. Да и что там уметь? Сейчас же все автоматизировано. Если у тебя есть деньги на аренду машины, тогда я буду твоим шофером. Согласна?

– Согласна. Спасибо тебе, Крисси, – снова рассыпалась я в благодарностях.

– Знаешь, если тебя действительно связывают какие-то родственные узы с Наматжирой, то представляю, какой ажиотаж ты тут сотворишь! Они же из тебя святыню *начнут лепить*. А я им охотно помогу! А вообще-то, Си, не могу дождаться, когда увижу твои работы. Немедленно покупай себе кисти и холст. Ты обязательно должна выбраться на пленэр, чтобы запечатлеть здешние красоты. Надо начинать писать с натуры, как это делал сам Наматжира.

– Возможно, ты и права. Только за последние полгода все мои потуги на ниве искусства окончились ничем. Ничего стоящего!

– А ты постарайся преодолеть саму себя, Си. Попасть в число тех, кто обучается в одном из самых престижных заведений Лондона, специализирующемся на искусстве, уже это одно чего-то стоит, – тут же возразила Крисси, поддевая вилкой последний кусочек мяса на своей тарелке.

– И тем не менее все работы, которые я делала, обучаясь в академии искусств, были признаны никуда не годными. Во всяком случае, мои наставники чихвостили меня в хвост и в гриву. А сейчас я уже и сама не знаю, что и как мне рисовать, – призналась я.

– Понимаю. – Крисси коснулась своей теплой ладонью моей руки. – Возможно, тебе вначале нужно узнать, кто ты есть на самом деле, а уже потом решать, что и как тебе рисовать.

После того как мы покончили с трапезой, Крисси помахала перед моим носом еще одним рекламно-туристическим проспектом.

– Предлагаю прямо сейчас отправиться на гору Анзак, – объявила она. – Гора не очень высокая, но с ее вершины открывается самый лучший вид на Алиса-Спрингс. А заодно полюбуемся и солнечным закатом.

Я не стала рассказывать Крисси о том, что в ходе своего нынешнего путешествия уже исчерпала все лимиты на любования солнечными закатами. Да и спорить с ней было бесполезно: она моментально заряжала своим напором. Словом, мы опять выбрались из помещения на уличную жару и начали неторопливый подъем на вершину горы.

На вершине было уже полно фотографов. Они суетились, устанавливая свои штативы, чтобы поймать наилучший ракурс и запечатлеть на камеру момент захода солнца. Мы нашли тихое местечко на западном склоне и уселись прямо на землю. Я исподтишка глянула на Крисси, всецело погруженную в созерцание заката. Мягкие золотисто-пурпурные блики скользили по ее умиротворенному лицу. Внизу раскинулась Алиса-Спрингс, мерцающая сотнями уличных огоньков. Но вот солнце полностью скрылось за горами, оставив лишь одну темно-красную полосу на фоне неба насыщенного цвета индиго.

На обратном пути в город мы сделали еще одну короткую остановку, чтобы попить колы, после чего вернулись к себе в гостиницу. Уже в номере Крисси предложила мне отправляться в душ первой. Я с наслаждением подставила лицо под струи прохладной воды, омывшие мое потное тело, и невольно улыбнулась. Какое счастье, что рядом со мной Крисси, уже в который раз подумала я. С какой готовностью и энтузиазмом она откликается на все. Завернувшись в махровое полотенце, я потопала назад в комнату и в первую минуту ничего не поняла. За те десять минут, что я отсутствовала, правая нога Крисси чуть ниже колена каким-то непонятным образом отпала от ее тела и теперь валялась на полу в нескольких дюймах от нее.

– Ну да! У меня протез, – пояснила Крисси самым что ни на есть обыденным тоном, перехватив мой ошарашенный взгляд.

– Как? Когда?

– Все случилось, когда мне было пятнадцать. Ночью мне стало плохо, но мама, не очень доверявшая белым врачам, не стала обращаться к ним за помощью. Дала выпить пару таблеток парацетамола, чтобы сбить жар, и на этом все. А на следующее утро она нашла меня в постели без сознания. Остальное я не помню. Знаю только, что меня самолетом скорой помощи отправили в Дарвин. Тамошние врачи диагностировали у меня менингит. Однако спасти ногу было уже поздно, ибо начался сепсис. Но, во всяком случае, они спасли мне жизнь. Можно сказать, я еще легко отделалась, верно? Как думаешь?

– Я... Да... Если посмотреть на все случившееся с этой стороны... – не очень уверенно согласилась я, все еще не оправившись от только что пережитого шока.

– А с любой другой стороны и смотреть не стоит, – убежденно отрезала Крисси. – И я чувствую себя вполне комфортно. Вот ты, к примеру... Ты же даже ничего не заметила, правда ведь?

– Не заметила, – снова согласилась я с ней. – Только немного удивлялась, что ты постоянно ходишь в джинсах, в то время как я готова выскочить и из своих шортов, так мне здесь жарко.

– А у меня случился только один досадный облом. Я ведь была в свое время лучшей пловчихой в Западной Австралии. Даже пару раз выигрывала юношеские чемпионаты. Готовилась выступать в составе нашей сборной на Олимпийских играх в Сиднее в 2000 году. Надеялась, что мы с Кэти Фриман покажем всему миру, чего могут добиваться аборигены. – Крисси натянуто усмехнулась. – Но, в любом случае, все это уже в прошлом. Былые достижения, так сказать... – добавила она, легко поднимаясь с места, как будто проделала это с помощью двух ног, и так же уверенно стоя на полу, точно сбалансировав свой вес. – Что ж, тогда я в душ. Моя очередь.

Хватаясь своими сильными руками за мебель, Крисси быстро преодолела расстояние, которое отделяло ее от ванной комнаты, и скрылась там, плотно прикрыв за собой дверь.

Я безвольно опустилась на кровать, *не чувствуя под собой ног*. Они моментально сделались ватными. Мысли лихорадочно метались в голове. Сердце стучало, переполняемое эмоциями. Преобладало чувство вины. Да, именно так! Вины... Ведь я же привыкла *всегда* жалеть себя. А за что мне жалеть себя? Привилегированные годы

детства и юности, что дано не каждому. Но главное – я полностью дееспособный человек. Разве этого мало? Одновременно меня распирала дикая злость. Как могло так получиться, что юная женщина не получила своевременно скорой медицинской помощи, в которой так нуждалась? Но главное – меня переполнял восторг вкупе с благоговейным страхом при мысли о том, как достойно Крисси приняла этот удар судьбы, с каким мужеством и отвагой продолжает жить. Не стала распускаться, хныкать... А ведь могла бы всю оставшуюся жизнь упиваться жалостью к себе. Как это делала я до недавнего времени...

Дверь ванной комнаты отворилась, и на пороге показалась Крисси, тоже замотанная в полотенце. Она так же непринужденно и без видимых усилий проследовала к своей кровати, порылась в рюкзачке и извлекла оттуда пару трусиков и майку.

– Что такое? – Крисси резко развернулась в мою сторону и увидела, что я не свожу с нее глаз. – Чего ты на меня уставилась?

– Да просто хочу сказать тебе, что ты – необыкновенная девушка. То, как ты прошла через все это... – Я немного замялась и осторожно указала на ее отсутствующую ногу.

– Знаешь, меньше всего мне хочется позиционировать себя не такой, как все остальные. Будто тот факт, что у меня нет ноги, это главное во мне. Впрочем, кое-какие преимущества я все же поимела! – Крисси весело рассмеялась, укладываясь в постель.

– Какие преимущества?

– Когда я вознамерилась поступать в университет, то получила кучу приглашений.

– Ты наверняка заслужила все это.

– Заслужила или не заслужила – это вопрос второй, но свой шанс я точно не упустила. Девушка-инвалид, да еще аборигенка, умудряется поставить галочки сразу в двух клетках при заполнении правительственных форм, определяющих квоты для абитуриентов. Университеты в прямом смысле этого слова дрались за меня.

– Немножко попахивает цинизмом, – коротко прокомментировала я, тоже укладываясь в свою кровать.

– Возможно. Тем не менее я по полной воспользовалась представившейся мне возможностью получить высшее образование. Так кто, по-твоему, вышел победителем из этой схватки? – спросила у

меня Крисси, потянувшись к выключателю настольной лампы на ее прикроватной тумбочке.

– Ты, – ответила я без тени сомнения в голосе.

И мысленно добавила:

«Ты... со всей своей позитивной энергетикой, силой духа и необыкновенной жаждой жизни».

Я лежала в темноте, ощущая рядом с собой присутствие постороннего, в общем-то чужого, но одновременно очень близкого человека, от которого исходит такая мощная энергия и такой заряд бодрости.

– Спокойной ночи, Си, – услышала я голос Крисси. – Я рада, что приехала сюда.

Я улыбнулась.

– Я тоже очень рада.

20

– Так ты будешь просыпаться, в конце концов?

Чье-то дыхание обожгло мне лицо. Я попыталась стряхнуть с себя наваждение сна. Обычно по утрам я сплю долго и крепко.

– Боже мой, Си! Мы и так уже потеряли половину утра!

– Прости! – Я наконец кое-как разлепила глаза и увидела Крисси, сидящую на своей постели. На лице подруги читалось откровенное недовольство. – Я, знаешь ли, люблю поспать по утрам.

– Вижу! За последние три часа я уже успела позавтракать, смотаться в город, заказать нам машину. Тебе только надо будет заплатить на ресепшн за ее аренду. Нужно немедленно отправляться в Хермансберг. *Пронто... пронто...*

– Хорошо-хорошо! Виновата! Не сердись, ладно? – Я откинула с себя простыню и поднялась с постели. Пока я натягивала шорты, а потом выискивала в рюкзаке чистую майку, Крисси посматривала на меня с явным любопытством во взоре.

– Что не так? – поинтересовалась я, поймав ее взгляд в зеркале, перед которым я небрежно приглаживала рукой свои волосы.

– Часто тебе по ночам снятся кошмары? – спросила у меня Крисси.

– Иногда снятся. Во всяком случае, так говорила мне моя сестра, – небрежно отмахнулась я от ее вопроса. – Прости, если побеспокоила тебя ночью.

– То есть ты ничего не помнишь из того, что тебе снится?

– Некоторые сны помню, другие – нет. Ну, все! Я готова! – Я сунула кошелек с деньгами в карман шорт. – Вперед! Держим курс на Хермансберг.

Когда мы выехали за город и помчались на полной скорости по широкой прямой автостраде, окаймленной с двух сторон красной землей, солнце уже стояло высоко и прожигало насквозь капот нашей крохотной машинки, похожей на консервную банку. Я даже забеспокоилась, сможет ли она выдержать и не взорваться от такого температурного натиска.

– Что это за горы? – спросила я у Крисси, махнув в сторону зубчатой гряды, виднеющейся на горизонте.

– Горная цепь Мак Доннелл. Эти горы еще называют «хребты Мак Доннелл», – ответила Крисси не задумываясь. – Наматжира часто их рисовал на своих полотнах.

– Какой у них насыщенный пурпурный цвет.

– Вот-вот! Именно в такой цвет он их и окрашивал на своих картинах.

– Что ж, это правильно, – согласилась я с таким видением художника, а сама подумала, смогу ли я когда-нибудь нарисовать по-настоящему реалистичский пейзаж, запечатлев на полотне то, что вижу вокруг себя. – Как только люди выживают в таком пекле? – задумчиво бросила я, глядя на бескрайние ровные просторы, раскинувшиеся до самого горизонта. – Такое впечатление, что безлюдные места тянутся на десятки и десятки миль.

– Знаешь, люди ко всему приспосабливаются. И здесь они тоже приспособились. Ты когда-нибудь читала Дарвина?

– Читала?! А разве Дарвин – это не город?

– Идиотка! Есть и город под названием Дарвин, да. Но был такой человек по фамилии Дарвин. Он писал всякие книги. Самая известная из них называется «*О происхождении видов*». В этой книге он рассуждает о том, как на протяжении миллионов лет растения, цветы, животные приспособлялись к окружающей среде. *И люди тоже.*

Я глянула на Крисси.

– Ты, как я посмотрю, крутая отличница. Я права?

– Вовсе нет, – отрицательно покачала головой Крисси. – Просто мне интересно, откуда мы все произошли. А тебе разве это не интересно?

– Интересно. Чтобы это узнать, я и приехала в Австралию.

– Я сейчас имею в виду отнюдь не родственные связи на уровне одной семьи. Я рассуждаю *в целом*. О происхождении всего человечества. Как и почему появились на земле люди.

– Ты сейчас рассуждаешь прямо как моя сестра Тигги. Она тоже очень увлекается всякими высокими материями.

– Здорово было бы с ней познакомиться. Судя по твоим словам, она девчонка что надо. А чем она занимается?

– Работает в Шотландии в одном заповеднике. Занимается разведением оленей.

– Достойное занятие.

– Ей тоже очень нравится ее работа.

– Для человеческой души полезно иметь кого-то или что-то, за что нужно нести ответственность. У наших аборигенов существует такой древний обычай. Когда юноша проходит обряд посвящения, достигнув возраста совершеннолетия, то, во-первых, его обрезают, а во-вторых, ему вручается камень. На нашем языке он называется *тжурунга*. На камне выбит специальный знак, показывающий юноше, о чем именно ему следует заботиться и что беречь, находясь в дикой природе. Эти пустынные обширные места, не заселенные людьми, у нас в Австралии называют просто: буш. Молодому человеку может выпасть все, что угодно: источник воды, какая-нибудь священная пещера, или растение, или даже животное. Но, что бы это ни было, он обязан защитить и сберечь свой объект. Вот так в нашей пустынной глубинке, которую первые переселенцы окрестили «аутбэком», создавалась незримая людская цепь, в которой каждое звено отвечало за сохранность того, что ему было доверено беречь. Такая система помогала нашим племенам выживать, когда они странствовали по этому пустынному аутбэку.

– Невероятная история! – выдохнула я восхищенно. – Получается, что традиции – вещь чрезвычайно полезная и нужная. Но этот камень, как его? *Тжу*... его только юношам вручали?

– *Тжурунга*. Да, этот камень имеют право носить при себе только мужчины. Женщинам и детям не разрешается даже прикасаться к нему.

– Но это же несправедливо.

– Наверное, – пожалала плечами Крисси. – Но у нас, у женщин, тоже есть священные традиции, отличные от тех, что соблюдают мужчины. Когда мне исполнилось тринадцать лет, бабушка взяла меня на природу и изрядно потаскала по бушу, можно сказать, до усрачки... Однако я приобрела просто потрясающий опыт. Научилась распознавать насекомых, находить с помощью специальной палки-копалки воду, выкапывать съедобные корни и насекомых. Бабушка показала мне, какие растения можно есть, а какие – нет и как именно их употреблять в пищу. А еще, – слегка подергала себя за уши Крисси, – когда я снова вернулась к прежней городской жизни, то оказалось, что слух мой настолько обострился, что я могу расслышать, как чихнул человек на другом конце улицы, и точно определить, кто этот человек. Находясь в буше, мы напряженно вслушивались в каждый звук, пытаюсь определить, откуда исходит опасность. Журчание воды поблизости, приглушенные голоса людей на расстоянии, все это – ориентиры, помогающие нам вернуться назад, к своим семьям.

– Потрясающе интересно! Обожаю слушать такие истории.

– Ты только посмотри туда! – неожиданно крикнула Крисси. – Это же стадо кенгуру!

Крисси резко остановила машину, свернув на пыльную обочину и громко лязгнув тормозами. От столь неожиданного маневра наши головы непроизвольно дернулись назад и застыли в таком положении.

– Прости. Но не хотелось упустить их. Фотоаппарат у тебя с собой?

– Да.

В жизни кенгуру оказались значительно крупнее, чем я их себе представляла. Крисси принялась подбадривать меня, чтобы я изображала всякие глупейшие позы, вытанцовывая перед ними с фотоаппаратом в руках.

Когда мы возвращались назад к машине, все время отпугивая от себя полчища назойливых мух, так и норовивших усесться на голое тело, я невольно вспомнила, когда фотографировала в последний раз. И что потом получилось с этой злополучной фотопленкой. И вот

сейчас я стою посреди буша в окружении кенгуру, рядом Крисси, а Таиланд и все, что с ним связано, кажется таким далеким. Будто все это было в другой жизни и не со мной.

– Еще далеко? – поинтересовалась я у Крисси, когда мы снова тронулись в путь.

– Минут сорок от силы, я думаю.

К счастью, она оказалась права в своих расчетах. Потому что минут через сорок мы наконец свернули с пыльной дороги куда-то в сторону и увидели перед собой скопление построек, выкрашенных в белый цвет. На деревянной табличке было написано от руки, что мы прибыли в миссию Хермансберг.

Когда мы вылезли, я увидела, что на машине сюда приехали только мы да, видно, еще какая-то семья на грузовичке-пикапе. А чему удивляться? Такая глушь! Вокруг на десятки и десятки миль раскинулись безлюдные земли. Прямо как на Марсе. А еще меня поразила необыкновенная тишина, царящая вокруг. Ни тебе дуновения ветерка, ни звуков клаксонов. Разве что изредка пропищит какое-то насекомое. Странно, но даже я, большой любитель тишины и широких, открытых пространств, вдруг почувствовала себя неуютно в этом царстве безмолвия.

Мы направились к входу и вошли в какое-то бунгало под железной крышей. Глаза медленно адаптировались к полумраку помещения после ослепительного солнечного света на улице.

– Добрый день, – поздоровалась Крисси с мужчиной, стоявшим за стойкой.

– Добрый день, – ответил тот. – Вас что, только двое?

– Да.

– Девять долларов с каждой.

– Здесь сегодня тихо, – прокомментировала Крисси, пока я рассчитывалась за билеты.

– Да, в такую пору года, когда печет с утра до ночи, туристов действительно немного.

– Понятное дело, – согласилась с ним Крисси. – Это моя подруга Келено. У нее есть одна старая фотография, которую она хочет показать вам. – Крисси слегка толкнула меня в бок. Я достала фотографию и отдала ее мужчине. Он глянул на снимок, потом перевел взгляд на меня.

– Это Наматжира. Как эта фотография попала к вам?

– Мне ее прислали.

– Кто прислал?

– Из нотариальной конторы в Аделаиде. Они сейчас тоже пытаются установить, кому изначально принадлежала эта фотография. А я приехала в Австралию, чтобы отыскать свою настоящую семью.

– Понятно. И что же вы хотите узнать у нас?

– Сама толком не знаю, – замялась я, чувствуя себя в идиотском положении. Будто я какая-то мошенница... Может, этот человек каждый день лицезрит перед собой таких же вот самозванных родственничков Наматжиры.

– Ее удочерили, когда она была еще грудным младенцем, – пришла мне на помощь Крисси.

– И что дальше?

– Мой отец умер несколько месяцев тому назад. Он оставил письмо, в котором сообщил, что мне завещали деньги, – принялась я объяснять. – Когда я прибыла для разговора к его швейцарскому нотариусу, то тот отдал мне конверт, в котором лежала эта фотография. Вот я и решила сама поехать в Австралию и уже на месте выяснить, кто именно послал мне ее. Я разговаривала с нотариусом из Аделаиды, но на тот момент я и понятия не имела, кто такой этот Наматжира. Никогда не слышала его имени. И потом... – Я запнулась, не зная, что еще сказать. Крисси положила свою руку на мою ладонь и вступила в разговор:

– Сиси потому и приехала сюда, в эту миссию, что я тоже узнала на фотографии Наматжиру. Она думает, что это такая подсказка, которая облегчит ей дальнейший поиск настоящих родителей.

Мужчина снова принялся внимательно разглядывать фотографию.

– Да, это точно Наматжира. Могу также с уверенностью утверждать, что снимок сделан в Хевитри-Гэп где-то в середине сороковых годов прошлого столетия, когда Альберт приобрел себе этот грузовичок. Про мальчишку, стоящего рядом с ним, ничего не могу сказать. Я его не знаю.

– А вы не устроите нам с Сиси небольшую прогулку по территории миссии? – предложила ему Крисси. – Может, что вспомните дельное. У вас тут имеется архив?

– Мы ведем учет всем младенцам, поступившим к нам в миссию или родившимся здесь. Имеется также и картотека с черно-белыми фотографиями, наподобие вот этой. Но, чтобы просмотреть ее, мне понадобятся многие дни.

– А мы вас и не торопим, мой господин. Все же мы пойдем, оглядимся вокруг, – продолжала настаивать на своем Крисси.

Взяв меня за руку, она провела мимо стеллажа с почтовыми открытками и морозильной камеры, заставленной прохладительными напитками, к указателю «В музей». Какое-то время мы шагали по еще одной пыльной дорожке, а потом оказались на большом открытом пространстве, окруженном со всех сторон белыми домиками, вытянувшимися по периметру в форме буквы L.

– Что ж, начнем осмотр с часовни. – Крисси указала на здание часовни.

Мы пересекли кусок красной земли и вошли в небольшую часовню. Какие-то шаткие на вид лавки были приспособлены под скамьи для верующих. Большая картина с изображением Христа на кресте висела над кафедрой.

– Итак, один человек по имени Карл Стрехлоу прибыл в эту миссию, чтобы попытаться обратить аборигенов в христианство, – прочитала мне вслух Крисси то, что было написано на информационной табличке внизу. – Он приехал сюда из Германии вместе со своей семьей в 1894 году. И с тех пор эта миссия стала функционировать на постоянной основе. Он, как и пастор, который возглавил миссию уже после него, увлекся культурой местного народа аранда и его традициями, – продолжила свои пояснения Крисси, пока я разглядывала смуглые лица, изображенные на многочисленных картинах. Все люди на них были облачены в белые одежды.

– А кто такие эти аранда? – спросила я у нее.

– Туземное племя, обитавшее в здешних местах.

– Они еще живут здесь?

– Да. Насколько мне известно, в 1982 году власти официально вернули этим людям земли, когда-то принадлежавшие им. В том числе и ту территорию, на которой располагается миссия Хермансберг. Так что сегодня эта миссия принадлежит законным собственникам.

– Здорово, правда?

– Да. Во всяком случае, такой шаг со стороны властей достоин уважения. Идем дальше, осмотрим и все остальное.

Продолговатое здание под железной крышей оказалось школой. На школьной доске до сих пор сохранились какие-то слова и картинки.

– Между прочим, – продолжила свой экскурс Крисси, – согласно имеющейся здесь информации, в эту миссию никогда не привозили детей аборигенов, рожденных вне брака, и всяких прочих полукровок, которых органы опеки насильно отбирали у матерей. Сюда приходили сами или привозили детей только по доброй воле.

– И все эти люди... они фактически становились христианами, да?

– Утверждать это со всей определенностью трудно. Но все они обязаны были посещать церковные службы, читать Библию. Хотя наверняка священники благоразумно закрывали глаза, если аборигены продолжали и дальше соблюдать свои культурные и национальные традиции.

– Получается, что они верили или делали вид, что верят, в две разные религии?

– Да. Я и сама такая же, – ухмыльнулась в ответ Крисси. – Как, впрочем, и остальные аборигены, проживающие на территории современной Австралии. А сейчас давай-ка сунем свои носы в домик Наматжиры, полюбопытствуем, что там хранится.

Дом Наматжиры состоял из нескольких основных помещений с бетонированными стенами. В одной из комнат на каминной полке стояла фотография, на которой я сразу же узнала лицо Наматжиры. Крупный мужчина с такими же крупными и сильными чертами лица. Он оживленно смеется, щурясь на солнце. Рядом с ним скромно стоит застенчивая женщина с шарфом на голове.

– Альберт и Роза, – прочитала я подпись под картиной. – А кто такая эта Роза?

– Его жена. При рождении ей дали имя Рубина. У них с Наматжирой было девять детей. Четверо умерли еще при жизни Наматжиры.

– Зачем им только нужен был камин в такой жаре? – искренне удивилась я, ткнув пальцем в камин, тоже попавший в кадр.

– А ты поверь мне на слово, подруга, по ночам в этой пустыне бывает такая холодина, что не приведи господь.

Одно полотно, висевшее на стене, сразу же привлекло мое внимание. Я подошла поближе, чтобы разглядеть его.

– Это кисти самого Наматжиры? – поинтересовалась я у Крисси.

– На табличке указано, что это он нарисовал.

Я принялась внимательно разглядывать акварель. В отличие от типичных живописных полотен, нарисованных аборигенами, Наматжира искусно изобразил красивый пейзаж: в одном углу – эвкалипты, теряющиеся в белой дымке, на переднем плане стелются необъятные просторы, запечатленные в мягких, пастельных тонах, а на заднем фоне взметнулись ввысь пурпурно-алые горы Мак Доннелл или, как их тут зовут, хребты Мак Доннелл. По технике очень похоже на полотна импрессионистов. Оставалось лишь поражаться, как этот человек, выросший посреди бескрайней пустыни, абориген по рождению и христианин по дальнейшей жизни, смог самостоятельно приобрести столь самобытный и неповторимый стиль.

– Не совсем то, что ты предполагала увидеть? – осторожно поинтересовалась у меня Крисси.

– Пожалуй, что так. Ведь большинство полотен туземцев, которые мы с тобой видели в картинных галереях города, выполнены в традиционной технике пуантилизма, в виде таких отдельных точек.

– Наматжиру обучал живописи белый художник по имени Рекс Баттарби. Он находился под большим влиянием импрессионистов. Собственно, и в Австралию он приехал затем, чтобы запечатлеть на своих картинах здешнюю природу. Именно у него Альберт и научился технике акварельной живописи.

– Слушай, Крисси! Я впечатлена твоими познаниями. Кажется, ты знаешь все на свете. Я права?

– Только то, что мне действительно интересно. А я ведь тебе уже говорила, что всерьез увлекаюсь искусством. Тем более что Наматжира – это, можно сказать, моя страсть.

Я последовала за Крисси на выход, по пути размышляя о том, что и для меня до недавнего времени искусство тоже было всем. Но сейчас былая страсть угасла почти полностью, и я потеряла всякий интерес к живописи. Однако внезапно до меня дошло, что я *очень-очень* хочу, чтобы этот интерес снова вернулся.

– Мне надо в туалет, – сказала я, выходя во двор, где по-прежнему царил испепеляющий зной.

– Уборная вон там. – Крисси указала направление поисков.

Я быстро пересекла дворик, подошла к будочке и увидела на ее дверях красочное объявление.

**«ЗМЕИ КАК ВОДА! ПРОНИКАЮТ ПОВСЮДУ.
ЗАКРЫВАЙТЕ ЗА СОБОЙ КРЫШКУ УНИТАЗА!»**

Еще никогда в своей жизни я не справляла малую нужду на такой скорости. Пописала и тут же выскочила из кабинки как ошпаренная.

– Нам пора в обратный путь, – сказала Крисси. – Зайдем на пост дежурного, прихватим с собой пару бутылок воды в дорогу.

В этом домике размещалась не только билетная касса, но и сувенирная лавка. Мы подошли к прилавку, чтобы расплатиться за воду.

– Вы можете на время оставить мне эту фотографию, мисс? – спросил у меня мужчина. – Хочу показать ее кое-кому из тех, кто постарше. Завтра вечером здесь будет проводиться ежемесячное собрание старейшин. Может, кто-нибудь из стариков опознает мальчонку, запечатленного рядом с Наматжирой. Самому старому члену нашей общины уже девяносто шесть, но память – дай бог каждому! Острая, как у молодого.

– Я... – Я глянула на Крисси в некотором смятении. – Получается, что нам снова надо будет ехать сюда, чтобы забрать эту фотографию?

– Я буду в городе в субботу. Мне не составит труда привезти вам снимок. Только оставьте номер своего мобильного и укажите, где вы остановились.

– Ладно! – согласилась я, увидев, что Крисси подбадривающе кивнула мне головой. Я вручила мужчине фотографию, а на листочке бумаги нацарапала номер своего телефона и адрес, по которому меня можно будет разыскать в Алиса-Спрингс.

– Не волнуйтесь, милая, – приободрил меня мужчина, улыбаясь. – Обещаю сохранить вашу фотографию в целости и сохранности.

– Спасибо.

– Счастливого пути, – крикнул он нам вдогонку.

– Ну, как тебе Хермансберг? – поинтересовалась у меня Крисси, когда мы выехали на автостраду и покатали вперед по широкой пустынной дороге, возвращаясь в цивилизацию.

– Что ты имеешь в виду? – ответила я вопросом на вопрос.

– Ну, ничего не щелкнуло у тебя внутри? Вдруг интуиция подсказывает тебе, что ты тоже родом из Хермансберга?

– Знаешь, Крисси, я даже не уверена в том, что у меня вообще есть эта самая интуиция.

– Есть, еще как есть, Си! У нас у всех есть интуиция. Просто тебе нужно больше доверять своей интуиции и чаще прислушиваться к ней.

Уже на подъезде к Алиса-Спрингс солнце устроило нам просто грандиозное прощальное шоу. Склоняясь за края хребтов Мак Доннелл, оно, расколовшись на тысячи крохотных лучиков, облило своим светом красную пустыню внизу.

– Останови машину! – вдруг приказала я Крисси.

Крисси опять лихо нажала на тормоза и остановила машину на обочине дороги.

– Извини, но я хочу сфотографировать этот закат.

– Не надо извинений, Си. Ступай, фотографируй.

Я схватила фотоаппарат, выскочила из машины и перебежала на противоположную сторону дороги.

– Боже мой! Какое великолепие! – воскликнула я, щелкая затвором. И вдруг почувствовала, как кончики моих пальцев начало слегка покалывать. Верный сигнал, который всегда подавало мне тело, когда у меня возникала потребность или желание что-то нарисовать. Поразительно! Такого со мной не было уже много месяцев.

– У тебя такой счастливый вид, – коротко прокомментировала Крисси, когда я снова забралась в машину.

– Я действительно счастлива. Очень! – ответила я.

Но главное – так оно и было на самом деле.

На следующее утро я проснулась, как только услышала, что Крисси уже на цыпочках ходит по комнате. Обычно, проснувшись в такую рань, я через некоторое время снова погружаюсь в дрему, но сегодня что-то толкало меня из постели, какое-то странное, непонятное предчувствие, ожидание чего-то волшебного.

– Прости, что разбудила. Я как раз собиралась пойти позавтракать.

– Все в порядке. Я тоже пойду с тобой.

За чашкой крепкого кофе и яичницей с беконом плюс фрукты, которые для меня всегда словно бальзам на душу, мы с Крисси обсудили наши планы на грядущий день. Крисси предложила отправиться в художественный центр Аралуен, где развернута постоянная экспозиция картин Наматжиры. Но у меня возникла другая идея. Потому что я наконец поняла, что именно подняло меня с постели в такую несусветную рань.

– Видишь ли, – начала я не очень уверенно. – Дело в том, что вчера по пути домой я пережила пару минут того, что называется вдохновением. Вот я и подумала. А не можешь ли ты снова отвезти меня на то самое место, где я фотографировала закат? Мне хотелось бы запечатлеть это место на холсте.

Лицо Крисси мгновенно просияло.

– Фантастика! Потрясающая новость! Конечно, я готова отвезти тебя туда хоть сейчас.

– Спасибо. Но для начала мне нужны краски, бумага...

– О, здесь этого добра полно. – Крисси кивнула в сторону окна, указывая на улицу, на которой расположилось множество арт-галерей. – Сейчас заглянем в одну из этих галерей и спросим, где они покупают все принадлежности для рисования.

После завтрака мы подались на улицу и зашли в первую же галерею, встреченную на пути. Крисси поинтересовалась у дежурной на входе, где можно раздобыть для меня бумагу и краски, добавив при этом, что я студентка. Учусь в Королевском колледже живописи в Лондоне.

– Хотите остаться здесь, чтобы порисовать? – Женщина указала на большую комнату, примыкающую к выставочному залу. Несколько художников из аборигенов были заняты там сейчас своей работой: кто-то рисовал, сидя за столом, а кто-то и прямо на полу. Свет широкими потоками вливался в помещение через многочисленные окна. Сбоку располагалась крохотная кухонька, в которой кто-то заваривал себе кофе. В целом смотрелось все очень уютно. Не сравнить с казенной атмосферой, которая царила в нашей студенческой мастерской в бытность мою в академии.

– Нет, она хочет податься на природу, в буш. Я так говорю, Си? – Крисси незаметно подмигнула мне. – Ее, между прочим, зовут Келено, – добавила она на всякий случай.

– Хорошо. – Женщина приветливо улыбнулась. – У меня есть кое-какие краски и холсты. Или она предпочитает работать с акварелью? – обратилась она к Крисси через мою голову, так, словно они обсуждали, что им делать с четырехлетним ребенком и чем его можно занять.

– Я работаю и с масляными красками, и с акварелью, – вмешалась я в их беседу. – Но сегодня мне хочется поработать именно с акварелью.

– Ладно! Пойду взгляну, что у меня есть.

Женщина вышла из-за прилавка, и я увидела ее довольно объемный живот, который не скрывал даже свободный фасон желтого платья-кафтана. Пока она отсутствовала, я прошлась по залу, разглядывая живописные полотна, выполненные в традиционной манере аборигенов.

Все стены были увешаны многочисленными изображениями созвездия Плеяды. Семь сестер красовались в самых разных видах: нарисованные точками, резкими мазками, какими-то причудливыми геометрическими формами, с помощью которых художники пытались воссоздать девушек и старца по имени Орион, который гонялся за сестрами, преследуя их по всему небу. Меня всегда удивляло, почему отец назвал меня в честь одной из звезд созвездия Плеяды, о котором повествовалось в красивом древнегреческом мифе. В конце концов, все эти звезды отстоят от нас, землян, на многие и многие миллионы световых лет. Но сегодня, разглядывая все эти полотна, я вдруг ощутила себя какой-то особенной, будто мне есть чем гордиться. Получается, что я тоже как бы часть этого созвездия и у меня с ним особая связь. А здесь, в Алиса-Спрингс, я и вовсе почувствовала, будто переступила порог Верховного храма.

А еще меня приятно согревала мысль о том, что я сейчас нахожусь среди художников, которые, готова побиться об заклад на свои шикарные апартаменты на берегу Темзы, никогда не посещали никаких художественных школ и колледжей. Что вовсе не мешает им заниматься живописью: они рисуют так, как чувствуют. И при этом, судя по всему, неплохо зарабатывают на своем ремесле, если учесть,

сколько туристов изо дня в день топчется в галерее, наблюдая за тем, как они работают.

– Вот все, что нашла для вас, Келено, – промолвила мне женщина, вручая старую банку с акварельными красками, пару потертых кисточек, небольшой кусок липкой ленты, лист ватмана и холст, натянутый на деревянный подрамник.

– Она – блистательный художник, – снова принялась рекламировать меня Крисси, не успела я даже рта раскрыть, словно она какой-нибудь мой агент. – Вам нужно будет обязательно взглянуть на ее работы.

Несмотря на пот, обильно струящийся по лицу, я густо покраснела.

– Сколько с меня причитается за все это? – Я кивнула на бумагу и краски.

– Предлагаю вам сделку. Вы приносите мне свой рисунок, и если он действительно стоящий, то я тут же включаю его в экспозицию. Выставляю в галерее. А прибыль от реализации картины поделим пополам. Меня зовут Миррин. Я управляю этой галереей от имени своего хозяина.

– Вот как? Интересное предложение, но...

– Большое вам спасибо, Миррин. Тысячу благодарностей! – снова перебила меня Крисси. – Мы так и сделаем. Правда, Си?

– Я... Да. Спасибо.

Выйдя на улицу, я тут же набросилась на Крисси:

– Ради всех святых, Крисси, что ты там несла? Ты же не видела ни единой моей картины! К тому же с акварелью у меня всегда не очень клеилось. Просто захотелось сегодня немного поэкспериментировать, и только. Так, исключительно ради забавы... И потом...

– Заткнись, Си! Я *прекрасно* знаю, что ты – уже состоявшийся художник. Отличный художник! Я это сердцем чувствую. – Крисси энергично похлопала себя по груди. – Тебе просто не хватает уверенности в своих силах. Вот я и решила поддержать тебя.

– Но эта женщина, – заговорила я, тяжело дыша от жары и охватившего меня возбуждения. – Она же будет ждать, что я принесу ей что-то стоящее. И...

– Послушай! Ну, даже если у тебя случится прокол... что из того? Мы просто покажем ей твои рисунки и рассчитаемся за бумагу и

краски. Но я знаю. Я уверена в том, что никакого прокола не будет. У тебя все получится как надо, Си.

После того как мы выехали за пределы города, Крисси решила устроить мне еще одну лекцию. Рассказать, как именно Наматжира совершенствовал свое искусство.

– Вчера ты выразила удивление по поводу того, что он рисовал пейзажи. Поскольку большинство художников-аборигенов, как известно, предпочитают рисовать такие почти абстрактные полотна, используя всякие символы для того, чтобы рассказать зрителям легенды, связанные с нашей древней историей.

– Меня это и правда удивило, – согласилась я с Крисси.

– Однако если присмотреться к картинам Наматжиры внимательнее, то, по сути, он делает то же самое, что и его собратья по кисти. Просто его полотна другие по форме. Я потом покажу тебе наглядно, что именно я имею в виду. Ну вот, к примеру, взять эти эвкалипты из его акварели, похожие на деревья-призраки. А ведь он изображает не просто дерево. Каждый отдельный эвкалипт – это своего рода символ. Его полотна буквально пронизаны символизмом. В своих пейзажах он тоже повествует о древних легендах нашей земли. Понимаешь?

– Думаю, да.

– Он пытается очеловечить природу, придать ей человеческий облик. Вглядишься в изображение, и ты увидишь, что сучки на кустах акации – это глаза человека. А в одном из его пейзажей все-все-все: небо, горы, деревья – все как бы перемешано, все сдвинуто, все как бы погружено в некий сон, но вдруг из этого хаоса проступает фигура женщины, лежащей на земле.

– Ух ты! – невольно издала я восхищенный возглас, попытавшись представить себе эту картину. – Послушай, Крисси, а ты не думала, как пустить в дело свои столь обширные познания в области искусства?

– А что ты предлагаешь? Поучаствовать в какой-нибудь викторине типа «Австралийские художники XX столетия»? Как-никак, а это – моя излюбленная тематика.

– Нет, я имею в виду профессионально заняться искусствоведением.

– Да ты, наверное, шутишь, Сиси. Те люди, которые числятся в рядах профессиональных искусствоведов, долгие годы учились и

пополняли свой багаж знаний, чтобы стать кураторами всяких выставок или агентами. Кто со мной захочет разговаривать серьезно?

– Я захочу. Вот ты только что прочитала мне захватывающе интересную лекцию. И потом, та женщина в галерее. Не скажешь по ней, что она уж сильно обременена научными степенями и званиями в области искусства. И, тем не менее, руководит арт-галереей и, судя по всему, неплохо справляется со своей работой.

– Может, ты и права. Ну вот, приехали! Где ты хочешь расположиться?

Криси помогла мне расстелить одеяло и разложить подушки, которые мы тайком вынесли из своего номера. Мы устроились в тени эвкалипта, уселись, выпили немного воды.

– Пойду пока, поброжу немного вокруг, – сказала Криси. – Оставляю тебя одну. Не возражаешь?

– Нет. Спасибо. – В отличие от тех художников, которых я видела сегодня утром в галерее, лично я не привыкла работать на публике. Рисовать под пристальным взглядом постороннего человека – это точно не мое. Я уселась, скрестив ноги, приклеила лист ватмана к подрамнику с помощью клейкой ленты. И невольно почувствовала, как внутри нарастает паника. Так со мной случалось все последние месяцы, стоило взять в руки кисть.

Я закрыла глаза и сделала глубокий вдох. Горячий воздух слабо пах мятой, напоминая своим ароматом успокоительную медицинскую настойку. Наверняка это запах эвкалипта, в тени которого я сидела, опершись на его ствол. Я подумала, так кто же я на самом деле? Дочь Па Солта? Одна из Семи сестер? Представила себе на мгновение, как я прилетела на землю, опустившись с небес, и, покинув своды пещеры, вышла наружу. И перед моими глазами предстал величественный, неповторимый по своей красоте пейзаж, где все залито солнцем...

Я открыла глаза, опустила кисть в бутылочку с водой, смешала воедино несколько красок и начала рисовать.

– Ну, как у тебя дела?

Я подпрыгнула от неожиданности, едва не расплескав грязную от красок воду в бутылочке на свой рисунок.

– Прости, Си, что побеспокоила. Судя по твоему лицу, ты полностью отрешилась от всего и с головой ушла в мир собственных фантазий. Я права? – повинилась передо мной Крисси и, наклонившись, поправила бутылочку, чтобы она не опрокинулась ненароком. – Не проголодалась еще? Ты ведь рисуешь уже добрых два часа, если не больше.

– Неужели? – спросила я полусонным голосом, будто только что очнулась от глубокого сна.

– Да. Я, наверное, уже минут сорок проторчала в машине. Включила кондиционер на полную мощность и спасалась от жары. Я принесла тебе бутылку холодной воды. – Крисси протянула мне бутылку. Я с жадностью набросилась на воду, все еще не в силах стряхнуть с себя состояние странной потерянности. Где я? Что я? – Ну что? – Крисси бросила на меня озадаченный взгляд.

– Что «что»?

– Я имею в виду, как пошло?

– Э-э...

Я замаялась, не зная, что сказать. Я действительно понятия не имела, как оно пошло. Я глянула на лист ватмана, лежавший у меня на коленях, и, к своему немалому изумлению, обнаружила, что каким-то непонятным, таинственным образом на нем возник уже полностью законченный рисунок.

– Ух ты, Си! – Крисси глянула через мое плечо, я не успела остановить ее. – Это же просто... ух! О боже! – Она радостно всплеснула руками. – Я знала! Я с самого начала знала! Великолепно! Особенно если учесть, что в твоём распоряжении была всего лишь какая-то полусохшая баночка со старыми акварельными красками.

– Ну, я бы не стала так уж нахваливать, – осторожно заметила я, внимательно разглядывая пейзаж. – Горы Мак Доннелл в перспективе изображены не совсем точно. Что-то тут ускользает. И цвет неба какой-то мутно-голубой получился. Наверное, просто нужно было поменять воду, налить в бутылку чистой воды.

Однако при всем том, разглядывая свой рисунок, я была вынуждена признать: это, несомненно, лучшая из всех моих акварелей.

– А это пещера? – Крисси опустилась на одеяло рядом со мной. – Такое впечатление, что на входе в нее маячит фигура какого-то человека.

Я пригляделась к своему рисунку внимательнее и поняла, что Крисси права. Разглядела какое-то расплывчатое белое облако, похожее на тонкую струйку дыма из трубы.

– Да, ты права, – согласилась я с ней, хотя, убей меня бог, не помню, как я все это рисовала.

– А вот эти два сучковатых выступа на коре эвкалипта, они похожи на два глаза, которые незаметно наблюдают за фигурой. Си! Какая же ты молодец! Приехала и сделала! – Крисси крепко обхватила меня и сжала в своих объятиях.

– Ты так думаешь? Но я и сама не понимаю, как я это сделала.

– А вот это не имеет никакого значения. Главное, что у тебя *получилось*.

– Но для меня это *имеет значение*, особенно если я снова захочу заняться живописью. Нет, все же эта акварель далеко не безупречна. – Со мной, кстати, всегда так. Как только посторонние начинают меня хвалить, я тут же начинаю разглядывать выполненную работу критическим оком и, естественно, сразу же обнаруживаю в ней кучу недостатков. – Вот, взгляни сама! Ветки на эвкалипте расположены не вполне симметрично, листья на дереве покрыты какими-то грязными пятнами... И цвет зелени не тот. И...

– Отдай! – Крисси схватила рисунок с моих колен, словно испугавшись, что я, чего доброго, возьму и разорву его на клочки. – Я знаю, художники всегда самые суровые критики своих работ. Но позволь заметить, что это зрителю судить о том, что хорошо и что плохо. А я в данный момент выступаю в роли зрителя. К тому же, как ты уже изволила понять, в душе я настоящий специалист и знаток искусства. Особенно когда речь идет о таких рисунках, как твой. Говорю тебе еще раз. То, что ты нарисовала, это великолепно. По-настоящему большая работа мастера. Хочу сфотографировать ее на память. Ты взяла с собой фотоаппарат?

– Да, он у меня в машине.

Мы несколько раз сфотографировали акварель, потом сложили все свои пожитки и направились обратно в город. Всю дорогу до Алиса-Спрингс Крисси рассуждала о моей акварели. И не просто рассуждала,

а анализировала ее до мельчайших подробностей. Можно сказать, разбирала по косточкам.

– Самое удивительное, – вещала Крисси, – что ты позаимствовала манеру письма Наматжиры, но она у тебя приобрела свои индивидуальные особенности. Вот эта тонкая струйка то ли дыма, то ли чего еще, выходящая из пещеры, глаза, спрятанные на дереве, которые словно наблюдают за всем происходящим, шесть облаков, плывущих высоко в небе...

– Знаешь, перед тем как приступить к работе, я вспомнила ту легенду о Семи сестрах, которую рассказывала нам твоя бабушка, – призналась я.

– Я это сразу поняла! – воскликнула Крисси. – Но просто не хотела тебе говорить до тех пор, пока ты сама не скажешь. Ты, как и Наматжира, умудрилась внести в свой дивный пейзаж второй слой. Но сделала это по-своему, Си. Он использовал символы, а ты воспользовалась легендой. Это божественно! Я в полном восторге. У меня нет слов!

Я сидела рядом с Крисси, переполняемая самыми противоположными чувствами. С одной стороны, мне льстили ее восторги, но с другой – мне хотелось, ну или почти хотелось, чтобы она заткнулась. Я понимала, Крисси совершенно искренне хочет помочь и поддержать меня, но внутренний голос цинично нашептывал мне, что, несмотря на все свои обширные познания, которыми, судя по всему, моя подруга располагает по творчеству Наматжиры, она все же не является профессиональным экспертом-искусствоведом. И потом, еще такой вопрос. Предположим, в этой акварели действительно есть что-то обещающее... Но смогу ли я повторить свой успех снова?

Крисси припарковала машину на главной улице города. Мы завернули в кафе, то самое, где я впервые отведала мясо кенгуру. Я заказала нам бургеры, продолжая между делом слушать восторженный треп Крисси.

– Тебе нужно обязательно научиться водить машину. Потому что, думаю, тебе нужно будет снова съездить туда. А я уже завтра утром улетаю в Брум. – Глаза у нее помрачнели. – Не хочу, конечно. Но что делать? Мне понравилась Алиса. А ведь многие рассказывали всякие ужастики о том, какие существуют трения между нами, аборигенами, и белым населением города. Да, наверное, в чем-то все эти люди правы.

Но в том, что касается искусства в Алиса-Спрингс, оно здесь великолепно. А ведь мы еще даже не взглянули на Папунуа.

– А что это такое?

– Еще одна живописная школа, точнее, направление в живописи, появившееся уже после смерти Наматжиры. Чем-то напоминает полотна, выполненные в стиле пуантилизма, которые ты видела в арт-галерее.

Я постаралась сдержать зевок, но, при всем своем желании, так и не смогла. Не понимаю, почему я чувствую себя такой безмерно уставшей.

– Послушай, почему бы тебе не вернуться сейчас в гостиницу и не прикорнуть? – предложила мне Крисси.

– Пожалуй, ты права, – согласилась я сонным голосом. У меня не было даже сил возражать ей. – А ты тоже со мной?

– Нет. Пойду еще раз загляну в Центр искусства Аралуен. Полюбуюсь там полотнами Наматжиры.

– Ладно! – Я поднялась из-за стола, выложив необходимую сумму за обед на двоих. – Тогда до встречи на нашем ранчо.

Я проснулась через пару часов и тут же рывком села на постели.

«А где моя акварель?» Это была моя первая мысль после того, как я согнала с себя сонное оцепенение. Я стала лихорадочно вспоминать и поняла, что, скорее всего, мы оставили рисунок в багажнике машины, когда отправились в кафе обедать.

А машину нужно вернуть на стоянку ровно в шесть часов вечера...

– Черт! – выругалась я, глянув на часы, на которых было уже почти половина восьмого. Что, если Крисси тоже забыла про эту акварель? Я быстро натянула на ноги свои ботсы и поспешила по лестнице вниз. Конечно, лифтом было бы быстрее, но нетерпение подгоняло меня, и я не стала ждать те пару секунд, пока лифт поднимется на наш этаж. Внизу я ринулась к стойке ресепшн и через стеклянную дверь увидела Крисси. Она сидела на диване в небольшой гостиной для постояльцев отеля и читала какую-то книгу про

Наматжиру. Я рывком отворила дверь и бросилась к ней, охваченная паникой. Рядом с Крисси я не увидела своего рисунка.

– Ну что, Спящая красавица? Проснулась наконец? – Крисси оторвалась от чтения и взглянула на меня, добродушно улыбаясь. Но при виде моего расстроенного лица улыбка тотчас же сбежала с ее уст. – Что стряслось?

– Акварель, – выдохнула я. – Где она? Мы ведь положили ее в багажник. Помнишь? А машину нужно было вернуть к шести. Сейчас же половина восьмого и...

– Перестань себя накручивать, Си! Как ты могла подумать, что я забуду про твою картину?

– Хорошо! И где она? – спросила я воинственным тоном, подбоченясь. Кажется, я впервые поняла, как много эта акварель значит для меня. И не столь уж важно, великолепная ли она, как о том вещала Крисси, или полная ерунда. Скорее всего, где-то посередине между этими двумя крайностями. Но не это сейчас важно. Важно другое: ведь, по сути, акварель *стала для меня новым началом*.

– Не волнуйся. Твоя картина цела и в полной безопасности. Честное слово!

– Где она?

– Говорю же тебе, с ней все в порядке! – воскликнула Крисси, поднимаясь с дивана и сверкнув на меня сердитым взглядом. – Кажется, у тебя проблемы по части доверия к людям. Я права? Пойду прогуляюсь немного.

– Ладно! Прости! Но все же скажи, где она?

Крисси молча повернулась ко мне спиной и вышла из гостиной. Какое-то время я мялась в нерешительности, а потом ноги сами понесли меня вслед за ней. Но я опоздала. Крисси уже успела покинуть фойе. Я выскочила на улицу и огляделась по сторонам. Крисси исчезла. словно сквозь землю провалилась.

Я вернулась в номер и улеглась на кровать. Сердце колотилось в груди, отбивая барабанную дробь. Наконец я постаралась взять себя в руки и немного успокоилась. Стала корить себя за чересчур болезненную реакцию на пропажу акварели. Но, с другой стороны, что это за игры такие в молчанку? Почему не ответить на мой вопрос прямо? Не сказать, куда именно она дела акварель? Ведь для меня этот рисунок стал своеобразным сигналом о том, что ко мне снова

возвращается то, что я уже считала навсегда утраченным. Нечто *мое*, что принадлежит *только мне*. И это «нечто» никто не имеет права забирать у меня. *Только я сама*.

И вот получается, что и в переносном, и в прямом смысле этого слова картина уплыла от меня. А я страстно хочу вернуть ее себе. Пока она не будет рядом со мной, я не успокоюсь. Потому что она будет «в целостности и сохранности», как о том сказала Крисси, только рядом со мной. Неужели она этого не понимает? Я долго мылась под горячим душем, чтобы прогнать прочь свои невеселые мысли. Потом снова улеглась на постель и стала ждать возвращения Крисси.

– Привет, – поздоровалась она, появившись в номере часа через два. Она открыла дверь своим ключом и швырнула его на столик.

– Привет, – сдержанно ответила я и стала молча наблюдать за тем, как Крисси, усевшись на кровать, расстегнула ботинки, потом стянула с себя джинсы и начала отстегивать протез на правой ноге. Крисси продолжала упорно молчать. Такой своеобразный молчаливый протест. Обычно и Стар поступала точно так же, когда я говорила или делала что-то не то. Я откинулась на спину и закрыла глаза.

– Ты слышала, что я сказала тебе, когда уходила на прогулку? – прервала наконец Крисси затянувшееся молчание.

– Слышала. Возможно, я и дура. И дислексией страдаю. Но я пока не глухая, – ответила я, не открывая глаз.

– Боже мой! – Крисси издала долгий раздраженный вздох. Я услышала, как она пробирается к ванной комнате, лавируя среди мебели. Но вот за ней захлопнулась дверь, следом послышался шум воды.

Ненавижу такие моменты, когда все вокруг знает, что я сделала не так. Все, за исключением меня. Будто я какой-то пришелец, свалившийся с неба, а потому не знаю правил, по которым ведутся такие игры на Земле. Скажу честно, это сильно напрягает. И раздражает. От былой эйфории, в которой я пребывала днем, не осталось и следа. Напротив, сейчас я чувствовала себя хуже некуда.

Но вот Крисси вышла из ванной. Потом под ней скрипнула кровать.

– Свет выключать? – холодно спросила у меня Крисси. – Или пусть горит, пока ты не разденешься?

– Как хочешь. Я могу раздеться и в темноте.

– Ладно! Тогда спокойной ночи. – Она выключила свет.

Я выждала минут пять. Может, чуть меньше, а потом не выдержала:

– Почему ты злишься? Я ведь просто спросила у тебя, где мой рисунок.

Какое-то время на соседней койке царило молчание. Опять я выждала столько, сколько смогла. А потом выпалила:

– В чем проблема? Из-за чего весь этот сыр-бор?

Снова зажегся свет. Крисси, все еще сидя на своей кровати, уставилась на меня, сверкая глазами.

– Хорошо! Я скажу тебе, где этот твой злосчастный рисунок, блин! На данный момент, скорее всего, в запасниках галереи Тангетиеле. Ожидает, когда ему сделают раму. Миррин пообещала мне, что к завтрашнему дню все будет готово. А раз пообещала, значит, так оно и будет. Ну, в крайнем случае послезавтра. После чего твоя картина будет вывешена на одной из стен в галерее. Продажная цена – шестьсот долларов. Это я выторговала такую цену. Ну как? Устраивает?

Снова резко щелкнул выключатель, и свет опять погас, погрузив и меня, и мое возбуждение вкупе с нескрываемым удивлением в прежнюю темень.

– Ты отнесла мою акварель в галерею? – спросила я, стараясь говорить медленно, чтобы контролировать дыхание.

– Да, а что такого? Как видишь, в результате получилась весьма выгодная сделка. Я понимала, что тебе в общем-то наплевать на то, что я думаю о твоей работе. Какие-то там убогие рассуждения дилетанта. Вот я и отнесла картину в музей, чтобы показать ее профессионалу. Так вот! Довожу до вашего сведения, мисс! – бросила Крисси с издевкой. – Картина очень понравилась Миррин. Она буквально выхватила ее у меня из рук. Спрашивает, есть ли у тебя еще что-нибудь. Или, быть может, что-то на подходе.

Лавина информации, обрушившаяся на меня, была слишком велика, чтобы переварить ее мгновенно, а потому я промолчала, изо всех сил стараясь дышать ровно.

– Ты говоришь, она купила мою акварель? – выдавила я из себя спустя какое-то время.

– Ну, я бы так не сказала. Денег она мне не дала. Но если найдется покупатель среди тех, кто посещает галерею, тогда ты получишь на руки триста пятьдесят долларов. Она вначале хотела поделить сумму поровну, но я настояла на том, чтобы тебе заплатили больше. Сломала ее тем, что пообещала новые работы Келено Деплеси.

Келено Деплеси... Сколько раз я предавалась в своих мечтах фантазиям о том, как в один прекрасный день мое имя станет известным в мире искусства? Впрочем, на сегодняшний день Келено Деплеси и так персона, прославившаяся на весь белый свет. Можно сказать, притча во языцах. Но я-то ведь мечтала совсем о другой славе.

– Спасибо тебе, – промямлила я нерешительно.

– Да пустяки.

– Я хочу сказать, – продолжила я, начиная понимать, чем именно я так сильно обидела Крисси, – я тебе действительно очень благодарна.

– Я же сказала, все в порядке. Не стоит благодарности, – услышался сдержанный голос Крисси из темноты.

Я закрыла глаза и попыталась заснуть, но сон не шел. Я снова села на постели и выпрямилась. Кажется, сейчас мой выход на сцену. Я нащупала в темноте свои шорты и поднялась с кровати, изо всех сил стараясь не зацепиться по своей извечной неловкости за протез, стоявший между нашими кроватями, словно мини-ловушка на моем пути.

– Прошу прощения! – повинилась я в темноте, все же зацепившись за протез и едва не споткнувшись о него. После чего подняла его с пола и снова поставила в вертикальное положение.

Снова загорелся свет.

– Спасибо, – поблагодарила я, оглядываясь по сторонам в поисках своих бутс.

– Сбегаешь от меня? – спросила Крисси.

– Никуда я не сбегаю. Просто выспалась за день и спать пока не хочу.

– Ну да! Продрыхла всю вторую половину дня, пока я организовывала для тебя выгодную сделку, – обронила Крисси, подперев голову локтем. – Послушай, Си. Это же моя последняя ночь здесь. Не хочу уезжать, поссорившись с тобой. Меня просто взбесило, что ты не доверяешь мне. Не веришь, что я могу позаботиться о твоей картине не хуже твоего. И это после всего, что я для тебя сделала... И

что говорила... А сегодня я воочию увидела, какой ты замечательный художник. И это меня очень сильно впечатлило. Сказать по правде, я просто пришла в полный восторг. Но ты моих восторгов даже не заметила. Ворвалась в гостиную, как ненормальная, и тут же стала требовать у меня ответа, куда подевалась твоя картина. Это меня... шокировало, если хочешь знать. Я-то была уверена, что ты доверишь мне. И потом, я еще находилась под впечатлением от нашего разговора с Миррин. Ведь она тоже пришла в восторг от твоей акварели. И мне не терпелось рассказать тебе об этом, вместе пойти и отпраздновать нашу общую победу. Но ты... ты была в бешенстве. Страшно зла на меня... Словом, момент был испорчен.

– Прости меня, Крисси. Я вовсе не хотела обидеть тебя.

– Неужели ты ничего не понимаешь? Не видишь, в конце концов? Ведь я прилетела в Алиса-Спрингс только ради тебя. Я хотела быть рядом с тобой. Я страшно скучала по тебе, когда ты покинула Брум.

– Правда?

– Да. Очень скучала, – вдруг почему-то застеснялась Крисси.

– А я очень рада, что ты прилетела сюда, ко мне, – сказала я, стараясь говорить мягко, попутно соображая, правильно ли я поняла все то, что только что сказала мне Крисси. Точнее, все то, что осталось недосказанным. – А потому прошу тебя еще раз, прости меня, – снова повторила я, желая поскорее закончить разговор, так как явно была не готова к его продолжению. – Я иногда выкидываю такие idiotские номера. Находит на меня...

– Послушай, Си! Ты мне рассказывала о Стар, о том, какие у вас с ней были взаимоотношения, и о том, как она предала тебя.

– Ну, это слишком сильно сказано. Она не предала. Просто ей было нужно двигаться по жизни дальше, уже без меня, – вступилась я за Стар.

– Как бы то ни было, но я понимаю, что после всего, что случилось между вами, тебе трудно доверять другим. Особенно если любишь. И потом... – Крисси подавила тяжелый вздох. – Хочу, чтобы ты знала. Признаюсь тебе перед тем, как уехать... Дело в том... Я думаю... Мне кажется, я люблю тебя, Си. Пожалуйста, только не спрашивай меня о том, как и почему так получилось. Получилось, и все тут. Знаю, у тебя был роман в Таиланде и... – Я увидела, как на

глаза Крисси навернулись слезы. – Но я решила, что буду честной с тобой до конца. Ладно?

– Ладно! Я все понимаю, – ответила я, отводя глаза в сторону. – Ты – замечательная девушка, Крисси. И я...

– Не продолжай, хорошо? Я тоже все понимаю. По крайней мере, помиримся прежде, чем улечься спать, и расстанемся друзьями.

– Согласна.

– Тогда спокойной тебе ночи. – Она снова потянулась к выключателю, чтобы погасить свет.

– Спокойной, – откликнулась я и тоже улеглась на свою кровать. На меня вдруг навалилась страшная усталость. Не хотелось двигаться, и не было сил обдумывать все то, что имела в виду Крисси, признаваясь мне в своих чувствах.

Наверное, она *действительно любит* меня. Да и я не настолько наивна, чтобы не понимать, что мечтала она отнюдь не о дружеских отношениях со мной.

Вопрос в другом. *А я люблю ее?* Ведь еще каких-то пару недель тому назад я была с Эйсом. Внезапно я подумала, как все странно завертелось в моей жизни после того, как из нее ушла Стар. Столько всяких связей и контактов образовалось у меня с людьми, причем и с мужчинами, *и с женщинами...*

21

Кто-то осторожно тронул меня за плечо.

– Просыпайся, Си. Мне нужно в аэропорт. Прямо сейчас. Я проспала.

Я тотчас же стряхнула с себя сон и подскочила на постели.

– Ты уже уезжаешь? Прямо сейчас?

– Да. Говорю же тебе, я уже опаздываю.

– Но... – Я вскочила с кровати и стала озираться по сторонам в поисках своих шортов. – Я поеду с тобой.

– Нет. Все эти прощания-проводы – это не для меня. – Крисси обняла меня за плечи и притянула к себе. – Удачи тебе в поисках себя, – промолвила она, разжимая объятия, и направилась к дверям. Я мгновенно уловила скрытый смысл в этом ее напутствии.

– Обещаю, буду держать тебя в курсе своих поисков, – ответила я.

– Хорошо. Это было бы здорово. Независимо от того, чем все обернется. – Она взялась за дверную ручку.

Почему-то это зрелище подстегнуло меня. Я стремительно подбежала к Крисси.

– Послушай, Крисси. Мне было так хорошо с тобой, правда. Эти последние несколько дней, что мы провели вместе... Пожалуй, это были лучшие дни в моей жизни.

– Спасибо. Прости за вчерашнее. Я тут тебе наболтала лишнего. Не стоило мне заводить весь этот разговор. Но как вышло, так вышло... – Она виновато улыбнулась. – Все, мне пора.

Она снова потянулась ко мне. Ее теплые губы легко коснулись моих губ. Мимолетный прощальный поцелуй. На какие-то доли секунд мы замерли в таком положении, а потом она отстранилась от меня и сказала:

– Пока, Си.

Громко хлопнула дверь, и я осталась в номере одна. Стояла посреди комнаты, чувствуя, как мне грустно и одиноко, словно Крисси забрала и унесла с собой все тепло, всю свою любовь и свой веселый смех. Я безвольно опустилась на кровать. И что мне теперь делать? Куда податься? Я откинулась на подушки. Думать не хотелось. В ушах зазвенело от тишины, воцарившейся в комнате с уходом Крисси. Все точно так же, как и тогда, когда Стар уехала от меня в Кент, туда, где обрела свою новую семью. Снова мною овладело это противное чувство тотального одиночества и собственной ненужности. Брошенная...

Впрочем, не стоит преувеличивать. Никто меня не бросал. Да, расставание с Крисси далось мне тяжело, но ведь она же сама призналась, что любит меня.

Что уже само по себе стало *откровением*. Так мало людей в моей жизни признавались мне в своей любви. Неужели именно поэтому я так расчувствовалась? Можно сказать, рассиропилась... Или причина в другом? А что, если я...

– Блин! – Я энергично затрясла головой, словно хотела стряхнуть с себя все обуревавшие меня эмоции. Честно, я всегда с трудом разбиралась в собственных чувствах и переживаниях. Мне явно нужен проводник-наставник с факелом в руке, который провел бы меня по всем темным лабиринтам и закоулкам моей души. Потом мысли мои

сами собой перекочевали на будущее. А что, если перестать копать в своих корнях? Воссоединиться с западной цивилизацией, в которой я выросла? Слиться с ней навсегда? А все эти мои метания и поиски сбросить на откуп какому-нибудь психологу? Пусть в них разбирается профессионал... И в эту минуту зазвонил телефон на моей прикроватной тумбочке.

– Доброе утро, мисс Деплеси. У меня тут на ресепшн мужчина. Хочет видеть вас.

– Как его зовут?

– Некто мистер Друри. Он сказал, что познакомился с вами в миссии Хермансберг.

– Скажите ему, что я уже бегу вниз.

Я бросила трубку на рычаг, быстро обулась и выскочила из комнаты.

Человек, с которым я познакомилась в миссии, слонялся по вестибюлю и со стороны напомнил мне большого дикого зверя, которого силком загнали в маленькую клетку. И эта клетка ему категорически не нравится. В этом помещении он явно доминировал надо всем. И его покрытая пылью одежда, и загорелое дочерна лицо никак не гармонировали с ультрасовременной мебелью из пластика, которая теснилась вокруг.

– Доброе утро, мистер Друри. Спасибо, что приехали, – рассыпалась я в благодарностях, протягивая ему руку и всячески демонстрируя ту вежливость, которую Ма вколачивала в головы всех нас, сестер, можно сказать, с пеленок.

– Приветствую вас, Келено. Зовите меня Фил. Тут у вас есть местечко, где мы могли бы перекинуться парой слов? А заодно и перекусить.

– Думаю, сейчас самый разгар завтрака. – Я вопросительно глянула на администраторшу, и та согласно кивнула головой.

– Но через двадцать минут буфет закроется, – сообщила она, когда мы с Филом направились в сторону буфета.

– Здесь? – Я указала на столик возле окна. Народу в столовой было уже немного.

– Отлично, – тут же согласился с моим выбором Фил и уселся за стол.

– Что вам заказать в буфете?

– Чашечку кофе, если он здесь есть. А себе, как положено, все остальное.

Я заказала два кофе, черный и крепкий, а потом набросилась на еду. Нагрузила полную тарелку холестерина и вернулась с ней за наш столик.

– Мне нравятся женщины, которые не прочь пожрать, – прокомментировал Фил, когда я поставила тарелку на стол.

– О, я точно не прочь, – согласилась я с ним, жадно поглощая еду. Судя по тому, как Фил разглядывал меня, я поняла: он полагает, что мне надо подкрепить не только тело, но и мозги.

– Вчера мы встречались с нашими старейшинами в Хермансберге, – сообщил он мне, залпом осушив кофе из изящной чашечки.

– Да, вы говорили мне, что у вас намечается такая встреча.

– Уже в самом конце я показал им вашу фотографию.

– Кто-нибудь узнал того юношу, который на ней запечатлен?

– Можно сказать и так. – Фил подал знак официантке принести ему еще одну чашечку кофе.

– Что вы имеете в виду? – не поняла я.

– Поначалу я и сам ничего не понял. Все старики бросились разглядывать фотографию, а потом раздался дружный смех.

– А с чего они вдруг стали смеяться? – спросила я. Мне уже не терпелось перейти к подробностям.

– Потому и смеялись, Келено, что парнишка с фотографии присутствовал вчера на нашей встрече. Он – один из наших старейшин. Вот все и развеселились такому совпадению.

Я сделала глубокий вдох и отхлебнула из своей чашечки, не зная, что делать и как реагировать на эту новость. Прыгать от радости или пойти в туалет и отрыгнуть все то, что я только что затолкала в себя, очистив всю тарелку? Не привыкла я к таким потрясениям. А их и так за минувшие сутки было у меня в избытке.

– И что потом? – спросила я, ожидая продолжения.

– Ну вот. Все отсмеялись, а потом этот старик подошел ко мне, чтобы переговорить уже наедине.

– И что он вам сказал?

– Хотите правду?

– Да.

– Что ж, – Фил нервно сглотнул слюну. – Я еще никогда не видел, чтобы старик плакал. А вот вчера увидел.

– Даже так? – переспросила я и вдруг почувствовала непонятный комок в горле.

– Наши старейшины, они же сильные, волевые люди. И все эти нюни, сопли, это не про них. Скажу коротко. Он точно знает, кто вы. И хочет встретиться с вами.

– Да? – растерянно промямлила я. – И кто же я, по его мнению? То есть я хочу сказать... – Я сокрушенно покачала головой, злясь на саму себя. Вечно мне не хватает нужных слов, чтобы высказать все, что я хочу. – Кем он мне приходится, этот старик?

– Он считает, что приходится вам дедушкой.

– Хорошо.

На сей раз я не стала сдерживать слезы. Тут оставалось одно из двух: либо плакать, либо бежать в туалет отрыгивать свой завтрак. И вот я сижу и реву, как дура, перед человеком, которого даже не знаю. Вижу, он порылся в кармане и извлек оттуда белоснежный носовой платок. Молча протянул мне его через стол.

– Спасибо, – поблагодарила я и громко высморкалась в платок. – Это для меня такой шок... Вы же понимаете... Я проделала такой долгий путь сюда, даже не надеясь на то, что мне удастся отыскать кого-то... из своих близких. А тут...

– Понимаю. Все прекрасно понимаю. – Фил стал терпеливо дожидаться, пока я немного приду в себя.

– Простите меня, – выдавила я из себя, но он лишь молча покачал головой.

– Вам не за что извиняться. Говорю же, я все прекрасно понимаю.

Я взяла его мозолистую руку в свою, и мне не хотелось выпускать ее.

– Но почему... почему он считает, что может быть... моим дедушкой?

– Думаю, он вам сам все расскажет.

– А если он ошибается?

– Все возможно, но в его случае это вряд ли. У этих людей особый нюх на факты. Какое-то шестое чувство... Я и сам не могу объяснить вам, как и почему у них это происходит. А уж Френсис, он как никто из

старейшин чувствует правду. Не станет он вилять или ходить вокруг да около. Если он знает что-то, значит, знает. И на этом точка.

– Хорошо. – Носовой платок к этому моменту уже промок насквозь. Пришлось мне оттереть свой хлюпающий нос тыльной стороной ладони. – А когда он хочет встретиться со мной?

– Как можно скорее. Я пообещал ему, что спрошу у вас, сможете ли вы отправиться со мной в Хермансберг прямо сейчас.

– Прямо сейчас?

– Да. Если у вас, конечно, есть свободная минутка. Дело в том, что в ближайшие дни он собирается снова в буш. А потому, как говорится, время подпирает.

– Ладно, – согласилась я, не раздумывая. – Только на чем я вернусь обратно в город? У меня же нет транспорта.

– Если потребуется, можете сегодня заночевать у меня. А потом я доставлю вас в город.

– Хорошо. Но мне еще нужно собраться в дорогу.

– Конечно. – Фил понимающе кивнул. – Ступайте. А у меня кое-какие дела в городе. Через полчаса я за вами заеду. Устроит?

– Устроит. Спасибо.

Мы расстались у стойки администратора, и я побежала к себе в номер. Сказать, что у меня голова кругом пошла от всех этих новостей, значит, ничего не сказать. Заталкивая свои пожитки в рюкзак, я испытывала такое чувство, будто попала в кинотеатр, где демонстрируется какой-то нескончаемый фильм. Вся моя жизнь до сегодняшнего утра промелькнула перед моим мысленным взором. Как все, однако, закрутилось, как завертелось. И все одновременно, все сразу. Воистину жизнь моя понеслась вскачь.

Австралия, Крисси, дедушка...

Я поднялась с кровати, и у меня тут же все поплыло перед глазами. Я даже была вынуждена прислониться к стене, чтобы не упасть. Тряхнула головой, но стало только хуже. Тогда я легла на постель, чувствуя себя самой последней тряпкой.

– Слишком много переживаний, – пробормотала я про себя, стараясь дышать глубоко, чтобы хоть как-то успокоиться. Увидев, что до назначенной встречи с Филом осталось всего лишь десять минут, я снова поднялась на ноги.

«Плыви по течению, Си, – приказала я себе, скрежеща зубами. Глянула на собственное отражение в зеркале и снова повторила: – Просто плыви по течению».

Администраторша на ресепшн сказала мне, что платить не надо. За номер уже заплачено. Я поняла, что Крисси рассчиталась за наше проживание, уплатив из тех скромных денег, что заработала. Я снова почувствовала себя хуже некуда. Ну почему мне первой не пришла в голову эта мысль? Почему я сама не додумалась рассчитаться за нас двоих? Впрочем, Крисси, она такая же гордая, как и я. Не хочет ни от кого никаких одолжений.

На улице рядом с гостиницей стоял покрытый пылью и изрядно помятый пикап, который я заприметила еще на стоянке в Хермансберге в свой первый приезд туда.

– Бросайте свои вещи на заднее сиденье и залезайте в кабину, – скомандовал Фил.

Мы тронулись в путь. Фил сосредоточился на дороге, а я незаметно разглядывала его. От самых кончиков своих огромных заляпанных грязью ботс до загорелых мускулистых рук и шляпы «австралийки» с высокой округлой тульей и широкими полями, слегка сдвинутой на затылок, он являл собой типичный образ австралийского бушмена.

– Вовремя вы, однако, приехали к нам, юная мисс, – сдержанно промолвил Фил.

– Да. Если только этот человек действительно приходится мне дедом... Ума не приложу, откуда он знает, что это точно я. Он же не видел меня и даже моих фотографий не видел. Да и имя мое... Я знаю, так меня назвал мой приемный отец.

– Что я могу сказать? Я знаю Френсиса добрую половину своей жизни. Но никогда раньше мне не приходилось видеть, чтобы он так реагировал на что-то, как вчера, когда увидел фотографию. Ведь каким-то образом она же попала к вам в руки. Не забывайте...

– Вы правы. Тогда получается, что он сам и послал мне эту фотографию. И наследство я тоже получила от него...

– Все может быть.

– А какой он? Я хочу сказать, что он за человек?

– Френсис? – Фил издал короткий смешок. – Его описать непросто. Он ни на кого не похож. Уникальная личность, одним

словом. Конечно, за последние годы он сдал. Сейчас ему уже где-то под восемьдесят. Ведь он родился в самом начале тридцатых... И рисовать он стал меньше в последнее время...

– Так он художник?

– Да. И очень известный в наших краях художник. Он с самого раннего детства обитал в миссии. Недаром вчера над ним подшучивали другие старики. Ребенком он бегал за Наматжирой повсюду, словно собачонка.

– Я тоже художница, – выпалила я и больно прикусила губу, чтобы не расплакаться от нахлынувших чувств.

– Само собой. Талант, он ведь передается по наследству, разве не так? К сожалению, мне мой дед смог передать немного. Разве что от него у меня неприязнь и к городам, и к людям... Не обижайтесь на мои слова, мисс, но я чувствую себя гораздо вольготнее в обществе своих старых клуш и собак, чем среди людей.

– Получается, что с Наматжирой я не связана никакими родственными узами, – промолвила я и подумала, как расстроится Крисси, когда узнает эту новость.

– Похоже, так. Но Френсис Абрахам тоже очень достойный родственник, поверьте мне на слово.

– Абрахам? – переспросила я.

– Да. В миссии ему дали фамилию, чтобы все как у людей. Фамилии давали всем сиротам, поступавшим в приют, организованный при миссии.

– А он был сиротой?

– Он сам вам все расскажет. Я же знаю про его жизнь лишь в общих чертах. Но могу заверить вас, это очень достойный и порядочный человек. Не то что всякое отребье, которое иногда путается под ногами. Мне его будет очень не хватать, когда он уйдет из комитета. Он умеет всех держать в узде. Словом, может навести порядок во всем, если вы понимаете, что я имею в виду. Люди его уважают.

Сердце мое учащенно забилось, когда мы наконец припарковались на уже знакомой мне стоянке в Хермансберге. Какая жалость, что сейчас рядом со мной нет Крисси. С ней мне было бы гораздо спокойнее.

– Ну, вот и приехали, – сказал Фил, выпрыгивая из машины. – Идемте в дом. Выпьем чего-нибудь холодненького, пока будем ждать его. Вещи лучше взять с собой. Вы же не захотите, думаю, чтобы какой-нибудь досужий посторонний начал копаться в вашем рюкзаке. Или какой-нибудь паук забрался бы... Так?

Я невольно содрогнулась при этих словах. Посторонний... Пауки... Сердце забилося еще сильнее. Я почувствовала, как внутри нарастает паника. Неужели мне придется тут заночевать? В этой глуши, в пустыне... Самый настоящий аутбэк... Да еще наедине со своими кошмарами в виде всяких восьминогих тварей.

«Вперед, Си! Будь мужественной! Ты должна перебороть свои страхи», – мысленно приказала я себе, шагая вслед за Филом по твердой красной земле.

– Колу будете? – Он направился к холодильной камере.

– Спасибо. – Я сорвала с бутылки пробку, а Фил между тем подошел к стеллажу с книгами и стал рыться в них, что-то отыскивая.

– Ну вот! – наконец удовлетворенно воскликнул он.

Он принялся перелистывать большой фолиант в твердой обложке, озаглавленный «Искусство аборигенов XX столетия». Неужели он сейчас сунет эту книженцию мне, испугалась я не на шутку. Еще, чего доброго, заставит читать.

– Я знал, что в этой книжке он должен быть обязательно. – Фил ткнул пальцем в одну из страниц и оставил ее открытой. – Вот одна из картин Френсиса. Сейчас она хранится в Национальной галерее в Канберре.

Я глянула на глянцевую репродукцию и не смогла сдержать улыбку. С учетом того, что мой потенциальный дедушка учился живописи у Наматжиры, можно было ожидать какой-нибудь акварельный пейзаж. Однако моему взору предстал ослепительно яркий рисунок, выполненный в уже знакомой мне технике пуантилизма. Что-то по форме похожее на огненное колесо с преобладанием ярко-красных, оранжевых и желтых тонов. Очень напоминает шутиху, которую Па Солт запустил в нашем саду в Атлантиде на день моего восемнадцатилетия.

Я стала вглядываться в репродукцию внимательнее и вскоре обнаружила внутри безупречно закрученной спирали ряд форм и

объемов. Вот что-то, похожее на кролика, а рядом, видимо, змея, ползущая через круг к центру колеса...

– Восхитительно! – воскликнула я совершенно искренне, впервые поняв, какое чудо может сотворить талантливый художник с помощью одних только точек.

– Согласен. Картина эта называется «Огненное колесо», – отозвался Фил, не отходя от прилавка. – Ну, что думаете?

– Очень нравится. Очень! Но, если честно, это не совсем то, что я ожидала увидеть, зная, что он обучался искусству живописи у Наматжиры.

– Да. Хотя Френсис тоже присоединился к Папунау вместе с Клиффордом Поссумом задолго до того, как на сцене появился Джеффри Бардон. Собственно, эти двое и стояли у истоков зарождения движения Папунау. Сейчас я покажу вам работу Клиффорда Поссума.

Я немного приуныла. Этот человек снова заговорил на новом для меня языке. Я ведь и понятия не имею, кто это такие – Клиффорд Поссум или Джеффри Бардон. Не говоря уже о том, что такое Папунау. *«Наверное, какая-то школа или направление в искусстве»*, – догадалась я.

– Вот! – Фил ткнул пальцем в следующую страницу, и я увидела еще одну дивную репродукцию. На сей раз художник рисовал свои точки пастелью. Нежнейшие тона, тысячи и тысячи микроскопических точек, сливающихся в самые разнообразные формы. Чем-то напоминает знаменитое полотно Моне «Кувшинки», хотя, безусловно, оба художника принадлежат к совсем разным школам. Однако глядя на картину, создается впечатление, что художник взял обе эти школы, перемешал их и создал что-то уникальное и свое.

– Эта картина называется «Варлугулонг». В прошлом году ее продали больше чем за два миллиона долларов. – Фил выразительно вскинул бровь. – Неплохие бабки, да? А сейчас прошу извинить меня, Келено. Мне надо отлучиться и проверить нашу уборную. Вчера я там обнаружил крайне опасную тварь – западную коричневую змею.

– Конечно. А мой... дедушка, он не сказал вам, когда предположительно приедет?

– В течение дня точно будет здесь, – неопределенно ответил Фил. – Берите из холодильника все, что вам хочется, милая, и располагайтесь удобнее. А я пока вас оставлю на какое-то время.

Я взяла бутылку охлажденной воды, прихватила с собой книгу и стала озираться по сторонам, соображая, где бы мне устроиться и не торопясь полистать альбом. Но стульев в помещении не было. Только один высокий табурет за стойкой. Я взобралась на него и раскрыла альбом на самой первой странице.

И тут же с головой ушла в просмотр. Не только репродукции были одна лучше другой, но и фамилии художников-аборигенов, да и названия их полотен были мудренее не придумаешь. А ведь нужно же еще уловить общий смысл той или иной картины. Словом, я подняла голову лишь тогда, когда услышала, как хлопнула входная дверь. Наверное, всецело погруженная в изучение альбома, я не услышала, как подъехала машина.

– Здравствуйте, – поздоровался со мной человек, стоявший в дверях.

– Добрый день, – ответила я.

В первую минуту я решила, что это какой-то заезжий турист решил наведаться в Хермансберг. Ну никак он не был похож на моего деда. Ведь все старики-аборигены, которых мне доводилось видеть на фотографиях, были маленькими и очень темнокожими. Лица, загорелые дочерна, испещрены морщинами и складками, что делает их похожими на сушеный чернослив. К тому же человек, стоявший на пороге, был слишком молод для того, чтобы называться дедом. Высокий, сухощавый, цвет кожи – как у меня. Вот он снял свою шляпу-«австралийку» и направился ко мне, и тут я увидела, какие у него невероятно красивые глаза: ярко-голубые, с крапинками золотистого и янтарного. Словом, радужная оболочка его глаз была похожа на те картины, выполненные в манере пуантилизма, которые я только что разглядывала. Но тут до меня дошло, что незнакомец изучает меня не менее пристально, чем я его. Краска тут же бросилась мне в лицо.

– Келено? – спросил он у меня глубоким звучным голосом. Медоточивый такой голос, проникающий прямо в душу. – Я – Френсис Абрахам.

Наши взгляды встретились: самое первое мгновение узнавания друг друга.

– Да, – ответила я коротко.

Последовала пауза, похожая на заминку. Судя по всему, Френсис, как и я, тоже не знал, с чего начать разговор. Хотя оба мы отлично понимали всю СУДЬБОНОСНОСТЬ нашей встречи.

– Можно я выпью немного холодной воды? – спросил Френсис, кивнув в сторону холодильника.

Хорошо, что он заговорил первым, обрадовалась я про себя. Да, но почему он спрашивает разрешения у *меня*? В конце концов, он же здесь «старейшина», или как это у них там называется. В любом случае воду он может взять из холодильника и без спросу.

Я проследила за тем, как он направился к холодильной камере. И сама его походка, и сильная мускулистая рука, которой он отворил стеклянную дверцу камеры, – все в его внешнем облике противоречило тому, что недавно рассказывал Фил о его возрасте. Неужели этому сильному, энергичному человеку уже под восемьдесят? Просто вылитый Крокодил Данди, герой-охотник из одноименного кинофильма. Совершенно не похож на старика-пенсионера. Что, впрочем, Френсис тут же и подтвердил, сорвав пробку с бутылки легким прикосновением двух пальцев. Я наблюдала за тем, как он жадно пьет. Вполне возможно, тянет время, мелькнуло у меня. Обдумывает, что сказать.

Осушив бутылку до дна, он швырнул ее в урну и снова повернулся в мою сторону.

– Это я послал тебе фотографию. Я надеялся, что ты приедешь.

– Да? Большое спасибо.

Снова воцарилось долгое молчание. Наконец он издал глубокий вздох, слегка тряхнул головой и подошел к стойке.

– Келено... ступай же ко мне. Обними своего деда.

В этой крохотной комнатке никуда не нужно было ступать. Я просто слегка подалась вперед, и Френсис тут же заключил меня в объятия. Моя голова уперлась ему прямо в грудь, и я услышала, как ровно бьется его сердце. И в этот момент почувствовала его жизненную силу. И его любовь ко мне.

Мы одновременно смахнули слезы с глаз, когда наконец отодвинулись друг от друга. Он что-то пробормотал вполголоса на каком-то непонятном языке, потом глянул вверх, туда, где небеса. Вблизи я увидела, что он гораздо старше, чем показался мне в самый

первый момент. Лицо сплошь покрыто мелкими морщинками, на шее набухли жилы, похожие на грубые веревки.

– Думаю, у тебя есть о чем спросить меня.

– Да.

– А где Фил?

– Пошел проверить, не забралась ли змея в... уборную.

– Что ж, тогда, думаю, он не будет возражать, если мы уединимся с тобой в том домике, где он обычно спит, и поговорим там по душам. – Он протянул мне руку. – Пошли. Нам с тобой о многом надо поговорить.

Спальный домик Фила был похож на консервную банку: одна крохотная каморка с низким потолком, под которым размеренно кружил, гоняя воздух, старенький вентилятор. Он был закреплен над грубо сколоченной деревянной кроватью, на которой был только грязный, весь в пятнах матрас, а сверху – спальный мешок. Френсис открыл следующую дверь, которая вела из спальни на затененную веранду. Придвинул поближе ко мне ветхий деревянный стул, который зашатался в разные стороны, стоило лишь взяться за него.

– Присаживайся, – пригласил меня Френсис.

– Спасибо.

Я села и глянула перед собой. Открывшийся моему взору пейзаж заставил немедленно забыть об убогости жилья Фила. Бесконечно ровная красная пустыня стелилась вплоть до самой воды – какого-то небольшого ручья или речки. По другую сторону ручья – небольшая полоска серебристо-зеленых кустарников, которые, видно, выживали в этих суровых местах исключительно благодаря наличию воды. А дальше... Дальше снова ничего, пустота, голая красная земля, тянущаяся вплоть до самого горизонта, где она сливалась с ярко-голубым небом.

– Благодаря этому ручью я тоже какое-то время жил и существовал. Он спас многих из нас. И так и этак, если ты понимаешь, что я имею в виду.

Я ничегошеньки не поняла, но согласно кивнула головой. Меня вдруг осенило, что вольно или невольно, а я вдруг оказалась на стыке двух культур, которые все еще продолжают выяснять между собой отношения, пытаясь вот уже более двухсот лет приспособиться друг к другу. Австралия, как и я сама, впрочем, мы ведь еще так молоды, мы

еще только нащупываем свое место в этом мире. Да, конечно, прогресс налицо, но и ошибок мы наделали предостаточно, потому что за нами не стоит многовековая мудрость тех, кто обитал в этих краях до нас, и опыт столетий, который направлял бы нас и помогал выбирать верный путь.

Почему-то я инстинктивно почувствовала, что у человека, сидящего напротив меня, мудрости предостаточно. Более чем... Я подняла глаза и снова встретилась с ним взглядом.

– Итак, Келено, с чего начнем? – Он сложил пальцы куполом и глянул куда-то вдаль.

– Вам самому решать, что мне рассказать.

– Знаешь, – отвел он свой взгляд от горизонта и снова посмотрел на меня, – а я ведь и подумать не мог о том, что когда-нибудь наступит этот день. Столько всего, о чем мы страстно мечтаем, так никогда и не воплощается в жизнь.

– Знаю, – согласилась я с ним, все еще с трудом понимая его акцент – такая странная смесь самых разных интонаций. Тут и австралийский, и английский в его чистом виде, и даже, как мне показалось, какие-то отголоски немецкого. Всякий раз, когда я была почти уверена, что все расслышала как следует, выяснялось, что я опять кое-что не уловила или поняла неправильно.

– Словом, из Аделаиды тебе прислали письмо и фотографию? – спросил он у меня.

– Да, я получила все это из Аделаиды.

– И деньги тоже?

– Да. Спасибо. Вы очень добры, если это вы переслали мне деньги.

– Да, я все устроил таким образом, чтобы деньги были отосланы тебе. Но, признаюсь честно, не я заработал все эти средства. Впрочем, все деньги принадлежат тебе по праву. Через мою... *через нашу с тобой* семью. – Его глаза заискрились от добродушной улыбки. – Ты так похожа на свою прабабушку. Просто вылитая копия...

– Она была дочерью Камиры, да? Та самая девочка с янтарными глазами? – догадалась я, вспомнив историю Китти, которую прослушала в записи.

– Да. Алкина была моей матерью. Я... да что там говорить! – Лицо его сморщилось, словно он приготовился расплакаться.

– Да? – вежливо кивнула я.

– Одним словом, – усилием воли Френсис все же взял себя в руки, – расскажи мне, что конкретно тебе удалось выяснить о своих корнях на данный момент.

Я честно рассказала ему все, что успела узнать. Но при этом чувствовала себя очень скованно, язык мой, можно сказать, заплетался. Этот человек в буквальном смысле слова *доминировал одним своим присутствием*. От него веяло таким спокойствием, он источал такую харизму, что я, и без того не особо разговорчивая, все время смущалась и сбивалась на полуслове.

– Я только добралась до того момента, когда затонул пароход «Кумбана». Погибли отец и оба сына-близнеца. Автор книги недвусмысленно намекает на то, что между Китти и братом ее мужа Драммондом была очень тесная связь. Это правда?

– Я читал эту книгу. Автор полагает, что у них с Драммондом был самый настоящий роман, – согласился со мной Френсис.

– Полагаю, иногда авторы сознательно выдумывают всякие небывлицы про своих героев только для того, чтобы книга лучше продавалась. А потому я с некоторым подозрением отношусь ко всем этим пикантным подробностям, – пролепетала я в ответ, чувствуя себя при этом ужасно неловко. Кто знает, а вдруг я, вольно или невольно, порочу его близкого родственника? *Нашего с ним* родственника.

– По-твоему, Келено, биограф Китти Мерсер сознательно сгустил краски, описывая ее жизнь?

– Возможно, – уклончиво ответила я.

– Келено.

– Да?

– Когда ты услышишь из моих уст продолжение этой истории, то поймешь, что на самом деле она гораздо драматичнее, чем ее изложил писатель.

Я бросила удивленный взгляд на Френсиса, а он слегка откинул голову назад и рассмеялся. Потом снова глянул на меня, явно забавляясь моим смущением.

– А сейчас я поведаю тебе историю как она есть, без всяких прикрас. Всю правду я узнал от своей бабушки. Она рассказала мне все это уже на смертном одре. Так что никаких шуток-прибауток или

тем более вымысла. Потому что для меня бабушка была одним из самых дорогих и близких людей.

– Понимаю. И вот еще что. Пожалуйста, если не хотите, то можете не рассказывать мне все и во всех подробностях. Может, нужно какое-то время, чтобы мы лучше узнали друг друга? И тогда вы сможете доверять мне полностью.

– Я чувствую тебя, дитя мое, всеми фибрами своей души с тех самых пор, как моя дочь носила тебя во чреве своем. И прежде всего я беспокоюсь именно о тебе, Келено. Понимаю, как это тяжело – жить, не зная своих корней... Не зная, откуда ты родом и кто ты. – Френсис подавил глубокий вздох. – Ты должна знать историю своей семьи. Ты ведь тоже член этой семьи. Кровь этих людей течет в твоих жилах. Моя кровь...

– А как ты нашел меня? – перешла я тоже на «ты». – После стольких лет...

– То было последнее желание моей покойной жены, твоей бабушки. Она попросила меня еще раз заняться поисками нашей дочери. Дочери я так и не нашел. Зато нашел тебя. Но чтобы ты все поняла правильно, мне надо вернуться назад, к истокам всей этой истории. Итак, ты хорошо представляешь себе все то, что произошло в семействе Мерсер вплоть до того рокового дня, когда потерпел крушение и затонул пароход «Кумбана», унеся с собой на дно всех мужчин семьи. Так?

– Да. Только не могу взять в толк, какое отношение все это имеет ко мне.

– Мне понятно твое нетерпение. Но вначале внимательно выслушай то, что я собираюсь тебе поведать, и тогда ты все поймешь правильно. Итак, сейчас я расскажу тебе, что случилось с Китти потом...

Китти

Брум, Западная Австралия
Апрель 1912 года

22

Порой Китти невольно удивлялась тому, как странно и как сложно устроен человек. Ведь ему, оказывается, под силу вынести самое страшное горе, пережить потерю близких и продолжать жить дальше. В Лейте ей часто приходилось бывать в бараках, где жили их прихожане. И ей не в диковину было узнавать во время своих визитов, что каждый десятый из обитателей этих убогих жилищ пал жертвой очередной эпидемии гриппа или кори. Эти люди вверяли свою жизнь Господу просто потому, что им больше некуда было податься со своей верой.

«Я наверняка попаду в ад», – постоянно думала Китти.

Прошла неделя после страшного известия. Чисто внешне распорядок ее дневных забот остался прежним, однако все происходящее как бы шло мимо ее сознания. Китти сама стала похожей на привидение, словно и она тоже навсегда рассталась с этим миром. Витрины всех магазинов на Дампьер-Террас были задрапированы черным крепом. Пожалуй, в городе не осталось ни одной семьи, которой не коснулась произошедшая трагедия. А вскоре, к всеобщему ужасу жителей Брума, пришла еще одна страшная новость. Оказывается, океан заглотил в свою бездну и «непотопляемый» корабль под названием «Титаник». Спаслись удалось лишь немногим из тех, кто был на борту.

Никто до сих пор не знал, в каком месте, где точно «Кумбана» пошла на дно, унося с собой всех пассажиров – весь свой драгоценный груз. Спасателям удалось выловить лишь какие-то мелкие обломки: дверь от каюты, обивку дивана из марокканской кожи... Словом, то небольшое, что всплыло на поверхность. Но никаких тел до сих пор обнаружено не было. И Китти знала, что не найдут их и в обозримом

будущем. То-то было пиршество для голодных акул. Они наверняка разделались с телами за считанные часы.

Впервые Китти по-настоящему оценила сплоченность их маленькой городской коммуны перед лицом общей для всех беды. Обычные светские условности отошли на второй план. Люди, встречаясь на улицах, обнимали друг друга, плакали, не стесняясь своих слез. Китти была поражена, как по-доброму отнеслись к ней горожане. Карточки и визитки со словами соболезнования и участия зачастую просто опускались в почтовый ящик, чтобы лишний раз не беспокоить ее саму.

Чарли, поначалу спокойно отреагировав на страшную новость, которую сообщила ему Китти, потом несколько дней кряду проплакал, уткнувшись в колени матери.

– Я знаю, мамочка, они сейчас на небесах, но я так скучаю по ним. Я хочу снова увидеть папу и дядю Драма...

Страдания маленького сына по крайней мере хоть как-то отвлекали Китти от собственных невеселых мыслей. Она старалась проводить с Чарли все свое время. Мальчик лишился отца, дедушки, дяди. Вся мужская половина семейства Мерсер была одномоментно сметена с лица земли. Теперь Чарли стал единственным наследником всего состояния. Китти со страхом смотрела в будущее, понимая, какое тяжкое бремя ответственности уготовано ее сыну.

Каждый вечер она укладывала Чарли в постель и гладила его по голове, чтобы мальчик поскорее уснул. Потом возвращалась к себе, машинально перебирала пальцами стопку нераспечатанных писем и телеграмм, которая с каждым днем становилась все больше. Китти физически не могла себя заставить прочитать эти письма с выражениями соболезнования и участия. Она понимала, что не заслуживает всех тех добрых слов, которые написали ей люди. Как ни старалась она всецело сосредоточить свои помыслы на муже, горевать о его уходе из жизни, в глубине души она продолжала оплакивать в первую очередь Драммонда.

Китти вышла на веранду и устремила свой взгляд на ночное небо, сплошь усыпанное звездами, ища у них ответа.

Как всегда, ответа не было.

Поскольку в связи с отсутствием тел провести церемонию погребения не представлялось возможным, епископ Райли объявил о том, что в конце апреля в соборе Благовещения состоится поминальная служба. Китти отправилась к местному портному, китайцу Винг Хинг Лунгу, чтобы купить себе траурное платье, но оказалось, что их мастерская уже распродала все черные платья, которые были у них в запасе.

– Не переживайте, миссис Мерсер, – попытался успокоить ее щедушный китаец. – Надевайте то, что у вас есть. Никому ведь и дела нет до того, в чем вы будете.

Китти покинула переполненную покупателями лавку портного с мрачной улыбкой. И то правда. Кому какое дело до нее сейчас, когда плохо всем?

Хотя большинство судов их промысловой флотилии находились в доках на ремонте, несколько люггеров все же попали в шторм. Ноэль Донован, добродушный ирландец, главный управляющий компании «Мерсер Перлинг», навестил Китти, чтобы сообщить о потерях и ввести в курс дела.

– Двадцать человек, – подавила она тяжелый вздох. – У вас есть адреса этих людей, чтобы я могла написать письма с соболезнованиями их семьям? А может, у кого-то есть родственники здесь, в Бруме? Тогда я лично навещу эти семьи.

– Постараюсь, миссис Мерсер, найти адреса всех погибших у нас в конторе, – пообещал Донован. – Да, двадцатое марта, день, когда затонул такой мощный пароход, как «Кумбана», наверняка войдет в историю. Эта трагедия – хороший урок всем нам, живущим, не так ли? Нельзя расслабляться и проявлять самоуверенность и беспечность, когда сталкиваешься со стихией. Современный человек самонадеянно возгордился, решил, что уже полностью покорил океан. Но природа знает лучше, кто всем командует и заправляет.

– Как это ни прискорбно для всех нас, но вы абсолютно правы, мистер Донован.

– Что ж, тогда позвольте откланяться. – Мистер Донован поднялся со стула, но тут же взволнованно всплеснул руками. – Простите, что

завожу с вами этот разговор прямо сейчас, миссис Мерсер, но получили ли вы какое-то известие от матушки вашего мужа, миссис Мерсер-старшей?

– К превеликому сожалению, у меня пока просто не хватило мужества, чтобы вскрыть и прочесть все телеграммы, которые мне прислали. Не читала я и писем, и визитки тоже не просматривала. – Китти жестом указала на пухлую стопку, лежавшую на ее письменном столе.

– Дело в том, что я тоже пока не имею от нее никаких известий. А самому мне никак не хочется беспокоить ее. Вот хочу спросить у вас: а вы имеете хоть какое-то представление о том, что будет с вашим бизнесом по добыче жемчуга? Ведь все мужчины семейства Мерсер погибли... – Ноэль сокрушенно покачал головой.

– Не имею ни малейшего понятия, – честно призналась Китти. – Но думаю, с учетом того, что взрослых наследников не осталось, а Чарли еще так мал, скорее всего, бизнес будет продан.

– Пожалуй, вы правы. Я тоже придерживаюсь такого мнения. Но хочу предупредить вас, миссис Мерсер, что охотники уже объявились и они начинают нетерпеливо кружить вокруг да около. Полагаю, вначале эти люди придут именно к вам. А потому я советую вам незамедлительно связаться с вашим семейным нотариусом в Аделаиде. Кстати, один джентльмен, насколько я понимаю японец, проявляет к вашему бизнесу особо повышенный интерес. Мистер Пежо, кстати, тоже собирается продавать свой бизнес. Ужасный удар по нашему общему делу. Всего доброго, миссис Мерсер. Увидимся на поминальной службе.

Утром, в тот день, когда должна была состояться поминальная служба, Китти изо всех сил уговаривала Камиру и Фреда сопровождать ее и Чарли в церковь. Но Камира пришла в ужас от такого предложения.

– Нет, миссис Китти! Ни за что! Это место только для белых. Нам туда нельзя.

– Однако вы, как никто, должны присутствовать на службе в соборе вместе со мной. Камира! Ведь вы же с Фредом... вы тоже любили их.

Камира проявила стоицизм и, несмотря на все уговоры, осталась дома. Фред повез Китти и Чарли в церковь. Внутри собор был

сравнительно небольшим. Собравшиеся тотчас же расступались при виде Китти с ребенком, пропуская их вперед, чтобы они могли занять свои места в первых рядах. На службу собралось так много народа, что прихожане запрудили весь двор перед входом в церковь. Многие заглядывали в окна, чтобы услышать все то, о чем говорил епископ в своей поминальной проповеди. Отовсюду слышались всхлипы и рыдания. Но сама Китти всю службу просидела с сухими глазами. Она истово молилась за души усопших, вот только для себя самой слез у нее не было. Она знала, что сполна заслужила все те страдания и ту боль, которые переживает сейчас. Острое чувство собственной вины не покидало ее.

По окончании церемонии в отеле «Робак-Бей» состоялся поминальный обед. Некоторые из присутствовавших на нем мужчин решили утопить свое горе в спиртном, благо хозяева жемчужных промыслов не поскупились и проставили выпивку с размахом. А охмелев, начали горланить шотландские и ирландские матросские песни. Что сразу же заставило Китти вспомнить свое посещение бара в Аделаиде при отеле «Эдинбургский замок».

Вернувшись домой, она уселась в гостиной и неожиданно для себя самой занялась рукоделием. Стала вышивать, а попутно и размышлять о том, что ждет их с Чарли впереди. Разумеется, она не покривила душой, когда сказала Ноэлю Доновану, что семейный бизнес будет скорее всего продан. А все вырученные средства перечислят в трастовый фонд на имя Чарли. И что делать ей? Быть может, стоит вернуться в Эдинбург? Впрочем, она сильно сомневалась в том, что Эдит отпустит своего единственного внука и наследника и позволит увезти его из Австралии. Наверняка она вообще потребует, чтобы они с сыном перебрались в Аделаиду и поселились под одной крышей с ней. А если Китти, паче чаяния, откажется, то Эдит может даже пригрозить ей тем, что лишит Чарли наследства...

Китти поднялась со стула и подошла к своему письменному столу. Сейчас, когда все поминальные церемонии уже совершены, самое время начать обдумывать свое будущее. Она извлекла из стопки нераспечатанной корреспонденции несколько писем, присела к столу и принялась читать их.

Искреннее сочувствие к ее горю со стороны жителей Брума уже в который раз растрогало Китти своей неподдельной простотой и

одновременно продуманностью каждого написанного слова. Слезы сами собой полились ручьями по ее лицу.

«... А Драммонд! Да он же был похож на глоток чистого воздуха. Какой светлой души был человек. Помнится, его присутствие за столом украсило всю нашу трапезу. Он своим остроумием и юмором придал столько блеска всем тем разговорам, что велись за ужином...»

Китти вздрогнула, услышав, как хлопнула входная дверь. Потом кто-то пересек холл. Послышались чьи-то тяжелые шаги. Слегка скрипнув, отворилась дверь гостиной. Китти затаила дыхание, впервые спохватившись, но уже слишком поздно. Как-никак, а она – одинокая женщина и сейчас осталась совсем одна в этом опасном городе. Она испуганно отвернулась от стола и уставилась на человека, стоявшего на пороге гостиной. Такая знакомая фигура... Слишком знакомая, несмотря на то что человек был с головы до ног покрыт грязью и красной пылью. В какой-то момент Китти подумала, что у нее начались галлюцинации, потому что... Потому что *этого не могло быть...*

Она закрыла глаза, потом снова открыла их. Но он продолжал стоять на прежнем месте и смотреть на нее.

– Драммонд? – прошептала она в панике.

Он сузил глаза, но не проронил ни слова.

– Боже мой! Драммонд! Ты жив! Ты *здесь!* – Она подбежала к нему, но, к ее удивлению, Драммонд оттолкнул ее от себя и глянул стальным взглядом покрасневших от усталости глаз.

– Я...

Китти почувствовала, как закружилась голова. Еще немного, и ее стошнит. Но где-то глубоко в душе внутренний голос подсказывал, что она обязана совладать со своими эмоциями и постараться найти какое-то разумное объяснение своим словам. Сейчас, тотчас же...

– Я совсем помешалась от горя. Даже не помню, как меня зовут. Конечно же, это ты, Эндрю. Сейчас я вижу это сама. – Она коснулась рукой его щеки, потом прошла по волосам. – Невероятно! Мой муж воскрес из мертвых и вернулся ко мне! Как такое возможно?

– Сам не знаю, как... Ах, Китти! – Его лицо сморщилось от боли, и он безвольно приник к стене. Китти схватила мужа за руку и осторожно повела его к стулу. Эндрю сел, обхватив голову руками, и разрыдался. Плечи его содрогались от громких всхлипов.

– Ах, мой дорогой! – прошептала Китти, чувствуя, как на глаза навернулись слезы. Она подошла к серванту, налила в стакан изрядную порцию бренди, потом поднесла стакан Эндрю и вставила в его трясущиеся пальцы. Наконец он как-то совладал с собой и сделал глоток.

– Я не вынесу этого, – пробормотал Эндрю с отчаянием в голосе. – Мой брат... Мой отец... Все погибли. А я вот жив. *Как мог* Господь обойтись со всеми нами так жестоко? – Эндрю глянул на жену отрешенным взглядом. – Это я должен был быть там, на «Кумбане», и пойти ко дну вместе с ними...

– Успокойся, дорогой, прошу тебя! Ведь это же такое чудо, что ты жив и снова с нами. Но, пожалуйста, расскажи мне, как тебе удалось выжить?

Эндрю отхлебнул еще немного бренди, собираясь с силами. Пережитые страдания заострили черты его молодого лица, и он сразу же постарел на много лет. Кожа, покрытая густым слоем красной грязи, посерела от истощения и пережитого потрясения.

– Я сошел на берег после остановки во Фримантле. У меня там были... кое-какие дела. И дальше я уже отправился в путь по суше. И только два дня тому назад, когда я прибыл в Порт-Хедленд, я узнал эту страшную новость. С тех пор я не спал...

Голос Эндрю сорвался, и он отвернул от Китти свое лицо.

– Представляю, какой кошмар тебе пришлось пережить, любовь моя, – промолвила Китти, стараясь привести себя и свои чувства хотя бы в относительный порядок. – У тебя ведь даже не было времени, чтобы хоть как-то подготовиться, привыкнуть к этой ужасной мысли. Позволь, я принесу тебе кое-что перекусить с дороги. И сними с себя одежду, она ведь промокла насквозь. Я принесу тебе сухую.

Китти срочно нужно было чем-то занять себя. Мысли лихорадочно металась в голове. Эндрю взял ее за руку.

– А разве ты не получила мою телеграмму? Я написал тебе, что в самую последнюю минуту у меня появилось неотложное дело.

– Да, получила. Ты написал мне, Эндрю, что твой отец по приезде все объяснит мне, но ведь он не приехал...

Китти подавленно замолчала.

Эндрю понимающе кивнул.

– Ах да! Конечно. А как моя мать? Наверное, убита горем.

– Я... я не знаю. Я написала ей сразу же после того, как все это случилось, но потом... – Китти виновато кивнула на стопку нераспечатанных телеграмм. – Вчера меня навещал Ноэль Донован. Он тоже сказал мне, что пока не имеет никаких известий от нее.

– Ради всех святых, Китти! Что ты несешь? – Эндрю подхватился со своего места. Его буквально затрясло от злости. – Ноэль Донован – всего лишь один из моих служащих. Разумеется, в столь тяжелый момент мама не станет вступать с ним в переписку. Не до того ей... Но ты ведь ее невестка! Разве тебе не пришло в голову, что ей нужна еще какая-то весточка от тебя? – Эндрю начал остервенело вскрывать телеграммы, быстро пробежал их глазами. Потом выхватил одну и помахал ею у нее перед носом.

НЕМЕДЛЕННО ПРИЕЗЖАЙ В АДЕЛАИДУ ТОЧКА
Я ПРИЕХАТЬ К ТЕБЕ НЕ МОГУ ТАК КАК ПОЛНОСТЬЮ
РАЗДАВЛЕНА ПРОИЗОШЕДШИМ ТОЧКА ХОЧУ ЗНАТЬ
ПОДРОБНОСТИ ТОЧКА СООБЩИ НЕЗАМЕДЛИТЕЛЬНО ТОЧКА
ЭДИТ ТОЧКА

Эндрю яростно швырнул телеграмму на пол.

– Итак, пока тебя тут успокаивали и утешали соседи и знакомые, пока ты посещала всякие поминальные службы, читала письма с соболезнованиями и прочее, моя матушка оставалась все это время наедине со своим горем. Одна за тысячи миль отсюда.

– Ты прав. Ты абсолютно прав. Мне очень стыдно, что все так вышло. Прости меня, Эндрю.

– Прости и ты меня. Ведь *я рвался* домой в надежде поскорее обнять свою жену. А тут узнаю о гибели отца и брата. И тем не менее все минувшие недели ты торчала в Бруме, даже не удосужившись подумать о том, каково сейчас моей несчастной матери.

После этих слов они оба погрузились в затяжное молчание. Эндрю с жадностью набросился на еду, которую принесла ему Китти, – хлеб и холодное мясо. Китти внимательно следила за выражением лица мужа. По его глазам было видно, что внутри у него бушевала буря эмоций, но делиться своими переживаниями с женой он не стал.

– Эндрю, может, пойдешь в постель? – осмелилась наконец спросить у него Китти. – Ты же так устал с дороги. – Она протянула к нему руку, но он тут же инстинктивно отдернул свою ладонь в сторону.

– Нет. Вначале я хочу принять ванну. Ступай и ложись спать.

– Я приготовлю тебе ванну.

– Я все сделаю сам. Спокойной ночи, Китти. Увидимся утром.

– Спокойной ночи.

С этими словами Китти вышла из гостиной и поднялась к себе в спальню. Плотно закрыла за собой дверь и больно прикусила губу, чтобы не разрыдаться вслух. Слезы душили ее.

«Я не вынесу этого...»

Китти разделась и улеглась в постель, уткнувшись лицом в подушку.

«Я назвала его Драммондом... Боже мой! Как я могла такое сказать?»

– А знает ли он обо всем, что было? – прошептала Китти сама себе. – Может, поэтому он так злится на меня? Боже мой, боже, что я натворила?

Она села на постели и сделала несколько глубоких вдохов, пытаясь успокоиться.

– Эндрю жив, – громко сказала она. – И это замечательно. Чарли, Эдит... Как же они будут счастливы. Все! И все будут твердить, как повезло мне. Да, мне *повезло*.

В эту ночь Эндрю не зашел к ней в спальню. Они встретились лишь на следующее утро за завтраком. Чарли уже сидел за столом рядом с отцом.

– Папочка вернулся с небес, – радостно объявил сынишка, улыбаясь во весь рот. – Он ведь сейчас ангел, и у него есть крылышки. Вот он и прилетел на них к нам.

– А я так рад снова оказаться дома, – бросил Эндрю.

За столом им прислуживала Камира, и Китти обратила внимание на то, какое замешательство застыло в ее взгляде.

– Великолепная новость, да? – обратилась она к служанке. – Эндрю вернулся домой!

– Да, миссис Китти, – торопливо кивнула в ответ Камира и тотчас же вышла из комнаты.

– Твоя маленькая чернокожая служанка сегодня явно не похожа на саму себя, – коротко бросил Эндрю, уминая третий тост с беконом.

– Наверное, как и все мы, она потрясена твоим чудесным возвращением домой. Вот и не может совладать со своими чувствами.

– Хочу, Китти, чтобы ты сопровождала меня в город. Важно, чтобы как можно больше людей в Бруме узнали, что мы снова вместе.

– Конечно, Эндрю.

– Потом я заеду к себе в контору. Представляю, сколько там работы. А на обратном пути отправлю телеграмму маме. Сообщу ей, что в ближайшем будущем мы навестим ее в нашем семейном доме Алиса-Холл.

Как только Камира увела Чарли на кухню, Эндрю тоже поднялся из-за стола и внимательным взглядом обозрел свою жену.

– Вчера вечером, после того как принял ванну, я ознакомился с теми соболезнованиями, которые ты получила от горожан. Все эти люди очень тепло отзываются и об отце, и обо мне, и о бедняге Драммонде. Судя по всему, он пользовался огромным успехом в местном обществе.

– Да, так оно и было.

– И вы с ним на пару довольно часто разъезжали по гостям, пока меня здесь не было, так?

– Нас приглашали, а я посчитала невежливым отвечать отказом. Ты же сам постоянно подчеркивал в разговорах со мной, как важно поддерживать со всеми хорошие отношения.

– Но я помню и другое. В прошлом ты довольно часто находила всякие убедительные предлоги для того, чтобы не выезжать. По крайней мере со мной.

– Я... Да, наверное, так оно и было. Но в этом году выдался такой тяжелый и затяжной сезон дождей. Думаю, все мы устали жить взаперти в четырех стенах. И как только дожди прекратились, люди стали чаще ходить друг к другу в гости, – сымпровизировала Китти буквально на ходу.

– Что ж, сейчас, когда я, можно сказать, воскрес из мертвых, мы сможем отпраздновать это событие достойным образом. Надеюсь, я тоже не разочарую своих соседей, оставаясь самим собой и не подражая своему брату, упокой Господь его душу.

– Эндрю, пожалуйста, не говори так.

– А что мне остается? Даже от своего маленького сына я только и слышу: дядя Драм сделал то, дядя Драм сделал это... Такое впечатление, что он смог обаять весь город Брум. И тебя тоже, дорогая?

– Эндрю, пожалуйста, прекрати! Твой брат мертв! Он ушел навсегда! Так что плохого в том, что последние несколько недель своей жизни он прожил счастливо, в окружении своих близких и новых друзей? Разве можно его за это осуждать?

– Конечно нет. За кого ты меня принимаешь? Но все равно, хотя его больше нет в живых, у меня такое чувство, что за время моего отсутствия он вошел в мой дом полноправным хозяином, существенно потеснив меня.

– И слава богу, что он *оказался* здесь. Особенно в те дни, когда я была больна.

– Да, само собой, – согласно кивнул головой Эндрю, видно спохватившись, что он слишком резок. – Прости меня, Китти. Это все нервы... Слишком много горя. Я хотел бы отправиться в город ровно в десять. Ты будешь готова к этому времени?

– Да, конечно. А Чарли мы тоже возьмем с собой?

– Нет, лучше оставить его дома, – приказным тоном ответил Эндрю.

Пока они медленно ехали вдоль Дампьер-Террас, у Китти сложилось впечатление, что Эндрю намеренно желает, чтобы как можно больше горожан зафиксировали факт его возвращения в Брум. Его тут же взяли в плотное кольцо десятки прохожих, владельцы близлежащих магазинов и лавок. Всем не терпелось узнать, каким чудом он восстал из океанской пучины. Эндрю снова и снова повторял историю своего чудесного спасения. Люди обнимали Китти, и все в один голос твердили, какая она счастливая и как ей повезло.

«*Я и есть счастливая*», – мысленно согласилась она со всеми этими людьми, когда их повозка тронулась в сторону бухты, где располагалась контора Эндрю.

И снова Китти стала свидетелем того, как на смену изумлению при виде живого Эндрю пришла радость осознания, что он жив. Ноэль Донован эмоционально обнял своего босса. Тут же, невесть откуда, появилась бутылка шампанского, и началось импровизированное празднование столь знаменательного события. Кажется, все горожане

хотели присоединиться к этому празднику и отметить вместе с ними чудесное спасение Эндрю. Китти все время натянуто улыбалась, пока люди обнимали ее, целовали, размазывая слезы по лицам и не уставая повторять при этом, какая же она счастливая, что ее муж цел и невредим. Эндрю тоже все время обнимали, дружески хлопали по спине, словно желая убедиться, что перед ними не призрак, а живой человек.

– Наверное, они скоро начнут почитать меня за Лазаря, воскресшего из мертвых, – невесело пошутил Эндрю, когда вся компания двинулась в сторону отеля «Робак-Бей». Эндрю редко шутил, а потому Китти искренне обрадовалась этому всплеску хорошего настроения.

Всю следующую неделю у них не было отбоя от посетителей. Знакомые и друзья толпами валили к ним в дом. Всем хотелось собственными ушами услышать историю о том, как Эндрю принял решение покинуть пароход и сойти на берег в Джералдтоне.

– У вас было видение, да? – вопрошала его миссис Рабин. – Вы знали наперед, что случится?

– Конечно же нет! Откуда? – восклицал в ответ Эндрю. – В противном случае я бы сделал все от меня зависящее, чтобы задержать пароход в порту. Случилось такое ужасное совпадение, и только.

Но люди упорно отказывались верить в просто «совпадение». Эндрю уже была уготована роль местного мессии, а его чудесное спасение воспринималось жителями Брума как добрый знак того, что Господь благоволит к их городу. Что немного подняло дух всем горожанам и позволило хоть как-то оправиться после тяжелых потерь капитанам промысловых судов и ныряльщикам за жемчугом. Даже конкуренты Мерсера, которые были бы совсем не против присутствовать при закате империи «Мерсер Перлинг», с радостью обнимали Эндрю, усадив его во главе стола за торжественным ужином по поводу возобновления еженедельных деловых встреч.

В этом круговороте встреч и событий Китти жила как во сне. Сама себе она напоминала тряпичную куклу из уличного балагана, руки и ноги которой приводили в действие некие посторонние силы. Ее сознание было заторможено всем тем, что она сама же сотворила со своей жизнью. Китти ложилась в постель и просыпалась поутру с одним и те же чувством вины и глубокого раскаяния. Днем Эндрю вел

себя с ней предупредительно и был предельно вежлив. Впрочем, как и со всеми, кто окружал его. Но за ужином он едва ронял пару фраз и сразу же после трапезы отправлялся в гардеробную, которая теперь служила ему опочивальней, довольствуясь там узенькой раскладушкой в качестве кровати.

– Но ведь в спальне на нашей кровати тебе было бы гораздо удобнее. И высыпался бы лучше, – осторожно заметила Китти в один из вечеров.

– Я последнее время сплю очень беспокойно. Боюсь побеспокоить тебя лишний раз, дорогая, – холодно ответил он.

К концу недели Китти уже вся извелась, превратившись в комок нервов. Сидя за завтраком рядом с мужем и сыном, она заметила, что и Чарли как-то подавлен в присутствии отца. Возможно, Эндрю все еще не может примириться с той трагической потерей, которая случилась в их семье, уныло размышляла Китти. Вот и его обращение с ней тоже стало другим. Впрочем... Впрочем, могла быть и другая причина, объясняющая его холодность. Но об этом Китти даже не осмеливалась думать.

– Китти, я хочу, чтобы ты сегодня сопровождала меня, когда я отправлюсь в город по делам, – нарушил ход ее мыслей голос Эндрю. Как всегда в эти последние дни, муж при этом даже не глянул в ее сторону.

– Хорошо, – тут же согласилась она.

После завтрака он помог ей сесть в коляску, сам молча сел рядом и, взяв в руки поводья, тронул лошадь со двора. Но вместо того чтобы направиться к центру города, он выехал на дорогу, ведущую к Риддел-Бич.

– Куда мы едем? – с недоумением спросила Китти.

– Я решил, что нам с тобой надо поговорить. Наедине, без свидетелей.

У Китти сердце ушло в пятки, но она промолчала.

– Чарли рассказывал мне, что вы часто ездили сюда на пляж, пока меня не было в Бруме, – добавил Эндрю. – Наверняка ты и купалась. Прямо в панталонах, я думаю.

– Да. Я... то есть да, купалась. Такая жара стояла, невыносимая...

Китти украдкой смахнула слезу.

– Боже мой! К чему катится этот мир! Моя жена барахтается в воде в панталонах, будто какая-то дикарка...

Эндрю резко натянул поводья и остановил пони, а потом привязал его к столбу.

– Ну что? Прогуляемся немного пешком? – Он кивнул в сторону пляжа, раскинувшегося внизу.

– Как скажешь, – послушно ответила Китти, а про себя подумала, что если Эндрю собирается сейчас сообщить ей, что он в курсе той постыдной интрижки, которую она завела с его братом всего лишь несколько недель тому назад, то лучшего места для столь судьбоносного разговора и не придумаешь. Ведь именно здесь она и предавалась любовным утехам с Драммондом. Однако же никогда ранее Эндрю не изъявлял желания прогуливаться пешком, тем более по пляжу. Он терпеть не мог, когда в ботинки набивался песок.

Слабый ветерок приятно обдувал их лица, а море, то самое море, которое недавно безжалостно отняло у Китти любовь всей ее жизни, было спокойным и безмятежным, словно младенец, спящий в колыбели. Эндрю приблизился к самой кромке воды. Китти молча плелась за ним следом, не смея даже взглянуть в лицо мужа, заранее зная, какое выражение недовольства сейчас застыло на этом лице. Они подошли к небольшой скалистой бухте. Вон и валун, на который Китти недавно вскарабкивалась, чтобы потом прыгнуть с него в воду. Волны набегали на берег, почти касаясь башмаков Эндрю.

– Мой отец... мой брат... Они сейчас там. – Он махнул в сторону океана. – Ушли навсегда. А я вот живу.

Он безвольно опустил на камень и закрыл лицо руками.

– Дорогая, если бы ты только знала, как мне больно...

Наконец до Китти дошло, почему муж решил привезти ее в это пустынное, безлюдное место. Ему просто хочется погоревать в одиночестве. Оплакать гибель отца и брата без посторонних глаз. Китти видела, как сотрясаются его плечи от беззвучных рыданий. В ее сердце поднялась волна сочувствия к Эндрю.

– Эндрю, прошу тебя... У тебя ведь есть еще Чарли и я... И твоя мать, и...

Китти опустилась перед ним на колени, но он отвернулся от нее, поднялся с валуна и, пошатываясь, побрел вдоль берега.

– О Боже, прости меня! Пожалуйста, прости меня, но...

Китти в изумлении таращилась на мужа. Такое впечатление, что сейчас его душили не рыдания, а смех.

– Эндрю, пожалуйста! – Она бросилась за ним вдогонку. Волны почти касались его начищенных до блеска ботинок. Но вот он опустился на песок, закрыл лицо своими большими загорелыми руками. Плечи его снова начали сотрясаться от рыданий. Наконец он поднял лицо и отнял руки от глаз. Они были полны слез.

– Прости меня, Господи! – снова промолвил он. – Но я должен был так поступить. Ради нас с тобой... Ради Чарли... Моя Китти... Моя Кэт...

– Эндрю, я не понимаю, о чем ты...

Она ошарашенно уставилась на мужа и теперь точно разглядела, что слезы в его глазах – это не столько слезы скорби, сколько слезы радости.

– Ради всех святых, объясни, почему ты смеешься?

– Понимаю, смешного здесь мало. Совсем даже наоборот, но... – Он сделал несколько глубоких вдохов и бросил пристальный взгляд на жену. – Но, Китти, неужели ты действительно не узнаешь меня?

– Конечно, я тебя узнаю, дорогой. Что за вопрос! – Китти в эту минуту волновало уже совсем другое. Нужно как-то уговорить Эндрю вернуться обратно к повозке и немедленно отвезти его в город к доктору Сузуки. Вне всякого сомнения, Эндрю потерял рассудок от пережитой трагедии. – Ты – мой муж, отец нашего сына Чарли.

– Значит, мне все же удалось! – воскликнул он, рассекая рукой воздух. – Ради бога, Китти, это *же* я!

Он привлек Китти к себе и жадно припал к ее устам. Целовал страстно, долго, а она чувствовала, как тает ее тело в его объятиях. Теперь она точно знала, кто он.

– *Нет!*

Китти вырвалась из его рук и разрыдалась, совершенно сбита с толку, переживая очередное потрясение.

– Прекрати! Немедленно прекрати! Умоляю... Ты – Эндрю, мой муж... *Мой муж!* – Она опустилась перед ним на колени. – Пожалуйста, не надо так страшно шутить надо мной, – взмолилась она со слезами в голосе. – Ты хочешь, чтобы я призналась тебе во всем? Я согласна, я готова признаться. Но, пожалуйста, прекрати!

Пара крепких рук обхватила ее за плечи.

– Прости меня, Китти. Прости мне мой дурацкий розыгрыш. Но я был вынужден пойти на это, чтобы все поверили, что я – *твой муж*, включая тебя саму. Если мне удалось убедить в этом даже самых близких мне людей, которые знают меня лучше всего, то тогда получается, что я могу одурачить кого угодно. Ведь достаточно было одного неверного взгляда или прикосновения для того, чтобы вся игра пошла насмарку. А сейчас вот даже Чарли убежден в том, что я – его родной отец. Ах, моя дорогая девочка...

Он легко прошелся пальцами по ее рукам, а потом нежно поцеловал в покрытую испариной шею.

– Нет! – Китти оттолкнула его от себя. – Как ты посмел сотворить со мной такое?! Как ты мог? Выдать себя за своего погибшего брата! Якобы восстать из мертвых... Это же неслыханно! Верх жестокости и цинизма.

– Китти, разве ты не понимаешь, почему я на это пошел? Это же любовь!

– Я ничего не хочу понимать! Ничего! Я знаю лишь одно, ты вероломно, бесчеловечно обманул нас всех! Выдал себя за моего покойного мужа, внушил моему ребенку, что его отец жив. Можно сказать, вернулся с того света, предстал перед всеми жителями Брума и даже посмел явиться в контору Эндрю. Невероятная наглость!

– Но ведь мне же поверили, Китти! Все поверили! Поверили в то, что я – Эндрю. Да ты и сама поверила в это. А идея пришла мне в голову спонтанно, когда я вспомнил о том, как горожане, когда я приехал в Брум прошлый раз, поначалу принимали меня за Эндрю. Ну вот, и ты тоже поверила в то, что я – Эндрю. Да! – Он уронил руки с ее плеч. – Понимаю! Чудовищная ложь! Но я не мог не воспользоваться такой возможностью. Когда я узнал о том, что случилось, и продолжил свое путешествие уже по суше, вот тогда в моей голове и созрел этот рискованный план.

– Значит, ты еще до того, как оказался в Порт-Хедленде, знал о том, что пароход затонул?

– Конечно *знал*! А как иначе? Боже святой! Да даже эти птицы кукабарры, австралийские зимородки, верещат на все голоса за сотни миль отсюда о том, что случилось. Ведь произошла самая страшная катастрофа за последние несколько десятилетий. Трагедия, которая потрясла всех...

– И ты решил перевоплотиться в своего брата, да?

– Да. Впервые в жизни я вдруг осознал всю выгоду от того, что мы с моим братом-близнецом так похожи друг на друга. Раньше я вообще об этом не задумывался, а вот теперь даже подумал, что, быть может, в этом тоже есть особый промысел. Сидя в пустыне, возле костра рядом с нашим походным лагерем, я много размышлял, даже обращался за советом к небесам. Небеса ответили мне, что жизнь на этой брэнной земле слишком коротка, чтобы терять время даром. Конечно, я мог бы поступить иначе: жениться на тебе, как положено, когда пройдет какое-то приличествующее для нас обоих время. Но зачем понапрасну терять годы? Ведь это же бессмысленно. Тем более если я могу просто вернуться в Брум и объявить всем вокруг, что ты – моя жена. И мы заживем с тобой как муж и жена, а все вокруг будут только радоваться моему чудесному спасению. И потом...

– Драммонд! – Китти впервые за весь их разговор обратилась к нему по имени. – Ты, наверное, спятил. Сошел с ума, я думаю... Ты хоть понимаешь, во что ты ввязался? Что натворил? И с чем все это сопряжено в будущем...

– Наверное, я пока осознаю еще не все подводные камни, это верно. Но главное я понимаю и оцениваю трезво. Ведь мой поступок продиктован исключительно тем, что я хотел быть рядом с тобой. Что же в этом дурного?

– То есть ты сознательно готов к тому, чтобы превратиться в другого человека и продолжать лгать всем остальным людям, за исключением меня, выдавать себя и далее за своего покойного брата?

– Да, если надо, то готов. Честно признаюсь, я сам потрясен, что мне удалось так убедительно перевоплотиться в Эндрю. Ведь никто же во всем городе не усомнился, что я – это он!

– Со мной ты обошелся крайне жестоко. Все, что ты сделал, это ужасно.

– Согласен. Но обещаю, начиная с этого момента я буду вести себя с тобой по-другому.

– Драммонд...

Китти отчаянно пыталась найти нужные слова. Она была обескуражена тем, что он сам не осознавал, какую опасную игру затеял и чем это чревато в будущем. Его бравада казалась ей гротескной.

– Отныне ты должна называть меня Эндрю, – тут же поправил он ее.

– Я буду называть тебя так, как посчитаю нужным. Боже милостивый, неужели ты не понимаешь, Драммонд, что это не игра? Все, что ты сотворил, это не только в высшей степени аморально, это еще и противозаконно! Как можно относиться к подобным вещам с таким легкомыслием? Твоя ложь... Она же ужасна. Как ты можешь рассуждать обо всем этом с таким спокойствием?

– Сам не знаю как. Но вот я сейчас смотрю на океан и представляю, что мои отец и брат покоятся где-то на его дне. Впрочем, акулы их уже давно разорвали на мелкие клочки. А потом я думаю о тебе, Китти. Ведь и тебя я тоже едва не потерял, когда ты болела. И все это вместе заставляет меня с особой силой осознавать, как хрупка наша жизнь. И как она бесценна. Наверное, поэтому я так спокоен сейчас.

Китти отвернулась от него, мысленно пытаюсь найти хоть какое-то оправдание его поступку.

Быть рядом с ней...

– Сказать честно, я немного удивлен, что ты тоже ни о чем не догадалась. Впрочем, я ведь всячески избегал любых физических контактов с тобой. – Драммонд сбросил с ног туфли и носки, потом снял брюки. – Но, с другой стороны, разве ты забыла, что твой муж никогда бы не отправился в дорогу по суше – верхом или в повозке? В принципе, я добирался до Брума как обычно, на верблюдах. Просто решил утаить эту подробность, чтобы сделать картину своего возвращения более реалистичной. Повозка показалась мне более достоверным видом транспорта для наземного передвижения.

– Ты прав. Мне это тоже поначалу показалось странным. Но на тот момент у меня не было оснований не доверять своему мужу или тем более подозревать его во лжи, – холодно возразила Китти. – Но может, теперь ты все же расскажешь, как тебе удалось спастись?

– О том, чтобы я сошел с парохода в Джералдтон, меня попросил сам Эндрю. Он вручил мне портфель с деньгами и проинструктировал, где именно я должен встретиться с его человеком, а также показал фотографию той вещи, которую я должен был забрать у этого человека. Если в двух словах, то Эндрю признался, что боится отправляться в дорогу один, тем более по суше, а у меня, дескать,

больше опыта в путешествиях по диким местам Австралии. С учетом того, что уже в ближайшем будущем я намеревался умыкнуть его жену и сына и бежать вместе с ними из Брума, я посчитал, что такую малость в качестве последней, так сказать, братской услуги я вполне могу ему оказать. Такой вот прощальный благородный поступок с моей стороны.

– А что за вещь ты должен был забрать там?

– Китти, вот эту историю давай отложим до другого раза. Как бы то ни было, а малодушие Эндрю, проявленное им, можно сказать, в самую последнюю минуту спасло мне жизнь. И, как это ни прискорбно, погубило *его*. Если бы ты тогда читала все поступившие на твое имя телеграммы, то обнаружила бы в этом ворохе и телеграмму от меня. Я предупреждал тебя о том, что наши планы несколько изменились. Я должен был встретиться с Эндрю здесь, в Бруме, чтобы вручить ему его трофей, а потом уже плыть в Дарвин. Я написал тебе, что задержусь буквально на несколько дней и что ты должна обязательно дожидаться моего возвращения. А сейчас извини, но я должен искупнуться, чтобы хоть немного остыть.

Китти уселась на берегу. Голова у нее шла кругом от тех мыслей, которые вихрем проносились в сознании. Китти наблюдала за тем, как Драммонд плещется и ныряет, рассекая волны, и недоумевала, как она могла поддаться на его обман. Ведь он же совсем не похож на Эндрю. И тем не менее ее Драммонд тоже одурачил, как и всех остальных обитателей Брума.

Все возможные последствия его безрассудной мистификации, не говоря уже о потенциальных рисках самого поступка, все это сразу же навалилось на нее тяжким бременем, словно очередное проклятье. Хотя, с другой стороны, а что мешает им действительно зажить счастливой жизнью супружеской пары, причем на вполне законных основаниях?

«Как только такие мысли могли прийти тебе в голову, Китти?» – тут же шепнула ей собственная совесть, и Китти со стоном сунула руки в песок, чтобы стряхнуть с себя это наваждение и вернуться к реальности.

Больше всего Китти злило то, что Драммонд даже не счел нужным посвятить ее в свои планы, видно решив для себя изначально, что она

безоговорочно согласится с тем, что он сотворил. Более того, что она сама хочет того же.

И ведь хотела же! Помогите ей Господи, еще как хотела...

«Да, но какова цена?»

Китти понимала, цена очень велика. Впрочем, после той душераздирающей трагедии, которая случилась несколько недель тому назад, разве это имеет значение? Если чему и научила Китти жизнь в Австралии, так это тому, что человеческая жизнь хрупка, что здесь правит бал стихия и ей дела нет до того, какие испытания она посылает и как калечит судьбы всех тех, кто населяет эту землю.

К тому же ее собственная семья, ее родители никогда не видели Эндрю. Китти в любой момент может заявиться в родительский дом в Эдинбурге с Драммондом под руку, и никто их ни в чем не заподозрит. Австралия все еще слишком молодая страна, и те мужественные люди, которые поселились в здешних местах, вольны придумывать правила общежития по своему усмотрению. Поступать так, как они считают нужным. Собственно, именно так и сделал Драммонд.

Вот он вышел из моря и направился к ней, по-собачьи стряхивая с себя капли воды. Искатель приключений, душка, способный очаровать кого угодно и получить все, что ему хочется. И неожиданно для себя Китти увидела во всей пугающей наготе свое будущее рядом с ним.

Остаться с Драммондом – это значит прожить остаток своей жизни во лжи, тем самым предав память двух погибших и оскорбив их несчастную жену и мать. Не говоря уже о той участи, которую Китти уготовит своему сыну. Ведь Чарли, невинная душа, вырастет в полной уверенности, что дядя – это его родной отец...

«Нет! Нет! Это неправильно, это неправильно...»

Вот Драммонд приблизился к ней почти вплотную, и она тут же подхватила с земли и пошла по пляжу, не в силах более сдерживать обуревающую ее ярость.

– Как ты посмел! – выкрикнула Китти во весь голос, повернув лицо к океану. Над ее головой плавно плыли облака. – Как ты посмел втянуть *меня* в свой чудовищный обман? Неужели ты не понимаешь, Драммонд, что речь идет не о каком-то милом розыгрыше, не о безобидной шутке, на которые ты так падок? То, что ты сделал, это же

самое настоящее... – Китти запнулась в поисках подходящего слова. – Это грязно, это неприлично и подло.

– Китти! Моя дорогая Кэт, я думал, ты захочешь прожить жизнь со мной. Я сделал это ради нас с тобой и...

– Нет, не ради нас с тобой! Ты сделал это ради *себя самого!* – Китти принялась возбужденно расхаживать вдоль берега. – У тебя даже не хватило совести поговорить со мной, сообщить мне о своем намерении. Узнать, что я думаю об этом. Ведь если правда когда-либо вскроется, тебя, вне всякого сомнения, отправят за решетку!

– Неужели ты желаешь мне такой участи?

– Ты ее вполне заслуживаешь, Драммонд. Боже мой, какой кошмар. Какой кошмар! И самое страшное, я не вижу выхода.

– Но ведь выход есть. Он есть всегда. – Драммонд осторожно приблизился к ней, словно увидел перед собой ядовитого скорпиона, который вот-вот готов напасть на него. – Какая разница, в конце концов, как меня зовут? Или как зовут тебя? Зато впредь мы можем быть вместе. Всегда быть вместе. Прости меня, Китти, если я действовал в спешке, был опрометчив. – Он сделал еще шаг в ее направлении. – Пожалуйста!

Раздался громкий звук оплеухи, которую Китти вlepила Драммонду. Собственно, это уже была вторая пощечина. Только на сей раз Китти с трудом удержалась от того, чтобы не наброситься на него, не повалить его на землю и не начать бить уже по-настоящему.

– Как же ты не понимаешь? Боже мой! Ведь прояви ты немного терпения, обожди какое-то время, не действуй в своей обычной нахрапистой манере, и все могло бы сложиться по-другому. Тогда, возможно, в один прекрасный день мы действительно *могли бы быть* вместе. По закону, перед лицом Господа. Ибо все вокруг посчитали бы вполне естественным, если бы молодая вдова вознамерилась связать свою дальнейшую жизнь со своим деверем. Но нет, Драммонд! Ты все решил иначе. Попрал закон, взял его в свои руки и во всеуслышание объявил себя Эндрю. Перед всеми жителями Брума!

– Хочешь, я скажу им, что меня ушибло чем-то тяжелым по голове? Или что...

– Не говори ерунды, Драммонд! Тебе никто не поверит. Никто! Ни на единую долю секунды... А меня ты втянешь в еще большую ложь и

бесчестие. Кто в здравом уме поверит, что я не смогла узнать собственного мужа?

– Тогда давай вернемся к нашему первоначальному плану, – предложил Драммонд, отчаявшись найти выход из сложившейся ситуации. – Вы вместе с Чарли поедете со мной ко мне на ранчо. Там никто и никогда не узнает, кто ты на самом деле...

– Нет! Мой муж погиб, и я обязана уважать его память. Ах, Драммонд, как же ты не понимаешь, что заключил союз с самим дьяволом? И впредь между нами не может быть ничего достойного. – Китти опустилась на колени прямо на песок и обхватила голову обеими руками. Повисло долгое молчание. Наконец заговорил Драммонд:

– Конечно, ты права, Китти. Ты абсолютно права. Я поддался импульсивному порыву, не подумал обо всех последствиях. Просто решил воспользоваться представившейся мне возможностью заявить свои права на тебя. А вот о том, что будет дальше, не подумал. Признаю, я совершил огромную ошибку. Виноват. Но я просто хочу жить сегодняшним днем, только и всего. Зачем мне прикидывать все возможные последствия того, что будет завтра или послезавтра? А ты что предлагаешь?

Китти закрыла глаза и сделала глубокий вдох, собираясь с силами произнести вслух все то, что она должна была сказать.

– Ты должен уехать. Покинуть Брум незамедлительно.

– Куда прикажешь ехать?

– Это меня не касается. Ты не поинтересовался моим мнением, когда в спешке принимал решение. Вот и я тоже не хочу решать вместе с тобой твои дальнейшие планы и действия. Поступай как знаешь.

– Тогда, пожалуй, я для начала навещу свою бедную матушку. Пусть осядет немного вся пыль от того, что случилось. Каким бы плохим сыном я ни был, все же мое появление хоть как-то, хоть немного утешит ее. Но кем мне представиться ей?

– Я уже сказала тебе, мне нет дела до того, как ты будешь жить дальше. Еще раз повторяю, поступай как знаешь. – Китти больно заломила руки.

– Но что скажут люди? Что подумают в Бруме? Муж только что вернулся домой и тут же снова уезжает прочь?

– Уверена, что все поймут правильно. Ведь после гибели отца и брата сфера твоих деловых интересов возросла многократно.

– Китти...

Драммонд протянул руку, чтобы коснуться Китти, но она тут же отдернула свою ладонь, зная, что достаточно лишь одного его прикосновения, чтобы ее решимость тут же растаяла.

Драммонд тоже опустил руку.

– Простишь ли ты меня когда-нибудь?

– Я прощаю тебя прямо сейчас, Драммонд. Потому что знаю, несмотря на весь тот верх глупости, который ты совершил, ты не хотел плохого. Я не могу сказать, что перестала любить тебя. Нет! Я буду любить тебя всегда. Но я никогда не примирюсь с тем, что ты сделал. Я не смогу жить во лжи. А ведь именно такую жизнь ты уготовил не только для нас с тобой, но и для Чарли.

– Понимаю, – коротко обронил Драммонд, поднимаясь во весь рост. Китти увидела, что его глаза полны слез. То были слезы отчаяния. – Я уеду, как ты о том просишь. И постараюсь, хотя в данный момент смутно представляю себе, как мне это удастся, но я постараюсь как-то исправить все то зло, которое причинил тебе и Чарли исключительно по своему эгоизму и легкомыслию. Чарли вырастет без отца...

– И без дяди тоже.

– Значит, это навсегда?

– Я никогда не смогу солгать своему сыну. Для него память отца должна быть священной.

– Но еще сегодня утром он видел меня...

– Время все лечит, Драммонд. Ты уедешь, пройдет какое-то время, и я скажу ему, что его отец умер. Думаю, это будет несложно сделать.

– То есть ты меня снова хочешь похоронить?

– Другого выхода у меня нет.

– Тогда, – сделал глубокий порывистый вздох Драммонд, – я уеду сегодня же вечером. Да, я хотел бы снова и снова просить тебя, умолять на коленях, чтобы ты передумала, изменила свое решение, чтобы мы с тобой смогли воспользоваться тем счастьем, которое сейчас так близко... Протяни только руку, и оно наше... Но я не стану этого делать. Зато попрошу тебя о другом, Китти. Никогда потом не вспоминай о том, что произошло, не мучай себя вопросами, виновата

ли ты хоть в малейшей степени в том, что все случилось именно так, как случилось. Нет, ты ни в чем не виновата. Это я, только я один разрушил собственными руками наше будущее.

– Пора возвращаться. Уже темнеет. – Китти поднялась с земли. Все тело ее обмякло. Сама себе она напоминала тряпичную игрушку, из которой вытряхнули всю набивку.

– Можно ли мне хотя бы обнять тебя в последний раз? – взмолился Драммонд. – Попрощаться...

У Китти не было сил отвечать. Она просто позволила ему обнять ее за плечи. Так они замерли на какое-то время. Прощальное объятие.

Но вот он разжал кольцо своих рук, отпуская ее. Потом подал ей руку, и они вместе побрели по песку в сторону коляски.

Китти искренне обрадовалась тому, что к моменту их возвращения домой Чарли уже спал. Она поспешно поднялась к себе в спальню и плюхнулась на стул. Порочная женщина, вот кто она такая, подумала Китти с отчаянием. А сейчас сидит и обреченно ждет, когда услышит звук шагов Драммонда по холлу. А потом должна хлопнуть входная дверь, что будет означать, что он покинул дом. Но вместо всего этого Китти вдруг увидела какие-то тени за окном. Затем послышались голоса. Она подошла к окну и посмотрела во двор. Драммонд о чем-то разговаривал с Камирой, стоя в саду. Минут через пять в дверь Китти постучали.

– Прости, что потревожил тебя, Китти, но прежде чем уехать, я должен кое-что отдать тебе. – Драммонд протянул ей небольшую кожаную коробочку. – Благодаря этому я и остался жив. Вскоре после того как мы покинули Фримантл и снова вышли в море, Эндрю получил телеграмму. Он через своих агентов узнал, что на продажу выставляется какая-то необыкновенной красоты жемчужина. Очень известный экземпляр среди специалистов. Эндрю провел большую подготовительную работу, включая целое детективное расследование. Все, чтобы убедиться в том, что информация об этой жемчужине достоверна. После чего связался с третьим лицом, который выступил в качестве продавца. В полученной телеграмме его уведомили, что он должен доставить оговоренную сумму денег наличными в указанное место, в нескольких часах езды от Джералдтона. Как ты уже знаешь, я согласился быть его порученцем. Сошел на берег и отправился в путь за жемчужиной. Причем Эндрю настоятельно посоветовал мне прежде

внимательно разглядеть жемчужину, а уже потом заплатить за нее. Но стоило лишь взглянуть на жемчужину, как я тут же понял, что это действительно уникальная вещь. И вот получается, – Драммонд подавил тяжелый вздох, – что сейчас я выполняю последнюю волю своего покойного брата. Я должен был доставить жемчужину Розит в Брум и вручить ее его жене, как он того и желал. Эта жемчужина стоит целое состояние. Она огромная, весит более двух сотен гран. Эндрю не мог дождаться того момента, когда увидит эту жемчужину на твоей шее. Хотел таким образом продемонстрировать свою любовь к тебе и одновременно показать всем, какого успеха он добился здесь, в Бруме.

– Я...

– Подожди минутку, Китти. Есть еще кое-что. Ты должна знать, что существует легенда, согласно которой над этой жемчужиной висит проклятье. По слухам, все предыдущие владельцы драгоценности внезапно умирали или погибали при совершенно невообразимых обстоятельствах. Эндрю стал последним обладателем жемчужины, и вот он покоится на дне морском. Китти, несмотря на то что я должен был выполнить все, о чем попросил меня брат, умоляю тебя: постарайся как можно скорее избавиться от этой вещицы. И никогда не владей ею. Более того, я даже не собираюсь передавать жемчужину непосредственно в твои руки. Оставляю ее там, где, по-твоему, ее безопасно будет хранить. И еще раз прошу. Нет, заклинаю... Пожалуйста, никогда не прикасайся к жемчужине.

Китти молча взглянула на коробочку. Потом перевела свой взгляд на лицо Драммонда. Никаких признаков розыгрыша она не прочитала в его глазах. Напротив! Он был предельно серьезен.

– Но можно мне хотя бы взглянуть на нее? – спросила она у него.

Драммонд открыл коробочку, и Китти увидела перед собой жемчужину. Большая, размером с шарик для детских игр. Самое настоящее воплощение совершенства... Жемчужина лежала перед ней, переливаясь розово-золотистыми тонами. Ее удивительная молочно-матовая поверхность, казалось, сияла светом, исходящим изнутри, произвольно приковывая к себе взгляд.

Китти невольно издала порывистый вздох.

– Какая красота! – воскликнула она, потрясенная увиденным. – Никогда не видела такой совершенной по своей красоте жемчужины...

Она невольно протянула пальцы к коробочке, чтобы потрогать жемчужину руками, но Драммонд тут же отдернул от нее коробочку.

– Не прикасайся! Не смей! Не хочу, чтобы твоя гибель была на моей совести. На моем счету и без того много всяких безобразий и бесчинств. – Он захлопнул коробочку. – Куда мне ее положить на хранение?

– Сюда. – Китти подошла к своему бюро и открыла потайной ящик в самом низу.

Драммонд положил туда коробочку и тут же снова запер ящик на ключ.

– Поклянись мне, что никогда не прикоснешься к ней, – требовательно промолвил Драммонд, вручая ключ Китти.

– Драммонд, неужели ты всерьез веришь во все эти небылицы? Здесь, в Бруме, полно таких историй, связанных с другими жемчужинами. Люди постоянно пересказывают их друг другу. Но лично мне все это кажется пустыми фантазиями, и только.

– К превеликому сожалению, после минувших нескольких недель я *готов поверить* в любую из этих фантазий. Пока я вез эту жемчужину сюда, я полагал, что именно она и спасла мне жизнь. Вот тогда в моей голове и зародился этот ужасный план, как действовать дальше. Я чувствовал себя... Как бы это выразиться поточнее... Непобедимым, что ли... Будто все невозможное стало вдруг возможным. Пребывал в такой дикой эйфории. А теперь вот все потерял... Потерял все, что имело для меня смысл в этой жизни. Душа моя мертва, как мертвы мои отец и брат. Что ж, сейчас я должен попрощаться с тобой. Если нам суждено еще когда-нибудь свидеться, надеюсь, я смогу доказать тебе, что извлек надлежащий урок из своей непоправимой ошибки. Постарайся простить меня. Прошу тебя! Я люблю тебя, моя Кэт. И буду любить вечно.

С этими словами Драммонд развернулся и направился к дверям.

Все в душе Китти взывало, умоляя ее сделать хотя бы несколько шагов за ним вдогонку, схватить его за руку, повернуть его назад. Начать *жить* по тем правилам, которые он установил для них. Вот сейчас они возьмутся за руки и направятся к себе в спальню, как самые настоящие муж и жена. Но она продолжала стоять, застыв на месте.

– Прощай. – Он одарил ее улыбкой в последний раз. И исчез за дверью.

*Алиса-Холл
Виктория Авеню
Аделаида
5 июня 1912 года*

Моя дорогая Китти!

Пишу это письмо с тяжелым сердцем. Ибо ты, как никто другой, можешь понять, какое счастье я испытала, получив из Брума телеграмму от Эндрю, в которой он сообщил мне потрясающую новость о своем чудесном спасении.

Моя дорогая, кто, как не ты, единственная душа, которую я знаю на этом белом свете, понимает в полном объеме все то, что мне пришлось пережить за последние несколько недель. Какая буря эмоций бушевала в моем сердце... По правде говоря, в самые первые дни после того, как случилась эта ужасная трагедия, я вообще сомневалась в том, стоит ли мне жить дальше. Ведь в течение нескольких часов все, что составляло смысл моего существования, было утрачено навсегда. Но, к счастью, со мной оставался Господь.

Новость о том, что Эндрю вернулся к нам живым, стала самым настоящим чудом, которого мы и не чаяли дожидаться. Но чудо свершилось... Хотя – увы-увы! – свое письмо мне, как я уже сказала о том в самом начале, придется закончить отнюдь не на самой мажорной ноте.

Я с нетерпением ждала появления Эндрю в Аделаиде. Сгорала от желания увидеть своего дорогого сына живым и невредимым. Однако вчера мне нанес визит мистер Ангус, наш семейный нотариус. Он сообщил мне, что Эндрю приходил к нему и попросил передать мне письмо, которое он написал специально для меня. Судя по рассказам мистера

Ангуса, потеря отца и брата нанесла по Эндрю непоправимый удар. Ведь и он должен был плыть вместе с ними на этом злополучном пароходе. И сейчас он мучается чувством страшной вины перед ними за то, что остался жив, продолжает и дальше ходить по земле, а их больше нет. Дорогая Китти, думаю, он так и не смог вполне оправиться от пережитого потрясения. Да и у мистера Ангуса сложилось такое впечатление, что он как бы немного не в себе. Во всяком случае, точно не похож на себя прежнего.

Эндрю попросил мистера Ангуса сообщить мне и тебе тоже, что он принял решение уехать на какое-то время, чтобы восстановить свое душевное равновесие. Привести себя в порядок, если можно так выразиться. Мне остается лишь горько сожалеть и сокрушаться о том, что он так и не явился ко мне лично. Уж я наверняка умолила бы его остаться. Ведь в Аделаиде полно хороших врачей, которые помогли бы ему справиться с нервным срывом. А ведь он с детства был очень эмоционально восприимчивым ребенком. Но, по всей вероятности, Эндрю сумел убедить адвоката в том, что ему необходимо разобраться с собой без посторонней помощи, одному. Он также попросил мистера Ангуса сообщить тебе, что он умоляет простить его за то, что так скоро покинул тебя после своего возвращения домой. Просто, по его словам, он не захотел втягивать тебя в свои проблемы, связанные с тяжелейшим нервным расстройством.

Хотелось бы мне хоть как-то смягчить для тебя горечь этого известия. Хотя бы сообщить, когда он снова вернется к нам. Но он не обозначил мистеру Ангусу никаких конкретных сроков на сей счет. Он также настоял на том, и это лично я считаю полным помрачением ума, чтобы отныне и впредь все доходы семейного бизнеса перечислялись в трастовый фонд, учрежденный на имя Чарли. Мистер Ангус принес с собой и показал мне соответствующие бумаги, подписанные Эндрю. Я с большим огорчением увидела, что даже подпись его на

документах стала иной, чем раньше. Если же он больше никогда не вернется к нам, то весь бизнес перейдет к Чарли по достижении им двадцати одного года.

В своем письме Эндрю также уведомил меня, что перед отъездом из Брума у него состоялся разговор с Ноэлем Донованом. Он сообщил управляющему о принятом им решении. Мистер Донован – способный и опытный человек. Вне всякого сомнения, он сможет и впредь эффективно руководить нашим семейным бизнесом в Бруме. Эндрю также сделал тебя, Китти, единственным душеприказчиком и руководителем трастового фонда. И снова это его решение вызывает у меня сомнения и кажется весьма поспешным, учитывая, какой тяжелейший груз ответственности он возложил на твои плечи. Но Эндрю написал мне, что он всецело доверяет всем твоим решениям и действиям.

Должна также сообщить тебе, что когда мистер Ангус зачитал мне завещания моего дорогого мужа и Драммонда, которые они составили всего лишь несколько недель тому назад в Аделаиде, то выяснилось, что Драммонд завещал своему любимому племяннику все свое состояние. Что означает, что наш дорогой мальчик отныне является единственным наследником всего состояния семьи Мерсер. Что тоже ляжет в свое время тяжким бременем на его плечи, но здесь мы бессильны что-либо изменить и должны принять все как есть. Не нам, женищинам, менять последнюю волю Эндрю или протестовать против его пожеланий. В своем письме он просит меня уведомить тебя о том, что ежемесячно из трастового фонда будет перечисляться солидная сумма на твой счет в Бруме. Этих средств, по его мнению, должно с лихвой хватить на ваше с Чарли достойное существование. Понимаю, это слабое утешение, особенно если вспомнить, что за столь короткий срок ты уже вторично теряешь мужа.

Дорогая Китти, уверена, мои невеселые новости обернутся для тебя очередным потрясением. Еще один удар по твоим истерзанным нервам... Очень прошу тебя, дорогая

моя, подумай над тем, чтобы вернуться вместе с моим внуком назад в Аделаиду, чтобы мы все зажили одной семьей в Алиса-Холл, черная силы друг у друга, чтобы совместными усилиями пережить еще один шторм, обрушившийся на нас, и находя утешение в нашем общении.

А сейчас нам с тобой остается лишь молиться за Эндрю и просить у Господа его скорого возвращения в семью.

Пожалуйста, незамедлительно сообщи мне о своем решении.

Эдит

Китти почувствовала, как все тело вдруг покрылось холодными капельками пота. К горлу подступила тошнота. Она едва успела добежать до таза в своей спальне, как ее тут же вырвало. Протерев рот и лицо полотенцем, Китти понесла таз в уборную и вылила его содержимое в унитаз. А потом смыла водой, кажется полностью очистив свои кишки от ядовитых последствий обмана Драммонда. Когда Камира появилась на кухне, Китти как раз мыла таз.

– Вам опять плохо, миссис Китти? Заболели? Я сбегаю за доктором. Пусть он осмотрит вас. На вас же смотреть страшно, кожа да кости, – раскудахталась Камира, глядя на хозяйку. Потом налила из кувшина воды в чашку и подала ее Китти.

– Спасибо. Со мной все в порядке.

– Вы когда последний раз смотрелись в зеркало, миссис Китти? Вы же сейчас похожи на самое настоящее привидение.

– Камира, а где Чарли?

– У меня в домике. Играет с Кэт.

– Тогда хочу поставить тебя в известность, что мистер Босс отъехал на какое-то время по делам.

Камира бросила на хозяйку подозрительный взгляд.

– Какой именно «мистер Босс»?

– Конечно же, мой муж Эндрю.

– Может, так-то оно и к лучшему, – понимающе кивнула головой Камира. – Мы с Фредом позаботимся о вас. Ох уж эти мужчины! – Она сурово сдвинула брови. – Одни неприятности от них.

– Пожалуй, ты права, – вяло улыбнулась Китти в ответ на сдержанную реакцию своей служанки.

– Миссис Китти, я...

Но в этот момент в кухню ворвались Чарли и Кэт. Камира подавила тяжелый вздох и замолчала.

После обеда Китти устроилась на веранде и принялась заново перечитывать письмо свекрови. Что ж, размышляла Китти про себя, после того как Драммонд телеграммой известил мать о том, что «Эндрю выжил», ему не оставалось ничего иного, как довести начатую игру до ее логического конца. Но хоть обещание, данное ей, он исполнил: исчез из ее жизни. Тронуло Китти до глубины души и другое: то, что он завещал все свое движимое и недвижимое имущество Чарли. И сделал это еще до того, как случилось все остальное.

Сейчас, когда миновало первое потрясение, Китти понимала: велика опасность того, что она начнет сожалеть о том, что поспешила. Да, поначалу она была зла. Потом ей стало жаль всех, включая Драммонда. И наконец, наступило сожаление. Долгими бессонными ночами Китти металась на постели, в сотый раз спрашивая саму себя: а стоило ли так торопиться? Быть может, лучше было обождать какое-то время, пока все уляжется? Осядет вся пыль, так сказать. Но сейчас уже было поздно сокрушаться о содеянном. Драммонд ушел из ее жизни навсегда, как сама Китти о том его попросила.

Оплакав своего любимого единожды, она вынуждена была снова оплакивать его.

А вот Чарли даже глазом не повел, когда она сказала ему, что «папа» отъехал из Брума по делам. Во-первых, он уже привык к тому, что Эндрю постоянно не бывает дома. А во-вторых, он ведь еще ребенок и живет в своем вымышленном детском мире, который они придумали себе на пару с Кэт. Словом, он воспринял новость спокойно, без особых сцен. Гораздо чаще он вспоминал дядю Драма, и от этих детских разговоров у Китти сердце буквально рвалось на части.

– Я все понимаю, мамочка. Дядя Драм улетел на небо. Потому что сам Господь захотел, чтобы он был рядом с Ним. Но нам так скучно без него и без тех игр, которые он придумывал для нас. Правда, Кэт?

– Да, очень скучно, – серьезно подтвердила Кэт, кивнув в знак согласия.

Китти лишь улыбнулась, слушая девочку. Сама она, можно сказать, с пеленок разговаривала с Кэт на английском. А еще малышка научилась немного болтать на немецком. Славное дитя: вежливое, воспитанное. А уж мать души в ней не чаёт. Однако Китти с некоторой озабоченностью думала о том, какое будущее ждет эту девочку. Да, бесспорно, Кэт очень красива и умна. Но при всем том полукровка. Собственно, изгой. Чужая и для культуры своей матери, и для соплеменников отца. А потому вся ее будущая жизнь всецело будет зависеть от тех законов, по которым живет их общество.

Китти открыла ящик бюро, чтобы написать свекрови ответное письмо. Она решила ответить отказом на приглашение Эдит поселиться вместе с ней под крышей Алиса-Холл. Хотя и понимала, какой риск остаться ей, вдовой молодой женщине, да еще с маленьким Чарли, здесь, в Бруме. Однако в Бруме Китти будет, по крайней мере, независима. Вполне возможно, в ближайшем будущем они с сыном предпримут путешествие в Шотландию. Надо же наконец познакомить Чарли с его родственниками в Эдинбурге. А вдруг Китти решится остаться на родине?

Она тронула пальцами холодноватую поверхность латунного ключа от потаенного ящика. Погрузившись в собственные переживания, Китти начисто забыла о жемчужине, которую отдал ей Драммонд перед тем, как расстаться. Отперев ящик, извлекла оттуда коробочку и сняла с нее крышку. Вот она, эта таинственная жемчужина, мерцает на свету, переливаясь всеми оттенками розового, наполняя своим сиянием все вокруг. Невооруженным глазом видно: эта жемчужина уникальна. Все зло, которое она якобы сулит своему обладателю, все несчастья, которые она может принести, – все это сейчас сокрыто где-то глубоко на дне морском, запрятано в песчинках, среди которых возникло это чудо из чудес, возникло, сформировалось и выросло в жемчужину ослепительной красоты.

Вспомнив наказ Драммонда никогда не прикасаться к жемчужине и никогда «не владеть» ею, Китти снова положила коробочку в ящик и стала молча расхаживать по комнате. Если рассуждать здраво, думала она, то, в конце концов, это ведь подарок от Эндрю. Его последний дар своей жене. По идее, она должна постоянно носить эту жемчужину на

шее и безмерно дорожить подарком покойного мужа. С другой стороны, а вдруг Драммонд действительно говорил правду? И над жемчужиной висит какое-то страшное проклятье?

В дверь тихо постучали.

– Входите, – негромко отозвалась Китти, все еще погруженная в свои мысли.

– Миссис Китти, дети с самого утра пристают к нам с Фредом. Просят, чтобы мы отвезли их на пляж. Я тут... – Камира выхватила взглядом жемчужину, и ее черные брови угрожающе сдвинулись к переносице. – Миссис Китти, не смейте трогать это! – Камира прошептала еще какие-то непонятные слова и тут же отвела глаза в сторону, стоило лучу солнечного света упасть на жемчужину. Та мгновенно заискрилась всеми цветами радуги. – Закройте коробочку! Немедленно! Не смотрите на нее, миссис Китти! Закройте коробочку!

Китти автоматически подчинилась приказу своей служанки, а Камира между тем отомкнула щеколду на раме окна прямо за бюро и распахнула его настежь.

– Не переживайте, миссис Китти. Я вас спасу, – воскликнула Камира, потом снова пробормотала какие-то нечленораздельные слова. Китти лишь молча наблюдала за ней, не в силах скрыть своего изумления. Вот она захватила в руку какую-то часть подола своей муслиновой юбки, махнула им над коробочкой, после чего что есть силы швырнула коробочку в открытое окно.

– Что ты натворила?! Ты с ума сошла! – испугалась Китти и, выгнув шею, выглянула в окно. – Ты хоть представляешь себе, Камира, сколько стоит эта жемчужина? Целое состояние!

– Я вижу, куда она упала, – ответила Камира, указывая на то место, куда она швырнула коробочку. – Миссис Китти, вы не должны продавать эту жемчужину. И деньги за нее тоже брать не должны. Понятно?

– Мой... муж упомянул о каком-то проклятье, которое якобы тяготеет над этой жемчужиной. Но ведь это же бабушкины сказки. Разве не так?

– Тогда скажите мне, почему мистер Босс сейчас лежит на дне морском?

– Ты хотела сказать, мистер Драммонд? – поспешила поправить ее Китти.

– Миссис Китти! – Камира издала протяжный вздох. – Уж я как-нибудь различу этих двоих, если вы сами не можете.

– Я... – Китти поняла, что нет смысла таиться перед Камирой, коль скоро та раскусила всю игру Драммонда. – Ты тоже веришь в это проклятье?

– Духи выискивают жадных людей и убивают их. Я нутром чую, какие злые силы сплелись вокруг этой коробочки. Говорю же вам, мистеру Драму не будет от нее добра.

– И что же ты предлагаешь мне сделать, Камира, коль скоро я не могу ее продать? Не говоря уже о том, что жемчужина стала последним подарком, который я получила от Эндрю, она ведь еще и стоит целую кучу денег. Не могу же я позволить себе взять и просто выбросить ее на свалку.

– А вы отдайте эту коробочку мне. А я унесу коробочку прочь, чтобы впредь жемчужина не причинила никому никакого зла.

– Куда ты ее унесешь? – Китти бросила на Камиру подозрительный взгляд. Да, она любит свою служанку и полностью доверяет ей, все так. Но все же соблазн слишком велик. Ведь жемчужина – это, по сути, пропуск в новую жизнь и для самой Камиры, и для ее дочери.

Камира молча глянула на лицо хозяйки и, по своему обыкновению, тут же прочитала все ее тайные мысли.

– Будете держать при себе эту плохую жемчужину или захотите выручить за нее деньги и продадите какому-нибудь богачу, и через три месяца ваш Чарли окажется круглым сиротой. – Служанка скрестила руки на груди и отвела взгляд в сторону.

– Хорошо, будь по-твоему, – уступила ей Китти. В конце концов, ни ей, ни ее сыну деньги пока не нужны. – Эта жемчужина и впрямь принесла много горя в нашу семью. Если все же поверить в проклятье, то можно смело утверждать, что она разрушила всю нашу семью. – Китти нервно сглотнула подступивший к горлу комок и внимательно обозрела Камиру. – Может, ты и права. Чем скорее она уплывет из нашего дома, тем лучше для всех нас. Сможем наконец вздохнуть спокойно.

– Фред отвезет меня в одно место. Он знает куда. Нам с Кэт нужно будет отлучиться на один день. – С этими словами Камира направилась к дверям. – Так-то будет лучше, миссис Китти. Я положу эту

штуковину в такое место, где она не сможет никому больше причинить зла.

– Ты уж постарайся, Камира, чтобы так оно и было, ладно? И спасибо тебе за помощь.

Спустя несколько дней к Китти с визитом приехал Ноэль Донован.

– Прошу простить меня, миссис Мерсер, за то, что снова докучаю вам. Тем более в такое сложное для вашей семьи время. Но хочу поставить вас в известность, что ваш муж перед отъездом из Брума возложил на меня все обязанности по управлению компанией «Мерсер Перлинг». Я буду руководить бизнесом до тех пор, пока он не вернется или пока Чарли не достигнет совершеннолетия.

– Будем надеяться, что в обозримом будущем муж все же вернется домой, – ответила Китти.

– Конечно-конечно. Лично я в этом не сомневаюсь ни минуты. Но все равно сейчас вам очень тяжело, миссис Мерсер. Мне все это понятно. Во время голода, случившегося в прошлом столетии из-за неурожая картофеля, в моей семье умерло десять человек. Вот почему все мы, те, кто смог выжить, перебрались сюда. Тогда множество людей, и мужчин и женщин, прибились после пережитой трагедии к этим берегам.

– Лично меня к этим берегам, как вы изволили выразиться, прибила отнюдь не трагедия, – тут же возразила Китти. – Несчастья, увы! – стали преследовать меня уже здесь. Итак, мистер Донован, чем я могу помочь вам?

– Видите ли... Все же вы, как никто, знаете и понимаете, что творится в голове у вашего мужа. Вот я и хочу спросить. А не знаете ли вы, хотя бы приблизительно, когда Эндрю вернется домой?

– Мне он не называл конкретных сроков своего возвращения, мистер Донован.

– Разве он ни разу не затронул эту тему, разговаривая за столом во время ужина, как это обычно делаем мы со своей супругой? – продолжал упорствовать Ноэль. – Если кто и знает, что Эндрю думает о будущем вашего семейного бизнеса, то это наверняка вы.

– Да, тут вы правы, – согласилась с ним Китти, вдруг интуитивно почувствовав, что должна ответить утвердительно на сей вопрос своего управляющего. – Перед его отъездом мы поговорили о многом. И обсудили многое.

– Тогда, наверное, вы в курсе, что ваш муж снял с банковского счета нашей компании двадцать тысяч фунтов буквально накануне того, как произошло кораблекрушение?

Китти тотчас же почувствовала неприятную пустоту в животе. Ведь она почти наверняка знала, на что именно собирался потратить эти деньги Эндрю.

– Да, я в курсе. А что конкретно вас интересует?

– Наверное, он собирался купить еще один люггер, да?

– Именно так. Вы абсолютно правы.

– А может, вы знаете, кто подрядчик? На этот счет в наших гроссбухах нет никаких уточняющих записей.

– Боюсь, я тоже не знаю, кто именно должен был строить новое судно для нашей компании. Наверное, речь идет о какой-нибудь судостроительной верфи в Англии.

– Скорее всего да. К сожалению, миссис Мерсер, во время этого ужасного шторма мы потеряли три люггера. Слава богу, что все остальные наши суда сейчас стоят на приколе, проводят плановые ремонтные работы. Иначе наши потери были бы еще больше. Проблема в том, что эти двадцать тысяч, снятые с нашего счета, привели к тому, что у нас возникла задолженность перед банком. Мы существенно превысили свой кредит.

– Неужели? – Несмотря на то что эта новость сильно напугала Китти, она постаралась ничем не выдать своего волнения. – В любом случае мы, я думаю, сумеем погасить эту задолженность в согласованные с банком сроки. Как только компания оправится от всех понесенных потерь...

– Да, потери велики. Двадцать тысяч фунтов плюс три люггера. Боюсь, оправляться придется долго, миссис Мерсер. Даже если в наступающем сезоне нам повезет и улов будет хорошим, по моим прикидкам, нам понадобится не менее трех лет, чтобы рассчитаться с долгами и снова выйти на прибыль. Если, конечно, не случится какая-нибудь невероятная удача...

Ноэль замолчал. Китти увидела, что обычно спокойное лицо мистера Донована сегодня выглядит сильно удрученным.

– Понятно, – коротко констатировала она.

– Но существует и другая проблема, если вы позволите мне продолжить. Я имею в виду моральный дух коллектива. Сейчас он крайне низок. И это понятно. Столько утрат, тяжелых утрат... Ведь как ни верти, а приходится признать очевидное. Да, ваш муж все эти годы трудился не покладая рук, но все же для подавляющего числа команд наших промысловых судов именно мистер Стефан являлся главным и полноправным хозяином бизнеса. А сейчас и мистер Эндрю тоже удалился от дел. Неудивительно, что конкуренты начинают переманивать наши лучшие кадры, суля им всяческие выгоды. И многие покупаются на эти посулы. Вот только вчера Ихитаро, наш самый опытный ныряльщик за жемчугом, сообщил мне, что он вместе со своим помощником переходит на работу в компанию Рубина. Для нас это очень большая потеря. Не говоря уже о том, что за ним могут потянуться и остальные.

– Я вас полностью понимаю и разделяю вашу озабоченность. Ситуация действительно очень серьезная.

– Вот пришел, нагрузил вас своими проблемами, – сокрушенно вздохнул Донован, поднимаясь со стула. – А у вас и без меня проблем выше крыши. Вы ведь столько близких потеряли. Но буду держать вас в курсе дел и далее.

– Мистер Донован. – Китти тоже встала. – По вашим словам, люди сейчас дезориентированы, растеряны, у них нет вожака. Нет сильного лидера. Что, если я приеду к вам в контору и побеседую с рабочими? Объясню им, что, несмотря ни на что, компания «Мерсер Перлинг» по-прежнему очень выгодный бизнес с большими перспективами. Постараюсь убедить их, что причин для беспокойства нет. Как смотрите?

На лице управляющего отразился явный скепсис.

– Не подумайте только, что я хочу обидеть вас, миссис Мерсер, но я вовсе не уверен в том, что все эти люди станут слушать женщину.

– Но разве дома они не слушают своих жен? И разве те не утешают их в трудную минуту? – довольно резко возразила Китти. Ноэль Донован даже покраснел при этих словах своей хозяйки.

– Возможно, вы и правы. В любом случае вреда от такой встречи точно не будет. Наши люггеры выходят в море послезавтра. Немного задержались, потому что занимаемся доукомплектованием команд из-за возникшей текучки кадров.

– А вы уже рассчитались с теми, кто объявил вам о своем уходе?

– Нет еще. Они придут за окончательным расчетом завтра утром.

– Тогда попрошу вас, соберите как можно больше людей. Постарайтесь выманить наших матросов из всех окрестных баров и борделей. Сообщите им, что новый босс компании «Мерсер Перлинг» желает встретиться и поговорить с ними ровно в одиннадцать утра.

Донован удивленно вскинул брови:

– То есть вы хотите сообщить мне, миссис Мерсер, что Эндрю перепоручил весь свой бизнес вам?

– В целом так оно и есть. Я являюсь главным распорядителем трастового фонда, в котором отныне будут сконцентрированы все наши деловые интересы. А потому слово «босс» применительно ко мне звучит вполне правомерно.

– Но хочу вас заранее предупредить, миссис Мерсер. Наша матросня... Это ведь такой разношерстный сброд. Наверняка им подавай мужчину в качестве босса.

– Мистер Донован, я прожила в Бруме уже целых пять лет. А потому здешние нравы мне прекрасно известны. Итак, до встречи завтра, ровно в одиннадцать. – Китти подошла к бюро и достала из ящика небольшую стопку австралийских фунтов стерлингов. Пересчитала деньги и протянула их управляющему: – Вот! Ступайте к Ямасаки и Майсу и купите у них двадцать четыре бутылки самого лучшего шампанского.

– Вы полагаете, это разумно, миссис Мерсер? Особенно если учесть нынешнее финансовое состояние компании...

– Это мои деньги, мистер Донован. Так что никакого ущерба финансам компании мы не нанесем.

– Что ж, тогда... – Ноэль положил деньги в карман и изобразил некое подобие улыбки. – Одно могу сказать почти с уверенностью. наших работников ждет грандиозный сюрприз, во всех смыслах этого слова.

Когда Донован ушел, Китти позвала Фреда и попросила его свозить ее в город. Там она направилась в ателье Винг-Хинг-Лунга и

поинтересовалась у него, сможет ли он сшить для нее блузку с длинным рукавом и юбку из белого хлопчатобумажного тика, из которого обычно шьют себе костюмы владельцы жемчужных промыслов. Блузка должна застегиваться спереди на пять больших жемчужных пуговиц, воротник-стойка. Китти предложила закройщику двойную цену, но при условии, что заказ будет готов к девяти утра завтрашнего дня. После чего вернулась домой и, расхаживая по гостиной, остаток дня потратила на обдумывание того, с чем именно она обратится завтра к мужчинам, занятым на различных работах в их компании. Конечно, она спятила, ввязавшись в такую авантюру, уныло размышляла Китти. С другой стороны, можно же вспомнить отца, который каждое воскресенье взбирался на кафедру, чтобы обратиться к своим прихожанам с очередной проповедью. И она часто наблюдала, какое воодушевление охватывало собравшихся после его речи. Скорее на всех этих людей действовали не столько сами слова проповеди, сколько то, какой верой было исполнено каждое слово. И с каким темпераментом все это проговаривалось. Ну и, разумеется, та харизма, которой отец обладал в полной мере, кто бы с этим спорил.

«Должна же и я хотя бы попытаться ради Эндрю, ради Чарли, ради Драммонда», – приказала себе Китти. И тут ее внезапно осенило.

На следующее утро Китти внимательно обозрела собственное отражение в зеркале. Она пристегнула к блузке небольшую золотую цепочку, которую сняла с белоснежного пиджака мужа. В этом пиджаке Эндрю всегда появлялся у себя в конторе, а цепочка – это такой своеобразный знак, символ хозяина промысла. Потом Китти взяла белый пробковый шлем и, водрузив его на голову, издала короткий смешок, разглядывая себя в зеркале. Шлем – это явно перебор, но пусть будет, решила Китти и положила шлем рядом с кожаным портфелем Эндрю, в котором тот обычно носил на работу и с работы всякие деловые бумаги.

Потом глянула на себя в зеркало и сделала глубокий вдох.

– Китти Макбрайд, не робей! Не зря же отец произвел тебя на этот свет...

– Джентльмены! – начала Китти, оглядев море колышущихся мужских лиц внизу.

Интересно, к людям каких национальностей она сейчас обращается, мелькнуло у нее. Наверняка японцы, малазийцы, представители восточнотиморского народа. Вся эта масса разбавлена редкими вкраплениями более светлых лиц. Сверху Китти было видно, что собравшиеся уже начали нетерпеливо переговариваться друг с другом, многие перемигивались и даже хихикали.

– Прежде всего, я хочу представиться тем из вас, кто меня еще не знает. Меня зовут Китти Мерсер, я – жена мистера Эндрю Мерсера. В связи с недавней гибелью отца и брата мой муж был вынужден отъехать из Брума, чтобы урегулировать некоторые семейные дела, касающиеся общего семейного бизнеса. Надеюсь, вы присоединитесь к пожеланиям ему доброго пути. Будем молиться, чтобы у него хватило сил справиться со всеми делами в столь трудное лично для него время.

Китти почувствовала, как ее голос слегка дрогнул, когда она в очередной раз озвучила эту ложь.

«Будь сильной, Китти. Держи себя в руках. Они ведь мгновенно распознают твою слабость, учуют ее за целую милю...»

– На время своего отсутствия мистер Мерсер попросил меня исполнять его обязанности. Разумеется, с должной помощью и при содействии мистера Ноэля Донована, который продолжит руководить бизнесом в обычном режиме.

Ей было видно, как многие недовольно вскинули брови, послышался протестующий гул голосов. Китти собрала остатки сил и продолжила свою речь:

– Джентльмены, мне стало известно, что в городе упорно циркулируют слухи о том, что компания «Мерсер Перлинг» переживает тяжелые времена. Якобы ее финансы сильно подорваны тем, что во время последнего шторма были потеряны три наших

люггера. Раздаются даже голоса в поддержку того, чтобы мы свернули свой бизнес и ушли с рынка. Уверена, никто из здесь присутствующих не станет распространять подобные небывлицы. Особенно если вспомнить, какую страшную трагедию пережила наша семья, да и весь город Брум в целом. Потому что все вы до единого хорошо помните и всегда вспоминаете добрым словом человека, стоявшего у истоков нашего семейного бизнеса, мистера Стефана Мерсера. Компания, которую он когда-то создал, не только является одной из старейших компаний в Бруме, но и пользуется заслуженной репутацией солидного и успешного предприятия. Да и многим из вас «Мерсер Перлинг» обеспечила хороший доход, позволяющий вам достойно содержать свои семьи – жен и детей.

Я здесь для того, чтобы сказать вам прямо: все слухи о якобы финансовой несостоятельности нашего бизнеса абсолютно беспочвенны. Наверняка к их распространению причастны недоброжелатели из числа наших конкурентов, мечтающих поскорее вытеснить нас с рынка и занять наше место. А потому позвольте напомнить вам еще раз. «Мерсер Перлинг» – это одна из богатейших и самых успешных компаний Австралии. Готова подтвердить это снова и заверить всех, присутствующих здесь: мы не испытываем нехватки средств, в том числе и наличных, ни в том, что связано с промыслом добычи жемчуга, ни в других сферах нашей деятельности. Только сегодня утром мы с мистером Донованом подписали очередной контракт на строительство трех новых люггеров. Надеемся, что уже к концу года два из них пополнят наш промысловый флот.

Китти замолчала, чтобы перевести дыхание, а заодно проверить реакцию аудитории на свои слова. Кто-то из мужчин повернулся к своему соседу и торопливо переводил ему на ухо все, что она только что сказала. Многие удивленно покачивали головами.

«Кажется, я почти завладела их вниманием...»

– Ни о каком коллапсе нашего бизнеса не может быть и речи. Напротив! Уже в самые ближайшие месяцы мы намереваемся привлечь к работе на наших судах лучших ныряльщиков Брума и других специалистов по добыче жемчуга. Моя цель, как и цель моего мужа, сделать все от нас зависящее, чтобы компания «Мерсер Перлинг» стала самым успешным бизнесом в мире.

Последние слова были встречены одобрительными возгласами, и это придало Китти силы продолжить свое выступление.

– Я в курсе того, что некоторые из вас уже сегодня решили уволиться и перейти на новое место работы. Заверяю вас, что со всеми без исключения рассчитаются полностью, то есть выплатят все, что вам причитается. Если же вы вдруг передумаете и решите остаться, то гарантирую каждому десятипроцентную надбавку к основному окладу, согласно последней воле мистера Стефана Мерсера, которая закреплена в его завещании. Эта надбавка положена всем сотрудникам компании «Мерсер Перлинг».

– Джентльмены, от имени семьи Мерсер я приношу вам свои извинения за ту неопределенность, которая воцарилась в компании в последние несколько недель. Как вы прекрасно понимаете, наша семья, как и многие другие семьи в Бруме, пережила тяжелейшее потрясение. Нужны были силы и время, чтобы хоть как-то оправиться после всех этих утрат. Быть может, кто-то из вас сомневается, под силу ли женщине справиться со всем ворохом накопившихся проблем. Но я прошу вас внимательнее глянуть на женщин в собственных семьях и подумать о том, с чем приходится сталкиваться им и какие для этого нужны силы и выдержка. Ведь ваши жены не только ведут домашнее хозяйство, но наверняка и распоряжаются вашим семейным бюджетом, пытаюсь удовлетворить потребности всех членов семьи. Вполне возможно, у меня не хватит сил или храбрости выйти вместе с вами в открытое море, и чисто внешне у меня нет того мужества, которое ежедневно, ежечасно демонстрируете вы, занимаясь добычей жемчуга, но уверяю вас, в моем сердце есть место и силе духа, и мужеству. С благословения своего дорогого, безвременно ушедшего от всех нас свекра и с согласия моего мужа я сделаю все от себя зависящее, чтобы уверенной рукой направить компанию «Мерсер Перлинг» в будущее.

Китти затаила дыхание, стараясь ничем не выдать обуревающих ее эмоций. Пережитое напряжение было слишком велико. Она молча глянула на притихших мужчин. Судя по их серьезным лицам, они ловили каждое сказанное ею слово. Она сделала знак, и в комнату внесли подносы с бокалами шампанского и стали разносить их среди собравшихся. Рядом с ней тут же возник Ноэль и тоже протянул ей бокал шампанского. Китти взяла бокал из его рук.

– Завтра я приеду в док, чтобы лично проводить тех из вас, кто отправится в море на наших судах. Чтобы пожелать вам удачного лова и благополучного возвращения в родную гавань. А сейчас прошу вас поднять бокалы в память обо всех тех, кого мы потеряли во время последнего шторма. И прежде всего, прошу вас почтить светлую память нашего основателя, мистера Стефана Мерсера. – Китти подняла свой бокал. – Вечная ему память!

– За светлую память Стефана! – хором откликнулись мужчины, поднимая бокалы. Китти тоже пригубила свой бокал.

Последовала короткая пауза, а потом кто-то из зала выкрикнул:

– Троекратное ура в честь миссис Мерсер! Гип-гип!

– *Ура!*

– Гип-гип!

– *Ура!*

– Гип-гип!

– *Ура!*

Китти слегка пошатнулась, и ее тут же поддержала крепкая рука Ноэля. Он подвел Китти к стулу, одиноко стоявшему в углу складского помещения, и она с благодарностью опустилась на него.

– Выступление у вас получилось что надо! – восхищенно воскликнул Ноэль, они оба наблюдали со стороны за тем, как собравшиеся разбились на группки и стали разговаривать между собой, не забывая при этом время от времени наполнять свои бокалы. – Даже меня вы убедили, – прошептал он с улыбкой. – А уж их-то точно убедили, всех до единого. Хотя только одному Богу известно, как мы станем рассчитывать по всем тем обещаниям, что вы им сегодня дали.

– Найдем способ, Ноэль. Обязательно найдем, – устало откликнулась Китти. – Во что бы то ни стало должны найти.

– У вас уставший вид, миссис Мерсер. Почему бы вам прямо сейчас не отправиться домой? Передохните немного. Здесь вы сегодня потрудились на славу. Это я вам говорю. А эти люди сейчас осушат до дна все бутылки, а потом захотят получить все свои деньги... Сполна, как вы им и пообещали. Включая премиальную надбавку. Но, миссис Мерсер, на наших счетах все по нулям и...

– Я прихватила с собой некоторую сумму денег. Должно хватить, – твердо ответила Китти. – А сейчас, если вы не возражаете, я

хотела бы поприветствовать каждого нашего работника персонально и с каждым рассчитаться как положено.

– Конечно-конечно! Какие возражения? – Ноэль глянул на нее с нескрываемым почтением, а потом, отвесив небольшой поклон, удалился в контору, чтобы привести оттуда клерка, осуществляющего денежные выплаты.

В четыре часа дня Китти наконец вернулась домой. Фред помог ей спуститься с повозки, и она, пошатываясь от усталости, вошла в дом.

– Хочу немного передохнуть, – сказала она Камире, поджидавшей хозяйку в холле. – Пожалуйста, принеси в мою комнату кувшин со свежей водой.

– Сию минуту, миссис Китти. – Камира поспешно изобразила свой обычный реверанс, а потом стала внимательно разглядывать хозяйку. – Вам снова плохо?

– Нет. Просто очень устала. Смертельно устала.

Китти улеглась на кровать, наслаждаясь легким ветерком, проникающим в комнату через открытое окно. Целых три часа ей потребовалось на то, чтобы поговорить с каждым работником, расспросить его о семье, о том, как ему живется. Никто из присутствовавших на собрании не подошел к ней с просьбой об окончательном расчете. Напротив! Многие подходили и, смущенно улыбаясь, говорили, что всегда верили в компанию «Мерсер Перлинг», выражали ей свои соболезнования в связи с потерей близких. Некоторым для этого требовалась помощь переводчика.

Несмотря на то что банковский дефицит компании даже возрос, они полностью укомплектовали все свои суда и ныряльщиками, и ассистентами, и помощниками. Завтра все они выйдут в открытое море на промысел, чтобы залатать возникшие финансовые дыры в их бизнесе.

Китти закрыла глаза и мысленно поблагодарила Господа за то, что в свое время отец по средам практиковал познавательные завтраки, устраивая своим маленьким дочерям своеобразные экскурсии в историю. В частности, он как-то раз в сжатом виде изложил им

биографию Елизаветы Тюдор. И хотя эта королева казнила свою шотландскую кузину Марию Стюарт, тем не менее именно королева Елизавета вдохновляла сегодня Китти во время ее выступления.

«Хотя у меня тело слабой и хрупкой женщины...»

Ведь когда-то с такими словами королева обратилась в порту Тилбери к своей армии, к своим морякам, готовым победить Испанскую Армаду.

«Прости меня, Эндрю. Сегодня я сделала ради тебя все, что смогла...»

В последующие две недели Китти поднималась ни свет ни заря и тотчас же отправлялась в контору. Приезжала туда даже раньше Ноэля. Она скрупулезно изучила все бухгалтерские книги, благо пригодились те навыки, которые она приобрела, разбираясь с приходскими счетами своего отца. Ею был выявлен ряд несоответствий, в том числе и по суммам, которые выдавались наличными. Она обратилась за разъяснениями к клерку, который вел кассу. Но тот откrestился от всех этих дел.

– Спросите у мистера Ноэля, – сказал он ей. – Эти суммы выдавались по его личному распоряжению.

– Всякое случается в нашем бизнесе, – пустился в объяснения управляющий, нервно сжимая и разжимая руки и стараясь не встречаться с ней взглядом. – Порой кто-нибудь из ныряльщиков предъявляет фальшивую жемчужину, а настоящую припрятывает, надеясь, что жемчужина окажется ценной и он сумеет сбыть ее с выгодой для себя. Вот чтобы избежать всего этого, чтобы у ныряльщиков не было соблазна утаивать свой улов от хозяев, мистер Эндрю, а первым это начал делать мистер Стефан, стали выплачивать наличными какую-то сумму денег любому ныряльщику, который предъявит им какую-нибудь особо ценную, по их мнению, жемчужину. Чаще всего все эти находки оказывались пустышками. Кусок перламутра, и только. Но зато уменьшился и риск того, что вас попросту обворуют. Понимаете меня?

– Да. Отлично понимаю.

На вторую половину дня у Китти был запланирован визит в банк. И вот она сидит у стола, а по другую сторону восседает мистер Харрис. С удрученным видом он обрисовал ей общую картину состояния их дел. Довольно мрачную, по его мнению.

– Заверяю вас, мистер Харрис, – с жаром воскликнула Китти, – ни о какой нехватке оборотных средств не может быть и речи! Империя семьи Мерсер стоит баснословно дорого.

– Вполне возможно, так оно и есть. Но, к сожалению, миссис Мерсер, банку нужны незамедлительные гарантии того, что вы располагаете каким-то капиталом. Возможно, вы сумеете перебросить часть имеющихся у вас средств с других подразделений семейного бизнеса.

Лицо управляющего было каменным. Такого не разжалобишь. Тем более что он привык, живя в Бруме, к тому, что в этом городе полно несчастных, которые всеми правдами и неправдами выклянчивают отсрочку по своим кредитам.

Беда лишь в том, подумала про себя Китти, что она и понятия не имеет, каково общее состояние дел в империи семьи Мерсер и что имеется у них на счетах. Для этого ей нужно срочно ехать в Аделаиду и встречаться там с их семейным нотариусом. Но она не стала озвучивать все свои мысли вслух, а лишь молча кивнула в знак согласия.

– Я понимаю вас, – сказала она. – Но не могли бы вы дать мне хотя бы месяц отсрочки по нашим платежам?

– Боюсь, что нет, миссис Мерсер. Вы и так уже превысили свой кредит на двадцать три тысячи фунтов.

– Но я могу предложить в качестве временного залога наш дом. Что скажете? – спросила у него Китти. – Дом расположен в самом уважаемом районе Брума. Он роскошно обставлен. Вы согласны взять его в качестве залога на то время, пока я изыщу необходимую сумму для погашения нашей задолженности?

– Миссис Мерсер, – нахмурился в ответ мистер Харрис, – не мое это дело – советовать вам что-либо. Но вы считаете такой шаг разумным? Вполне возможно, вы не представляете, насколько непредсказуем и рискован промысел, связанный с добычей жемчуга. Мне было бы крайне прискорбно узнать, что в один прекрасный день

вы вместе с вашим маленьким сыном окажетесь на улице и без крыши над головой.

– Да, добыча жемчуга – дело рискованное, согласна с вами, мистер Харрис. Однако будь я игроком, то могла бы поставить на кон все в надежде на то, что после всех тех несчастий, которые обрушились на семью Мерсер, нам наконец должно повезти и мы выплывем на чистую воду. Завтра я принесу вам все необходимые документы для оформления залога.

– Как пожелаете, миссис Мерсер. Но предупреждаю заранее: оставшуюся сумму задолженности вы должны будете погасить в течение ближайших шести месяцев.

– Согласна. Я тоже хочу предупредить вас, – сказала Китти, поднимаясь со стула. – Если произойдет утечка информации и до меня дойдут слухи о нашей с вами сделке, наша компания немедленно разорвет с вашим банком все деловые контакты. Это вам понятно?

– Абсолютно.

– Вот и отлично. Тогда завтра я снова приеду к вам, чтобы утрясти все бумажные формальности.

Китти покинула кабинет управляющего банком с высоко поднятой головой. Она прекрасно отдавала себе отчет в том, что могла бы и не втягивать себя во все эти сложные финансовые проблемы. В конце концов, что мешает ей отправиться вместе с Чарли в Аделаиду и снова поселиться в доме свекрови? Зажить одной семьей вместе с Эдит в Алиса-Холл, причем зажить в роскоши...

«Нет уж, лучше смерть!» – мысленно повторила она слова Драммонда, покидая здание банка и выходя на улицу, где царил изнуряющий полуденный зной. Жить во лжи *здесь*, но одной, это одно дело, а лгать изо дня в день женщине, под чьей крышей она поселилась бы и которая продолжает свято верить в то, что ее старший сын жив и в один прекрасный день снова вернется к ним, это уже совсем другое.

Уже дома Китти снова почувствовала головокружение и стала ругать себя почему зря. Она должна быть сильной. Должна! Ей нужны силы, много сил, прежде всего для того, чтобы спасти бизнес. Она уселась за свое бюро, извлекла из кожаного портфеля Эндрю бухгалтерские книги, которые прихватила с собой из конторы, и погрузилась в их повторное изучение.

– Боже правый! – вздохнула Китти, укладывая голову на стол. – Во что я только ввязалась?

Раздался стук в дверь. Вошла Камира с подносом, на котором стоял чайник со свежесваренным чаем, как просила Китти.

– Спасибо, – поднялась она со стула, чтобы взять чайник.

– Миссис Китти, да на вас лица нет. Бледная, словно сама смерть. Прилягте, отдохните... Вам нужен отдых.

– Все в порядке. Это просто жара так на меня подействовала. Я...

Камира в ужасе отпрянула, увидев, что ее дорогая хозяйка рухнула на пол, лишившись чувств.

– Когда у вас в последний раз была менструация?

Китти глянула в умные темно-карие глаза доктора Сузуки и нахмурилась, пытаясь вспомнить, когда же. Да, но почему его это интересует, мысленно удивилась она. Ежу ведь понятно, что причина всех ее недомоганий – это нервное истощение после всех последних несчастий. Плюс еще и кое-какие последствия перенесенной холеры.

– Наверное, месяца два тому назад. Я не помню точно, доктор Сузуки.

– И с тех пор месячных больше не было?

Прямолинейность его вопроса заставила Китти невольно поежиться. Да, доктор Сузуки, бесспорно, лучший врач в городе, но вот деликатности ему явно не хватает. Доктор Блик никогда не стал бы беседовать со своей пациенткой в такой откровенной манере. Китти снова напрягла память.

– Думаю, последний раз это было где-то в середине апреля, – не очень уверенно солгала она. – Да, именно в апреле. Я теперь припоминаю.

– Вот как? Очень странно, мадам. Потому как, по моим прикидкам, вашему ребеночку как минимум четыре месяца или около того.

– Так я беременна? Вы уверены в этом?

– Полностью уверен.

«Не может быть...»

– Ну а в остальном вы абсолютно здоровы. Примите мои поздравления, мадам. Надеюсь, ваш муж незамедлительно поспешит домой, как только узнает эту счастливую новость.

– Спасибо, – коротко поблагодарила его Китти, оцепенев от такого известия.

– Вы пережили страшное горе. Понесли такие утраты... Но, как видите, Господь милостив. Он не только забирает, но и дарует. А сейчас я прописываю вам только одно: как можно больше отдыхать. Вы очень худенькая, а ребеночек, судя по всему, крупный. Весь следующий месяц – постельный режим. Берегите себя и ту жизнь, которая зреет внутри вас.

Ошеломленная, Китти молча наблюдала за тем, как доктор складывает в саквояж свои инструменты.

– Всего вам доброго, миссис Мерсер. Я к вашим услугам в любое время дня и ночи. – Доктор Сузуки отвесил легкий поклон и удалился из ее спальни.

– Нет, только не это! Пожалуйста... – с отчаянием выдохнула Китти, и одинокая слезинка выкатилась из ее глаза и покатила по щеке. – У меня ведь столько дел.

Китти глянула на потолок и увидела большого паука, неспешно шествующего по нему. И вспомнила, как когда-то, много лет тому назад, Драммонд впервые появился в ее спальне и спас от паука.

– Я ношу под сердцем твое дитя, – прошептала Китти и тут же возблагодарила небеса за то, что его обман хоть как-то послужит ей на пользу. Во всяком случае, все вокруг будут уверены в том, что она забеременела от собственного мужа. Насколько она помнит, последняя менструация у нее случилась где-то в середине февраля...

– О боже! – Китти больно прикусила губу. – Какая незадача! – снова прошептала она и осторожно погладила свой живот.

– Прости меня, – обратилась Китти к этой зреющей в ней новой жизни. Невинный младенец, безгрешная душа. – Прости меня за то, что ты никогда не узнаешь правду о своем отце.

Брум

январь 1929 года
17 лет спустя

24

Солнце уже давно село, когда Китти наконец оторвала покрасневшие от усталости глаза от бухгалтерской книги, лежавшей перед ней. Она сняла очки и облокотилась руками о стол, потом устало потерла переносицу. Машинально глянула на настенные часы, висевшие в конторе. Ого! Уже девятый час вечера. Персонал давным-давно разошелся по домам. Пожалуй, ей тоже пора. Но, честно говоря, все последние годы она привыкла засиживаться на работе далеко за полночь, просматривая бумаги при свете лампы.

Китти подумала о своем дорогом сыне Чарли, и из ее груди вырвался произвольный вздох. Она ведь намеревалась встретить его сегодня днем в порту, но неожиданно вернулся один из их люггеров с богатым уловом раковин. Пришлось заняться делом, и встреча с сыном сорвалась.

С другой стороны, ей есть чем гордиться. Каторжный труд плюс острое деловое чутье – все это позволило не только восстановить былую мощь их бизнеса, но и существенно приумножить капиталы семьи Мерсер. Чарли в полной мере сможет воспользоваться всеми плодами ее усилий. Через два дня ему исполнится двадцать один год и он станет полноправным хозяином их семейного бизнеса. Единственное, что огорчало, так это то, что при живой матери ее сын рос, можно сказать, сиротой. Она же отдавала делу все свои силы, всю себя без остатка.

Правда, она знала, что в то время как она днюет и ночует в конторе, ребенок находится под заботливым крылом Камиры. Так он и рос, вырослел в обществе Кэт, своей давней подружки по детским играм. Между этими двумя уже давно сложились особые отношения, что, конечно же, не ускользнуло от внимания Китти. Даже когда Чарли отправили на учебу в закрытую школу в Аделаиде – Китти

неукоснительно соблюла желание своего покойного мужа на сей счет, понимая, что с учетом сложившихся обстоятельств такое решение будет наилучшим со всех точек зрения, все равно во время каникул Чарли и Кэт были неразлучны.

Наверное, только к лучшему, что пост личного секретаря Чарли, когда он начнет заниматься бизнесом уже в качестве полноправного хозяина, займет чрезвычайно хорошенькая и очень воспитанная барышня Элиза Форсайт, которая вместе со своей семьей недавно поселилась в Бруме. Китти лично выбрала Элизу на эту должность. В глубине души Китти поругивала себя за то, что уже почти готова заняться сводничеством. Но, с другой стороны, важно, чтобы Чарли нашел себе подходящую партию и выбрал такую жену, которая смогла бы стать ему, главе империи Мерсер, настоящей опорой и верной помощницей.

Что же касается личных планов, которые Китти, впрочем, никому еще пока не озвучивала, то она вполне определенно знала, чем займется после того, как передаст бразды правления в руки Чарли. Все минувшие семнадцать лет ежедневная тяжелая работа отвлекала ее от мыслей о Драммонде и всем том, что тогда случилось. Китти боялась, что, как только у нее появится свободное время, мысли снова вернутся к тому, что было... Она тяжело переживала разлуку с Драммондом. Не менее болезненной стала и еще одна утрата, случившаяся спустя пять месяцев после того, как он покинул Брум. Тогда Китти думала, что уже никогда не сможет оправиться после такого страшного удара.

Конечно, вокруг было полно соискателей ее руки и сердца. Все они готовы были выстроиться в ряд и снять свои шляпы перед молодой, красивой и очень богатой владелицей самого успешного бизнеса по добыче жемчуга в Бруме. Но когда-то, семнадцать лет тому назад, Китти дала себе слово, что после расставания с Драммондом никого и никогда больше не полюбит. И слово свое она сдержала. Бизнес стал ее любовником, а постельные утехы заменили бухгалтерские гроссбухи.

– Боже правый! Я за эти годы превратилась в самого настоящего мужчину, – невесело усмехнулась она. После чего снова водрузила на нос очки и принялась просматривать бухгалтерскую отчетность.

– Спасибо, Алкина.

Чарли незаметно подмигнул девушке, прислуживающей им с матерью за завтраком. Как всегда, Алкина сделала вид, что ничего не заметила, из опасения, что все заметит его мать. Но Китти, по своему обыкновению, уткнулась носом в газету «Нотерн Таймс». Вряд ли что-либо могло отвлечь ее внимание в такие минуты. Пожалуй, она бы не заметила, даже если бы им на головы обрушился потолок.

– Боже мой! – тяжело вздохнула она, переворачивая очередную страницу. – В порту Аделаиды беспорядки. Рабочие бунтуют. Хорошо, что ты успел вовремя уехать оттуда. – Китти задумчиво покачала головой и отложила газету в сторону, намереваясь сосредоточиться на разговоре с сыном. – Ты уже успел просмотреть список гостей, которых я пригласила к нам на ужин по случаю твоего дня рождения? Кажется, я не забыла никого из тех, кто представляет сливки общества в Бруме. Гляжу на тебя и глазам своим не верю... Через несколько дней ты войдешь в этот круг как законный хозяин нашего бизнеса. Как же летит время, однако. – Китти вздохнула. – Кажется, еще вчера я держала тебя, маленького, на руках.

Чарли хотелось возразить матери, сказать, что лично ему показалось, будто минувшие годы длились целую вечность, что он дожидаться не мог того момента, когда наконец достигнет совершеннолетия. Но он ограничился лишь коротким ответом на вопрос матери:

– Нет, мамочка, я еще не просматривал. Но уверен, ты никого не забыла.

– После обеда к нам придет мистер Сои. Принесет тебе униформу хозяина жемчужного промысла. Я заказала ему дюжину таких костюмов. Но, сдаётся мне, ты немного похудел с тех пор, как был в Бруме в последний раз. Интересно, чем ты там только питался, в этой Аделаиде? А сразу же после завтрака мы с тобой отправимся в контору. Я наняла к нам на работу одну очень грамотную и способную молодую барышню. Ее зовут мисс Форсайт. Она будет твоим секретарем. У девушки отличные рекомендации. К тому же она принадлежит к одной из самых уважаемых семей нашего города.

– Как скажешь, мама, – покорно ответил Чарли. Он уже привык к этим страшно раздражающим попыткам матери свести его с любой девушкой не старше двадцати пяти из тех новеньких, кто появлялся в их городе. Наверняка, думал про себя Чарли, провожая глазами ладную миниатюрную фигурку Алкины, скрывшейся за дверью, мама в курсе того, что он уже давно прикипел сердцем только к одной-единственной женщине на свете. Вот будет облегчение для него и для всех, когда он объявит о своем решении во всеуслышание. Гора с плеч! Больше никаких загадок...

– Итак, встречаемся возле машины через тридцать минут.

– Хорошо, мама.

Чарли молча смотрел, как его мать поднимается из-за стола. Он знал, местные всюду судачат, счастлива ли Китти. Ведь как ни верти, а целых семнадцать лет после отъезда своего мужа и его последующего исчезновения она живет одна. И у нее есть все законные права потребовать официального расторжения брака на том основании, что муж бросил ее. В конце концов, ей лишь немного за сорок. Пару лет тому назад Чарли попытался осторожно затронуть эту щекотливую тему в разговоре с матерью. Он особенно упирал на то, что она не должна чувствовать себя виноватой, если настоит на официальном аннулировании своего брака с Эндрю.

– Лично я, мамочка, никак не стану возражать против этого. Единственное, чего я хочу, это чтобы ты была счастлива.

– Благодарю тебя, сынок, за доброе участие в моей судьбе и высоко ценю твою заботу обо мне, но больше я замуж не выйду.

С этими словами мать покинула комнату, а Чарли, увидев выражение ее лица, понял, что впредь никогда не стоит заводить разговор на эту тему.

Китти направилась к себе в кабинет, чтобы прихватить с собой на работу кое-какие бумаги, а Чарли побежал на поиски Алкины. Но в кухне он застал только Камиру.

– Кэт пошла в город по делам, мистер Чарли, – опередила она его вопрос. – Хозяйка дала ей несколько поручений. Но не переживайте, она скоро вернется. А пока уходите из кухни. – Она скорехонько выпроводила молодого человека за дверь, и Чарли уныло поплелся к себе в комнату готовиться к поездке в контору.

Последний раз он приезжал домой из Аделаиды четыре месяца тому назад. Еще никогда они с Алкиной не разлучались на столь долгий срок. Чарли сгорал от нетерпения поскорее заключить ее в свои объятия. Выпускные экзамены в университете он сдал еще в конце ноября и уже паковал вещи, чтобы поскорее отправиться в Брум. Но буквально на пороге его остановила телеграмма от матери, в которой Китти извещала сына о том, что накануне умерла его бабушка Эдит. А потому, вместо того чтобы поспешить на пароход и отплыть домой, ему было велено остаться в Аделаиде, дожидаться там Китти и сделать все необходимые в таком случае приготовления.

В конце концов они упокоили Эдит с миром и остались в Аделаиде еще на какое-то время. Встретили Рождество в Алиса-Холл. Воспользовавшись представившейся возможностью, Китти свозила сына на их семейные виноградники, расположенные в районе гор Аделаиды. Там она познакомила его с нынешним управляющим и попросила ввести сына в курс дела. Ведь скоро ему предстоит заниматься и этим бизнесом. Потом они вместе совершили поездку в Кубер-Педи, и Китти показала Чарли их рудник, где добывают опалы. Более того, она настояла на том, чтобы сын задержался на руднике по крайней мере недели на две, для того чтобы познакомиться с производством и узнать, как именно функционирует их горнодобывающий бизнес. Сама же она вернулась в Брум.

Столь длительная незапланированная задержка в Аделаиде имела лишь одну приятную сторону – она позволяла Чарли часто встречаться со своим старым товарищем и другом Тедом Стрехлоу. Чарли познакомился с Тедом, когда им обоим было по одиннадцать. Мальчишки жили в одном дортуаре и учились в колледже Эммануила. Потом они вместе продолжили учебу уже в университете Аделаиды, где Чарли изучал экономику и даже получил степень бакалавра по экономическим наукам, а Тед специализировался в области классической и английской литературы. Впрочем, в дальнейшем приятель мечтал стать антропологом и вплотную заняться изучением истории и культуры аборигенов. Эта сфера деятельности не имела ничего общего с бизнесом, с миром, где заняты тем, что делают деньги, наживаясь на труде других людей. В глубине души Чарли очень завидовал своему другу. О, с какой радостью он сбросил бы со

своих плеч тот груз ответственности, который в скором времени ляжет на него как на владельца империи Мерсер.

– Чарли, ты готов? – услышал он голос матери.

– Да, мама. Уже иду, – откликнулся Чарли и тяжело вздохнул.

Днем у Чарли состоялась встреча с портным. Он изо всех сил старался делать вид, что ему это интересно, ведь портной был страшно горд тем, что ему оказана такая высокая честь – сшить самые первые костюмы владельца жемчужного промысла для будущего главы империи Мерсер. Потом Чарли отправился в контору компании, которая располагалась непосредственно в гавани, чтобы познакомиться со своей будущей секретаршей Элизой Форсайт. Она действительно оказалась очень хорошенькой, такая немного холодноватая красота в чисто английском стиле. Впрочем, никакого сравнения с взрывной, экзотической красотой его возлюбленной Кэт. Потом Чарли поприсутствовал на совещании, которое проводил Ноэль Донован с руководящим составом компании. Чарли сидел в зале заседаний за столом из красного дерева и пытался внимательно слушать все, что говорили присутствующие о конкурентах из Японии.

– Они называют свой искусственно выращенный жемчуг «культурным» жемчугом. Но как можно соотнести слово «культура» с чем-то, что, по сути, является лишь грубой копией того, что способна сотворить только природа? – воскликнула мать, разразившись презрительным смешком.

– Насколько я наслышан, мэм, – возразил главный бухгалтер компании, – Микимото уже успел буквально наводнить все рынки своим искусственным жемчугом. А его жемчужины сферической формы и вовсе невозможно отличить от натурального жемчуга. Недавно Микимото открыл в Париже еще один магазин. Там они продают искусственно выращенный жемчуг, называя его «Дарами Южных морей». А еще...

– Если кто-то желает приобрести себе дешевую поделку, имитацию дорогой вещи, что ж, пусть себе покупают на здоровье, – перебила его Китти. – Уверена, здесь у нас такая мода никогда не

приживется. А сейчас, джентльмены, если мы уже исчерпали повестку нашего совещания, позвольте мне показать сыну его новый рабочий кабинет.

Китти поднялась из-за стола первой. Следом за ней стали подниматься мужчины. Послышался скрип отодвигаемых стульев. Она вышла из комнаты в сопровождении Чарли и направилась по коридору, по обе стороны которого располагались служебные помещения, в которых активно кипела бумажная работа. При виде хозяйки и ее сына, проходящих мимо, клерки почтительно кланялись. Мать открыла своим ключом дверь в самом конце коридора и пригласила Чарли пройти в комнату.

– Что скажешь, дорогой? Как тебе твой новый кабинет? Решила устроить тебе небольшой сюрприз.

Чарли замер на пороге, разглядывая сверкающую поверхность большого письменного стола, за которым можно не только работать, но и вести переговоры, красивый старинный глобус, изысканный сервант из черного лакированного дерева, расписанный золотыми бабочками.

– Замечательно, мама! Очень красиво. Спасибо. Дай-то бог, чтобы я сумел оправдать те надежды, которые вы все на меня возлагаете.

Чарли подошел к окну и посмотрел на док. Вон вдалеке мелькнул небольшой трамвайчик, который мерно катил по рельсам, направляясь к центру города.

– Конечно оправдаешь. Что за разговоры? Жемчужный промысел у тебя в крови.

– Если честно, мама, – Чарли тяжело опустился в кожаное рабочее кресло с высокой спинкой, – то я и сам пока еще не знаю, готов ли я к такой ответственности. Ведь все эти годы ты так великолепно руководила нашим бизнесом.

– Мой дорогой, я лишь присматривала за нашей империей, которая теперь по праву принадлежит тебе, как это завещали твой отец и твой дядя. Двадцать один год я наблюдала за тем, как ты взрослеешь, как мужаешь, и за все эти годы ты ни разу не дал мне повода усомниться в тебе. Или тем более решить, что ты не пригоден для того, чтобы руководить нашей империей. Думаю, ты станешь достойным продолжателем дела своего отца.

– Спасибо, мама. – Чарли невольно обратил внимание на то, что Китти сознательно не стала выпячивать собственную роль в успехах

их семейного бизнеса.

Ее ярко-синие глаза окинули сына внимательным взглядом.

– О лучшем наследнике не могли бы мечтать ни я, ни твоя бабушка, ни твой отец. В тебе есть все, что нужно для того, чтобы стать во главе нашего бизнеса. Я горжусь тобой, Чарли. Это правда. Но лишь одно небольшое предостережение...

Китти отвела от сына глаза и тоже посмотрела в окно, откуда открывался великолепный вид на море.

– Слушаю тебя, мамочка.

– Не позволяй любви ослеплять себя. Ибо это может погубить нас всех. А сейчас, – она несколько натянуто улыбнулась и направилась к дверям, – мы идем в доки. Наши люггеры стоят на приколе. Сезон ремонтных работ. Вот мы сейчас с тобой и проинспектируем, как команды справились с этой работой.

– Хорошо, мама.

Чарли поднялся с кресла и пошел вслед за матерью, чувствуя неприятную пустоту в желудке. Слова Китти сильно растревожили наследника.

Ровно в одиннадцать часов свет в спальне матери погас. Чарли, крадучись, выбрался из дома, стараясь двигаться с осторожностью кошки. К одной такой кошечке он сейчас и устремлялся на свидание. Он пересек террасу и вышел в сад. Трава упруго пружинила у него под ногами. Многолетние садоводческие усилия Фреда плюс неистребимый оптимизм его матери, вера в то, что в один прекрасный день у нее появится настоящий сад, которому не будет страшна никакая красная глина, затопляющая все вокруг в сезон дождей, увенчались в итоге успехом. Единственное, от чего Китти отказалась, так это от роз в открытом грунте. Розы у них теперь цвели в огромных горшках, расставленных вдоль всей террасы, а при малейших признаках непогоды или приближающегося шторма горшки с цветами немедленно уносились прочь, в закрытое помещение. Китти и не догадывалась, что этот розарий под крышей, который Фред специально смастерил для цветов, стал отличным убежищем для юных

влюбленных. Там молодые люди встречались постоянно. Несмотря на то что каждый вечер Фред осмотрительно запер розарий на ключ, который постоянно держал при себе, Кэт все же как-то удалось «позаимствовать» у него на время этот ключ. Чарли отнес его в мастерскую, где ему тут же сделали дубликат.

Чарли миновал камень, торчавший из красной земли рядом с зеленеющей лужайкой. Камень – это их условный знак. Так молодая парочка уведомляет друг друга, что сегодня они встречаются попозже, когда все уже улягутся спать. Сколько незабываемых часов они провели в этом розарии, пережидая непогоду, с наслаждением вдыхая аромат роз, который заполнял все вокруг. Прямо как в самом настоящем будуаре. Обычно они расстилали на полу грубое одеяло, укладывались на него и тут же начинали изливать свои чувства друг другу. Но сегодня Чарли приготовил для своей возлюбленной нечто особенное.

Эту вещицу он высмотрел в квартире Теда, когда они за кружкой пива отмечали Новый год. Тед был страстным коллекционером, и вся его квартира была забита всевозможными камнями, минералами, морскими раковинами, а также самыми разнообразными артефактами, принадлежавшими различным племенам аборигенов, которые ему удалось обнаружить во время своих путешествий. Маленький сверкающий кусочек янтаря сразу же привлек внимание Чарли. Это был необычный янтарь, с каким-то микроскопическим насекомым, похожим на муравья, попавшим в смолу и застывшим там миллионы лет тому назад. Как только Тед увидел, что камешек заинтересовал друга, он тотчас же презентовал янтарь ему. На следующий день Чарли отправился к ювелиру на Кинг-Уильям-стрит и заказал у него обручальное кольцо для Кэт. Цвет янтаря как нельзя лучше гармонировал с цветом глаз девушки.

Чарли невольно улыбнулся, вспомнив, когда впервые он сделал ей предложение. Вечером, накануне своего отъезда в закрытую школу в Аделаиде. Ему тогда исполнилось одиннадцать лет. Помнится, Кэт обнимала его, а он безутешно рыдал, уткнувшись в ее маленькое мягкое плечо. Его снедал страх перед неизвестностью, страшила предстоящая разлука.

– Когда я вырасту и мне не надо будет во всем подчиняться требованиям мамы, я снова вернусь в Брум и мы поженимся. Что я

буду делать без тебя? – стонал мальчик. – Дождись меня, Кэт, ладно? Обещай, что дождешься.

– Обязательно дождусь, Чарли. Я буду ждать тебя.

И она действительно *дождалась*. Она ждала его долгих десять лет. И он тоже все эти годы ждал. Каждое воскресенье он посылал ей из школы письма. Длинные-предлинные письма, в которых изливал Кэт свою душу, в то время как другие мальчики ограничивались парой небрежных строчек, адресованных родителям. Чарли знал, что Кэт читает с трудом. Формально она так и не получила даже начального образования, но все равно он продолжал писать ей, потому что даже сам процесс написания письма успокаивал его и приносил хоть какое-то утешение. Обычно, уезжая в школу, он всегда оставлял Кэт большой запас конвертов уже с марками и адресом, но в ответ получал лишь коротенькие послания, изобилующие чудовищным количеством ошибок. Зато в каждом своем письме Кэт обязательно рисовала те цветы, которые видела. Или изображала морской пейзаж с луной, низко зависшей над водой. А иногда просто рисовала длинную цепочку из сердечек, перевитых веточками плюща. Таким своеобразным орнаментом она украшала каждую страницу своего письма. Потому что ей было легче нарисовать свою любовь к Чарли, чем выразить ее словами.

И вот наконец сегодня вечером он вручит ей обручальное кольцо и сделает предложение уже по-настоящему, по-взрослому.

Чарли задрал голову вверх и взглянул на небо, услышав дальние раскаты грома. Жара была удушающей. Наверняка в течение часа с небольшим здесь разразится самый настоящий ливень. Чарли дернул за ручку входной двери в розарий, ожидая, что она уже открыта, и с замиранием сердца обнаружил, что дверь заперта. Обычно Кэт всегда прибегала первой, поскольку ключи хранились у нее. Чарли снова попытался открыть дверь, и снова безрезультатно. Тогда он принялся напряженно вглядываться в темноту, стараясь расслышать звук ее легких шагов по траве. Возможно, он излишне накручивает себя, но Чарли вдруг вспомнил, что сегодня утром, за завтраком, Кэт смотрела на него не так, как обычно. В ее янтарных глазах не было привычной теплоты. Все эти годы Чарли преследовал лишь один-единственный страх. А вдруг Кэт устанет ждать его и найдет себе кого-нибудь другого? Но неужели такое могло случиться именно сейчас? Всего

лишь за несколько часов до того, как он вознамерился уже официально просить ее руки и сердца. Ведь он приготовился объявить о своем решении всему свету. Да, он открыто объявит всем о своих чувствах к Кэт, и тогда никто и ничто не помешает им любить друг друга, не таясь и не прячась по углам...

Мысленно он снова вернулся в ту ночь, которую провел в этом домике вместе с Кэт четыре месяца тому назад. Они ведь знали друг друга, можно сказать, с пеленок. Вместе росли, вместе взрослели, а потому не испытывали привычного смущения при виде тел друг друга. Чарли невольно издал короткий смешок, когда вдруг вспомнил забавную картинку из далекого детства. Кэт, ей тогда было, наверное, лет шесть, сидит, абсолютно голенькая, в их домике для игр и протягивает ему миниатюрную фарфоровую чашечку, наполненную чаем. С тех далеких пор ему был известен каждый уголок ее тела. Оставалось лишь мечтать об этом теле сейчас, когда из невинной очаровательной девочки Кэт превратилась в юную красавицу.

Впервые они поцеловались по-взрослому на день рождения Чарли, когда ему исполнилось шестнадцать лет. Это было так замечательно, так необыкновенно. Но уже тогда Чарли хотелось большего. Не просто поцеловать Кэт в губы, а покрыть поцелуями все ее совершенное тело. Однако оба они прекрасно отдавали себе отчет в том, куда могут завести все эти чувственные игры. Чарли снова покрылся краской смущения, когда вспомнил, как Кэт вlepила ему пощечину, когда его рука сама собой вдруг коснулась ее груди.

– Я не могу! – взвизгнула тогда Кэт со слезами в голосе. – Не приставай ко мне!

Пристыженный, Чарли старался изо всех сил контролировать естественный в его возрасте зов плоти, постоянно напоминая себе о том, что, когда они с Кэт поженятся, тогда он наконец получит законные права на все ее тело.

А потом случилось вот что... Ночью, в сентябре, накануне его возвращения в Аделаиду, где Чарли надлежало провести еще несколько последних недель в университете, он стащил из винного погребка бутылку шампанского и открыл шампанское в розарии для них с Кэт. Девушка подозрительно наблюдала за тем, как он откупоривает бутылку, а потом разливает вино по бокалам.

– Мама говорит, от этой гадости добра не жди, – назидательно заметила Кэт.

– Но ты хоть пригуби бокал. Уверен, тебе понравится, когда пузырьки воздуха начнут щипать твой язычок, – принялся уговаривать ее Чарли. – Уверяю тебя, от пары глотков тебе ничего не будет.

Кэт уступила и сделала небольшой глоток, чтобы не обидеть Чарли. Потом закрыла глаза, чтобы в полной мере прочувствовать новые для нее вкусовые ощущения.

– А мне понравилось! – заявила она после некоторого молчания и снова открыла глаза, а потом с улыбкой посмотрела на Чарли. После чего допила бокал до дна, и Чарли наполнил его заново. Потом он разделался со своим бокалом, и они улеглись на жесткое одеяло и стали мечтать о своей будущей жизни.

Именно Кэт потянулась тогда к нему, чтобы поцеловать. И она же уселась на него верхом и позволила ему расстегнуть пуговички на своей блузке. Каким блаженством было почувствовать ее обнаженное тело рядом со своим. Конечно, ни о каком рациональном мышлении в тот момент никто из них и не вспомнил. Влюбленные тут же занялись любовью. Вскоре после этого Кэт заснула, а Чарли еще долго лежал без сна, преисполненный восторга, с восхищением разглядывая прекрасное нагое тело, лежавшее рядом с ним. Он не сильно раскаивался в том, что произошло. В конце концов, через каких-то несколько месяцев они поженятся. А то, что все это случилось еще, так сказать, до брака... Чарли почему-то был уверен, что все боги – и тем, которым молится она, и его Бог – они простят им этот проступок. Они ведь уже совсем взрослые. А что может быть естественнее акта любви в человеческих отношениях?

Чарли прождал еще минут двадцать возле розария, но Кэт так и не появилась. Он поднялся с валуна и принялся мерить шагами лужайку. Потом вернулся в дом, зашел на кухню. Вдруг Кэт задержалась там? Пусто. Весь дом утонул в темноте. Тогда Чарли направился к домику Камиры. Проходя мимо конюшни, он увидел спящего Фреда. Тот, по своему обыкновению, спал под открытым небом, устроившись на каком-то топчане. Загнать его на ночлег в помещение мог только надвигающийся шторм. Первые капли дождя упали Чарли на руку. Он подошел к самым дверям хижины и напряженно прислушался. Никаких звуков. Тогда он осторожно взялся за дверную ручку и

повернул ее, стараясь не шуметь. Вошел в дом и увидел в лунном свете, струящемся сквозь закрытое окно, что на широкой постели, на которой обычно спали Кэт с матерью, сейчас спит одна Камира.

Чарли снова вышел на улицу, тихонько прикрыв за собой дверь. Его вдруг охватила паника. Куда же *запропастилась Кэт?* Чарли поспешно пробежал по всему участку вокруг их дома, потом снова вернулся к розарию. А вдруг они просто разминулись и Кэт уже пришла, пока он ходил искать ее? Чарли дернул за ручку двери. Дверь по-прежнему была заперта. Чарли опустил на корточки и задумался. Ну почему, недоумевал он, именно тогда, когда наконец наступил тот самый долгожданный день, о котором он мечтал все эти годы, Кэт нет рядом с ним?

«Наверное, познакомилась с кем-то еще... С каким-нибудь нырлящиком за жемчугом, сошедшим на берег со своего логгера», – размышлял Чарли в полном отчаянии.

Он почувствовал странную пустоту в желудке. Потом мелькнула безумная мысль: взять повозку и пони и отправиться в город на поиски Кэт. Быть может, мама отослала ее уже поздно вечером с каким-нибудь срочным поручением? А время действительно уже позднее. На Кэт могли напасть, могли начать приставать к ней или даже изнасиловать...

Воздух застыл в неподвижности. Все вокруг погрузилось в безмолвие, затаившись перед надвигающейся грозой. Внезапно послышалось легкое покашливание, раздающееся из розария. Нет, Чарли не мог ослышаться! Такой звук, похожий на тихий вскрик... Или кто-то икнул... В любом случае в розарии кто-то есть – и надо действовать.

Над головой раздалась первые раскаты грома. Чарли что есть силы забарабанил в дверь:

– Кэт, я знаю, что ты здесь! Открой же! Прошу тебя!

Сверху снова загрохотало, а он продолжил стучать в дверь с удвоенной энергией.

– Я сейчас вышибу эту дверь, если ты мне не откроешь!

Повернулся ключ в замочной скважине, и Чарли вошел в розарий. Кэт безмолвно смотрела на него. В ее прекрасных глазах плескался страх.

– Ради всех святых! – набросился на нее Чарли прямо с порога, тяжело дыша от возмущения. – Где ты пропадала все это время? Разве ты не слышала, как я все это время пытался открыть дверь?

Она опустила глаза, стараясь не встречаться с ним взглядом.

Чарли плотно прикрыл за собой дверь и запер ее на ключ, затем подошел к Кэт и обнял ее. Она не двигалась. Такое впечатление, будто он обнимал какую-то деревянную чурку.

– В чем дело, дорогая? Что случилось?

Кэт молча отстранилась от Чарли, повернулась к нему спиной и уселась на одеяло. Она что-то пробормотала вполголоса, но он не сумел расслышать, потому что в этот момент снова загрохотал гром прямо у них над головой, полностью заглушив ее слова.

– Прости, что ты сказала?

– Я сказала, что беременна. Я жду ребенка. *Джалигурр.*

Чарли увидел, как Кэт засунула кулак себе в рот, чтобы не расплакаться навзрыд. Ее трясло. Но вот послышался еще один громовой раскат, а следом по железной крыше забарабанили тяжелые капли дождя.

– Я... – начал Чарли и сделал шаг навстречу, но Кэт в ужасе отпрянула от него.

– Кэт! Моя дорогая Кэт! Прошу тебя, не бойся меня... пожалуйста... Я ведь тебе не враг. Я...

– Если мама все узнает, она убьет меня... Выгонит вон из дома! Ведь я обещала ей... *Я обещала...*

– Любовь моя. – Чарли сделал два небольших шажка по направлению к Кэт. – Мне вполне понятно твое состояние. Да, ты очень расстроена. Да, согласен... Все это случилось как-то преждевременно, но...

– Я обещала маме. Я обещала ей, что не повторю ее ошибок, – запричитала Кэт, пятясь от него. – Сколько раз она повторяла мне: «Не доверяй этим белым... Никогда не доверяй им...»

Кэт уселась на одеяло, выставив вперед коленки, словно намереваясь отгородиться ими от Чарли.

– И твоя мама была абсолютно права, – согласился он и сделал еще один шагок в ее сторону. – Но я ведь не просто какой-то там похотливый белый старикан... Я – твой Чарли, а ты – моя Кэт.

Вспомни, как мы с тобой мечтали о том времени, когда поженимся и заведем свою семью.

– Да, мечтали! Но то были детские фантазии, Чарли. Как же ты не понимаешь этого? Мы с тобой играли. А жизнь, реальная жизнь – это тебе не детские игры. И вот случилось то, что случилось. Я хочу избавиться от него, утопить его, как только он появится на свет. Так у меня, во всяком случае, не будет никаких проблем в дальнейшем.

Слова Кэт ужаснули Чарли своей жестокостью.

– Пожалуйста, Кэт! Прошу тебя!

Он сделал два последних шага. Гром продолжал грохотать у них над головой во всю свою мощь, словно вся природа вдруг ополчилась на них за то, что они сотворили.

– У меня в кармане лежит одна вещица для тебя. – Чарли осторожно уселся рядом с Кэт на одеяло и извлек из кармана кольцо с янтарем. – Все у нас с тобой будет хорошо, любовь моя. Поверь мне. – Чарли взял ее за маленькую правую ручку и нащупал в темноте безымянный палец. – Моя дорогая Кэт, ты выйдешь за меня замуж? – С этими словами Чарли надел ей кольцо на палец. Кэт взглянула на кольцо и принялась внимательно разглядывать его.

– Это янтарь. Видишь, там внутри какое-то насекомое? Мне кажется, этот камень очень подходит к твоим глазам. Тебе нравится?

– Я... – Кэт больно прикусила губу. – Красивый подарок, Чарли. Спасибо.

– Вот видишь? Все у нас с тобой будет хорошо. Мы поженимся, любовь моя, и как можно скорее.

– Нет. – Кэт посмотрела Чарли прямо в глаза. – Я не могу выйти за тебя замуж, Чарли. Я – твоя служанка.

– Ты же знаешь, мне на это наплевать! Я люблю тебя. Я с детских лет мечтал жениться на тебе.

Кэт задрала голову вверх, словно хотела устремить свой взгляд к небесам. А когда она снова взглянула на Чарли, ее глаза были полны грусти.

– Чарли, через двадцать четыре часа ты станешь самым важным белым господином в Бруме. Ты унаследуешь компанию «Мерсер Перлинг», превратишься в большого босса. Ты столько всего знаешь, о чем я и понятия не имею. Ведь ты же получил прекрасное образование. Словом, ты принадлежишь к миру белых людей, а я – нет.

– Я научу тебя, Кэт. Обещаю. Помнишь, как я учил тебя в детстве?

– Нет и еще раз нет! Если я стану твоей женой, за наш стол никто не сядет, никто не разделит с нами трапезу. Ты превратишься... – Кэт сосредоточенно сдвинула брови в поисках нужного слова. – Ты станешь самым настоящим смешищем.

– Посмешищем, – машинально поправил ее Чарли.

– Да, именно так. Посмешищем. А я не хочу, чтобы тебя за глаза обзывали чурбаном. Мы с тобой слишком разные, Чарли. Нет! – Алкина решительно тряхнула головой. – Тебе нужно жениться на белой женщине, а не на мне. Я не смогу стать той, которой ты смог бы гордиться. Ничего у меня не получится, при всем желании. Я из другого теста, понимаешь? И не хочу, чтобы все эти белые посмеивались у меня за спиной, говорили, что я дурочка. А они *обязательно станут* смеяться надо мной. А ведь я – хорошая. Просто не такая, как они.

– Я знаю, но... – Чарли снова погрузился в раздумья в поисках подходящих слов. – Но вот здесь, – он ткнул пальцем ей в живот, – зреет новая жизнь, плод нашей с тобой любви. Разве не это сейчас для нас главное? Если мы поженимся максимально быстро, никто ничего не заподозрит. Просто младенец появится на свет чуть раньше срока и...

– Снова ты начинаешь фантазировать. Да все вокруг немедленно догадаются, почему ты на мне женился. – Алкина отняла свою руку и уткнулась головой в колени. – Никто и никогда не поверит в нашу любовь.

– Что значит никто? Я в это верю! – воскликнул Чарли, перекрывая своим звонким голосом грохочущий гром. – Уж я-то точно знаю, что это ты и только ты помогла мне пройти через все, что было со мной за последние десять лет. Все эти годы я ежеминутно думал о тебе. Не переставал думать даже во время выпускных экзаменов. Не надо. – Он обхватил лицо Кэт ладонями и приподнял ей голову. – Повторяю, *не надо* думать обо мне как обо всех других мужчинах. Я люблю тебя. Люблю всем сердцем. Ты для меня моя *джерндунилбанюн*, как говорят ваши люди. Мы с тобой обещаны друг другу. Моя жизнь превратится в ничто без тебя и ребенка, которого ты ждешь.

Чарли снова подался вперед, обнял Кэт, привлек к себе и стал целовать ее страстно, ненасытно... Но она тут же высвободилась из его объятий.

– *Марлу!* Нет! Прекрати немедленно! Как же ты не понимаешь, несмотря на все свое образование, что я не могу стать твоей женой? В этом браке для нас *нет будущего*.

– Есть! Будущее есть, дорогая. Да, наверное, в чем-то ты права. Поначалу нам действительно будет трудно. Наверное, всех ошеломит наш союз. Но мы с тобой дадим хороший пример поколениям молодых людей, которые будут жить в этой стране уже после нас. Разве это не достойный шаг? Лично я готов сделать его хоть сегодня. И у меня для этого есть все. Ровно через двадцать четыре часа я вступлю во владение огромным состоянием. За деньгами же всегда решающее слово, особенно в нашем городе. – Чарли снова потянулся к Кэт и прижал ее напрягшееся тело к себе. – Дорогая, в сущности, мы уже семья. Неужели тебе это не понятно? Так нам предначертано свыше.

– Нет! Я... ты и вот это, – Кэт легонько похлопала себя по животу, – мы же не подопытные кролики. Мы живые люди, и у каждого из нас своя жизнь, Чарли. Да, мы с тобой прожили бок о бок много лет. Это правда. Мы были очень близки, очень... Но на самом деле мы далеки. Ведь нас разделяет очень многое. Ты вступаешь во взрослую жизнь, а у тебя словно пелена на глазах. Ты не видишь, как воспринимают тебя все люди вокруг, не замечаешь, как они третируют меня, потому что у меня другой цвет кожи. Ты свободный человек, а потому даже не представляешь, насколько этот мир закрыт для меня. Ведь я же не свободна так, как ты. И наш ребенок тоже появится на свет несвободным.

– Кэт, мы официально станем мужем и женой, и нет такого закона, который запретил бы нам это! Обещаю, я сделаю *все от меня зависящее*, чтобы твоя жизнь и жизнь нашего ребенка была безопасной. Я позабочусь *о тебе* так же, как когда-то моя мать позаботилась о Камире! – Чарли в отчаянии заломил руки, пытаясь донести до Кэт всю правду своих намерений. – Без тебя у меня не будет жизни.

Оба замолчали, прислушиваясь к шуму дождя, барабанившего по крыше.

Потом с губ Кэт сорвался протяжный вздох.

– Ты давно не жил в Бруме, Чарли. Не знаешь, что у нас здесь творится сейчас.

– И знать ничего не желаю! Мы окрестим нашего младенца на виду у всего города! Вот! Я уже обсуждал эту тему со своим другом Тедом. Помнишь, я тебе рассказывал о нем? Его отец руководит христианской миссией Хермансберг неподалеку от Алиса-Спрингс. Тед меня многому научил... Он даже умеет разговаривать на языке аррернте... Он рассказывал мне, что аборигены вольны приходить в миссию и покидать ее, когда им захочется. Белые люди уважают их традиции и культуру. И потом...

– Он что, и обо мне знает?

– Конечно знает. А как же иначе?

– И тоже *готов* жениться на цветной? Такой, как я?

– Господи! Откуда мне знать? Я никогда не спрашивал его о...

– Вот и помолчи! Лучше подумай о том, что люди часто говорят одно, а делают совсем другое...

– Нет! Ты не права! Тед Стрехлоу – не такой! Он хороший человек. И он мечтает изменить нашу жизнь здесь, в Австралии.

– Боюсь, едва ли он доживет до тех времен, когда наша жизнь тут изменится. – Кэт сорвала со своего пальца кольцо и протянула его Чарли: – Я не могу принять это кольцо. Забери его, Чарли. – Она с силой вдавила кольцо в его ладонь.

Он уже приготовился умолять ее снова забрать кольцо, но вдруг раздался громкий стук в дверь. Молодые люди буквально замерли на месте, объятые ужасом.

– Кто там внутри? Откройте! Господи! Я тут промокну насквозь вместе со своими розами! Но почему мой ключ не входит в замочную скважину?

– *Жиду!* Прячься! – скомандовал Чарли.

Кэт поспешно подхватила со своего места и тут же убрала одеяло с пола.

– Мапочка, это я здесь, – отозвался Чарли через запертую дверь, стараясь говорить как можно более непринужденно. – Вот услышал, что начинается гроза, и прибежал сюда...

Убедившись в том, что Кэт уже успела надежно укрыться в густой тени, Чарли тихонько повернул ключ в замочной скважине, а потом

швырнул его в руки Кэт. А сам принялся энергично дергать за ручку, делая вид, что она никак не поддается ему.

– Вот беда! – воскликнул он. – Наверное, в замочную скважину попала вода и там все заржавело. Надо попросить Фреда хорошенько смазать замок.

Повернувшись лицом в тот угол, в котором спряталась Кэт, он беззвучно прошептал:

– *Я люблю тебя!*

Затем еще раз с силой дернул за ручку и распахнул дверь.

– Мамочка, ты действительно вся промокла!

– Это так. Но не беда, скоро обсохну, – ответила Китти, переступая порог и втаскивая в розарий огромный вазон с кустом роз. – Не знала я, что здесь дверь заедает. Мне даже показалось, что кто-то запер ее изнутри.

– Но зачем мне ее запираешь, скажи на милость? Ладно, я ныряю в дождь. Бегу спасать остальные твои розы от неминуемой гибели. – Чарли издал короткий смешок и смело шагнул на улицу, где дождь лил уже сплошной стеной.

– Спасибо, сынок, – поблагодарила его Китти спустя какое-то время, когда в розарий был доставлен последний горшок с розами. – Обычно я всегда горжусь тем, что хорошо чувствую приближение грозы, но сегодня вечером... – Она подавила тяжелый вздох. – Наверное, я очень устала.

– Конечно, мама, ты устала. Ты же работаешь как каторжная.

– Вот потому-то я, можно сказать, жду не дождусь, когда сброшу со своих плеч этот груз, – откликнулась Китти, добродушно улыбаясь. – Кстати, Чарли, я пригласила Элизу Форсайт к нам на твой день рождения. Она такая славная девушка. Сегодня она рассказала мне, уже после того, как ты ушел, что ее дедушка родом из Шотландии.

– Какое приятное совпадение, мамочка. Что ж, пошли поскорее в дом. Надо же нам как-то привести себя в порядок и обсохнуть.

– Да, дорогой мой, пошли. И спасибо тебе за помощь. Я знаю, что всегда могу положиться на тебя.

– Ты права, мамочка. Всегда. – С этими словами Чарли прикрыл за собой дверь, а Китти заперла ее на ключ.

Как только их шаги затихли вдалеке, из тени вынырнула фигурка Кэт. Она на цыпочках подошла к запертой двери и осторожно открыла ее ключом, который оставил Чарли. Кэт тоже вышла на улицу и поспешно скрылась в темноте.

Гроза прекратилась, по крайней мере утихла на какое-то время. Кэт прижалась спиной к стене их домика и глянула на небо, инстинктивно прикрыв свой живот руками, словно защищая его от внезапного нападения.

– Хермансберг, – тихо выдохнула Кэт, и одинокая слезинка медленно покатила по ее щеке. – Вот оно, мое спасение.

Потом вошла в дом и, крадучись словно кошечка, недаром ее так называли, вскарабкалась на кровать и улеглась рядом с матерью, стараясь успокоиться и дышать равномерно.

– *Помогите мне... предки... помогите, пожалуйста,* – взмолилась она про себя, вглядываясь в крошечную темень.

Ночью ей приснился сон. Будто *гумануба* возвратились с неба в свою пещеру. Она смотрела, как они идут, пробираясь сквозь лесную чащобу, а потом вдруг появился Старец. Девушки бросились в пещеру, но самая младшая отстала, и Старец устремился за *нею* в погоню. Но она все же как-то вырвалась вперед и успела спрятаться в пещере. И тут ее осенило, что она должна срочно отыскать здесь что-то, что-то такое, что спрятано глубоко в красной земле. Сестры звали ее, кричали, чтобы она поторопилась. Казалось, еще немного, и Старец все же настигнет ее и сделает своей добычей. Она уже явственно слышала звуки его шагов, все ближе и ближе к входу в пещеру, но она продолжала упорно копать землю. Потому что знала, что не может улететь обратно на небо, не прихватив с собой то, что спрятано здесь...

Алкина проснулась и открыла глаза в тот самый момент, когда она во сне уже ухватила рукой за какую-то жестянку и извлекла ее из земли. Память мгновенно вернула ее в прошлое. Она вдруг вспомнила, как мама впервые повела ее в буш, когда ей минуло четырнадцать лет, чтобы начать приобщать дочь к традициям предков. Они должны были попасть на шумную сходку аборигенов с танцами *корробори* и прочими ритуалами, но по пути мама сказала, что им надлежит сделать короткую остановку в одном месте. Дескать, ей нужно кое-что проверить. Наконец они остановились возле пещеры, точь-в-точь

такой, какую она видела сегодня во сне. Вошли в пещеру, мама опустилась на землю и стала копаться в ней руками, пока не извлекла наружу какую-то жестянку.

– Отойди подальше, – строго приказала Камира дочери, а сама, скрестив ноги, продолжала сидеть на земле. Вот мать открыла жестянку. Алкине стало любопытно, что же там внутри. Она хоть и отступила назад, но все же продолжала наблюдать за тем, как мать достала из жестянки небольшую кожаную коробочку и открыла ее. В этот момент солнечный луч скользнул по тому предмету, который находился в коробочке, и он заблестел розовато-белым, матовым светом необычайной красоты. Такого сияния Алкина никогда не видела. Казалось, сама луна светила им из коробочки. Девочка застыла на месте, пораженная столь диковинным зрелищем.

Но в тот же миг мама захлопнула коробочку, снова положила ее в консервную банку, а банку заново присыпала землей. Потом мама поднялась с земли, бормоча что-то про себя, и направилась к дочери.

– Биби, что это было? – спросила Алкина у матери.

– Тебе лучше не знать, – коротко ответила ей та. – Она лежит здесь в полной безопасности. И пока она здесь, миссис Китти тоже ничто не угрожает. А сейчас поторопимся в путь. Иначе можем опоздать.

Сквозь деревянные ставни на окнах пробились первые лучи солнца. Светает. Сейчас Алкина точно знала, что ей надо сделать.

25

Чарли тоже провел бессонную ночь. Ворочаясь с боку на бок, он не переставал размышлять над тем, как найти наилучший выход из сложившейся ситуации. Конечно, ругал себя за то, что, в общем-то, сам во всем виноват, ибо начал первым. В конце концов, кто тогда настоял на том, чтобы Кэт пригубила шампанское?

Ее страхи были тоже вполне понятны. Да, поначалу им действительно придется нелегко. Однако сегодня в городе *уже есть* смешанные браки. Так что мешает окружающим смириться и с их браком?

Было еще одно тяжелое обстоятельство, над которым Чарли непрестанно ломал голову всякий раз, когда задумывался о своем

будущем как о будущем владельца жемчужного бизнеса. Ведь никто и никогда не спрашивал Чарли, даже ни единого раза не поинтересовался, а сам-то он *хочет быть* этим владельцем? То есть все вокруг воспринимали это как данность. Подобно тому, как сын короля наследует в положенный срок трон своего отца, так и Чарли надлежит возглавить семейную империю, независимо от того, подходит он для этой роли или нет. Сам Чарли уже успел понять: нет, не подходит. В университете он ненавидел всеми фибрами своей души и экономику, и все остальное, что связано с этой дисциплиной. Даже профессора были вынуждены признать, что у него нет особых склонностей к цифрам. Но когда однажды он робко коснулся этой темы в разговоре с матерью, та лишь отмахнулась в ответ:

– Мой дорогой Чарли, я тебя отправила в университет не для того, чтобы ты там совершенствовал свои навыки, решая задачки по арифметике, и учился тому, как надо правильно складывать и вычитать. Для этого в твоём подчинении будет достаточно много клерков. Университет должен привить тебе качества лидера, сделать из тебя руководителя, способного заряжать своей энергией подчиненных, научить принимать правильные решения, как и в каком направлении следует развивать бизнес. Словом, чтобы ты мог предвидеть будущее своей империи.

Слабое утешение, думал он, особенно если вспомнить, что его абсолютно не интересует ни одно из направлений их бизнес-империи, будь то добыча жемчуга, разработка рудников с залежами опала или разведение скота. Везде эксплуатировался крайне тяжелый труд, иногда сопровождающийся даже гибелью людей, занятых на этих работах, а «боссы», как называла Кэт хозяев таких компаний, только богатели за счет чужого труда.

Вот почему Чарли решился на крайнюю меру. Если Кэт категорически не захочет выходить за него замуж здесь, в Бруме, что ж... Он готов бросить все и отправиться вместе с ней туда, куда она пожелает.

Когда он вошел в столовую, мама уже сидела за столом, всецело поглощенная, по своему обыкновению, изучением утренней газеты.

– Доброе утро, Чарли. Как спалось?

– Хорошо. Спасибо, мама. А тебе?

– После того как я убедилась, что все мои драгоценные розы в полной безопасности, очень даже неплохо. Спасибо тебе за то, что ты так вовремя пришел ко мне на помощь.

– Кофе, мистер Чарли?

– Спасибо. – Он поднял глаза, чтобы, как обычно, поприветствовать Кэт улыбкой, но, к своему немалому удивлению, встретился взглядом с Камирой. Что-то вдруг больно сдавило в груди. Почему так? Ведь обычно завтрак им подавала Кэт.

– А с Кэт все в порядке? – осторожно поинтересовался Чарли у служанки.

– С ней все хорошо, мистер Чарли. Вот отправилась проведать кухню, – безмятежно ответила Камира.

– Понятно. И когда планирует вернуться назад?

– Когда кухня родит. Думаю, через неделю. В крайнем случае через две.

Камира вонзила в него тяжелый взгляд своих немигающих глаз, и Чарли почувствовал, как весь покрылся холодным потом. И это несмотря на то, что жарило уже с самого утра. Что она имеет в виду? Хочет что-то сообщить ему? Какую-то тайну? Но наверняка же Кэт ничего не рассказала матери о своей беременности.

– Понятно, – глухо пробормотал Чарли, стараясь ничем не выдать охватившего его волнения. Нельзя распускаться в присутствии матери, тем более *двух матерей*, мысленно приказал он себе. Хотя больше всего на свете в эту минуту ему хотелось выскочить из-за стола и броситься на поиски Кэт.

– Так ты говоришь, Кэт уехала? – Китти сняла очки и глянула на Камиру.

– Да, миссис Китти. Я ее подменю, пока она будет отсутствовать. – Камира поставила кофейник на подсервантик, стоявший у стены, и молча вышла из комнаты.

– Как всегда, недоговаривает, – вздохнула Китти. – Кэт наверняка отправилась в буш. Впрочем, сегодня есть вещи и поважнее, мой дорогой Чарли. Надеюсь, ты не забыл, мой мальчик, что сегодня ровно в полночь тебе исполняется двадцать один год и ты становишься полноправным хозяином всей империи Мерсер, защитником ее интересов. И какие чувства тебя обуревают в этой связи?

– Немного страшно, мама.

– Бояться нет оснований. Хотя... хотя приходится констатировать, что время сейчас не самое благоприятное, это правда. Особенно в том, что касается жемчужного бизнеса. Покупателей на наш жемчуг стало гораздо меньше...

Чарли не слушал, что вещает мать о трудных временах, случившихся в их бизнесе. Он лишь молча кивал, изредка изображал соответствующую улыбку, когда мать умолкала и бросала взгляд на него, желая удостовериться в его реакции на свои слова.

«Кэт, моя дорогая Кэт! Где же ты?»

Но вот мама закончила свое выступление перед ним и поднялась из-за стола.

– Наслаждайся, сынок, своим последним днем свободы. Ведь уже завтра с самого утра на тебя свалится груз тяжелейшей ответственности. Да и вообще, завтра будет хлопотливый день. В конторе торжественный ленч по поводу твоего дня рождения, потом праздничный ужин у нас дома, а вечером еще и танцы в отеле «Робак-Бей». Будем надеяться, дожди и грозы не испортят нам праздник. Иначе доброй половине наших дорогих и почетных гостей придется соскабливать жидкую красную грязь со своих брюк и юбок. – Китти издала короткий смешок. – Увидимся вечером, дорогой мой.

– Да, мамочка, – вежливо кивнул в ответ Чарли, провожая мать взглядом.

Потом он подождал, пока Фред выкатит на подъездную дорогу мамин автомобиль, и, когда машина скрылась из глаз, отправился на поиски Камиры. Камиру Чарли нашел на кухне. Та ощипывала утку, недовольно цокая при этом языком. Обычно на кухне хлопотала Кэт. Мать хорошо обучила ее всем поварским навыкам, и Кэт прекрасно разбиралась в особенностях британской кухни.

– Куда она подалась? – спросил он у Камиры прямо с порога, нимало не заботясь о том, в курсе ли она, что ее дочь беременна.

Камира лишь слегка пожала плечами в ответ.

– Говорю же, поехала, чтобы помочь кухне.

– И ты этому поверила?

– Она – моя дочь. Она не станет мне лгать.

Чарли безвольно опустил на стул, стоявший рядом со столом. Он был уже на грани слез.

– Ты же знаешь, Камира, она для меня особый друг. Мы вместе выросли... И вот пожалуйста! Она уходит из дома прямо накануне моего дня рождения. Почему? Зачем?

Камира круто развернулась и внимательно обозрела Чарли немигающим взглядом.

– Думаю, вы прекрасно знаете, почему и зачем, мистер Чарли. И я тоже знаю. Но говорить об этом мы с вами не будем. Так-то оно лучше. Согласны?

– *Нет!* – Чарли со всей силы грохнул кулаком по столу. – Я... – Он сокрушенно затряс головой, прекрасно зная, что сейчас нарушает золотое правило номер один: никогда не делиться со слугами никакой информацией, не говоря уже о собственных чувствах. Но какие, к черту, сейчас могут быть правила? – Я люблю ее. Кэт для меня все в этой жизни. Вчера вечером я попросил ее стать моей женой! Почему она ушла? Я ничего не понимаю!

И тут Чарли не выдержал и расплакался. Его сразу же обняла пара ласковых рук. Нет, не материнских, точнее, тоже материнских, но принадлежащих другой женщине совсем из другого мира.

– Боже мой, Камира! – рыдал Чарли, уткнувшись в ее плечо. – Ты и представить себе не можешь, как я ее люблю... Как она нужна мне. Ну почему, почему она ушла?

– Она решила, что так будет лучше для вас, мистер Чарли. Не захотела привязывать вас к себе. Вы должны стать частью мира, в котором живут белые люди.

– Но мы же оба мечтали об этом с самого детства! Вчера вечером я сказал ей, что мы поженимся и будем жить вместе до конца своих дней. Да! – Чарли снова стукнул кулаком по столу. – В каждом своем письме, которые я писал ей на протяжении всех минувших десяти лет, я говорил о том, как скучаю по ней, как люблю ее... Любить сильнее просто невозможно. Поверь мне. – Чарли в отчаянии тряхнул головой. – Я охотно отказался бы от всего, что у меня есть. Все это богатство, оно ровным счетом ничего не значит для меня. Я не хочу быть богатым. Единственное, чего я хочу, – это быть рядом с Кэт, жить с ней в любви и согласии перед лицом Господа.

Черты лица Камиры немного разгладились.

– Вы, белые люди, все привыкли решать за других. Быть может, она захотела стать *хозяйкой собственной судьбы*, а не просто жить в

вашем мире.

– Камира, где она? Куда ушла? Скажи мне, ради всех святых!

– Клянусь вам, мистер Чарли, я не знаю. Она сказала мне, что уходит, и я ее понимаю. Я *все вижу* и понимаю. Улавливаете?

Камира снова глянула на него, и Чарли лишь молча кивнул в ответ.

– Ей страшно. Ей нужно время, чтобы все обдумать.

– Но сколько времени ей понадобится? Если она вернется домой через пару месяцев, то ее состояние станет очевидным всем! Нужно что-то решать немедленно. Сейчас или никогда. Скажи мне, куда она подалась! Ты должна сказать мне! Обязана!

Камира подошла к двери черного входа и, отворив ее, вышла на улицу. Постояла там какое-то время, задрав голову к небу, словно советуясь с ним, потом снова возвратилась на кухню и сокрушенно покачала головой.

– Мистер Чарли, даже мои предки не сказали мне, куда ушла моя дочь. Верьте мне.

– Она не оставила никакой записки? Для меня.

– Да, оставила. Попросила меня отдать вам это завтра.

– Если в ней есть хоть малейший намек на то, куда она ушла, ты должна отдать мне эту записку немедленно!

– Я сделаю так, как о том попросила меня Кэт. Завтра.

Чарли знал: спорить с Камирой было бесполезно.

– Тогда я явлюсь к тебе в дом ровно в полночь.

Камира согласно кивнула головой.

– А сейчас мне нужно заняться приготовлением утки.

Еще до наступления полуночи Чарли поспешил к домику Камиры. Он уже протянул руку, чтобы осторожно постучать в дверь, но не успел прикоснуться к деревянной поверхности, как Камира сама распахнула перед ним дверь.

– Вот! – Камира подала Чарли пакет из плотной оберточной бумаги, перевязанный лентой, которую он когда-то видел в волосах Кэт. – С днем рождения. Мои поздравления! Отныне вы уже не

мальчик, а взрослый мужчина. – Камира глянула на Чарли, ласково улыбаясь. – И я помогала вас растить.

– Это правда, Камира. И я очень тебе благодарен. – Чарли смотрел на пакет, который держал сейчас в своих руках. Потом снова перевел глаза на Камиру. – И ты совсем не переживаешь за свою дочь? Не волнуешься, что с ней, где она?

– Я ей доверяю, мистер Чарли. Она ведь уже тоже взрослая. А разве у меня есть иной выбор? Пожалуйста. – Камира положила свою руку на руку Чарли. – Сегодня ваш день. Вы заслужили этот праздник. Так радуйтесь... Пожалуйста. Мы с Кэт очень хотим, чтобы все было именно так.

– Я постараюсь, но ты должна знать...

Камира приложила палец к губам.

– Не надо! Ничего не говорите. Я знаю все, что вы собираетесь сказать мне. – Она слегка приподнялась на цыпочки и поцеловала Чарли в лоб. – Ты тоже мой сын. А я твоя *биби*. И я горжусь тобой.
Галия.

Камира закрыла за собой дверь, а Чарли поплелся домой. Уселся на кровать и разорвал пакет, горя от нетерпения узнать, что там внутри. Вдруг там скрывается какая-то подсказка, малейший намек, *что-то такое*, что поможет ему напасть на след Кэт.

Чарли развернул несколько слоев плотной бумаги, в которую был упакован подарок. Небольшая картинка в деревянной резной рамочке из плавника. Тонкие линии резьбы закручивались в цветки роз. Чарли поднес рисунок ближе к свету. Кэт изобразила их обоих в розарии. Его более светлая голова склонилась к ее более темной головке. Пальцы их рук тесно переплетены, даже трудно понять, где его пальцы, а где – пальцы Кэт.

Чарли закрыл глаза, не выпуская картинку из рук. Он долго сидел так, пока не начало светать. Утро его совершеннолетия. Двадцать один год тому назад он издал свой первый крик. Наконец Чарли сморил сон, и он уснул.

Оглядываясь в прошлое, Чарли с трудом вспоминал все подробности своего дня рождения. Множество лиц мелькало перед глазами, подарки, шампанское лилось рекой. Шампанское он пил, не задумываясь, чтобы хоть как-то унять свою душевную боль. Помнится, он что-то делал, что-то говорил... Словом, вел себя как должно, как вполне нормальный человек, хотя душа его горела огнем и все мысли были только о Кэт.

После ужина гости направились на танцевальный вечер в отель «Робак-Бей». Чарли несколько раз танцевал с Элизой Форсайт. Она была безупречной партнершей, все время смеялась, демонстрируя милые ямочки на щеках, смеялась каждой его шутке, каждому его слову, даже если в них вообще не было ничего смешного. Она доверительно призналась ему, что происходит не из каких-то там «простых», а из «благородных» и получила самое настоящее аристократическое воспитание. Судя по ее манерам, так оно и было. Невозможно было не заметить очевидного. Элиза была просто обворожительна в своем вечернем платье небесно-голубого цвета, как нельзя лучше гармонировавшем с ее белокурыми волосами и нежным цветом лица. Когда наступил самый торжественный момент задувания свечей на помпезном трехъярусном торте, Чарли с блеском проделал всю операцию под громовые аплодисменты гостей. Он мельком глянул на мать: лицо ее в этот момент светилось нескрываемой гордостью. Он выслушал ее взволнованную речь, опустив глаза в пол. Ему было неловко, его душило отчаяние. Гости трижды прокричали хором здравицу имениннику, и все дружно подняли бокалы в его честь.

Наконец все было кончено, и Чарли оказался в своей спальне. Один. Перед этим он прочувствованно поблагодарил мать за роскошный вечер, устроенный в его честь, и за не менее роскошный подарок – какие-то дорожные швейцарские часы. Еще никогда в своей жизни Чарли не испытывал большей радости от осознания того, что этот долгий, мучительный день наконец-то подошел к концу. На следующее утро, ровно в девять, он уже должен быть в своей конторе. И отныне так будет каждый день, до самой его смерти.

– Как я смогу вынести все это без тебя? – пробормотал Чарли едва слышно и, упав на подушку, тотчас же отключился. Уснул, сжимая ленту Кэт в своей руке.

– Я приняла решение, – объявила Китти на следующее утро за завтраком. – Через месяц я отправляюсь в Европу.

– По работе?

– Нет. Работа отныне – это твоя обязанность. Хочу навестить своих родных в Эдинбурге. В последний раз я была у них пять лет тому назад, да и то всего лишь короткое время. Зато сейчас намереваюсь прогостить у своих несколько месяцев. За минувшие годы у меня там появились новые племянницы и племянники, которых я даже еще не видела. К тому же мне кажется, что тебе нужно дать полную свободу, чтобы ты вполне освоился со своими новыми обязанностями. И чтобы все вокруг поняли: отныне ты – глава нашей империи.

– Мама! – воскликнул Чарли, чувствуя, как его охватывает паника. – Ты полагаешь, что это разумно – бросать меня здесь одного? Я пока еще мало что понимаю, плохо разбираюсь в том, что делаю. Мамочка, ты нужна мне здесь, рядом со мной.

– Во-первых, у нас с тобой впереди еще целый месяц, в течение которого я действительно буду рядом с тобой. Так что времени для твоего обучения предостаточно. Как ты не понимаешь, сынок? Ведь если я и впредь останусь на работе, то все твои подчиненные по-прежнему будут обращаться со всеми возникающими вопросами ко мне. Ко мне, а не к тебе. А они должны понять, что отныне у них новый босс. Ты! Вполне возможно, ты захочешь сделать какие-то перестановки, что-то поменять, и эти твои намерения не встретят особого энтузиазма со стороны подчиненных. Так вот, я категорически не желаю выслушивать все их жалобы и нарекания на тебя. Не хочу, чтобы они думали, что я имею на тебя какое-то влияние. Нет уж, изволь! Лучше я дистанцируюсь от всех вас на максимально далекое расстояние. К тому же, – Китти издала непроизвольный вздох, – не забывай. Годы идут, а я не делаюсь моложе. Да и устала я очень. Короче, мне нужен отдых.

– Уж не заболела ли ты, мамочка?

– Нет. Ты же знаешь, у меня, слава богу, лошадиное здоровье, как говорят в таких случаях. Хотелось бы, чтобы и впредь оно оставалось

таким же.

– Но ты ведь вернешься, да?

– Конечно, вернусь. Холодная шотландская зима немедленно подстегнет мое желание вернуться домой. – Китти зябко передернула плечами, вспомнив промозглые зимы в своем родном Эдинбурге. – Я вернусь в Аделаиду незадолго до Рождества. Надеюсь встретить праздники в Алиса-Холл. Буду рада, если ты тоже присоединишься ко мне. Тогда мы вместе смогли бы наведаться в наши опаловые рудники, а заодно проверить, как идут дела на виноградниках. Сам знаешь, кошка за порог – мышка на стол.

Кошка за порог... «*Кэт уехала...*» – уже в который раз с отчаянием подумал Чарли.

– Понимаю, тебе действительно нужен отпуск. Хороший отдых... Но я все равно сильно переживаю, что без тебя не справлюсь.

– А я вот, напротив, уверена, что ты со всем отлично справишься. Когда твой отец уехал из Брума, мне не оставалось иного выбора, как с головой погрузиться в бизнес. А ведь я тогда осталась совсем одна, не с кем было даже посоветоваться, кроме милейшего мистера Донована. Который, к счастью, по-прежнему на своем месте и всегда с готовностью придет к тебе на помощь. Он же здесь все знает и во всем разбирается, как никто. Хотя в этом году ему исполняется уже шестьдесят, и я в курсе, что он тоже хочет уйти на покой. И у него уже есть кто-то на примете на его должность. Какой-то необыкновенно умный и образованный японец, свободно говорящий на английском. У нас ведь работают японцы. Думаю, этот человек сумеет наладить более тесный контакт с теми командами, в состав которых входят его соотечественники. И это пойдет лишь на пользу общему делу. – Китти поднялась из-за стола. – Что ж, пора на работу. Едем?

В течение всего месяца Чарли каждую ночь, отходя ко сну, твердо обещал самому себе, что вот завтра он уж непременно поговорит с матерью о Кэт. Расскажет ей, почему она ушла из дома, о том, что он хочет отправиться на ее поиски, а весь этот бизнес гори огнем. Но шли дни, а Чарли так и не рискнул начать этот непростой разговор. Он ведь

прекрасно понимал: все минувшие семнадцать лет мать работала как каторжная, тащила на себе весь этот тяжеленный воз, а все только для того, чтобы приумножить его наследство. Словом, кто-кто, а уж она точно заработала себе хороший, полноценный отдых. И как он может отказать маме в такой малости?

Его восхищение матерью возросло безмерно и возрастало с каждым днем, особенно когда он получил возможность уже непосредственно наблюдать за тем, как она руководит людьми, как легко и непринужденно решает любую возникающую проблему. Но Чарли видел и другое. Как помолодела его мать в преддверии предстоящей поездки на родину, как разгладились черты ее лица, в каком приподнятом настроении она сейчас пребывает.

Ну и как он мог пойти против ее желания и воли? Да и как можно перечить матери, столько сделавшей для него? Хотя, с другой стороны, разве он может тянуть и дальше? Не отправляться на поиски Кэт? Ведь ее нужно найти и во что бы то ни стало вернуть домой. Вот так сердце Чарли рвалось на части, раздираемое пополам любовью к этим двум женщинам. Порой ему казалось, что еще немного – и оно действительно разорвется на части. По воскресеньям, это был его единственный выходной, и то если на подходе в порт не было люггера, Чарли отправлялся на Риддел-Бич и плавал там до изнеможения, чтобы хоть как-то успокоить свои расхолодившиеся нервы. А потом просто долго лежал на воде, вслушиваясь в шум набегающих волн и стараясь обрести душевный покой и решительность, которой ему так не хватало. Но решительность так и не появилась. По мере приближения того дня, когда мать должна была отплыть в Европу, панические настроения в душе Чарли лишь нарастали. Иногда его даже охватывало непреодолимое желание сигануть в волны с головой и покончить со всеми своими проблемами раз и навсегда.

Донимало и другое. Чем дальше, тем больше он все отчетливее понимал, что не пригоден для своей работы. Он не обладал тем врожденным авторитетом, который был у матери. Чарли не хватало ее непринужденности, с которой она беседовала с другими владельцами жемчужных промыслов, встречаясь с ними регулярно на всяких официальных мероприятиях и ужинах. Все эти люди были по меньшей мере в два раза старше его. Чарли подозревал, что они наверняка потешаются над ним, а может, уже и подумывают над тем, как

прибрать его бизнес к своим рукам. Собственно, это было мечтой Чарли: продать компанию какому-нибудь местному воротиле из тех, кто тоже занимается добычей жемчуга. Но он прекрасно понимал, что мать расценит такой его поступок как предательство памяти отца и дедушки. Компания «Мерсер Перлинг» была старейшей в их городе, и с момента своего основания она всегда управлялась членом семьи Мерсер.

Словом, Чарли чувствовал себя самым несчастным человеком на свете. Ему было одиноко, и дальнейшая жизнь представлялась ему сплошным мраком.

Китти пару раз по воскресеньям приглашала Элизу к ним на обеды. Девушка оказалась на редкость умелой секретаршей. Да, судя по всему, она вообще была гораздо способнее Чарли, рачительно исправляя все его ошибки и промахи, которые он допускал и которые она успевала отследить. Яркая, умная, красивая... Мама не скрывала от Чарли своего мнения об Элизе, полагая, что о лучшей жене для сына и мечтать не приходится. Во время совместных трапез с Чарли мать постоянно затевала разговоры о его женитьбе, о том, что пора уже подумать о новом наследнике их империи.

– Я бы на твоём месте не стала зевать, – укоризненно пеняла она сыну. – Смотри, иначе другие уведут у тебя Элизу буквально из-под носа. Такие девушки, как она, не часто появляются в нашем городе.

Но что ему делать, если у него уже есть наследник? Ребенок, с каждым днем растущий в чреве своей матери. Вот только одному Богу известно, где она сейчас и как выживает в это непростое для нее время...

– Дождись меня, Кэт, – молил Чарли шепотом, обращаясь к ее предкам. – Я тебя обязательно найду...

– Что ж, давай прощаться. – Китти с улыбкой посмотрела на сына. Они стояли в ее роскошной каюте люкс на борту парохода, который вот-вот должен отплыть и взять курс на Фримантл, а уже оттуда отправиться в долгое морское путешествие к берегам ее родины.

Взглянув на мать, Чарли невольно заметил, какой беззаботной она кажется сегодня. Просто как юная девушка, и в глазах столько радостного ожидания и надежды.

– Мамочка, я буду стараться изо всех сил, чтобы не подвести тебя.

– Знаю, сынок, знаю. – Китти ласково потрепала сына по щеке. – Береги себя, мой дорогой мальчик.

– Хорошо, мама.

Раздался корабельный гонг, призывающий всех провожающих немедленно покинуть борт судна и сойти на берег.

– Пиши мне, ладно? – попросила Китти сына. – Держи меня в курсе, как у тебя пойдут дела.

– Конечно, мама. Обязательно буду писать. Счастливого тебе пути. – Чарли обнял мать в последний раз, покинул каюту, потом вышел на палубу и направился к сходням. Стоя на берегу, он еще долго махал вслед пароходу, пока тот не превратился в крохотную точку и не растаял в океане. Затем Чарли сел на трамвай и вернулся на пирс, где его уже поджидал в машине Фред, чтобы отвезти домой.

Вечером Чарли ужинал в полном одиночестве. В доме царил гнетущая тишина. Поужинав, Чарли направился на кухню, чтобы поговорить с Камирой. В последний месяц, пока Китти была дома, поймать Камиру или тем более застать ее одну было практически невозможно. Она стала поистине неуловимой. Но сейчас-то ей не удастся избежать его.

– Как ужин, мистер Чарли? Все нормально?

– Все хорошо, – ответил он коротко. – Спасибо. Что слышно от нее?

– Ничего.

– Она ни разу не связалась с тобой за все это время? Прошу тебя... Умоляю... Скажи мне правду.

– Мистер Чарли, неужели вы не понимаете? Там, – Камира неопределенно махнула рукой куда-то в сторону, – в буше, нет ни бумаги, ни почтовых марок.

– Но, может, хоть кто-то видел ее? Я ведь знаю, как работает в буше беспроводный телеграф. Любая новость тут же передается из уст в уста и быстро доходит куда надо.

– Нет, мне пока никто ничего не говорил. Честно, мистер Чарли.

– Но я крайне удивлен, что ты не сходишь с ума от этой неизвестности. Такое впечатление, что ты и не волнуешься даже.

– Очень волнуюсь, но думаю, с ней все в порядке. Я чувствую свою дочь сердцем. Да и наши предки о ней позаботятся.

– То есть ты полагаешь, что она решила отправиться к вашим и поселиться вместе с ними?

– Возможно.

– Вернется ли она назад?

– Возможно.

– Боже! – с яростью воскликнул Чарли. Он уже был готов схватить Камиру за шиворот и хорошенько тряхануть ее. – Неужели ты не видишь, что я на грани помешательства от всех этих переживаний?

– Вижу. Обратила внимание сегодня утром, что у вас уже даже седина появилась.

– Если она не вернется в ближайшие недели домой, я сам отправлюсь на ее поиски. И найду ее! – Чарли принялся нервно расхаживать по кухне.

– Она не хочет, чтобы ее находили, – спокойно возразила Камира, продолжая мыть посуду.

– Мы с тобой прекрасно знаем, почему она ушла из дома. По крайней мере, я несу за это ответственность. Мой долг – хотя бы попытаться отыскать ее. В конце концов, она носит моего...

Чарли оборвал себя на полуслове. Он понимал, что не стоит произносить вслух все то, что пока осталось недосказанным между ним и Камирой. И снова почувствовал, что еще немного, и он опять расплачется.

– Мистер Чарли, вы хороший человек. Я знаю, вы любите мою дочь. И она вас любит. Но она считает, что то, что она делает сейчас, лучше для всех. Она хочет, чтобы вы жили счастливо. А с ней вам будет трудно. Примите все как есть, ибо вы не в силах ничего изменить.

– Я не могу, Камира! Я не могу с этим смириться. – Чарли плюхнулся на стул, положил руки на стол и уткнулся в них головой. К своему позору, он снова разрыдался. – Я не могу жить без нее, понимаешь? Просто не могу жить.

– Мистер Чарли. – Камира кончила мыть посуду, вытерла руки и положила их на плечи Чарли, которые продолжали сотрясаться от

рыданий. – Я наблюдала за вами двумя много лет. Думала, с возрастом это пройдет. Но не прошло.

– Именно так! Не прошло... И как мне после всего этого оставить ее, Камира? Бросить на произвол судьбы одну... Ты же знаешь, что ждет ребенка-полукровку, если его мать незамужняя... Во всяком случае, я смог бы хоть как-то защитить ее! И я предлагал ей свою защиту, но она отказалась наотрез. – Чарли извлек из кармана кольцо с янтарем и ожесточенно помахал им перед глазами Камиры. – Подумать только! Мой сын или моя дочь окажутся в каком-нибудь ужасном сиротском приюте со всеми вытекающими отсюда последствиями. Нет, пока я жив, я не могу сидеть сложа руки и ничего не делать! – Он швырнул кольцо на стол, оно покатило по столешнице и остановилось прямо перед Камирой.

– Понимаю, – тихо обронила она. В кухне повисло молчание. Камира что-то явно обдумывала. – Мистер Чарли, предлагаю вам сделку. Если в ближайшие пару недель я не получу от дочери никакой весточки, я сама отправлюсь на ее поиски.

– И я с тобой!

– Нет. Вы – белый человек. Вы там просто не выживете. К тому же вы здесь большой босс. Ваша мать доверяет вам. Вы не можете подвести ее. Она ведь работала не покладая рук, чтобы поднять такой большой бизнес и передать его вам. Ваше место здесь.

Камира взяла кольцо и протянула его Чарли. Но он с силой оттолкнул ее руку.

– Нет! Забери его себе. Когда найдешь ее и приведешь домой, тогда я сам надену это кольцо ей на палец. Но до тех пор сил моих нет даже смотреть на него.

Камира молча положила кольцо в карман своего передника.

– Хорошо, пусть так. Так мы с вами договорились, да? Вы здесь трудитесь в конторе, замещаете миссис Китти, а я в ближайшее время отправляюсь на поиски своей дочери, если только она не объявится раньше сама. В этой семье и так было слишком много утрат. А сейчас, мистер Чарли, ступайте спать. Вам нужно отдыхать, иначе седых волос на голове прибавится.

Камира не оставила Чарли выбора, и он решил прислушаться к ее совету. Заручившись твердым обещанием Камиры, что в положенный срок она отправится на поиски Кэт, он в последующие четыре месяца с головой ушел в работу, как того и хотела от него мать. Бухгалтерские отчеты, юридические документы, бесконечная череда люггеров, что ни день прибывающих в порт, все это хоть как-то отвлекало Чарли от мыслей о Кэт. Бизнес семьи Мерсер, как, впрочем, и другие компании в Бруме, переживал тяжкие времена, пытаюсь устоять в конкурентной борьбе. Запасы жемчуга на их складах росли, что негативно сказывалось и на цене жемчуга. Между тем и Европа, и Америка требовали более дешевое сырье. Чарли внимательно изучил все, что мог, о бизнесе мистера Микимото, который занялся разведением искусственного жемчуга в своих водоемах. Добыча натурального жемчуга в Бруме с каждым годом становилась все более опасным предприятием, ибо люггерам приходилось уходить все дальше в открытое море. А вот вам, пожалуйста, искусственный жемчуг! И ничуть не хуже натурального. Более того, он даже больше подходит для нужд ювелирного дела. Каждая искусственная жемчужина имеет стандартный размер, и их легко можно нанизать в ожерелье или браслет. Несмотря на то что мама уничижительно отзывалась о бизнесе мистера Микимото, судя по всему, будущее именно за искусственным жемчугом. Что, в частности, подтверждал и тот факт, что продукцию Микимото Америка, к примеру, как Северная, так и Южная, закупала в огромных количествах.

Особенно впечатлило Чарли то обстоятельство, что на фермах мистера Микимото по разведению искусственного жемчуга жизни работников не подвергались такому смертельному риску, как жизни ныряльщиков, ищущих жемчуг в открытом море. Словом, Чарли пришел к выводу, что следует пригласить к себе в Брум одного из менеджеров, работающих на фирме Микимото. Пусть приедет и расскажет, что можно сделать в этом направлении у них в Бруме. Он понимал, что первоначальный этап будет сопряжен с большими капиталовложениями, но в конечном счете прибыль только возрастет. Само собой, переключившись на производство искусственного жемчуга, он тем самым нанесет болезненный удар по всей жемчужной индустрии города, благодаря которой Брум столько лет процветал. Но

в природе ведь все так устроено: всему свой час и свое время. Чарли инстинктивно чувствовал, что благодатная летняя пора для их города осталась уже в прошлом, а впереди маячит непредсказуемая и капризная осень.

– Каждый должен пройти свой отрезок пути, взвалив груз ответственности на свои плечи, – пробормотал он вполголоса, водружая на голову пробковый шлем и поправляя на пиджаке золотой галун – символ его положения. После чего вышел из дома и направился к машине, где его уже поджидал Фред.

Во всяком случае, размышлял Чарли, когда машина уже отъехала со двора, он сейчас делает свой первый самостоятельный шаг в бизнесе, шаг, устремленный в будущее, несмотря на все те опасности и риски, которые наверняка будут подстерегать его на этом пути.

Чарли крепко спал, когда его вдруг разбудил пронзительный крик, разорвавший тишину, царившую вокруг. Он подхватился и сел на постели, пытаясь прийти в себя после сна.

Крик продолжался, такой дикий, звериный вопль. Что-то подобное Чарли слышал когда-то раньше. Все еще полусонный, он попытался вспомнить, понять...

Нет! Нет! Не может быть...

Его, словно током, подбросило с кровати, он выскочил из комнаты, вихрем промчался по холлу, к кухне, оттуда через черный ход на улицу.

Камира стояла на коленях, перебирая пальцами красную землю, и что-то бормотала на непонятном ему языке. Впрочем, ему и не нужно было это. Потому что он тотчас же понял, что случилось.

Камира глянула на него глазами, полными невыразимой муки и отчаяния.

– Мистер Чарли, она ушла! Я слишком поздно собралась. Слишком поздно!

Дом погрузился в траур. День и ночь они с Камирой оплакивали свою утрату. Они почти не разговаривали. Все, что их когда-то связывало, рассыпалось, превратилось лишь в горечь потери, в негодование и острое чувство вины. Чарли старался бывать дома как можно реже, просиживая в конторе до полуночи, как когда-то, сразу же после ухода отца, это делала его мать. И сейчас Чарли было понятно, почему она так делала. Разбитое сердце не давало покоя, оно разъедало душу, особенно в его случае, когда к утрате примешивалось еще и чувство собственной вины за случившееся.

Кажется, его секретарша Элиза чувствовала, что с ним творится что-то неладное. Ее присутствие хоть как-то успокаивало Чарли, а ее милая улыбка казалась ему светлым лучиком в темной пучине того отчаяния и горя, которая накрыла его с головой. Но одновременно наивность Элизы, ее безупречные манеры, все это невольно раздражало Чарли. Особенно осознание того, что она порхает по жизни, весела и беззаботна, а его Алкины и их ребенка уже нет на этом свете.

Что угнетало Чарли сильнее всего, доставляя ему невыразимые страдания, так это то, что ему никогда не суждено будет узнать, где и при каких обстоятельствах умерла его Кэт. Возможно, истекла кровью во время родов, пытаясь дать жизнь их чаду.

Вот так, всего лишь двадцати одного года от роду, Чарли Мерсер, один из самых богатых людей Австралии, в одночасье превратился в мужчину вдвое старше себя.

Никогда-никогда

В окрестностях Алиса-Спрингс
Июнь 1929 года

26

Стояла тихая ночь. Царящую вокруг тишину нарушал лишь отдаленный вой дикой собаки динго. На чистом безоблачном небе ярким светом горели звезды и величаво плыл серебристый диск луны, собственно, единственный источник освещения в этой кромешной тьме. Лошадь неспешно продвигалась вперед по каменистой земле, ловко объезжая низкорослый кустарник и такие же чахлые деревца, пригнувшиеся к самой земле, чтобы хоть как-то защитить себя в этой пустыне от постоянных песчаных бурь. Глаза всадника уже хорошо адаптировались к тусклому свету. Он даже различал густые тени, ложившиеся вокруг неровностей почвы, и темно-синие прожилки на близлежащих скалах. Ночной воздух веял прохладой. Все ароматы и запахи земли, успевшей немного отдохнуть от изнуряющей дневной жары, сейчас витали вокруг всадника густым благовонием. То и дело слышался ровный гул насекомых, легкие звуки несущихся вскачь животных.

Всадник привязал лошадь к каменному выступу, взметнувшемуся вверх прямо из земли, подобно красному сталагмиту. Вообще-то он рассчитывал попасть в Алису еще до наступления ночи, но днем случилась стычка между местным племенем аборигенов и погонщиками табунов. Пришлось задержаться, пока не закончится разборка. Он снял с лошади бурдюк из кожи верблюда, наполненный водой, потом извлек из-под седла миску и плеснул в нее немного воды. Поставил миску на землю перед уставшей кобылкой, чтобы та могла напиться. Затем достал фляжку и вылил из нее себе в горло остатки грога. Снял с лошади поклажу, расстелил прямо на земле грубое одеяло и уселся на него, чтобы перекусить остатками провизии. Судя по всему, раньше завтрашнего вечера ему в Алиса-Спрингс не

добраться. Там он пополнит свои запасы и снова двинется на восток управляться со стадами до декабря. А потом...

Он подавил тяжелый вздох. Какой смысл планировать будущее, которого у него нет? Но, хотя он и заставлял себя жить исключительно днем сегодняшним, душа его, тем не менее, стремилась к чему-то неизведанному, что еще может поджидать его впереди. В действительности же ждать ему было нечего, и он сам был в этом виноват. Сам тому поспособствовал.

Он устроился на ночлег и приготовился отойти ко сну, но тут услышал, как где-то поблизости зашипела змея. Взял камень и швырнул его в ту сторону, чтобы прогнать незваную гостью. Даже сам себе он казался ужасно грязным. Чувствовал, как от него воняет кислым, застоявшимся потом. Те редкие водоемы, которыми он обычно пользовался для своих омовений, сейчас были пусты. Страшная сушь установилась на всех территориях, нетипичная засуха даже для этих мест.

Какое-то время он думал о ней. Так он делал каждую ночь, укладываясь спать, потом плотно сомкнул глаза, чтобы лунный свет не тревожил его, и постарался заснуть.

Проснулся он от странного писка, раздававшегося откуда-то неподалеку. Прожив долгие годы в аутбэке, он точно знал: так может пищать только человеческое существо. Это не зверь. Прислушался, чтобы определить, откуда исходит звук. Кажется, плачет ребенок. *«Еще одна невинная душа пришла в этот жестокий мир»*, – подумал он и снова закрыл глаза, стараясь заснуть.

Проснулся с восходом солнца. Надо поскорее отправляться в путь, чтобы попасть в Алису до наступления темноты. А еще успеть найти себе в городе какое-то пристанище, где можно будет хотя бы помыться как следует. Ведь в последний раз он мылся еще в Дарвине. Он вскарабкался на свою кобылку и тронулся в путь. У самой кромки горизонта разглядел караван верблюдов. В лучах восходящего солнца картина представлялась почти библейским сюжетом. В течение часа с небольшим он догнал караван. Люди сделали остановку, чтобы немного передохнуть и поесть. Среди погонщиков оказался один знакомый афганец. Тот дружелюбно похлопал его по спине, предложил место на своем ковре и тарелку с лепешками. Он с жадностью набросился на хлеб, не обращая внимания на то, что лепешки немного

заплесневели по краям. Здесь, на этих землях, которые он мысленно окрестил «Никогда-никогда», самое большое удовольствие во время бесконечных странствий по пустыне ему доставляли именно встречи с погонщиками верблюдов. Из всех людей, с которыми ему доводилось общаться в аутбэке, они всегда были самыми доброжелательными и открытыми. Про них можно было сказать с полным основанием, что они и есть истинные пионеры аутбэка, скромные герои пустыни, впрочем не воспетые никем и совсем не кичащиеся своим героизмом. Но именно эти люди доставляли провиант, тащились через сотни миль по красной пустыне, чтобы добраться до самых отдаленных ранчо и скотоводческих ферм, разбросанных на огромных пространствах внутри материка. Среди погонщиков встречались и образованные люди, многие разговаривали на хорошем английском. Вот и сейчас он сидел, жадно пил их воду и слушал неспешные разговоры о том, что дело их находится под угрозой. Потому что вскоре планируют открыть новую железную дорогу, которая свяжет Порт Августа и Алиса-Спрингс. А потом дорогу потянут дальше на север, вплоть до самого Дарвина.

– Можно сказать, доживаем все мы тут последние денечки. Нас осталось-то всего ничего. Остальные уже разъехались кто куда. Многие вернулись к себе на родину, – удрученно обронил Мустафа.

– Думаю, для тебя, Мустафа, работа всегда найдется. Едва ли новая железная дорога сможет дотянуться до всех поселений, разбросанных по пустыне.

– Железная дорога, конечно, не дотянется, это точно. Но зато туда скоро можно будет доехать на машине.

Он уже поднялся со своего места, чтобы распрощаться с радушным Мустафой, но в этот момент снова услышал странный писк, который разбудил его минувшей ночью. Звук доносился из корзины, привязанной к боку одного из верблюдов.

– Там что, младенец? – поинтересовался он у своего приятеля.

– Да. Вот появился на свет бедолага пять дней тому назад. А мать его умерла минувшей ночью. Мы ее похоронили как положено. Глубоко закопали, чтобы никакие динго до нее не добрались, – пояснил Мустафа.

– Темнокожий ребенок?

– Если судить по цвету кожи, то скорее всего полукровка. Или даже кварталон. Девчонка прибилась к нам пару недель тому назад. Сказала, что держит путь в миссию Хермансберг, – продолжил рассказывать Мустафа. – Другие погонщики не захотели с ней связываться. Она ведь уже была на сносях. Но, видя ее отчаянное положение, я согласился. И вот что мы сейчас имеем... Сиротку. Плачет день и ночь, молока просит. А где его взять? Может, и умрет, пока мы доберемся до Алисы. Совсем ведь еще кроха...

– Можно взглянуть на него?

– Если хотите.

Мустафа поднялся с земли и повел его в ту сторону, откуда доносился плач. Отстегнул поклажу и вручил корзину приятелю.

Тот заглянул в корзину и увидел, как там что-то шевелится среди пеленок из муслина. Он поставил корзинку на землю, встал перед ней на колени и начал осторожно разматывать пеленки. Когда он снял последнюю пеленку с крохотного тщедушного тельца, в нос ударил запах мочи и фекалий. Кожа у младенца была гладкой, цвета ириски.

Ребенок запищал с удвоенной силой, стал дрыгать ножками, размахивать крохотными кулачками, сотрясая ими воздух. Много чего всадник повидал на своем веку, странствуя долгие годы по пустыне. И все же этот почти заморенный голодом младенец, да еще сиротка, вдруг поднял в его душе волну таких эмоций, которых он не испытывал уже много лет. Он снова замотал младенца в тряпье, оставив все его выделения на прежнем месте. Не хотел касаться их руками. Вдруг какую заразу подцепит? После чего взял младенца на руки. И в этот момент услышал, как в корзинку упало что-то тяжелое.

– Это мальчик, – прокомментировал Мустафа, отходя в сторону. Уж очень сильно воняло от дитяти. – На что этот бедняга может рассчитывать в будущей жизни, даже если выживет, а?

Почувствовав прикосновение к себе чьих-то рук, малыш мгновенно перестал скулить, сунул кулачок себе в рот, открыл глазки и с интересом уставился на Драммонда. А тот невольно вздрогнул, увидев цвет этих глаз. Ярко-синие, с крапинками янтарного цвета. Но даже не необычный цвет глаз поразил его. Скорее их разрез, а еще больше – их выражение. Где-то он все это уже видел. Вот только где и когда? Вспомнить Драммонд не смог.

– Мать как-то назвала своего малыша, прежде чем умереть? – поинтересовался он у Мустафы.

– Нет. Она вообще мало разговаривала.

– Кто отец, не знаешь?

– Она ничего не сказала. Видно, и не хотела. Но вы же понимаете, как это бывает. – Мустафа равнодушно пожал плечами.

Драммонд снова глянул на мальчика, продолжавшего сосредоточенно сосать свой кулачок. И опять что-то в его душе встрепенулось.

– Я могу взять его с собой в Алису. А там отвезу в Хермансберг.

– Боюсь, он уже отходит, приятель. Ну, оно даже к лучшему.

– А вдруг у него еще есть шанс? Что, если его шанс – это я? – обронил Драммонд, скорее машинально, не задумываясь о смысле. – Решено! Я его беру. Если он останется с вами, то точно умрет, как и его мать.

– Что правда, то правда, – подтвердил Мустафа. Черты его лица заметно разгладились.

– Вот только мне бы немного воды сейчас. Есть у тебя?

– Пойду поспрашиваю.

Младенец между тем снова закрыл глазки. Он, видно, сильно ослаб, и у него уже просто не было сил, чтобы продолжать плакать. Его дыхание стало прерывистым. Драммонд инстинктивно прижал мальчика к себе, понимая, что время его истекает.

– Вот! – Возвратившийся Мустафа протянул Драммонду флягу с водой. – Вы взялись сделать доброе дело, дружище, да благослови Господь вас и младенца. *Kха сафер валаре*. – Он положил свою натруженную узловатую руку на влажный лобик ребенка.

Драммонд отнес корзинку к своей лошади, потом смастерил из одеяла, на котором спал сегодня, нечто похожее на перевязь, и обвязал себя ею. Потом поднял младенца, чтобы положить его туда, и в эту минуту увидел под пеленкой на дне корзины грязную жестянку. Поднял ее и бросил к себе в вещевой мешок. Набрал немного воды из фляги и капнул несколько капель на губы ребенка. Облегченно вздохнул, когда увидел, что малыш, почуяв воду, сделал несколько слабых сосательных движений. Потом Драммонд закрепил пустую корзинку позади седла и пустил лошадь галопом по пустынной равнине.

Солнце палило нещадно, казалось прожигая кожу насквозь. Он скакал и размышлял, какого черта ввязался в столь рискованную авантюру. Вполне возможно, что, когда он доберется до Алисы, младенец, привязанный к его груди, будет уже мертв. Но как бы то ни было, а что-то же толкало Драммонда вперед, требовало поторопиться, ибо он прекрасно понимал, что если снова заночует в пустыне, то сердечко, которое сейчас прижато к его сердцу, перестанет биться.

В шесть часов вечера его кобыла, спотыкаясь от усталости, с трудом втащила в пыльный двор рядом с домом, служившим ему постоянным пристанищем. Еще не спешившись, Драммонд осторожно пощупал рукой грудь младенца и почувствовал слабое трепыхание его сердечка. Спрыгнул на землю, накачал насосом ведро воды для изнывающей от жажды лошади, снял с себя перевязь и аккуратно положил ребеночка на его прежнее место – в корзину, прикрыв сверху пеленкой.

– Я еще вернусь, – пообещал он кобыле, – и накормлю тебя как следует.

А сам поспешил в дом, где был с радушием встречен хозяйкой, миссис Рэндолл.

– Рада вас снова видеть в наших местах. Вашу обычную комнату?

– Да, если она свободна, пожалуйста. Ну, как вы тут?

– Да сами знаете, каково у нас в этой глуши. Вот начнут ходить поезда, думаю, станет веселее. Что вам еще угодно, мистер Ди? Или все как обычно? – Она слегка подмигнула ему. – В городе объявилась пара новых девчонок.

– Только не сегодня. Поездка выдалась трудной. Долго добирался сюда. Скажите, у вас случайно нет молока?

– Молока? – удивленно вскинула брови миссис Рэндолл. – Конечно, у нас есть молоко. Сами же знаете, сколько тут голов скота бродит вокруг. – Она издала короткий смешок. – Сегодня вместо обычных горячительных напитков вы выбираете молоко, мистер Ди?

– Что-то вроде этого. Хотя к молоку можно присовокупить и стаканчик хорошего шотландского виски. Думаю, не помешает.

– Я специально берегу для вас бутылочку. А что будете кушать?

– Что есть на плите, то и пойдет, миссис Рэндолл. – Он доброжелательно ухмыльнулся. – Организм у меня полностью обезвожен. Кстати, не забудьте принести мне еще и солонку.

– Хорошо. – Она протянула ему ключи от номера. – Я подам все прямо в комнату сию же минуту.

– Премного благодарен вам, миссис Рэндолл.

Драммонд подхватил корзину и свой вещевой мешок и поспешил наверх по грубой деревянной лестнице. Войдя в комнату, он плотно закрыл за собой дверь и тотчас же запер ее на ключ. Потом поставил корзину прямо на кровать и снял пеленку с личика младенца. Приложил ухо к самому носику, но с трудом услышал его дыхание.

Быстро схватил флягу, которую дал ему в дорогу Мустафа, и выцедил из нее последние капли воды на губы ребенка, но тот даже не пошевелился.

– Черт-черт-черт! – выругался вполголоса Драммонд. – Не вздумай помирать прямо сейчас, негодник! Еще, чего доброго, обвинят меня потом в твоём убийстве, – взмолился он, обращаясь к малышу. Потом поставил корзину рядом с кроватью и стал возбужденно расхаживать по комнате в ожидании хозяйки. Потом не выдержал и побежал вниз. Да и в комнате сразу же запахло зловонием.

– Ну что? Готово? – поинтересовался Драммонд у миссис Рэндолл.

– А я уже приготовилась нести вам наверх, – ответила та, выставляя поднос со снедью на узенькую стойку.

Драммонд глянул на поднос и сразу же заметил, что кое-чего не хватает.

– А про солонку забыли, миссис Рэндолл?

– Ой, виновата! Сейчас принесу! – Хозяйка вернулась через минуту, держа в руке, сплошь усыпанной веснушками, солонку. – Она, между прочим, с серебряным покрытием. Мне подарили ее на свадьбу, когда я выходила замуж за мистера Мэйка. Только не забудьте мне ее потом вернуть. Она же стоит кучу денег.

– Можете на меня положиться. Обещаю, все верну в целости и сохранности! – Резким движением Драммонд подхватил поднос, так, что даже посуда, стоявшая на нем, задребезжала, и снова подался наверх. – Чуть позже я спущусь, чтобы помыться.

Войдя в комнату, Драммонд быстро сорвал с себя рубашку, открутил с солонки серебряный колпачок и высыпал всю соль на материю. Потом вырвал из Библии, лежавшей на ночном столике, одну страничку. Сделал из нее рожок, взял стакан молока и перелил его

через рожок в пустую солонку. Подхватил младенца на руки, стараясь при этом дышать только через рот, уж очень от малыша воняло, поднес кончик солонки к лицу ребеночка и аккуратно вставил между его губками, похожими на два лепестка розы.

Поначалу никакой реакции не последовало. Сердце Драммонда колотилось с удвоенной энергией, стараясь за них обоих. Тогда он убрал миниатюрный серебряный сосок и капнул несколько капель молока себе на палец. Опять сработал какой-то внутренний инстинкт. Драммонд смазал молоком губки младенца и застыл в томительном ожидании. Через пару секунд губы ребенка пришли в движение. Драммонд снова вставил импровизированную соску ему в рот и впервые за все последние семнадцать лет вознес молитву небесам. А еще через какую-то минуту с облегчением услышал, как его самодельная бутылочка слегка дернулась, а следом послышалось мерное почмокивание: младенец начал уверенно сосать из бутылочки.

Драммонд снова возвел очи к потолку и глухо пробормотал:

– Благодарю Тебя.

Когда малыш полностью осушил всю солонку до самого дна, Драммонд взял таз, налил туда немного воды из кувшина, кое-как размотал дурно пахнущие пеленки и постарался, как мог, обмыть младенца. Хотя бы удалить все присохшие фекалии с его тельца. Потом смастерил подгузник из двух своих носовых платков и приладил его на спинке ребеночка, аккуратно прикрыв его попу. Оставалось лишь надеяться, что в ближайшие пару часов никакого очередного извержения не последует. Перепачканные пеленки Драммонд свернул в один ком, замотал их в простыню, которую снял с кровати, и сунул вонючий сверток в один из ящиков комода. Во вторую простыню Драммонд запеленал ребеночка. Пока пеленал, обратил внимание на то, как сразу же вздулся у него животик. А еще – какие у малыша слабые и тонюсенькие ножки. Похожи на лапки лягушонка, но никак не на человеческие ноги. Ребенок между тем крепко спал. Драммонд присел, чтобы наспех проглотить свой успевший остыть ужин – твердое на зуб мясное рагу, изрядно сдобрив его несколькими щедрыми глотками виски. Потом Драммонд спустился вниз и вышел во двор, чтобы покормить лошадь и хоть немного омыться самому в бочке с водой, стоявшей на заднем дворе.

Немного освежившись и почувствовав себя гораздо бодрее после водной процедуры, Драммонд снова побежал наверх, к себе в номер. Ребенок крепко спал и даже не пошевелился во сне. Драммонд опять приложил ухо к его грудке. Дыхание было ровным, и сердечко тоже билось равномерно. Он уже вскарабкался на свой матрас и тоже приготовился отойти ко сну, когда вспомнил про ту жестянку, которую подобрал в корзине с младенцем, а потом сунул ее в свой вещевой мешок.

Жестянка сильно поржавела и была вся покрыта красной грязью. Судя по всему, она долго пролежала в земле. Драммонд с большим усилием открыл ее и увидел внутри небольшую коробочку, обтянутую кожей. Отстегнул замочек и приподнял крышку. И чуть не задохнулся от волнения, увидев, что там. Даже сердце замерло на мгновение.

Жемчужина Розит... Та самая жемчужина, которая забрала жизнь у брата, но спасла его собственную жизнь.

– Но как такое может быть? – ошеломленно пробормотал Драммонд, а глаза его между тем снова усталились на жемчужину, ослепленные ее гипнотической красотой. Точно так же, как и много лет тому назад, когда он увидел ее впервые. И что ему сейчас делать с этой находкой? Ведь он-то знает, жемчужина стоит кучу денег. Сам когда-то вручил двадцать тысяч фунтов продавцу.

После того как Драммонд покинул Брум, не имея возможности снова вернуться на свое любимое ранчо в Килгарра, он стал странствовать по аутбэку и все эти долгие семнадцать лет перебивался случайными заработками. Он целиком ушел в себя, никому не доверял, ни с кем не делился. Долгие годы блужданий по пустыне «Никогда-никогда» превратили его в совершенно другого человека. В человека-изгоя с окаменевшей душой, у которого вместо сердца – кусок льда. А винить нужно было только самого себя. И может, еще вот эту проклятую жемчужину. Однако же что-то шевельнулось в его омертвелой душе, когда он увидел этого младенца.

Драммонд захлопнул коробочку и снова спрятал ее в жестянку. Не будет он больше любоваться пагубным блеском жемчужины.

Однако какое отношение имеет найденный им ребенок к жемчужине Розит? Ведь когда Драммонд видел ее в последний раз, он сам спрятал эту коробочку в один из ящиков письменного стола Китти.

Помнится, Камира тогда умоляла не показывать жемчужину своей хозяйке и...

– О боже! Боже правый!

Драммонд вдруг вспомнил, чьи глаза напомнили ему глаза младенца.

– Алкина...

Драммонд вскочил с кровати и подошел к спящему ребенку. Принялся внимательно разглядывать его личико. Впервые за всю свою жизнь Драммонд вдруг почувствовал, буквально всей кожей почувствовал, всемогущество рока. Вот она, судьба! Ее, как говорится, не объедешь. Внутреннее чутье подсказывало, что спящий младенец, в корзине которого была спрятана проклятая жемчужина, каким-то образом связан с ним.

– Спи спокойно, малыш. Завтра я отвезу тебя в Хермансберг. – Драммонд осторожно погладил его нежную щечку, потом снова вернулся к себе на постель. – А потом я поеду в Брум и там узнаю, кем ты мне все же приходишься.

Пастор Альбрехт оторвался от чтения Библии, заслышав цокот копыт на подъезде к миссии. Глянул в окно и увидел, как какой-то мужчина спешил с лошади и огляделся по сторонам, явно не зная, куда ему идти. Пастор Альбрехт поднялся со своего места, подошел к дверям и вышел на улицу. Солнце слепило глаза.

– *Гутен таг*, – сказал он по-немецки. – Или лучше «Доброе утро»?

– Все равно. Я говорю на двух языках, – ответил незнакомец. Во дворе толклись несколько послушниц, облаченных в белые монашеские одежды. Они с любопытством поглядывали на красивого мужчину. В здешних безлюдных местах любой странник был желанным гостем.

– Занимайтесь своим делом, – тотчас же остудил их интерес пастор, и монашенки снова принялись хлопотать по двору.

– Мы можем где-нибудь поговорить с вами, пастор? – спросил у него незнакомец.

– Пройдемте в мой кабинет. – Священник жестом указал на комнату за своей спиной. И в этот момент услышал жалобный детский писк, раздавшийся из-за перевязи, опоясавшей грудь мужчины. – Пожалуйста, присаживайтесь, – пригласил пастор и плотно прикрыл за собой дверь. Потом захлопнул ставни на окнах. Никаких любопытных глаз!

– Спасибо, сейчас присяду. Но вначале вручу вам вот это.

Мужчина развязал перевязь и осторожно положил ее на стол вместе с содержимым. Там, среди дурно пахнущих тряпок лежал крохотный младенец, совсем недавно появившийся на свет. Мальчик набрал в свои легкие побольше воздуха и громко заверещал, словно умоляя сами небеса, чтобы его наконец покормили.

– И кого мы тут имеем?

– Его мать умерла некоторое время тому назад недалеко от Алиса-Спрингс. Погонщики верблюдов, к каравану которых она пристала, рассказали мне, что она держала путь в Хермансберг. Я предложил им свою помощь. Сказал, что смогу доставить к вам ребенка гораздо быстрее, чем они. Минувшей ночью мне удалось немного покормить малыша, воспользовавшись солонкой в качестве бутылочки с молоком.

– Надо же, до чего додумались! Весьма изобретательно, мой господин.

– Возможно, помогла и соль, оставшаяся на стенках солонки. Во всяком случае, сегодня он выглядит более окрепшим.

– Какой же он маленький! – Пастор Альбрехт осмотрел младенца, проверил его ножки и ручки, убедился, что тот хватается ручонкой за его палец. – Но он, конечно, сильно ослаб от недоедания.

– Слава богу, хоть выжил.

– И за это нужно благодарить вас в первую очередь, да благослови вас Господь, мой господин. Немногие погонщики, которые бродят по нашим местам, поступили бы так, как вы. Как я понимаю, его мать была аборигенкой?

– Не могу утверждать это с уверенностью, так как она умерла и ее похоронили еще до того, как я встретился с этим караваном. Но так уж случилось по воле судьбы, что, может статься, я знаю ее семью.

Пастор глянул на собеседника с явным подозрением.

– То есть вы хотите сказать, что вы отец этого малыша?

– Нет, что вы! Ни в коем случае! Дело в том, что при младенце я обнаружил одну вещицу, которая мне хорошо знакома. – Драммонд достал из кармана жестянку. – Мне нужно будет наведаться в Брум, чтобы подтвердить свою догадку.

– Понятно. – Пастор взял протянутую ему жестянку и слегка повертел ее в руках. – Тогда не считите за труд и поставьте меня в известность о том, что вы там узнаете. А пока же скажу вам так: если малыш выживет, то отныне его домом станет наш приют в Хермансберге.

– Пожалуйста, сохраните эту железную банку где-нибудь в надежном месте до моего возвращения. И просьба: ради собственного же блага, не смотрите, что там внутри.

– За кого вы меня принимаете, уважаемый? – Пастор недовольно нахмурился. – Я служу Господу. И мне можно доверять.

– Само собой.

Мужчина покопался в кармане и извлек оттуда несколько мятых бан-кнот.

– Вот мой посильный вклад на содержание вашей миссии и на питание малышу.

– Спасибо, – сдержанно поблагодарил его пастор.

– Наведаюсь к вам снова, как только смогу.

– Последний вопрос. Его мать успела дать ему имя?

– Нет.

– Тогда я назову его Френсис, в честь Франциска Ассизского, святого, который покровительствует животным. Из того, что вы мне рассказали, я понял, что верблюды тоже помогли ему выжить. – Пастор коротко улыбнулся.

– Прекрасное имя, – согласился с ним незнакомец.

– А как вас зовут, мой господин? – поинтересовался у него пастор Альбрехт.

– В здешних местах меня все знают как мистера Ди. Всего вам доброго, пастор.

Незнакомец вышел из кабинета, громко хлопнув за собой дверью. Пастор подошел к окну и открыл ставни. Он увидел, как мужчина снова вскочил в седло и ускакал прочь. Несмотря на то что мужчина был, судя по всему, в отличном здравии, полон сил и энергии, что-то в

его облике сквозило беззащитное, что-то такое, что вызывало жалость к нему.

– Еще одна грешная душа, – пробормотал пастор и снова принялся разглядывать малыша, лежавшего перед ним на столе. Мальчик, в свою очередь, тоже посмотрел на него своими огромными синими глазами. – Ты перенес такую дальнюю дорогу, кроха, – ласково обронил пастор. Потом он взял перьевую ручку, открыл какой-то фолиант и записал на чистой странице. Имя – *Френсис*, следом поставил дату. И сделал примечание: *привез погонщик, назвавшийся мистером Ди, из Алиса-Спрингс.*

Месяцем позже Драммонд привязал лошадь на небольшой лужайке в полумиле от дома и направился дальше пешком. Стояла темная, беспросветная ночь. Густые облака закрыли собой все звезды, чему он был только рад. Он подошел к въездным воротам и, сняв сапоги, спрятал их в кустах зеленой изгороди. В доме тоже было темно, ни единого огонька в окнах. Только с конюшни изредка доносился какой-то шорох. Драммонд вздохнул, подумав о том, что все лучшее и все самое худшее в его жизни случилось именно под крышей этого дома, когда-то крытой железом, а теперь, судя по тому, что можно было разглядеть в темноте, черепичной. Фред крепко спал на своем привычном месте рядом с конюшней. Драммонд миновал его и направился напрямиком к домику Камиры. Только бы она не заперла дверь на ночь, взмолился он мысленно, взявшись за дверную ручку. Дверь легко отворилась. Драммонд зашел в дом и плотно прикрыл за собой дверь. Некоторое время постоял неподвижно, пока глаза не привыкли к темноте. Камира лежала на кровати, подложив руку под голову. Драммонд подошел ближе, боясь напугать Камиру своим неожиданным вторжением. Она может закричать и разбудить всех обитателей дома.

Он опустил перед изголовьем на колени и зажег свечу, стоявшую на прикроватной тумбочке, чтобы Камира сразу же опознала его.

Потом легонько тронул ее за плечо. Она пошевелилась во сне.

– Камира, это я, мистер Драм. Вот приехал, чтобы повидаться с тобой. Это я, правда, но ты только ничего не говори. Ни звука! – Драммонд закрыл ей рот рукой. Камира ошарашенно уставилась на его лицо. Судя по выражению ее глаз, она уже полностью проснулась. – Пожалуйста, только не кричи, ладно?

Страх в ее глазах стал отступать, она попыталась убрать руку Драммонда со своего рта.

– Будешь молчать? Обещаешь?

Она кивнула в знак согласия. Драммонд отнял свою руку и приложил палец к губам.

– Мы же не хотим никого разбудить, верно?

Камира снова кивнула, не произнося ни звука. Потом рывком уселась на постели.

– Что вы здесь делаете, мистер Драм? Вас же уже давно нет в живых, – громким шепотом промолвила она.

– Но мы-то с тобой прекрасно знаем, что я жив-живехонек, не правда ли?

– И зачем вы вернулись сюда?

– Потому что мне есть что тебе сказать.

– Что моя дочь умерла? – Глаза Камиры мгновенно наполнились слезами. – Я уже знаю. Мне моя душа все рассказала.

– К великому сожалению, душа твоя не ошиблась. Мне очень жаль, Камира, очень... Она была... беременна?

– Да. – Она подавленно опустила голову. – Только вы никому не говорите об этом, хорошо? Ребенок тоже умер.

Драммонд понял, что его догадка оказалась верной. Теперь он знал это точно.

– Что ж, получается, что кое-чего ты все же не знаешь, – прошептал он в ответ.

– Чего же я не знаю?

Он ласково погладил руку Камиры.

– Ребенок Кэт жив. Поздравляю! У тебя есть внук.

Затем Драммонд рассказал всю историю о том, как он нашел малыша. В глазах Камиры застыло нескрываемое удивление. Кажется, история поразила ее до глубины души.

– Это все устроили наши предки. Какой умный план придумали, – пробормотала Камира. – И где же он сейчас? – Она обвела комнату

взглядом, словно ища своего внука, который спрятался от нее.

– Он еще слишком слабенький, и я не рискнул взять его в такую долгую дорогу. Я оставил малыша в хороших руках. Это миссия Хермансберг. Должен тебе сказать, что в его корзинке я обнаружил ту плохую жемчужину. Видно, Алкина нашла ее и...

– Нет! Эта жемчужина проклята. Не хочу, чтобы она находилась рядом с моим внуком! – Камира повысила голос, и Драммонд снова сделал предупреждающий жест, приложив палец к губам.

– Клянусь тебе, я припрятал ее в надежном месте, как можно дальше от малыша. Сейчас тебе самой решать, что ты будешь делать и со своим внуком, и с жемчужиной. Думаю, ты могла бы привезти его сюда, когда он немного окрепнет.

– Сюда ему нельзя! – яростно прошептала Камира.

– Почему нельзя? А я-то полагал, малыш станет для тебя истинным утешением.

Наступила очередь Камиры рассказывать Драммонду свою историю.

– Ну и дела! Получается, младенец – это сын моего племянника? И мой кровный родственник? – совершенно искренне удивился Драммонд.

– Да. В нем течет наша общая с вами кровь. Так что он принадлежит нам обоим, – строго проговорила Камира.

– Во-первых, не нам. Ребенок принадлежит, прежде всего, моему племяннику Чарли. Ведь после того, как мать малыша переселилась к своим предкам, Чарли сейчас его единственный...

– *Нет!* Для всех будет лучше, если мистер Чарли станет и впредь считать, что его ребенок тоже умер.

– Как ты можешь говорить такое? Ушам своим не верю! Ведь ты же его бабушка...

– Вас здесь давно не было, мистер Драм. И вы не понимаете... Миссис Китти все эти годы работала как проклятая... После того как вы уехали, работа заменила ей все... Старалась ради своего сына.

Драммонд удивленно вскинул брови.

– Да, она была больна. Очень больна, – подтвердила его догадку Камира. – И печалилась.

– А как она сейчас? И где она? – Драммонд повернул голову и бросил взгляд в сторону дома.

– Уехала в Европу. Устроила себе такой вот отпуск. А вместо себя оставила на хозяйстве мистера Чарли. Хотя он и убивается из-за Алкины, думаю, он скоро оправится и придет в себя. Молодость возьмет свое. Может, даже женится на своей секретарше... Очень славная девушка. Вот почему я и говорю, что ему лучше ничего не знать. Понимаете меня?

– А что же Китти? Ведь она приходится малышу такой же бабушкой, как и ты, Камира. Думаю, я даже уверен в том, что она, как и Чарли, имеет полное право знать о существовании ребенка. А что же сам малыш, в конце концов? Лично я не могу вот так просто взять и бросить своего внучатого племянника в какой-то там миссии.

Камира сползла с постели.

– Я поеду вместе с вами. Отвезите меня в эту миссию. Я буду заботиться там о своем внуке.

– И ты, не задумываясь, бросишь здесь все? А что же Китти? Я ведь знаю, как много ты для нее значишь и как во многом она зависит от тебя.

Камира между тем вытащила откуда-то мешок из дерюги. Явно в нем раньше хранились овощи. Потому что от него несло запахом гнилой ка-пусты.

– Я выбираю свою семью. Она тоже выбрала свою семью. Так что все к лучшему.

– Сдается мне, ты сильно недооцениваешь свою хозяйку. В конце концов, позволь напомнить, что она привела тебя в свой дом против воли моего покойного брата. У нее любящее сердце. Уверен, она бы тоже захотела быть членом твоей семьи. Во всяком случае, быть в курсе принятого тобою решения... А еще я уверен в том, что она с радостью бы приняла внука в своем доме.

– Может, и так. Но пока ее нет. Она сейчас восстанавливает свое здоровье, и ей нужен покой. А я не хочу навлекать позор ни на нее, ни на Чарли. Лучше я сама отправлюсь к внуку. И сохраню все в тайне.

Драммонд понял, что Камира действительно ни перед чем не остановится, чтобы защитить от злых наветов свою хозяйку, которая привела ее к себе в дом, и ее сына, к появлению на свет которого Камира тоже причастна. Ради этого она даже готова бросить их и уехать прочь. И спорить тут было бесполезно. Так она решила, нравится ему это или нет.

– А как же Фред? Неужели и ему ты ничего не скажешь?

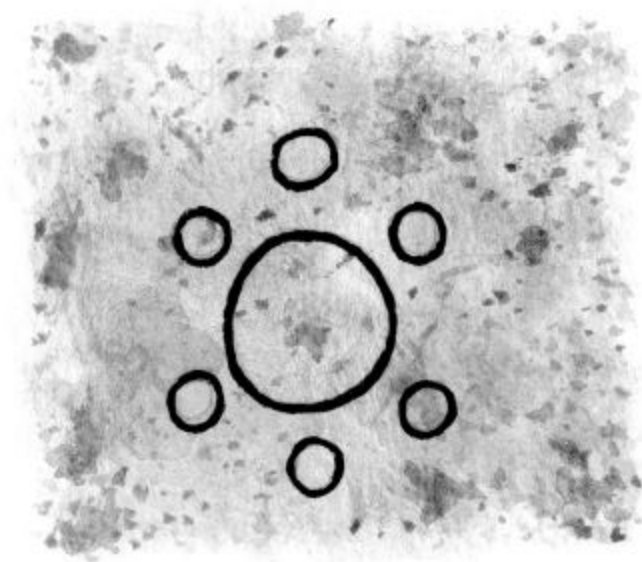
– Да он не умеет держать язык за зубами, мистер Драм. Тут же всем разболтает. Может, когда-нибудь и скажу, но не сейчас.

Камира бросила выжидательный взгляд на Драммонда. Все ее нехитрые пожитки и самые дорогие ее сердцу вещи были уже сложены в мешок.

– Так вы отвезете меня к моему внуку?

Драммонд покорно кивнул в ответ и открыл входную дверь.

Хермансберг, северная территория Австралии
Январь 2008 года

Древний символ аборигенов, обозначающий звезду или солнце

Солнце уже клонилось к закату, когда я подняла глаза и взглянула на дедушку. Мой дедушка Френсис, тот самый малыш, которого когда-то, много лет тому назад, спас в пустыне человек, назвавшийся просто «мистером Ди» и даже не подозревавший о том, что они связаны друг с другом родственными узами.

– Невероятно! – пробормотала я вполголоса и отогнала муху от своего лица. Щека была влажной от слез.

– Да, получается, что я вот такое живое доказательство того, что чудеса все же случаются и родная кровь находит родную кровь. – Френсис слабо улыбнулся, и я, взглянув на него, поняла, что он тоже сильно взволнован. И чувствуется, очень устал, повествуя так долго о

былом. – Не у кого спросить, почему с нами порой случаются такие удивительные вещи. Только они там, наверху, наши предки или сам Бог знают ответы на эти вопросы. И пока мы не присоединимся к ним, ответа нам не узнать.

– А что потом было с Китти и Драммондом? – спросила я у него.

– Да, Келено, это еще тот вопрос! Прояви в свое время Драммонд немного терпения и выдержки, они могли бы быть счастливы, создали бы новую семью после гибели Эндрю и зажили бы вместе. Но Драммонд был импульсивным человеком, жил сиюминутным. Кстати, должен признаться, что и у меня в характере тоже что-то есть от моего двоюродного дедушки Драммонда, – улыбнулся Френсис.

– И у меня тоже, – неожиданно для себя призналась я. А потом подумала: смогла бы я вот так же, как это сделала когда-то Китти, вычеркнуть из своей жизни и отправить прочь любимого мужчину? *«Или женщину»*, – почему-то вспомнила я Крисси.

– А ты встречался когда-нибудь с Драммондом?

– О, это уже совсем другая история. Но предлагаю отложить ее до следующего раза. Я, знаешь, внезапно почувствовал себя таким безнадежно старым, просто страх. Проголодалась?

– Пожалуй, не отказалась бы перекусить чего-нибудь – ответила я. В животе у меня призывно заурчало верный сигнал, что пора обедать. Но вряд ли мы в этой глуши отыщем какую-нибудь забегаловку, где нам подадут бургер.

Какое-то время Френсис молчал, отрешенно уставившись куда-то вдаль, туда, где виднелся небольшой ручей.

– Тогда поехали ко мне, – обронил он наконец. – Я живу тут неподалеку. И еды у меня полным-полно.

– Э-э-э... – нерешительно протянула я, глядя на небо, окрасившееся в нежно-розовые и персиковые тона заката. Скоро совсем стемнеет. – Вообще-то я планировала вернуться в Алису еще до наступления темноты.

– Как знаешь. Тебе решать. Но если бы ты поехала со мной, мы могли бы еще немного поговорить о прошлом. Могла бы, кстати, и заночевать у меня. Свободная кровать имеется.

– Ладно! Поехали! – согласилась я, понимая, что нельзя манкировать приглашением родного дедушки. В конце концов, он

доверил мне столько тайн, касающихся нашей с ним семьи. Так как же я могу *не доверять ему*?

Мы поднялись со своих мест и, миновав спальню Филадельфии, снова вышли во двор. И обнаружили там Филадельфию. Он стоял, прислонившись к стене.

– Уже готовы ехать обратно, Келено? – поинтересовался он у меня.

Я объяснила ему, что мои планы немного изменились. Кажется, это его обрадовало. Он неторопливо приблизился ко мне и пожал руку.

– Рад слышать. Значит, вы уже здесь больше не чужая, да? Своя!

– Именно так. Когда я уйду на покой, она займет мое место в комитете, – пошутил в ответ Френсис.

– Мой фургон, кстати, не заперт, – крикнул нам вдогонку Филадельфия.

Я открыла заднюю дверцу, чтобы забрать свой рюкзачок с вещами. Но дедушка опередил меня. Своими сильными загорелыми руками он поднял рюкзак с сиденья, словно перышко, и вытащил его наружу.

– За мной, – коротко скомандовал Френсис, направляясь со двора.

«Наверное, припарковал свою машину где-то поблизости», – решила я. Но, когда мы вышли за ограду, единственным транспортным средством, которое предстало моему взору, оказалась небольшая повозка, впряженная в пони. Повозка примостилась на крохотном клочке зеленой лужайки.

– Залезай, – пригласил меня Френсис и швырнул мой рюкзачок на деревянное сиденье. – Можешь управлять лошадью? – поинтересовался Френсис, беря в руки поводья.

– В детстве меня немного обучали верховой езде, но, поскольку моей сестре Стар эти занятия были категорически не по душе, мы очень скоро забросили их.

– А тебе самой нравилось?

– Да, очень.

Френсис тронул лошадь с места и повернул ее не на дорогу, а напрямик по затвердевшей земле. Пони покатила повозку, легко преодолев на своем пути первый небольшой склон.

– Я тебя научу, как обращаться с лошадью, если хочешь. Тем более, если помнишь, твой двоюродный прапрадедушка Драммонд

был отличным наездником и большую часть своей жизни провел в седле.

– Или верхом на верблюде, – уточнила я, наблюдая за тем, как пони уверенно движется вперед, ступая по бугристой земле. Дедушка слегка ослабил поводья и бросил на меня долгий взгляд.

– Вот бы сейчас увидели нас с тобой твои мать и бабушка, – неожиданно обронил он. – Вместе, здесь. – Он покачал головой и погладил меня по лицу. Рука была шероховатой, словно наждачная бумага. Но все равно в этом прикосновении было столько любви и ласки.

Внезапно меня осенило: то, о чем я уже давно хотела спросить.

– Скажи, а что значит «Время творения»? – начала я. – Вообще-то я уже слышала много историй об этом времени начала всех начал. И о наших предках, которые теперь на небе. Но все же, *что это такое?*

Френсис издал короткий смешок.

– Знаешь, Келено, в нашей культуре, я имею в виду культуру аборигенов, Время творения – это все. Собственно, именно тогда земля приобрела существующую ныне форму и возникли все формы жизни. То есть был сотворен мир в его нынешнем виде.

– Да, но как это все произошло?

– Я расскажу тебе так, как в свое время, когда я еще был ребенком, мне это рассказывала моя бабушка Камира. В самом начале сотворения мира земля была пуста: бескрайняя пустыня, погруженная во тьму. Нет ни звуков, никакой жизни, ничего нет. А потом сюда пришли наши предки, или прародители. Они любили эту землю и взялись ее обихаживать. И сотворили все, что здесь сейчас есть: муравьев, кенгуру, валлаби, змей...

– И пауков тоже? – перебила я его.

– Да, Келено, и пауков тоже. В этом мире все взаимосвязано и все важно, пусть даже та или иная тварь кажется безобразной и пугает своим видом. А еще наши прародители сотворили луну, солнце, людей и создали племена.

– Они все еще здесь, с нами?

– Нет, после того как они все сотворили, предки удалились на покой. Они ушли на небо, часть растворилась в земле, в облаках, в дожде... Они присутствуют в каждом существе, которое создали. И

они завещали нам, людям, своим потомкам, беречь и охранять все живое здесь, на земле.

– И все племена аборигенов верят в эту теорию?

– Да, Время творения в той или иной интерпретации присутствует во всех эпосах австралийских аборигенов. Какие-то отличия, конечно, есть, но они несущественны. Впрочем, я помню, как бабушку Камиру разозлило, когда одна из таких историй, бытующих у племени аррернте, в чем-то не совпала с той историей, на которой с раннего детства воспитывалась она сама. Она ведь из племени явуру.

– И ты умеешь говорить на их языке? – спросила я и снова вспомнила Крисси.

– Немного. В Хермансберге меня научили разговаривать на немецком, на языке аррернте и на английском. Более чем достаточно для здешних мест.

Минут через тридцать мы подъехали к постройке, очень напоминающей своим внешним видом большой летний дом или даже навес, установленный на бетонных сваях, забитых прямо в красную землю. Сразу же за домиком расположилась небольшая конюшня. Дедушка направил пони в ту сторону. Перед домом протянулась веранда под железной крышей, защищающей от палящих солнечных лучей. На веранде была разбросана кое-какая мебель, сразу же превратившая ее в некое подобие жилой комнаты. Что невольно вызвало в памяти домик бабушки Крисси. Я опустила свой рюкзак на ступеньки крыльца и развернулась, чтобы полюбоваться окружающим пейзажем.

– Взгляни-ка вон туда! – Дедушка осторожно положил свою мозолистую руку мне на плечо, и мы оба принялись разглядывать панораму, представшую перед нами. Солнце стремительно клонилось к горизонту, его последние лучи скользили по верхушкам скал, а внизу тонкой змейкой вилась по красной пустынной земле какая-то речушка, переливаясь на свету всеми цветами радуги. Вдалеке виднелись белокаменные постройки миссии Хермансберг, тоже подсвеченные ореолом насыщенного оранжевого цвета.

– К северу от нас находится красивейший город на всей Северной территории Австралии, Хаастс Блафф. Это рядом с местностью Папуня, славящейся своими древними наскальными изображениями, – сказал Френсис, махнув рукой куда-то вдаль за наши спины. – А на

северо-востоке располагается горная гряда Мак Доннелл. Я особенно люблю места возле перевала Хивитри. Часто выбираюсь туда на пленэр.

– Это там тебя сфотографировали вместе с Наматжирой?

– Да. А ты неплохо покопалась в моей биографии, – одобрительно заметил он.

– Да это Фил мне все рассказал. Он и это место сразу же узнал.

– Еще бы он не узнал! Мы же с ним бывали там десятки раз.

– Замечательный вид! – с чувством воскликнула я, ощущая легкое покалывание в кончиках пальцев – верный признак того, что мне хочется немедленно начать рисовать.

– Пошли в дом, – пригласил меня дедушка.

Внутри сильно пахло скипидаром и масляными красками. Комната, в которую мы вошли, была небольшой. Возле открытого камина примостился старый диван. Чуть поодаль стояли подмости, поверхность которых была сплошь заляпана краской и уставлена банками с кистями. Возле стены были свалены в кучу несколько холстов.

– Идем-ка на кухню, посмотрим, что у нас есть на ужин.

Я проследовала за Френсисом в соседнюю комнатку, в которой шумно дребезжал старенький холодильник. Рядом – газовая плита и раковина, правда без каких-либо кранов.

– Так, в наличии стейк. Если хочешь, могу приготовить на скорую руку мясо с овощным гарниром.

– Звучит заманчиво.

– Тарелки и столовые приборы вон в том буфете. Там же и сковорода, и сотейник для овощей.

Я покопалась в буфете и выложила на маленький деревянный стол посреди кухни все перечисленные дедом предметы. А он в это время достал из холодильника морковь, лук, несколько картофелин, быстро очистил их и принялся мелко шинковать. Я присела рядом, наблюдая за тем, как у него все ловко получается. Мысленно снова стала прокручивать в голове все те генетические ниточки, которые связывают нас с Френсисом. Определенно, мне на каком-то этапе наших с ним отношений придется для большего удобства нарисовать генеалогическое древо нашей семьи.

– Умеешь кухарить, Келено? – спросил у меня дед, не отрываясь от работы.

– Нет, – честно призналась я. – В нашей семье кухней всегда заведовала моя сестра Стар.

– Вы с ней вместе жили?

– Да, до недавнего времени жили вместе, но пару месяцев тому назад разъехались по своим углам.

– Что случилось? Поссорились?

– Нет... Но это долгая история.

– Хорошо, отложим этот разговор на потом. – Он зажег газовую конфорку, поставил на огонь сковородку и пересыпал туда нарезанные овощи, сдобрив их какими-то незнакомыми мне пряными травами. – Но после ужина я с интересом выслушаю рассказ о твоей прежней жизни.

Потом мы сидели на веранде и с удовольствием поедали вкуснейшие бифштексы с овощным гарниром. Кажется, ничего вкуснее я не ела в своей жизни. Впрочем, должно быть, я все же сильно проголодалась. Неожиданно до меня дошло, что это моя первая совместная трапеза с человеком, который приходится мне близким родственником. А ведь для многих людей это вполне обыденная вещь, удивилась я мысленно. Они даже не задумываются, как же это здорово – ужинать за одним столом с родным человеком.

После ужина дедушка показал, где у него стоит бочка с дождевой водой, прямо за домом. Я принесла ведро воды, вылила воду в раковину и принялась мыть посуду, а Френсис между тем занялся варкой кофе на плите. На веранде было уже совсем темно. Дед зажег керосиновую лампу, мы снова уселись на деревянные стулья и принялись за наш вечерний кофе.

– Кстати, хочу показать тебе вот это, чтобы развеять твои последние сомнения, если они у тебя все же остались.

Френсис протянул мне еще одну черно-белую фотографию, на которой были запечатлены две женщины, а между ними – какой-то мужчина. Одна из женщин, правда более темнокожая, чем я, тем не менее была моей точной копией. Очень похожа. Прежде всего глазами... Такой же миндалевидный разрез глаз, как и у меня.

– Ну что? Видишь сходство?

– Вижу. Да у тебя у самого такая же форма глаз. Это твоя мать?

– Да, это Алкина, или Кэт, как все ее называли. Как ты уже знаешь, я ее никогда не видел.

– А кто этот мужчина? – Я ткнула пальцем в красивого светловолосого мужчину, возвышающегося над женщинами. Он полуобнял их обеих.

– Это Чарли Мерсер, твой прадед и мой отец.

– А вторая женщина кто?

– Камира, моя бабушка. Замечательная была женщина. Добрая, мужественная, сильная духом... Не встречал в своей жизни более прекрасного человека. Кроме Сары, разумеется...

Френсис снова отрешенно уставился куда-то вдаль. Взгляд его сделался печальным.

– Так Камира приехала в Хермансберг, чтобы ухаживать за тобой?

– Да. Приехала. Я ведь рос и вырослел в полной уверенности, что она моя мама. По сути, она и стала мне матерью. Да и по возрасту тоже могла бы быть моей родной матерью. Ведь в то время, когда я появился на свет, ей едва минуло сорок.

– А Чарли Мерсер знал о твоём существовании? Вы с ним встречались?

– Келено, – тяжело вздохнул в ответ Френсис. – Давай на какое-то время оставим прошлое в покое. Поговорим лучше о тебе. Расскажи мне, как ты жила все эти годы.

– О, это сложный вопрос. На него в двух словах не ответишь.

– Давай я тебе немного помогу. Когда я начал поиски своей дочери, то в какой-то момент узнал и о тебе. Я даже почти разыскал тебя, но, когда приехал, мне сообщили, что тебя удочерил какой-то богатый человек из Швейцарии. Детство ты провела в его доме?

– Да, в Женеве.

– У тебя есть братья и сестры?

– Только сестры. Отец удочерил шесть девочек.

– И как их зовут? Сколько им лет?

– Возможно, тебе это покажется чудачеством, но *нас всех* называли в честь звезд из созвездия Плеяды.

В глазах деда вспыхнул неподдельный интерес. А я подумала, что хоть на сей раз мне не нужно будет объяснять своему собеседнику, кто мы и что за мифы связаны с созвездием Семь сестер. Френсис знает все эти мифы с самого раннего детства. Можно сказать, с момента

своего появления на свет. Ведь Семь сестер тоже числятся среди *его прародителей*.

– Но ты сказала, что вас шесть. Я не ослышался?

– Именно так, шесть.

– В полном соответствии с легендой, – проговорили мы хором и дружно рассмеялись.

– Следовательно, Меропа где-то здесь, где-то прячется. Но кто знает, может, в один прекрасный день мы и отыщем ее.

– Пожалуй, немного поздновато. Особенно для папы. Он умер в июне минувшего года.

– Мне очень жаль, Келено. Он был хорошим человеком?

– Очень! Он был замечательным человеком. Хотя мне порой казалось, что остальных моих сестер он любит больше, чем меня. Они все такие талантливые... И красавицы к тому же.

– Как и ты. Запомни, девочка, ничто в этой жизни не происходит просто так, случайно. Все предрешено для каждого из нас еще задолго до того, как мы появились на свет.

– Ты на самом деле веришь в это?

– А почему я не должен верить? Особенно если вспомнить обстоятельства, при которых я появился на свет. И тот факт, что меня, младенца, нашел мой кровный родственник. А потом воспитывала и растила родная бабушка. Не знаю, каких религиозных взглядов ты придерживаешься, но думаю, мало кто из живущих мужчин или женщин решится отрицать наличие чего-то более могущественного и сильного, чем все мы, бранные. Я, к примеру, верю во Вселенную, хотя порой мне казалось, что она обошлась со мной не совсем справедливо. Такие мысли посещали меня, когда я потерял свою дочь. Но, видно, такова ее судьба, и я должен смириться и перетерпеть свою боль.

Я слушала Френсиса и думала, какой же он мудрый человек, с каким достоинством держится. Внезапно у меня заняло сердце. Он ведь так похож на Па Солта.

– Однако мы отвлеклись от разговора о тебе и о твоей семье. Так расскажи мне подробнее о своих сестрах.

Я в уже привычной манере дала абрисные сведения о биографии каждой из них.

– Понятно, – промолвил Френсис, выслушав мой рассказ. – Но получается, что одна сестра у нас с тобой осталась неохваченной.

Я мысленно пересчитала всех своих сестер.

– Нет. Я рассказала тебе понемногу о каждой из них.

– Все так. Но ты забыла рассказать о себе самой.

– Ах, это... Хорошо. – Я слегка откашлялась. – Вообще-то рассказывать особо нечего. Сейчас я живу в Лондоне вместе со Стар. Правда, думаю, она уже съехала с нашей квартиры за время моего отсутствия. Перебралась на постоянное жилье в другое место. В школе я была тупица тупицей, потому что у меня дислексия. Это...

– Я знаю, что это такое. Я и сам страдаю дислексией. Как и твоя мама, кстати.

Слово «мама» вызвало неожиданный трепет в моей душе. Забавно! Мама и я... Даже из того немногого, что успел рассказать мне дед о своей дочери, я поняла, что скорее всего ее уже нет в живых, тем не менее она же была. Живой, реальный человек...

– Тогда, наверное, это у нас наследственное. Так сложилось в нашей семье, что ближе всех я была со Стар, или с Астеропой, если назвать ее полное имя. Мы были средними среди шести сестер и по возрасту одногодки. Мы родились с разницей всего лишь в несколько месяцев. Стар очень умная, очень. А я, тупица, все время путалась у нее под ногами, мешала *ее академической* карьере. Вот это меня угнетает больше всего. Она в свое время выиграла грант для поступления в Кембридж, но не воспользовалась этой возможностью. Поехала вместе со мной в Сассекс. И я наверняка знаю, что это именно я вынудила ее поступить таким образом. До сих пор чувствую свою вину.

– Вполне возможно, она тоже не захотела ехать туда без тебя, Келено.

– Может. И все равно, в жизни бывают такие моменты, когда нужно уметь подняться над собой. Разве не так? Я должна была убедить ее ехать поступать в Кембридж. Сказать, что не стоит так уж сильно волноваться обо мне. Вот так я должна была поступить, если любила ее. А я ведь любила Стар. И продолжаю любить ее до сих пор, – выпалила я на одном дыхании.

– Знаешь, Келено, любовь – это такое чувство, которое бескорыстно, но одновременно и страшно эгоистично. И порой эти эмоции так накрепко спаяны между собой, что их вообще невозможно разделить. С одной стороны, тебя снедает чувство собственности,

которое ты готова предъявить на объект своего обожания, с другой – тебя раздражают желания сделать все от тебя зависящее, чтобы человек, которого ты любишь, был счастлив. Но, к великому сожалению, любовь – это не та материя, о которой можно рассуждать рационально. А потому, поверь мне, все, кто любит, проходят через те же испытания, что и ты. А что ты изучала в университете?

– Историю искусства. Ужас, как скучно. И вообще, мне тяжело давалась учеба. Словом, после пары семестров я бросила университет. Из-за своей дислексии я постоянно не справлялась с написанием эссе. Да и другое...

– Понятно. Но ведь сам предмет, я имею в виду искусство, тебе был интересен?

– О да! Еще как интересен! Собственно, искусство – это единственное, в чем я хорошо разбираюсь.

– Так ты художница?

– Не стала бы отвечать утвердительно. Но какое-то время я даже обучалась в Королевской академии искусств в Лондоне. И это было по-настоящему здорово. Но потом...

Я сконфуженно умолкла. Мне было стыдно признаваться, что и в академии учеба у меня не задалась. Френсис затратил столько усилий, чтобы отыскать меня. Наверняка ему было бы приятно услышать о моих успехах и достижениях. А получается, что за все двадцать семь лет своей жизни я, по сути, ничего не добила и мне нечем гордиться.

– Но в академии у меня тоже все пошло наперекосяк, – продолжила я, чувствуя, как стыд буквально сочится из всех моих пор. – Словом, я бросила академию... после трех месяцев занятий. И приехала сюда. Мне жаль, что все так нескладно получилось. Прости, – добавила я в свое оправдание.

– Тебе незачем просить у меня прощения. Да и у себя самой тоже, – бросился успокаивать меня дедушка. Ясное дело, по доброте душевной, а почему же еще? – Признаюсь тебе по секрету, – продолжил между тем Френсис. – Я тоже когда-то получил место в Школе искусств в Мельбурне. Все устроил для меня один человек по имени Рекс Баттерби. Он в свое время обучал Наматжиру. Так вот, я продержался в Мельбурне всего лишь четыре дня, а потом сбежал домой. Назад, в Хермансберг.

– Правда?

– Чистая правда. Конечно, момент был такой... Я бы сказал, взрывоопасный был момент. Ведь впереди меня ждала встреча с бабушкой Камирой. В конце концов, я притащился-таки домой, хотя добирался больше месяца. А ведь бабушка так гордилась мной, когда я отправлялся на учебу. Думал, что по возвращении она выплет мне по первое число. Но она была на седьмом небе от счастья, увидев меня живым и невредимым. Единственное наказание, которое она мне устроила, заперла на замок в сарае вместе с бочкой воды и держала меня там до тех пор, пока я не отмылся с головы до пят дегтярным мылом.

– Но все же ты хотел стать знаменитым художником, да? И продолжал мечтать об этом?

– Я хотел стать художником, да, это правда. Но выбрал свой путь в искусстве. Как это сейчас делаешь ты. Ты снова занялась рисованием?

– Если честно, то пока только пытаюсь. После того как в ноябре минувшего года я ушла из академии, я потеряла всякую веру в себя.

– Конечно потеряла. Но не переживай, уверенность в своих силах вернется. Это может случиться в любой момент, когда тебя вдруг поразит какой-нибудь пейзаж или еще что-нибудь. Или вдруг в голову придет какая-нибудь интересная идея... Тогда рука твоя сама потянется к холсту, и внутреннее чутье подскажет тебе, что и как делать. И потом...

– Мне знакомо это чувство! – взволнованно перебила я дедушку на полуслове. – Именно это сейчас со мной и происходит!

Последние слова Френсиса сделали свое дело. Я наконец полностью и безоговорочно поверила в то, что мы с ним – родная кровь.

– Пару дней тому назад мы с моей подругой Крисси возвращались на машине из Хермансберга домой. Внезапно меня поразил своей красотой солнечный закат. Солнце как раз садилось за горную гряду Мак Доннелл. На следующий день я раздобыла немного акварельных красок и мы вернулись на то место. Я уселась в тени эвкалипта и... нарисовала! И она сказала, то есть моя подруга Крисси сказала, – слова срывались с моих уст в лихорадочном темпе, я не успевала их даже толком проговаривать. – Так вот, она сказала, что получилась великолепная акварель. Потом Крисси тайком, не поставив меня в

известность, отнесла ее в одну художественную галерею в Алиса-Спрингс. Ее оформили в рамку и вывесили на продажу. Поставили цену в шестьсот долларов! Представляешь?

– Замечательно! – Дедушка громко хлопнул себя по коленкам. – Если бы я все еще продолжал потреблять горячительные напитки, то сейчас с удовольствием поднял бы тост за тебя. Знаешь, сгораю от нетерпения взглянуть на эту акварель.

– Да там нет ничего такого... К тому же в моем распоряжении была только старая банка засохших акварельных красок. Какими обычно дети рисуют...

– Вопрос не в том, есть в твоей работе что-то особенное или нет. Главное – это начало! – перебил меня Френсис. В его глазах светилась неподдельная радость. – В любом случае, уверен, акварель намного лучше, чем ты сама о ней думаешь.

– А я видела в альбоме твою работу «Огненное колесо». Великолепно!

– Спасибо на добром слове. Хотя, если честно, эта картина не принадлежит к числу моих любимых. Впрочем, так случается сплошь и рядом. Вкусовые пристрастия самого художника, как и его отношение к той или иной своей работе, зачастую не совпадают с тем, как воспринимают эту работу зрители или критики.

– Когда я была еще подростком, то сделала настенную роспись в стиле пуантилизма. Изобразила Семь сестер, – неожиданно разоткровенничалась я. – Даже не знаю, почему мне тогда пришел в голову именно этот сюжет.

– Потому что предки, наши с тобой прародители, они уже тогда указали тебе путь назад, на родину.

– Я всегда старалась найти собственный стиль...

– Так поступает любой художник.

– Сегодня утром, когда я увидела, как ты и этот парень, Клиффорд Поссум, кажется, как вы соединяете в своих работах сразу два стиля и в результате получаете что-то новое, мне тоже захотелось поэкспериментировать в таком же ключе.

Френсис не поинтересовался, какая именно из их работ так сильно впечатлила меня. Он просто посмотрел на меня долгим взглядом своих удивительных глаз.

– Ну так вперед! Экспериментируй! И поскорее. Не позволяй вдохновению улетучиться. Ведь это такие редкие моменты.

– Постараюсь.

– И никогда, слышишь, *никогда* не сравнивай себя с другими художниками. Неважно, лучше они тебя или хуже... Такие сравнения и сопоставления могут ввергнуть тебя в отчаяние...

Он замолчал. Я терпеливо ждала, понимая, что ему еще есть что сказать.

– Я сам попал в такую переделку, когда картины Клиффа получили признание у нас в стране. Он ведь был гением, самым настоящим гением. Я до сих пор не могу смириться с его уходом. К тому же мы были большими друзьями. И тем не менее помню, как меня начала мучить зависть, когда я наблюдал за его успехами, видел, как растет его слава, как выются вокруг него толпы почитателей. А я-то прекрасно понимал, что у меня такого никогда не будет. Мы были первым поколением, утверждавшим новое направление в живописи. А в каждом новом направлении всегда есть лидер, тот, кто оплодотворяет своими идеями остальных. И он всегда только один, этот лидер. В нашем случае это был он, а не я.

– И ты тогда тоже потерял уверенность в своих силах? – осторожно поинтересовалась я.

– Много хуже. Я вообще перестал рисовать, крепко запил... Бросил свою бедняжку жену и отправился бродяжничать. Исчез из дома на три с лишним месяца. Не могу даже передать тебе словами, какая злобная, черная зависть разъедала тогда мою душу. И каким ничемным мне на тот момент представлялось собственное творчество. Понадобилось время, и все это время я провел в одиночестве, чтобы понять главное. Для истинного художника успех, слава – это всего лишь мираж. Настоящую радость художнику приносит только сам творческий процесс. Да, именно сам творческий процесс завладевает тобой всецело, и ты становишься его рабом. Он будет определять всю твою жизнь, контролировать каждый твой шаг, неотступно следовать за тобой повсюду, на манер ревнивого любовника. Но в отличие от любовника он тебя никогда не бросит, – добавил дед необычайно серьезным тоном. – Творческий посыл, если он есть, останется в тебе навсегда.

– И когда ты понял все это, то смог снова начать рисовать? – спросила я.

– Я вернулся домой пропитым, сломленным человеком. Жена уложила меня в постель и выхаживала до тех пор, пока мне не стало лучше. Пока я не окреп физически... Потому что духовное мое выздоровление началось еще раньше, когда я только-только вышел из буша. Но все равно, мне понадобилось много времени на то, чтобы собраться с мужеством и снова усесться перед холстом, взяв в руки кисть. Никогда не забуду, как тряслась моя рука, когда я впервые после долгого перерыва снова взялся за кисть. Но постепенно пришла свобода, осознание того, что я рисую не для кого-то там, а для себя, и только для себя. А еще я понял, что, скорее всего, мне никогда не удастся добиться своей первоначальной цели – завоевать своим искусством весь мир. И, как ни странно, именно с этим пониманием в моей душе наконец воцарился покой, и я почувствовал ту свободу, которую нельзя описать словами. И вот с тех самых пор, а это уже более тридцати лет, мои картины делаются только лучше и лучше. Сегодня они стоят кучу денег, пользуются спросом. А все потому, что я становлюсь к холсту только тогда, когда мои пальцы сами просят этого. Вот так мы и живем.

На какое-то время мы оба замолчали, но то была приятная тишина, совсем не угнетающая своей тяжестью. К тому же, насколько я уже успела изучить своего деда, он и разговоры вел так же, как рисовал, то есть говорил только тогда, когда ему было что сказать. Да и потом, за последние несколько дней на меня обрушился такой вал информации, что я почувствовала себя, как тот ребенок, которому презентовали огромную коробку конфет. Мне тотчас же захотелось спрятать полученные «конфеты» в укромных уголках своей памяти, чтобы потом лакомиться ими постепенно, извлекая из коробки по одной конфетке в день, осторожно снимая обертку и долго наслаждаясь вкусом. Ведь впереди меня ждет еще много «голодных» дней. Почему-то в этом я была уверена на все сто. А потому дедушкины конфеты мне еще очень пригодятся.

– Взгляни!

Я даже подпрыгнула от неожиданности, услышав его голос. Меня тут же охватила паника, потому что первой мыслью было, что он тычет пальцем в какого-то паука или в змею.

– Да нет же! Вон туда! – Френсис ткнул пальцем в небо. Я проследила за его взглядом и увидела уже знакомое мне молочно-белое созвездие Плеяды, зависшее почти над самой землей. Еще никогда я не видела, чтобы звезды опускались так низко. – Вот я и говорю тебе! – Френсис подошел ко мне и обнял за плечи. – Это же твоя мама Плейона и твой отец Атлас. Приглядиись внимательнее. Сегодня ночью на встречу с тобой явилась даже твоя младшая сестренка.

– О боже! Она действительно там! И я ее вижу!

Это правда. Я ее *увидела*. Меропа сверкала на небе так же ярко, как и все остальные сестры. Но, кажется, еще никогда все мы, Семь сестер, не были такими яркими и заметными, как на этом ночном австралийском небе.

– Скоро она присоединится ко всем вам, Келено. Она наконец-то догнала своих остальных сестер...

Рука его тяжело опустилась вниз. Потом он повернулся ко мне, привлек к себе и крепко обнял. Я стеснительно обвила руками его мускулистую талию и вдруг услышала странный гортанный звук, вырвавшийся откуда-то изнутри его тела. И я поняла: дедушка плачет. Это заставило меня снова взглянуть на небо. Ведь мы с Френсисом стояли прямо под моими сестрами. А рядом с ними наверняка сейчас и Па Солт. Тоже наблюдает за нами сверху. Какое это невероятное место – Австралия. Пожалуй, самое время и мне расплакаться, поддержать, так сказать, деда в его эмоциональном почине.

Но вот он слегка отстранился от меня и обхватил мое лицо обеими руками.

– Как можно поверить в такое? Ты и я, всего лишь двое выживших, два уцелевших представителя такого сильного, такого мощного рода. И вот мы сейчас стоим с тобой здесь, вместе, под этими звездами... Невероятно!

– Согласна. Действительно невероятно, – шмыгнула я в ответ носом и отерла его ладонью.

– И в то же время все очень даже объяснимо и понятно. Во всяком случае, мне понятно. – Он с улыбкой глянул на меня сверху вниз. – Но об этом как-нибудь в другой раз. А пока спрошу тебя... Так ты довольна, что осталась ночевать у меня? У меня хорошая кровать,

кстати, и она в твоём распоряжении. А сам я устроюсь на кушетке на веранде.

– Да, я очень рада, что осталась у тебя, – чистосердечно ответила я, сама удивляясь тому, что действительно рада. Ещё никогда в своей жизни я не чувствовала себя такой защищённой, как рядом с Френсисом, своим дедом. – А можно спросить? Где тут у вас туалет?

– Прямо за домом. Пойдем, я провожу тебя. Взгляну сам, чтобы убедиться, что там нет непрошенных гостей. Ну, ты понимаешь, о чем я...

Я быстро справила нужду и тут же поспешила обратно в дом. Дверь, ведущая из гостиной, была распахнута настежь.

– Вот меняю простыни. Сара очень на меня разозлилась бы, если бы узнала, что я укладываю нашу внучку на постель, не поменяв вначале белье, – пояснил дед и бросил на матрас пару подушек в безукоризненно белых наволочках.

– Сара – это твоя жена?

– Да.

– А откуда она родом?

– Из того города, в котором сейчас обитаешь ты. Из Лондона. Ну вот, теперь, кажется, все как надо. – Френсис достал из комода ещё одну простыню и положил её поверх матраса. – Оставлю тебе на всякий случай ещё и одеяло. Тут под утро может быть прохладно. А если будет слишком душно, то вон вентилятор. Полотенце на стуле, если захочешь умыться, но лучше отложить все омовения до завтрашнего утра.

– Спасибо большое. Но ты точно уверен, что хочешь уступить мне свою постель? Я, в принципе, привыкла спать где угодно. Могу отлично перекаптоваться и под открытым небом.

– Как и я, кстати. Я часто сплю на улице.

Я захотела рассказать ему, где и когда я спала под открытым небом, но потом подумала, что такие мои откровения прозвучали бы слишком слащаво.

– Спокойной ночи. – Френсис подошел ко мне и поцеловал в щеку.

– Спокойной... Кстати, а как мне к тебе обращаться?

– Думаю, я не стану возражать, если впредь ты будешь называть меня просто Френсисом. Идет? Сладких тебе снов на новом месте, –

добавил он, направляясь из комнаты и плотно прикрывая за собой дверь.

Я увидела свой рюкзак с пожитками, который дед предусмотрительно положил на пол рядом с кроватью. Я быстро разделась и улеглась в постель. Добротный матрас, такой старомодный, еще набитый конским волосом, из тех, на котором остаются вмятины от тел возлежавших на нем ранее людей. Невольно тонешь в его глубине. Но ощущение при этом замечательное. Я осмотрела грубые деревянные стены и потолок в поисках всяких косматых многоногих чудовищ. Однако не обнаружила ничего угрожающего в мягком свете лампы, стоявшей на прикроватной тумбочке. Я вдруг почувствовала себя в полной безопасности. Еще никогда в жизни мне не было так покойно и хорошо, словно все минувшие годы я, словно бабочка, летела куда-то, неизвестно куда, стремилась к огню, который гипнотизировал меня своим светом. И наконец, прилетела туда, куда надо.

Вполне возможно, этот огонь испепелит меня и я сгорю в нем без остатка. Но прежде чем начать волноваться о том, что со мной может случиться в обозримом будущем, я заснула крепким безмятежным сном.

28

На следующее утро я проснулась с рассветом. Долго смотрела в окно, наблюдая за тем, как медленно поднимается солнце, стеснительно озаряя своим светом вершину горы Хермансберг. Почему-то солнце в этот момент показалось мне похожим на застенчивого малыша, робко прижимающегося к ногам мамы. Глянула на часы. Еще даже нет шести утра. А я уже в радостном предвкушении наступления нового дня. Потом я взглянула на свои икры, все в красных точках от многочисленных укусов москитов. Ни дать ни взять самый настоящий пейзаж в стиле пуантилизма. Я тут же натянула брюки: не оставлю этим кровопийцам никакого шанса и дальше сосать мою кровь. Так они, пожалуй, всю меня изъедят, прежде чем у меня самой появится возможность позавтракать.

Я открыла дверь комнаты, и в нос тут же ударил ароматнейший запах свежеспеченного хлеба, который волнами наплывал из кухни.

Когда я переступила порог кухни, то увидела, что дедушка уже выложил на стол буханку только что испеченного хлеба, а также масло, повидло и кофейник со свежим кофе.

– Доброе утро, Келено. Как спалось?

– Отлично. Спасибо. А как тебе?

– Я вообще-то ночная птаха. Сплю так себе. Думаю, самые лучшие мысли ко мне приходят именно после полуночи.

– Я, между прочим, тоже любитель пободрствовать в ночное время, – сказала я, а Френсис между тем присел к столу. – Пахнет как вкусно! Вот уж не думала, что у тебя тут и своя пекарня имеется.

– Представь себе, хлеб я пеку сам. Жена купила лет десять тому назад автомат для выпечки хлеба. Ведь я часто остаюсь здесь надолго в полном одиночестве, она волновалась за меня. Переживала за то, чтобы у меня было что поесть, если я вдруг не сумею подстрелить какого-нибудь пробегающего мимо кенгуру.

– Ты сам охотился на кенгуру?

– Да, и много раз. Правда, это было давно. Сегодня я предпочитаю более простой способ добычи мяса – из супермаркета.

Френсис положил на железную тарелку ломоть хлеба и поставил тарелку передо мной. Я щедро намазала хлеб маслом, сверху положила слой повидла и стала наблюдать за тем, как масло медленно тает, растворяясь в теплой хлебной мякоти.

– Вкусотища! – воскликнула я, откусив. И в два счета умяла целый кусок. Френсис отрезал мне еще один ломоть. – Так ты жил в самом настоящем буше? Обходился без крыши над головой, да?

– Да, – ответил дед. – Впервые я отправился в буш, как и все мальчишки, дети аборигенов, когда мне исполнилось четырнадцать лет. Словом, когда наступила пора возмужания для юноши.

– А я думала, тебя воспитывали в христианской традиции.

– Так оно и было, но наш пастор уважал традиции местных племен, а потому не предпринимал никаких попыток, чтобы что-то изменить или как-то переделать их. Нам, тем, кто рос и воспитывался в миссии Хермансберг, повезло больше, чем другим. Намного больше... Пастор Альбрехт даже выучил язык племени аррернте и специально перевел Библию на этот язык. А потому те, кто не умел говорить и читать на английском или на немецком, получили возможность читать священные тексты на своем родном языке. Он был хорошим

человеком, наш пастор. И Хермансберг был замечательным местом в те годы. Мы могли уходить и возвращаться обратно в миссию, когда захотим. Могли и вовсе не возвращаться. Но большинство воспитанников всегда возвращались. После двадцати лет в Папуния я тоже обзавелся жилищем тут. Теперь это мой дом. Ну а у тебя какие планы на ближайшее будущее?

– Я отправилась в Австралию на поиски своей семьи. И вот я нашла тебя. – Я взглянула на Френсиса с улыбкой. – А дальнейшие планы я пока еще не строю.

– Ну и хорошо. А что скажешь, если я предложу тебе пожить здесь со мной какое-то время? Мы бы смогли узнать друг друга лучше. И занимались бы живописью, само собой. Я тут подумал, что мог бы выступить в роли твоего ненавязчивого наставника. Может, помог бы тебе разобраться, где именно твое место в искусстве. Я ведь много лет преподавал в Папуния.

– Э-э-э... – смущенно замялась я в ответ.

Видно, выражение моего лица было красноречивее всяких слов, потому что дед поспешно добавил:

– Конечно же, я тебе ничего не навязываю. Ни в коем случае. Просто такая мысль пришла мне в голову.

– Нет! То есть, я хочу сказать, да! Идея сама по себе замечательная. Фантастическая идея! Но дело в том... ты такой знаменитый художник, а я... Боюсь, ты решишь, что я ни на что не гожусь.

– Такое, Келено, мне и в голову не придет. Никогда! Ведь ты же моя внучка, не забывай! Так случилось, что до сего момента я никак не участвовал в твоей жизни, вот мне и захотелось компенсировать этот пробел. Быть может, я сумею хоть как-то помочь тебе найти свой путь в искусстве.

– Наверное, тебе все же лучше для начала взглянуть на мою работу, а уже потом решать, стоит ли со мной связываться.

– Если тебе так хочется, то с удовольствием взгляну. Если мы задержимся здесь еще на пару денечков, то нам все равно придется подскочить в Алису, чтобы купить себе продукты. Когда мы приедем в город, заглянем в ту галерею, которая выставила твою работу.

– Хорошо, – согласилась я. – Но наверняка ты найдешь ее отврат...

– Замолчи, Келено. – Френсис приложил палец к губам. – Разве ты не знаешь, что отрицательные мысли влекут за собой и отрицательные поступки?

После завтрака мы прибрались, аккуратно смели со стола все крошки, пока он не стал безукоризненно чистым. Попутно дедушка сообщил мне, что даже самый крохотный кусочек съестного, оставленный на столе без присмотра, тут же привлечет к себе полчища насекомых. Мы, как говорится, и оглянуться не успеем, как они все будут тут. Потом мы направились в сторону конюшни. С обратной стороны конюшни, в тени акации, примостился старенький пикап.

Часа через три мы приехали в Алиса-Спрингс и первым делом поспешили в супермаркет, чтобы запастись продуктами. Поход в магазин оказался делом трудоемким и долгим. К деду все время подходили какие-то люди, здоровались, доброжелательно хлопали его по плечу, вступали в разговоры. Одна женщина даже попросила его сфотографироваться вместе с ней. Френсис неловко примостился рядом с женщиной на фоне мясного прилавка, и вид у деда при этом был весьма смущенным. А я воочию убедилась в том, что хотя мой дед и не стал вторым Клиффордом Поссумом, но в этом городе он, безусловно, достопримечательность номер один. Так сказать, местный селебрити. Что лишний раз и подтвердилось, когда мы наконец оказались в галерее. Все художники, работавшие там, мгновенно побросали свои холсты и с раскрытыми ртами уставились на Френсиса. А потом взяли его в плотное кольцо и засыпали всякими вопросами. Говорили на незнакомом мне языке. Френсис общался с ними свободно и охотно отвечал на все задаваемые вопросы. Потом несколько раз сфотографировался с молодыми людьми и даже оставил автографы на каких-то клочках бумаги, которые подсовывали ему со всех сторон. Сердце мое преисполнилось гордостью, когда он поинтересовался у поджидавшей нас на ресепшн Миррин, где именно она повесила полотно, которое нарисовала его внучка.

– Так это ваша внучка? – Миррин изумленно уставилась на меня. Новость явно взволновала ее. Слегка покачав головой, Миррин добавила: – К сожалению, акварели уже нет.

– А где же она? – спросила я, чувствуя, как меня охватывает паника.

– Она провисела тут вчера не более часа. А потом пришла какая-то пара и купила ее.

Я недоверчиво взглянула на Миррин. Поди, просто врет, замечает следы на всякий случай. А на самом деле мою картину еще просто не успели вставить в рамку.

– Таким образом, – продолжила между тем Миррин, – я должна вам триста пятьдесят долларов.

– Вот это лучший аргумент из всех, – шутливо заметил дед, хотя в его голосе прозвучала нескрываемая гордость. – Он с лихвой компенсирует тот факт, что я не успел взглянуть на эту работу своими глазами.

– У Келено настоящий талант, мистер Абрахам. Я куплю все, что она напишет. Договорились? – Миррин взглянула на меня.

Через несколько минут мы с дедом покинули галерею. В заднем кармане моих джинсов лежали деньги, первые деньги, которые я заработала на своей живописи. Мы двинулись по тротуару, а я, ступая рядом с Френсисом Абрахамом, прославленным художником и моим дедом, чувствовала, как меня через край переполняет радостное ликование.

– Хорошо, тогда оставляю тебя наедине с твоими замыслами, – обронил дедушка, завинчивая потуже последнюю гайку на мольберте, который я приобрела за деньги, вырученные от продажи моей картины. – У тебя есть все, что нужно для работы?

– Все и даже более того, – ответила я, выразительно выгнув бровь в сторону раздвижного столика, стоявшего рядом. На нем уже были выставлены новые акварельные краски, масляные краски и пастель, а также целый набор новеньких кисточек.

– Сама выберешь, что посчитаешь нужным, – добавил дед, положив руку мне на плечо. – И запомни – только не бояться. Страх мгновенно парализует интуицию и делает тебя слепым.

Он включил и поставил рядом с моими ногами электромагнитную катушку со средством от насекомых, чтобы отпугивать от меня всяческих мух и москитов, после чего вышел из комнаты. А

я уставилась на чистый холст перед собой. Еще никогда у меня не было такой жажды поскорее приступить к работе. Я открыла тюбики с оранжевой и коричневой краской и смешала их на палитре.

– То, что надо, – удовлетворенно пробормотала я себе под нос, взяла в руку блестящую новенькую кисточку и начала рисовать.

Но уже примерно через час я сорвала полотно с мольберта и швырнула его на пол. Потому что получилось черт-те что. Потом я опробовала акварельные краски. Решила воспроизвести по памяти гору Хермансберг, сделать копию того пейзажа, который нарисовала несколько дней тому назад. Но акварель вышла еще хуже, чем первый набросок масляными красками. А потому и она тоже отправилась в мусорное ведро.

– Пора обедать! – крикнул Френсис, высунув голову из дверей дома.

– Я еще не хочу есть, – откликнулась я, засунув испорченный холст под стул в надежде на то, что дедушка ничего не заметит.

– А у меня на обед только бутерброды с сыром и ветчиной, – сообщил он, появляясь на веранде с тарелкой, полной бутербродов. Тарелку он поставил мне прямо на колени. – Твоя бабушка любила повторять, что художникам пища необходима для мозгов. И не волнуйся, я не собираюсь до конца недели смотреть на то, что ты там малюешь. Так что у тебя в запасе еще уйма времени.

То ли слова Френсиса подействовали на меня умиротворяюще, то ли большой бутерброд сделал свое дело, но я постепенно успокоилась. Хотя к концу дня прежняя нервозность снова вернулась ко мне, и я уже готова была схватить свой рюкзак с вещами и опрометью мчаться в Алису, чтобы утопить все свои печали и разочарования в нескольких бутылках пива. Я вернулась в дом, чтобы немного остудить себя под вентилятором. Не помогло. Я бросила взгляд на деда, сидевшего на табурете перед огромным холстом. Потом стала наблюдать за тем, как он смешивает краски на палитре. Но вот он взял в руки кисточку, и на полотне появилась очередная группа изошренных точек. И где-то в самой гуще этой поразительной смеси цветов и красок – бледно-розовых, пурпурных, зеленых точек я явственно различила очертания голубя. Его контуры, обозначенные всего лишь несколькими крохотными белыми крапинками, были едва заметны.

«Вот он – настоящий гений, а мне только стены в кухне красить, да и то не справлюсь», – подумала я, подставляя разгоряченное лицо поближе к вентилятору. Несколько прядей волос немедленно засосало струей воздуха. Так и скальп с себя снять недолго.

– Твоя картина превосходна. Она просто завораживает своей красотой. Нет слов! – обронила я, пока Френсис пытался извлечь пряди моих волос, запутавшихся в лопастях вентилятора.

– Спасибо, Келено. Я не прикасался к этому холсту уже несколько недель. Вообще думал, что у меня тут ничего не получится. Но когда увидел тебя, сидящую на веранде, у меня тут же возникла одна идея.

– Ты имеешь в виду голубя?

– А, так ты разглядела его? – Хотя я не могла взглянуть на деда, поскольку он все еще возился с моими волосами, по его голосу я почувствовала: он доволен тем, что я увидела голубя. – Пожалуй, несколько прядей придется просто отрезать ножницами.

– Ладно! Отрежь! – немедленно согласилась я, потому что от напряжения у меня уже сильно заныла шея.

– Сейчас. – Дед вернулся из кухни, угрожающе размахивая огромными кухонными ножницами. – Знаешь, что мешает нам, людям, в полной мере раскрыть свой творческий потенциал?

– Что?

Я увидела, как его рука осторожно подцепила сбившиеся в комок волосы, а вторая рука поднесла ножницы прямо к моему правому уху. Почему-то в этот момент у меня в голове мелькнул образ Ван Гога с отрезанным ухом, но я тотчас же выбросила эту нелепицу из своих мыслей.

– Страх. Нужно раз и навсегда отсечь от себя всякий страх.

Послышался щелчок, и ножницы сомкнулись над моей очередной прядью.

Не знаю, какой магический обряд в духе Вуду совершил надо мной дед, но утром я снова проснулась с восходом солнца, чувствуя себя гораздо спокойнее и намного увереннее.

– Я сегодня отправляюсь в Джей-Крик, – сообщил мне дед, пока мы с ним убрались на кухне после завтрака. – Вернусь поздно. Если возникнут какие-то проблемы, звони. Я оставил номер своего мобильного на каминной полке. Договорились?

– А разве тут можно поймать сигнал сотовой связи? – удивилась я.

– Нет, – улыбнулся в ответ Френсис. – Ну, если только подашься к речке, там в некоторых местах иногда можно что-то словить. – Он рукой указал мне, в каком именно направлении нужно будет отправляться на поиски сотовой связи. – Итак, до встречи вечером.

Я долго смотрела ему вслед, пока его пикап не превратился в крохотную точку и не исчез вдаль.

– Отлично, Си! Принимайся за дело! – скомандовала я сама себе и закрепила на мольберте самый большой холст, привинтив его со всех сторон. – Пусть поначалу это станет для тебя кошмаром, но прояви характер и смело отправляйся в путь. – Потом я сдвинула мольберт слегка в сторону. Мне не нужно было лицезреть силуэт горы Хермансберг. Я собиралась рисовать по памяти...

Я оторвалась от работы и увидела, что солнце уже садится за горизонт. На вершине холма показался старенький пикап деда, медленно пробирающийся в сторону дома. Я глянула на то, что успела сделать за день: только общие контуры и небольшой уголок, уже расписанный красками, но инстинкт подсказывал мне, что пока я двигаюсь в правильном направлении. Когда пикап подъехал ближе, я уже успела снять холст с мольберта и поспешила отнести его к себе в спальню. Мне не хотелось, чтобы дедушка увидел еще незаконченную работу. Я плотно прикрыла дверь и пошла на кухню, чтобы поставить на огонь чайник.

– Ну, как ты тут управилась без меня? – спросил Френсис, поднимаясь на веранду.

– Все нормально, – ответила я и налила ему кружку свежесваренного кофе.

– Отлично, – коротко кивнул он головой, но больше ничего не добавил.

На следующее утро я снова поднялась на рассвете. Просто не могла дожждаться, когда снова приступлю к работе. И так продолжалось все последующие несколько дней. Френсис в дневное время часто куда-то отлучался по делам, возвращался ближе к вечеру и всегда

привозил с собой что-нибудь вкусненькое нам на ужин. После ужина я тут же исчезала у себя в комнате. Внимательно разглядывала холст, прикидывала, что именно мне нужно будет сделать завтра. Я потеряла счет времени, один день плавно перетекал в другой, а я даже не замечала, как летят дни. Благо звонки меня тоже не отвлекали. Мобильная связь была здесь на нуле.

Как-то мне пришло в голову, что Крисси наверняка уже вообразила себе, что меня тут в пустыне загрызли дикие динго. А еще хуже, что я просто не хочу с ней общаться после того нашего судьбоносного разговора, который состоялся в то самое утро, когда она уезжала из Алисы. Да и Стар, пожалуй, тоже волнуется, где я. Тогда я потащила в сторону речки, как советовал мне дед, в поисках места, где можно было бы поймать сигнал связи. Поймала пару моментов и тут же отбила эсэмэски им обеим.

Рисую на природе в пустыне. Все отлично.

Пальцы мои замерли над клавиатурой, пока я решала, стоит ли добавить еще пару слов типа «*P.S. Живу у своего деда*», но потом все же отказалась от этой идеи и написала более обтекаемую фразу.

Поговорим, когда я вернусь. Здесь практически нет связи.

И, чтобы окончательно не окунуться в день сегодняшний со всеми его реальными заботами и проблемами, я тут же отключила мобильник и снова вернулась к своей живописи.

Я в последний раз приложила кистью к холсту и потянулась, чувствуя, как онемела правая рука, явно недовольная тем, какие нагрузки я ей задавала, заставляя мускулатуру все время находиться в напряжении. Потом снова уставилась на завершенное полотно. Велик был соблазн схватить кисть и что-то добавить, пройтись по некоторым фрагментам, нанести, так сказать, последние штрихи. Но я знала, как опасно для художника вступать на путь постоянного подмалевывания

и переделывания того, что уже сделано. Так можно зарваться и попасть невесть куда. Между тем я видела перед собой нечто, близкое к совершенству, с учетом моих возможностей и способностей, разумеется. Я заставила себя отвести глаза в сторону, а потом поднялась с табурета и побрела в дом, чтобы приготовить чашечку крепкого кофе. Потом я улеглась на постель, с наслаждением подставляя тело под прохладные струи воздуха от работающего вентилятора, и почти сразу же отключилась.

– Келено, ты меня слышишь?

– Да, – отозвалась я хриплым от сна голосом.

– Уже половина двенадцатого, а ты ни разу даже не пошевелилась с прошлой ночи.

Я разлепила глаза и глянула в окно. Ярко светило солнце. Интересно, почему солнце, удивилась я про себя. Ведь уже двенадцатый час ночи.

– Ты подрыхла почти пятнадцать часов. – Дедушка глянул на меня с веселой улыбкой. – Вот! Я принес тебе кофе.

– Боже! А моя картина? – воскликнула я в ужасе. – Она же осталась на улице. – Я подскочила с кровати, как ужаленная, едва не опрокинув кружку с кофе прямо на пол.

– Да я уже давно занес ее в дом... Вместо тебя. И правильно сделал, кстати. Потому что с самого утра у нас прошел небольшой дождик. Не беспокойся. Я ее не разглядывал. Отвел глаза в сторону и накрыл простыней, когда переносил в дом. – Френсис положил свою теплую руку мне на плечо. – Доктор Абрахам констатирует у тебя полное истощение организма как следствие интенсивного занятия живописью. Со мной тоже случались подобные истории. Особенно когда я, по словам Сары, «западал на свою живопись», сродни тому, как алкоголики уходят в запой, и уже просто не мог остановиться.

– Знаешь, а я ведь и понятия не имею, что я там нарисовала. Хорошо это или плохо. Или вообще...

– Что бы это ни было, но минувшую неделю своей жизни ты прожила не напрасно. Это факт. А сейчас предлагаю перекусить чего-

нибудь, и потом, если не возражаешь, я с удовольствием взгляну на твоё произведение. Пока же оставляю тебя. Умывайся, одевайся и бегом на кухню.

– Давай посмотрим на картину прямо сейчас. Меня просто распирает от нетерпения! – призналась я, проследовав за Френсисом в гостиную.

– Давай! – тотчас же согласился он и кивнул на мольберт, поверх которого была наброшена белая простыня. – Не беспокойся, я вначале проверил, подсохли ли краски, и только потом закрыл картину простыней. Пожалуйста, сними её сама.

– Наверное, она тебе жутко не понравится. И потом... Сама не знаю, хорошо ли у меня получилось... Или так себе... Словом...

– Келено, ради бога, помолчи! Можно, я вначале сам взгляну на неё?

– Ладно! – Я решительно подошла к мольберту, сделала глубокий вдох и сдернула простыню. Дедушка отступил назад на несколько шагов, потому что картина получилась внушительных размеров, и, скрестив руки на груди, принялся внимательно разглядывать её. Я приблизилась к нему, встала рядом и тоже скрестила руки на груди. Но вот он подался вперед на шаг или два, и я молча, словно тень, последовала за ним.

– Ну как? – спросил он, повернувшись ко мне лицом. По выражению его глаз нельзя было догадаться, что он думает в этот момент. – Как тебе самой?

– Я думала, ты первым выскажешь своё мнение. Разве не так?

– Нет, не так. Вначале я хочу услышать, что ты думаешь о своей работе.

Его слова тут же вернули меня в наш класс-студию в академии искусств. Тамошние преподаватели и наставники тоже не чурались такого метода общения со студентами. Вначале ты сам раскритикуй свою работу, а уже потом он или она разнесут её в пух и прах.

– Я... Мне нравится. Как первая попытка, что ли.

– Хорошее начало, согласен. Продолжай. Объясни мне, что именно ты хотела изобразить на своем полотне.

– Вначале я хотела нарисовать пейзаж. Повторить ту картину, которую написала пару недель тому назад. Но вместо акварельных красок использовать масляные и сделать рисунок с помощью точек.

– Понятно. – Френсис приблизился к картине почти вплотную и показал пальцем на низкорослый эвкалипт-призрак и на его грубую, всю в наростах, кору. – Такое чувство, будто на меня сейчас уставились два глаза. А чуть выше, в пещере, прямо на входе, крохотное перистое облачко белого цвета, словно дух входит в пещеру.

– Так и есть, – обрадовалась я тому, что дед моментально подметил все детали. – Эта идея пришла мне в голову в связи с историей Меропы, самой младшей, седьмой сестры из созвездия Плеяды. Старик, преследующий девушку, наблюдает за ней, видит, как она заходит в пещеру.

– Я так и подумал, что сюжет навеян историей о Семи сестрах.

– Ну и *как тебе?* – не выдержала я. – Что скажешь?

– Скажу, Келено, что ты сотворила нечто уникальное. Во-первых, картина получилась красивой и на нее просто приятно смотреть, а во-вторых, для первого опыта работы в технике пуантилизма твои точки вышли выше всяких похвал. Очень изящные. Особенно тебе удался эвкалипт-призрак. Несмотря на то что он изображен точками, да еще масляными красками, он весь просто светится, излучает столько света, что сразу же привлекает к себе внимание. Эвкалипт, да еще вот это белое облачко.

– Так тебе нравится?

– Не просто нравится, Келено. Я в полном восторге от твоей работы. Да, кое-какие недочеты по части техники еще есть, особенно переходы, когда точки постепенно меняют один цвет на другой. Тут еще есть над чем поработать. Я тебя обучу самым лучшим приемам в технике пуантилизма, обещаю. Но не это главное. Главное – это то, что я никогда не видел ничего подобного. И если такой удачной получилась твоя первая попытка, то можно лишь догадываться, на что ты будешь способна в будущем. Ты хоть понимаешь, что на это полотно у тебя ушло целых шесть дней?

– Если честно, то я потеряла счет времени...

– Так вот, напоминаю тебе, что Господь сотворил за шесть дней небеса и землю, а вот на седьмой день Он предался отдыху. Келено, тебе тоже удалось сотворить свой «мир», свою вселенную всего лишь за неделю. И я горжусь тобой. Подойти ко мне, я обниму тебя.

Мы обнялись, и я даже прослезилась при этом, а потом Френсис вышел из комнаты и вернулся через какое-то время с двумя бутылками

пива. Одну он вручил мне.

– Вот держу свой неприкосновенный запас на дне бочки с водой. Берегу для всяких специальных случаев. У нас с тобой сегодня как раз такой случай. Твое здоровье!

– Твое здоровье! – Мы чокнулись бутылками и сделали по глотку.

– Боже мой! – воскликнула я. – Я пью, даже не позавтракав.

– Уже время обеда, дорогуша моя. Или ты забыла?

– То-то я умираю от голода, – призналась я, бросив еще один взгляд на свою картину, и в этот момент сама ощутила прилив гордости.

За обедом мы с дедом обсудили мою работу более обстоятельно, а после трапезы уселись оба перед чистым холстом, и Френсис стал показывать мне свою технику рисования точек. Как он вначале наносит точку на полотно, а потом слегка размывает ее края, так, чтобы на расстоянии она вовсе и не казалась точкой.

– У каждого художника своя манера, своя индивидуальная техника, – обронил Френсис, пока я внимательно вглядывалась, как он орудует кистью. – Уверен, и у тебя со временем появится своя манера письма. Все достигается методом проб и ошибок, причем ошибок всегда много. Но это тоже обязательная составляющая процесса нашего самоусовершенствования. – Он оторвался от полотна и взглянул на меня. – Самый главный вопрос, который волнует любого художника, нашел ли он этот свой собственный и неповторимый стиль, независимо от того, каковы результаты его творчества.

– О, тогда я могу сказать, что нашла. Точно, нашла. Я получила огромное удовольствие, работая в этой манере.

– Что ж, скажу тебе, что ты обрела свою профессию. По крайней мере на сегодняшний день. Потому что жизнь любого художника – это постоянный поиск новых способов и средств самовыражения.

– Ты намекаешь на то, что в какой-то момент я могу попасть под магию искусства Пикассо? – невольно хихикнула я.

– Сия чаша не миновала большинство художников, включая, кстати, и меня самого. Но потом я все равно возвращался к тому стилю, в котором чувствовал себя наиболее комфортно.

– Ну, мне пока еще рано рассуждать о собственном творчестве. Ведь в прошлом у меня было не так уж много таких творческих мгновений, – сказала я, после чего рассказала дедушке о той

причудливой, если не сказать откровенно странной инсталляции, над которой я трудилась в минувшем году.

– Как раз с этим-то мне все понятно. По-моему, ты просто использовала реальные предметы и вещи для того, чтобы изучить их очертания и форму. Ты училась, как размещать отдельные компоненты композиции на полотне. Знаешь, в искусстве любой эксперимент полезен, он обязательно чему-то учит.

– А мне и в голову не приходило взглянуть на свою инсталляцию под таким углом, но теперь я думаю, ты абсолютно прав.

– В тебе врожденный талант художника, Келено. И ты уже сделала пусть самые первые, но очень важные шаги на пути обретения собственного стиля. Можно сказать, добралась почти до небес. Но вот что я заметил. На твоей картине отсутствует подпись художника.

– А я никогда не подписывала свои работы. Не хотела, чтобы кто-то знал, что это я нарисовала.

– Но вот эту, я думаю, стоит подписать.

– Хорошо, подпишу.

– Вначале все же попрактикуйся с подписью, – посоветовал Френсис. – Уверен, вариантов будет много.

После обеда я взяла тоненькую кисточку, тюбик с черной краской и подошла к картине, приготовившись поставить свою подпись где-нибудь в уголке. Но какую именно?

Келено Деплеси?

Сиси Деплеси?

С. Деплеси?

Но тут меня осенило, и я снова поспешила к деду. Тот сидел на веранде и возился с каким-то куском дерева.

– Что ты делаешь?

– Тржусь в «стиле Пикассо», – улыбнулся он в ответ. – Видишь, пытаюсь придать этому обрубку определенную форму? Пока, правда, получается не очень. Ну что? Подписала свое полотно?

– Нет. Подумала и решила, что, пожалуй, «Келено Деплеси» немного напыщенно. И потом, меня будет раздражать, если люди начнут произносить мою фамилию неправильно.

– То есть ты склоняешься к тому, чтобы взять себе какой-нибудь псевдоним?

– Да, что-то вроде этого. Только вот не знаю какой.

– Лично я не стану возражать, если ты возьмешь мою фамилию, хотя она уже немного заезжена, это правда.

– Нет уж, спасибо, не надо. Получится, что я буду греться в лучах чужой славы, эксплуатируя твое имя. К тому же я твоя внучка, а это тоже важно и...

– То есть вы, мисс, желаете быть индивидуальной во всем? Такой оригинальный талант. Понимаю.

– Знаешь, что я тут надумала? Ведь если бы твой родной отец женился на твоей маме, как он того хотел, у тебя ведь была бы фамилия Мерсер, так?

– Да, ты права.

– И у моей мамы была бы такая же фамилия. По крайней мере до той поры, пока она не вышла бы замуж.

– Все правильно.

– А что, если я подпишу так: «Келено Мерсер»?

Дедушка бросил отрешенный взгляд куда-то вдаль, словно мысленно перебирал в памяти все поколения нашей семьи. Потом он взглянул на меня.

– Келено, по-моему, это великолепная идея.

Проснувшись на следующее утро, я почувствовала себя довольно странно. Как-то не в своей тарелке. Будто здесь мое время уже истекло, во всяком случае пока... И мне нужно срочно быть в другом месте. Вот только где конкретно? Пока я еще не решила. Но в любом случае пора возвращаться к реальности и решать, что мне дальше делать с собственной жизнью. Ведь за последние недели я как бы выпала из времени. Даже не знаю, какой сегодня день, какое число. Пришлось за завтраком спрашивать об этом Френсиса, хотя и было страшно неловко.

– Не переживай. Когда теряешь счет времени, то это означает лишь одно: ты полностью поглощена тем, что делаешь. А вообще-то сегодня уже двадцать пятое января.

– Неужели? – удивилась я. Получается, еще и месяца не прошло с тех самых пор, как я покинула Таиланд. Однако же как быстро

промелькнули все эти дни, проведенные мною в Австралии.

Дед посмотрел на меня вопросительным взглядом.

– Прикидываешь, куда тебе сейчас податься, да?

– Пожалуй, пора задуматься.

– Мне нет нужды повторять, как я был бы счастлив, если бы ты задержалась здесь немного подольше. Разумеется, не в этой хижине. В Алисе у меня есть вполне комфортабельный дом. И там места для нас двоих более чем достаточно. Но, вполне возможно, тебе сейчас нужно ехать куда-то в другое место... И другие люди ждут встречи с тобой...

– Дело в том... – Я вытерла вспотевшие ладони о свои джинсы, чувствуя некое внутреннее возбуждение. – Я и сама пока толком не знаю, куда мне рвануть. Но есть пара моментов... Такая запутанная ситуация, требующая решения...

– В жизни всегда случаются подобные ситуации. Не хочешь рассказать, в чем суть проблемы?

Я подумала о Стар. Потом вспомнила Эйса и Крисси. И отрицательно покачала головой.

– Не сейчас. Как-нибудь потом.

– Хорошо. Тогда, пожалуй, я тоже вернусь сегодня в Алису, коль скоро ты больше не хочешь оставаться здесь. Да и пора принять настоящую ванну!

– Да, это уж точно не помешает, – согласилась я, с трудом выдавив из себя улыбку.

– Кстати, в городе у меня есть несколько альбомов с фотографиями. Если хочешь, могу показать.

– С удовольствием взгляну.

– А пока ступай, прогуляйся. Я всегда так делаю, когда мне необходимо принять какое-то важное решение.

– Хорошо. Тогда я пошла.

И я отправилась на прогулку по окрестностям. Представила, как вернусь в Лондон. Снова поселюсь в своей прекрасной квартире и стану рисовать, обретая новый стиль. Буду заниматься живописью изо дня в день, но в полном одиночестве. Конечно, Стар живет не на другом конце света. Села на поезд – и через час-другой у меня. Но я понимала: она уже никогда не вернется ко мне навсегда. Разве что приедет на короткую побывку с ночевкой, чтобы поболтать о том о

сем, узнать, как у каждой из нас складывается наша жизнь порознь. В Лондоне сейчас и Эйс. Содержится под замком в какой-нибудь ужасной тюрюге, в одной камере с убийцами и всякими сексуальными маньяками. А ведь и с ним я тоже должна хотя бы объясниться, не говоря уже о том, чтобы оказать человеку обыкновенную моральную поддержку. И неважно, поверит он мне или нет. Я должна это сделать, так будет правильно и по-людски.

Но у меня же еще есть и *самый настоящий родной дом* – Атлантис. У меня есть Ма, которую я не видела уже больше семи месяцев. Однако едва ли я смогу жить в Атлантисе постоянно. Впрочем, кто знает? Вполне возможно, в один прекрасный день мне захочется запечатлеть на холсте живописные ландшафты вокруг Женевского озера, окруженного со всех сторон горными вершинами.

Однако это все Европа. А что же Австралия? Страна, которую ранее я категорически отказывалась посещать? А вот приехала, и оказалось, что несколько недель, проведенные здесь, в Австралии, стали самыми яркими и запоминающимися во всей моей жизни. Кто бы мог подумать, что так случится. Но случилось! Я здесь будто родилась заново. Словно то лишнее, что было во мне и никак не хотело вписываться в европейский стиль жизни, вдруг отшелушилось от меня, отпало само собой, и я снова стала единым новым целым. Лучшим целым! Получилось, как с моей инсталляцией. Мне так и не удалось довести ее до совершенства. Но ведь и я сама *очень далеко* от совершенства. Одно я знаю точно: за последний месяц я стала лучше, и это – главное.

Мой дедушка, Крисси... Они ведь тоже живут здесь, в Австралии. И мне, между прочим, не пришлось завоевывать их любовь и симпатию. Они сами одарили меня своей любовью, безо всяких условий. Но я знала: мне хочется, чтобы и в будущем их отношение ко мне осталось прежним.

И вот я стою посреди открытого, голого пространства. Солнце нещадно печет мою слабую голову, а я понимаю, что ни к какому решению я пока так и не пришла.

Я развернулась и уныло потащила обратно в дом.

– Чувствую, что мое место здесь, – объявила я деду спустя несколько часов, уже в Алисе, когда мы с ним сидели в ресторане и я вкушала свой любимый австралийский деликатес – мясо кенгуру. – Вот мое решение, если в двух словах.

– Я рад. – И я увидела, какой нескрываемой радостью вспыхнули глаза Френсиса. Его взгляд красноречивее всяких слов сообщил мне, что он действительно безмерно рад.

– Хотя мне все равно придется отправиться в Англию, чтобы навести там порядок кое с чем. Ну, ты понимаешь меня?

– Отлично понимаю. Нужно все довести до логического конца и не оставлять после себя никаких хвостов, – согласился со мной Френсис. – Наверное, это в нас с тобой говорит капля немецкой крови, которая тоже течет в наших жилах. Прежде наведи в доме порядок, а потом уже двигайся дальше, – добавил он с улыбкой.

– Кстати, о доме. Лично я планирую продать свой. Ты же помнишь, я говорила тебе, что на те деньги, которые я получила в качестве наследства, купила себе в Лондоне шикарную квартиру с видом на Темзу. Собственно, зря потратила деньги. Квартира не принесла мне счастья.

– Все мы совершаем ошибки. Живые люди, а как иначе? Недаром говорят, на ошибках учатся. Главное – *захотеть учиться* на собственных ошибках, – добавил он и вздохнул. – Если ты действительно хочешь снова вернуться сюда, то знай, мой дом – это твой дом. Можешь жить в нем, сколько твоей душе угодно.

– Спасибо, – ответила я коротко, не вдаваясь в подробности. Я ведь еще не видела дома своего деда в Алиса-Спрингс. Потому что сразу же по приезде в город мы отправились в ресторан, чтобы перекусить с дороги. – А еще, помимо продажи квартиры в Лондоне, мне нужно повидаться с сестрой. Навести порядок в наших с ней отношениях.

– Вот это действительно очень веская причина для того, чтобы поехать в Лондон, – согласился со мной Френсис. – Человеческие взаимоотношения всегда намного важнее любой собственности. Лично я всегда придерживался такого мнения.

Отобедав, мы вышли из ресторана, сели в наш пикап и поехали к деду домой. Дом Френсиса находился в пределах городской черты, как

раз на окраине города, застроенного красивыми белокаменными зданиями с высокой кровлей, напоминающими по своему внешнему виду швейцарские шале. С огромной крытой верандой на первом этаже.

– Сад у меня в полном запустении. Не люблю возиться с рассадой и всем остальным, – пояснил дед, пока мы поднимались с ним по ступенькам к парадному входу.

– Сюда бы Стар. Она за несколько дней привела бы твой сад в идеальный порядок, – отозвалась я, наблюдая за тем, как Френсис возится с ключом, отпирая входную дверь.

Мы зашли в дом, и я сразу же поняла, что, кто бы ни занимался его интерьером, этот человек очень хотел привнести в австралийскую глушь небольшой кусочек старой доброй Англии. И во всем сразу же чувствовалась женская рука. Красивые занавески с цветочным рисунком, вышитые подушки, разбросанные на старом, но, судя по всему, очень удобном диване, фотографии в рамочках, выстроившиеся в ряд на двух книжных стеллажах по обе стороны камина. Мягкое освещение умиротворяющего золотистого цвета струилось из-под абажуров многочисленных ламп и торшеров на латунных подставках.

Словом, стоило мне переступить порог этого жилища, и я сразу же почувствовала себя уютно, как дома. Разве что немного пахло плесенью, как это обычно бывает в помещениях, в которых не живут постоянно.

– Я в свой прошлый приезд подключил таймер на горячую воду. Думаю, трубы уже теплые. Пойду приготовлю тебе ванну, – сказал Френсис.

– Отлично! Спасибо! – обрадовалась я и невольно вспомнила, когда в последний раз принимала ванну, нежась среди розовых лепестков, а пара ласковых рук крепко держала меня за талию. Как же давно это было... Кажется, целая вечность прошла с тех пор.

Я долго лежала в ванне, пока не отмокла как следует. Вышла из ванны и глянула на воду: она была грязновато-мутной, и наверняка в ней плавали сотни насекомых, впившихся в поры моей кожи и в волосы, пока я жила на природе. Ощущение собственной чистоты придало мне бодрости. Разве что не хотелось снова натягивать свои грязные тряпки. Завернувшись в махровое одеяло, я выглянула в гостиную.

– У тебя случаем нет чистой старой майки? – спросила я у деда. – Одолжи мне на время. Моя одежда вся провоняла.

– Зачем тебе моя старая майка? Есть варианты получше. Твоя покойная бабка была приблизительно одной комплекции с тобой. В нашей с ней спальне стоит гардероб, под завязку забитый ее вещами.

– А ты не станешь возражать, если я кое-что позаимствую из ее туалетов? – поинтересовалась я у деда, семеня вслед за ним по коридору. Мы вошли в комнату, Френсис включил свет, а уже потом распахнул внушительных размеров шифоньер из кедрового дерева.

– С чего это мне возражать? Да о лучшем применении для всех этих вещей и мечтать не приходится. Я ведь уже хотел отдать их в какую-нибудь благотворительную лавку. Так что выбирай, что твоей душе угодно.

Чувствуя себя немного неловко от того, что роюсь в вещах своей покойной бабушки, я, тем не менее, осмотрела весь ее гардероб. Множество пестрых хлопчатобумажных платьев, широкие юбки в сборку и облегающие блузки с кружевными воротниками. Но отыскалась и пара обычных льняных рубашек с длинными рукавами. Я натянула на себя одну из них и вернулась в гостиную. Мой мобильный наконец заработал, и я проверила свою почту. Речевое сообщение от Талиты Майерс, нотариуса из Аделаиды. Она поспешила сообщить мне, что отыскала в архиве их конторы имя Френсиса Абрахама. Я невольно почувствовала прилив гордости от того, что на сей раз я пришла к финишу первой.

Френсис сейчас тоже принимал ванну, а я пока занялась разглядыванием фотографий в серебряных рамочках. На большинстве из них были запечатлены он сам и какая-то женщина, судя по всему моя бабка. Небольшого росточка, бледнолицая, с аккуратной фигуркой. Темные волосы собраны в витушку на затылке.

Но вот фотография маленькой девчушки лет трех с веселым улыбающимся личиком. Девочка улыбалась во весь рот, глядя в объектив фотокамеры. Вот еще одна фотография этой же самой девочки, но уже лет одиннадцати или двенадцати. Запечатлена между моими дедушкой и бабушкой.

– Моя мама, – негромко выдохнула я, чувствуя комок, подступивший к горлу. Но других фотографий девочки, запечатлевших

ее в возрасте старше пятнадцати лет, обнаружить не удалось. Что меня удивило. Но в этот момент в гостиной снова появился Френсис.

– Видела уже фотографии своей матери?

– Да. Как ее звали?

– Элизабет. Прелестная была девочка. Всегда смеялась. И очень была похожа на свою мать.

– Я уже уловила это сходство. А где ее взрослые фотографии? – осторожно поинтересовалась я.

Френсис тяжело вздохнул в ответ.

– Длинная история, Келено.

– Извини, если я проявляю чрезмерное любопытство. Но мне еще многое непонятно. А многого я и не знаю.

– Все так. А не сварить ли нам по чашечке кофе? Вот за кофе и поговорим.

– Ладно.

Он вернулся в гостиную через считанные минуты. И мы принялись за кофе в полном молчании. Я понимала, что Френсис собирается с силами, прежде чем приступить к своему рассказу.

– Давай вернемся назад, к тому моменту, на котором мы остановились в прошлый раз, – неожиданно предложил он мне.

– Давай, – тотчас же согласилась я. – Мне и самой не терпится узнать, что произошло потом с Чарли, Китти и Драммондом.

– Конечно, это интересно. Тем более что именно благодаря Китти я и познакомился со своей женой Сарой...

Китти

Порт Гилбери, Англия
Январь 1949 года

29

– До свидания, дорогая сестра. Не могу передать словами, как мы все были счастливы снова повидаться с тобой, – сказала Мириам, они обе стояли возле трапа, который скоро опять надолго разлучит их. – Обещай снова приехать к нам... Как только сможешь...

– Ты же знаешь, как мне хотелось бы этого. Но на все воля Божья, – ответила Китти, вздохнув. – До свидания, моя дорогая. И спасибо тебе за все.

Последний взмах рукой, и Мириам спускается по сходням на пристань.

Вокруг Китти толкуются толпы других родственников, с грустью провожающие своих близких в Австралию. Хотя за минувшие сорок лет Китти много раз навещала родных в Европе, всякий раз в момент отплытия домой ее до глубины души трогала та неподдельная боль, с которой люди прощались, разлучаясь со своими любимыми на долгое время.

Море слез, в котором недолго и утонуть, подумала Китти, услышав, как заработали корабельные двигатели и прозвучал последний гонг, призвавший всех провожающих немедленно покинуть судно. В толпе невольно привлекла внимание небольшая группа людей, на лицах которых читалось нескрываемое отчаяние: безутешно рыдающая женщина, прижимающая к груди маленького ребенка, исхудалый седовласый мужчина с запавшими щеками. В его глазах застыл откровенный ужас, когда трап начали поднимать на борт парохода.

– Ну, где же она? – встревоженно воскликнул мужчина. – Ведь договорились же, что встречаемся на борту парохода! Простите, мадам, – обратился он к Китти. – Вы случайно не видели, в самые

последние минуты по трапу на борт не поднималась светловолосая женщина?

– Не могу ничего сказать, – чистосердечно призналась Китти. – Здесь столько народа толклось, кто-то уходил, кто-то приходил. Трудно было разглядеть и понять, кто провожает, а кто уезжает. Но, думаю, ваша пропажа уже где-то на борту судна.

Прозвучал второй гонг, и пароход медленно отвалил от дока. Мужчина глянул за борт с таким отчаянием, словно собрался броситься в воду.

– О боже! *Где же ты, где?* – крикнул он во весь голос, стараясь перекричать ветер. Но голос тут же утонул в реве работающих моторов и надрывных воплях чаек.

«Вот и еще одна жертва несчастной любви», – подумала Китти, глянув, как мужчина, пошатываясь, побрел от нее в сторону. Похож на молодого солдата, правда поседевшего до поры. И глаза запавшие... Сколько таких парней она перевидала за минувший год, пока жила в Англии. Тех, кто уцелел, проведя почти шесть лет на фронте, называли «счастливчиками». Ведь они же вернулись домой живыми. Но однажды ей пришлось сидеть за ужином рядом с одним армейским капитаном, который жестко высмеял весь этот розовый оптимизм. Он порассказал ей, каково это было на войне, без смеха и всяких там шуточек. Напускное веселье – это ведь всего лишь фасад, за которым скрываются израненные души мужчин, прошедших войну. Им уже никогда не стать прежними. Как и тем, кого они когда-то любили и кого оставили в свое время, уходя на фронт.

Китти слегка поежилась от свежего бриза, обдувающего палубу со всех сторон, а пароход между тем уже вышел из порта Тилбери и проследовал далее по дельте Темзы. Китти спустилась с палубы вниз, прошла по коридору, неслышно ступая по толстой мягкой ковровой дорожке, вошла к себе в каюту. Там уже суетился стюард, накрывая в гостиной стол к чаю.

– Добрый день, мэм. Меня зовут Джеймс Макдовелл. Я буду обслуживать вас на протяжении всего плавания. Я подумал, что вы, возможно, захотите перекусить чего-нибудь. Вот только я пока еще не знаю ваших предпочтений.

– Спасибо, Джеймс, – поблагодарила его Китти. Мягкий тембр голоса молодого человека приятно успокаивал. – Вы уже бывали

в Австралии?

– Я? Нет, никогда. Для меня это плавание – самое настоящее приключение. Разве не так? Я до недавнего времени был лакеем в доме одного состоятельного джентльмена в Хэмпшире. К сожалению, он умер. А после войны, знаете ли, спрос на лакеев заметно упал. Люди уже потихоньку привыкают обходиться без них. Вот я и подумал: попытаю-ка счастья в Австралии. А вы там бывали ранее?

– Австралия – это мой родной дом. Я там прожила уже больше сорока лет.

– Тогда мне нужно будет обязательно воспользоваться вашими обширными познаниями. Надеюсь, вы посоветуете мне что-нибудь дельное, чем там можно заняться. Ведь Австралию недаром называют страной неограниченных возможностей.

«И страной разбитых иллюзий», – подумала Китти, но заставила себя улыбнуться и ответить утвердительно.

– Да, так оно и есть.

– Что ж, оставляю вас, мэм, наедине с чаем. Ваши вещи я распаковал. Но только скажите мне, что именно вы сегодня желаете надеть к ужину. Вас пригласили на ужин в каюту капитана. Я вернусь в шесть, чтобы приготовить вам ванну. Пожалуйста, нажмите вот на эту кнопку, если я вам понадоблюсь раньше шести.

– Спасибо, Джеймс, – ответила Китти, провожая взглядом стюарда, закрывшего за собой дверь. Его мужественные черты лица и голубые глаза сразу же напомнили ей Чарли.

Десять лет тому назад, когда в Европе началась эта ужасная война, Чарли безвылазно торчал в Бруме. Работал напрямую с командованием военно-морского флота Австралии, приспособившая реквизированные люггеры под транспортные суда, на которых можно было доставлять солдат в Африку и Европу. Вскоре после того как все японцы, входившие в состав команд на их судах, были интернированы, а люггеры перестали выходить в море на промысел, Чарли написал матери, что их город медленно и тихо умирает.

«Но, слава богу, Чарли в Бруме находится в полной безопасности», – думала она тогда. Сама Китти уже давно перебралась на постоянное место жительства в Аделаиду, поселилась в их фамильном доме Алиса-Холл, не желая мешать сыну и его жене Элизе.

Пусть не думают, что она будет следовать за ними тенью, проверяя каждый шаг в бизнесе или в домашнем хозяйстве.

А потом, в марте 1942 года, Китти открыла утреннюю газету и прочитала заголовки, извещающие о том, что на северо-западное побережье Австралии был совершен неожиданный налет неприятельской авиации. Особенно много жертв среди гражданского населения в городе Брум. Когда Китти наконец удалось связаться с Брумом по телефону, она почти не удивилась, услышав, что среди этих жертв числится и ее Чарли.

– Итак, ты вознамерился забрать у меня все, что я любила, да?! – кричала она в отчаянии, обращаясь к небесам, бегая по саду вокруг Алиса-Холл в одной ночной сорочке. Ошарашенные слуги лишь молча взирали на истерику своей хозяйки. Но рядом с ней больше не было Камиры, которая могла бы успокоить и поддержать ее в этот трудный час. Камира тоже ушла от нее.

Элиза осталась в живых, уцелела после бомбежек. Ей потребовалось всего лишь полгода, чтобы оправиться после гибели мужа и известить свекровь о том, что она выходит замуж за какого-то магната, подвизающегося в горнодобывающей промышленности, и переезжает к мужу в Перт. У них с Чарли не было детей, а потому Китти даже испытала некое странное облегчение, прочитав эту новость. Она прекрасно понимала, что сама, своими же руками, двадцать лет тому назад подсунула Элизу Чарли, желая тогда лишь одного: чтобы он поскорее забыл Алкину. Китти сильно сомневалась в том, что Чарли вообще любил свою жену. Женился, потому что так надо было, вот и все.

Сидя в гостиной своей роскошной каюты, Китти меланхолично пила чай, и ее мрачные мысли уносились все дальше и дальше от берегов Англии. Почти двадцать лет Китти билась над неразрешимой загадкой. Как так получилось, что Камира и ее дочь покинули Брум? Исчезли бесследно одна за другой... Сколько раз Китти потом корила себя за то, что отмахнулась от проблемы, не вникла в ситуацию, сложившуюся на тот момент в их доме. Она даже сделала тогда вид,

что не заметила, в каком потрясенном состоянии пребывал Чарли после исчезновения Алкины. А ведь она ушла из дома как раз накануне его двадцать первого дня рождения. Внутреннее чутье подсказывало Китти, что эти два события каким-то образом связаны между собой. И до сего дня она продолжала горевать об уходе Камиры. Ведь Камира была рядом с ней в самые трудные моменты жизни. Именно ей Китти доверяла все самые сокровенные тайны.

Она откусила кусочек сэндвича, показавшегося ей совершенно безвкусным. Мягкий, но такой же пустой, как и ее жизнь после того, как из нее ушли все, кого она любила. Однако не время предаваться унынию и по новой начинать жалеть себя, немедленно решила Китти. Тем более что спустя долгие четыре года кромешной тьмы, последовавшей после гибели Чарли, в конце этого мрачного тоннеля вдруг неожиданно забрезжил яркий лучик надежды.

Так случилось, что после смерти сына на Китти снова, уже как бы по умолчанию, взвалили все деловые хлопоты как на главного попечителя бизнес-империи Мерсер. А она, раздавленная собственным горем, не могла заставить себя даже съездить на рудники, где добывали опал, или посетить виноградники, или просто пробежать глазами те цифры дохода, которые присылали ей с животноводческой фермы. Точно так же Китти не обращала ни малейшего внимания и на банковские отчеты, которые регулярно пересылались ей и складировались непрочитанными на ее письменном столе. Она, как писали в романах Викторианской эпохи, полностью ушла в себя и стала самой настоящей отшельницей. Днем и ночью Китти терзалась, изводила себя мучительными мыслями о том, что она сделала не так в своей жизни и чего не сделала вовсе.

Все эти кошмарные годы она молила лишь о смерти, но была слишком труслива для того, чтобы покончить со всем разом.

И вот однажды вечером 1946 года в дверь ее спальни постучала горничная.

– Миссис Мерсер, там внизу какой-то молодой человек. Говорит, что ему нужно срочно переговорить с вами.

– Пожалуйста, отошли его прочь. Ты же знаешь, я не принимаю посетителей.

– Я пыталась объяснить ему это, мэм, но он категорически отказывается уходить. Сказал, что будет дожидаться вас, сидя у ворот

на улице. И не уйдет до тех пор, пока вы его не примете. Мне вызвать полицию?

– Как его имя?

– Некто мистер Ральф Маккензи. Говорит, что он ваш брат.

Китти напрягла память, стараясь вспомнить, кто бы это мог быть из ее родственников. Что за мужчина с такой же фамилией, как у ее отца?

А потом она все вспомнила...

Китти поднялась с элегантной софы, обтянутой шелком, и подошла к большому смотровому окну-иллюминатору. Пароход уже вышел в открытое море, плавно скользя по спокойной глади. Ральф Маккензи появился в ее жизни как раз вовремя, подумала Китти. Во всяком случае, ей воздалось хотя бы за одно благое дело, которое она совершила в своей жизни.

Китти вспомнила, как спустилась по широкой, плавно сбегаящей вниз лестнице, как остановилась где-то посередине, завидев высокого мужчину, нервно сжимающего в руках свою помятую шляпу. Он поднял голову, услышав звук ее шагов, и в сгущающихся сумерках Китти с удивлением воззрилась на точную копию своего отца в молодости. У этого парня были такие же харизматичные голубые глаза, крепкая челюсть, густые каштановые волосы.

– Мистер Маккензи, пожалуйста, проходите.

В гостиной он робко устроился на самом краешке дивана, молча наблюдая за тем, как горничная разливает им чай.

Потом, слегка откашлявшись, заговорил первым:

– Моя мама много рассказывала мне о вас. И не уставала повторять, как вы были добры к ней, когда она... когда она носила меня под сердцем. Когда я сказал ей, что собираюсь поехать в Австралию и попытать счастья там, она дала мне ваш адрес. Она хранила его у себя столько лет. Я и понятия не имел, живете ли вы по этому адресу. Но оказалось, что вы... здесь.

Потом парень извлек серебряный крестик, который много лет тому назад Китти подарила Анне. Китти молча посмотрела на свой

подарок, вспомнив, как в тот момент ненавидела собственного отца за его подлое вероломство и двуличие.

Они разговорились. Ральф рассказал ей, что работал младшим бухгалтером в порту Лейта. Она пригласила его остаться на ужин. За ужином он продолжил рассказывать ей о том, как трудно живется в Англии после войны. Ральф рассказал Китти, как тяжело переживала его жена, когда его уволили с работы, поскольку фирма перестала получать заказы.

– Именно моя жена Рут и надоумила меня отправиться в Австралию, посмотреть, смогу ли я здесь подыскать для себя какую-нибудь стоящую работу.

Наконец Китти рискнула задать вопрос, который буквально витал в воздухе весь вечер:

– А вы когда-нибудь говорили с моим... то есть *нашим* отцом?

– Я ведь не знал, что он – *мой отец*, до тех самых пор, пока не умерла моя матушка, упокой Господь ее душу. Конечно, я видел преподобного отца Макбрайда, когда мама водила меня в церковь и мы сидели с ней где-то на самых задних рядах. Теперь я понимаю, почему всякий раз после службы у нее было плохое настроение. Наверное, она меня специально брала с собой в церковь, чтобы лишний раз напомнить преподобному о том грехе, который он совершил в свое время.

Ральф бросил на Китти виноватый взгляд, но та лишь с мрачным видом кивнула головой.

– Когда мне исполнилось тринадцать лет, – продолжил Ральф, – я получил стипендию для учебы в Феттес-Колледж. Это, конечно, была для меня счастливая возможность, шанс обустроить свое будущее. Я не знал, узнал только много позже, что это место выхлопотал для меня отец. Словом, как бы то ни было, но я благодарен ему за это.

К концу вечера Китти предложила Ральфу место бухгалтера в одной из компаний империи Мерсер. А шесть месяцев спустя в Австралию приехала его жена Рут.

Китти отошла от иллюминатора, за которым свинцовые волны бились о корпус парохода, поднимаясь выше борта и заливая палубную площадку для прогулок. Мысли продолжали крутиться вокруг Ральфа. Несомненно, его приезд в Аделаиду спас тогда Китти. После гибели Чарли у нее вдруг снова появился объект, на который она могла направить остатки своей энергии. Ведь молодой человек, так неожиданно возникший в ее жизни, приходился ей сводным братом. К тому же он был младше нее на восемнадцать лет.

В последующие несколько лет Ральф проявил себя с самой лучшей стороны: инициативный, готовый учиться всему новому. Словом, очень скоро он стал правой рукой Китти. Хотя после войны их жемчужный бизнес в Бруме так и не оправился, как это в свое время и предвидел Чарли, но прибыль от опаловых рудников и виноградников день ото дня демонстрировала устойчивый рост. Вот так на пару брат и сестра снова сумели медленно, постепенно восстановить устойчивое финансовое положение империи Мерсер. Единственное, что омрачало их жизнь, так это то, что Рут, несмотря на все свои попытки забеременеть, так и не смогла стать матерью. А недавно врачи огласили окончательный вердикт: детей у нее не будет никогда. В одном из недавних писем, которое Ральф отправил Китти в Шотландию, он сообщил, что недавно они с женой купили щенка, который сможет хоть как-то компенсировать потребность Рут в материнских заботах и ласках.

Блестящие способности сводного брата подвигли Китти принять важное, можно сказать, судьбоносное для нее решение. Сейчас она плыла в Австралию в последний раз. Пока Ральф еще не догадывался о том, что по возвращении в Аделаиду она намеревается передать весь семейный бизнес в его руки, ибо ни минуты не сомневается в том, что он сумеет достойным образом обеспечить будущее их компании.

Китти приехала в Лейт шесть месяцев тому назад, чтобы принять участие в поминальной службе по ее усопшему отцу. Глубокий старик, он умер именно от старости и ни от чего более. Они с Ральфом встретили известие о смерти отца со смешанным чувством печали и некоторого облегчения, пусть и не вполне уместного в подобной ситуации. Все то время, что Китти провела рядом с матерью, она ни словом ни ей, ни другим членам своей семьи не обмолвилась о существовании Ральфа Маккензи-младшего. Вместе с сестрой Мириам

Китти совершила непродолжительную поездку в Италию, своеобразный культурно-просветительский тур по старинным городам, и, конечно же, мгновенно влюбилась во Флоренцию. Китти тут же купила там небольшую, но очень элегантную квартирку с чудесным видом на купол главного кафедрального собора Флоренции. Китти решила, что впредь зимы она будет проводить во Флоренции, а на лето перебираться к своим родственникам в Шотландию.

Года торопили жить. Ведь как-никак, а ей уже исполнилось шестьдесят. А что ее держит в Австралии? Что ее сегодня связывает с этой страной, кроме печальных воспоминаний? Сколько лет Китти тщетно пыталась дистанцироваться от семейства Мерсер, которое словно опутало ее прочными шелковыми нитями и держало в своем плену всю ее взрослую, самостоятельную жизнь. Но все, хватит! Пора наконец разорвать эти нити и вырваться на свободу.

Китти подошла к гардеробу, чтобы выбрать вечернее платье для ужина в каюте капитана. Сразу же по приезде в Аделаиду она займется приведением в порядок всех своих дел. На это, пожалуй, уйдет несколько недель. Надо будет встретиться с нотариусом, чтобы уже формально зарегистрировать своего «мужа» как усопшего. Сама мысль о том, что ей снова придется извлечь из небытия тот чудовищный обман, который придумал когда-то Драммонд, была настолько неприятна, что Китти невольно почувствовала, как пробежал холодок по ее спине. Но ничего не поделаешь. Придется сделать над собой это последнее усилие, чтобы обрести наконец вожаделенную свободу и начать все сначала.

Облачаясь в вечерний туалет, который превосходно смотрелся на ее по-прежнему стройной фигуре, Китти невольно задалась вопросом: неужели Драммонд *уже умер*? О, как же часто длинными одинокими ночами она жаждала его ласк. Каждый шорох, случайный скрип двери, шум животных, копошащихся в густой зелени ночного сада, все казалось ей его шагами. Ее Драммонд возвращается к ней. Но разве такое могло быть? И как можно было надеяться на возвращение человека, которого она сама, по собственной воле, прогнала прочь?

Быть может, думала Китти, разглядывая себя в зеркале, возвращение на родину разорвет этот замкнутый круг. А ее сердце, которое она много лет тому назад наглухо закрыла в железном ящике,

похожем на сейф, снова оживет, когда она наконец распахнет эту стальную дверцу.

Плавание шло своим чередом, и Китти постепенно вернулась к своему обычному распорядку дня, которого она придерживалась во время таких длительных морских переходов. Ее абсолютно не интересовала светская жизнь или общение со своими спутниками, пассажирами первого класса. Разговорам она предпочитала бодрящие прогулки на верхней палубе. А по мере того как они плыли все дальше и дальше на юг, она с удовольствием наслаждалась теплом и солнцем, ласкающим ее кожу. Иногда по ночам она слышала звуки музыки и смех, доносившиеся снизу, оттуда, где располагались каюты третьего класса. Порой это было пение под свистульку или аккордеон. Китти невольно вспоминала, как и сама когда-то отплясывала джигу на нижней палубе, в толчее, в духоте, среди клубов табачного дыма. Однако там витал дух товарищества. Да, у ее тогдашних друзей-приятелей не было денег, они были бедны, но все они жили будущим и надеждами на то, что их мечты сбудутся.

Китти уже давно осознала на собственном опыте, что статус привилегированной особы изолировал ее от остальных людей. Вот и сейчас ей хотелось подняться с постели и побежать вниз, присоединиться к этим танцующим и веселящимся людям, но она понимала, что они никогда не примут ее в свой круг. Она для них – чужая.

– И все они мечтают об одном. Что в один прекрасный день они окажутся на моем месте, – вздохнула она. В каюте появился Джеймс для того, чтобы наполнить ей ванну.

– Вы намереваетесь сойти на берег, когда мы прибудем в Порт-Саид? – поинтересовался у нее Джеймс, протягивая чашку с утренним

английским чаем.

– Пока еще не решила, – ответила Китти. – А ты собираешься?

– Конечно! Я вообще поверить не могу, что мы уже почти прибыли в Египет. Египет! Страна фараонов... А потом, если честно, миссис Мерсер, то мне просто не терпится ступить ногой на твердую сушу. Что-то я уже истосковался здесь на борту, сутками сидя взаперти. Да и моя приятельница Стелла говорит, что в городе есть на что посмотреть. Только нужно соблюдать осторожность и не забредать слишком далеко. Я даже намереваюсь взять с собой на прогулку нескольких сирот. Пусть детвора немного порадуетя.

– Ты сказал «сироток»?

– Да. Их там не менее сотни в каютах третьего класса. Вот везут в Австралию в надежде на то, что там все эти дети обретут новые семьи.

– Понятно, – промолвила Китти, глотнув чая из чашки. – Знаешь, пожалуй, я присоединюсь к вашей компании.

– Вы это серьезно, мэм? – Джеймс бросил на нее недоверчивый взгляд. – Многие детки сильно воняют, миссис Мерсер. Там, на нижней палубе, ведь нет условий, чтобы вымыть их как следует.

– Уверена, их запах меня не отпугнет, – бодро ответила Китти. – Итак, завтра в десять утра, когда судно бросит якорь в порту, встречаемся внизу у трапа.

– Хорошо, – согласно кивнул головой Джеймс. – Только не говорите потом, что я вас не предупреждал.

На следующий день Китти спустилась по сходням на пристань Порт-Саида. И сразу же в нос ударил запах подгнивших фруктов и немых тел. А еще вокруг царил невообразимый шум и гам, слышались непрерывные гортанные крики. Словом, жизнь в порту кипела. Бесконечные вереницы людей, животных, контейнеры с грузом загружались и сгружались с пароходов и торговых судов, стоявших на приколе.

Джеймс уже поджидал Китти в условленном месте. Рядом с ним стояла высокая рыжеволосая девушка, и тут же толпилась ватага ребятишек.

– Это Стелла, – представил Джеймс рыженькую. Летняя шляпка девушки была надвинута низко на лоб, чтобы хоть как-то защитить от палящих лучей солнца белоснежную кожу. – Она тут старается изо

всех сил, опекает некоторых из этих ребяташек, – добавил Джеймс и глянул на свою приятельницу. В его взгляде Китти прочитала нескрываемое обожание.

– Рада познакомиться с тобой, Стелла, – сказала Китти. – А как зовут этих маленьких сорванцов? – Она склонилась, обращаясь к самому младшему из группы. На вид малышу было не больше пяти.

– Эдди, – ответил за него мальчик постарше, разговаривающий на кокни. – Его зовут Эдди. Он мало говорит.

– А это Джонни, Дейви, Джимми... А там Мейбл, Эдна и Сьюз... А меня зовут Сара, – подала голос девчушка с очень живыми глазами, но страшно худенькая, с болезненным цветом лица и с длинными, мягкими каштановыми волосами. Наверное, ей уже лет четырнадцать, подумала Китти, а может, и все пятнадцать. – Мы тут все присматриваем друг за другом, так ведь, дети?

– Да! – дружным хором отозвались чумазые мордашки.

– Вот и отлично. А меня зовут миссис Мерсер, – представилась Китти. – Кстати, я тут знаю поблизости одно хорошее местечко, в котором торгуют всяческими сладостями. Предлагаю пойти туда и взглянуть на все своими глазами.

– Да! – дружно возопила детвора.

– Тогда вперед! – скомандовала Китти и, поддавшись внезапному порыву, подхватила малыша Эдди на руки.

– Как хорошо, миссис Мерсер, что вы знаете дорогу. Я в жизни еще не видел подобной неразберихи, – радовался Джеймс, пока они всей гурьбой пробирались по кишащим народом улочкам и переулкам старого города, минуя многочисленных зазывал и лоточников. Китти оглянулась и увидела, что Стелла и Сара крепко держат за руки остальных ребяташек.

– А здесь полно темнокожих, правда, Дейви? – услышала Китти, как мальчонка шепотом поделился с приятелем своими первыми наблюдениями о местных жителях, толкавшихся вокруг них, все в разноцветных ярких одеждах и с фесками на головах.

Она вывела ребят за пределы порта, и они направились в город. В городе, насколько она помнила, совсем неподалеку был расположен огромный уличный базар, прямо под открытым небом, где торговали всякими вкусностями, фруктами, свежееиспеченными лепешками,

которые выпекались прямо здесь же, в огромных печах, пышущих жаром.

– Ой, вы только взгляните туда! – воскликнула Сара, указывая пальцем на переливающиеся в лучах солнца, покрытые карамелью и обсыпанные сахарной пудрой восточные сладости.

– Это рахат-лукум, – пояснила Китти. – Очень вкусный. Будьте добры, – обратилась она к уличному торговцу, разложившему свой товар на импровизированном прилавке, и быстро пересчитала все головы в своей команде, – мне восемь пакетиков рахат-лукума, по три порции в каждом. – Увидев, что ее не вполне понимают, принялась объяснять жестами. Наконец они с продавцом поняли друг друга.

– Ну вот, Эдди! Угощайся! – Китти протянула сладость малышу, уткнувшемуся в ее плечо. Мальчик глянул на лакомство, а потом неохотно извлек изо рта свой пальчик и, высунув розовый язычок, с некоторой опаской лизнул тающую на жаре сахарную пудру.

– Нам нужно, миссис Мерсер, строго следить за тем, чтобы детки не подцепили никакую заразу, – сказала Сара, стоя по другую сторону от Китти и распределяя пакетики с рахат-лукумом между ребятней. – Они ведь никогда в своей жизни не пробовали такого.

– Боже мой, у некоторых из них действительно такой истощенный вид, – прошептала Китти, обращаясь к девочке.

– Нас кормят, миссис. И скажу, что даже гораздо лучше, чем питалась я в приюте. Просто все мы немного больны от этой постоянной качки. А когда сильно штормит, так и вообще плохо. Особенно трудно приходится малышам. Вот он, к примеру, – Сара показала на Эдди, по чумазому личику которого разливалось настоящее блаженство – он распробовал рахат-лукум, – особенно страдает морской болезнью.

Потом они гурьбой прогулялись по базару, охая и ахая от восторга при виде сфинкса и саркофага Тутанхамона, вырезанных из дерева.

Они остановились возле еще одного прилавка, где торговали фруктами. Китти купила каждому по апельсину, и детишки уставились на фрукт с таким видом, будто только что получили самый лучший подарок в своей жизни.

Они вернулись в порт около четырех часов дня. У детворы лица были перемазаны сахарной пудрой и соком апельсина. Китти вручила Саре заснувшего Эдди.

– Большое вам спасибо, миссис Мерсер, – сказала девочка. – Мы никогда не забудем вашей доброты. Ведь вы сегодня сделали всех нас такими счастливыми. И вот еще что. Если вам будет нужно что-то подлатать или починить какое-нибудь ваше роскошное платье, я тут как тут. К вашим услугам! И возьму за свою работу раза в четыре дешевле, чем те портнихи, которые есть на судне. А уж сделаю все гораздо лучше, чем они! – Сара одарила Китти прощальной улыбкой и заторопилась вниз по трапу в окружении детворы.

– Думаю, нам вполне под силу каждый вечер купать по паре малышей в моей ванне, – промолвила Китти, обращаясь к Джеймсу вечером того же дня, пока тот выкладывал перед ней очередной нарядный туалет для ужина.

– Вы очень добры, миссис Мерсер, – взволнованно выдохнул Джеймс. – Но, боюсь, начальник хозяйственной части моментально прицепится ко мне, если узнает, что я привожу пассажиров из самых дешевых нижних кают на территорию первого класса.

– А ты что-нибудь придумай, только и всего. И позволь тебе напомнить, Джеймс, что личная гигиена и чистота – это залог здоровья. Уверена, что на коже этих детей сейчас кишмя кишат полчища самых разных бактерий. Ты же не хочешь потом испытывать чувство вины, если вдруг узнаешь, что маленький Эдди умер, так и не доплыв до берегов Австралии. Разве не так?

– Так, но я...

– Уверена, тебе удастся что-нибудь придумать. А взамен обещаю тебе вот что: когда мы прибудем в Аделаиду, я предложу тебе хорошее место с достойной оплатой в одной из своих компаний. Так что, будем пытаться?

– Будем, миссис Мерсер, – не очень уверенно ответил Джеймс.

Вечером того же дня двое мальчишек были доставлены под двери каюты люкс, в котором обитала Китти. Их сопровождал Джеймс, который тут же испарился, на прощание громко хлопнув за собой дверью. Мальчишки даже рты разинули от удивления, переступив порог номера. Они и представить себе не могли, что на судне имеются

такие роскошные и просторные апартаменты. Китти тотчас же препроводила их в ванную комнату и велела раздеваться.

– Я, мэм, еще никогда в своей жизни не раздевался перед посторонним человеком, – ответил ей Джимми, пацан лет восьми, не более, с гордостью скрестив руки на груди и выразительно покачав головой на ее приказ.

– И я тоже, миссис Мерсер, – пискнул Джонни.

– Хорошо, тогда поступим так. Я оставляю вас здесь одних. Договорились? Хорошенько отмойтесь и отскоблите с себя всю грязь с помощью вон того карболового мыла. – Китти показала на кусок мыла. – А вон там лежат банные полотенца для каждого из вас. После того как помоеетесь, вас ждет ужин.

Мальчишки тут же захлопнули дверь. До Китти долетел их шепот – они о чем-то переговаривались между собой. Потом послышался всплеск воды, а следом веселый смех от получаемого удовольствия.

– Поторапливайтесь, ребята. Иначе ваш ужин остынет! – крикнула им Китти через закрытую дверь.

Когда они наконец вышли из ванной комнаты, вид у обоих был явно посвежевший. Впрочем, от зоркого взгляда Китти не ускользнули разводы грязи на их шеях. Она усадила мальчишек за стол, поставив перед каждым большую миску с рагу. Потянула носом, мгновенно учуяв дурной запах, и поняла, что это пахнет грязная и давно не стиранный одежда детей.

На следующее утро за завтраком они с Джеймсом обсудили, какую следующую пару он приведет к ней на помывку вечером.

– Хорошее дело вы делаете для этих ребятшек, миссис Мерсер, – прочувствованно заметил Джеймс.

– А было бы еще лучше, если бы мы смогли переодеть их в чистую одежду. В последние дни сильно потеплело. Пожалуй, рубашка и коротенькие шорты для каждого были бы теперь кстати. Тогда бы мы смогли отправить в прачечную ту одежду, в которой они сейчас.

– Сара превосходно шьет. Маленькая мастерица на все руки. Она постоянно починяет одежду всем мальчишкам, штопает им носки, а из всяких лоскутков мастерит наряды для куклы Мейбл.

– Вот и отлично! Тогда именно ее мы и привлечем к работе.

– Но у нее же нет швейной машинки, миссис Мерсер.

– Не беда! Машинку мы быстро раздобудем. Скажи начальнику хозчасти, что эта эксцентричная миссис Мерсер решила заняться шитьем, чтобы хоть как-то скрасить время своего пребывания на судне. Наверняка в их прачечном отделении имеется не одна швейная машинка.

– Хорошо. Постараюсь переговорить с ним безотлагательно. А что насчет материи?

– Вот это ты оставь мне. – Китти сосредоточенно потеряла переносицу. – И еще одна просьба. Днем пришли ко мне Сару, ладно? Мы с ней вместе попьем чайку и все обсудим.

– Вот! – промолвила Китти, заходя вместе с Сарой в спальню. Она взмахом руки показала на большую стопку ночных сорочек, пеньюаров и юбок, лежавших на кровати. – Как думаешь, из этого можно будет что-то смастерить?

Сара молча уставилась на этот ворох одежды, потом повернулась к Китти. На ее лице отразился нескрываемый ужас.

– Миссис Мерсер, ведь это такие дорогие вещи. Я не могу начать кромсить их на части. Это же святотатство какое-то.

– Никакого святотатства, Сара, поверь мне. У меня горы одежды. Мне ее не переносить за всю оставшуюся жизнь. А если нам потребуется дополнительная материя, то, думаю, мы всегда сможем позаимствовать пару простыней с моей постели.

– Ну, раз вы так считаете, миссис Мерсер, – нерешительно ответила Сара и осторожно погладила пальцем изящное кружево, которым был отделан ворот одной из ночных сорочек.

– Именно так я и считаю. Сегодня днем мне принесут в номер швейную машинку. Так что завтра с утра можешь приступить к работе.

В огромных голубых глазах Сары, казалось заполнивших все ее бледное худенькое личико, заплескался откровенный страх.

– А что они скажут, если вдруг увидят меня здесь?

– Заведующий хозяйственной частью не скажет ни слова, потому что я предупрежу его, что наняла тебя в качестве горничной и что ты

занимаешься ремонтом моей одежды. Итак, завтра ровно в девять утра я жду тебя здесь.

– Хорошо, миссис Мерсер.

Сара поднялась со стула. Платье, которое было на ней, моментально обвисло на шуплой фигурке. Джеймс повел девочку вниз, а сердце Китти заныло от боли при мысли обо всех этих сиротах. Вот выпроводили их на другой конец света, можно сказать отправили в неизвестное, и рядом нет никого, кто бы позаботился обо всех этих несчастных детях.

Оставалось лишь надеяться, что судьба повернется к каждому из них более светлой стороной, когда они наконец пристанут к берегам Австралии.

К концу недели все сиротки получили по комплекту новой одежды, которую смастерили для них проворные пальчики Сары. Самой Китти тоже доставляло удовольствие общение с Сарой. Девчушка сидела за машинкой и рассказывала Китти о том, что творилось в годы войны в Ист-Энде. Как однажды она пошла на прогулку в парк, а бомбы начали сыпаться с неба буквально им на головы.

– Последняя бомба разорвалась уже прямо на нашей улице и тут же убила человек десять. И мою маму тоже. Мы как раз сидели в подвале, прятались от бомбежек. Но тут сирены перестали выть, а мама вдруг вспомнила, что забыла прихватить из дома свое вязанье. Пошла наверх, а бомба как раз шарахнула по крыше нашего дома. Меня потом откопали из подвала. И ни одной царапины. Представляете? Мне тогда было лет шесть. Парень, который услышал, как я там верещала внизу, говорил потом, что мое спасение – это самое настоящее чудо.

– Боже мой! – воскликнула потрясенная Китти. – И куда же ты потом подалась?

– На какое-то время меня приютила тетья. Она жила неподалеку. До тех пор, пока папа не вернется с фронта. Он воевал во Франции. Но папа так и не вернулся с войны, а тете тоже стало не под силу

содержать меня. Словом, меня определили в сиротский приют. Там было нормально. Мы все держались вместе. Нужно всегда держаться друг за друга, правда ведь, миссис Мерсер?

– Правда, – согласилась с девочкой Китти, чувствуя, как комок подступил к горлу. Мужество Сары, ее стойкость духа, а главное – ее позитивный настрой не могли не восхищать.

– Все твердят, что в Австралии у каждого начнется новая жизнь. Интересно бы знать, что это будет за жизнь. Как думаете, миссис Мерсер? И что это за страна Австралия?

«Огромная... Дух захватывает от ее просторов... Необычная... Жестокая...»

– О, Австралия – это страна неограниченных возможностей. Уверена, все у тебя там будет хорошо, Сара. Кстати, а сколько тебе лет?

– Пятнадцать, миссис Мерсер. С руками у меня все в порядке, растут откуда надо. А потому, надеюсь, работу я себе там найду быстро и сумею заработать немного денег. А потом и парня хорошего встречу, – весело хихикнула девочка, и на ее щеках проступил легкий румянец. – Ну, вот и последние готовы. – Сара извлекла из-под иглы швейной машинки последнюю пару шорт и слегка встряхнула их, разглаживая швы. – Эти точно будут впору Джимми. Особенно если он не будет больше худеть.

– Хорошая работа, – одобрила Китти. – И строчка такая ровная. – Она взяла у Сары шорты и аккуратно сложила их, присовокупив к той стопке, которая уже лежала на столе. – Заберешь все это с собой, ладно? И сама раздай детям.

– Хорошо. Только надо проследить, чтобы никто не украл эти одежды. Там, внизу, не успеешь глазом моргнуть, как у тебя тут же стащат прямо из-под носа. Знаете, что я подумала? А не сшить ли мне из того оставшегося куска простыни каких-нибудь забавных зверюшек? Чтобы немного развеселить своего друга Эдди. Уж больно много он плачет. Многие детишки там плачут.

– Конечно, сооруди что-нибудь смешное. И спасибо тебе, Сара, за работу. Потрудились ты, как говорится, на славу. А вот и награда за твои труды. – Китти достала из шкафа богато расшитую блузку и юбку. И то и другое было велико девочке. Она со своей хрупкой фигуркой легко бы могла утонуть в этих нарядах. – Сможешь подогнать себе по фигуре?

– Ой, какая красота, миссис Мерсер! – Рука девочки осторожно пощупала мягкую шелковистую ткань. – Но я не могу взять их у вас. Тем более туда, вниз. Они же там перепачкаются в мгновение ока.

– А ты переделай все и оставь пока свои наряды у меня. Заберешь, когда прибудем в порт. Ты должна выглядеть соответствующим образом, чтобы молодые люди сразу же обратили на тебя внимание. Разве не так?

– Спасибо вам большое, миссис Мерсер. Вы просто самый настоящий ангел-хранитель, – растроганно промолвила Сара, забирая стопку готовой детской одежды и чистую простыню в придачу, а затем направляясь к дверям. – Я загляну к вам попозже.

– Хотела бы я быть ангелом-хранителем, – тяжело вздохнула Китти, когда за девочкой закрылась дверь.

30

Несмотря на видимое недовольство заведующего хозяйственной частью, Китти настояла на том, чтобы вся ватага маленьких сорванцов-сирот была рядом с ней в тот самый момент, когда пароход причалит к пирсу Аделаиды, где все они должны были сойти на берег. Китти устроила детям последнее угощение, и они с жадностью набросились на всяческие вкусняшки, но глаза их были непрестанно обращены к горизонту. Всем хотелось не упустить тот самый главный момент, когда появятся первые очертания земли, где у каждого из них начнется новая жизнь. Первым землю увидел Джимми, известив всех остальных радостным криком. Детвора бросилась на прогулочную палубу и прильнула к перилам.

– Вот это да!

– Смотри, вон холмы. И они зеленые, а не красные!

– А где же дома? Где город? Одна пустыня, будто здесь ничего и нет.

Китти подхватила Эдди на руки и погладила его мягкие и пушистые волосы.

– Видишь вон тот песок, Эдди? – спросила она у малыша. – Возможно, в один из дней я возьму тебя с собой на пляж и ты сможешь слепить там кучу домиков из песка.

Как обычно, Эдди не проронил ни слова в ответ. Китти лишь крепче обвила руками его худенькое тельце, и он доверчиво прильнул к ее плечу.

На палубе рядом с ними возник Джеймс. Сказал, что детишкам пора вниз. Надо собираться, потому что скоро им предстоит спуск на берег.

– А кто-нибудь будет встречать их на берегу? – поинтересовалась Китти у стюарда, который уже приготовился вести детей вниз.

– Наверняка какие-то официальные представители властей придут. Они же будут знакомить детей с их новыми семьями. Насколько я наслышан, все это похоже на рынок, где торгуют скотом. Вначале разбирают самых крепких мальчиков, потом малышей и хорошеньких девочек.

– А что бывает с теми, на кого не найдется «покупателя»?

– Понятия не имею, миссис Мерсер, – ответил Джеймс.

Но Китти тут же поняла, что все он прекрасно знает.

– Дети! – обратилась она к детворе, и тут же взволнованные детские мордашки уставились на нее доверчивыми взглядами. – Сейчас я дам каждому из вас свою визитку, на которой написано мое имя и указан адрес, по которому я живу. Я живу совсем рядом с центром Аделаиды. Если кому из вас вдруг понадобится моя помощь, милости прошу ко мне в Алиса-Холл. Ясно?

– Да, миссис Мерсер, – послышался дружный хор голосов.

– А сейчас я говорю вам до свидания. – Китти расцеловала каждого в их чистенькие головки и намытые до блеска личики, а потом проводила детвору печальным взглядом, наблюдая за тем, как они покидают ее номер.

– Благослови вас Господь, – прошептала Китти, глядя им вслед, и ее глаза наполнились слезами.

Вернувшись к себе домой, в Алиса-Холл, Китти почти сразу же занялась подготовкой к предстоящему отъезду в Европу. Настало время подвести черту под своей жизнью в Австралии. Полдня ушло на пространный разговор с семейным нотариусом мистером Ангусом.

Китти объяснила ему, что отныне весь семейный бизнес она передает в руки Ральфа, себе же оставляет определенную сумму средств, инвестированных в ценные бумаги и акции, чтобы обеспечить достойную старость. В случае ее смерти все деньги должны быть направлены на благотворительность.

– Я также хочу официально засвидетельствовать факт смерти своего мужа, учитывая, что он пропал без вести более тридцати семи лет тому назад, – добавила Китти с каменным лицом, ничем не выдав бушевавших внутри нее эмоций.

– Понятно, – задумчиво обронил мистер Ангус, постукивая авторучкой по своему блокноту. – Думаю, проблем с этим не должно возникнуть, миссис Мерсер. Но все же мне потребуется какое-то время, чтобы собрать доказательства.

– А какого рода доказательства вам нужны? Несколько десятилетий его никто не видел и не слышал.

– Все так. Но существует определенная бюрократическая процедура, которую нужно соблюсти для того, чтобы объявить того или иного человека умершим *in absentia*, то есть заочно, в отсутствие самого человека. Мы должны показать суду, что предприняли все усилия для того, чтобы найти вашего мужа, хотя все свидетельствует в пользу того, что его уже давно нет в живых. Что ж, я начну заниматься этим делом немедленно.

– Благодарю вас.

Ральф вернулся с опаловых рудников, и Китти с братом уселись за обсуждение всего, что связано с их семейным бизнесом.

– Учитывая, какой сейчас в Европе бушует финансовый кризис, мы пока держимся совсем даже неплохо. По-моему, Китти, хорошее время для того, чтобы расширяться. Когда я был в Кубер-Педи, мне там предложили немного земли. Можно сказать, по бросовой цене. Думаю, это была бы отличная инвестиция.

– Я полностью доверяю твоим оценкам, Ральф. Но разве у нас есть сейчас свободные средства?

– Мы их легко можем занять, если продадим наше ранчо Килгарра. Я тут недавно просматривал их финансовую отчетность. Ты же помнишь, что старый управляющий ранчо недавно умер? А человек, который пришел ему на смену, пока не очень справляется со своими обязанностями. Даже ежемесячные отчеты от него поступают

весьма нерегулярно и, как правило, с большим опозданием. Думаю, мне пора самому отправиться на Север и уже непосредственно на месте проверить, как там у них обстоят дела.

– Ты считаешь, такая поездка необходима?

– Думаю, более чем. Я ведь даже не получил ответа на многие свои телеграммы, которые отправил туда недавно.

– Сама я там ни разу не была, – сказала Китти, прекрасно понимая в глубине души, почему она никогда не бывала на ранчо, принадлежавшем когда-то Драммонду. – Да и добираться туда очень долго.

– О, сейчас, когда до Алиса-Спрингс запустили пассажирский поезд «Ган», этот путь стал гораздо короче. А там от Алисы до Килгарра всего лишь два дня пути на повозке с пони. В любом случае мне нужно отправиться туда незамедлительно.

– Конечно-конечно.

– Остается еще вопрос, связанный с собственностью в Бруме. Как мы и договорились с тобой, я продал все наши люггеры, но остались еще складские помещения, контора... наконец, дом. Ты хочешь сохранить его? Ведь я понимаю, сколько воспоминаний связано у тебя с этим домом.

– Ты прав. Пожалуй, дом я оставлю за собой, – ответила Китти, удивившись своему неожиданному порыву. – А вот все служебные помещения и постройки можешь продавать. А сейчас, Ральф, если не возражаешь, я тебе коротко расскажу о *своих планах* на будущее.

По лицу Ральфа разлилось неподдельное изумление, когда он услышал, что всю империю Мерсер сестра вверяет ему.

– Конечно, я потребую себе какую-то небольшую часть доходов в качестве номинальной пенсии, хотя у меня имеются и свои деньги. Да и потребности мои сегодня очень невелики. Теперь что касается Алиса-Холл. Я намереваюсь переоформить его на твое имя.

– Ты уверена в этом, Китти? Ведь ты знаешь меня всего ничего... Неполных три года...

– Ральф! – Китти ласково погладила его руку. – Ты – мой брат, моя родная кровь. Думаю, о лучшей кандидатуре, чтобы управляться с нашим бизнесом, и мечтать не приходится. За эти годы ты проявил себя способным управленцем. И мозги у тебя работают в нужном направлении. Ты – настоящий бизнесмен. Уверена, ты справишься с

любыми экономическими потрясениями и штормами, которые, рано или поздно, обрушатся и на Австралию. А я, со своей стороны, признаюсь честно, буду счастлива вручить все бразды правления в твои руки. Я и так слишком засиделась на должности временной попечительницы бизнеса.

– Что ж, мне остается лишь поблагодарить тебя, Китти, за высокое доверие, которое ты мне оказала. Я горд этим.

– Вот и хорошо. Значит, у нас с тобой все решено. Я вот тут подумала... – Китти бросила отрешенный взгляд куда-то вдаль. – В апреле я уже буду полностью готова покинуть Австралию. Но осталось совершить еще одно путешествие, находясь здесь. Когда-то, еще совсем молоденькой девушкой отправляясь к берегам Австралии, я клятвенно пообещала себе обязательно побывать там.

– Это где?

– Айерс-Рок. Не поверишь, но я до сих пор еще не видела эту самую древнюю в мире скалу-монолит. Так что, пожалуй, у тебя появится попутчица. – Китти с улыбкой взглянула на Ральфа. – На поезде «Ган» до Алиса-Спрингс мы поедем вместе.

Китти занялась первыми приготовлениями к предстоящему переезду в Европу. И тут со всей очевидностью поняла, как мало вещей ей хочется взять с собой. Ведь вся обстановка в Алиса-Холл, все предметы быта, мебель и прочее, все это в свое время выбирала по своему вкусу ее свекровь Эдит. Уже были подготовлены все документы о переводе бизнеса на Ральфа. Их Китти намеревалась подписать сразу же после возвращения из своей поездки в Алиса-Спрингс. В свою очередь, мистер Ангус уведомил ее, что процедура регистрации смерти Эндрю *in absentia* тоже продвигается своим чередом. От Китти потребовалось написать короткое заявление, в котором она должна была изложить, в каком расстроенном душевном состоянии пребывал ее «муж» после гибели парохода «Кумбана». По словам нотариуса, такой бумаги будет вполне достаточно, чтобы убедить судью в правомерности их обращения.

И буквально через две недели Китти получила на руки свидетельство о смерти Эндрю. Она долго сидела, разглядывая бумагу, испытывая одновременно и ужас, и чувство облегчения. Выйдя на веранду, она глянула на то самое место, где когда-то впервые увидела Драммонда. И было ей тогда всего лишь восемнадцать лет.

– Все кончено, – пробормотала Китти, обращаясь к самой себе. – Все наконец кончено.

Сидя за своим одиноким ужином и уже приступив к десерту, Китти испытывала странное умиротворение, воцарившееся в ее душе с недавних пор. И тут в дверь позвонили. Кто бы это мог быть? В столь поздний час... Она услышала, как Нора, ее служанка-аборигенка, мастерица на все руки, выполнявшая все работы по дому, подошла к дверям, чтобы ответить на звонок.

И буквально через пару секунд ее голова просунулась в полуоткрытую дверь столовой.

– Простите, миссис Мерсер, но там какая-то нищенка спрашивает вас. Говорит, вы дали ей свой адрес. Ее зовут Сара. Мне ее впустить?

– Да, конечно. – Китти поспешно поднялась из-за стола.

– С ней какой-то малыш, – растерянно добавила Нора, пока Китти следовала за ней в холл.

– Миссис Мерсер! Хвала Господу, что мы отыскали вас наконец!

Сара, и раньше худенькая донельзя, теперь буквально превратилась в тень. Она тут же бросилась на грудь Китти.

– Ах, миссис Мерсер! Если бы вы только знали...

Взгляд Китти упал на Эдди, который испуганно жался за спиной Сары. Своими огромными, похожими на два блюдца глазами он сразу же уставился на огромную хрустальную люстру, висевшую по центру холла под высоким сводчатым потолком.

– Боже мой, что случилось? – Китти привлекла к себе Эдди, все еще придерживая другой рукой прильнувшую к ней Сару. – Пойдем же, присядем, и ты мне все расскажешь. – Китти увлекла детей в гостиную, а там усадила их на диван, по обе стороны от себя.

– Ах, миссис Мерсер! Вы и представить себе не можете... Как ужасно в этом приюте... Ничего ужаснее я не видывала.

– В приюте? – Китти увидела, что Сара уже на грани слез.

– Да. Они нас обманули, понимаете? Других детей разобрали по семьям, а нас с Эдди никто не взял. Тогда нас с другими детьми, теми, для которых тоже не нашлось семей, отправили в какой-то сиротский приют, в котором заправляют монахини.

– Есть хотите? – поинтересовалась у девочки Китти.

– Не то слово! Умираем с голоду, миссис Мерсер!

Китти позвонила в колокольчик, а когда в комнате появилась Нора, велела ей принести хлеба и холодного мяса для гостей. Дети набросились на еду с жадностью голодных хищников. У Китти сердце защемило от боли: они торопливо заталкивали пищу в рот целыми кусками, даже не пережевывая. Когда они немного подкрепились, она попросила Сару рассказать поподробнее о том, что с ними приключилось.

– Этот приют Святого Винсента – ужас, тихий ужас и только! – запальчиво воскликнула Сара. – Они там с нами обращались как с рабами, миссис Мерсер, заставляли работать целыми днями. А если кто отказывался, то его били. Или заставляли часами стоять неподвижно, и никто не смел заговорить с ним. Нам не разрешалось даже сходить в туалет, после того как выключали свет. А что было делать маленькому Эдди? Вот он и обмочился пару раз. У малых деток так ведь случается. Но его за это поколотили. А тех, кто постарше, кто мог держать в руках ведро и тряпку, поднимали еще до восхода солнца и заставляли все вокруг мыть и скоблить. А вся еда – это черствый заплесневелый хлеб. – Сара замолчала на мгновение, чтобы перевести дыхание. – Но самое ужасное, миссис Мерсер, эти монахини, они называли себя сестрами милосердия, а что они там вытворяют! Вы бы только посмотрели на них! И близко никакого милосердия нет. Одна монахиня, сестра Мэри, каждый вечер уводила к себе в комнату очередную маленькую девочку, а там она с ней... Ах, миссис Мерсер, я даже не могу вслух говорить обо всех этих гадостях! – Сара закрыла лицо руками.

Китти слушала ее молча, но чем дальше, тем больше все в ней холодело от ужаса.

– Где точно находится этот приют?

– В Гудвуде. Отсюда, если по прямой, не больше часа пути. Правда, мы с Эдди тут немного заплутали, пока добирались к вам. Если нам нельзя у вас остаться, я все пойму. Никакой обиды. Но назад мы больше не вернемся. *Никогда!* – решительно добавила Сара.

Китти повернулась к Эдди. Тот уже крепко спал, пристроив свою головку к ее плечу.

– Думаю, сейчас вам обоим уже давно пора спать, – промолвила Китти. – Не возражаешь?

– То есть мы можем у вас остаться, да? Хотя бы до утра? Прошу вас, миссис Мерсер, никому не говорите, что мы здесь, если вдруг за нами явятся. Монахини сказали, что если мы надумаем убежать от них, то закончим свои дни в тюрьме. – Сара сладко зевнула во весь рот, за которым тотчас же спряталось все ее худенькое личико, напоминающее по форме маленькое сердечко.

– Не волнуйся, Сара. Никакой полиции! Обещаю! А сейчас оба марш в постель. Обо всем остальном поговорим завтра утром.

Китти подхватила Эдди на руки и повела детей наверх, в старую детскую, где до сих пор стояли две кровати, на которых когда-то еще детьми спали Эндрю и Драммонд. Она осторожно положила Эдди на постель, даже не сняв с него одежды, и накрыла простыней, аккуратно подоткнув ее со всех сторон. Потом жестом указала Саре на вторую кровать.

– Спасибо вам, миссис Мерсер. Я никогда не забуду, что вы для нас сегодня сделали. Никогда! – пробормотала Сара, и глаза ее тут же закрылись сами собой.

– Бедное дитя, – прошептала Китти, закрывая за собой дверь. – Мне никогда не сделать всего того, что нужно было бы сделать.

– Ушам своим не верю! – воскликнула жена Ральфа Рут, когда на следующий день, сидя на террасе и потягивая лимонад, она слушала рассказ Китти и наблюдала за тем, как Эдди самозабвенно играет с кавалер-кинг-чарльз-спаниелем по кличке Тинки. – Тебе не кажется, что эта девочка немного преувеличивает?

– Отнюдь! Я ее хорошо знаю. Провела с ней много времени, пока мы плыли на пароходе. И я верю каждому ее слову.

– Но они же монахини! Женщины, сознательно посвятившие свою жизнь Богу. Как же так можно?

– Знаешь, скажу тебе так, опираясь на собственный опыт. Посвятить свою жизнь Богу – еще не значит жить по Его заповедям, – возразила ей Китти с горячностью, умиленно наблюдая за тем, как Эдди пытается поймать бабочку.

– И что ты собираешься с ними делать? – спросила Рут.

– Пока еще не решила. Но в любом случае назад в этот приют я их не отправлю. Ни за что! – ответила Китти, продолжая следить за тем, как мальчик с веселым смехом носится по саду за бабочкой. Но вот смех внезапно оборвался. Малыш споткнулся о какой-то камешек и упал на землю.

Не успел он расплакаться от боли, как к нему тут же подбежала Рут, обняла его, подхватила на руки и усадила к себе на колени. Эдди с готовностью уткнулся ей в грудь, а Рут стала шептать ему всякие ласковые слова, успокаивая. И тут у Китти созрела неожиданная идея.

– Вот, миссис Мерсер! Это я сделала специально для вас, чтобы отблагодарить.

Сара стеснительно протянула Китти небольшой лоскуток материи. В одном уголке были вышиты инициалы, красиво переплетенные с бутонами роз.

– Замечательная работа, Сара. Спасибо тебе. Ты очень талантливая юная барышня.

– Сестра Агнесса никогда бы не согласилась с вами. Она мне твердила совсем другое. – Сара обиженно фыркнула, вспомнив минувшие беды. – Называла меня исчадьем ада, ни на что не годной тварью. Она и других обзывала так же.

– Уверяю тебя, Сара, ты никакая не тварь! – твердо ответила Китти.

– Вот собираюсь сходить сегодня в город, поискать работу. Вдруг повезет и я найду себе место у какой-нибудь портнихи? Заработаю

немножко денег, чтобы содержать себя и Эдди. Вы тут не знаете никого из местных портних?

– Предположим, знаю. Но, Сара, ты еще слишком мала, чтобы работать полный день.

– Я не боюсь тяжелой работы, миссис Мерсер.

– А у меня возникла другая мысль. Ты не хочешь пока пожить у меня? И помочь мне со сборами в Европу. Тут у меня столько дел накопилось. Вот и сейчас я отправлюсь в Северную Австралию. Поскольку Нора остается на хозяйстве здесь, то мне понадобится в этом путешествии помощница. Чтобы разобраться с моим гардеробом. Да и остальное, по мелочам... Но предупреждаю заранее: поездка будет непростой и долгой. Вначале мы поедем поездом, а потом еще придется ехать на повозке.

– Что вы такое говорите, миссис Мерсер! Да я за вами готова идти хоть на край земли. Неужели вы серьезно предлагаете мне работу?

– Более чем серьезно, Сара. Уверяю тебя, никаких шуток.

– Тогда я с удовольствием! Хоть сейчас готова двинуться в путь. Вот только... – Личико Сары заметно вытянулось. – А что нам делать с Эдди? Он ведь еще совсем маленький. Боюсь, ему не осилить такую трудную дорогу. Я ведь намного крепче него.

Китти ласково потрепала девочку по носу и улыбнулась.

– Оставь Эдди мне. Я все решу сама.

– Я вот все думаю, Китти. Вы с Ральфом скоро уедете на несколько недель. А что будет с Эдди? Ты уже решила? – Рут бросила влюбленный взгляд на мальчика, примостившегося рядом с ней. Ребенок сосредоточенно разбирался с какой-то игрой-головоломкой, которую она принесла ему в подарок.

– Ты, Рут, буквально читаешь мои мысли. Потому что я до сих пор еще не нашла никакого приемлемого решения, – ответила ей Китти. – Возвращать ребенка в приют мне бы категорически не хотелось и...

– Конечно нет! Какой приют?! Я только вчера вечером беседовала на эту тему с Ральфом, и мы с ним пришли к выводу, что для малыша

будет лучше, если он все это время, пока вы будете отсутствовать, проживет у нас.

– Боже, какая замечательная мысль! И как мне самой такое в голову не пришло? Но только вот... Все эти дополнительные хлопоты, которые ты взваливаешь на себя?

– Какие хлопоты? Я тебя умоляю! Никаких хлопот. Эдди такой славный мальчик. И, кажется, он даже начинает доверять мне.

Рут ласково взглянула на малыша, который тронул ее за локоть, чтобы продемонстрировать уже готовую головоломку.

– Да, ты права... Славный малыш... Что ж, если ты уверена...

– Абсолютно уверена! К тому же мне нужен в доме мужчина, который будет защищать меня в отсутствие Ральфа, пока вы с ним решаете всякие свои дела на Севере, – улыбнулась в ответ Рут.

– Ну, если Эдди рад остаться с тобой, то я тоже очень рада.

– Что скажешь, Эдди? – Рут бережно коснулась руки мальчика. – Не против переехать ко мне домой и какое-то время пожить вместе со мной?

– Да, пожалуйста! – горячо воскликнул Эдди, придвинувшись поближе к Рут, и она тотчас же притянула его к себе.

– Что ж, вижу, дело сделано и решение принято, – с трудом промолвила Китти, чувствуя, как комок застрял у нее в горле.

Ведь она впервые услышала, как маленький Эдди заговорил.

31

Пять дней спустя на рассвете Китти и Сара покинули Аделаиду в сопровождении Ральфа. Они отправились в Порт-Августа, там сели на поезд «Ган», куда услужливые портье уже доставили их багаж. На третий день дороги они вполне освоились в поезде, привыкли к ритмичному перестуку колес, пока состав следовал по бескрайним, пустынным просторам материковой Австралии. Куда ни кинь взгляд, до самого горизонта тянется безлюдная красная пустыня. Китти была счастлива, что взяла с собой Сару. И не только из чисто практических целей. Ее трогал энтузиазм девочки, с которым она воспринимала само путешествие. Все приводило ее в восторг, все удивляло и радовало своей новизной. Что позволяло и самой Китти взглянуть свежим взглядом на скучный пейзаж за окном вагона.

Они просиживали долгие часы у окна в салоне, причем Сара буквально вжималась личиком в стекло, комментируя малейшую новую деталь, промелькнувшую мимо них.

– Ой, верблюды! – радостно объявляла она своей хозяйке, указывая на караван верблюдов, неспешно вышагивавших на самом горизонте.

– Да, верблюды. Стюард сказал, что караван, скорее всего, направляется к следующей станции, чтобы там встретить наш состав, – пояснил Ральф, не отрывая глаз от своих бумаг.

И действительно, когда поезд сделал остановку в Уднадатта, Сара с неослабным вниманием наблюдала за тем, как афганские погонщики верблюдов в своих белых тюрбанах и развевающихся одеждах снимали с поезда какой-то груз, а потом рачительно перекладывали его на своих элегантных и выносливых помощников, настоящих водителей по пустынным просторам.

Сидя рядом с Сарой, Китти тоже с видимым удовольствием наблюдала за стремительно меняющимися пейзажами за окном поезда: красные горы, плато, сверкающие на солнце залежами белоснежной соли, лазурно-голубые реки. Мысленно Китти удивлялась тому, что, прожив несколько десятилетий в Австралии, она так и не познакомилась с глубинными районами континента и все эти красоты прошли мимо нее.

Наконец состав прибыл в Алиса-Спрингс. Платформа была битком забита народом. Такое впечатление, что весь город собрался приветствовать прибытие поезда. Они с трудом протиснулись сквозь шумную толпу. Ральф тут же организовал повозку и пони, на которой их доставили на главную улицу города.

Повозка остановилась возле здания, пышно именующего себя «Отель Спрингс». Пока извозчик перегружал их багаж на тележку, чтобы отвезти чемоданы в гостиницу, путешественники, переступив порог, оказались в темном и пыльном помещении, где располагалась стойка администратора.

– Это не совсем то, к чему вы привыкли, миссис Мерсер, правда ведь? – прошептала Сара Китти на ухо, пока Ральф вступил в разговор с владелицей гостиницы, некой миссис Рэндолл, седовласой женщиной, производившей впечатление дамы, постоянно принимавшей ванны из джина. Ральф вежливо поинтересовался у нее,

есть ли в наличии свободные номера. Таковые нашлись, и им тут же были вручены ключи, каждому – от своей комнаты.

– Туалет на улице, за домом, а помыться можно в бочке с водой на заднем дворе, – сообщила хозяйка.

– Спасибо. – Китти поблагодарила ее вежливым кивком. А Сара тут же скорчила недовольную рожицу, тем самым выражая свой протест против санитарно-гигиенических удобств в этом заведении.

– Ничего себе! – возмутилась она шепотом. – Даже у нас в приюте уборная была в доме.

– Как-нибудь перетерпим, – успокоила ее Китти, пока они поднимались вверх по шаткой деревянной лестнице.

Все трое устали с дороги, а потому поужинали рано. Ужин им накрыли в крохотной столовой внизу.

– Миссис Рэндолл говорит, что до ранчо Килгарра отсюда два дня пути. Мне еще надо найти человека, который отвез бы меня туда. Ты поедешь со мной? – поинтересовался у Китти Ральф.

– Нет, – решительно отказалась Китти. – Мы пробудем здесь не более десяти дней, а я хочу успеть за это время побывать на Айерс-Рок. А сейчас, Ральф, если не возражаешь, я отправлюсь к себе. Дорога страшно вымотала меня.

У себя в комнате Китти улеглась на жесткий матрас, набитый конским волосом, и уставилась в мутное стекло фрамуги, покрытое толстым слоем пыли. Такое впечатление, будто все окна в гостинице снабжены такими вот пылевыми завесами. Китти знала, что на ранчо уже давным-давно нет Драммонда. Да он бы и не рискнул появляться в здешних местах из-за опасения быть опознанным. Однако, по логике, где ему еще скрываться, как не на этих пустынных землях аутбэка? И Китти почти физически ощущала его присутствие рядом с собой.

«Ведь это же его места, его земля...»

– Успокойся, Китти, – прошипела она яростно, обращаясь к себе. – Перестань дурить! Ты ведь только что официально объявила его умершим. Да, вполне возможно, так оно и есть. И кости его давно уже истлели в этой земле...

Такое строгое увещание возымело свое действие, и, перевернувшись на другой бок, Китти уснула.

На следующее утро Ральф, заметно нервничая, уселся в повозку рядом с извозчиком-аборигеном.

– Впереди меня ждет самое настоящее приключение. Будет о чем рассказать Рут и Эдди, не правда ли? – Он натянуто улыбнулся Китти и Саре. – Что ж, с милостью Божьей надеюсь увидеться с вами в конце этой недели. А пока в путь!

Возчик легонько ударил лошадь, и та, стронувшись с места, бодро засемила вниз по пыльной улице.

– Ну, и жарыща тут, миссис Мерсер! Просто сил нет никаких! – Сара принялась обмахиваться рукой. – Я вот что подумала. Сбегаю-ка я вон в ту лавку через дорогу, в ней торгуют мануфактурными товарами. Посмотрю, может, куплю там какой-нибудь материи, из которой потом сварганю нам шляпки от солнца. С сеточками, чтобы защититься от этих противных мух. Так и норовят сесть на лицо! – Сара громко хлопнула себя по щеке, прогоняя одну из них.

– Хорошая мысль! – одобрила ее инициативу Китти. – Предлагаю сегодняшней день провести в городе. А вот завтра с самого утра отправимся к Айерс-Рок.

– Хорошо, миссис Мерсер. А я, когда вернусь, перестираю ваши мелочи во дворе, в бочке с водой.

Китти вручила девочке несколько монеток из своего кошелька и какое-то время смотрела ей вслед, пока она не смешалась с толпой прохожих и не исчезла из виду. Все тротуары были сплошь забиты народом, как белыми, так и аборигенами. Проезжая часть тоже была запружена всадниками на лошадях, повозками, впряженными в пони, допотопными, старенькими авто. Все это сразу же напомнило Брум той далекой поры, когда Китти впервые приехала туда. То же смешение наций и культур, такой же своеобразный плавильный котел, в котором выкристаллизовывается народ, решительно настроенный на то, чтобы не просто выживать, а жить в этой суровой и порой откровенно враждебной среде обитания.

После обеда Китти, уже отвыкшая от изнурительного пекла, снова ретировалась к себе в номер и улеглась на кровать, подставляя разгоряченное лицо воздушной струе от вентилятора, непрерывно

работающего под потолком. Но вот стало смеркаться, и жара пошла на спад. Китти решила, что надо хоть немножко прогуляться, иначе ночью она точно не заснет. Она спустилась вниз и увидела, что миссис Рэндолл беседует за крохотной стойкой с каким-то мужчиной. Женщина оторвала свой взгляд от собеседника и взглянула на постоялицу.

– Добрый вечер, миссис Мерсер. Маршалл сказал, что приедет завтра с самого утра, чтобы отвезти вас к Айерс-Рок. Самое лучшее время для поездки – это до восхода солнца. Он предлагает отправиться в путь в четыре утра. Вы согласны?

– Никаких претензий. Согласна. Большое спасибо.

Она уже взялась за дверную ручку, чтобы отворить дверь и выйти на улицу, но тут миссис Рэндолл добавила:

– Получается, ужинать вы будете вдвоем, так? Может, мистер Ди желает присоединиться к вам?

– Я...

Мужчина отвернулся от стойки и посмотрел на нее в упор. Ярко-голубые глаза, особенно заметные на загорелом дочерна лице, окаймленном окладистой седой бородой, расширились от удивления.

Китти судорожно ухватилась за дверь, чтобы не упасть. Она смотрела на него, не веря собственным глазам.

– Конечно, если вы предпочитаете ужинать только вдвоем, то пожалуйста! Я все устрою...

Миссис Рэндолл явно была сбита с толку поведением своих постояльцев, буквально пожиравших друг друга взглядами.

– Все на усмотрение леди, – наконец вежливо откликнулся мужчина.

Китти попыталась сказать что-то в ответ и не смогла. Ее мозг отказывался подчиняться.

– С вами все в порядке, миссис Мерсер, дорогая моя? У вас сейчас такой вид... Краше в гроб кладут.

– Да, все в порядке, – глухо отозвалась Китти, пытаясь ослабить хватку, с которой она уцепилась за дверную ручку. Но сразу поняла, что она тотчас рухнет на пол, стоит только отпустить ручку. Невероятным усилием воли Китти все же заставила себя повернуть ручку и открыть дверь. – Пойду, немного прогуляюсь.

Уже очутившись на улице, Китти, ничего не видя перед собой, свернула на тротуар и торопливо побрела прочь от гостиницы.

«Не может быть! Этого просто не может быть...»

– Китти!

Китти вздрогнула, услышав его голос у себя за спиной, и тут же ее ноги сами собой перешли на бег. Она свернула в какой-то переулок и побежала, не разбирая дороги. Куда? Да какая разница? Главное – чтобы *он не догнал* ее.

– Ради всех святых! Куда ты несешься? Да я в два прыжка тебя обгоню!

– Будь ты проклят! Будь ты проклят во веки веков! – разъяренно выкрикнула Китти, чувствуя, как задыхается от нехватки воздуха. Она замедлила шаг, перед глазами заплясали огненные искры. И в эту минуту ее схватила за руку его крепкая рука. Уже теряя сознание, Китти подалась вперед, тяжело дыша, словно старый пес-астматик. Выбора у нее не было, и она всей тяжестью тела навалилась на него.

– Присядь. Сейчас я принесу тебе немного воды. – Драммонд осторожно опустил ее на ступеньки крыльца. – Посиди здесь. Я сейчас вернусь.

– Я не хочу, чтобы ты возвращался... Уходи! Ради бога, *уйди*... – взмолилась Китти, опуская голову между колен и изо всех сил стараясь оставаться в сознании.

– Вот! Выпей!

Не раскрывая глаз, Китти тут же учуяла запах виски.

– НЕТ! – Она что есть силы отшвырнула жестяную кружку, и та, перевернувшись несколько раз, грохнулась на землю и покатилась по траве, расплескав содержимое в разные стороны. – Как ты смеешь?

– *Что я смею?*

– Предложить мне спиртное! Мне нужна вода!

– Вот тебе вода. Пожалуйста.

Китти взяла протянутую фляжку с водой и жадно припала к ней, осушив до дна. Потом сделала несколько глубоких вдохов, обмахиваясь шляпкой. Мало-помалу к ней вернулось чувство реальности.

– Что ты здесь делаешь? – выдохнула Китти.

– Да я здесь бываю регулярно почти сорок последних лет. Пожалуй, это у меня есть резон спросить, что здесь делаешь *ты*...

– Не твоего ума дело!

– Ты, как всегда, права. Но хочу предупредить тебя, что мы сейчас находимся на главной улице Алиса-Спрингс и очень скоро наша с тобой «сцена у фонтана» станет не только делом всех окружающих, но и предметом всеобщего обсуждения. Не могли бы мы продолжить наш с тобой разговор в более безлюдном месте? Как смотришь?

– Проводи меня в отель, – ответила она, позволяя Драммонду поднять себя со ступенек крыльца, и тут же поймала на себе несколько любопытных взглядов. – Помоги добраться и уходи.

– Тише-тише! Обойдемся без резких слов, ладно? В конце концов, это ты вторглась на *мою* территорию. *Тебе* и уходить.

– Ну, это мы еще посмотрим, кому здесь уходить, а кому оставаться, – огрызнулась в ответ Китти.

Остальную часть пути до гостиницы они проделали молча. На ступеньках крыльца Драммонд замедлил шаг и повернулся к Китти.

– Предлагаю соблюсти приличия и отужинать сегодня вместе. К несчастью, мы поселились под крышей дома, в котором обитает главная городская сплетница. От ее зоркого глаза не укроется ни одна мелочь. – Он кивнул в сторону миссис Рэндолл, которая продолжала торчать за стойкой, а сейчас буквально пожирала их глазами, пытаясь разглядеть лица постояльцев сквозь толстый слой пыли, которым были покрыты стекла в парадной двери. – Поговорим позднее, когда эта мадам отправится спать, что обычно бывает в половине десятого вечера, после принятия на грудь нескольких бутылок грога.

– Хорошо, – согласилась Китти, и Драммонд открыл входную дверь.

– Все в порядке, милая? – поинтересовалась миссис Рэндолл у Китти, едва они переступили порог.

– Да, все хорошо. Спасибо. Должно быть, это здешняя жара так на меня подействовала.

– Наверняка. Уж как она тут всех нас достает. Правда, мистер Ди? – Миссис Рэндолл выразительно подмигнула Драммонду.

– Что правда, то правда, миссис Рэндолл.

– Так мы ужинаем все вместе? – задала она свой следующий вопрос.

– Конечно, – ответил Драммонд. – Мы с миссис Мерсер когда-то встречались, много лет тому назад. Ее муж был... моим близким

другом. Приятно будет вспомнить былое, не правда ли, миссис Мерсер?

Китти поняла, что, несмотря ни на что, Драммонд находит сложившуюся ситуацию даже забавной. О, с какой радостью она впиалась бы сейчас руками в его шею и задушила бы прямо на месте. Но пришлось ограничиться лишь коротким «да», после чего удалиться к себе, стараясь при этом оставаться максимально спокойной и невозмутимой.

– Боже правый! – выкрикнула Китти с яростью, громко хлопнув за собой дверью, а потом тотчас же закрыв ее на ключ, причем на несколько оборотов. Затем она улеглась в постель, стараясь унять расхолодившееся сердце.

«Ведь ты же любила его когда-то...»

Через пару минут Китти вскочила с кровати и стала метаться по комнате, словно попавший в западню зверь. Затем принялась внимательно изучать свое лицо в небольшом зеркале, испещренном черными разводами и линиями, сильно искажавшими отражение.

Китти издала короткий смешок, подумав о том, какова ирония судьбы, затолкавшая ее в такую глухомань, где нет даже элементарных условий для того, чтобы привести себя в порядок. Хотя бы умыться как следует и не пахнуть дурно или навести кое-какую красоту, специально для него. Но, само собой, ей этого и не хочется. Да и вообще, какое это все имеет значение сейчас? Но все же, все же... Мысленно ругая себя за собственную непоследовательность и тщеславие, Китти, тем не менее, призвала к себе Сару из соседней комнаты и попросила приготовить к ужину ее любимую муслиновую блузку цвета ярких васильков и как-то привести в порядок копну непослушных каштановых кудрей, уже с заметными следами проседи. Не мытые пару дней волосы стали поистине неуправляемы, словно непослушный ребенок, рассыпались по всему лицу, лезли в глаза.

– А как по мне, так такая прическа очень вам идет, миссис Мерсер, – удовлетворенно заключила Сара, собрав все кудри хозяйки воедино и закрепив их на затылке с помощью нескольких гребней. – Вы выглядите лет на десять моложе.

– Мы сегодня ужинаем со старинным другом моего покойного мужа, – объявила Китти, слегка тронув губы губной помадой, чтобы сделать их ярче и пышнее. Но помада тотчас же растеклась мелкими

ручейками по крохотным морщинкам вокруг рта, и Китти принялась яростно оттирать ее.

– Миссис Рэндолл уже сообщила мне, что сегодня с нами будет ужинать какой-то джентльмен. Но она не сказала, что он ваш давний друг. А как его зовут?

Китти нервно сглотнула слюну.

– Здесь его все величают просто «мистер Ди».

Драммонд уже поджидал их внизу в столовой. Посвежевшее, свежеевыбритое лицо свидетельствовало о том, что он тоже предпринял кое-какие усилия, чтобы привести себя в относительный порядок и предстать перед дамами в достойном виде.

– Миссис Мерсер, – подхватился он с места при появлении Китти и галантно склонился, чтобы поцеловать ей руку. – Какая неожиданность эта наша встреча.

– В самом деле неожиданность.

– А кто эта юная особа? – Он повернулся к Саре.

– Это Сара. Мы познакомились с ней на пароходе пару месяцев тому назад, когда я возвращалась из Европы в Австралию. Она моя горничная.

– Добрый вечер, сэр. – Сара поспешно сделала совсем даже необязательный книксен.

– Добрый вечер, милая. Добрый вечер. Предлагаю всем нам сесть за стол.

Пока они рассаживались по своим местам, Драммонд умудрился наклониться к Китти и прошептать ей на ухо:

– У тебя просто талант отыскивать везде и всюду бездомных и беспризорных.

На ужин им подали довольно вкусное рагу. Мистер Ди тут же с готовностью сообщил им, что это мясо кенгуру. Откинувшись на спинку стула, Китти молча наблюдала за тем, как Драммонд в два счета очаровал Сару. Китти была только рада присутствию девочки за столом. Во всяком случае, это хоть как-то отвлекало внимание от ее собственной персоны. Каждый кусок она проглатывала с огромным трудом. Желудок категорически отказывался принимать пищу, и Китти все время со страхом ждала худшего. Вдруг ее вообще сейчас начнет тошнить?

– Так куда вы держите путь, милая? – спросил Драммонд у Сары.

– Завтра мы едем смотреть какую-то огромную скалу в самом центре пустыни, – доверительно сообщила ему та, отхлебнув из своей кружки еще немного эля, который настоятельно порекомендовал ей попробовать мистер Ди. – Миссис Мерсер очень хочет взглянуть на нее своими глазами. Непонятно только, почему и зачем. Тащиться в такую несусветную даль только для того, чтобы увидеть там какой-то камень. Ну, вы понимаете, что я имею в виду...

– Понимаю. Но, поверьте мне, юная душа, когда вы окажетесь на месте и увидите все собственными глазами, вы поймете, почему это стоит увидеть. Айерс-Рок – очень необычное место.

– Да, завтра мы отправляемся туда ровно в четыре утра. А потому я иду укладываться спать. А вы, миссис Мерсер?

– А она поднимется к себе сразу же после чашечки кофе. Я прав, миссис Мерсер? – Драммонд бросил внимательный взгляд на Китти.

– Тогда я пошла. – Сара сладко зевнула во весь рот и поднялась из-за стола. – Встречаемся завтра на рассвете.

Китти заметила, какой неуверенной походкой ее юная служанка вышла из столовой.

– Что за дурацкая привычка у тебя – спаивать молоденьких девушек? – рассерженно прошептала Китти, обращаясь к Драммонду. – Ведь Саре нет еще и шестнадцати.

Драммонд поднял свою кружку с элем.

– Твое здоровье, Китти. Готов поклясться, что ты ни на йоту не изменилась с тех самых пор, как я увидел тебя впервые. Вот только интересно, почему ты все время злишься, когда мы с тобой встречаемся?

Китти яростно потрянула головой. В эту минуту она ненавидела себя за собственную слабость. Как ему удастся, и это после стольких лет, что они не виделись, в мгновение ока превратить ее в бесхребетную массу и вогнать в состояние бешенства? Китти снова почувствовала непреодолимое желание ударить его по лицу что есть силы.

– Как ты смеешь разговаривать со мной в подобном тоне!

– В каком это таком тоне? Хочешь, чтобы я пресмыкался перед тобой и лебезил, как остальные твои лакеи? Падал к ногам знаменитой Китти Мерсер, да? Той женщины, которая пережила чудовищную семейную трагедию, но нашла в себе силы, вопреки всем

обстоятельствам, стать самой могущественной предпринимательницей в Бруме, занимавшейся добычей жемчуга? Той женщины, которую все уважают и почитают, но чей успех оплачен дорогой ценой. Слишком дорогой! Ведь он лишил ее любви. В ее жизни нет любви. Никакой любви...

– Хватит! С меня достаточно! – Китти инстинктивно подхватила со своего стула, не желая давать миссис Рэндолл почву для очередных сплетен и чувствуя, что еще немного, и она взорвется. – Доброй ночи! – Китти решительным шагом направилась к дверям.

– Восхищен твоей выдержкой. Я-то ожидал, что ты вот-вот взорвешься.

Китти сделала глубокий вдох. Она слишком устала за сегодняшний день, неожиданная встреча с Драммондом выбила ее из колеи, а потому у нее не было сил продолжать и далее пикироваться с ним.

– Доброй ночи, Драммонд, – снова повторила Китти, направляясь к лестнице.

Она поднялась к себе в номер и плотно прикрыла за собой дверь. Потом сорвала с себя нарядную васильковую блузку, презирая себя уже хотя бы за то, что так по-дурацки вырядилась на этот дурацкий ужин. Зачем, спрашивается? Потом в самом мрачном расположении духа вскарабкалась на кровать и впервые за долгое, очень долгое время не выдержала и расплакалась.

Постепенно Китти успокоилась и даже вознамерилась немного вздремнуть, но в эту минуту в ее дверь осторожно постучали. Китти тотчас же отогнала от себя сон и уселась на постели.

– Кто там?

– Это я, – услышала она негромкий голос за дверью.

Китти мигом скатилась с кровати и ринулась к дверям, чтобы проверить, заперла ли она их на ключ после ужина. Но не успела. На пороге уже появился Драммонд. Вид у него был не менее убитый, чем у нее самой.

– Прости меня, Китти. – Драммонд закрыл за собой дверь и тут же запер ее на ключ. – Вот пришел, чтобы попросить у тебя прощения. Я ни с кем не веду себя так по-свински, как повел себя сегодня с тобой. Но просто твое появление стало таким потрясением для меня. Я не

знал... Точнее, *я не знаю*, – тут же поправил он сам себя, – как мне справиться с этим потрясением.

– Я могу сказать о себе то же самое. И потом, ты прав. Это действительно твоя территория, на которую я вторглась без спроса. И я должна ее покинуть. Что ж, завтра я отправляюсь к Айерс-Рок, а по возвращении постараюсь как можно скорее отбыть обратно в Аделаиду.

– По-моему, особой нужды в такой спешке нет.

– Боюсь, что есть. Еще, не дай бог, кто-нибудь узнает меня... или тем более нас с тобой. А ведь я буквально накануне отъезда сюда получила на руки свидетельство о смерти Эндрю.

– Словом, ты все же меня убила в конце концов. Вот так новость! – Драммонд поднял глаза и взглянул на Китти. На его лице появилась слабая улыбка. – Не переживай, Китти! Здесь меня все знают просто как мистера Ди. Возчик, который не задерживается на одном месте более чем на нескольких недель. Подозреваю, что за моей спиной поговаривают, будто я из бывших арестантов. Отбывал срок в городской тюрьме Фримантла.

– Судя по твоему внешнему виду, тебя вполне можно принять за бывшего заключенного. – Китти оглядела густую шевелюру его темных кудрей, местами тронутых сединой, загорелое лицо, скорее задубевшее от солнца, чем покрытое возрастными морщинами. И такая же широкая грудь, и по-прежнему сильные мускулистые руки.

– Давай больше не будем оскорблять друг друга, ладно? – Легкая улыбка тронула губы Драммонда. – Предлагаю заключить перемирие. И начну с того, что совершенно искренне скажу, ты совершенно не постарела. Ни на один день. И такая же красивая, как и раньше.

Китти непроизвольно коснулась своих седеющих волос.

– Знаю, ты просто стараешься быть любезным. Но твои слова меня тронули. Спасибо.

В комнате повисло долгое молчание. Перед глазами обоих проносились картинки их прошлой жизни. Безвозвратно ушедшей жизни.

– Ну вот мы и встретились, – обронил наконец Драммонд.

– Да, встретились, – эхом отозвалась Китти.

– А потому воспользуюсь случаем. Ведь второго может и не представиться. И скажу тебе, что за минувшие сорок лет не было ни

одного дня, когда бы я не думал о тебе.

– Наверное, злился на меня, да? – натянуто улыбнулась в ответ Китти.

– Порой злился, – издал он короткий смешок. – Но главным образом на самого себя и на свое собственное безрассудство. Благодаря которому вся моя дальнейшая жизнь покатила под откос, превратившись, по сути, в один большой обман.

– Что не помешало тебе хорошо приспособиться к новым обстоятельствам. Должна заметить, глядя на тебя, никогда не скажешь, что тебе уже за шестьдесят.

– Зато мое тело хорошо это чувствует. – Драммонд вздохнул. – Годы дают о себе знать, и с каждым днем все сильнее. После того как поспишь ночь на земле, спина ноет, словно ее черти грызут, коленки трещат и подгибаются всякий раз, когда я пытаюсь взгромоздиться на свою клячу. Нет, Китти! Здешняя жизнь рассчитана на молодых. А я уже далеко не молод.

– И что ты собираешься делать дальше?

– Понятия не имею. Что делают вышедшие в расход погонщики, если доживают до преклонных лет? Начинаю задумываться и понимаю, что таких людей попросту нет. Никто не доживает до старости. Максимум до пятидесяти. А там как получится. Укус ядовитой змеи, дизентерия или меткий удар копьем какого-нибудь аборигена. Вот и весь разговор. Меня пока, как говорится, Бог миловал. Но это пока... Может, потому, что после того как мы с тобой расстались, мне стало безразлично, буду я жить или сдохну. А может, потому, что этот старик на небесах решил таким образом проучить меня. Дескать, живи и мучайся за свои грехи. Но, как бы то ни было, оно вот так. – Драммонд хлопнул себя по бедру. – А у тебя какие планы на жизнь?

– По возвращении в Аделаиду я собираюсь покинуть Австралию навсегда.

– И куда конкретно поедешь?

– Домой. Во всяком случае, в Европу. Купила себе квартиру в Италии. Я точно так же, как и ты, считаю, что Австралия – это континент для молодых.

– Ах, Китти, как же мы быстро с тобой состарились! – Драммонд сокрушенно покачал головой. – Я ведь помню тебя еще

восемнадцатилетней. Помню, как ты горланила во весь голос свои шотландские песенки в баре «Эдинбургский замок», когда перебрала виски. Словно вчера все это было...

– А кто меня тогда споил, а? – бросила она на него сердитый взгляд.

– Я. Кто же еще? А как там Чарли? Я знаю одного человека из миссии Хермансберг. Он мне рассказывал, что когда-то учился вместе с Чарли в школе. Надеется, что когда-нибудь Чарли соберется к нему в гости.

– Ты, наверное, имеешь в виду Теда Стрехлоу.

– Да, именно его. Изредка мы с ним пересекаемся в наших странствиях по пустыне. Парень помешан на своих археологических изысканиях. К тому же он увлекается антропологией, изучает культуру аборигенов.

– Да, я когда-то встречалась с ним в Аделаиде. К сожалению, теперь уже не видимся. Потому что и Чарли нет в живых. Он погиб семь лет тому назад во время налета японской авиации на Робак-Бей.

– Китти, а я ведь ничего не знал! – Драммонд подошел к кровати и уселся на постель рядом с ней. – Боже правый! Я не знал! Прости мне мое бессердечие. Бесчувственный чурбан я...

– Теперь ты понимаешь, – Китти изо всех сил старалась сдержаться и не расплакаться, – что меня ничего не держит в Австралии. А потому я возвращаюсь домой. – Она немного помолчала, а потом добавила: – Какая все же несправедливость, да?

– Что именно?

– Вот мы с тобой все еще живем, топчем эту землю. А моего мальчика, да и множества других людей, которых мы любили, с нами больше нет.

– Ты права. – Драммонд осторожно положил ладонь на ее руку.

Китти мгновенно почувствовала тепло его руки. И вдруг до нее дошло, что впервые почти за сорок лет мужская рука снова касается ее руки. А она ведь почти забыла, что такое мужская ласка. И в ту же минуту ее рука крепко обвила его руку.

– Ты больше не вышла замуж?

– Нет.

– Наверняка ведь были соискатели? Много соискателей?

– Кое-кто был. Но ты ведь понимаешь, охотники за чужим богатством. А ты?

– Я? Да ты с ума сошла! Кто за меня пошел бы?

Повисла очередная долгая пауза. Так они сидели, не разнимая рук, наслаждаясь этими мгновениями близости и одновременно прикидывая, сколько еще секретов накопилось у каждого из них.

– Мне действительно пора сейчас на покой. Иначе утром я буду не годна ни на что. А ведь впереди долгая дорога, – промолвила наконец Китти, не сделав, однако, ни малейшей попытки высвободить свою руку из его рук. – Ты помнишь Алкину? – неожиданно спросила она.

– Помню.

– Она исчезла в ночь накануне совершеннолетия Чарли. А через какое-то время, пока я была в Европе, исчезла и Камира.

– Правда?

– Да. А потом ушел и Фред. Отправился странствовать по пустыне и не вернулся. И с тех самых пор я ничего о них не слышала. Наверное, я совершила в своей жизни что-то ужасное, коль скоро все, кого я люблю, покидают меня.

– Я тебя не покинул. Ты сама *прогнала меня*. Помнишь?

– Ты же знаешь, Драммонд. У меня не было иного выбора. Я...

– Знаю-знаю. До самого смертного часа я буду горько сожалеть о том, что тогда натворил. И можешь не сомневаться ни минуты, все минувшие годы я жутко раскаивался в своем безрассудстве.

– Мы оба тогда были виноваты, Драммонд. Не забывай об этом.

– И все равно это было здорово – чувствовать себя полнокровным, живым человеком. Правда ведь?

– О да! Правда.

– Послушай, должен задать тебе один вопрос. – Драммонд взъерошил свои волосы. Он заметно нервничал. – Я слышал... До меня дошли слухи, что ты была беременна, когда я покинул Брум.

– Я... А откуда ты узнал?

– Ну, ты же знаешь, Китти, как распространяются слухи по просторам аутбэка. Тот сказал, этот передал... Ребенок был мой?

– Да. – Китти почувствовала страшное облегчение, когда это коротенькое «да» слетело с ее уст. Свершилось! Наконец-то она нашла в себе силы озвучить самый главный секрет, который хранила в себе все эти годы.

– Точно мой?

– Без сомнения. Я... У меня были месячные уже после того, как Эндрю уехал. – Слабая краска проступила на щеках Китти. – Еще до того, как я... Как мы с тобой...

– Понятно. – Драммонд нервно сглотнул слюну. – И что случилось с нашим ребенком?

– Я его потеряла. Носила семь месяцев, все это время чувствовала его в себе... А потом случились преждевременные роды, и малыш родился мертвым.

– Это был мальчик?

– Да. Я назвала его Стефаном, в честь твоего отца. В тот момент я посчитала, что так будет лучше для всех. Его похоронили на кладбище в Бруме.

И тут Китти не выдержала и разрыдалась. Слезы градом покатались по ее лицу, тело сотрясалось от спазмов, выплескивая наружу все то, что она так долго хранила в себе. Да и кому еще могла она излить свою душу, как не этому человеку, единственному на свете, кто все поймет?

– Наш с тобой сын, мой Чарли – оба превратились в прах и тлен. Какое горе! Как можно пережить эти утраты и жить дальше? Порой меня охватывало такое отчаяние, что я невольно задавалась вопросом: зачем мне жить? Какой в этом смысл? – Китти промокнула глаза краем простыни. – Наверное, я была слишком снисходительна к самой себе. А по сути, у меня нет никакого морального права продолжать жить, когда оба моих сына умерли.

– Что ты говоришь, Китти! – Драммонд обнял ее за плечи, которые все еще продолжали дрожать, и привлек к себе. – Боже мой, боже... Какой же разрушительной может быть любовь. И как она порой опустошает наши души, души слабых и сирых людей.

– Это когда любви мало, – пробормотала в ответ Китти, прижимаясь головой к его груди. – У нас было мало любви, и она в итоге уничтожила нас обоих.

– Однако ничто в этой жизни не случается просто так, Китти. На самом деле все совсем не так уж прямолинейно, как кажется на первый взгляд. Вот, скажем, если бы Эндрю не попросил меня отправиться за этой жемчужиной Розит, то тогда именно он вернулся бы к тебе живым и невредимым, а я бы лежал на дне морском. Да, мы должны нести

ответственность за свои поступки и действия, это правда. Но отвечать за поступки других мы не можем. Что-то в этой цепи событий есть непреодолимое и неизбежное. Одно слово, судьба. И мы не в силах изменить ее, как не в силах и разорвать эту цепь событий.

– Уж очень все это звучит глубокомысленно, – слабо улыбнулась в ответ Китти.

– Может быть. Но я верю в то, что это именно так. Именно это и удержало меня в свое время от того, чтобы не вскарабкаться на вершину Айерс-Рок и не сигануть оттуда вниз.

– А куда еще нам податься? Ни у тебя, ни у меня нет семьи. Некому передать накопленный с годами житейский опыт, – вздохнула в ответ Китти. – Семейство Мерсер скоро прекратит свое существование, как таковое.

Последовала еще одна долгая пауза. Наконец Драммонд заговорил:

– Китти, я прошу тебя... Умоляю... Поверь мне в последний раз. Прежде чем ты уедешь отсюда, мне нужно показать тебе одно место. Ты должна отправиться со мной туда уже завтра... Не откладывая на потом.

– Нет, Драммонд, и еще раз нет. Я прожила в Австралии сорок лет своей жизни, а так ни разу и не удосужилась выбраться сюда и своими глазами взглянуть на Айерс-Рок. Но в ближайшие несколько часов я постараюсь восполнить этот пробел. И ничто не собьет меня с пути.

– Хорошо! Что, если я поклянусь тебе, что отвезу тебя на Айерс-Рок, но только послезавтра? А это, между прочим, означает, что сегодня ты еще успеешь вздремнуть до восьми утра. Между прочим, уже второй час ночи... Умоляю тебя, Китти. Ты должна поехать туда.

– Пожалуйста, поклянись мне, Драммонд, что ты снова не разыгрываешь меня, по своему обыкновению. Что это не какая-то сумасбродная идея, которая только что пришла тебе в голову.

– Клянусь. А еще говорю тебе, что мы должны поторопиться. Пока не будет слишком поздно.

Китти внимательно обзрела его посерьезневшее лицо.

– И куда ты меня тащишь, позволь спросить?

– В Хермансберг. Там есть человек, которого ты обязательно должна увидеть.

– Миссис Мерсер, уже девятый час! Разве нам не нужно было вставать сегодня ровно в четыре? Вы же сами сказали, что придете и разбудите меня.

Китти пошевелилась, открыла глаза и увидела перед собой возбужденное лицо Сары.

– Наши планы немного поменялись, – проговорила Китти еще хрипловатым ото сна голосом, но уже окончательно придя в себя. – Сегодня мистер Ди повезет нас в Хермансберг.

– Это хорошо? – Сара уставилась на нее вопросительным взглядом.

– Да, это неплохо.

– А что это за место такое – Хермансберг? – Сара принялась поднимать с пола одежду, которую Китти, раздеваясь вчера вечером, побросала прямо на пол.

– Это христианская миссия. Мистер Ди сказал, что сегодня будет слишком жарко, а ехать до Айерс-Рок далеко. Хермансберг находится гораздо ближе.

– Не люблю я всех этих святош! – с чувством проговорила Сара. – В приюте они нам постоянно рассказывали всякие истории про Младенца Иисуса, дескать, Он тоже жил в приюте, говорили, что мы должны молиться Ему за свое спасение. А я так думаю, недолго бы Он протянул в том приюте, хоть и был Сыном самого Бога. Как думаете, миссис Мерсер? – Сара, подбоченясь, замерла в ногах Китти. – Так когда мы отправляемся?

– В девять часов.

– Тогда сбегая и принесу вам таз с водой, чтобы вы смогли хорошенько умыться на дорогу. Бог знает, когда придется умываться тут в следующий раз... А мне ваш знакомый понравился. Хорошо, что рядом с нами будет человек, который сможет, в случае чего, защитить нас. Так?

– Так, – согласилась с ней Китти, с трудом подавив улыбку.

– Как думаете, он позволит мне немного самой порулить повозкой? Я всегда любила лошадей. Помню, еще когда я жила у тети, меня катал на лошади один ее знакомый.

– Думаю, мистер Ди позволит тебе управлять лошастью, – ответила Китти и откинулась на подушку, когда за девочкой закрылась дверь.

– Что я делаю? Во что ввязалась? – простонала Китти, окончательно вспомнив все события предшествующей ночи.

«Ты живешь, Китти. Впервые за много-много лет ты живешь полноценной жизнью...»

Спустившись вниз, она заставила себя выпить на завтрак чашку кофе и съесть кусок хлеба, рассеянно вслушиваясь в щебетание Сары, сидевшей напротив нее.

– Мистер Ди сказал, что подождет нас на улице, пока мы позавтракаем. А еще он велел нам взять по комплекту сменной одежды. Говорит, там пылица жуткая. Сказал, что он всем запасся в дорогу. Я рада, миссис Мерсер, что мы поедем с ним. Судя по всему, этот человек хорошо знает все вокруг. Как по мне, так здесь самый настоящий Дикий Запад. Как в кино, честное слово. Я видела в одном таком фильме, как лошади скакали по пустыне. Но никогда не думала, что увижу все это наяву.

Драммонд поджидал их на улице, стоя возле своей повозки, впряженной в пони. Женщины уселись на скамью. Китти тут же усадила Сару между собой и Драммондом, сославшись на то, что девочка хочет попробовать управлять пони. И может, на каком-то этапе их пути ей это будет позволено.

– Хорошо. Тогда трогаемся. – Драммонд легонько ударил пони хлыстом по спине, и лошадка затрусила по главной улице города.

Китти была рада, что Драммонд тут же начал рассказывать Саре о своих странствиях по аутбэку. Пусть себе пускает девчонке пыль в глаза, думала Китти, сосредоточившись на созерцании окружающих пейзажей. Они уже миновали городскую черту, и все вокруг слепило глаза ярко-красным цветом. Разве что у самой кромки горизонта виднелась подернутая дымкой горная гряда, отливающая фиолетовыми красками. Сара сыпала вопросами, и Драммонд терпеливо объяснял ей, где какие кустарники, деревья, какие животные обитают в здешних местах. Девочка впитывала в себя информацию с жадностью колючей травы, застилавшей вокруг землю и изголодавшейся по влаге.

– А вон там вот – эвкалипт. – Драммонд указал на дерево с белоснежной корой, виднеющееся вдаль. – Местные аборигены

почитают его священным деревом. А его кора хорошо помогает при простуде...

Солнце поднималось все выше, и жара становилась все сильнее. Китти рада была, что надела в дорогу шляпку от солнца с защитной сеткой от moskitov. Ритмичная поступь лошадки клонила в сон, и в конце концов Китти задремала.

– А сейчас – влево!

Она проснулась от громкого голоса Драммонда.

– Нет, Сара! Влево!

Лошадка, слегка пошатываясь, свернула влево. Китти приподнялась на сиденье и увидела, что Сара направила пони на подъездную дорогу, которая вела к целому комплексу построек, выкрашенных в белый цвет.

– Добро пожаловать в Хермансберг, соня, – улыбнулся Драммонд и подал руку, чтобы помочь Китти слезть с повозки. – Из твоей Сары со временем получится отличная наездница. А ты даже не пошевелилась, когда я вручил ей все бразды правления.

– Ах, миссис Мерсер! Как же это было здорово! Вот бы мне еще покататься на этом пони верхом! – Сара бросила жалостливый взгляд на Драммонда.

– О, здесь полно верховых лошадей. Уверен, что тебе обязательно дадут покататься на одной из них. А сейчас пойдем, поищем пастора.

Драммонд повел их вперед. Они миновали ряд домиков и вышли на центральную площадь, где всю кипела жизнь. Большинство обитателей были туземцами. Множество девочек самых разных возрастов, все в белом. Китти еще подумала, что это довольно непрактично. Ведь вокруг такая пылица. Она глянула на собственное платье, уже успевшее покрыться толстым слоем красной пыли. Возле огромного сарая с открытым навесом толпились мужчины. Они развешивали для просушки на солнце огромные полотнища бежевых коровьих шкур.

– У них тут сыромятня, – пояснил Драммонд. – Миссия продает потом выделанные кожи. А вот школа. Дальше – кухня и столовая. А вон там – часовня...

– Да здесь самая настоящая деревня! – воскликнула Китти, оглядывая скопление зданий, на которые ей показал Драммонд. Из

часовни донесся стройный хор детских голосов, поющих какой-то церковный гимн.

– Пожалуй, – согласился с ней Драммонд. – Такая своеобразная модель жизни для местных туземцев из племени аррернте.

– А эти дети... – Китти жестом показала на группу маленьких ребятишек, которых вывели на улицу из класса. – Их сюда привезли вопреки воле их матерей, да? Потому что они полукровки?

– Нет. Законы протектората здесь не приветствуются. Все эти люди приходят сюда добровольно. Хотят узнать о жизни Иисуса Христа. Но, пожалуй, они хотят получить не столько пищу для своих душ, сколько хорошую еду для своих желудков. – Драммонд издал короткий смешок. – Многие аборигены живут при миссии годами. Пастор позволяет им соблюдать собственные обычаи наряду с христианскими обрядами.

Издали послышался веселый детский смех. Китти невольно почувствовала, как ее охватило радостное волнение.

– Какое красивое зрелище! Пожалуй, ничего прекраснее я не видела. Две культуры взаимодействуют друг с другом в такой дивной гармонии и согласии. Возможно, именно здесь и закладывается будущее для всей остальной Австралии на многие десятилетия вперед.

– Пожалуй. А вон взгляни туда. – Драммонд указал на высокого статного мужчину, втаскивающего стол в один из домов. – Это же самый известный воспитанник миссии Хермансберг, Альберт Наматжира. Нам повезло, его редко можно застать на территории миссии. Обычно он уходит на пленэры, днями странствует по окрестным местам.

– Это сам Наматжира? – Китти слегка прищурилась на солнце, чтобы лучше разглядеть самого известного австралийского художника-аборигена, мгновенно преисполнившись почтением к этому человеку. Надо же! Сам Наматжира стоит всего лишь в нескольких шагах от нее.

– Да, он самый! Интересный малый! Будешь паинькой, так я чуть позднее познакомлю тебя с ним. А сейчас пойдем, поищем пастора.

Они миновали открытую площадку и подошли к невысокому бунгалу, примостившемуся несколько поодаль от остальных построек. Драммонд осторожно постучал в дверь. Широкоплечий седовласый мужчина небольшого роста распахнул дверь и приветливо улыбнулся. Несмотря на жару, он был облачен в черную рясу с белым пасторским

воротником. На большом носу висели круглые очки без оправы, напоминающие по форме пенсне.

– Мистер Ди! Какая приятная неожиданность! – просиял пастор при виде Драммонда и дружелюбно похлопал его по спине. Он говорил на английском с сильным немецким акцентом.

– Пастор Альбрехт, позвольте вам представить миссис Китти Мерсер из Аделаиды, а ранее она жила в Бруме, – промолвил в ответ Драммонд. – Ей очень хотелось лично побывать в вашей миссии. В свое время ее сын, который учился в школе и в университете вместе с Тедом, много рассказывал ей про Хермансберг.

– Вот как? – Пастор Альбрехт внимательным взглядом обозрел Китти, словно прикидывая, какое место ей стоит отвести в царствии небесном, когда она туда попадет. – К великому сожалению, Теда сейчас здесь нет. Он в настоящее время проживает в Канберре, работает над одним проектом для тамошнего университета. Но я рад приветствовать вас, миссис Мерсер, у себя в Хермансберге. А кто эта юная леди?

– Это Сара, подруга миссис Мерсер, – ответил за девочку Драммонд.

– Добрый день, ваше преподобие, – засмушалась Сара при виде церковного облачения пастора и тут же присела в книксене.

– Пить не желаете? Моя жена только что приготовила целый кувшин наливки из фузануса. – Слегка припадая на одну ногу, пастор Альбрехт провел их в небольшую гостиную, уставленную мебелью в эдвардианском стиле, которая в этом скромном доме смотрелась не совсем уместно. Гостям тут же вручили по бокалу сладкой ярко-розовой наливки, и они расселись вокруг стола.

– Ну, как у вас тут дела? Давненько я к вам не заглядывал, – начал разговор Драммонд.

– Да все как обычно. Повседневные хлопоты и суета. Слава богу, вторая волна засухи нас миновала. Тут у Альберта случились кое-какие проблемы, но вы, должно быть, уже в курсе. Да, вот еще что! Несколько недель тому назад к нам нагрянули грабители и похитили все, что хранилось в нашем сейфе. Боюсь, что ту железную коробочку, которую вы когда-то вручили мне на хранение, когда принесли к нам Френсиса, они тоже унесли с собой. Надеюсь, в ней не было ничего

особо ценного. Френсис сказал мне, что его бабушка даже почему-то обрадовалась, когда узнала об этой пропаже.

Китти заметила, как Драммонд слегка побледнел, услышав рассказ пастора, но ответил самым беззаботным тоном:

– Вы правы, пастор. В ней действительно не было ничего ценного.

– И представьте себе, возмездие не заставило себя долго ждать! Оказывается, тут орудовала пара злоумышленников, промышленяющих кражей скота на окрестных ранчо. Так вот, обоих нашли застреленными возле Хаастс-Блафф. А те, кто всадил в них пули, подались в бега вместе со всем награбленным. Получается, я перед вами виноват, мистер Ди.

– Словом, проклятие продолжает работать... – вполголоса пробормотал Драммонд, обращаясь скорее к самому себе.

В дверь постучали, а следом просунулась головка молоденькой девушки. Она обратилась к пастору на немецком.

– Ага! Наш хор уже готов к выступлению! – воскликнул пастор. – Что ж, мы сейчас присоединимся к остальным слушателям. Спасибо, Мэри. И пожалуйста, отыщи мне Френсиса. Он где-то тут был, помогал Альберту.

– Конечно! – широко улыбнулся Драммонд. – А где еще можно искать Френсиса?

Все четверо пересекли дворовую площадку в обратном направлении. Драммонд слегка придержал пастора, и они о чем-то негромко, но оживленно побеседовали между собой, вышагивая вслед за Китти и Сарой. Когда они подошли к часовне, Китти заметила, какое серьезное выражение лица у Драммонда.

– Сюда, пожалуйста! – Пастор жестом указал на простые деревянные скамьи, стоявшие в дальнем углу церкви. Все четверо сели. Внутри церковь была очень скромной. Единственное убранство – это большое живописное полотно, изображающее Иисуса Христа на Голгофе. Прямо перед этим полотном выстроился детский хор: порядка тридцати мальчиков и девочек в безукоризненно чистых одеждах. На лицах детей застыло радостное ожидание. Ведь все ждали пастора для того, чтобы начать петь.

Китти непроизвольно закрыла глаза, услышав первые звуки божественно красивого гимна «Пребуди со Мною». Детишки-аборигены исполняли его на немецком языке. Дети закончили петь, и

все четверо слушателей разразились бурными аплодисментами, не скрывая своего восторга.

– Сама я не большая мастерица петь все эти церковные гимны, – сказала Сара. – Но дети пели просто чудесно, правда, миссис Мерсер? Хоть я не поняла ни слова из того, о чем они пели.

– *Danke schön*, Мэри, *Kinder*.

Пастор поднялся со скамьи, и все трое приезжих тут же последовали его примеру. Краем глаза Китти заметила, как какой-то седовласый мужчина вкатил в часовню инвалидное кресло, на котором сидела старая женщина. Мужчина примостил кресло в самом дальнем конце храма. Их сопровождал необыкновенно красивый молодой человек. Густые каштановые кудри, кожа цвета ириски и огромные выразительные глаза. Когда Китти подошла чуть ближе, она увидела, что глаза у юноши поразительно голубого цвета, необычные по форме и с янтарными крапинками на радужной оболочке. Впрочем, взгляд молодого человека был обращен отнюдь не на Китти. Он был всецело поглощен созерцанием Сары. Та, в свою очередь, тоже уставилась на парня во все глаза.

– Какой красивый юноша, – негромко обронила Китти, пока они замерли на месте, пропуская детишек из хора.

– О да! – согласился с ней Драммонд. – К тому же он очень талантливый художник. Френсис с раннего детства везде и всюду неотступно следовал за Наматжирой... Словно маленький преданный щенок.

Китти отвела свой взгляд от Френсиса и глянула на старуху в инвалидном кресле. Женщина тоже взглянула на нее, и Китти тут же ухватилась за край скамьи, чтобы не упасть. Несмотря на свою страшную худобу, на глубокие морщины, избороздившее ее лицо, Китти сразу же узнала ее. Еще бы! Ведь она знала это лицо, как свое собственное.

– Боже правый, не может быть! – прошептала она, обращаясь к Драммонду. Потом окинула более внимательным взглядом старика, катившего перед собой коляску. – Так это же Фред!

– Да, это он, – подтвердил Драммонд. – Но сюда я привез тебя ради Камиры. У нее в запасе осталось совсем немного времени. Ступай же, поздоровайся с ней.

– Камира, это ты? – Китти направилась к ней на негнущихся ногах. – Глазам своим не верю!

– Миссис Китти, – прошептала в ответ старая женщина, судя по всему тоже потрясенная до глубины души этой неожиданной встречей. Фред, тот даже рот разинул от удивления, стоя за инвалидной коляской.

– А вот это – Френсис. А эту девушку зовут Сара, – представил Драммонд молодых людей, внимательно наблюдая за тем, какая буря эмоций отразилась на лицах обеих женщин. – Френсис, Сара обожает лошадей. Ты не мог бы прямо сейчас преподать ей урок верховой езды?

– Конечно, мистер Ди. С удовольствием! – Френсис разговаривал на английском не очень уверенно, но выражение его лица, когда он жестом пригласил Сару следовать за ним, красноречивее всяких слов говорило о том, что предстоящий урок будет действительно ему в удовольствие.

– У меня тут имеется деловой разговор к мистеру Ди, – подал голос пастор Альбрехт. – Пожалуй, Фред, ты тоже присоединяйся к нам. Оставим дам наедине друг с другом.

Когда мужчины ушли, Китти наклонилась и крепко обняла свою дорогую подругу.

– Куда же ты ушла? Я так по тебе скучала. Я...

– Я тоже скучала, миссис Китти. Но так уж получилось...

Китти разжала кольцо своих рук, сжимавших исхудалое тело Камиры.

– Что случилось?

– Вначале вы расскажите о себе, миссис Китти. Мистер Драм все же отыскал вас, да?

– Скорее уж я его отыскала. А если точнее, то мы оба нашли друг друга.

Китти коротко рассказала Камире, как и при каких обстоятельствах она снова встретилась с Драммондом. Самой же ей не терпелось узнать, почему Камира ушла из дома много лет тому назад.

– Вот видите? Сами боги на небесах желают, чтобы вы наконец были вместе.

– Все не совсем так. Потому что скоро я уезжаю в Европу. Навсегда, – ответила Китти. – И прошу тебя, Камира! Никто не должен

знать всей правды про нас с Драммондом.

– Да кому я здесь стану рассказывать? – Камира издала хриплый смешок. – А что вам сам мистер Драм рассказал?

– Абсолютно ничего. Он даже не сказал мне о том, что ты живешь здесь. Прошу же тебя, дорогая Камира, расскажи мне все. И прежде всего, почему вы с Алкиной ушли тогда из дома?

– Хорошо, миссис Китти, расскажу. Хотя это длинная история. А потому присаживайтесь поудобнее, а я начну свой рассказ.

Китти присела на скамью. Задыхаясь от нехватки воздуха и потому часто прерывая свой монолог, Камира, тем не менее, поведала Китти всю правду. Правду о том, какого рода взаимоотношения связывали Алкину с ее сыном Чарли.

– Боже мой, боже! – Потрясенная Китти закрыла лицо руками. – Но почему же они не пришли тогда ко мне? Я бы наверняка дала согласие на их брак.

– Наверное. Но моя дочь была сильной и волевой. И она не захотела жить в мире белых людей, где с ней обращались бы как с подзаборной собачкой. Как с какой-нибудь беспризорной динго. – Камира подавила тяжелый вздох. – Она ведь любила Чарли, миссис Китти. Она любила его настолько, что почла за лучшее уйти прочь. Вы понимаете меня?

– Понимаю, конечно понимаю. Но если бы я объявила об их помолвке, весь город вынужден был бы признать это. Никто не посмел бы выступить против меня.

Последовало короткое молчание. Глаза Камиры устремились на живописное полотно, изображающее Иисуса на Голгофе.

– Миссис Китти, было и еще кое-что, что побудило ее покинуть дом.

– Что же это было?

Камира бросила выразительный взгляд на свою бывшую хозяйку, словно побуждая ее ответить на свой же вопрос.

– Нет! Не может быть! Она что, была беременна?

– Да. Она ушла из дома уже на четвертом месяце беременности.

– И Чарли знал об этом?

– Конечно, знал. Он все порывался отправиться на ее поиски. Умолял меня рассказать, где она скрывается. Но на тот момент я и сама ничего не знала. А потом вы уехали в Европу. Чарли понял, что он не

может оставить бизнес и тоже уехать. И вот однажды ночью я поняла, что Алкины больше нет в живых. Что она умерла. Помню, мы тогда так плакали с Чарли... Оба...

– Ах, боже! Какое горе... И где же она умерла?

– Где-то здесь, в этих краях. – Камира положила голову на руку Китти. – Любовь, любовь... От нее бывают большие несчастья, от этой любви... Через какое-то время ко мне в Брум явился мистер Драм и рассказал все. И я тогда пошла вместе с ним и оказалась здесь. А потом, через пару месяцев, сюда заявился и Фред. – Камира выразительно блеснула глазами. – Ну, его-то я по запаху сразу же учуяла... Еще до того, как увидела.

– Но если Алкина умерла, тогда зачем...

– Да, Алкина умерла. Но ребеночек-то был жив. Его мистер Драм нашел у погонщиков верблюдов, которых встретил на одной из стоянок. Забрал его и отвез сюда, в Хермансберг. Можно сказать, спас младенца от верной смерти. Чудесный он человек, мистер Драм. – Камира энергично тряхнула головой. – Это наши предки помогли ему отыскать моего внука.

Китти почувствовала, как у нее закружилась голова от всего того, что она только что выслушала из уст Камиры. Конечно, у Китти была куча вопросов. Слишком много вопросов, а потому она даже не знала, с чего начать.

– Но как он узнал, что это младенец, которого родила Алкина?

– Да потому, что при нем была та плохая жемчужина. В свое время, когда я прятала ее, дочка подсмотрела, в каком именно месте я ее закопала. Явилась туда, откопала. Видно, хотела продать, чтобы выручить немного денег себе и своему ребенку. А мистер Драм, когда увидел эту жемчужину... Да еще заглянул в глаза младенцу... А они у него точь-в-точь, как у его покойной матери. Вот мистер Драм и поспешил за мной, забрал меня, привез сюда, чтобы я смогла позаботиться о малыше.

– То есть ты даже не сказала Чарли, что он стал отцом? – Китти почувствовала, как ее охватывает гнев. – Не сообщила, что его сын жив? Боже мой, Камира! Но почему же ты *мне ничего не сказала*?

– Может, я и совершила тогда ошибку, поступила неправильно. Но Чарли ухаживал за Элизой, и я подумала, что лучше ему ничего не знать. Он заправлял большим бизнесом, а моя дочь на тот момент уже

была мертва. Как бы он смог нянчиться с этим младенцем? Растить его? А вы в то время были в Европе. Позже я узнала, что Чарли тоже умер. Печальная новость. Но зато они сейчас вместе и вместе с нашими предками. Как видите, все обернулось даже к лучшему, верно?

Камира бросила на Китти умоляющий взгляд, призывая простить ее. Однако Китти молча поднялась со скамьи и принялась возбужденно прохаживаться по проходу между рядами.

– Даже не знаю, что тебе ответить. Такое чувство, что меня в свое время вообще лишили права голоса. Не дали никакого выбора. Я чувствую себя... – Китти нервно сплела пальцы рук. – Чувствую себя кругом обманутой.

– Миссис Китти, мы вас все любим. И хотели как лучше...

– Все так, но сколько же ошибок, непоправимых ошибок мы порой совершаем, руководствуясь своей любовью...

Китти подавила тяжелый вздох. Она сделала над собой усилие, чтобы совладать с собственным гневом. Что толку негодовать на Камиру, которую *она любила* и которая, судя по ее иссохшему телу, доживает последние дни на этой земле? И тут Китти осенило.

– А что же случилось с младенцем, в конце концов? – спросила она, приготовившись выслушать еще одну порцию дурных новостей.

Но неожиданно лицо Камиры расплылось в широкой улыбке.

– В детстве он много болел, но потом перерос все хвори и вырос большим и сильным мальчиком. Я старалась изо всех сил, можно сказать, старалась за нас двоих, чтобы вырастить из него хорошего человека. – Камира издала короткий смешок. – Миссис Китти, вы только что видели нашего с вами внука. Его зовут Френсис.

Драммонд увидел, как Китти толкает инвалидную коляску с Камирой, направляясь к конюшне. Трудно было сказать по выражению ее лица, как она отреагировала на все те новости, что так неожиданно свалились на нее. Он повернул голову в другую сторону, туда, откуда доносились веселые взрывы смеха. Это смеялась Сара, пытаясь совладать с норовистой кобылкой и заставить ее бежать по кругу. Рядом с ними бежал Френсис, ухватившись за край веревки.

– Она хочет идти только вперед, и все тут! Можно, мы поскачем?

– Только если я буду рядом. Сейчас я тоже залезу на нее! – крикнул снизу Френсис.

Вот как порой неожиданно сталкиваются прошлое и настоящее, подумал Драммонд. Что-то метафорическое есть в словах Сары о желании двигаться вперед. Очень все точно сказано. А вот многие люди всю свою жизнь бегают по замкнутому кругу, так и не решаясь двинуться вперед, туда, где ждет их будущее, которого они так боятся.

– Конечно! Запрыгивай! – скомандовала Сара.

Френсис отпустил веревку и с легкостью вознес свое длинное, гибкое тело на лошадь, усевшись позади Сары.

Кажется, у этих двоих *есть будущее*, подумал Драммонд, и они смело пойдут ему навстречу.

– Я все рассказала ей, мистер Драм, – негромко обронила Камира, когда Фред забрал коляску из трясущихся рук Китти. – Она сильно расстроилась.

Китти кивком головы поприветствовала Фреда, а потом уставилась на молодого человека, скакавшего верхом на лошади.

– Может, я тогда и сделала что-то не так, – задумчиво промолвила Камира, пока все они наблюдали за тем, как Френсис старается произвести наилучшее впечатление на юную леди. Крепко обхватив Сару одной рукой за талию и тесно прижав бедра к бокам лошади, что позволяло ему полностью контролировать каждое ее движение, он постепенно перешел на легкий галоп. С уст Сары срывались взволнованные восклицания, но со стороны было видно, что оба они безмерно счастливы. Жизнь бурлит в каждом из них, устремляясь в будущее.

Китти повернулась к Драммонду и наконец заговорила:

– Полагаю, это мой внук носится верхом по полю, ублажая мою служанку?

– Абсолютно точно. Тебя это злит?

– Конечно, обидно, когда все за тебя решают другие, а тебя оставляют в полном неведении. Поневоле разозлишься.

– Прости ее, Китти. Камира посчитала, что на тот момент так было лучше для всех.

Драммонд уже приготовился услышать очередную порцию колкостей обиженной женщины. Но Китти молчала, снова глядя на

Френсиса и Сару.

Наконец она обронила:

– Спасибо тебе.

– *Что-что?*

– Воспитанный человек отреагировал бы по-другому. Попросил бы у меня прощения, что, как ты понимаешь, в данном конкретном случае было бы вполне уместно. Но! Но поскольку ты фактически спас жизнь моему внуку... нашему внуку... – Китти положила руку на плечо Камиры, – я сделаю вид, что снова не заметила, на каком чудовищно грубом языке ты изволишь выражаться.

– Рад слышать, – улыбнулся он в ответ.

– Узнаю в нем Чарли, – прошептала Китти, и ее голубые глаза заблестели от слез. – Та же неумная энергия, та же доброта. – Потом она подняла руку и осторожно погладила ладонью щеку Драммонда. – Я сделала столько ошибок в своей жизни...

– Забудем, Китти. – Драммонд взял ее руку и поцеловал. Потом прижался лбом к ее лбу. – Я люблю тебя, Китти. Я всегда любил тебя.

– Боюсь, и со мной все то же самое, – тоже шепотом ответила она.

– Значит, пришло время, да? Наше время.

– Да. Я тоже так думаю.

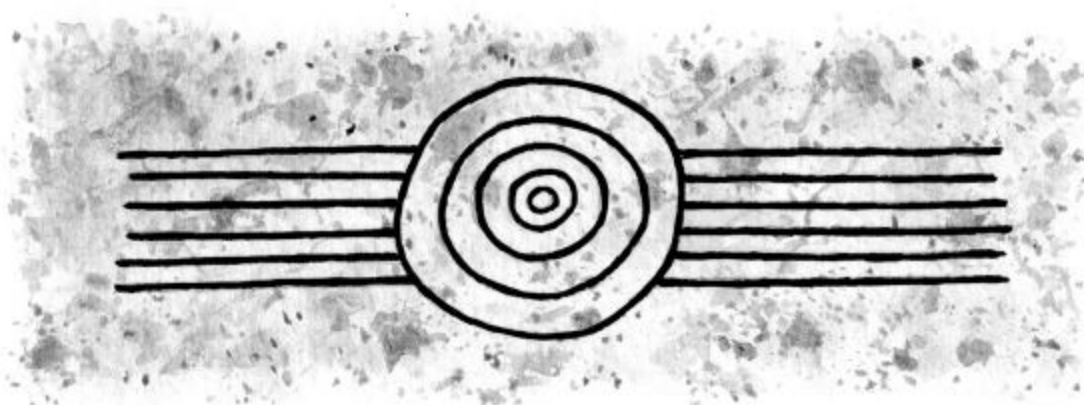
Камира слегка повернула голову и увидела, как руки мистера Ди нежно обвили Китти и прижали ее к себе. Потом Камира перевела взгляд на лужайку, по которой носился ее внук, что-то радостно кричал, передав вожжи девушке, но по-прежнему уверенно страхуя ее, пока лошадь неслась стремительным галопом вперед.

Камира закрыла глаза и удовлетворенно улыбнулась.

– Лучше я сделать не могла.

Сиси

Алиса-Спрингс, Северная Австралия
Январь 2008 года

Древний символ аборигенов, обозначающий место отдыха

33

– Вот так я познакомился со своей Сарой. Как ни смешно это звучит, но для нас обоих это была, как говорится, любовь с первого взгляда. С самого первого момента нашей встречи мы с ней поскакали прямо в солнечный закат, навстречу солнцу. – Глаза Френсиса подернулись дымкой воспоминаний.

– То есть она уже не вернулась вместе с Китти в Аделаиду?

– Нет. Она осталась в Хермансберге вместе со мной. А тут и рады были заполучить такую искусную мастерицу-швею и вышивальщицу. – Френсис кивнул на многочисленные вышитые подушки, разбросанные по дивану и креслам. – Да и с детьми у нее все отлично получалось. Сара родилась для того, чтобы быть матерью. Но по иронии судьбы нам понадобились годы и годы, чтобы обзавестись собственным ребенком.

– Это моя мама? – прошептала я.

– Да. К несчастью, врачи сразу же предупредили, что больше у нас с Сарой детей не будет. Мы оба обожали свою дочь. – Френсис с

трудом подавил зевок. – Уже слишком поздно.

Но прежде чем он попытался подняться со своего места, я задала еще один вопрос. Последний... Зная, что не смогу заснуть, не узнав ответа на него.

– А что же Китти и Драммонд?

– О, типичный *хеппи-энд*. Он отправился вместе с ней в Европу. Бог его знает, как ему удалось заполучить документы, но, зная мистера Ди, не удивлюсь, если он дал кому-то на лапу и ему сделали фальшивый паспорт. Раньше тут такое случалось сплошь и рядом. – Френсис понимающе улыбнулся. – Они обосновались во Флоренции, где никто не знал об их прошлом, и там счастливо прожили до конца своих дней. Между прочим, Китти так и не попала к Айерс-Рок. Она оставалась в Хермансберге до тех пор, пока не скончалась Камира.

– А Китти сказала тебе, что *она* тоже твоя бабушка? А Драммонд – твой двоюродный дедушка?

– Нет. Это она предоставила Камире. Бабушка и рассказала мне всю историю несколько дней спустя, уже лежа на смертном одре. После своего переезда в Италию они с Драммондом постоянно поддерживали связь и со мной, и с Сарой. Вплоть до 1978 года, когда Китти умерла, завещав нам свою квартиру во Флоренции. Мы продали квартиру, а на вырученные деньги купили вот этот дом в Алиса-Спрингс, намереваясь дожить здесь свою старость. Свой дом в Бруме Китти оформила по трастовой доверенности на Лиззи. Ей же она завещала и все свои ценные бумаги и акции, которые с годами выросли в цене и стали стоить кругленькую сумму.

– А что случилось с Ральфом-младшим и его семьей, которые остались в Алиса-Холл? – поторопилась я задать свой следующий вопрос.

– О, дорогой мой дедушка Ральф! – расплылся в улыбке Френсис. – Хороший был человек, этот мой двоюродный дед. Порядочный, всегда готовый прийти на помощь, такой стойкий оловянный солдатик. Они с женой всегда радушно принимали нас в своем доме, когда мы изредка бывали в Аделаиде. С маленьким Эдди тоже все получилось как нельзя лучше. В заботливых руках Рут, окруженный любовью и лаской своих приемных родителей, почувствовав себя в полной безопасности, малыш начал говорить. Сара поддерживала с ним связь до самых последних дней. Помню, она

шутила. Говорила, что стоило ему однажды открыть рот, и с тех самых пор он у него не закрывался. Он был очень способным мальчишкой и со временем стал весьма успешным адвокатом. Да он и на пенсию-то вышел только в прошлом году. Когда-нибудь я обязательно познакомлю тебя с ним, свожу в Аделаиду. Мы навестим его в Алиса-Холл.

– Будем надеяться... В один прекрасный день... А что моя мама? – Этот вопрос буквально крутился на кончике моего языка. – Она умерла при родах?

– Да. Мне очень жаль, Келено.

– Видишь ли, если не знаешь человека, никогда не видел его, то и горевать по нему не можешь как положено. Во всяком случае, мне так кажется, – обронила я после некоторой паузы. – А что же мой отец? Кто он?

– Его звали Тоба. Твоя мать познакомилась с ним, когда мы жили в Папуня. Ей на тот момент было шестнадцать лет. В Папуня тогда было полно всяких творческих личностей, такой своеобразный культурный центр для местных аборигенов из племени пинтуби и луритджа. Словом, твоя мать влюбилась в него, хотя парень был... не совсем достойным человеком. Он был талантливым художником, это да. Но любил выпить и к женскому полу был весьма равнодушен. Когда дочь объявила нам, что беременна, – Френсис нервно сцепил пальцы рук, – мы с Сарой предложили ей прервать эту беременность и избавиться от младенца. Прости, Келено, но это горькая правда.

Я нервно сглотнула комочек, подступивший к горлу.

– Понимаю. Нет, на самом деле я все прекрасно понимаю. Словом, полное повторение твоей собственной истории, да?

– Само собой, твоя мать и слушать нас не захотела. Более того, она даже пригрозила нам, что если мы не дадим ей своего разрешения на брак с Тоба, то они с любовником сбегут. Она всегда была очень импульсивной девушкой. Но боюсь, это у всех нас наследственное. – На лице Френсиса появилась вымученная улыбка. – К несчастью, ни я, ни Сара просто не поверили ее угрозам, а потому продолжали стоять на своем. А где-то спустя пару дней они действительно сбежали, – голос Френсиса предательски дрогнул, – и больше мы ее никогда не видели.

– Какой ужас! Но неужели нельзя было начать какие-то поиски?

– Как ты уже, наверное, успела понять, на наших необъятных просторах так легко затеряться. Мы поставили на уши всех, кого могли. За несколько лет мы с Сарой исколесили весь аутбэк. Как только получали от кого-то сообщение, что их вроде бы видели там-то и там-то, мы устремлялись туда. Но потом мы поняли, что все это бесполезно, и в один прекрасный день попросту свернули свои поиски.

– Да, это я тоже понимаю. Когда столько усилий затрачено, а результата нет никакого, это очень больно.

– Именно так. Больно. Но когда два года тому назад Сара серьезно заболела, она попросила меня предпринять еще одну попытку. Последнюю. И тогда я нанял частного детектива. А спустя шесть месяцев после смерти Сары мне позвонили. Детектив сообщил, что отыскал какую-то женщину в Бруме, которая заявляет, что присутствовала при твоём рождении. Поначалу я воспринял эту новость весьма сдержанно. Никакой эйфории. Слишком часто в прошлом все наши поиски не увенчивались ничем: очередной ложный след. Но кое-что все же вселяло надежду. Например, эта женщина знала, как звали твою мать: Элизабет. Ведь мы назвали дочь в честь английской королевы, которую обожала Сара.

– Элизабет, – повторила я, пробуя на слух имя своей матери, которое произнесла впервые.

– Эта женщина работала медсестрой в городской больнице Брума. Согласно сохранившимся в архивах больницы записям, Лиззи поступила в больницу как раз накануне родов, когда у нее уже начались схватки. И по срокам все совпадало.

– А про моего отца эта женщина что-нибудь сообщила?

– Она сказала, что Лиззи поступила в больницу одна, без сопровождения. Помнишь, я рассказывал тебе, что Китти оставила свой дом в Бруме нашей дочери Лиззи? Твоя мама там бывала вместе с нами, до знакомства с этим жиголо. Вполне возможно, она решила, что дом станет им отличным любовным гнездышком. Но скорее всего, как я предполагаю, этот негодяй бросил ее, еще не доезжая до Брума. Сразу же, как они уехали из Папуны. В сложившихся условиях у Лиззи просто не было иного выбора, оставалось ехать в Брум уже одной. Она ведь знала, какая обстановка царила у нас дома.

– И что случилось дальше, после родов?

Френсис поднялся с дивана, подошел к бюро и достал оттуда папку.

– Вот свидетельство о смерти твоей матери. Судя по дате, это случилось спустя семь дней после твоего появления на свет. У Лиззи были сильные послеродовые осложнения. Какая-то инфекция, что ли... А по словам этой медсестры, организм у дочери был не очень крепкий, и она не сумела побороть эту инфекцию. Прости меня, Келено, мне так тяжело рассказывать тебе все это. Но по-другому никак нельзя.

– Все нормально, – пробормотала я вполголоса, бездумно уставившись на свидетельство о смерти. Шел уже третий час ночи, мысли в голове путались, слова прыгали, как ненормальные. – А что же я?

– Вот с тобой все получилось гораздо лучше. Медсестра рассказала мне, что после смерти твоей матери они держали тебя в больнице до последнего, пока это было возможно, в надежде, что найдется семья, которая тебе удочерит. По словам медсестры, ты была прелестным ребенком. Очень красивой девочкой.

– Я?! Красивой?! – недоверчиво воскликнула я.

– Судя по ее словам, ты ей очень нравилась, да. – Френсис улыбнулся. – Ты провела в больнице где-то около двух месяцев. А потом выбора у них не осталось, нужно было начинать процедуру оформления тебя в один из местных сиротских приютов. Грустно говорить, но приходится признать очевидное. Даже двадцать семь лет тому назад, то есть практически уже в наши дни, не нашлось супружеской пары, которая захотела бы удочерить девочку-метиску. И вот как раз в тот момент, когда шел процесс оформления всех необходимых бумаг, по словам медсестры, к ним в больницу заглянул хорошо одетый джентльмен. Насколько она помнит, он приехал в Брум на поиски какого-то своего дальнего родственника, но никого не нашел. Дом, где тот раньше проживал, оказался пустым. Правда, сосед сообщил, что прежний владелец дома умер, а несколько недель тому назад в доме поселилась молодая девушка. Судя по ее внешнему виду, она была беременной. А потому он посоветовал этому джентльмену навести справки о ней в больнице. Что тот и сделал. И когда медсестра сообщила ему о смерти Лиззи и о том, что ты осталась сиротой, он мгновенно изъявил желание удочерить тебя.

– Это был Па Солт! – выдохнула я с волнением. – Да, но что он делал в Бруме? Неужели разыскивал Китти?

– К сожалению, женщина не запомнила его имени, – сказал Френсис. – Но, по ее словам, скорее всего он увез тебя в Европу и уже там совершил все необходимые формальности по твоему удочерению. Этот человек оставил имя своего нотариуса в Швейцарии. – Френсис порылся в папке с бумагами. – Вот! Некто Георг Гофман.

– Старина Георг! Добрый старый Георг! – разочарованно вздохнула я. Снова отец умудрился скрыть свое истинное лицо и остаться инкогнито.

– Да, именно к мистеру Гофману я и обратился с письмом, когда занялся твоими поисками. Я сообщил ему, что тебя дожидается наследство, те деньги и та недвижимость, которые Китти в свое время завещала Лиззи через свой трастовый фонд. А сейчас все это на законных основаниях принадлежит тебе, поскольку ты – дочь Лиззи. После продажи дома в Бруме плюс еще дивиденды, вырученные от операций с ценными бумагами и акциями, там скопилась, как тебе известно, вполне солидная сумма. Мистер Гофман ответил мне незамедлительно. Сообщил, что его клиент действительно в свое время удочерил тебя и что с тобой все в полном порядке. Он также пообещал, что все денежные средства будут немедленно переданы тебе. Тогда я попросил своего нотариуса в Аделаиде перевести деньги на указанный счет, а также вручил ему фотографию, на которой запечатлен вместе с Наматжирой. Попросил его присовокупить и этот снимок для отсылки в Швейцарию.

– Но почему не фотографию Сары и Лиззи? – совершенно искренне удивилась я.

– Келено, я решил не вторгаться в твою жизнь нахрапом. А вдруг ты не захотела бы, чтобы тебя отыскала твоя настоящая семья? Но я хорошо понимал: если ты все же *захочешь* познакомиться со мной и ради этого решишь приехать сюда, в Австралию, то здесь любой с ходу опознает Наматжиру. К тому же его имя написано на той машине, которая тоже попала в кадр. А потому тебе сразу же выдадут направление поисков – Хермансберг. – Френсис удовлетворенно хмыкнул. – Так оно и получилось в итоге.

– Да, так оно и получилось. Но, знаешь, поначалу я и не собиралась заниматься поисками своей австралийской родни.

– А я со своей стороны решил вот что. Если ты не объявишься в течение года сама, тогда я снова свяжусь с Георгом Гофманом, поеду в Швейцарию и найду тебя там. К счастью, Келено, ты спасла меня от столь дальней дороги. Иначе я бы изрядно растряс свои старые кости. – Френсис взял меня за обе руки и крепко сжал их. – На тебя столько всего свалилось за эти последние дни. И много печального, увы! Как ты себя чувствуешь? С тобой все в порядке?

– Да. – Я сделала глубокий вдох. – Знаешь, я рада, что наконец узнала всю правду о себе. И это означает, что я могу возвращаться в Лондон.

– Верно.

По выражению лица деда я поняла, что он подумал, будто мои планы переменялись.

– Не беспокойся, – поспешно добавила я. – Мне там нужно доделать кое-какие дела. Расставить, так сказать, все точки над і. Наведу порядок в своей личной жизни и переберусь сюда уже на постоянное местожительство.

Руки деда еще крепче сжали мои руки.

– Ты точно решила перебраться в Австралию?

– Да. Думаю, мы отлично поладим. Будем держаться вместе. Как-никак, а мы с тобой последние в семье Мерсер. Уцелели, одним словом.

– Все так. Хотя я никогда не хотел, чтобы ты, Келено, чувствовала себя чем-то обязанной – мне или собственному прошлому, неважно. Если у тебя в Лондоне есть какая-то своя жизнь, не рви эти нити, руководствуясь тем, что у тебя есть какие-то долги перед прошлым. Прошлое осталось в прошлом. А сейчас нужно жить будущим. Будущее – вот что важно сегодня.

– Я понимаю, я все понимаю. Но знаешь, здесь я чувствую себя среди своих. Я часть этой земли, – ответила я с такой уверенностью, которой никогда ранее не испытывала. – И прошлое – это тоже часть меня. Можно сказать, я сама вышла из прошлого.

На следующее утро я проснулась с тяжелой головой, словно с похмелья. Избыток информации подействовал на меня, как алкоголь. Я лежала в комнате с красивыми занавесками в цветочек, под самодельным лоскутным одеялом, которое наверняка смастерили умелые руки моей бабушки. Можно только догадываться, сколько душных ночей провела Сара за своей машинкой здесь, в Алисе, пока шила это одеяло.

Я закрыла глаза и снова подумала о своем спонтанном решении, которое вчера озвучила деду. А потом вдруг вспомнила, какой дивный сон мне приснился минувшей ночью, и тут же почувствовала легкое покалывание в кончиках пальцев на руках. Будто все моя боль, вся моя злость, все мои страхи и беспокойство, все это внезапно захотело вырваться наружу, чтобы не отравлять меня и далее своим ядом.

И я уже точно знала, что сейчас сделаю.

Я вскочила с кровати, натянула на себя какую-то блузку из гардероба бабушки и ее шорты, такие ослепительно яркие, что мои ноги сразу же стали похожи на две ножки от торшеров. Вот только если сами шорты представить абажурами, то слишком уж толстоваты мои ноги для таких торшеров.

Френсис завтракал на кухне за столом, сервированный на двоих.

– У тебя есть чистые холсты? Если можно, самый большой, какой есть, – спросила я у него прямо с порога.

– Есть, конечно. Ступай за мной.

Я была благодарна деду за то, что он не стал задавать лишних вопросов, правильно поняв мое нетерпение. Молча последовала за ним в оранжерею, которую он приспособил для хранения своего художественного инвентаря. Закрепила холст на мольберте и устроилась в саду, там, где больше тени. Френсис предложил на выбор свои специальные тоненькие кисти из собольего волоса. Я подобрала нужный мне размер и принялась смешивать краски. И стоило нанести первый мазок на полотно, как мной завладело такое же странное чувство, как и раньше, и я потеряла счет времени. Оторвалась от мольберта, только когда картина была завершена, а небо стало темным.

– Келено, пора домой! – крикнул Френсис, стоя на пороге черного хода. – Иначе москиты сожрут тебя живьем.

– Пока не смотри, ладно? Я еще не совсем закончила! – Я предприняла жалкую попытку закрыть холст руками. Хотя наверняка

Френсис все уже успел прекрасно рассмотреть, пока сидел у окна в гостиной.

Он подошел ко мне, обнял за плечи и крепко прижал к себе.

– Такая острая была потребность, да?

– Очень острая, – ответила я, сладко зевнув. – Не могла остановиться, пока не закончу. Между прочим, это мой подарок тебе.

– Спасибо. Я буду дорожить им.

Я так долго просидела в одной позе, что, когда попыталась встать, ноги отказались мне повиноваться. Френсис помог мне подняться со стула и повел меня в дом. Я шла, тяжело опираясь на его руку, словно древняя старуха.

– Может, все и ужасно получилось, – обронила я по пути в гостиную и почти упала в кресло, совершенно без сил.

– Может, и ужасно, – согласился со мной дед. – Но я уже точно знаю, где будет висеть твой подарок. – Он указал на свободное пространство над каминной полкой. – Хочешь подкрепиться? – спросил он у меня.

– Нет, я слишком устала. Даже есть не хочется. А вот чашку чая выпью с удовольствием, и сразу же в постель.

Френсис принес мне чай, потом примостил мою картину перед камином, сел и принялся внимательно изучать ее.

– «Искатели жемчуга». Я назвала ее «Искатели жемчуга», – сказала я, удивляясь, как легко на сей раз получилось с названием. Обычно для меня это целая проблема. – Эта картина... Она о нашей семье. Знаешь, мне приснился сон, будто я в Бруме и плаваю в море. Там нас много, и все мы заняты поиском жемчуга. И...

– А это что, луна по центру полотна? – прервал меня Френсис, не отрывая взгляд от полотна. – Ты знаешь, что мою маму звали Алкина, что означает «луна»?

– Нет, этого я не знала. Или ты говорил мне, но я забыла. Я имела в виду не только луну, – стала я размышлять вслух. – Белый круг олицетворяет красоту женщины и ее природную плодовитость. И одновременно это сама природа, такой бесконечно длящийся цикл, в котором жизнь плавно перетекает в смерть, а из смерти появляется новая жизнь. Словом, если хочешь знать, здесь я изобразила всю историю нашей семьи.

– Мне очень нравится, – удовлетворенно промолвил Френсис, внимательно разглядывая огромные, набегающие друг на друга морские волны прямо под луной. И вся эта водная стихия испещрена множеством крохотных жемчужин, лежащих на морском дне. – Должен заметить, что твоя техника стала гораздо лучше. И, конечно, впечатляет, что такое огромное полотно можно нарисовать всего лишь за один день.

– Спасибо. Но кое-какие доделки тут все же предстоят, – ответила я и снова зевнула. – Все! Иду спать.

– Подожди минутку. Прежде чем ты отправишься к себе, хочу, чтобы ты взяла вот это. – Френсис сунул руку в карман и извлек оттуда небольшую коробочку для ювелирных украшений. – Вот, храню при себе с тех самых пор, как умерла Сара. Все ждал того момента, когда смогу вручить это тебе.

Он вложил коробочку в мою руку. Я открыла ее, заметно нервничая. Внутри лежало крохотное колечко с небольшим янтарем.

– Это то самое кольцо, – пояснил Френсис, – которое мой отец Чарли вручил Алкине в ту ночь, когда она ушла из дома.

Я поднесла кольцо к свету, и янтарь сразу же заиграл всеми оттенками густого медового цвета. Прямо по центру камешка внутри виднелось какое-то маленькое насекомое, то ли мушка, то ли муравей. Вполне возможно, застигнутое врасплох прямо во время движения. Невероятно, подумала я. Трудно поверить, что это случилось много тысяч лет тому назад. Я вдруг вспомнила, как мне *однажды* приснился сон. Такой яркий, такой живой, словно наяву. Будто у меня на ладони сидит какое-то насекомое. По-моему, оно точь-в-точь как это, залитое слоем янтарной смолы.

– Камира привезла это кольцо с собой в Хермансберг уже после того, как Алкина умерла, – продолжил свои пояснения Френсис. – А в тот день, когда я сообщил ей о своем намерении жениться на Саре, она отдала кольцо мне.

– Ух ты! – выдохнула я. – Самая настоящая семейная реликвия! – Я извлекла колечко из коробки и надела его на безымянный палец правой руки. Янтарь тут же приветливо блеснул. – Спасибо, Френсис.

– Не стоит благодарности, – отозвался дед, явно довольный тем, как все получилось. – А сейчас отправляйся в кровать. Иначе заснешь прямо здесь. Спокойной ночи, Келено.

– Спокойной ночи, Френсис.

На следующее утро мы поехали в город. Френсис предложил показать Миррин те картины, которые я написала, пока мы с ним были в буше. И я согласилась. Потому что мне все равно нужно было ехать в город, в туристическое агентство. Заказывать билет на самолет до Лондона.

– Летите с возвратом? – поинтересовалась у меня кассирша, не отрывая глаз от экрана компьютера.

– Да, – коротко ответила я.

– И какая будет дата обратного вылета?

– Мне необходимо пробыть в Лондоне неделю. Следовательно, шестого февраля.

– Ты уверена, что справишься за это время? – забеспокоился Френсис. – Побудь там столько, сколько потребуется. Я доплачу необходимую сумму за билет с нефиксированной датой вылета.

– Нет, недели мне хватит, – упрямо ответила я и продолжила оформлять заказ. Впрочем, в итоге получилось так, что Френсису все равно пришлось *заплатить за меня*. Потому что, как выяснилось, моя кредитка оказалась пуста. Исчерпала себя до дна. А восполнить ее я смогу, только вернувшись домой и обратившись в свой банк. Я готова была провалиться сквозь землю от стыда, когда так внезапно выяснилась моя финансовая несостоятельность и мне вернули кредитку за ее явной ненадобностью. Ведь всю свою жизнь я привыкла руководствоваться золотым правилом: никогда и ни у кого не одалживать деньги.

– Да не переживай ты, Келено, – стал успокаивать меня дед, когда мы покинули туристическое агентство уж с билетом на руках. – Умение правильно распоряжаться своими финансами приходит с опытом. Вот и ты постепенно научишься. А пока считай, что я тебе выдал небольшой аванс.

– Ты и так столько всего для меня сделал! – простонала я, совершенно убитая последней новостью. – Может, Миррин что-нибудь

возьмет у меня на продажу? И вырученной суммы хватит на покрытие всех моих долгов, и я тут же с тобой рассчитаюсь.

– Как пожелаешь. Хочешь рассчитаться со мной – пожалуйста, – ответил Френсис.

Мы направились в галерею. Миррин внимательно осмотрела все мои работы и одобрительно кивнула головой.

– Очень хорошо, – прокомментировала она свои впечатления.

– Более чем хорошо, – тут же поправил ее Френсис. – Исключительно хорошие работы.

– Вывесим для продажи и поставим цену по тысяче долларов за каждое полотно.

– По две тысячи, – с ходу возразил Френсис. – И моя внучка хочет получить на руки шестьдесят пять процентов от этой суммы.

– Но вы же знаете, мистер Абрахам, мы никому не платим более шестидесяти процентов.

– Что ж, раз так, тогда мы пойдем в галерею «Много рук» и покажем эти полотна там.

Френсис уже приготовился забрать холсты, но Миррин остановила его:

– Только ради вас! Но прошу вас, не говорите об этом остальным художникам. – Внезапно ее всю передернуло от сильной боли, и Миррин инстинктивно положила руку на свой большой живот, выпирающий из-под платья просторного покроя. – Малыш уже готовится к появлению на свет, – промолвила Миррин, озабоченно потирая живот. – А я до сих пор не нашла себе замену здесь, в галерее. При таком раскладе буду, видно, рожать прямо за стойкой администратора.

Меня тут же осенило.

– Вам нужен человек, который подменил бы вас на время декретного отпуска, да?

– Да. Но такого человека отыскать непросто. Художникам нужен кто-то, кому они могут полностью доверять, понимаете? А с другой стороны, этот человек должен уметь разбираться в их творчестве. В случае чего подбадривать, указывать нужное направление... А ведь надо еще и переговоры уметь вести со своими клиентами. Но, к счастью, не все художники такие придиры, как вы, мистер Абрахам. – Миррин выразительно вскинула бровь.

– Я знаю такого человека, – сказала я, изо всех сил стараясь сохранять спокойствие и ничем не выдать охватившего меня возбуждения. – Помните ту девушку, с которой я впервые появилась в вашей галерее пару недель тому назад?

– Крисси? Еще бы! Она ведь торговалась со мной не менее упорно, чем ваш дедушка.

– Крисси изучала историю искусства в университете, – немного приврала я. – А уж искусство австралийских аборигенов она знает досконально. Особенно то, что связано с творчеством Альберта Наматжиры. Да и все другие направления в современном искусстве ей тоже хорошо известны, – добавила я на всякий случай.

– Она работает в какой-то галерее?

– Нет. Она трудится в туристической индустрии. Имеет огромный опыт общения с иностранцами. К тому же у нее местные корни. Она австралийка. Думаю, художникам такая кандидатура придется по вкусу.

– А она знает язык аррернте? – просияла Миррин.

– Вот об этом лучше вам спросить у нее самой, – ушла я от прямого ответа. – Но я точно знаю, что она говорит на языке явуру. И сами же видели, умеет торговаться, что тоже немаловажно. Так что не допустит никаких убытков.

– И она ищет работу?

– Да.

Я увидела, как Френсис с явным удовольствием наблюдает за тем, как я рекламирую девушку, о которой ранее в разговоре с ним упомянула лишь вскользь.

– Не буду вас обманывать, Келено, деньги тут у нас не очень большие, – призналась Миррин.

– Но ведь в искусстве деньги – это не главное, разве не так? – возразила я. – Главное – любить искусство, любить живопись.

– Во всяком случае, для некоторых из нас так оно и есть. – Она снова глянула на моего деда. – Тогда скажите ей, пусть приходит ко мне. И поторопится, – добавила она, и в этот момент ее лицо снова исказилось от боли. – На этой неделе я здесь каждый день, с самого утра.

– Хорошо. Обязательно! Если не трудно, запишите мне номер своего мобильного, пожалуйста. Она вам сама перезвонит, и вы обо

всем договоритесь.

Миррин написала мне номер своего телефона, и я вышла из галереи в приподнятом настроении.

– А кто такая Крисси? – поинтересовался у меня Френсис, пока мы шли к машине.

– Моя подруга, – ответила я и плюхнулась на сиденье рядом с водителем.

– И где она живет?

– В Бруме.

– Не далекоовато ли ей будет ездить сюда каждый день на работу, а? – пошутил Френсис, выруливая со стоянки, и мы направились домой.

– Если работа ее устроит, она с радостью переедет сюда. Пару недель тому назад мы с ней посещали эту галерею, и ей там все очень понравилось. Крисси – замечательный человек. А уж на искусстве так полностью помешана. Уверена, тебе она тоже понравится. Обязательно!

– Если она нравится тебе, Келено, то, не сомневаюсь, мне она тоже понравится.

– Позвоню ей немедленно, как только приедем домой. Скажу, чтобы тотчас же перезвонила Миррин. Крисси должна прилететь сюда как можно скорее. Какая жалость, что у меня уже билет на руках и мне надо завтра улетать.

– По-моему, ты сама отказалась от билета с гибкой датой вылета, – тут же напомнил мне дед.

– Здорово было бы, если бы она получила эту работу в галерее. Тогда мы с ней на пару могли бы снять квартиру где-нибудь в городе. – Мыслями я уже устремилась в будущее, в то будущее, где мы с Крисси будем вместе, всецело погруженные в искусство.

– С таким же успехом вы могли бы поселиться и у меня и принять на себя заботы по уходу за домом старого дедушки, – резонно заметил Френсис, когда мы уже свернули на подъездную дорогу к дому.

– Тоже прекрасная идея, – согласилась я и широко улыбнулась.

– Скажи ей, что в моем доме для нее всегда найдется свободная постель. Ведь ей же нужно будет где-то остановиться и переночевать, когда она приедет на встречу с Миррин. Между прочим, попутно могу дать ей несколько уроков по языку аррернте, – добавил дед, открывая

ключом дверь. Я вихрем вбежала в дом и помчалась в гостиную за своим мобильником.

– Это было бы замечательно! Спасибо тебе большое! – выкрикнула я на ходу и сразу же принялась набирать номер Крисси. Она ответила только на второй звонок.

– Привет, пропажа! – услышала я в трубке ее голос. – Я уже решила, что ты бесследно растворилась на просторах аутбэка.

– Я же тебе посылала эсэмэску. Сообщала, что уехала в буш на пленэр, – ответила я, не в силах сдержать улыбки. Так радостно мне было услышать голос подруги. – Мы были там на пару с моим дедом, – многозначительно добавила я.

– Вот так номер! Так ты все же приходишься родней Наматжире?

– Нет. Но мой дедушка тоже художник.

– И как его зовут?

– Френсис Абрахам.

На другом конце линии повисла пауза.

– Ты шутишь?! Не может быть!

– Почему не может? Ты что, знаешь его?

– Совсем немного, Си! Знаю, что он был в Папуня вместе с Клиффордом Поссумом. Что он написал «Огненное колесо» и...

– Да, это он написал, – прервала я Крисси на полуслове. – Послушай, ты сможешь договориться у себя на работе взять пару отгулов и прилететь сюда, в Алису?

– Я... Но зачем?

Я постаралась объяснить суть дела в двух словах. И та отчужденность, которую я поначалу уловила в голосе подруги, исчезла окончательно.

– Звучит заманчиво. Но вряд ли они предложат мне это место, когда узнают, что я работаю в информационно-туристическом агентстве. А проще говоря, стою за информационной стойкой в аэропорту Брума. Ты же меня там обрисовала в таких красках, словно я куратор из Национальной галереи Канберры!

– Ну, и где же твой оптимизм? Твоя всегдашняя заряженность на позитив? А я вот уверена, что Миррин согласится на твою кандидатуру. На все сто уверена! – набросилась я на Крисси. – Ладно, короче! Дед сказал, что ты можешь остановиться на ночлег в его доме.

– Проблема в другом, Си. Я сейчас сильно на мели. Боюсь, не наскребу даже на билет до Алисы. Я умудрилась растратить все свои денежки, когда приезжала в Алису вместе с тобой.

– Понятное дело! Да еще потратилась на то, чтобы заплатить за нас обеих в отеле. Глупышка! – тут же укорила я ее. – Подожди минутку...

Я снова бросилась к деду. Спросила, может ли Крисси воспользоваться его кредиткой, чтобы купить билет на самолет до Алисы в обмен на те доллары, которые у меня еще остались от продажи моего первого полотна.

– Конечно, – тут же согласился Френсис и вручил мне свою кредитную карточку. – Ты ей скажи, что и из аэропорта я ее заберу.

– Больше тебе спасибо, – снова рассыпалась я в благодарностях и быстро пересказала Крисси наш разговор с Френсисом.

– Мне кажется, будто я сплю и мне снится сон... А я ведь уже подумала, что ты уехала из Австралии... И навсегда.

– Прости, что так долго не звонила. Здесь столько всего на меня навалилось. – Я нервно сглотнула слюну. – И потом, мне нужно было время, чтобы все хорошенько обдумать.

– Понимаю. Но пока не будем об этом, ладно? – ответила она, немного помолчав. – Скажешь мне, когда я прилечу в Алису.

– Вообще-то я завтра улетаю в Англию.

– Вот как? – В трубке снова повисло молчание.

– Но я с возвратом, Крисси. Нужно кое-что дома решить, навести, так сказать, порядок в своей жизни. К тому же хочу выставить на продажу свою квартиру, повидаться с близкими.

– То есть ты вернешься?

– Конечно вернусь. И очень скоро. Я собираюсь жить в Алисе. Было бы... здорово, если бы ты присоединилась ко мне.

– Ты правда так думаешь?

– Я никогда не говорю того, чего не думаю. По-моему, ты уже должна была понять это. В любом случае на время моего отсутствия мой дед составит тебе компанию. Судя по твоей первой реакции, ты будешь впечатлена этим знакомством гораздо сильнее, чем знакомством со мной, – подначила ее я.

– Неправда! – тут же возмутилась в ответ Крисси. – А когда ты возвращаешься назад?

– Думаю, дней через десять. А пока кончаем наши разговоры, и звони немедленно Миррин. А потом заказывай билет на самолет. Сейчас я пошлю тебе эсэмэской номер мобильного своего деда. С ним вы потом обговорите все детали.

– Ладно. Если честно, Си, не знаю даже, как тебя благодарить.

– Вот и не благодари. Удачи тебе, подруга. И до скорого.

– Да, до скорого. Очень по тебе соскучилась.

– Я тоже. Пока.

Я отключила свой мобильник и подумала, что *действительно соскучилась* по Крисси. Пока еще трудно сказать, во что выльются наши с ней отношения в будущем. Но не это ведь главное. Главное – я уверенно двигаюсь вперед, в это будущее. Как бы то ни было, а минувшие несколько недель многому меня научили. Во всяком случае, я впервые почувствовала, как это здорово – быть самой собой.

– Господи Всемилостивый, я – это я! – прошептала я с выражением. В самом деле, кое-что важное я про себя уже точно знаю. Так, к примеру, я принадлежу сразу к нескольким культурам, и это факт. Вполне возможно, я бисексуальна. В любом случае *одиночество* мне претит.

– Поговорила? – В гостиной снова возник Френсис.

– Да, поговорила. Она сейчас закажет себе билет на самолет, а когда прилетит в Алису, сообщит тебе.

– Отлично. Между прочим, я уже успел проголодаться. А ты?

– Если честно, то умираю от голода.

– Тогда иду на кухню. Сварганю нам что-нибудь из яиц.

– Ладно. А я пойду укладывать вещи.

– Ступай. – Дед задержался в дверях. – А твоя Крисси... Она хоть умеет готовить?

Я вспомнила те пирожные, которыми меня угощала когда-то Крисси, и кивнула.

– О да! Она отлично готовит.

– Рад слышать. И вообще рад тому, что ты нашла близкого себе человека, Келено, – обронил Френсис и зашагал по коридору в направлении кухни.

– Береги там себя, ладно? – сказал дед, обнимая меня уже в зале ожидания аэропорта. А я подумала, как это здорово, что я оставляю здесь, в Австралии сразу двух близких мне людей, которые будут с нетерпением ждать моего возвращения.

– Буду беречь, – пообещала я.

– Вот! Я тут собрал для тебя кое-какие документы. – Френсис вручил мне пухлый конверт из плотной упаковочной бумаги. – Там и метрика твоя имеется, я раздобыл ее в архиве города Брум, когда приезжал туда на встречу с бывшей медсестрой. Если ты действительно планируешь перебраться в Австралию навсегда, то есть серьезно думаешь об этом...

– Конечно серьезно! Более чем!

– Хорошо! Тогда я предлагаю тебе незамедлительно обратиться к австралийским властям, чтобы получить паспорт гражданки Австралии. В конверт я положил бланк заявления, а также свидетельство о смерти твоей матери.

– Спасибо. – Я аккуратно положила конверт в свой рюкзак сверху, чтобы, не дай бог, не помять бумаги. – Поприветствуй Крисси от моего имени, ладно? Надеюсь, она тебе понравится.

– Уверен в этом.

– И спасибо тебе за все, – торопливо добавила я, услышав объявление о начале посадки. – Ненавижу эти самолеты!

– Быть может, поездка назад, ко мне, покажется тебе не столь мучительной, – подбодрил меня Френсис. – До свидания, Келено.

– До свидания, Френсис. – Прощальный взмах рукой, и я направилась в сторону охранников. Впереди долгая дорога в Лондон.

Когда я вышла из здания аэропорта Хитроу, меня встретил обжигающе леденящий холод. В Лондоне все заледенело. Народ вокруг кутался в теплые шарфы, поднимал воротники пальто, чтобы спрятать уши и максимально прикрыть лицо. Морозный воздух сразу же забился мне в нос, на глазах выступили слезы. Я натянула капюшон своей куртки и помчалась ловить такси в надежде, что у меня хватит английских денег на то, чтобы доехать до Баттерси.

Когда такси наконец остановилось возле моего дома, я сунула шоферу измятую купюру, присовокупив к ней еще и несколько мелких монет, и тут же выскочила из машины. Рождественская иллюминация, освещавшая город, когда я покидала его пару месяцев назад, уже была свернута. Город встретил меня унылым вечерним мраком. Такое впечатление, будто пленка цветного кинофильма вдруг резко оборвалась и по экрану побежали кадры старого черно-белого кино.

Лифт доставил меня на третий этаж, прямо к дверям моей квартиры. Я открыла дверь ключом и вошла в холл. Повсюду горел свет. Надо же, вот растяпа, мысленно обругала я себя. Забыла выключить свет перед тем, как покинуть квартиру. Раздосадованная, я громко хлопнула дверью и тут же учуяла, что в квартире тепло. Гораздо теплее того минимального режима, на который я установила термостат, уезжая. К тому же очень вкусно пахло. Если уж совсем точно, то пахло аппетитной сдобой, теми вкусняшками... Одним словом, в квартире пахло Стар!

Когда у меня была пересадка в Сиднее, я послала ей эсэмэску. Сообщила, что возвращаюсь домой, прилетаю сегодня во второй половине дня, и попросила сестру приехать ко мне на следующей неделе. Надо встретиться и обо всем поговорить. Должна же я поставить ее в известность, что собираюсь продавать эту квартиру. В конце концов, хоть я и являюсь ее номинальной владелицей, но ведь для Стар это тоже ее дом.

Я скорчила гримасу, увидев, что чучело Гая Фокса до сих пор торчит в моей студии. Взгромоздился на железную бочку, словно на трон. Я направилась на кухню и, к своему ужасу, увидела, что работает плита. Я уже собралась выключить ее, но в эту минуту услышала, что хлопнула входная дверь.

– Си! Ты уже дома? Вот незадача! А я думала, ты появишься чуть позже: пока пройдешь досмотр в аэропорту, потом еще добираться сюда... Вечные проблемы с лондонским транспортом...

Я повернулась к Стар и увидела, что она прижимает к груди огромный букет лилий с крупными куполообразными соцветиями. Цветы она протянула мне.

– Вот выскочила из дома на пару минут специально, чтобы купить цветы и встретить тебя как положено, – проговорила она, задыхаясь от

спешки. – Думала, успею поставить букет в вазу. Но как уж вышло, так вышло... Ах, Си, как же я рада видеть тебя!

Мы бросились в прочувствованные, эмоциональные объятия, раздавив при этом пару лилий, но никто из нас не обратил внимания на подобные пустяки.

– Ух ты! – издала она восхищенный возглас, отступая на пару шагов, чтобы положить букет на журнальный столик. – Потрясающе выглядишь! Волосы посветлели и стали еще длиннее.

– Да, выгорели на солнце. Там, в Австралии, такая жарница. Ты тоже великолепно выглядишь. И челку свою неизменную срезала. – Я знала, что для сестры челка – это завеса, за которой она привыкла прятаться. Но сейчас челку коротко подстригли, и огромные голубые глаза засияли на ее прелестном личике, словно два сапфира.

– Да, наступило время перемен. Послушай, Си, ступай пока наверх, прими душ с дороги, а я тем временем приготовлю нам ужин.

– Уже бегу. Но вначале хочу спросить. Чем это так вкусно пахнет? Мой нос точно чувствует запах торта.

– Угадала! Это мой любимый пирог с лимонной заливкой под названием «Лимонный дождь». Хочешь кусочек?

– Еще спрашиваешь! Да я все эти месяцы вдали от тебя только и мечтала, что о твоих тортиках.

Стар тут же отрезала мне щедрый кусок пирога, и я с жадностью вонзила в него зубы. И прикончила весь кусок за считанные секунды, а потом, взяв в руки еще одну порцию лакомства, подхватила свой рюкзак с вещами и пошла наверх. В спальне царил идеальный порядок, все сверкало чистотой, постельное белье тоже было свежим. В ванной я включила душ на весь напор и, стоя под мощными струями воды, подумала: а все же хорошо вернуться домой.

Когда я снова спустилась вниз, Стар уже поджидала меня, сидя за столом, на котором стояла бутылка пива, явно для меня.

– Твое здоровье! – чокнулась я бутылкой с ее бокалом шардоне.

– Добро пожаловать домой, – ответила Стар. – Я приготовила все твоё самое любимое. Через двадцать минут можно будет накрывать на стол.

– Пудинг с говядиной и почками! – ликуяще воскликнула я, увидев, как в духовке вздыбилось подрумянившееся тесто.

– Именно он! А сейчас я слушаю тебя! Сгораю от нетерпения, хочу узнать, где и как ты провела два последних месяца.

– О, это длинная история. А сколько у тебя времени в запасе?

– Вся ночь.

– Ты остаешься на ночлег? – удивилась я.

– Да, если ты не возражаешь.

– Конечно не возражаю! Что за разговоры, Сия! Или ты уже забыла, что это и твой дом?

– Не забыла, но...

Стар подавила легкий вздох и стала выкладывать на сковородку отдельные соцветия брокколи, чтобы слегка подогреть их.

– Послушай, Стар! Первым делом я хочу извиниться перед тобой, – выпалила я. – Представляю, как я тебя достала минувшей осенью. Впрочем, я, наверное, всю жизнь тебя доставала.

– Что за ерунда, Си! Не говори глупости... Это мне нужно просить у тебя прощения. Могу себе вообразить, через что тебе пришлось пройти, когда ты решила бросить свою академию. Я должна была в этот момент быть рядом с тобой, а меня не было. – Стар больно прикусила нижнюю губу. – Я повела себя по-свински, как самая последняя эгоистка. И мне очень стыдно за это.

– Да. На тот момент я действительно здорово была на тебя обижена. Но одновременно я получила хороший урок, который был мне нужен. Сейчас-то я понимаю, Сия, что ты поступила абсолютно правильно. Потому что наши с тобой отношения, точнее, мои отношения с тобой, они... они были как бы не совсем нормальными. Тебе нужно было вырваться на свободу и начать строить свою собственную жизнь. И скажу даже больше. Если бы ты не сделала это, я бы тоже не смогла найти свое место в этой жизни.

– У тебя кто-то есть, да? – Стар повернулась ко мне лицом. – Это Эйс, да? Вы с ним на той фотографии на пляже Прананг выглядите такими счастливыми и умиротворенными.

– Нет, это не Эйс. Да и не в этом дело, – резко поменяла я тему разговора. Внутренне я еще не была готова к тому, чтобы обсуждать свою личную жизнь. – Лучше ты расскажи, как у тебя с Мышью?

– Он хороший человек, – ответила Стар и снова повернулась к духовке, чтобы достать из нее пудинг с говядиной и почками. И тут же

стала раскладывать его по тарелкам. – Давай поговорим во время еды, ладно?

За столом говорила в основном Стар. Я же в это время уплетала за обе щеки, набивая брюхо до отказа. Я выслушала рассказ про Хай-Уилд, который мысленно уже окрестила «дом Мыши», о том, что они там затеяли грандиозные ремонтно-реставрационные работы, а поэтому пока все втроем – сестра, Мышь и его сынишка Рори продолжают жить на ферме, которая как раз напротив имения.

– Подозреваю, что на полное восстановление дома уйдут годы и годы. Дворец считается памятником архитектуры национального значения. К тому же Мышь и сам архитектор по образованию. А потому он добивается совершенства даже в мелочах. – В глазах Стар промелькнула легкая насмешка. Она явно забавлялась дотошностью Мыши, если не сказать, его занудством. Что ж, и на солнце есть пятна. В любом случае, обычные человеческие слабости сразу же утепили для меня его образ.

– Но ты ведь счастлива с ним, да?

– О да. Хотя порой он может быть невыносимым. Особенно когда речь заходит про все эти дымовые трубы и наличники. Но в такие минуты мы с Рори попросту удаляемся из дома, идем на прогулку, оставляем Мышь наедине с его архитектурными замыслами. А когда Рори уже спит, а Мышь все еще занят поиском наилучшего колпака для дымохода, я сажусь писать.

– Так ты все же начала писать свой роман?

– Да... Не то чтобы сильно продвинулась, но пишу понемногу... Уже страниц восемьдесят написала. Но... – Стар поднялась из-за стола и стала собирать посуду. – Десерт у нас с шерри. Пирожные, пропитанные хересом. Ты сильно отощала, по-моему. Тебя не мешает подкормить.

– Послушай, подруга! Перед тобой сидит девушка, которая может за один присест слопать целого кенгуру, – пошутила я в ответ. – Но расскажи мне о своей семье. Что тебе пишет мама после того, как она вернулась в Штаты? Ты с ней на связи?

– О да, постоянно. – Стар подала на стол пирожные с хересом. – Однако вначале я хочу выслушать рассказ о твоих приключениях. Особенно все, что касается Эйса. Как ты с ним познакомилась? Какой он на самом деле?

Разумеется, я поведала Стар историю своего знакомства с Эйсом во всех подробностях, не забыв при этом лишний раз подчеркнуть, как по-доброму он отнесся ко мне. И снова мне стало не по себе при мысли о том, что сейчас он считает меня предательницей.

– Ты собираешься навестить его в тюрьму? – спросила меня Стар.

– Да он скорее всего и разговаривать со мной не станет. Вышвырнет вон – и весь разговор, – ответила я, доедая последние крошки десерта. – Однако попробовать все же стоит, я думаю.

– Вопрос лишь в том, он ли это все сделал?

– Я думаю, да.

– Пусть даже так. Но, как говорит Мышь, едва ли такую аферу можно было повернуть в одиночку. Наверняка в банке у него были сообщники. Вот только почему они не торопятся признаваться в этом?

– А кому охота провести ближайшие десять лет за решеткой? – бросила я удивленный взгляд на сестру. – Он как-то вскользь в разговоре со мной упомянул о какой-то Линде, которая якобы знает всю правду. Но кто эта Линда, одному Богу известно.

– А тебе не кажется, что ты должна ему помочь в этих поисках? Возможно, тогда он и простит тебе твое невольное предательство.

– Сама не знаю. Когда я начинаю размышлять над всей этой ситуацией, то у меня такое ощущение, что Эйс уже сложил лапки... Сдался, одним словом.

– На твоём месте я бы для начала позвонила в банк и попросила бы к телефону эту самую Линду.

– А что, если в банке работают сразу несколько женщин с именем Линда?

– Может, и так. Значит, между вами была не любовь, да? – осторожно поинтересовалась у меня Стар.

– Нет, любовью я бы наши с ним отношения не назвала. Хотя Эйс мне определенно нравился. Он очень отзывчивый человек. Представляешь, сам отыскал мне книгу с биографией Китти Мерсер, той самой женщины, имя которой упомянул в своем письме Па Солт в качестве важной подсказки для начала моих поисков. Так вот, Эйс не просто заказал для меня эту книгу, но еще и прочел мне ее вслух, когда я призналась, что страдаю дислексией.

– Даже так? Звучит несколько иначе, чем все то, что пишут о нем в газетах. Там его рисуют исключительно в черных красках: пьяница, бабник, помешанный только на своих миллионах.

– Ничего подобного! Никакой он не пьяница. Во всяком случае, за все то время, что мы общались, я видела, как он лишь однажды выпил бокал шампанского. – Я невольно мечтательно улыбнулась, вспомнив ту ночь, когда это случилось.

– Хорошо. С Эйсом мы более или менее разобрались. А что же твоя настоящая семья? Кого тебе удалось отыскать в Австралии?

– К сожалению, большая часть моих родственников уже ушла из жизни. Мама точно умерла. Про отца ничего не могу утверждать наверняка, потому что даже не знаю, кто он.

– Грустно слышать, Си. – Стар легонько пожала мою руку. – Получается, у тебя с твоим биологическим отцом точно такая же история, как и у меня.

– Может, оно и к лучшему. Потому что мне удалось отыскать действительно *фантастического человека*. И этот человек приходится мне родным дедушкой. Кстати, он художник. И очень известен в Австралии.

– Ой, как же я рада за тебя, Си!

– Спасибо. А все же здорово, что отыскался человек, в жилах которого течет родная мне кровь. Правда?

– Еще как здорово! Но все же расскажи мне, как ты его нашла. И вообще, кто ты есть.

Пришлось снова пуститься в долгий рассказ. У Стар даже глаза на лоб вылезли от изумления, когда я довела свое повествование до дня сегодняшнего.

– Так получается, что в твоих жилах течет кровь австралийских аборигенов, японцев, немцев, шотландцев и англичан, – перечислила Стар все национальности, поочередно загибая пальцы на руке.

– Неудивительно, что люди все время принимали меня за кого-то другого, – улыбнулась я в ответ.

– Да, твоя родословная выглядит очень экзотичной, особенно в сравнении с моей. А я вот англичанка до мозга костей и бог знает до какого колена. Но разве это не фантастика, подумай сама, что и твоя бабушка Сара и моя мама – обе из Ист-Энда? Да и мы сами сейчас

обитаем почти рядом с этим районом, по другую сторону Темзы, всего лишь в нескольких милях от того места, где они появились на свет.

– Да, в этом действительно есть что-то необычное.

– А ты хоть привезла с собой фотографии своих картин?

– Забыла их сфотографировать. Но, насколько я помню, Крисси сфотографировала мое самое первое полотно моим же, кстати, фотоаппаратом. Так что нужно будет просто проявить пленку.

– А кто такая Крисси?

– Моя подруга, с которой я познакомилась в Австралии. – Пока я еще не была готова рассказать Стар все о своих взаимоотношениях с Крисси. Если честно, я даже понятия не имела, как начать этот разговор и какие выбрать слова. – Знаешь, Сия, но еще немного, и я свалюсь со стула от усталости. В Австралии сейчас уже самый разгар дня. А я в самолете практически не спала.

– Конечно, ступай наверх и ложись. Я только приберусь на кухне и поднимусь следом.

– Спасибо, – искренне обрадовалась я, что удалось избежать продолжения разговора о Крисси. Под приятное, такое домашнее и уютное позвякивание посуды на кухне, с которой возилась Стар, наводя порядок после ужина, я нырнула в постель и укуталась в мягкое, пушистое одеяло.

– Как здорово, Си, что ты наконец вернулась, – обронила Стар немного погодя. Она разделась и улеглась на кровать, стоявшую рядом с моей. Потом выключила свет.

– Да, это замечательно. Возвращение домой впечатлило меня даже больше, чем я думала, – откликнулась я уже полусонным голосом. – И хочу еще раз попросить у тебя прощения за то, какой взбалмошной и непредсказуемой я была все эти годы. Честное слово, я не хотела вредничать. Но что-то накапливается внутри меня, а потом вдруг выплескивается наружу и порой совсем не так, как мне того хочется. И тогда возникают всяческие недоразумения. Но я учусь. Честно! Учусь быть хорошей.

– Перестань, Си, винить себя. Тебе не в чем извиняться передо мной. Я-то отлично знаю, какая ты на самом деле. Спокойной ночи.

На следующее утро я проснулась вместе со Стар. Такого еще никогда со мной не было. Я прошлась по квартире, мысленно прикидывая, какие мелочи я хочу взять с собой в Австралию. Стар, завернувшись в халат, беседовала с кем-то по телефону на террасе. Когда она снова возникла на кухне, чтобы начать готовить завтрак, выражение лица у нее было самым счастливым. Наверняка ворковала с Мышью, догадалась я. Мое настроение заметно улучшилось, когда на мобильник поступила эсэмэска от Крисси.

Привет, Си! Надеюсь, долетела нормально. Собеседование в галерее было ужасным. Сильно переволновалась. Результат мне сообщат завтра. Скрести пальцы на удачу! Скучаю!

– Итак, чем ты займешься по возвращении домой? – спросила за завтраком Стар. – Уже решила?

Яйца бенедикт, приготовленные ею на завтрак, были настолько вкусны, что у меня даже возник соблазн передумать и никуда не уезжать.

– Вот об этом я как раз и хотела поговорить с тобой, Сия. Я думаю продать эту квартиру.

– Правда? Но почему? Я думала, она тебе нравится, – слегка нахмурилась Стар.

– Она мне и правда нравилась. Но все дело в том... Я переезжаю в Австралию.

– О боже! Не может быть! Ты это серьезно, Си? – Глаза Стар мгновенно наполнились слезами. – Но ведь это же так далеко.

– Всего лишь один день пути, если самолетом, – вяло пошутила я в ответ, стараясь спрятать свое волнение; я видела, как искренне расстроилась Стар, услышав мою новость. А ведь еще несколько недель тому назад я была уверена, что она будет на седьмом небе от счастья, увидев мою спину.

– Но что же тамошние пауки? Ты же всегда панически боялась этих тварей.

– И до сих пор боюсь. Но, думаю, мне удастся совладать со своими страхами. А самое забавное знаешь что? Пока я была

в Австралии, я не видела ни единого паука. Представляешь? Просто, Стар, дело в другом... Австралия – это та земля, которой я принадлежу. Понимаешь? Это моя земля, как никакая другая земля на свете. Да и Френсис, мой дед, не становится моложе. К тому же, после того как умерла его жена Сара, он страшно одинок. Вот я и хочу провести с ним как можно больше времени из тех лет, что остались у него в запасе.

Стар уныло кивнула в ответ, утерев с лица слезы рукавом джемпера.

– Я понимаю, Си. Я все понимаю.

– И потом, в тамошних местах есть нечто такое, что вдохновляет меня рисовать. Может, это кровь аборигенов дает знать о себе. Но когда я, к примеру, находилась в буше, то у меня было полное ощущение того, что *я знаю*, что именно надо делать, хотя и не задумывалась над этим.

– Иными словами, ты вплотную приблизилась к своей музе. Что ж, есть резон продолжить движение вверх, – грустно согласилась со мной сестра.

– Знаешь, здесь, в Лондоне, я себе места не находила, не знала, что мне рисовать, на чем сосредоточиться, но вот Крисси вывезла меня в пустыню, посадила рядом с каким-то эвкалиптом, а на горизонте – горная гряда Мак Доннелл. Вот и весь пейзаж! Но случилось чудо из чудес... Сама не понимаю, что и как. Однако уже через два дня она продала это мое полотно за шестьсот долларов!

– Ух ты! У меня просто нет слов! Это же великолепно, Си! Но кто эта Крисси? Она живет в том городе, куда ты собираешься уезжать? – Стар глянула на меня внимательным взглядом.

– На данный момент пока еще нет. Но вполне возможно, что уже в ближайшее время она туда переедет.

– Чтобы быть поближе к тебе?

– Да... то есть нет... Вернее, не совсем. Вполне возможно, ей предложат работу в одной из тамошних картинных галерей, и тогда... – Я затрясла головой на манер тех кукольных собачек, которых иногда крепят к заднему стеклу машины. – Мы с ней хорошие друзья. Она – добрый человек, отличный товарищ, такая позитивная натура во всем. Понимаешь меня? У нее была трудная жизнь, но она сумела

выстоять и преодолеть все. У нее нет одной ноги, протез до колена, но это не мешает ей...

Неожиданно я поняла, что меня понесло и я выболтала много лишнего. Собственно, полностью разоблачила себя.

– Си, – Стар ласково обняла меня за талию, – судя по твоим рассказам, Крисси действительно замечательная девушка. Надеюсь, в один прекрасный день я тоже познакомлюсь с ней.

– Будем надеяться, что так оно и будет. Знаешь, наслушавшись ее рассказов о том, через что ей пришлось пройти в свое время, я поняла, каким испорченным и капризным ребенком росла я сама. Да, в Атлантиде у всех нас было поистине волшебное детство. Нас окружили любовью и заботой, защитили от всех напастей и невзгод. А вот Крисси пришлось всего добиваться самой, чтобы стать тем, кем она стала.

– Понимаю. Тебе с ней хорошо?

– Да, – ответила я коротко и, помолчав, добавила: – Мне с ней очень хорошо.

– То есть она для тебя не просто подруга, а нечто большее, да?

– Пока еще слишком рано об этом говорить. И потом... Боже! – Я со злостью стукнула кулаком по столу. – Что за напасть, право? Стоило мне вернуться в Лондон, и у меня в голове опять стали путаться слова. Даже нужного слова не подберу, чтобы объяснить тебе, что я чувствую.

– А зачем тебе слова, Си? Ведь это же я, Стар. Твоя Сия... Разве нам с тобой нужны были когда-нибудь слова, чтобы понимать друг друга? – Ее руки сами собой пришли в движение, и она заговорила со мной на том языке жестов, который мы с ней сами себе придумали еще в детстве, когда не хотели, чтобы остальные сестры знали, о чем мы разговариваем.

«Ты любишь ее?» – спросила она меня жестами.

«Пока не уверена. Еще не уверена. Может быть».

«А она тебя любит?»

«Да», – ответила я, не задумываясь ни на секунду.

– Тогда я ОЧЕНЬ счастлива за тебя, – сказала Стар уже вслух и, поднявшись из-за стола, крепко обняла меня.

– Спасибо, – немного растерянно пробормотала я, уткнувшись ей в волосы. – Но ты же знаешь меня. Все может пойти наперекосик в любую минуту.

– Те же самые страхи, поверь мне, снедают и меня каждый день, когда я думаю про Мышь. Наверное, мы просто мало доверяем самим себе. Как думаешь?

– Пожалуй.

– И помни! – Стар слегка отстранилась, чтобы глянуть на меня. – Что бы с нами ни случилось, мы всегда будем рядом друг с другом. Мы есть друг у друга, и это главное.

– Спасибо! – Я зажмурилась, стараясь изо всех сил удержать слезы.

– А сейчас вот что! – Сестра снова уселась за стол. – Я тут провела небольшое исследование на тему «Линда».

– Уже успела? – промямлила я, пытаюсь совладать с захлестнувшими меня эмоциями.

– Успела. И вот первый результат. – Она положила передо мной листок, на котором была записана фамилия и номер телефона.

Я молча смотрела на записи.

– Итак, – продолжила Стар, – в банке работают три женщины по имени Линда. Одна трудится в департаменте, обслуживающем сотрудников банка питанием, вторая Линда поступила на работу в банк всего лишь два месяца тому назад. Следовательно, наиболее вероятный кандидат – это Линда номер три. Ее фамилия Линда Поттер. И до недавнего времени она работала пресс-секретарем у генерального директора банка мистера Дэвида Раттера.

– Правда? Но как ты все это умудрилась выяснить?

– Все очень просто. Позвонила в банк и попросила позвать мне к телефону Линду. Так я переговорила с первыми двумя Линдами, извинилась, что они не те, кто мне нужен. И наконец добралась до приемной генерального директора, где мне любезно сообщили, что Линда Поттер недавно уволилась.

– Все верно.

– И? – Стар вперила в меня пристальный взгляд.

– Что «и»?

– Ведь Эйс же сам сказал тебе, что Линда все знает, а эта Линда, в силу должности пресс-секретаря при руководителе банка, действительно по долгу службы должна была быть в курсе всего того, что происходило в компании. Секретарши всегда все знают, – уверенно заявила Стар.

– Ладно, – нерешительно обронила я, еще не совсем понимая, к чему она клонит.

– Си! Я думаю, тебе надо повидаться с Эйсом и расспросить его о Линде. В конце концов, вся эта история и к тебе имеет некоторое отношение. Разве не так? Эйс до сих пор считает, что это ты его подставила и выдала прессе. По-моему, до своего отлета в Австралию ты должна со всем разобраться и навести порядок в этом деле. Неужели ты сама этого не хочешь?

– Хотеть хочу, но только как мне доказать все это? Ведь у меня нет на руках никаких доказательств. Фото пленка была в *моем фотоаппарате*, и я сама отдала ее охраннику, чтобы тот проявил.

– Вот и расскажи все это Эйсу. Расскажи сама. А заодно спроси, почему он не делает ни малейшей попытки защитить себя?

– Ого! Вижу, ты заинтересовалась этим делом всерьез и надолго.

– Просто не люблю, когда людей обвиняют в том, чего они не делали. Особенно в этом конкретном случае, в котором оказалась замешана и моя сестра, – неожиданно резко ответила Стар.

– Прости, опять ляпнула что-то не то. Учусь держать язык за зубами, но пока получается плохо. – Я виновато пожала плечами.

– Хорошо! Проехали. Но учти, я впервые в жизни что-то пытаюсь донести до тебя словами. Более того, я прошу тебя послушать меня. Тебе нужно поехать на встречу с ним.

Как же сильно переменилась Стар за последние месяцы, невольно подумала я. Прежняя Стар наверняка бы обдумывала, обмозговывала и анализировала всю ситуацию внутри себя, но никогда бы не высказала своего мнения вслух. Зато я всегда говорила слишком много. Может, сейчас, когда мы с ней живем порознь, мы, каждая по-своему, приспособливаемся к новым обстоятельствам?

– Хорошо, хорошо, – поспешила я ответить согласием. – Я знаю, он сейчас находится в тюрьме Уормвуд-Скрабс. Позвоню, узнаю, когда у них часы приема посетителей.

– Точно позвонишь?

– Обещаю.

– Хорошо. Тогда я поехала. Мне нужно успеть забрать Рори из школы.

– Поезжай. Но прежде попрошу тебя об одной услуге. Ты не сможешь мне заполнить бланк заявления на получение

австралийского паспорта? Дедушка подготовил все необходимые бумаги. Но ты же знаешь, какая это для меня мука – заполнять все эти анкеты и бланки.

– Конечно, помогу. Неси все сюда.

Я быстро сбегала наверх и вернулась с конвертом, в котором лежали документы. Стар между тем отправилась на поиски авторучки с черными чернилами, нашла и тут же принялась заполнять бланк. Мы разложили все документы прямо на кухонном столе, мельком глянули на свидетельство о смерти моей матери, а потом Стар взяла мою метрику.

– Итак, ты родилась в Бруме пятого августа 1980 года, – огласила сестра дату моего рождения и принялась внимательно вчитываться в текст документа. – Боже мой, Си! Ты сама читала это?

– Нет, не успела. Дедушка вручил мне конверт с бумагами буквально накануне моего отлета сюда.

– И ты даже не знаешь, каково твое настоящее имя, да? Вот, взгляни! – Она ткнула пальцем в какую-то графу. Я наклонилась над ней, чтобы прочитать.

– Три тысячи чертей, как говорят у нас в Австралии.

– Все правильно! Мисс Перл Абрахам собственной персоной! Жемчужинка ты моя! – весело хихикнула в ответ сестра.

– *Перл!* Фи! Какой ужас! – издала я протяжный стон. – А я еще имела глупость обижаться на Па Солта за то, что он назвал меня Келено. Прости меня, папочка!

После чего присоединилась к Стар и тоже стала смеяться. Попутно попыталась представить себе, каково это будет, если другие начнут величать *меня* «жемчужиной». В голове не укладывается! Хотя, с другой стороны, само по себе имя Перл очень красивое.

Наконец мы успокоились, и я положила свою метрику обратно в конверт.

– Кстати, о метриках, – вдруг сказала Стар. – Тут на неделе моя мать должна прилететь в Лондон на несколько дней. И Ма тоже приезжает.

– Замечательная новость! – воскликнула я, обрадовавшись, что теперь мне не придется лететь в Женеву. – Они хотят познакомиться друг с другом?

– Что-то вроде этого, – кивнула в ответ Стар. – Когда мама отыскала меня, она попутно восстановила контакты и с некоторыми другими нашими родственниками. Их тут, оказывается, целая куча. И все в Ист-Энде. Так вот, мы собираемся устроить вечер встречи со всей своей родней. А мама сказала, что она уже давно мечтает познакомиться с той женщиной, которая вырастила меня. Хочет лично поблагодарить Ма. Вот я и решила, что более удобного случая не представится, и пригласила Ма в Лондон. Я была бы счастлива, если бы ты тоже осталась и поприсутствовала на этом вечере. Познакомилась бы с моей родной матерью... Я столько ей о тебе рассказывала.

– А какая она?

– Очень милая женщина. Правда, очень славная. Детей на этот раз она с собой не берет. Но я сама собираюсь навестить в Новую Англию и познакомиться там с моими тремя сводными братьями и сестрой. Так, ты еще должна подписаться вот здесь. – Стар указала нужную клеточку. – А еще тебе надо приложить ко всем этим документам копию документов о твоём официальном удочерении. Позвони Георгу Гофману, и он все подготовит для тебя. Во всяком случае, я точно знаю, что все мои бумаги хранятся у него, – добавила Стар.

– Ну, а как дела у всех остальных наших девочек? У меня не было контактов ни с одной из сестер после того, как началась вся эта шумиха в газетах.

– Если коротко, то новости такие. Майя стала учить английскому языку детишек из фавелы в Рио. Алли сообщила мне, что ее живот стал просто необъятных размеров и растет день ото дня, но настроение у нее хорошее, и чувствует она себя хорошо. Сразу же после Нового года я позвонила Тигги. Она перешла на другую работу. Сейчас трудится в каком-то имении неподалеку от своего заповедника. В июне она хочет собрать нас всех в Атлантике на годовщину смерти Па Солта. А вот от Электры я уже целую вечность не имею никаких весточек. Да и в газетах она перестала мелькать. Что весьма необычно. Впрочем, с некоторых пор почетное первое место самой популярной светской селебрити перешло уже к тебе, моя дорогая сестренка! – Стар издала веселый смешок. – Кстати, а когда ты улетаешь в Австралию?

– В следующую среду, рано утром.

– Так скоро?! – Лицо у Стар снова вытянулось. – А мы все собираемся во вторник. Сможешь принять участие в нашей вечеринке?

– Едва ли. Мне же еще нужно кое-что упаковать, распахать все по углам. Словом, подготовиться к отъезду, – пояснила я.

– Понятное дело. Тогда мы, прежде чем отправиться на вечеринку, устроим у тебя небольшой прощальный ужин, если не возражаешь. Заодно познакомишься с моей мамой. И встретишься с Ма.

– А ты не против, если я украду у тебя Ма на одну ночь? Кстати, я могу сама встретить ее, забрать из Хитроу и привезти прямо сюда. Тогда она переночует у меня с понедельника на вторник, а потом уже отсюда вместе с вами отправится на ваш вечер встречи и знакомства. Как смотришь?

– Отличная идея! Спасибо тебе, Си. Но сейчас мне действительно пора хватать свои шмотки и бежать. Пойду наверх, соберу вещи, а ты пока позвони в Уормвуд-Скрабс. Выясни, как там у них организуются свидания с теми, кто находится под стражей. Номер телефона я оставила на столе.

Стар устремилась наверх за своими вещами, а я, понимая, что так просто она от меня не отцепится, поплелась к телефону. Женский голос на другом конце провода звучал довольно приветливо. У меня поинтересовались, кем я прихожусь подследственному, и присвоили третий уровень контактных связей с Эйсом, которого женщина назвала «заключенным».

Я же, в свою очередь, назвалась «знакомой». У меня спросили дату моего рождения, адрес, по которому я проживаю в Лондоне, а также проинформировали, что при себе надо иметь документы, подтверждающие мою личность. После чего назначили время свидания.

– Ну, как все прошло? – поинтересовалась Стар, спускаясь по лестнице с дорожной сумкой, в которую она упаковала те вещи, которые брала с собой для ночевки.

– Все нормально. Вот только боюсь, в обтягивающих джинсах, которые, как ты знаешь, я обожаю, мне туда вход будет воспрещен. Такая одежда не соответствует их требованиям.

– Ну, как-нибудь переживешь это временное неудобство, – улыбнулась в ответ Стар. – И когда у тебя свидание с ним?

– Завтра в два часа. Может, пока я буду там, они мне сделают фотки для моего нового паспорта? Ну, вроде тех, из серии «Их разыскивает полиция». – Я зябко повела плечами. – Так странно слышать про Эйса «заключенный». До сих пор не могу в это поверить.

– Да, непросто все это. Ты уверена, что справишься тут без меня в полном одиночестве, Си? Одна в пустой квартире. – Стар положила руку мне на плечо.

– Конечно, справлюсь! Что за вопрос? Или ты забыла, что я уже большая девочка?

– Хорошо, тогда я пошла. Сообщишь мне потом, как прошла твоя встреча с Эйсом. Люблю тебя, Си. Увидимся на следующей неделе.

Меня охватило такое чувство, будто я попала в какое-то кино. Но вот наконец отворились ворота, и меня пропустили на территорию тюрьмы, которую люди, стоявшие в очереди вместе со мной, называли просто «Скрабс». В приемном отделении всех нас тщательно обыскали и методично проверили содержимое наших сумок. Затем всех нас привели в огромное помещение со множеством столов и пластиковых стульев. Как ни странно, но обстановка в комнате не была угнетающей, как я того боялась. Видно, кто-то из персонала постарался немного разрядить унылую тюремную атмосферу, развесив на стенах комнаты множество красочных постеров для того, чтобы заключенные и те, кто пришел на свидание с ними, не чувствовали себя совсем уж подавленными и не заламывали руки от отчаяния. Всех нас рассадили за отдельные столы и еще раз зачитали инструкцию: перечень всего того, что можно и чего нельзя делать во время свидания с заключенным. После чего наконец ввели самих заключенных.

Сердце бешено заколотилось в груди, когда в этой шеренге я стала выискивать глазами Эйса. И, лишь когда я услышала у себя над ухом знакомый голос, сказавший мне «Привет», я поняла, что даже не узнала его. Волосы коротко острижены – такая женская стрижка называется «под мальчика». Гладко выбритый и невероятно худой. Можно сказать, совсем отощавший.

– Зачем явилась? – поинтересовался он у меня, присаживаясь на стул.

– Я... Видишь ли, я только что вернулась в Англию и вот подумала, что должна навестить тебя.

– Чего ради? Впрочем, ты первая, кто явился на свидание со мной. Не считая, конечно, моего адвоката.

– Что ж, если это тебя огорчает, то мне жаль, что я стала первой.

Мы оба замолчали. Эйс принялся внимательно разглядывать свои руки, потом повернул голову влево, затем – вправо, глянул на потолок. Словом, смотрел куда угодно, но только не на меня.

– Зачем ты это сделала, Сиси? – спросил наконец Эйс.

– Я ничего не делала! Поверь мне! Именно поэтому я и пришла к тебе, чтобы рассказать, как все было на самом деле. Твой охранник По, видно, получил взятку от парня по имени Джей. Один человек в отеле «Рейли-Бич» сказал мне, что он якобы узнал тебя. Но я тогда промолчала, ничего тебе не рассказала, решила не расстраивать лишний раз. К тому же я сама понятия не имела, кто ты такой. А потому и не поверила во всю эту болтовню.

– Ой, я тебя умоляю, Сиси! Кончай придуриваться! – фыркнул в ответ Эйс. – Эта фотка попала на первые полосы газет из твоего фотоаппарата. Я тогда позволил По сфотографировать нас, потому что доверял тебе. Думал, мы с тобой друзья.

– Но мы и были друзьями! Ты ведь обошелся со мной более чем великодушно! – крикнула я, потом понизила голос, увидев, что на нас стали оглядываться другие. – Я не сделала ничего, чтобы предать тебя. Должно быть, По снял копии с моих фотографий и передал дубликаты Джею. Это чистая правда, говорю же тебе! Так оно все и было на самом деле!

– Допустим. – Эйс опять заметно дистанцировался от меня. – Предположим, такое случается. Иногда. Хотя я и сам прекрасно понимал, что не смогу прятаться вечно, скрываться где-то до конца своих дней. Словом, ты просто ускорила неизбежную развязку.

– Но *мне важно, мне*, понимаешь, чтобы ты поверил, что я говорю тебе правду. Да меня чуть удар не хватил, когда я прилетела в Австралию, а там все сестры начали бомбардировать меня эсэмэсками. Сообщили, что моя физиономия красуется на первых полосах всех газет! Думаешь, я хотела этого?

– Что? Оказаться в близкой связи с самым скандально известным преступником?

– Именно!

– А многие девушки об этом бы только и мечтали.

– Но эти «многие» не я! Тебе ясно? – свирепо отрезала я, стараясь тем не менее сохранять хладнокровие.

– Не ты, – неожиданно согласился он со мной, немного помолчав. – Здесь ты абсолютно права. Да и я был уверен, что ты не *такая*, что тебе можно доверять.

– И мне действительно можно доверять! Что ж, воля твоя. Не хочешь поверить мне, не стану более убеждать. Но повторяю еще раз: я не лгу. А пришла я к тебе за тем, чтобы спросить, не нужна ли тебе какая помощь. Если хочешь, я могу выступить на суде в качестве свидетеля, дам показания о твоём моральном облике.

– Благодарствую, Си. Но стараниями средств массовой информации всех калибров моя репутация и так поднята на недостижимую высоту. Как говорится, не подлежит исправлению и не заслуживает никакого снисхождения. Да и поделом! Полагаю, ты достаточно начиталась в газетах о моих былых похождениях. Не то чтобы это имело какое-то отношение к тому, что случилось в банке, но на сегодняшний день я, пожалуй, тот мужчина, которого в Британии ненавидят все.

– Ничего я не читала! Или ты забыл, что у меня дислексия? Я с трудом читаю.

На лице Эйса промелькнула слабая улыбка.

– Ах да! И правда забыл. Ну и слава богу, что не читала.

– А кто такая Линда Поттер?

Впервые за все время нашего разговора Эйс впился в меня внимательным взглядом.

– Что?

Ура! Значит, Стар отыскала именно ту Линду, которая нам нужна.

– Линда Поттер, – повторила я. – Помнишь, ты однажды ночью сказал мне, что она «знает». Так что она знает?

– Ничего. Понятия не имею, о ком ты.

– Зато я имею понятие, о ком толкую. Она ведь была секретаршей у генерального директора «Бернерс-Бэнк». Ну или пресс-секретарем, как это у них называется.

– Послушай, Сиси. Не суй свой нос... во все эти дела. Понятно? – процедил Эйс сквозь зубы.

– Так что она знает, Эйс? Почему ты не хочешь, чтобы я помогла тебе?

– Послушай! – Он подался вперед, наклонившись ко мне. – Что сделано, то сделано. С этим ясно? Что бы там ни случилось, я качусь по наклонной плоскости. И в любом случае это сделал я. И я один во всем виноват.

– Наверняка были и другие, кто знал о том, что творится в банке. Разве не так?

– Говорю же тебе, не лезь в эти дела!

Я увидела, как Эйс поднял вверх руку, приглашая к себе одного из офицеров охраны. У подошедшего к нам типа была такая физиономия, что не дай бог встретиться с таким человеком ночью где-нибудь в безлюдном месте.

– Я хочу обратно в камеру, – обратился к нему Эйс, когда тот вплотную приблизился к нашему столику.

– Как скажешь, приятель. Время свидания истекло, мисс, – рявкнул стражник, обращаясь уже ко мне.

Эйс поднялся из-за стола.

– Спасибо, Си, за то, что пытаешься помочь мне. Но поверь, в моей ситуации ничего нельзя сделать.

Уже стоя на остановке в ожидании автобуса, который довез бы меня до центра Лондона, я снова подумала о том, что Стар оказалась права во всем. Даже если моя встреча с Эйсом окончилась ничем и я действительно никак не смогу помочь, все равно я должна была показать ему, что на белом свете есть хотя бы один-единственный человек, которому не безразлична его судьба.

Потому что по себе знаю, каково это, когда тебя лупят со всех сторон, как того бездомного пса.

Суточный ритм моего организма после дальнего перелета, судя по всему, категорически отказывался восстанавливаться. На следующее утро я опять проснулась ни свет ни заря. Первым делом я позвонила Ма и сказала, что встречу ее в Хитроу, она прилетит из Женевы во

второй половине дня в понедельник. А ровно в девять я набрала номер телефона «Бернерс-Бэнк», который оставила мне Стар.

– Алло! Будьте любезны, пригласите к телефону Линду Поттер.

– К сожалению, она здесь больше не работает, – ответил мне ломкий женский голос. – Вы та самая леди, которая звонила нам пару дней тому назад?

– Да. Я... – Я лихорадочно прокрутила в голове все возможные варианты продолжения фразы, – пытаюсь выйти с ней на связь. Она обещала прийти на празднование моего дня рождения сегодня вечером, но, к сожалению, до сих пор так и не отзвонилась.

– А вы перезвоните ей по домашнему телефону.

– Да, но... – Я снова напрягла свои серые клеточки в невероятном интеллектуальном усилии для того, чтобы придумать еще какие-то убедительные аргументы. – Дело в том, что я сейчас на переговорах, а она на звонки по мобильнику не отвечает. И номера ее домашнего телефона у меня с собой, как назло, нет. Может, у вас есть?

– Да, одну минутку.

Я затаила дыхание.

– Записывайте! – Женщина продиктовала мне номер.

– Большое спасибо, – поблагодарила я, записывая цифры. И прочувствованно добавила: – Сегодня у меня особый праздник. И будет жаль, если Линда не примет в нем участие.

– Понимаю. Надеюсь, это хоть немного поднимет ей настроение. Всего доброго.

Я с видом триумфатора сделала короткую пробежку по своей просторной квартире, потом снова собралась и набрала номер домашнего телефона Линды. Сердце мое учащенно забилося, когда я услышала длинный гудок на линии, но уже через пару секунд последовал щелчок, и включился автоответчик. Я разочарованно повесила трубку и тут же позвонила Стар. Надо же посоветоваться, что мне делать дальше.

– Все понятно. Тебе нужен ее адрес, – рассудительно сказала сестра. – Подожди минутку.

Я услышала, как она заговорила с каким-то мужчиной, обладателем глубокого бархатистого голоса.

– Си, я передаю трубку Орландо. Это брат Мыши. Он просто обожает играть в детектива.

– Мисс Келено?

– Да. Но зовите меня просто Сиси.

– Боже мой, а я вот от всей души желаю всем, кому дали от рождения необычные имена, пользоваться ими без зазрения совести. Вот, к примеру, я. Если кто-то из близких, за исключением моего племянника, разумеется, посмеет когда-либо назвать меня просто «Ландо», я буду пребывать в депрессии до конца года. Итак, мисс Стар сообщила мне, что вам нужен адрес какой-то персоны?

– Да, все верно, – ответила я, с трудом сдерживая себя, чтобы не рассмеяться прямо в трубку. Уж больно забавно звучала его старомодно куртуазная речь.

– Минутку! Проверяю по компьютеру. Код ее домашнего телефона – 01233, что говорит о том, что ваша таинственная незнакомка обитает в Кенте. Конкретно... – Последовала короткая пауза, и я услышала, как он кликнул по клавиатуре. – Конкретно, в Эшфорде. Замечательно живописный маленький городок. И какое приятное совпадение, совсем рядом с нами. Сейчас просмотрим электронную базу данных их избирательного округа. Поищем там вашу Линду Поттер. Подождите пару минут, пока я пробегу все списки... Ага! Вот и она! Записывайте адрес: Коттедж, Чарт-Роуд, Эшфорд, Кент.

– Си, я перешлю тебе адрес эсэмэской, – проговорила в трубку Стар, снова вернувшись на линию. – Собираешься к ней нагрянуть? Это ведь совсем близко. Час езды на поезде от вокзала Чаринг-Кросс.

– А вдруг она куда-то уехала?

– Или просто залегла на дно. Подожди минутку!

Я снова запаслась терпением, пока Орландо и Стар обсуждали что-то между собой.

Потом Стар снова взяла трубку.

– Знаешь, от Хай-Уилд до Эшфорда на машине пару минут езды. Мы с Орландо решили, что подскочим туда и разузнаем все на месте. Как смотришь?

– Пожалуй, не стоит, Стар. И к чему такая спешка? В конце концов, это же не вопрос жизни и смерти.

– Кто знает, Си? Вполне возможно, для Эйса это именно вопрос жизни и смерти. А мы просто проверим, есть ли в доме кто из жильцов, прежде чем ты наведаешься туда лично.

– Ладно! – неохотно согласилась я, а про себя подумала: «Неужели нынешняя жизнь Стар так скучна и бедна событиями, что она очертя голову готова ринуться на поиски женщины, которую ни я, ни она в глаза не видели? И все для того, чтобы получить весьма призрачный шанс на то, что она сможет помочь человеку, находящемуся в тюрьме по подозрению в мошенничестве. А этот человек, между прочим, и видеть меня больше не желает».

– Во время обеденного перерыва мы туда рванем, – пообещала Стар. – Орландо будет моим поводырем.

И оба дружно захихикали в трубку, словно дети на празднике Хеллоуин. Я коротко поблагодарила их и отключилась. Пусть себе веселятся дальше.

Минут через десять раздался звонок в дверь. На сей раз ко мне пришел риелтор, тот самый, с которым я контактировала, когда покупала эту квартиру.

Мы обменялись рукопожатиями, и он тотчас же отправился осматривать квартиру. Все время кивал сам себе и тяжело вздыхал. Покончив с осмотром, подошел ко мне и еще раз протяжно вздохнул.

– Что не так? – осторожно поинтересовалась я у него.

– Вы же знаете, какие времена переживает на данный момент рынок недвижимости в Лондоне?

– Понятия не имею, какие времена он переживает.

– Если говорить открытым текстом, он лежит на дне.

После чего тот же самый агент, который в свое время втюхивал мне эту квартиру, расписывая во всех красках ее мыслимые и немыслимые достоинства и объясняя, почему именно я должна *непрерывно* купить ее, с тем же жаром принялся втолковывать, что за такую цену, за какую ее купила я, эту квартиру *больше никто* не купит. Никогда и ни за что!

– Рынок перенасыщен новостройками, – продолжал витийствовать мой риелтор. – Десятки квартир в домах, построенных рядом с Темзой. И добрая треть из них пустует. Конечно, частично в этом виноват кризис, разразившийся на рынке субстандартного жилищного ипотечного кредитования в Америке, но тут, как всегда, сработал принцип домино и в конечном счете пострадали все.

«*Боже мой, вот напасть!*»

– Пожалуйста, объясните мне на понятном английском языке, за сколько я могу выставить на продажу свою квартиру.

Он назвал цену, и у меня глаза полезли на лоб.

– Но это же на целых двадцать процентов меньше той суммы, за которую я когда-то купила ее у вас!

– К сожалению, мисс Делеси, рынок недвижимости всегда непредсказуем. У него свои законы. Да и всякие разные эмоции тоже на него сильно влияют. Так, к примеру, по непонятным причинам жилье рядом с Темзой в настоящее время не пользуется спросом. Потом, разумеется, все вернется на круги своя. В Лондоне так случается постоянно. На вашем месте и если у вас пока нет особой нужды в деньгах, я бы пока повременил с продажей. По-моему, лучше сдать квартиру в аренду.

Мы принялись обсуждать, за какую конкретно сумму я могу сдать свою квартиру внаем. Выяснилось, что для таких, как я, то есть для людей со скромными запросами, вырученных денег может с лихвой хватить на то, чтобы лакомиться мясом кенгуру еще долгие и долгие годы. Риелтор заверил меня, что агентство само урегулирует все необходимые формальности. После чего я поставила свою подпись на нескольких бланках и мы обменялись уже прощальными рукопожатиями. Я отдала ему запасной комплект ключей и проводила к дверям. В этот момент зазвонил мой мобильник.

– Сия, это ты? – выдохнула я в трубку.

– Мы уже на месте.

– Где это «на месте»?

– Стоим напротив дома Линды Поттер. Она, кстати, дома.

– Откуда ты знаешь?

– Орландо постучался к ней, а когда она открыла дверь, представился кандидатом в депутаты от местного отделения консервативной партии. Правда, я сказала, что на его месте я бы представилась кандидатом от партии Дэвида Сатча. Ну, того самого, помнишь? – который в 1983 году зарегистрировал свою партию и назвал ее «Официальная чудовищная бредовая полоумная партия».

В трубке раздался громогласный взрыв хохота. Когда они оба отсмеялись всласть, Стар продолжила:

– Впрочем, я от Орландо тоже не отстала и выдала себя за его секретаршу. Причем как только я назвалась секретаршей, лицо Линды

мгновенно просияло и она тут же сообщила мне, что когда-то и сама работала «личным секретарем у одного очень важного господина».

– И какое все это имеет отношение к делу? – нетерпеливо бросила я в трубку.

– Уймись, Си! И позволь мне закончить. Потому что я сразу же поинтересовалась у нее, не ушла ли она на пенсию. Она кивнула в ответ и добавила: «Вытолкали взащей щипать травку раньше времени». Вот буквально ее слова. Короче, мы с Орландо решили, что от нее просто избавились.

– А может, у нее уже пенсионный возраст?

– Едва ли. По нашим прикидкам, ей нет еще и пятидесяти.

– Хорошо! И что сейчас прикажешь делать мне?

– Приезжай сюда и познакомься с ней лично. Я могу завтра забрать тебя из Эшфорда, но только не позднее половины четвертого. Потому что в это время я обычно забираю Рори из школы.

– То есть ты намереваешься стать моим правофланговым?

– Но сестры ведь на то и нужны, чтобы помогать друг другу.

– Верно. Спасибо тебе большое, Сия. Пока.

Я принялась рассеянно паковать свои пожитки. Настроения не было. День все тянулся и тянулся, и в какой-то момент я вдруг подумала, что одиночество – это действительно очень скверная штука. Стар хорошо: она теперь живет в окружении своих близких. А вот мои близкие сейчас на другом конце света. Ждут меня. Я присела на софу, чувствуя себя хуже некуда. И тут, словно по волшебству, снова зазвонил мой мобильник.

– Алло! – выкрикнула я в трубку.

После довольно долгой паузы, показавшейся мне вечностью, я услышала знакомый женский голос.

– Си, это я, Крисси.

– Привет! – обрадовалась я. – Ну, что у тебя новенького?

– Все отлично! Все просто супер! Твой дед передает тебе привет.

– И ему тоже передавай привет от меня. Так как твои дела?

– Говорю же, все хорошо. Вот тебе сообщаю первой. Точнее, второй... Первым был твой дедушка. Мне предложили эту работу в галерее! Представляешь?

Крисси издала радостный вопль, услышав который я невольно улыбнулась.

– Действительно прекрасная новость!

– Именно так! Деньги, правда, ерундовые, но твой дедушка был настолько добр, что предложил мне пожить какое-то время у него, пока я соберу немного денег, чтобы снять уже свое жилье. Если честно, он сейчас и навечно мой лучший друг. И я вовсе не шучу, Си! А еще мы оба страшно скучаем по тебе.

– Да я тоже соскучилась.

– А сейчас я собираюсь позвонить в Брум и сказать им, что уйду с работы. Выметаюсь, так сказать. Как думаешь, я поступаю правильно?

– Все правильно, Крисси! Ты выметаешься из Брума, а я выметаюсь из Европы. И потом, ты же всегда мечтала о такой работе.

В трубке повисла пауза.

– Но ты точно возвращаешься в Австралию?

– Еще как точно! – ответила я, как отрезала.

– Тогда и я тоже!

– Что ты тоже?

– Брошаю свою работу в Бруме! Неужели не понятно, идиотка? А что там Эйс? Ты его навещала?

– Да, вчера. Он в очень подавленном состоянии.

– Но все же ты точно вернешься в Алису?

– Сколько раз можно повторять, что точно вернусь?

– Хорошо, будем ждать. А пока прощаюсь. Мой разговор с тобой и так обойдется твоему деду в целое состояние. Спокойной ночи. Очень по тебе скучаю.

– Я тоже.

Я снова отправилась странствовать по своей квартире и попутно полила все цветы Стар. В конце концов, это – самая малость, которой я могу отблагодарить сестру за все то, что она для меня сделала. Что снова заставило меня вспомнить, сколь велика была моя зависимость от Стар все те годы, что мы были вместе. И вот я снова с готовностью принимаю ее помощь во всех тех делах, в которых сама не шибко разбираюсь.

Уже лежа в кровати, я все же твердо решила. Нет, к этой Линде Поттер со всей ее сомнительной репутацией я отправлюсь сама. Лично, безо всякой помощи извне.

Дорога до Эшфорда, куда я отправилась прямо на следующее утро, действительно оказалась недолгой. На вокзале я взяла такси и продиктовала шоферу тот адрес, который откопал для меня Орландо.

– Вот мы и на месте, мисс. – Водитель указал мне на дом. Я попросила его проехать чуть дальше, припарковаться на противоположной стороне улицы и подождать немного.

– Если через десять минут я не появлюсь, можете уезжать, – сказала я, вручая ему лишних пять фунтов сверх оплаты за проезд. – В случае чего, я потом сама наберу ваш номер.

Я прошлась по тротуару и остановилась напротив дома, ничем не выделяющегося из шеренги одинаковых коттеджей, протянувшихся вдоль улицы, стараясь изо всех сил не пялиться на окна и держаться как можно незаметнее. На воротах висела небольшая деревянная табличка с надписью «Коттедж». Я пересекла проезжую часть и подошла к воротам. Небольшой палисадник радовал глаз своей ухоженностью. Я открыла калитку, прошла по дорожке к крыльцу и позвонила в дверь, попутно соображая, что сейчас скажу, если мне откроют. Но додумать не успела, потому что дверь отворилась тотчас же.

– Если вы пришли агитировать меня за свою кандидатуру на выборах в местный совет, то заранее говорю вам, я не интересуюсь всеми этими делами.

Женщина уже приготовилась захлопнуть дверь у меня перед носом, но я придержала дверь рукой.

– Нет, я здесь по другой причине. Меня зовут Сиси Деплеси. Я – знакомая Эйса по Таиланду.

– Что? – Женщина уставилась на меня во все глаза. – Боже правый! *Так это вы!*

– Да, это я.

Дверь оставалась полуоткрытой, и я продолжала придерживать ее рукой, а женщина стояла молча, разглядывая меня. Я тоже окинула ее взглядом. Темноволосая, короткая стрижка без каких-либо прикрас и ухищрений, аккуратная блузка, юбка, прикрывающая колени. Мы со Стар наверняка посчитали бы такой наряд старушечьим. Поскольку

женщина продолжала молчать, явно ошарашенная моим внезапным появлением, я снова открыла рот:

– Мне надо поговорить с вами.

Женщина наконец оторвала свой взгляд от меня и боязливо огляделась по сторонам.

– Как вы меня отыскали?

– По спискам избирателей вашего округа. Я навещала Эйса в тюрьме. Он ведь уверен, что это я передала ту фотографию газетчикам. Но на самом деле это сделал один подлец. А Эйса я продолжаю считать хорошим человеком, несмотря ни на что. И потом, – я нервно сглотнула слюну, – он помог мне в тот момент, когда мне нужна была помощь. А сейчас у меня такое чувство, что рядом с ним нет никого из друзей. Между тем именно сейчас он отчаянно нуждается в поддержке, – закончила я, тяжело пыхтя от невероятных усилий, затраченных на поиск нужных слов.

Женщина кивнула в знак согласия и добавила:

– Проходите в дом.

– Спасибо, – коротко поблагодарила я, переступая порог, и она тотчас же захлопнула дверь и заперла ее на ключ.

– Никто не знает, что вы здесь? – спросила у меня Линда.

– Никто, – успокоила я ее, идя следом по узкому коридору в сторону гостиной, поражающей той же безукоризненной чистотой, что и палисадник перед домом. Разве можно попросить здесь стакан воды? А вдруг пролью ненароком пару капель на натертую до блеска лакированную поверхность журнального столика? Даже подушки на диване были разбросаны в строго симметричном порядке под одинаковыми V-углами.

– Пожалуйста, присаживайтесь. Чашечку чая?

– Нет, спасибо, – отказалась я, осторожно примостившись на самом краешке дивана. – Я не задержу вас надолго.

Линда уселась в кресло напротив и какое-то время молча разглядывала меня. Но вдруг глаза ее затуманились, словно она собиралась расплакаться, и Линда тут же отвела их в сторону.

– Итак, – выдохнула она едва слышно, явно пытаясь справиться со своим волнением, – вы девушка Ананда?

Мне потребовалось мгновение, чтобы понять, что Линда имеет в виду Эйса, назвав его настоящим именем.

– Не стала бы утверждать это со всей определенностью. Но да, какое-то время мы провели вместе. Кстати, а почему мне он назвался Эйсом?

– Это у него такая кличка, если можно так выразиться. Ему дали ее на бирже, потому что он всегда из любых торгов выходит победителем. То есть я хочу сказать: «выходил». Во всяком случае, так было раньше... Эйс – это ведь означает «туз» или козырная карта. Однако зачем вы ко мне приехали?

– Послушайте! Его судьба мне не безразлична. Это правда. Однажды ночью он упомянул ваше имя. Сказал: «Линда знает...». – В тот момент я, конечно, ничего не поняла. Зато кое-что понимаю сейчас. Я собираюсь переезжать на постоянное местожительство в Австралию. И вот решила до своего отъезда сделать для него хоть самую малость и отыскать вас.

– Он славный мальчик, – обронила Линда после долгой паузы.

– Он действительно очень славный парень. Приютил меня, когда я осталась без крыши над головой. Право же, не знаю даже, о чем мне следует спросить вас. Но...

Глянув на Линду, я поняла, что мыслями она сейчас далеко от меня. Витает где-то в прошлом, уставившись в пустое пространство. Я замолчала, ожидая, когда она заговорит сама.

– Он приехал в Англию, когда ему исполнилось тринадцать лет. Его привезли сюда в закрытую частную школу, – начала она наконец свой рассказ. – Я его встречала в аэропорту, когда приземлился самолет из Бангкока. А потом я же отвезла его в школу Чартер Хаус. Она расположена здесь неподалеку. Он был такой маленький, такой хрупкий. На вид не больше девяти-десяти лет. Самое настоящее дитя. К тому же недавно потерял мать. Но держался молодцом. Даже не заплакал ни разу. И когда я познакомила его с классным руководителем, и потом, когда оставила его там. А ведь для ребенка это наверняка стало огромным шоком: уехать из Бангкока и оказаться в холодной серой Англии, да еще запертым в четырех стенах школы.

Линда снова замолчала и тяжело вздохнула, а потом добавила:

– Дети, особенно мальчишки, они ведь могут быть такими жестокими, правда?

– Если честно, то понятия не имею. У меня нет братьев. Одни сестры.

– Вот как? – Линда слегка улыбнулась. – Тогда вам повезло. А я вот была единственным ребенком в семье. Но если вернуться снова к Ананду, то я навещала его каждую неделю. Просто для того, чтобы убедиться, что с ним все в порядке. По телефону он всегда разговаривал со мной жизнерадостным голосом, но я-то понимала, что ему там приходится несладко. Иногда я навещала его и по воскресеньям, забирая с собой на обед. Мало-помалу мы с ним сдружились, а потом, уже с разрешения его отца, Ананд стал приезжать ко мне и оставался здесь на каникулы или на выходные. Впрочем, все это уже в далеком прошлом. – Линда нервно сплела пальцы рук и еще теснее сдвинула колени.

Какое-то время мы сидели молча. Я изо всех сил пыталась переварить и осмыслить все то, что только что услышала из уст Линды. Но что-то у меня не очень получалось. Я ведь хорошо помню, Эйс недвусмысленно дал мне понять, что не знает, кто является его отцом. А по словам Линды, отец у него есть, и Эйс вполне в курсе этого. Может, она связана какими родственными узами с Эйсом? И именно поэтому принимала такое живое участие в его судьбе, когда он был еще ребенком?

– Насколько мне известно, вы работали пресс-секретарем у генерального директора «Бернерс-Бэнк», – неожиданно брякнула я.

– О да, работала. Но, как вам известно, за последние месяцы там много чего изменилось. Сейчас я официально числюсь на заслуженном отдыхе.

– Но это же здорово!

– Ничего хорошего! – фыркнула в ответ Линда. – На самом деле это просто ужасно! Все время мучаюсь, соображая, чем себя занять. Когда торчишь целыми днями дома, задача, знаете ли, не из простых. Конечно, со временем я привыкну к своему новому положению. Но, по правде говоря, пережить такую встряску, когда твой образ жизни ломается внезапно и бесповоротно, совсем даже не просто. Понимаете меня?

– Отлично понимаю! – прочувствованно ответила я. – Вас отправили на пенсию, потому что банк купили другие люди?

– Частично и поэтому. Но еще и потому, что Дэвид посчитал, что будет лучше, если я уйду на время в тень.

– Дэвид?

– Ну да. Наш генеральный директор. Я отработала на этого человека более тридцати лет. Можно сказать, жила только им и своей работой. А сейчас вот... – Она зябко повела плечами. – А сейчас имею то, что имею. Так вы точно уверены, что не хотите чашечки чая?

– Нет, спасибо большое, не хочу. Насколько я понимаю, ваш босс до сих пор трудится в этом же банке? – продолжала я гнуть свою линию.

– О да! – Она яростно тряхнула головой. – Взял себе новую секретаршу. Некую Дебору... Улучшенную версию меня самой, надо думать. Наверняка такая вся из себя... блондинка. Впрочем, какая разница? Не сомневаюсь, как секретарь она выше всяких похвал, – тут же поспешила она откреститься от своих слов.

– Линда, – начала я, чувствуя, что все наши разговоры пока ведут в никуда. Только расстраивают бедную женщину еще сильнее. – Линда, что такого вы знаете про Эйса? Скажите мне. Может, это что-то полезное, что-то такое, что поможет ему?

– О господи! Да я знаю про Ананда все, – медленно проговорила она. – Даже знаю, как он любит расчесывать свои волосы, ложась спать. Знаю, что на одно ухо он слегка глуховат из-за давней травмы, полученной при игре в регби. Знаю, как он обожает мое домашнее песочное печенье.

– Но я имею в виду другое. Знаете ли вы что-то такое, что поможет защитить его на суде? Ну хотя бы сбавить срок наказания, если уж ничего другого не получится.

Линда больно прикусила губы, и ее глаза мгновенно наполнились слезами.

– Между прочим, скоро полдень. Думаю, мы имеем полное право пропустить по рюмочке шерри. Как смотрите?

– Нет, спасибо. Мне не надо.

Она поднялась с кресла, подошла к буфету, стоящему у стены, извлекла оттуда бутылку и небольшую рюмку, которую наполнила какой-то коричневатой жидкостью.

– Бог мой, я уже сто лет, наверное, не пила шерри в дневное время. Будьте здоровы!

– Ваше здоровье! – откликнулась я. Для человека, только что заявившего, что она не увлекается алкоголем, Линда опрокинула в себя рюмку шерри довольно лихо.

– И сразу же полегчало, – с некоторым удивлением в голосе проговорила Линда. – Вот и задавайся после этого вопросами, почему это люди, как правило, топят все свои горести в вине. Как неприятность, сразу же на повестке дня появляется алкоголь. Кстати, Ананд прикладывался к спиртному, когда вы были вместе с ним в Таиланде?

– Нет. Никогда. Разве что позволил себе выпить бокал шампанского в новогоднюю ночь.

– Прекрасно! Вообще-то его никогда не тянуло к выпивке. Во всяком случае, до того, как он начал заниматься биржевыми операциями. Проблема в том, что в Сити все бухают по-черному. Там выпивка – это своего рода пропуск, такой пароль в мир избранных биржевых маклеров. Естественно, ему не хотелось выделяться на фоне других. Да и кто захочет быть не таким, как все остальные? Правда ведь?

– Правда, – согласно кивнула я.

– Я с самого начала твердила Дэвиду, что напрасно он привлек Ананда к работе в банке сразу же после того, как тот закончил школу. Но Дэвид видел, что у парня очень незаурядные способности к этому делу. Впрочем, сам Ананд тоже не горел особым желанием трудиться в банке. Он сам однажды признался мне в этом, сидя на том же самом месте, где сейчас сидите вы. Но все в его жизни решал Дэвид. – Линда подавила очередной тяжелый вздох.

– То есть это ваш босс вынудил Эйса стать биржевым игроком, да? – переспросила я в полном недоумении, отказываясь верить своим ушам.

– Можно сказать и так. С другой стороны, Ананд буквально трепетал перед этим человеком. Он обожал его до беспамятства и готов был сделать все, что прикажет ему Дэвид.

– Но почему?!

Линда нахмурилась, сдвинув брови к переносице.

– Наверняка же он рассказал вам все. Иначе вы бы не приехали ко мне.

– Рассказал что?

– Что Дэвид – отец Ананда.

– Не может быть! – выдохнула я, пытаюсь вникнуть в смысл того, что услышала от Линды. – Нет, этого он мне не рассказывал.

– О боже! Что я натворила! Я ведь была уверена, что он... – Линда в отчаянии закрыла лицо руками. – Ведь об этом же никто не знает! Ни одна живая душа на свете... Страшная тайна...

– Но почему?

– О, Дэвид так трясется над своей репутацией безупречного делового человека в Сити. У него на этой почве, можно сказать, самая настоящая паранойя. Не хочет, чтобы люди знали, что у него на стороне есть незаконный ребенок. К тому же на тот момент, когда Ананд появился на свет, Дэвид уже был женат. Более того, у них с женой был маленький ребенок.

– Да, но сам Эйс знает, что Дэвид его отец?

– Конечно знает! Поэтому он и старался изо всех сил угодить ему во всем. В какой-то момент Дэвид поступил правильно, значительно смягчив свою вину перед сыном, когда, узнав о смерти матери Ананда, привез его в Англию и отдал в одну из лучших закрытых школ Британии. А потом взял его на работу к себе в банк, но при одном условии – никто и никогда не узнает, какие родственные узы их связывают.

– Вы полагаете, Дэвид стыдился того, что у него сын-полукровка, да?

– Ну, вообще-то он всегда считал себя воплощением истинного английского джентльмена и ужасно этим гордился. К тому же везде и всюду создавал себе репутацию безупречного семьянина.

– Какая мерзость! – едва слышно прошептала я. Слушая такое, с трудом верится, что на дворе уже 2008 год. Но, тем не менее, и сегодня продолжают твориться такие ужасные вещи.

– Словом, Эйс был готов на все, чтобы ублажить своего отца, да? Вплоть до того, чтобы начать торговать фальшивыми ценными бумагами?

– С момента прихода Ананда в банк стало ясно, что он талантлив, очень талантлив. Таким же был когда-то и его отец. Собственно, именно поэтому Дэвид и пригласил его к себе на работу. В течение двух лет Ананд стремительно взлетел по карьерной лестнице, став одним из самых успешных трейдеров «Бернерс-Бэнк». А на биржевых площадках, как известно, самыми важными являются только три слова: прибыль, прибыль и еще раз прибыль. Ананд извлекал прибыль лучше, чем кто-либо другой.

– Отец гордился им?

– О да! Очень! Но потом на каком-то этапе удача вдруг отвернулась от Ананда. А он, вместо того чтобы отнестись к этому спокойно, запаниковал. Беда в том, что, даже если ты станешь убеждать себя в том, что рискнешь лишь один разок и только для того, чтобы покрыть свои убытки, у тебя ничего не получится. Эти махинации затягивают тебя в свои сети, и ты снова и снова возвращаешься к опасной игре. Биржевая лихорадка способна сделать из любого человека некое подобие наркомана. А тут еще на карту было поставлено и отношение отца к нему: Ананд постоянно жаждал внимания и похвал от Дэвида.

– Боже мой, как же все это грустно, – покачала я головой, испытывая самое настоящее сострадание к Эйсу. – Линда, как вы полагаете, Дэвид знал, во что ввязался Эйс? Ведь он же в итоге растратил целую кучу чужих денег... Много денег.

Линда снова поднялась со своего места и налила себе вторую рюмку шерри, которую тут же и осушила до дна.

– Если честно, то не могу ничего утверждать наверняка. Но одно я *знаю точно*. Дэвид должен быть сейчас рядом с ним. Ведь это же *его сын*, и он отчаянно нуждается в помощи! А потому не удивлюсь, если Дэвид все *знал*. Знал, в какую аферу ввязался Ананд. В конце концов, Дэвид же генеральный директор банка. Я почти уверена и в том, что именно он снабдил Ананда деньгами, чтобы тот на время «исчез», укрылся в Таиланде.

– Какая мерзость! – снова повторила я, тяжело вздохнув.

– О да. Мерзость! Бедный, бедный мой мальчик... Я... – Глаза Линды снова наполнились слезами. – У меня никогда не было своих детей, но честное слово, Сиси, Ананда я любила, как своего родного сына. Ведь я была рядом с ним все эти тяжелые для любого ребенка подростковые годы, зная, что у него, по сути, нет ни отца, ни матери.

– Тогда почему вы ни разу не навестили его в тюрьме?

– Потому что Дэвид запретил мне появляться там. Он строго-настрого приказал мне держаться подальше от всех этих дел.

– На тот случай, если вдруг кто-то догадается о ваших взаимоотношениях с Эйсом и Дэвидом и таким образом раскопает всю правду об их родственной связи, да?

– Да. Хотя никаких письменных подтверждений этому факту нет. Во всяком случае, в метрике Ананда имя Дэвида не упоминается.

Внезапно меня охватила злость.

– И что из того? В наши дни существуют генетические тесты. А этот ваш Дэвид... – Я замолчала на секунду в поисках более приличного слова, которым можно было бы охарактеризовать этого подонка. – Он представляется мне законченным подлецом. Именно так, подлецом! Ведь сейчас Эйсу как никогда нужны и поддержка, и помощь. А он остался в полном одиночестве. Можно сказать, его бросили на произвол судьбы. Дескать, выпутывайся сам, как знаешь.

– Вы абсолютно правы насчет Дэвида, – мрачно обронила Линда. – Мне понадобилось целых тридцать лет, чтобы с моих глаз наконец упала завеса. Конечно, когда я только-только пришла в банк и начинала работать там молоденькой машинисткой, я его обожала, а потом, со временем, он сделал меня своей секретаршей. Помню, это был самый счастливый день в моей жизни. Я отдала ему всю себя, сполна. В любое время дня и ночи, где бы я ни была и чем бы ни занималась, я бросала все и мчалась туда, где нужно было что-то срочно разгрести, что-то упорядочить в его жизни. Да и не только в его жизни... А сколько проблем было с его женой! Капризная, взбалмошная особа, умеющая только приказывать. А его два сына абсолютно испорченные молодые люди, не проработавшие ни одного дня за всю свою жизнь. Да, я его любила, это правда, – призналась Линда. – Такая вот банальная донельзя ситуация: секретарша, влюбленная в своего босса. А сейчас он отшвырнул меня прочь за ненадобностью. Точно так же, как и Ананда. Он даже не снизошел до того, чтобы лично сообщить мне об увольнении после того, как банк купил какой-то япошка за один фунт стерлингов. Представляете? Меня попросту отправили в отдел кадров вместе с остальными уволенными работниками.

Попался бы мне сейчас этот мерзавец на глаза, подумала я, кипя от негодования. Задушила бы гада собственными руками.

– Наверное, испугался, что вы слишком много знаете, – сказала я вслух.

– Да, я для него была как бельмо на глазу. Вечный укор и вечное напоминание о том, кем он является на самом деле. Но ведь он же

отец Ананда, Сиси. Он должен был, обязан был помочь ему. И он сам прекрасно понимает это.

– А вы когда-нибудь думали над тем, чтобы выплеснуть всю эту правду на страницы газет?

– Конечно думала! Все время думала об этом. О, *как я мечтала* увидеть физиономию Дэвида, если бы у меня хватило смелости пойти на такой шаг! – Она издала короткий смешок и снова приложила к рюмке с шерри.

– Ну и?

– Но я... *я не могу*, понимаете? Я вообще по натуре не мстительный человек. Да и какой прок был бы в итоге от этой моей злой выходки? Ну, публичное унижение Дэвида, и все. А для Ананда никакой пользы.

– Сорвать маску с подлеца и показать всем его истинное лицо – это тоже многое значит, – не согласилась я с Линдой.

– Нет, Сиси. Постарайтесь понять меня правильно. Единственное, что у меня осталось, это моя добропорядочность. И я не позволю этому подонку марать мою репутацию.

– Но что же Эйс? – снова повернула я разговор в нужное русло. – По вашим словам выходит, что все свои аферы он проворачивал по собственной воле. Однако, когда дело дойдет до судебного разбирательства, хорошо бы, чтобы в суде появился человек, который объяснит присяжным, *почему так случилось*. Вдруг это облегчит хоть как-то участь Эйса? Вот, к примеру, вы. Вы же знаете его с детских лет, вы работали вместе с ним в банке. Почему бы вам не выступить в качестве свидетеля, которого вызывают в суд для дачи показаний о моральном облике подсудимого? Я и сама хочу выступить таким свидетелем!

– Это очень великодушно с вашей стороны, милая. Но у меня проблема в другом. Дело в том, что выходное пособие, которое мне назначили после увольнения из банка, напрямую зависит от того, стану ли я держать язык за зубами. Мне ведь пришлось подписать бумаги с рядом условий. Одно из них гласит, что я никогда и ни при каких условиях не вступлю в контакт с представителями прессы и с адвокатом, который защищает Ананда.

– Но ведь это же откровенный шантаж, Линда! – взвизгнула я.

– Конечно, шантаж. Я и сама отлично это понимаю. Но разве у меня есть выбор? Ведь то выходное пособие, которое они мне назначили, это единственные деньги, которыми я располагаю на жизнь, пока не выйду на пенсию уже в установленном порядке, по возрасту. Что случится только через семь лет.

– Но разве нельзя найти какую-нибудь другую работу? Я хочу сказать, ведь вы же высококвалифицированный пресс-секретарь с огромным опытом работы.

– Ах, Сиси! Милая вы моя... Мне уже сорок восемь. А боссам подавай молоденьких секретарш. Кому нужны такие пожилые матроны вроде меня?

– А не можете ли вы... Скажем, тоже как-то запугать Дэвида? Вы же столько лет работали с ним бок о бок. Наверняка у вас есть кое-какой компромат на него.

– Конечно есть. Я бы могла много о чем порассказать газетам. В частности, о его бесконечных любовных похождениях. Я ведь всегда выступала при нем в качестве ширмы, на тот случай, если вдруг в банк звонила его супруга. А его главное чудачество... Он же всегда хотел иметь только все самое лучшее, самое-самое... Знаете ли вы, что даже в тот самый злополучный день, когда его драгоценный банк покупали за один фунт, он отправил меня в ювелирный квартал Хаттон Гарден, чтобы забрать там какую-то сверхдрагоценную жемчужину, за которой он охотился долгие годы. Наконец он выследил ее, и ему отправили вожделенный груз специальным частным самолетом. Я поехала на встречу с посредником в черном лимузине, имея при себе миллион фунтов наличными. А когда я вернулась в банк вместе с этой жемчужиной, Дэвид радовался, как ребенок, получивший рождественский подарок. Я лишь молча наблюдала за тем, как он открыл коробочку и извлек из нее жемчужину. Потом поднес ее к свету и стал любоваться своим сокровищем. Да, не скрою, красивая вещь. Огромная такая жемчужина нежно-розового цвета. Дэвид смотрел на нее с такой неподдельной страстью в глазах. Кажется, он влюбился в эту жемчужину. Во всяком случае, не припомню, чтобы с таким же обожанием он смотрел на кого-то из живых людей.

Я нервно сглотнула слюну и испуганно посмотрела на Линду. Не может быть! Или все же может? Такое невероятное совпадение...

– А вы, случайно, не знаете, откуда эта жемчужина?

– По-моему, из Австралии. Она долгие годы считалась безвозвратно утерянной.

– А она... Дэвид случайно не назвал ее имя? Наверняка же у нее есть имя, раз она такая уникальная.

– Да. Он сказал, что это жемчужина Розит. Но почему вы спрашиваете?

«*Духи отыщут жадных людей и уничтожат их...*»

– Да так, просто из любопытства. – Меня распирало желание истерично расхохотаться прямо ей в лицо. Однако Линда едва ли правильно поняла бы мою неожиданную реакцию, а потому я сдержалась. – Что ж, мне пора. Хочу дать вам номер своего телефона, чтобы мы и впредь оставались с вами на связи. Вы не против?

– О, конечно. Буду рада.

Мы обменялись номерами телефонов, и я заторопилась на выход. Иначе еще немного, и я взорвусь

– Приятно было поговорить с человеком, который все понимает правильно. И кого судьба Ананда волнует так же, как и меня, – проговорила Линда, уже стоя у двери, и ласково погладила меня по руке. – Спасибо, что навестили меня.

– Пожалуйста, Линда, прошу вас... Если вы не можете присутствовать в суде и выступить там в его защиту, хотя бы навестите Эйса в тюрьме. Вы нужны ему. Вы ведь для него... вторая мать.

– Да, вы правы. Я обязательно подумаю над тем, как это сделать. Спасибо вам, дорогая. И всего доброго.

Очутившись на улице, я быстро пробежала по улице, свернула в какой-то переулок, пока не нашла небольшой скверик. Села на скамейку и разразилась неподобающе громким смехом. Просто уже не в силах более сдерживаться. Конечно же, это *та самая проклятая* жемчужина Розит. Именно ее купил папаша Эйса. Вот уж воистину вещь наконец нашла своего хозяина, прибыла точно по адресу. И по заслугам ему!

Не то чтобы я желала ему смерти... О нет! Ну если только чуть-чуть... Самую малость, так сказать.

Я зябко поежилась на холоде, достала из кармана мобильник и вызвала такси. Когда подъехала машина, я залезла в салон и попросила шофера отвезти меня в Скрабс, чтобы записаться там на очередное свидание с Эйсом.

Домой я приехала, заметно успокоившись. Кажется, ситуация вокруг Эйса более или менее прояснилась. У меня вдруг возникло такое чувство, точнее даже уверенность в том, что отныне дело взяли в свои руки наши прародители. И соответственно, судьба Дэвида Раттера уже решена.

Я приехала в Хитроу встречать Ма. Она появилась из зала прибытия, как всегда, воплощением элегантности и шика. И это несмотря на долгий перелет.

– Шерри! Прекрасно выглядишь! – воскликнула Ма, целуя меня в обе щеки.

– Спасибо. Я и на самом деле чувствую себя хорошо, – призналась я, беря ее под руку. Мы сели в такси и помчались в Баттерси. Наконец зашли в мою квартиру.

– *Mon Dieu!* Красотища! – восхищенно воскликнула Ма, остановившись посреди гостиной, и обвела руками просторное помещение вокруг себя.

– Хорошая квартира, правда?

– Великолепная! Но Стар сказала мне, что ты собираешься продавать ее.

– Уже передумала. Риелтор сообщил мне, что цены на недвижимость в Лондоне покатались вниз. Короче, я едва ли смогу продать ее за ту же цену, за какую купила. А поэтому я пока решила сдать квартиру в аренду. Сегодня мне уже позвонили из агентства. Риелтор подыскал мне жильцов. Так что все хорошо. Давай сюда свое пальто.

– Спасибо. – Ма сняла пальто и вручила его мне. Потом присела на диван и разгладила свою твидовую юбку. Выглядит сногшибательно, как всегда, подумала я, и по-прежнему такая же домашняя, такая своя.

– Чашечку чая? – предложила я.

– С удовольствием. Я ведь в самолете всегда отказываюсь и от еды, и от напитков.

– Очень даже хорошо тебя понимаю, – бросила я в ответ и побежала включать чайник. – Но, пожалуй, если бы я совсем не ела во время перелета до Австралии и обратно, то наверняка уморила бы себя голодом.

– А я вот до сих пор поверить не могу, что ты самостоятельно совершила все эти путешествия. Ведь я же знаю, как ты ненавидишь летать самолетом. Горжусь тобой, шерри.

– Что ж, рано или поздно в жизни наступает такой момент, когда надо побороть собственные страхи. Разве не так?

– Именно так. И ты, надо сказать, добилась на этом пути поразительных успехов.

– Стараюсь, – поскромничала я, ставя на журнальный столик перед Ма чашку с ее любимым чаем «дарджилинг». После чего присела на диван, примостившись рядом с Ма. – Как же я рада видеть тебя. Спасибо, что приехала, Ма.

– Ну, если бы даже Стар и не пригласила меня заранее в Лондон, я все равно не позволила бы тебе улететь в Австралию, не повидавшись со мной. А потому я искренне рада, что прилетела в Лондон. И знаешь, уехать из Атлантики на несколько дней – это тоже неплохо. Итак, – она отхлебнула из своей чашки, – рассказывай мне все.

– О, мне есть что тебе рассказать. Много чего. Даже не знаю, с чего начать.

– А ты начинай с самого начала. Времени у нас предостаточно.

Так я и сделала. Правда, поначалу немного смущалась и путалась, потому что до меня вдруг дошло, что раньше я никогда не беседовала с Ма наедине. Всегда рядом со мной была Стар. Что ж, вот и еще одно преодоление себя. Ведь сегодня я вполне самостоятельная личность, а значит, мне по силам сделать и этот шаг. К тому же Ма оказалась просто идеальным слушателем. Как говорится, о лучшем и мечтать не приходится. В самых драматичных местах своего рассказа я чувствовала, как она ласково сжимает мою руку. К счастью, таких эпизодов оказалось не так уж и много.

– Да, моя девочка! – взволнованно воскликнула Ма, когда я ввела ее в курс событий всех последних недель. – Ты действительно совершила просто фантастическое путешествие. И я бы очень хотела познакомиться с твоим дедушкой.

– О да, он своеобразный человек, это правда. – Я немного помолчала, подыскивая такие слова, чтобы они максимально полно отражали мои переживания. – Знаешь, Ма... Все, что в последние месяцы случилось с Майей, Алли, Стар... Со мной, наконец... Все это заставило меня сильно задуматься.

– О чем же?

– Например, о том, каково это – быть отцом или матерью. И всегда ли только кровь решает все дело.

– И к какому же выводу ты пришла, шерри?

– Замечательно, *великолепно*, что у меня сейчас есть дедушка. Но он стал лишь еще одним членом большой семьи, которая у меня была и раньше. Мне нет нужды, да я и не хочу менять тебя или Па Солта на кого-то другого. Вот возьми, к примеру, моего приятеля Эйса, который сейчас в тюрьме. Его родная мать, которую он очень любил, умерла в Таиланде. Но рядом с ним, по воле случая, появилась другая женщина, которая заменила ему родную мать. Она его вырастила так же любовно, как ты растила всех нас, Ма.

– Спасибо, шерри, за добрые слова. Я действительно старалась изо всех сил.

– Ма. – На сей раз я сама взяла *ее за руку*. – А тебе не больно было наблюдать за тем, как мы разбрелись по свету в поисках своих настоящих корней? Ведь ты вынянчила каждую из нас с пеленок.

– Знаешь, Сиси, а ты ведь единственная из всех сестер, кто спросил меня об этом. Спасибо за твой вопрос, шерри. Да, в какой-то степени ты права. Я действительно наблюдала за тем, как вы взрослеете, с вашего младенчества. Очень гордилась тем доверием, которое выказал мне ваш отец. Любому родителю трудно видеть, как его ребенок оперяется и покидает в конце концов родительское гнездо. Обзаводится своей семьей, новой семьей, то ли из прошлого, то ли из настоящего. Но вот мы сейчас сидим с тобой вместе на диване, беседуем, и я рада была услышать, что ты хотела увидеться со мной. И поверь, мне этого достаточно. Более чем!

– Ты же знаешь, Ма, для меня всегда счастье видеться с тобой. Ты для меня... самая классная, самая лучшая.

Мы взглянули друг на друга, не зная, плакать нам или смеяться. Однако решили, что лучше все перебить смехом, и рассмеялись. А

потом мы крепко обняли друг друга, и я положила ей голову на плечо, как когда-то, когда была совсем маленькой.

Я машинально глянула на свой мобильник. Девять часов вечера. Бедная Ма! Она же умирает от голода. Я позвонила в службу доставки еды, и через какое-то время мы получили на ужин вкуснейшее тайское яство – карри из курицы с овощами.

– Итак, в среду ты улетаешь в Австралию? – спросила у меня Ма.

– Да. Послушай, Ма. – Я внезапно запнулась, а потом все же закончила: – Можно тебя кое о чем спросить?

– Конечно, можно, шерри.

– Как думаешь, папа специально выбирал себе нас всех? Или это все происходило случайно? Вот возьмем мой случай. Как так вышло, что папа оказался в Бруме как раз в тот самый момент, когда я родилась и мне нужен был дом?

Ма отложила в сторону вилку и ложку.

– Знаешь, шерри, я бы с удовольствием ответила на твой вопрос, если бы знала ответ. Но ты же знаешь, ваш отец много времени проводил в плавании, месяцами бороздил моря и океаны. Однако мне ничего не известно о том, что у него был какой-то специальный план насчет вас. Более того, появление каждого младенца в Атлантике всегда становилось для меня полнейшей неожиданностью. Особенно когда он привез тебя, Сиси. Ведь это же случилось спустя каких-то полгода после того, как в доме появилась Стар. Да. – Ма сделала глоток вина и задумчиво посмотрела куда-то вдаль. – Ты стала самым большим сюрпризом из всех.

– Неужели?

– Да, именно так! – Ма улыбнулась. – Знаешь, людям свойственно верить в то, что на все имеются планы. Может, оно и так, не стану спорить. Но если судить по собственному опыту, то скажу так: не все эти планы составляются людьми.

– То есть ты полагаешь, что судьба или некая высшая сила ведет нас по жизни, да?

– Да. Именно так я и считаю. – Ма энергично тряхнула головой. – Во всяком случае, со мной все так и случилось. – Ма потянулась за салфеткой, чтобы отереть рот, но неожиданно приложила ее к глазам. – Доброта и милосердие незнакомых людей, – прошептала она едва слышно и добавила уже громче: – Не возражаешь, если я отправлюсь

на покой? Насколько можно судить со слов Стар, завтра ожидается грандиозная вечеринка. И вообще весьма насыщенный вечер.

– Ты имеешь в виду встречу Стар со своей родней?

– И это тоже. Но вначале прощальное застолье у тебя, – напомнила Ма.

– Действительно! – спохватилась я. События последних дней настолько затянули меня в свой водоворот, что я начисто забыла – менее чем через сутки я улетаю из Англии навсегда.

– К тому же у меня впереди знакомство с Мышью, – добавила Ма. – Ты его уже видела?

– Да, один раз... Славный парень, – выдавила я из себя с некоторым усилием. – Я рада за Стар. Она счастлива, и я счастлива за нее.

Наверху я провела Ма в свободную спальню, которой никто до сих пор не пользовался. И тут мы с ней словно поменялись местами. Я на правах хозяйки показывала ей, где лежат полотенца, как пользоваться душем, а она, словно маленькая девочка, внимательно слушала меня.

– Спасибо, Сиси. Из тебя получилась отличная хозяйка. Надеюсь, в один прекрасный день ты пригласишь меня к себе в гости в Австралию.

– Конечно приглашу, Ма. В любое удобное для тебя время.

– Спокойной ночи, шерри. – Ма снова расцеловала меня в обе щеки. – Сладких тебе снов.

36

На следующее утро я снова удивила Ма. Во-первых, тем, что поднялась рано, а во-вторых, я сама накрыла завтрак, пусть и на скорую руку – круассаны и кофе. После завтрака я оставила Ма дома готовить напитки к вечернему застолью, а сама заторопилась на автобус до Уормвуд-Скрабс.

Эйс снова плюхнулся на пластиковый стул напротив меня. Он был явно раздражен.

– По-моему, я тебе ясно сказал, чтобы ты оставила меня в покое, – процедил он сквозь зубы, скрестив руки на груди, словно обороняясь от меня.

– И тебе хорошего дня, – ответила я как можно миролюбивее, не дождавшись от него приветственных слов. – Угадай, с кем я вчера встречалась?

– Только не говори мне, Сиси, что...

– Именно так! Я отыскала Линду, и мы с ней славно поболтали. Она тебя очень любит! – выпалила я на одном дыхании и перегнулась через стол поближе к Эйсу. – Она выложила мне всю правду о твоём отце. Он, между прочим, должен был помочь тебе... И вообще, он хоть знал, чем ты там занимался в своём банке? Лично я уверена, что он все прекрасно знал, а потому...

– Замолчи! Ты сама не знаешь, что сейчас несешь! – шикнул на меня Эйс, и в его глазах появилась злость. – Все гораздо сложнее, чем тебе кажется.

– Знаю. Линда рассказала мне, что Дэвид – твой отец. И какие тут сложности, на твой взгляд? Он должен, обязан быть рядом с тобой: и как твой отец, *и как твой прежний босс*. Уверена, он *был в курсе всего*, а ты сейчас его выгораживаешь. Так не честно!

Какое-то время Эйс внимательно разглядывал меня, а потом молча извлек из коробки, стоявшей на столе, бумажную салфетку и протянул ее мне. А я и не заметила, что плачу. Но наверняка охранники, наблюдающие за нами, привыкли в этой комнате для свиданий и не к таким сценам.

– Сиси, – начал Эйс примирительным тоном, – у меня здесь была уйма времени, чтобы все обдумать. Да и в Таиланде, когда мы там были с тобой, я тоже много размышлял над тем, что случилось. В конце концов я пришел к выводу, что должен ответить за все, что сотворил. Встретить, так сказать, свое наказание с открытым забралом. Именно это я сейчас и пытаюсь делать. И для меня в принципе не имеет никакого значения, знал мой отец, чем я занимался, или нет. Впрочем, как неважно и то, что он – *мой отец*. Потому что я *сам, самолучно* нажимал на клавиши компьютера, осуществляя все свои нелегальные сделки. К тому же я уже давно понял, что мой от... что Дэвид никогда не любил меня. И ему всегда было на меня наплевать. Впрочем, правды ради стоит сказать, что ему наплевать на всех и на все, кроме денег.

– Вот тут я с тобой полностью согласна, – сказала я с особым ударением в голосе.

– Все это, вместе взятое, и он, и мои делишки, заставило меня задуматься над тем, в какую пропасть я качусь. А я ведь вовсе не хочу закончить свою жизнь прожженным негодяем. В какой-то мере произошедшее стало для меня хорошим уроком. Этот опыт, приобретенный столь дорогой ценой, можно сказать, спас меня от окончательной деградации. Мой адвокат сообщил мне, что в заключении я смогу заняться подготовкой к экзаменам на получение степени. Я решил выбрать философию и теологию. Мне ведь только двадцать восемь лет. Так что у меня еще останется время в запасе и после того, как я отбуду свой срок.

– Вот это правильно! Это называется положительным отношением к жизни! – воскликнула я, только сейчас начиная понимать Эйса по-настоящему. Мое восхищение этим человеком тоже возросло многократно.

– Между прочим, Сиси, я все выяснил и насчет тебя. Ты действительно меня не предавала. Я перепроверил все еще раз и проследил, как и откуда появилась в газетах эта фотка. И точно! Это копия с фотографии, которую переслал в редакцию некий тип по имени Джей. Ты была абсолютно права. Приношу свои извинения за то, что подозревал тебя. Ведь у меня сохранилось столько светлых воспоминаний о том времени, что мы провели вместе на пляже Прананг. И я очень дорожу этими воспоминаниями.

– Я тоже, – растроганно выдохнула я. – Послушай, я улетаю в Австралию. Уже завтра. Но когда тебя выпустят из тюрьмы, пожалуйста, приезжай ко мне. Вдруг именно в Австралии тебе захочется начать все с чистого листа. Не забывай, ведь это – страна неограниченных возможностей.

– Кто знает, кто знает... Может, мне и правда захочется попробовать там свои силы. Надеюсь, мы с тобой останемся на связи. Кстати, удалось ли тебе разузнать что-нибудь новенькое о судьбе Китти Мерсер?

– И не только разузнать! – Я широко улыбнулась. – Благодаря Китти Мерсер я обрела свою настоящую семью.

– Тогда я безгранично рад за тебя, Сиси! – Впервые за долгое время лицо Эйса озарилось полноценной улыбкой, открытой и добросердечной. – Ты заслужила такой подарок судьбы как никто.

– Послушай, сейчас мне пора. Но я обязательно пришлю тебе свой австралийский адрес, как только обустроюсь на новом месте.

– Обещаешь? – Он порывисто схватил меня за руку, когда я стала подниматься из-за стола.

– Обещаю! И вот еще что, – добавила я уже шепотом. – За судьбу своего папаши можешь не переживать. У меня такое предчувствие, что он за все получит сполна. И поделом ему!

Вторую половину дня я провела, занимаясь сборами. Все, что я не буду брать с собой в Австралию, упаковала в отдельные мешки. Стар пообещала забрать все мои ценности в Хай-Уилд и сохранить их. Потом я выскочила в магазин, чтобы купить кое-какие мелочи, которых наверняка не сыщу в Алиса-Спрингс. Скажем, тушеную фасоль от фирмы «Хайнц», а также гигантскую плитку шоколада «Кэдберри» с фруктовой начинкой и орехами. Стар с матерью и Мышью должны были появиться у меня ровно в шесть. Выпьем на прощание по рюмочке, а потом они отправятся на свою вечеринку в Ист-Энд. По такому случаю я разорилась еще на три бутылки шампанского и взяла несколько бутылок пива. Надо же устроить достойные проводы и им и мне, в конце концов.

Когда я вернулась домой, увешанная свертками с покупками, и быстренько сгрузила их на пол, то увидела, что место Стар на кухне уже заняла Ма. Даже нацепила на себя ее белый фартук, аккуратно повязав его вокруг талии. Ма встретила меня на пороге. Судя по выражению ее лица, она пребывала в полном отчаянии.

– *Mon Dieu!* Здесь где-нибудь поблизости есть кондитерский магазин? Я попыталась приготовить канапе, но у меня ничего не получилось.

Она показала мне на результат своих усилий. Смотрелось довольно живописно, хотя и не совсем понятно, что и из чего. Какие-то сдобные изделия почему-то зеленого цвета, и такое впечатление, что на них сверху кто-то наступил.

– Не переживай, Ма. Я купила в магазине кукурузные чипсы и соус к ним.

– Ах, Сиси, мне так неловко! Ведь я предстала перед тобой в таком неприглядном свете. Наконец-то ты увидела, какая я на самом деле! – Ма уселась прямо на кухонный стол и закрыла лицо руками.

– И чего такого я там увидела?

– Господи боже мой! Я же француженка! И при этом совершенно не умею готовить! Все эти годы я умело маскировала отсутствие кулинарных талантов, пряталась за спиной Клавдии. Но, уж если бы кормить вас, девочек, мне пришлось самостоятельно, боюсь, я бы уморила вас голодом... Или еще, чего доброго, отравила бы своей стряпней.

– Да какое это имеет значение, Ма? Мы же все равно любим тебя, хотя ты и плохой повар. – Глядя на расстроенное лицо Ма, я с трудом удержалась, чтобы не рассмеяться. – Ты же сама нам постоянно повторяла, что у каждого человека свои достоинства и свои недостатки. Помнишь? – добавила я, пересыпая кукурузные чипсы в вазочку. А шампанское и пиво я отнесла в холодильник.

– Ты права, шерри. Абсолютно права. Мне остается лишь смириться с собственными недостатками.

– Только не переусердствуй, ладно? – Судя по всему, Ма отчаянно нуждалась в моральной поддержке, а потому я подошла к ней и крепко обняла.

– Ах, Сиси! Знаешь, я тут недавно подумала, что из всех моих девочек больше всего я горжусь тобой. – Она ласково взъерошила мои волосы.

– Почему?

– Потому что ты знаешь, как оставаться собой. Пожалуй, я сейчас поднимусь наверх, чтобы переодеться к предстоящей вечеринке.

Наши гости появились на пороге сразу же после шести. Сильвия, мать Стар, оказалась точной копией самой Стар, только постарше. И одета в более дорогие шмотки. Очень милая женщина. Прежде чем обняться, она тут же сообщила мне, что ей рассказали кучу хорошего о моей персоне.

– Спасибо, что заботилась о Стар, когда меня не было рядом с ней, – прошептала Сильвия мне на ухо.

Что моментально расположило меня к ней. Я рада, что у Стар появился еще один близкий человек, который любит ее так же сильно и беззаветно, как люблю ее я.

Мышь, как всегда, был в своем репертуаре: угрюмый и неприветливый. Честное слово, если бы мне нужно было проводить кинопробы на роль мистера Дарси, героя из любимого романа Стар «Гордость и предубеждение» Джейн Остин, который она постоянно читает и перечитывает, то о лучшей кандидатуре и мечтать не надо. Идеальный получился бы мистер Дарси. Однако Мышь красив, и с этим не поспоришь. Но весь из себя надменный и чопорный. Впрочем, как и большинство английских аристократов, с которыми мне доводилось сталкиваться ранее. Но тут я вовремя вспомнила, что и в моих жилах течет капля крови шотландских аристократов, и сразу же приободрилась, почувствовав себя на одной доске с Мышью.

Я с интересом наблюдала за тем, как Сильвия подошла к Ма. Вот бы узнать, что в этот момент почувствовала Ма. А потом я закрыла глаза и представила, как работает человеческое сердце. Мое сердце, к примеру. И как оно расширяется, вмещая в себя все новых и новых людей. Всех, кого я полюбила за последнее время. Получается, что сердце у человека безразмерное. Оно может вмещать в себя бесконечное количество дорогих тебе людей. И чем их там больше, тем здоровее ты себя чувствуешь. Ты счастлива, и сердце твое бьется ровно. И снова у меня стало покалывать в кончиках пальцев. Что ж, сейчас я точно знаю, чему будет посвящено мое следующее полотно.

Я подошла ближе к Ма, и та подала мне бокал с шампанским. Все сгрудились вокруг и выжидательно уставились на меня.

Я с глуповатым видом откашлялась, все еще витая мыслями в своих фантазиях.

Ма тотчас же пришла мне на помощь.

– Хочу повторить еще раз, Сиси. Я горжусь тобой. И восхищаюсь результатами твоего путешествия. Шерри, ты талантливая и храбрая девочка, и у тебя доброе и верное сердце. Надеюсь, в Австралии ты найдешь все, что искала в своей жизни. Мы все будем скучать по тебе, родная моя, но мы понимаем: наша маленькая голубка должна взлететь. *Bon voyage!* В добрый путь!

– *Bon voyage!* – повторили все хором и чокнулись со мной.

Я слегка отступила назад, чтобы лучше разглядеть их. В сущности, случайные люди, которых свела вместе и сплела воедино любовь. И я тоже вплетена крохотной ниточкой в этот человеческий ковер с его причудливо замысловатым рисунком. И я всегда останусь частью этого узора, даже несмотря на то, что завтра улечу на другой конец света.

– С тобой все в порядке? – тронула меня за плечо Стар.

– Все нормально. – Я сглотнула комочек, подступивший к горлу. – У тебя, между прочим, прекрасная семья.

И тут же за ее спиной возник Мышь. Он тронул Стар за плечо.

– Нам пора. Иначе мы опоздаем. Прости, Сиси.

– Иду-иду! – заторопилась Стар и глянула на меня с несчастным видом. – Так ты точно не хочешь поехать вместе с нами, Си?

– За меня не переживайте, ладно? У меня тут еще масса дел. Надо убраться, упаковать все и ничего не забыть. Времени-то ведь уже в обрез.

– Мне следовало бы провести эту ночь вместе с тобой. – Стар отчаянно кусала губы, чтобы не расплакаться, пока Мышь помогал ей надеть пальто. – Ах, Си! Когда же мы с тобой увидимся снова?

Потом со мной попрощалась Сильвия, пожелала счастливого пути. Наступила очередь Ма.

– До свидания, шерри. Обещай, что будешь беречь себя. И пожалуйста, будь на связи, ладно? – Ма крепко обняла меня. Краешком глаза я увидела, как Стар, уже в пальто, снова двинулась в мою сторону. Но тотчас же была остановлена Мышью.

– Дорогая, мы опаздываем! – Он подхватил Стар под руку и уверенно повел ее к дверям. – До свидания, Сиси.

«Я люблю тебя», – жестами сообщила мне Стар, уже стоя на пороге.

«И я тебя тоже люблю», – ответила я.

Дверь закрылась за сестрой с громким стуком. Я едва сдержала слезы. В эту минуту я ненавидела Мышь всеми фибрами души. Что за человек! Даже попрощаться не дал как следует.

После ухода гостей я быстро составила тарелки и бокалы в посудомоечную машину, довольная тем, что есть чем заняться. Потом пошла в свою студию, разобрала инсталляцию, над которой корпела

столько месяцев, и по частям снесла ее вниз, в мусорные контейнеры на улице.

– Ты тоже отправляешься в мусорку, – сказала я, обращаясь к мистеру Гаю Фоксу, и, сунув его в контейнер, плотно захлопнула крышку. Уже наверху в последний раз полила цветы Стар. Прощаясь, Стар вручила мне комплект своих ключей от квартиры и попросила лишь об одном. Чтобы я строго-настрого наказала своим новым жильцам ухаживать за ее «ребятишками», как она любовно называла свои цветы.

– А ведь это и в самом деле конец эры, – пробормотала я, пройдясь еще раз по безмолвной квартире. И эта тишина, царящая в доме, лишней раз подсказала мне, почему и зачем я сбегала в Австралию. Не хочу одиночества! Набросив на себя куртку, я вышла на террасу, несмотря на то что на улице было очень холодно. Почему-то я вдруг вспомнила Линду, подумала о том, что ведь, по сути, у нее никогда не было своей жизни. Она потратила годы и годы на человека, которого любила, но которому было на нее наплевать. Который никогда не любил ее. В эту минуту я немного приободрилась. Как-никак, а я, в отличие от Линды, лечу туда, где меня ждут те, кто меня *действительно любит*. Какой окажется эта любовь в будущем, как все сложится... Пока я еще ни в чем не уверена полностью. Но, в конце концов, мне самой писать свою дальнейшую биографию. Точнее, рисовать...

Я глянула на звездное небо и с трудом разыскала крохотное туманное созвездие Плеяды. «А ведь насколько ярче горят Семь сестер на ночном небе над Алиса-Спрингс», – подумала я.

Алиса-Спрингс – мой новый дом.

На следующее утро такси прибыло за мной ровно в пять. На улице было еще совсем темно. Вообще-то я почти не спала. Сознательно не стала укладываться в кровать, решив, что лучше отосплюсь в самолете во время долгого перелета. Такси уже отъехало от дома, когда запищал мой мобильник, уведомляя о поступлении эсэмэски.

Сиси, это Линда Поттер. Я много думала и все же решила навестить Ананда. Вы правы, ему нужна моя помощь, и я сделаю все, чтобы помочь ему. Благослови Вас Господь. Счастливого пути в Австралию.

Я почувствовала одновременно и облегчение, и гордость. Все же мне удалось переубедить Линду. *Мне!* С моим скудным словарным запасом... И все равно все получилось.

Уже в Хитроу я снова перепроверила все свои три багажные сумки и направилась к стойке контроля, попутно размышляя над тем, запомню ли я этот, в сущности, судьбоносный момент своей жизни. Как-никак, а впереди меня ждет совершенно другая жизнь. Впрочем, я почему-то никогда не запоминаю ничего глобального. Всегда в памяти остаются какие-то мелочи, словно случайные стоп-кадры, вклеенные в мой фотоальбом, тот, что у меня в голове, по воле причудливой судьбы.

Я сунула руку в карман своего рюкзака, чтобы достать оттуда посадочный талон и билет, и рука моя сама собой нащупала плотный конверт, в котором когда-то лежали подсказки, побуждающие меня к началу поисков.

– Боже мой! – невольно вздохнула я, протягивая посадочный талон женщине на контроле. Это все равно что вернуться на два месяца назад, в прошлое.

Женщина с сонным выражением лица, что и не удивительно, потому что еще не было даже семи утра, молча кивнула мне, пропуская вперед. Я уже приготовилась идти, но в эту минуту услышала у себя за спиной знакомый голос.

– Сиси! Подожди!

Я решила, что мне это мерещится. Я ведь и сама не спала всю ночь.

– Келено Деплеси! *Arrete!* Остановись!

Я повернулась и увидела Стар.

– Слава богу, успела! Си! – Она подбежала ко мне, тяжело дыша. – А я уже подумала, что опоздала. Почему ты не отвечала на звонки?

– Я отключила свой мобильник, когда вышла из такси, – объяснила я. – Но ты что здесь делаешь?

– Мы же вчера с тобой даже толком не попрощались. А я не могу отпустить тебя, не обняв как положено и не сказав еще раз, как я буду

скучать по тебе. А еще, – она вытерла нос рукавом пальто, – хочу поблагодарить в сотый, наверное, раз за все, что ты сделала для меня.

Она обхватила меня и прижала к себе с такой силой, словно не хотела отпускать. Еще никогда мы не сплетались с сестрой в таком тесном объятии. Какое-то время мы стояли молча, а потом я слегка отстранилась, понимая, что мне надо уходить. Иначе я останусь здесь навсегда.

– Я пошла, – проговорила я срывающимся голосом, не в силах скрыть своих чувств. – Спасибо, что пришла проводить меня.

– Я всегда буду рядом с тобой, моя дорогая Си.

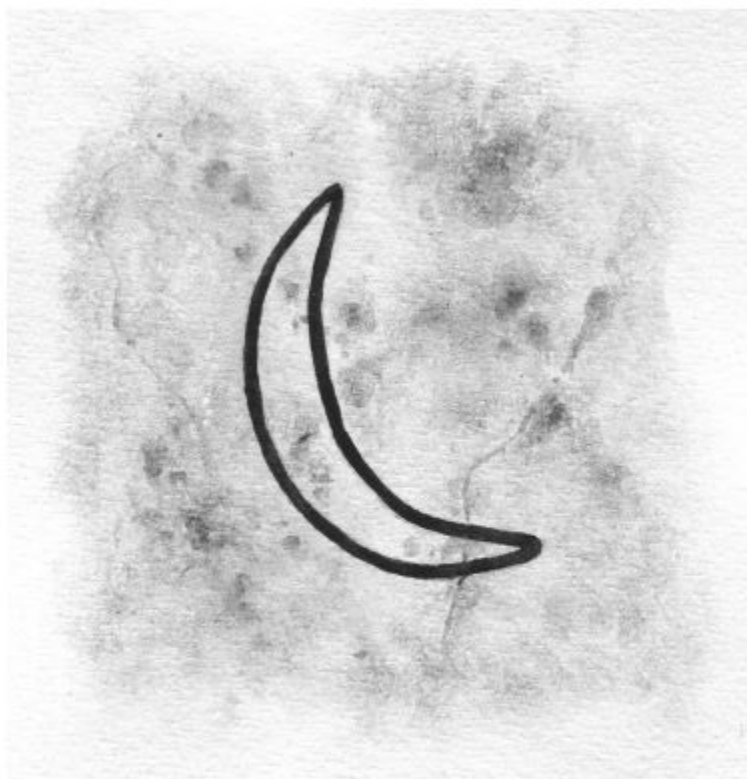
– И я тоже. До свидания, Сия.

– Пока. И будь на связи, ладно? А еще обещай, что в июне прилетишь в Атлантис на годовщину смерти папы.

– Обязательно прилечу.

Я послала Стар воздушный поцелуй и двинулась вперед, навстречу своему будущему.

Высокогорная Шотландия
Июнь 2008 года

Древний символ аборигенов, обозначающий луну

– Ты уверена, что тебе надо снова тащиться туда? Это что, обязательно? – спросил у меня Кэл, внимательно разглядывая ласковое, безоблачно-голубое небо через окно нашего домика. – Судя по всему, надвигается буран или сильная снежная пурга, – добавил Кэл.

Между тем солнце рассыпалось мириадами сверкающих искорок, переливающихся всеми цветами радуги на снегу, уже укутавшем

плотным слоем всю землю. Прямо не пейзаж, а самая настоящая рождественская открытка.

– Пойду! Нельзя же не воспользоваться таким удобным случаем. Ты же понимаешь, Кэл. Нельзя. Другого ведь может и не представиться.

– Пожалуй, сегодня вечером и Снежного человека будет не просто выгнать из его укрытия, – обронил Кэл негромко, словно разговаривая с собой.

– Но ты же сам обещал, что мы продолжим наблюдение, – взмолилась я в ответ. – Послушай, я возьму с собой радиопередатчик и буду постоянно на связи с тобой, если вдруг возникнут какие-то осложнения.

– Неужели ты думаешь, Тиг, что я позволю такой хрупкой девушке, как ты, отправиться куда-то одной, да еще в пургу, да еще зная о том, что потенциальный браконьер с ружьем шляется по территории поместья? – недовольно буркнул в ответ Кэл. – Не говори ерунды! – На его грубоватом лице отразилось явное раздражение. Но все же он уступил. – Хорошо! Будь по-твоему! Но имей в виду, только на пару часов и ни минутой больше. После чего я лично отволоку тебя домой, даже если для этого придется тащить за волосы. И вообще, я не собираюсь нести ответственность за то, что ты опять схлопочешь переохлаждение организма. Ясно?

– Спасибо, Кэл, – выдохнула я с облегчением в голосе. – Но я знаю, Пегасу угрожает опасность. Я просто... нутром чувствую это.

Снег валил густой пеленой, засыпая все вокруг. Мы спрятались в землянке-блиндаже, но брезентовая крыша, натянутая сверху, уже успела просесть под тяжестью снега. Я даже забеспокоилась, что она не выдержит, в любой момент рухнет и погребет нас заживо под толстым слоем снега.

– Все, Тиг. Уходим, – скомандовал Кэл. – Я уже весь заиндевел изнутри. А еще нужно как-то добраться домой. Снегопад немного ослаб, и мы должны воспользоваться этой передышкой и поторопиться в обратный путь. Пока еще есть возможность...

Кэл отхлебнул из фляжки глоток тепловатого кофе и протянул фляжку мне:

– Допивай. А я пока смету снег с ветрового стекла и включу обогрев.

– Хорошо, – согласилась я, понимая, что спорить бесполезно.

Мы просидели в нашей землянке добрых два часа и за все это время ничего не увидели. Только снег, валивший с неба и засыпающий землю вокруг. Кэл вышел наружу и направился к нашему «Лендроверу», который мы припарковали возле каменного разлома в долине, простиравшейся внизу. Я глазела на него сквозь крохотное окошко, потягивая из фляги свой кофе. Потом погасила фонарь-«молнию» и тоже выбралась наружу. Собственно, фонарь уже был не нужен. Небо снова стало чистым и расцветилось мириадами ярких звезд, мерцающих сверху. Особенно отчетливо просматривался Млечный Путь. Луна, все еще прибывающая, наверное, полнолуние наступит через пару дней, тоже освещала своим холодным светом бескрайние белоснежные равнины, растелившиеся вокруг.

Тишина, накрывшая нас, как это часто бывает сразу же после снегопада, была поистине всеобъемлющей. И такой же глубокой, как и сверкающий снег, ступая по которому я проваливалась почти до колен.

«Пегас».

Я окликнула его мысленно, пристально вглядываясь вдаль, скользя взглядом по березняку, которым окружено со всех сторон наше укрытие. Пегас – это великолепный олень-самец, белоснежный, крупный. Я впервые увидела его, когда отправилась вместе с Кэлом пересчитывать оленей, обитающих на территории поместья. Он пасся в стаде среди других оленей, только рыжих, и поначалу я решила, что олень просто еще не успел отряхнуть снег со своего туловища. Я позвала Кэла, чтобы показать ему удивительного оленя, но, пока он отозвался на мой зов, пока прилаживал бинокль и наводил резкость, стадо уже успело умчаться прочь, скрылось среди гор, увлекая за собой и мистического по своей красоте собрата. Белоснежные олени – это ведь такая редкость. Можно сказать, неслыханная редкость.

Естественно, Кэл не поверил мне.

– Тиг, белые олени – это такой же миф, как сказки про золотое руно. Все его ищут, твоего белого оленя, но я прожил в этих местах, можно сказать, всю свою жизнь и ничего подобного ни разу не видел. –

Он самодовольно рассмеялся, а потом снова залез в «Лендровер», и мы поехали дальше.

Однако сама я была абсолютно уверена в том, что *видела* белого оленя. На следующий день я вместе с Кэлом снова вернулась в ту рощицу, где увидела накануне красавца-оленя. А потом стала бывать там постоянно.

Наконец мое терпение было вознаграждено. Помню, я пристроилась за кустом в зарослях утесника и навела резкость своего бинокля, разглядывая березы, теснившиеся впереди. И вдруг я увидела его! Олень вышел из стада и замер слева от меня, пожалуй, в каких-то десяти шагах, не более.

– Пегас! – выдохнула я шепотом, замирая от восторга. Это имя сорвалось с моих уст само собой, словно я всегда знала, как зовут оленя. Кажется, он тоже знал свое имя, потому что вдруг приподнял голову и посмотрел на меня. Так мы и разглядывали друг друга какое-то время, наверное, секунд пять, не более. А потом я услышала за спиной громкий возглас. Это подошедший Кэл не сумел скрыть своего изумления при виде того, что мои «детские фантазии» все же оказались явью.

То было началом моего любовного романа с Пегасом. Нас связала с ним сильная, немного таинственная и неразрывная связь. Я поднималась на рассвете, зная, что в это время олени укрываются в низине, спасаясь там от пронизывающих ветров. Садилась в «Лендровер» и мчалась к рощице, по которой разбредались олени. Деревья хоть как-то защищали их от холода. И в считанные минуты передо мной возникал Пегас. Такое впечатление, будто он уже заранее знал о том, что я приду на встречу с ним. С тех пор при каждой нашей новой встрече он приближался ко мне на один шаг, а я уже в ответ тоже делала шаг в его сторону. Я чувствовала, что олень постепенно начал доверять мне, и по ночам мечтала о том счастливом мгновении, когда он позволит мне прикоснуться к его бархатистой, серебристо-белой шее и погладить ее. Но...

В заповеднике, на моем прежнем месте работы, мои природные навыки и умения ладить с осиротевшим молодняком или израненными оленями, которых надо было выхаживать, чтобы они окрепли и вернулись к своей обычной жизни, считались большим плюсом. Здесь же, в Киннаирде, дикие животные обитали на воле, существовали, так

сказать, в своем обычном природном окружении: целых двадцать три тысячи акров невозделанной земли, куда практически не ступает нога человека. Разве те немногие специалисты из службы охраны дикой природы, которые контролируют естественный прирост и убыль в ходе планомерной отбраковки оленей-самцов и самок.

Впрочем, с началом охотничьего сезона сюда всегда подтягиваются всякие богатенькие бизнесмены. Устраивают тут корпоративные увеселительные прогулки, платят сумасшедшие деньги за свою нездоровую агрессию и желание убивать живое. А потом похваляются первым приобретенным опытом, возвращаясь домой с почетным трофеем – головой убитого ими оленя, которая торжественно вывешивается на одной из стен дома.

– Здесь же больше не осталось естественных хищников, Тиг, – заметил как-то в разговоре со мной Кэл, смотритель заповедника, грубоватый малый с ярко выраженным шотландским акцентом, от которого немного режет слух. Но Кэл искренне влюблен в дикую природу и делает все возможное, чтобы защитить ее. Именно он из всех сил утешал меня и приводил в чувство, когда я в первый раз зашла в кладовку и обнаружила там целых четыре туши только что освежеванных самок оленей, подвешенных за копыта. – Хищники исчезли, а потому нам, людям, приходится брать их обязанности на себя. Ничего не поделаешь. Таков порядок вещей в природе. Ты же понимаешь, мы обязаны держать под контролем общую численность поголовья оленей.

Конечно, я все *понимала*. Однако же так и не смогла смириться до конца с тем, как пуля, выпущенная человеком, калечит дикое животное, а то и вовсе убивает его.

– Конечно, твой Пегас – это особая статья. Он – слишком редкое и красивое животное. Обещаю – пока я стою на посту и охраняю этот заповедник, никто не посмеет пальцем прикоснуться к твоему любимцу.

Ума не приложу, каким образом информация о существовании в нашем поместье белого оленя просочилась в прессу, но только буквально через несколько дней после появления первой публикации в имение Киннаирд пожаловал журналист из местной газеты. Проложил, так сказать, предательскую тропу к нашим дверям. Я была вне себя от гнева. Умоляла Кэла сказать журналюге, что никого Пегаса на самом

деле нет, что все это чистейший вымысел, мистификация, и только. Ибо отлично понимала: для любого браконьера голова белого оленя – это как валерьянка для кошек. Отличная приманка! Такой трофеей можно будет потом продать за самые большие деньги.

И потому я сейчас торчу здесь, в два часа ночи, в этой насквозь промерзшей Стране чудес. Мы с Кэлом соорудили примитивное укрытие, нечто вроде землянки, неподалеку от березовой рощицы и все время несем там дежурство. В Шотландии нет закрытых территорий, все земли доступны для посещения. А потому трудно предугадать, какой злоумышленник может пробраться на территорию нашего парка-заповедника под покровом ночи.

Я медленно побрела в сторону деревьев, мысленно умоляя лишь об одном. Только бы увидеть своего красавца-оленя целым и невредимым, и тогда можно спокойно отправляться спать, зная, что Пегас остался в живых еще на одну ночь.

Он возник буквально из ниоткуда, можно сказать, из пустоты. Такое мистически завораживающее зрелище. Вот он задрал голову к небу и посмотрел на луну, потом повернулся ко мне и стал сосредоточенно разглядывать меня своими темно-коричневыми глазами. Потом, словно нехотя, двинулся в мою сторону. Я тоже побежала навстречу к нему.

– Мой дорогой Пегас, – прошептала я. И в ту же минуту увидела, как чья-то тень мелькнула на снегу, возникнув из-за деревьев. Тень вскинула вверх ружье.

– Нет! – раздался мой дикий вопль, пронзив ночную тишину. Чья-то фигура появилась прямо за спиной оленя. Стрелок приготовился нажать на курок. – Остановитесь! Пегас, беги!

Олень повернулся и увидел, откуда ему грозит опасность. Но вместо того чтобы умчаться прочь, спасая свою жизнь, он побежал ко мне. Прогрохотал выстрел, потом еще два. Внезапно я почувствовала резкую боль в боку. Сердце странно встрепенулось, словно от резкого удара, а потому забилося так сильно, что все вокруг меня помутилось. Колени мои обмякли, и я безвольно опустилась на снежное покрывало.

И снова наступила тишина. Я изо всех сил пыталась оставаться в сознании, но бороться с надвигающейся на меня тьмой уже не было сил, даже ради него.

Внезапно я открыла глаза и увидела над собой дорогое, до боли знакомое лицо.

– Тигги, девочка моя ненаглядная! С тобой все будет хорошо. Вот увидишь! А сейчас побудь немного со мной, ладно?

– Да, папочка, конечно, я побуду, – прошептала я в ответ, а он в это время принялся гладить мои волосы, как когда-то, когда я болела в детстве. Я снова закрыла глаза, зная, что сейчас я в полной безопасности.

Когда я снова пришла в себя, то почувствовала, что кто-то осторожно поднимает меня с земли. Я огляделась по сторонам в поисках отца, но увидела перед собой лишь перепуганное лицо Кэла, который пытался перетащить меня в более безопасное место. Тогда я повернула голову в сторону берез и увидела распростертое на снегу тело белого оленя. Вокруг были разбрызганы капли красной крови.

И я поняла, моего оленя больше нет.

От автора

Увлекательное это занятие – писать цикл романов «Семь сестер», потому что все сестры абсолютно не похожи друг на друга. Как не похожи и те путешествия, которые совершила каждая из них. И это путешествие является ярким тому подтверждением, что стало мне вполне очевидным еще тогда, когда я работала над историей Стар и только обдумывала замысел своей следующей истории, уже про Сиси. И тут я поняла, что меня снедают те же страхи и фобии, что и мою героиню. Я тоже категорически отказывалась от посещения Австралии, одного из самых больших континентов нашей планеты. И основным препятствием на пути туда был мой непреодолимый и поистине всеобъемлющий страх, переходящий в ужас, перед огромными и зачастую опасными пауками, которые в изобилии водятся на земле Австралии. Однако и мне, как Сиси и остальным ее сестрам, пришлось побороть собственные страхи. Я села на самолет и перелетела на другой конец света, а там пересекла из конца в конец всю Австралию в поисках тех деталей и подробностей, которые были мне нужны для написания романа. И вот, путешествуя по Австралии, я мало-помалу влюбилась в эту необычную страну с очень сложной и запутанной историей. Особенно мне полюбились пустынные территории аутбэка, которые сами австралийцы величают «Никогда-никогда». Эти земли раскинулись, главным образом, вокруг города Алиса-Спрингс, или просто Алиса, как зовут этот город местные жители. К своему несказанному восторгу и удовольствию, я узнала, что Алиса – это та самая волшебная башня (Верховный храм) Семи сестер, согласно мифам и преданиям о созвездии Плеяды. Благодаря своему путешествию в Австралию я смогла приобщиться к той системе верований, которой придерживались древние аборигены, заселившие суровые и пустынные земли аутбэка более пятидесяти тысяч лет тому назад. И эта система поразила меня не только своей красотой, но и чисто утилитарной практичностью. Пожалуй, именно это обстоятельство потрясло меня больше, чем что-либо другое в ходе моих многочисленных путешествий по земному шару с целью приобретения нужных мне знаний. Я впервые ощутила собственную

незначительность и даже никчемность, в сопоставлении с этой древней цивилизацией.

Я пишу беллетристику. Но, тем не менее, приступая к очередному роману, я провожу серьезные исследования, связанные с сюжетом моей будущей книги. Словом, поступаю как самый заправский историк. Потому что, признаюсь честно, история – это моя страсть. И нет особой нужды распространяться о том, как повлияла история на судьбы всех сестер, моих героинь. Ведь она же влияет и на *нас*, на тех, кто живет сегодня. Так, обе истории, связанные с гибелью парохода «Кумбана» и жемчужиной Розит, не вымышлены, а почерпнуты из соответствующих исторических документов. Лишь одна небольшая погрешность. В последний раз проклятую жемчужину видели именно на борту злополучного парохода «Кумбана», отправившегося в свое последнее плавание в порт Брум. Я же воспользовалась этой историей и немного скорректировала ее в процессе написания своего романа.

Впрочем, несмотря на то что все детали и подробности, упомянутые в книге, проверены и перепроверены трижды, все равно изучение архивных материалов и исторических документов натолкнуло меня на мысль о том, что любая интерпретация исторического события всегда субъективна. Все мы – живые люди, и каждый пишет или рассказывает так, как представляется ему. Вот почему хочу заранее предупредить читателя: любые ошибки в интерпретации тех или иных событий и фактов, о которых идет речь в романе «Сестра жемчуга», исключительно на моей совести.

Благодарность

Огромное число людей помогало мне проводить исторические изыскания в процессе работы над романом, и я безмерно благодарна каждому из них.

Так, в Аделаиде мой старый приятель и коренной житель Лондона Марк Ангус стал моим гидом, шофером и кладезем самой разнообразной информации. Особенно по части лучших австралийских вин! В городе Бруме моими помощниками стали Джей Бичард из туристической фирмы «Перл-Лаггерс-Тур», коллектив Исторического общества Брума, а также коллектив общества Явуру. В Алиса-Спрингс моя особая благодарность Филу Куку и Алли Тернер, которые сопровождали меня в ходе познавательной поездки из Брисбена в Алису. А уж поездку на машине в Хермансберг по пустынным просторам аутбэка «Никогда-никогда» я действительно никогда не забуду. В самой миссии Хермансберг особо хочу поблагодарить Адама Палмера и Лею Арчибальд из газеты «Телеграф Стейшн», а также Родни Матушка. И огромное число коренных жителей Австралии, мужчин и женщин, с которыми мы познакомились, путешествуя по стране. Многие из них даже отказывались называть свое имя, но все они помогли мне составить более полную картину того, как живут эти люди и какая у них культура.

В Таиланде хочу выразить свою особую благодарность Натти. Пока я писала ту часть романа, которая связана с историей жизни Китти, изнывая при этом от сорокапятиградусной жары на улице, да еще при сломанном кондиционере, именно ее усилиями я осталась жива. Как говорится, в добром здравии и при своем уме. А еще говорю спасибо Патрику из отеля «Рэйавади-Виллас» на пляже Прананг, который старательно охранял меня от набегов обезьян и регулярно снабжал едой и водой.

Огромную благодарность я выражаю Бену Бринсдену, который терпеливо объяснял мне все, что связано с дислексией и ее влиянием на человека, помогая правдиво описать в романе, как именно дислексия отразилась на моей героине Сиси.

Моя самая большая благодарность Оливии Райли, моему пресс-секретарю и моей неоценимой помощнице, которая исколесила вместе со мной всю Австралию. Для тебя, моя дорогая Ливи, казалось, не существовало неразрешимых проблем. Сама не знаю, что бы я без тебя делала.

Благодарю всех своих издателей по всему миру, продемонстрировавших поистине фантастическую поддержку не только мне, как автору, но и моей семитомной эпопее «Семь сестер». И так было с самого начала, хотя некоторые потом признавались мне, что в первый момент решили, что я спятила, затеявая столь рискованный проект. Хочу поблагодарить поименно: Джек и Кэтрин из «Пан Макмиллан», Великобритания; Кнут, Пип и Джорид из «Кэппелен Дэмм», Норвегия; Георг, Клавдия и весь коллектив из «Гольдман», Германия; Донателла, Антонио, Анализа, Аллесандро из «Гуинти», Италия; Марите и Уна из «Звайгзне АВС», Латвия; Юргита из «Туго Альба», Литва; Фернандо, Нана и «Бразерс» из «Аркуейро», Бразилия; Мария-Луиза, Анна и Якоб из «Росинант», Дания, и многих-многих других. Все вы стали моими друзьями. Сколько веселых, незабываемых минут мы провели вместе, когда я посещала вас. Спасибо вам, большое спасибо и еще раз спасибо за вашу помощь и доброту, за ваше заинтересованное участие в судьбе моих героинь, всех сестер, и в моей судьбе тоже.

Не могу не выразить еще одну свою восторженную благодарность Элле Мичелер, Сьюзен Мосс, Жаклин Хеслоп, Лесли Бернс и, конечно, Оливии Райли, которые известны всем как «команда Лулу». Именно они вели все наиболее важные изыскания, редактировали мои тексты и помогали справиться со всеми домашними хлопотами в течение всего этого очень непростого года. Спасибо, дорогие мои, за ваше терпение и за ваше умение решать одновременно сразу множество задач, ибо я действительно была загружена весь минувший год сверх всякой нормы. Конечно же, я благодарю Стефана, своего мужа, литературного агента, своего советчика и самого лучшего друга. Ничто из того, что я сделала, не было бы возможно без тебя.

Гарри, Белла, Леонора и Кит! Я горжусь каждым из вас. Вы заставляете меня смеяться, негодовать, злиться, замирать от счастья, но никогда не даете мне воспарить слишком высоко в небесах и всегда опускаете на землю. Я люблю вас всех!

И наконец, как всегда, я обращаюсь к своим читателям по всему земному шару: вы приняли моих героинь всем сердцем и душой, вы полюбили сестер, вы смеялись и плакали вместе с ними, как это делала и я сама, когда описывала их жизненные истории. А все потому, что все мы, как и мои героини, живые люди. Спасибо вам.

Люсинда Райли
Апрель 2017 года